

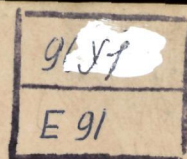
УУ1 (2)

Е9, 50

Ефименко А. Я.
История Украинско-
го народа. Вып. 1.

СПб. 1906.

ЕК
9 (3)
6-911.

Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время.

Изд. подъ ред. Н. И. Карбева и И. В. Лучицкаго.

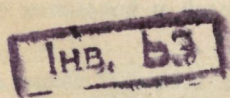
А. Я. ЕФИМЕНКО.

ИСТОРИЯ УКРАИНСКАГО НАРОДА.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

9 рисунковъ въ текстъ и 12 на отдѣльныхъ таблицахъ.

Изданіе Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ.

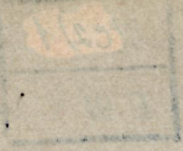
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Прачешный пер. № 6.
1906.

указ

Всего в 1898 году в Российской империи было издано 1000000 экземпляров книг и журналов.

А. Р. ЕФНЕМЕНКО.

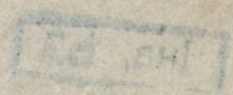
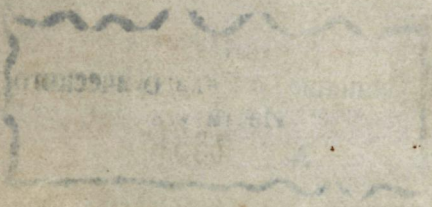
ИСТОРИЯ

УЧЕБНИКАТО НАРОДА.

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

В издательстве "Свободное слово" в 1898 году.

Издательство "Свободное слово" в 1898 году.

Всего в 1898 году в Российской империи было издано 1000000 экземпляров книг и журналов.

Отъ автора.

Происхожденіе настоящаго труда слѣдующее. Въ январѣ 1896 года „Кіевская Старина“—спеціальный журналъ, посвященный вопросамъ южно-русской исторіи—обнародовала программу научно-популярной „Исторіи Южной Руси“. Программа эта была составлена мѣстными учеными специалистами предмета и имѣла въ виду свести во-едино существеннѣйшее, что дала до сихъ поръ детальная разработка вопросовъ южно-русской исторіи, приспособивъ изложеніе къ интересамъ и потребностямъ большой публики.

Такъ какъ я уже въ теченіе нѣсколькихъ предшествовавшихъ лѣтъ занималась южно-русской исторіей—правда, главнымъ образомъ, не политической, а внутренней,—то я рѣшилась взять на себя предлагаемую задачу, сознаваемую мной за общественно-необходимую.

Указаннымъ обстоятельствомъ опредѣляется до извѣстной степени характеръ предлагаемаго труда, его формальныя рамки. Но въ этихъ формальныхъ предѣлахъ, принятыхъ мною за обязательныя, я сохранила за собой свободу группировки матеріала и его освѣщенія. Я не оставляю въ пренебреженіи фактовъ исторіи внѣшней, политической, но отвожу имъ относительно скромное мѣсто по сравненію съ фактами исторіи внутренней; по отношенію къ внутренней жизни южно-русскаго народа я менѣе останавливаюсь на описаніи отдѣльных явленій этой жизни, чѣмъ на уясненіи того социальна-историческаго процесса, которымъ обусловливаются эти явленія.

Чтобы читателю было ясно мѣсто настоящаго труда въ ряду родственныхъ ему историческихъ работъ, я останавливаю его вниманіе на нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, можетъ-быть, ему неизвѣстныхъ.

Русская исторія, какъ наука, должна складываться изъ двухъ самостоятельныхъ и параллельныхъ частей: изъ исторіи сѣверо-восточной или Московской Руси и изъ исторіи Руси южной и западной или Литовско-Польской *). Такая постановка вполне оправдывается историческими отношеніями обѣихъ половинъ: сравнительными величинами ихъ территорій и населенія, взаимной самостоятельностью ихъ культуръ и хода исторической жизни. А между тѣмъ въ русской научной литературѣ принято понимать подъ выраженіемъ „русская исторія“ лишь исторію сѣверо-восточной ея половины. Все это производитъ такую односторонность историческаго пониманія, которая граничитъ въ иныхъ случаяхъ съ фальсификаціей общественнаго самосознанія, хотя въ большинствѣ случаевъ совершенно невольной и безсознательной.

---

*) Строго говоря, лишь южная Русь жила самостоятельной политической жизнью; Русь западная—племя бѣлорусское—прекратила свое политическое существованіе съ поглощеніемъ ея Литовскимъ государствомъ.

Я не считаю возможным вдаваться здѣсь въ разсмотрѣніе причинъ такого положенія дѣла. Указываю лишь на то, что историческое изученіе судеб Руси Литовско-Польской, составляющее предметъ настоящаго труда, долго было въ полномъ забросѣ. Правда, послѣднее время замѣчается усиленное вниманіе къ изученію памятниковъ и источниковъ литовскаго періода южно-русской исторіи; появляются и цѣнныя монографіи по тѣмъ или инымъ вопросамъ этой исторіи. Но все-таки остается во всей своей силѣ фактъ, что въ современной русской литературѣ совсѣмъ нѣтъ систематическихъ трудовъ ни научнаго, ни популярнаго характера, посвященныхъ этому предмету. Лицу, заинтересованному въ томъ, чтобы составить общее понятіе объ исторіи этой половины Руси, ничего не остается, какъ обратиться къ трудамъ Бантыша-Каменскаго и Маркевича, относящимся къ тридцатымъ и сороковымъ годамъ прошлаго вѣка. Труды эти подъ названіемъ „Исторіи Малороссіи“ дѣйствительно представляютъ собою систематическое обзорѣніе предмета. Но оба эти сочиненія такъ устарѣли по своимъ приѣмамъ, такъ страдаютъ отсутствіемъ исторической критики, такъ отстали по отношенію къ своимъ источникамъ, что ихъ значеніе въ настоящее время лишь библиографическое: ни исторической наукѣ въ ближайшемъ смыслѣ этого слова, ни публикѣ они ничего не даютъ. А, между тѣмъ, „Исторія“ Бантыша-Каменскаго не далѣе какъ въ прошломъ году переиздана вновь: такъ крайне ощущается недостатокъ въ систематическомъ трудѣ *).

Отсутствіе должнаго вниманія къ исторіи южной и западной половинъ Руси отражается на положеніи нашихъ изученій родной исторіи однимъ общимъ, крупнымъ ихъ дефектомъ. Всякому образованному человѣку извѣстно, какъ рѣзко противопоставляется нашими учеными историками русская исторія западно-европейской—такъ рѣзко, что не допускается и мысли о примѣненіи къ этимъ двумъ дисциплинамъ приѣмовъ сравнительнаго изученія, историко-сравнительнаго метода; въ связи съ этимъ стоитъ, конечно, и широко распространенный до сихъ поръ взглядъ на противоположеніе Россіи Европѣ. А, между тѣмъ, изученіе Литовско-Польской Руси отняло бы у этого взгляда значительную часть его рѣзкости и остроты,—отняло бы, несомнѣнно, въ пользу какъ науки, такъ и практической философіи, заимствующей у науки свои исходныя точки. Только основательное изученіе исторіи этой другой половины Руси могло бы установить ясный взглядъ на наши истинныя національныя особенности, на наше дѣйствительное отличіе отъ Европы, коренящееся не въ однихъ лишь относительно позднихъ условіяхъ и особенностяхъ исторіи Руси сѣверо-восточной.

И еще два слова pro domo sua. Какъ въ житейской практикѣ, такъ въ литературѣ и наукѣ существуютъ нѣкоторые предрасудки, пускающіе часто глубокіе корни въ общественномъ самосознаніи. Къ числу такихъ предрасудковъ принадлежитъ недовѣріе къ безпристрастію южно-русскихъ историковъ и писателей вообще, склонность разсматривать ихъ труды подъ угломъ зрѣнія предполагаемой національной исключительности, одностороннихъ мѣстныхъ пристрастій. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ критику этихъ предрасудковъ. Скажу лишь, что авторъ настоящаго труда, посвященнаго южно-русской исторіи, какъ по своему великорусскому происхожденію, такъ и по симпатіямъ, обнаруженнымъ въ изученіи сѣверо-русскаго юридическаго фольклора **), долженъ стоять внѣ подозрѣній въ южно-русскомъ національномъ субъективизмѣ.

*) Уже послѣ того какъ были написаны эти строки, произошли событія, въ силу которыхъ украинская исторія утратила характеръ науки запрещенной, и появилась книга проф. Грушевскаго: „Очеркъ исторіи украинскаго народа“ СПб. 1904.

**) Александры Ефименко: „Изслѣдованія народной жизни. Обычное право“ М. 1884 г.

Глава первая.

До-историческая эпоха.—Народы, обитавшіе въ южной Руси въ древности.—До-историческая Русь и славяне.

I.

Есть одно древнее русское сказаніе—сказаніе о „Голубиной книгѣ“. Говорится въ немъ, что съ неба, изъ грозовой тучи, упала „Голубиная книга“, сорока сажень въ длину, двадцати въ поперечникъ. Въ книгѣ этой были отвѣты на всѣ вопросы „про наше житіе, про свято-русское, про наше житіе свѣту вольнаго“, т.-е. про жизнь человѣческую вообще и, въ частности, про нашу русскую жизнь: „Отчего у насъ начался бѣлый вольный свѣтъ? Отчего у насъ солнце красное? Отчего у насъ міръ-народъ? Отчего цари пошли, отчего князья-бояре, отчего крестьяне православные?“ и т. д.

Все это, конечно, возбуждаетъ у современнаго человѣка улыбку—и сама „Голубиная книга“, и ея дѣтски-наивные вопросы, и еще болѣе наивные отвѣты на эти вопросы...

А, между тѣмъ, „Голубиная книга“, лишь несравненно болѣе грандіозная, постоянно лежитъ передъ нами. На ея листахъ написанъ отвѣтъ на самый интересный изъ всѣхъ вопросовъ, какіе только можетъ задать себѣ человѣкъ: вопросъ о томъ, откуда пошелъ самъ онъ—человѣкъ? „Голубиная книга“ это—земля, земная кора: на ея напластованіяхъ, какъ на чудовищныхъ листахъ, былая жизнь начертала сама свою исторію, и надо только сумѣть прочесть ея ясныя, точныя, несомнѣнные показанія. Медленно, такъ сказать, по складамъ, разбираетъ наука эту трудную грамоту; но и въ томъ немногомъ, что она уже успѣла разобрать, разворачивается передъ удивленнымъ человѣчествомъ неожиданная картина его прошлаго.

Вслѣдъ за геологіей, которая прослѣдила шагъ за шагомъ весь процессъ отложенія пластовъ коры на отвердѣвшей оболочкѣ земнаго ядра, палеонтологія, разыскивая и находя въ этихъ пластахъ слѣды и остатки такъ называемыхъ

„допотопныхъ“ животныхъ, раскрыла картину развитія жизни на землѣ; наконецъ, дошло дѣло и до человѣка, которымъ занялась „до-историческая археологія“.

Существовалъ ли человѣкъ въ до-ледниковый или третичный періодъ, когда среди тропической растительности Европы уже жили млекопитающія животныя и даже человѣкоподобныя обезьяны? Вопросъ спорный: среди многихъ доказательствъ существованія третичнаго человѣка нѣтъ пока ни одного несомнѣннаго. Но вотъ Европа вступаетъ въ новую геологическую эпоху, четвертичную. Мало-по-малу, наступаетъ охлажденіе; громадныя массы снѣга и льда покрываютъ значительную часть Европы, особенно сѣверной; Балтійское, Нѣмецкое моря лежатъ подъ однимъ гигантскимъ ледянымъ покровомъ, долины и равнины средней Европы представляютъ видъ полярныхъ тундръ. Но на окраинахъ ледниковъ, въ мѣстностяхъ болѣе теплыхъ и свободныхъ отъ льда, человѣкъ въ эту эпоху уже несомнѣнно существовалъ. По мѣрѣ того, какъ климатъ Европы смягчался, и ледники отходили къ сѣверу, подвигался къ сѣверу и четвертичный человѣкъ.

Южная Россія, теперешняя Украина, находилась внѣ предѣловъ обледенѣнія. Въ толщахъ лѣсса, лежащаго подъ ея черноземомъ, найдены слѣды пребыванія того древнѣйшаго обитателя Европы, который извѣстенъ наукѣ подъ названіемъ палеолитическаго человѣка. Еще въ 1873 г. на берегу р. Удая, въ Лубенскомъ уѣздѣ Полтавской губ., обнаружена въ лѣссѣ стоянка человѣка палеолитической (древне-каменной) эпохи: много грубыхъ орудій, характеризующихъ эту эпоху, изъ кремня и кости найдено вмѣстѣ съ костями мамонтовъ и др. животныхъ, частью нетронутыми, частью обугленными. Еще болѣе древняя стоянка — одна изъ древнѣйшихъ во всей Европѣ — найдена недавно въ Кіевѣ. И въ другихъ мѣстностяхъ южной Россіи, главнымъ образомъ, въ бассейнѣ Днѣпра, также Днѣстра и Дона, открыты слѣды и остатки человѣка съ признаками, характерными для той же древнѣйшей эпохи. Всѣ эти находки сдѣланы въ лѣссѣ; слѣдовательно, первобытный человѣкъ жилъ до эпохи образованія нашего чернозема.

Очевидно, это былъ человѣкъ, очень мало похожій на насъ, людей XX вѣка, человѣкъ, стоявшій ниже всякаго современнаго дикаря. Но это былъ все-таки несомнѣнно человѣкъ: онъ умѣлъ готовить себѣ орудія, чтобы при помощи ихъ вести борьбу съ природой. Орудія эти пока еще такъ просты, что неопытный глазъ, пожалуй, и не признаетъ за орудія эти продолговатые осколки кремня съ острыми краями, отбитые отъ большого куска. Но опытный глазъ ученаго не только отличить въ такомъ осколкѣ каменное орудіе палеолитической эпохи, но укажетъ среди этихъ кремневыхъ осколковъ, такъ похожихъ одинъ на другой, нѣсколько типовъ первобытныхъ орудій: ножъ-скребокъ, наконечникъ стрѣлы или копья, молотъ, клинъ. Свѣжій кремень, еще пропитанный влажностью почвы, давалъ при отбивкѣ такія острия, рѣжущія ребра, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ такъ твердъ, что первобытный человѣкъ отдавалъ ему предпочтеніе передъ всякимъ другимъ сподручнымъ матеріаломъ. Но, не имѣя подъ рукой кремня, онъ отбивалъ свои орудія отъ каменныхъ жел-

ваковъ и иной кристаллической породы; употреблялъ, какъ орудіе, также кусокъ дерева, рогъ, кость.

Разсматривая въ какомъ-нибудь музеѣ древностей эти грубо отбитые осколки кремней, съ трудомъ вѣришь, что человѣкъ, вооруженный подобными ничтожными и жалкими орудіями, могъ успѣшно бороться съ такими колоссальными животными, какъ мамонтъ или носорогъ, исполинскій олень, лось, туръ и т. п. А, между тѣмъ, онъ несомнѣнно съ ними боролся, пользуясь этими орудіями. Кремневые наконечники его стрѣлъ пробивали толстую шкуру мамонта, какъ это ясно обнаруживаютъ находки; длиннымъ кремнемъ съ острыми ребрами—ножомъ—онъ отрѣзалъ куски отъ туши; скребкомъ—т.-е. круглымъ кремнемъ съ однимъ толстымъ краемъ, а другимъ острымъ—онъ отскребалъ мясо отъ кожи и костей; чтобы расколоть кость и достать изъ нея лакомый мозгъ, онъ употреблялъ клинъ, т.-е. большой камень, заостряющійся къ одному концу и расширяющійся къ другому; на помощь клину являлся молотъ, для котораго годился всякій большой голышъ, немножко приспособленный отбивкой къ своему назначенію. Добытое мясо человѣкъ палеолитической или мамонтовой эпохи уже ѣлъ не сырымъ, а приготовлялъ его на раскаленномъ камнѣ, такъ какъ уже зналъ огонь; изъ шкуры звѣрей приготовлялъ одежду при помощи костяного шила, которымъ прокалывалъ дырки, и жилъ, вытягиваемыхъ изъ убитаго звѣря. Вотъ и всѣ скудныя знанія и умѣнья, которыми несомнѣнно обладалъ палеолитическій человѣкъ; но какой долгій и вполнѣ неизвѣстный намъ путь долженъ онъ былъ пройти, чтобы приобрести ихъ... Впрочемъ, онъ умѣлъ еще, можетъ-быть, ловить рыбу, умѣлъ слѣпить изъ глины нѣчто въ родѣ звѣринаго или человѣческаго черепа, чтобы пользоваться имъ какъ чашей. вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ первобытный человѣкъ уже стремился украшать себя ожерельями изъ зубовъ, кусочковъ камня и т. п.; но самое главное и самое знаменательное для будущей судьбы человѣка—то, что этотъ жалкій дикарь уже обладалъ великимъ даромъ свободного творчества; на обломкахъ костей, на мамонтовыхъ бивняхъ находятъ не только изображенія отдѣльных животныхъ, но даже попытки представить связную сцену. Правда, все это похоже на рисунокъ современнаго четырехлѣтняго ребенка, но ребенка, очевидно, даровитаго, умѣющаго схватить и передать сходство.

Минули тысячелѣтія... Европейскіе ледники отодвинулись къ полюсу, задержавшись лишь своими остатками на вершинахъ высокихъ горъ. Мощные потоки, которые питались таяніемъ льдовъ, вошли въ русла и образовали рѣки. Южно-русская равнина приняла въ общемъ тотъ видъ, какой она имѣетъ теперь,—съ слабо выраженнымъ рельефомъ, обширной сѣтью многоводныхъ рѣкъ, направляющихся къ югу, полосой степей съ ихъ характерной растительностью, со всѣми чертами, такъ выдѣляющими русскую равнину отъ остальной Европы и дѣлающими изъ южной Россіи какъ бы продолженіе Азіи. Мамонты, носороги, пещерные медвѣди и др. огромные звѣри палеолитической эпохи исчезли; отъ фауны ея сохранились въ лѣсахъ лишь зубръ и туръ. Появились тѣ виды животныхъ, которые мы находимъ и въ настоящее время. Въ напластованіяхъ, лежащихъ надъ тѣми, которыя содержатъ остатки палео-

литического человѣка, научныя разслѣдованія открываютъ слѣды и остатки человѣка иной культуры, и наука называетъ его человѣкомъ эпохи неолитической (ново-каменной). Слѣды пребыванія неолитическаго человѣка обнаружены въ южной Россіи во множествѣ мѣстъ, и число находокъ все увеличивается. Находятъ не только орудія, но и мастерскія этихъ орудій, находятъ стоянки съ сорными кучами и такъ называемыми „культурными ямами“, а, главное, находятъ мѣста погребенія неолитическаго человѣка, т.-е. скелеты въ ихъ похоронной обстановкѣ. Все это позволяетъ намъ составить довольно полное понятіе о человѣкѣ этой эпохи.

Неолитическій человѣкъ также не знаетъ металловъ и продолжаетъ пользоваться, въ качествѣ матеріала для своихъ орудій, тѣмъ же кремнемъ и другими породами камня. Но взгляните на каменные орудія этой эпохи, и во многихъ случаяхъ вы просто поразитесь тонкостью, чистотой ихъ отдѣлки. Это уже въ это отдаленное время не каждый человѣкъ работалъ орудія для себя, меты, которымъ придана форма, точно соотвѣтствующая ихъ назначенію. Кромѣ тѣхъ орудій, которыми пользовался палеолитическій человѣкъ, теперь появляются еще новыя: топоръ, булава, кинжалъ, долото, шило, пила съ ихъ разновидностями. Разнообразію орудій содѣйствуетъ то, что человѣкъ уже умѣетъ сверлить камень.

Работая надъ трудной отдѣлкой камня, человѣкъ стремился сдѣлать вещь не только практически пригодную, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и изящную, удовлетворяющую его вкусу, его эстетическимъ потребностямъ. Мало того: очевидно, что уже въ это отдаленное время не каждый человѣкъ работалъ орудія для себя, а нѣкоторые люди готовили ихъ для другихъ. На это указываютъ такъ называемыя мастерскія: находятъ при раскопкахъ такія мѣста, гдѣ по массѣ осколковъ и обломковъ кремня можно заключить, что тамъ выдѣлывалось каменное орудіе въ большомъ количествѣ. Но гдѣ человѣкъ работаетъ не для удовлетворенія собственныхъ потребностей, а на другихъ, тамъ уже не только отдѣльные люди, но и человѣческое общество.

Но самая значительная черта, которую мы усматриваемъ въ остаткахъ быта неолитическаго человѣка,—та, что этотъ человѣкъ уже зналъ обрядовое погребеніе, т.-е. хоронилъ своихъ мертвецовъ по установившимся обычаямъ, въ извѣстномъ положеніи, съ извѣстной обстановкой. Несомнѣнно, онъ имѣлъ понятіе о загробной жизни, хотя и представлялъ ее лишь какъ продолженіе земной; поэтому онъ снабжалъ своего мертвеца въ могилѣ пищей, орудіями, всѣмъ, что тому было необходимо или дорого при жизни. Надъ мѣстами погребенія въ нашихъ степныхъ равнинахъ нерѣдко насыпались возвышенія, курганы; они до сихъ поръ указываютъ археологамъ, гдѣ искать этихъ погребеній. Но тамъ, гдѣ нѣтъ кургановъ, только счастливый случай можетъ обнаружить погребеніе съ драгоценными для науки подробностями его обстановки.

Если свести въ одно цѣлое все, что мы узнаемъ о бытѣ неолитическаго человѣка изъ разслѣдованія его погребеній, остатковъ его поселеній и мастерскихъ, у насъ сложится такая картина.

Человѣкъ этой эпохи, какъ и предыдущей, жилъ преимущественно охо-

той. Своими каменными копьями и стрѣлами, булавами и топорами онъ убивалъ звѣрей, которые водились тогда въ изобиліи, и водяныхъ птицъ, ютившихся массами по берегамъ тогдашнихъ многоводныхъ рѣкъ и озеръ. Изъ древесныхъ стволовъ онъ выдалбливалъ лодки и, плавая въ нихъ, ловилъ рыбу посредствомъ гарпуновъ и крючковъ, сдѣланныхъ изъ камня, кости или раковинъ; употреблялъ въ пищу также нѣкоторые виды слизняковъ. Но онъ, этотъ неолитическій человѣкъ, уже, очевидно, предусматриваетъ, что ему нельзя ограничиться хищничествомъ, что необходимо иначе пользоваться природой. Появляются домашнія животныя, прежде всего собака, при помощи которой человѣкъ уже приручаетъ быка, овцу, козу, свинью; есть даже слѣды земледѣлія въ видѣ обугленныхъ хлѣбныхъ зеренъ и каменныхъ зернодробилокъ. Изъ растительнаго волокна онъ плететъ сѣти и дѣлаетъ, при помощи нѣкоторыхъ грубыхъ приспособленій, какую-то ткань для одежды. Но съ особеннымъ предпочтеніемъ занимается онъ гончарнымъ искусствомъ.

Съ этимъ легкимъ искусствомъ, матеріалъ для котораго всюду подъ рукой, человѣкъ освоился, повидимому, очень рано, даже раньше полировки камня. Конечно, искусство это должно было пройти, какъ и все на свѣтѣ, длинный путь развитія, пока достигло той высоты, съ образцами которой мы встречаемся въ неолитическую эпоху. Но и самыя совершенныя изъ гончарныхъ произведеній неолитическаго человѣка все-таки обнаруживаютъ, что они сдѣланы отъ руки, безъ гончарнаго круга. Любопытно, что вся эта масса глиняныхъ сосудовъ разныхъ формъ, величинъ, совершенства, дошедшая до насъ, главнымъ образомъ, въ черепкахъ, непременно украшена какимъ-нибудь орнаментомъ, въ видѣ правильно-расположенныхъ ямокъ, черточекъ, полосъ, желобковъ и т. п. На самыхъ первобытныхъ сосудахъ, неправильныхъ, сдѣланныхъ изъ плохо вымѣшанной глины, едва обожженныхъ, все-таки есть орнаментъ, хотя бы въ видѣ углубленій, сдѣланныхъ ногтемъ.

Жильемъ неолитическаго человѣка, какъ и палеолитическаго, служили пещеры, гдѣ онъ былъ; во вторую эпоху человѣкъ умѣлъ выкапывать и искусственныя пещеры тамъ, гдѣ это было удобно по условіямъ мѣстности.

Такихъ пещеръ много въ нагорномъ берегу средняго Днѣпра, между устьями Припети и Тясмина. Но на нашихъ степныхъ равнинахъ необходимость должна была рано привести человѣка къ изобрѣтенію иного жилища въ видѣ какой-нибудь землянки или шалаша изъ дерева, хвороста, кожи и т. п. Сохранились слѣды такихъ жилищъ, собственно ихъ очаги съ сорными кучами и „культурными ямами“, т. е. углубленіями, наполненными пепломъ и кухонными отбросами. Слѣды жилищъ встрѣчаются то порознь, то группами, которыя указываютъ на поселенія, слѣдов., на общественную жизнь людей описываемой эпохи.

Итакъ, неолитическій человѣкъ былъ человѣкъ общественный. Онъ имѣлъ религіозныя понятія, хотя, быть-можетъ, лишь очень простыя, въ родѣ того почитанія, культа мертвыхъ, какое мы встрѣчаемъ у нѣкоторыхъ современныхъ дикарей. Онъ имѣлъ эстетическія потребности: стремился украшать себя ожерельями изъ глиняныхъ бусъ и раковинъ, кусочковъ янтаря, стремился украшать свою посуду и орудіе, имѣя ясное понятіе о симетріи.

И снова минули тысячелѣтія... Надъ тѣми напластованіями, которыя скрыли неолитическаго человѣка, археологія опять открываетъ иного человѣка съ иной культурой. Человѣкъ этотъ уже знаетъ свойства металловъ и умѣетъ пользоваться ими для выдѣлки орудій. Но желѣзо пока еще недоступно ему: оно трудно для обработки, и его надо добывать изъ руды, такъ какъ оно не встрѣчается въ самородкахъ. Человѣкъ дѣлаетъ свои орудія или изъ чистой мѣди, или—гораздо—чаще—изъ сплава мѣди съ оловомъ, т.-е. бронзы; у насъ на югѣ Россіи, въ Донецкомъ краѣ, въ Бахмутскомъ уѣздѣ, при горныхъ работахъ находятъ древнія заброшенныя штольни для добыванія мѣди и по находкамъ въ нихъ каменныхъ орудій заключаютъ о томъ, что здѣсь добывали нѣкогда мѣдь человѣкъ переходной эпохи. Но надо сказать, что археологія открыла мало слѣдовъ особаго бронзоваго вѣка въ южной Россіи *); въ большинствѣ находокъ вмѣстѣ съ бронзовыми вещами встрѣчаются и желѣзные. Изъ этого можно заключить, что металлическая культура не развилась у насъ самостоятельно, а зашла путемъ заимствованія или подражанія изъ иныхъ странъ, ушедшихъ впередъ въ культурномъ развитіи.

Такихъ передовыхъ культурныхъ пунктовъ было нѣсколько въ Азіи, въ томъ числѣ Финикія, посылавшая своихъ торговцевъ черезъ Черное море и въ наши страны, а въ Европѣ—Греція, которая была ближайшей сосѣдкой южной Россіи своими многочисленными колоніями на берегахъ Чернаго моря. Изъ колоній этихъ особенное значеніе имѣла для южно-русской территоріи Ольвія на лиманѣ р. Буга и Херсонесъ, Корсунь, около Севастополя, затѣмъ Танаисъ въ устьѣ Дона и Фанагорія, позднѣйшая Таматарха, на Таманскомъ полуостровѣ: колоніи греческія процвѣтали торговлей, главнымъ образомъ, торговлей рыбой и хлѣбомъ. „Отецъ исторіи“, Геродотъ, который въ пятомъ вѣкѣ до Рождества Христова посѣтилъ Ольвію, далъ намъ свѣдѣнія о народѣ, обитавшемъ въ его времена въ южной Россіи; такимъ образомъ, на помощь археологіи съ этихъ поръ уже приходитъ исторія. Археологи раскопали значительное число изъ тѣхъ южно-русскихъ курганныхъ насыпей, которыя относятся къ эпохѣ и народамъ, описаннымъ у Геродота. Нѣкоторые изъ этихъ кургановъ представляютъ собой грандіозныя сооруженія въ нѣсколько саженъ высоты и до полутора и болѣе саженъ въ окружности, съ внутренними камерами, корридорами, саркофагами. Обстановка погребеній въ этихъ большихъ курганахъ, называемыхъ царскими, необычайно богата и числомъ и цѣнностью предметовъ; но и въ остальныхъ курганахъ этого типа находятъ разныя вещи, относящіяся къ вооруженію, принадлежностямъ домашней обстановки, украшеніямъ какъ людскимъ, такъ и конскимъ: желѣзные мечи и бронзовые стрѣлы, бронзовые зеркала и фигурки животныхъ, бусы изъ разноцвѣтныхъ камней, янтаря и стекла, золотыя серьги, ожерелья, браслеты, перстни, разныя бляхи, удила, конскіе налобники, множество глиняной посуды. По скелетамъ видно,

*) Представляя большое развитіе почти во всей Западной Европѣ, у насъ, въ Россіи, бронзовая культура обнаруживается значительно только въ Приуральѣ и на Кавказѣ.

что погребали вмѣстѣ съ господиномъ его рабовъ, жену и лошадей. Сопоставляя эти находки съ дошедшими до насъ свидѣтельствами Геродота, ученые называютъ тѣ народы, которые оставили намъ эти курганы, скиеами, а курганы, разсыпанные во множествѣ вверхъ отъ устьевъ Днѣстра и Буга, Днѣпра и его притоковъ до Смѣлы и Роменъ, Дона и Кубани, по берегамъ Азовскаго моря, скиескими или скиео-сарматскими *).

Скиескіе народы, очевидно, ушли далеко впередъ отъ людей каменнаго вѣка. Уже не охота даетъ имъ главные средства къ существованію, а земледѣліе и скотоводство. Такъ и дѣлитъ ихъ Геродотъ: на скиеовъ кочевыхъ, номадовъ, и скиеовъ-пахарей, присоединяя къ нимъ еще скиеовъ царскихъ, т.-е. также отдѣльное племя, которое имѣло преобладаніе надъ остальными, подчиняя ихъ своей власти. Изъ этого видно, что скиеи жили не только общественными союзами, но уже знали отношенія политической зависимости. Рабы, которыхъ убивали, чтобы похоронить съ ихъ господиномъ, и подданные, которыхъ хоронили съ царями, также свидѣлствуютъ, что въ устройствѣ жизни скиескихъ народовъ было гражданское и политическое неравенство.

Южно-русская равнина, степь, сливающаяся поверхъ Каспійскаго моря съ широкой азіатской степью, представляетъ исключительныя удобства для жизни кочевниковъ. И исторія, съ самыхъ древнихъ изъ извѣстныхъ ей временъ, говоритъ намъ о томъ, какъ волны кочевого населенія перекачивались по этой безконечной равнинѣ, обычно направляясь съ востока на западъ, изъ глубинъ Азіи въ южную Россію. Здѣсь каждая волна задерживалась—иногда надолго: роскошная растительность черноземной степи, богатой водой, была слишкомъ привлекательна. Задерживалась до той поры, пока Азія не выбрасывала новый потокъ, который заливалъ южно-русскую равнину, проталкивая старыхъ кочевниковъ далѣе въ Западную Европу или смѣшиваясь съ ними. Кочевое населеніе разносило по необозримымъ пространствамъ все, что оно заимствовало отъ богатыхъ культуръ, развивавшихся въ Средней Азіи; вмѣстѣ съ тѣмъ, оно распространяло вкусъ къ торговому обмѣну, которымъ охотно занимался подвижной, дѣятельный кочевникъ.

Скиеи пришли изъ Азіи вѣковъ за семь до Р. Хр. и затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій занимали южно-русскую равнину, называясь скиеами у писателей греческихъ, сарматами—у римскихъ. Съ своими кожаными кибитками, въ которыя впрягались волю, кочевали они по всему степному пространству, окаймляющему сѣверное побережье Чернаго и Азовскаго морей, отъ устьевъ Днѣпра до устьевъ Дона. Ихъ богатство составлялъ скотъ, главнымъ образомъ, лошади, къ которымъ скиеи имѣли особенное пристрастіе. Кочевая жизнь своимъ разнообразіемъ, вѣчной смѣной впечатлѣній настолько втяги-

*) Народы эти, по сказаніямъ греческихъ историковъ, вытѣснили киммерійцевъ; съ именемъ киммерійцевъ нѣкоторые современные ученые связываютъ тѣ многочисленные курганныя насыпи, которыя во множествѣ находятся на южно-русской степной территоріи, и раскопки которыхъ обнаруживаютъ скелеты, окрашенные въ красную краску и положенные на бокъ въ скорченномъ положеніи, съ скуднымъ похороннымъ инвентаремъ разнообразнаго характера.

ваетъ въ себя челоѣка, что кочевникъ крайне неохотно переходитъ къ осѣдлому существованію: много надо особо привлекательныхъ условий, чтобы соблазнить его на такую перемѣну. Часть скиѡвъ, жившая гдѣ-то въ низовьяхъ Днѣпра, перешла къ земледѣлію, очевидно подъ вліяніемъ богатыхъ греческихъ колоній: сюда, конечно, сбывали свой хлѣбъ скиѡ-пахари.

Только усиленными торговыми сношеніями и скиѡвъ-земледѣльцевъ и скиѡвъ-номадовъ не только съ сосѣдями, но и очень отдаленными народами, можно объяснить то огромное разнообразіе и цѣнность вещей, которыя находятъ археологи въ скиѡскихъ курганахъ. Стекланные бусы и др. издѣлія изъ стекла могли попасть къ скиѡамъ только изъ Финикіи; прекрасные глиняные сосуды или украшенія изъ филигрانی (золотыхъ нитей) были, несомнѣнно, греческаго происхожденія; масса золотыхъ вещей съ изображеніями фантастическихъ звѣрей указываетъ на Среднюю Азію. Однѣ изъ вещей носятъ на себѣ слѣды подражанія иноземнымъ образцамъ, слѣдовательно, могутъ быть и мѣстнаго, скиѡскаго, издѣлія; другія вещи были несомнѣнно занесены къ скиѡамъ торговлей. Какъ извѣстно, скиѡы торговали съ греческими клоніями по черноморскому побережью; но, кромѣ того, надо указать еще на тотъ древнѣйшій торговый путь, который пересѣкалъ скиѡскія страны и позже, при возникновеніи Русскаго государства, имѣлъ такое огромное значеніе. Это водный путь изъ Чернаго моря по Днѣпру: высокоцѣнимый древностью янтарь шелъ этимъ путемъ изъ береговъ Балтійскаго моря до самыхъ глубинъ Азіи.

Однако, какъ ни многочисленны курганы, оставленные скиѡскими обитателями южно-русскихъ степей, какъ ни богаты они своимъ содержаніемъ, все-таки они ничего не отвѣчаютъ намъ даже на такіе элементарные вопросы: можно-ли отождествлять скиѡвъ съ сарматами, или надо различать ихъ, или, можетъ-быть, поставить въ отношеніе родства или сосѣдства? Какого происхожденія были всѣ эти народы? Каковы были ихъ историческія судьбы—въ частности, когда и какимъ образомъ исчезли они? Есть нѣкоторыя основанія думать, что скиѡ-сарматскіе народы были происхожденія иранскаго,—такіе же иранцы, какъ заступившіе ихъ мѣсто въ южно-русскихъ степяхъ алане, остатки которыхъ до сихъ поръ держатся на Кавказѣ подъ именемъ осетинъ, древнихъ ясовъ.

Но лишь съ III вѣка по Р. Хр. южно-русскія равнины впервые заняты народомъ, который уже не представляетъ собой Ивана Непомнящаго. Мы знаемъ имя этого народа, его родство, его судьбу. Народъ этотъ—готы, одно изъ многочисленныхъ германскихъ племенъ. Онъ образовалъ въ южной Россіи, на побережьяхъ Чернаго моря и въ Крыму большое и сильное государство. На своихъ длинныхъ и легкихъ ладьяхъ пересѣкали готы вдоль и поперекъ Черное море и держали, если не въ подчиненіи, то въ страхѣ всѣ его берега. По преданіямъ, сохранившимися въ Скандинавіи, у готовъ былъ „большой городъ на Днѣпрѣ“ (этимъ городомъ могъ быть, вѣроятно, только Кіевъ); но главное средоточіе ихъ жизни было не на Днѣпрѣ, а на Дону. При царѣ Германарихѣ, въ половинѣ IV вѣка,—по словамъ готскаго историка Йордана, жившаго, правда, вѣка на два позже и тѣмъ самымъ возбуждающаго

извѣстныя сомнѣнія въ достовѣрности своихъ свидѣтельствъ—готамъ принадлежала значительная часть теперешней Россіи, не только южной, но и сѣверной. Готское государство существовало недолго. Въ концѣ IV вѣка началась эпоха великаго переселенія народовъ. Гунны, сплотившись подъ властью Аттилы въ одну чудовищную орду, открыли движеніе изъ степей Азіи къ крайнимъ западнымъ предѣламъ европейскаго материка. На пути своемъ черезъ южно-русскія степи смели они и увлекли съ собой на западъ и готовъ; южно-русское готское государство исчезло. Но слѣды пребыванія готовъ остались опять-таки въ погребальныхъ курганахъ—главнымъ образомъ, въ Области Войска Донскаго и части бассейна Кубани. Богатые клады большихъ кургановъ представляютъ много вещей людскаго и конскаго убора изъ массивнаго золота съ инкрустаціями (вставками) изъ стекла и драгоценныхъ камней—гранатовъ или изумрудовъ, также принадлежностей домашней обстановки. На всемъ лежитъ отпечатокъ Средней Азіи и Персіи, нѣсколько смягченный вліяніями греческой и римской культуры, съ которыми соприкасались готы, живя въ южной Россіи.

Нашествіе гунновъ какъ бы открыло особый шлюзъ, черезъ который хлынули изъ Азіи въ Европу финско-турецкія орды: непосредственно за ними явились болгары, затѣмъ хозары, дальше авары (обры нашей лѣтописи), позже угры (венгры). Одни задерживались въ нашихъ степяхъ на болѣе или менѣе продолжительное время; другіе лишь перекочевывали черезъ нихъ, двигаясь дальше на западъ, привлекаемые слухами о Византіи и ея богатой культурѣ. Только хозары осѣли прочно и образовали Хозарское государство съ центромъ на нижней Волгѣ—сильное, богатое и торговое. Хозарское государство создало на нѣкоторое время какъ бы плотину между Европой и Азіей, которая съ половины седьмого до половины девятаго вѣка задерживала движеніе кочевниковъ въ южно-русскія степи. Хозары захватили въ районъ своего вліянія сосѣднія славянскія племена какъ-разъ въ ту критическую эпоху, когда среди южно-русскаго славянства зарождались и складывались элементы государственности.

II.

На сѣверной окраинѣ степной полосы, принимающей отъ средняго Днѣпра сѣверо-восточное направленіе, гдѣ степь уже теряетъ свой однообразный характеръ, переходя въ сѣверо-русскій лѣсъ,—разбросаны во множествѣ курганы, представляющіе для насъ исключительный интересъ. Это невысокіе курганы, лежащіе группами (могильниками). Раскиданные на огромномъ протяженіи отъ предгорьевъ Карпатъ до бассейна Дона включительно, они представляютъ—въ способахъ погребенія, въ находимыхъ вещахъ—общія характерныя черты. Ученые объединяютъ этотъ типъ именемъ погребеній славянскихъ. Слѣдовательно, въ курганахъ этихъ скрыты останки нашихъ непосредственныхъ предковъ; черезъ нихъ проходятъ тѣ нити, которыя связываютъ современнаго русскаго человѣка съ человѣкомъ до-историческимъ. Эти курганы, сравнительно со скискими и готскими, небогаты обстановкой своихъ погребеній: немного

посуды, немного украшеній, большею частью серебряныхъ,—вотъ почти и все. Но они, естественно, очень интересуютъ русскихъ археологовъ, и ихъ раскопано сравнительно много, хотя далеко не равномерно по всей территоріи. Раскопки и основанныя на нихъ изслѣдованія позволяютъ сдѣлать такіе выводы.

Волна великаго переселенія народовъ, двигавшаяся на западъ, въ своихъ дальнѣйшихъ отраженіяхъ захватила и нашихъ предковъ въ какихъ-то неизвѣстныхъ намъ точно мѣстахъ ихъ первоначальной осѣлости. Ясно, что они двигались по направленію къ южно-русскимъ степямъ съ запада, отъ Карпатъ. Двигаясь, они несли съ собою свою собственную культуру. Очень характерны для этой культуры такъ называемыя височныя кольца, которыя встрѣчаются во всѣхъ славянскихъ погребеніяхъ.

Нерѣдко при раскопкахъ славянскихъ могилъ находятъ въ числѣ погребальнаго инвентаря арабскія монеты VII—IX вв. Монета есть всегда для археолога страстно-желаемая находка: она позволяетъ приурочить погребеніе къ болѣе или менѣе точно опредѣленному времени. А если однородныхъ монетъ встрѣчается много, то онѣ несомнѣнно свидѣтельствуютъ о торговыхъ связяхъ. Слѣдовательно, наши предки вели торговлю съ арабами. Независимо отъ монетныхъ находокъ, мы знаемъ объ этомъ отъ самихъ арабовъ, ученыхъ географовъ и путешественниковъ, сочиненія которыхъ дошли до насъ.

Арабы въ эту эпоху только-что выступили на историческую сцену со своимъ Исламомъ и разомъ выросли въ огромную политическую силу. Арабскій калифатъ, съ центромъ въ Багдадѣ, обхватывалъ съ трехъ сторонъ Средиземное море и южную половину Каспійскаго. Арабскіе суда и купцы появлялись на всѣхъ большихъ водныхъ дорогахъ Европы, развозя восточные товары. Впрочемъ, они не прокладывали новыхъ торговыхъ путей: и до того времени стекло, ткани, металлическія издѣлія Сиріи и Египта имѣли доступъ въ наши страны. Арабы встрѣчались съ нашими предками и у насъ, на южно-русской территоріи, повидимому, и у себя дома, но больше всего въ Хозаріи. Хозарское государство на нижней Волгѣ и на Дону служило средоточіемъ торговыхъ сношеній между европейскимъ западомъ и азіатскимъ востокомъ.

Кромѣ арабовъ, мы имѣемъ свѣдѣнія о нашихъ предкахъ еще отъ византійскихъ грековъ, которые даже больше арабовъ имѣли возможность знать южно-русскую территорію и ея обитателей.

Итакъ, задолго до того, какъ монахъ Кіево-Печерской лавры—Несторъ или Силиверстъ—записалъ сказанія о томъ, „откуда есть пошла русская земля“, арабскіе и византійскіе ученые люди уже знали нашихъ предковъ и писали о нихъ. Лѣтопись, изъ которой мы почерпаемъ свѣдѣнія о началѣ русскаго государства, случившемся якобы во второй половинѣ IX вѣка, записывала факты лѣтъ двѣсти спустя послѣ того, какъ они совершились; между тѣмъ какъ арабы и византійцы описывали нашихъ предковъ того же IX вѣка какъ современники и очевидцы. Конечно, въ высшей степени любопытно и важно для исторической науки знать, какъ представлялись этимъ постороннимъ наблюдателямъ наши предки, да еще въ такую критическую эпоху, когда ихъ общественная жизнь принимала новый государственный или политическій характеръ.

И арабы, и византийцы знают на южно-русской территории два совѣмъ различныхъ народа: одинъ народъ—славяне или анты, какъ ихъ называютъ византийцы, другой—русы. При этомъ русовъ арабы и византийцы знаютъ ближе, чѣмъ славянъ. Русы—это, по всѣмъ описаніямъ, народъ мореходный и крайне предпріимчивый: на своихъ судахъ появляются они, съ цѣлями грабежа, то на малоазіатскомъ побережьи, то въ Константинополѣ, то, наконецъ, по берегамъ Каспійскаго моря. Въстѣ съ тѣмъ, это народъ торговый—торгующій, по преимуществу, рабами и мѣхами. Управлялись русы, по дошедшимъ до насъ сообщеніямъ, лицомъ, которое носило титулъ хакана или кагана—такъ же назывался и государь Хозаріи. Но гдѣ же жила эта мореходная, слѣдовательно, поморская Русь? Несомнѣнно около Чернаго моря, которое недаромъ же называлось въ эту эпоху моремъ Русскимъ. Но гдѣ именно? Есть одна мѣстность, которая невольно напрашивается въ отвѣтъ, когда ставится такой вопросъ. Это—Таманскій полуостровъ, Фанагорія,—та пресловутая Тмутаракань, о которой такъ часто и такъ загадочно говоритъ наша начальная лѣтопись: именно около этой мѣстности задержались, какъ достовѣрно извѣстно, остатки готовъ, называвшихся у византийцевъ готами тетракситами или тметракситами (Таматарха, Тмутаракань). Одинъ изъ арабскихъ писателей, Ибнъ-Дастъ, такъ описываетъ землю русовъ: Русь живетъ, по его словамъ, „на островѣ, окруженномъ озеромъ. Окружность этого острова, на которомъ живутъ они, равняется тремъ днямъ пути; покрытъ онъ лѣсами и болотами, нездоровъ и сыр“. Повидимому, Таманскій полуостровъ близко подходитъ подъ это описаніе. Но такъ или нѣтъ, а ясно, что Русь первой половины IX вѣка, нападавшая на Константинополь и малоазіатское побережье, жила не за моремъ Варяжскимъ или Балтійскимъ, а гдѣ-то на берегахъ моря Чернаго или Русскаго. Тотъ же Ибнъ-Дастъ такъ описываетъ отношенія русовъ къ славянамъ. Онъ говоритъ, что русы съ своего острова „производятъ набѣги на славянъ: подѣзжаютъ къ нимъ на корабляхъ, выходятъ на берегъ и полонятъ народъ, который отправляютъ потомъ на продажу къ хозарамъ и камскимъ болгарамъ... Пашень Русь не имѣетъ и питается лишь тѣмъ, что добываетъ въ землѣ славянъ“. Картина отношеній вполне ясная. Такими же представляетъ эти взаимныя отношенія русовъ и славянъ византийскій императоръ Константинъ Порфирородный, хотя онъ писалъ уже тогда, когда русы водворились въ Кіевѣ (въ половинѣ X вѣка). Русы, въ его описаніи, тѣ же хищники, господа и купцы, разѣзжающіе за сборомъ дани—конечно, не всегда добровольной—по землямъ своихъ славянскихъ данниковъ. И въ это время—относительно позднее,—живя уже среди славянъ, русы еще говорили своимъ собственнымъ языкомъ. Императоръ приводитъ названія днѣпровскихъ пороговъ на обоихъ языкахъ, какіе употреблялись тогда въ южной Руси, на славянскомъ и „рускомъ“ (т. е. германскомъ). Совершенно по-нѣмецки звучатъ также имена пословъ и гостей, подписавшихся подъ договорами Олега и Игоря съ греками: конечно, не славянами были эти люди „отъ рода русскаго“—Карль, Фарлафъ, Рулавъ, Роалдъ, Игелдъ, Либнаръ, Акунъ, Алданъ, и т. д.

Ясно, что русы представляли собой небольшое, но энергичное, хищное

племя, нѣчто въ родѣ шайки не то купцовъ, не то морскихъ разбойниковъ—занятія, часто сливавшіяся въ одно въ тѣ отдаленныя времена. Такой ихъ обликъ сквозить изъ всѣхъ свидѣтельствъ арабскихъ и византійскихъ писателей. Иначе рисуютъ намъ славянъ тѣ же свидѣтельства.

Славяне—народъ многочисленный, занимающій огромное пространство своими разбросанными маленькими поселеніями, ютившимися по берегамъ водъ и лѣснымъ окраинамъ. Даже тѣ славяне, извѣстные у византійцевъ подъ именемъ антовъ, которые жили на нашей южно-русской территоріи, подраздѣлялись на нѣсколько отдѣльныхъ племенъ: эти подраздѣленія хорошо знаетъ и обстоятельно описываетъ начальная лѣтопись. Занимались южно-руссіе славяне, главнымъ образомъ, земледѣіемъ,—и арабы, и византійцы говорятъ о воздѣлываніи ими проса и пшеницы, которыя они ссыпали для сохраненія въ ямы. Тѣмъ не менѣе, жилища ихъ были легки и непрочны, и анты кидали ихъ безъ сожалѣнія. Все болѣе цѣнное они имѣли привычку зарывать въ землю и при первомъ признакѣ опасности оставляли свои дома, укрывались съ семьями и скотомъ подъ какое-нибудь изъ ближайшихъ своихъ естественныхъ прикритій. Ихъ изобрѣтательность въ этомъ отношеніи поражала удивленіемъ наблюдателя ихъ быта и нравовъ. Они умѣли прятаться даже подъ водой при помощи камышевыхъ трубокъ, черезъ которыя дышали, лежа на днѣ. Война съ ними на ихъ территоріи представляла непреодолимыя трудности: они какъ-бы „играють войной“, дѣлають нечаянныя нападенія и набѣги днемъ и ночью, прибѣгаютъ къ различнымъ хитростямъ, при помощи которыхъ ловять непріятелей, устраивають имъ засады. Непріятельскому войску, которое вступаетъ въ предѣлы ихъ страны и видитъ передъ собой густыя лѣса и необозримыя степи съ ихъ неувимыми обитателями, ничего не остается дѣлать, какъ остановиться: такъ горько жалуется императоръ Маврикій въ своей „Стратегикѣ“ на антовъ, которые, въ числѣ другихъ варваровъ, отравляли существованіе злосчастнаго императора. Очевидно, не чужды они были и торговыхъ сношеній. Арабскіе путешественники видали въ Итилѣ и вообще на Волгѣ не только русскихъ, но и славянскихъ купцовъ; да и самую Волгу, какъ и Донъ, называютъ они то русской, то славянской рѣкой. Но не останавливаясь на показаніяхъ арабовъ, которые много путали въ описаніяхъ этихъ отдаленныхъ и чуждыхъ имъ народовъ, а особенно въ названіяхъ, въ именахъ собственныхъ, мы укажемъ лишь на слѣдующее. Несомнѣнно, на южно-русской территоріи были торговые города, предполагавшіе, конечно, и населеніе, занимавшееся торговлей. Одинъ изъ этихъ городовъ пользовался широкой торговой славой: это Кіевъ. Расположенный въ мѣстности, гдѣ сходились главные рѣчные пути къ югу въ Черное море и къ сѣверу въ Балтійское (великій путь „изъ Варягъ въ Греки“), къ востоку Десной въ систему Волги, къ западу Припетью въ систему Вислы, Кіевъ былъ торговымъ центромъ для огромной территоріи. Ему же, Кіеву, конечно, предстояло сдѣлаться въ ближайшемъ будущемъ и центральнымъ пунктомъ политической жизни южно-русской территоріи. Кромѣ Кіева, были и другіе города: Родня, Переяславль, Черниговъ, Любечъ, Туровъ. Но независимо отъ существованія этихъ городовыхъ центровъ, посторонніе на-

блюдатели, особенно византийцы, и нашъ собственный лѣтописецъ представляютъ до-государственную жизнь нашихъ предковъ разрозненной, раздробленной на племена и роды, не только несплоченные между собой, но часто враждебные другъ другу.

Но мы пока оставимъ въ сторонѣ характеристику жизни славянъ на основаніи данныхъ, представляемыхъ посторонними наблюдателями этой жизни, арабскими и византийскими. При всемъ интересѣ и значеніи, какое представляютъ эти источники, они все-таки требуютъ въ высшей степени осторожнаго къ себѣ отношенія. Такого же осторожнаго отношенія требуетъ и начальная лѣтопись.

Между тѣмъ, есть одинъ источникъ свѣдѣній для характеристики быта нашихъ предковъ, до котораго почти не касались историки, въ то время какъ онъ по достовѣрности далеко превосходитъ всѣ остальные источники. Этимъ источникомъ являются археологическія находки и раскопки. Имѣя передъ глазами предметы матеріальной обстановки нашихъ предковъ, извлеченные изъ нѣдръ земли, мы не только получаемъ возможность наглядно представить себѣ ихъ жизнь, но даже сдѣлать извѣстные выводы и относительно иныхъ сторонъ культуры. Не посторонніе наблюдатели—а, слѣдовательно, и толкователи—говорятъ намъ объ этой угасшей жизни, а сама жизнь говоритъ за себя тѣмъ вразумительнымъ и яснымъ языкомъ, который свойственъ простой фактической дѣйствительности.

Наши отдаленные предки представляли смерть продолженіемъ земной жизни и потому старались обставить дорогихъ мертвецовъ тѣмъ, чѣмъ они были обставлены при жизни. Кромѣ кургановъ и могильниковъ, ищутъ и отыскиваютъ еще предметы славянскихъ древностей въ кладахъ на такъ называемыхъ городищахъ, т.-е. оставленныхъ древнихъ укрѣпленіяхъ. Такихъ городищъ множество на территоріи южной Руси, разныхъ видовъ и эпохъ. Между ними древнія славянскія городища отличаются круглой или овальной формой, опредѣляющей невысокимъ валомъ, который иногда сопровождается рвомъ. Площадь городища часто такъ незначительна, что многіе ученые не рѣшались признавать городища за остатки укрѣпленныхъ городковъ. А, между тѣмъ, едва ли можно въ этомъ сомнѣваться. Жители поселенія, которое могло находиться за чертой вала, укрывались за валомъ въ моментъ опасности такъ точно, какъ они укрывались позже за стѣнами „кремля“, находившагося внутри города.

Линія, за которой къ югу уже не находятъ болѣе славянскихъ кургановъ, могильниковъ или городищъ, идетъ приблизительно отъ Кременчуга, наискось къ Харькову, Воронежу и Тамбову. Южнѣе—степь, которая сливается съ средне-азиатскими степями,—исконный широкій путь кочевыхъ племенъ: здѣсь на степной равнинѣ, не было мѣста земледѣльческой осѣдлости, которую снесъ бы первый натискъ кочевниковъ.

Земледѣльскій характеръ славянскаго населенія нашей южно-русской территоріи ясенъ изъ находокъ; но ясно также, что занятія этого населенія, его производительная дѣятельность, не ограничивались только земледѣліемъ.

Главный центръ, около котораго группируются находки,—Кіевъ. Его почва, можно сказать, насыщена древностями. Къ югу отъ Кіева славянскія

древности, уже сравнительно рѣдкія, отыскиваются еще въ Черкасскомъ, Каневскомъ, Переяславскомъ уѣздахъ. Къ сѣверу—губерніи Черниговская, Полтавская, Волинская представляютъ въ своихъ погребеніяхъ икладахъ городищъ многочисленныя находки этой категоріи; но онѣ уже гораздо скуднѣе не только количествомъ вещей, но и качествомъ ихъ.

Вещи, находимыя на всемъ этомъ значительномъ протяженіи съ центромъ въ Кіевѣ, представляются настолько сходными между собой, что можно съ полнымъ правомъ говорить объ единствѣ типа. Главная черта этого типа та, что онъ не есть типъ первобытный, примитивный. Какъ ни скудны находки большинства мѣстностей, все-таки найденныя вещи краснорѣчиво свидѣлствуютъ, что мы имѣемъ дѣло съ народомъ, уже прошедшимъ въ дѣлѣ культурнаго развитія длинный предварительный путь. Правда, во многихъ случаяхъ можно замѣтить на находимыхъ древностяхъ вліянія иныхъ, высшихъ культуръ. Но это и не можетъ быть иначе. Народность, совершенно обособленная отъ постороннихъ культурныхъ вліяній, окоченѣваетъ, замираетъ въ неподвижности. Заимствование, подражаніе есть главнѣйшій рычагъ культурнаго развитія, по крайней мѣрѣ, до извѣстной поры, пока этимъ рычагомъ не дѣлается сознательная мысль. Природная одаренность того или иного племени оцѣнивается не по степени его самобытности въ дѣлѣ культурнаго развитія, а по тому, какъ онъ относится къ постороннимъ вліяніямъ. Взгляните, напр., на вещи, находимыя въ многочисленныхъ финскихъ могильникахъ центральной Россіи, напр., въ бассейнѣ Оки или Ростовскаго озера, и сравните ихъ съ вещами славянскихъ погребеній. Финскія погребенія во многихъ случаяхъ кажутся на первый взглядъ богаче: васъ поражаетъ обиліе тяжелыхъ, шумящихъ украшеній. Но это богатство лишь кажущееся. Финскія вещи—грубое подражаніе изъ мѣди какому-нибудь механически усвоенному образцу, рабски скопированное безъ мысли о красотѣ или хотя бы техническомъ приспособленіи къ данной цѣли. Не то въ древностяхъ славянскихъ. Всюду мы видимъ не механическое подражаніе, а сознательное заимствованіе, руководимое яснымъ представленіемъ о назначеніи предмета и правильнымъ чувствомъ художественнаго его достоинства.

Наши славянскіе предки жили на южно-русской территоріи подъ вліяніемъ иныхъ, высшихъ культуръ,—можно бы сказать, подъ перекрестнымъ вліяніемъ этихъ культуръ. Въ самомъ дѣлѣ, южная Русь была совершенно открыта для двухъ большихъ культурныхъ теченій. Одно теченіе шло съ юга, изъ Византіи, которая стояла на высшей точкѣ культурнаго развитія, какой достигло въ эту эпоху европейское человѣчество. Другое теченіе шло съ востока, изъ Азіи. Оно не представляло собой чего-либо единого. Это была пестрая смѣсь вліяній различныхъ культуръ, которыя возникали въ разное время въ различныхъ мѣстностяхъ Азіи: персидской, сирійской, средне-азиатской, даже индусской. Восточныя вліянія передавались нашимъ предкамъ арабскими торговцами, какъ уже было объ этомъ сказано выше, но еще болѣе, надо думать, черезъ непосредственныя и постоянныя ихъ сношенія съ кочевниками южно-русскихъ степей.

Кочевыя орды, перекатывавшіяся по нашимъ степямъ, представляются намъ теперь въ видѣ какихъ-то сѣрыхъ тучъ саранчи, несущихъ только истребленіе и уничтоженіе. Но такое представленіе очень односторонне. Кочевники, несомнѣнно, сыграли важную роль въ распространеніи восточныхъ культурныхъ вліяній на младенческую Европу, которая нуждалась въ воспитательныхъ вліяніяхъ со стороны старой Азіи. На славянахъ южно-русской территоріи вліянія эти, непосредственно передаваемыя кочевниками, отражались наиболѣе.

Какъ сильно повліяла Азія на бытъ и міровоззрѣніе нашихъ предковъ, нагляднѣе всего видно изъ былинь. Былины—произведенія народнаго поэтическаго творчества, въ которыхъ отразилась древнѣйшая жизнь кievской Руси. И вотъ эти-то былины именно полны чертами и образами, носящими ясно восточный характеръ. Одежда богатырей, вооруженіе, обстановка, палаты и города, въ которыхъ происходитъ былинное дѣйствіе, все дышитъ роскошнымъ, яркимъ, причудливымъ востокомъ. Конечно, не домашняго происхожденія тѣлвы и лютыя змѣи, которыя упоминаются въ былинахъ. Не палаты кievскаго князя имѣлъ въ виду былинный пѣвецъ, когда описывалъ терема златоверхіе съ хрустальными оконницами, съ серебряными причалинами, съ золоченными столбами, со всей ихъ „красотой поднебесною“. Не русскіе дружинники ѣздили на коняхъ, у которыхъ промежъ глазъ и подъ ушами „насажено каменье самоцвѣтное“; не они наряжались въ панцыри „чиста серебра“, кольчуги „красна золота“, сидѣли на черкасскихъ сѣдлахъ, держали въ рукахъ „плеточку шемахинскую“. Обиліе драгоценныхъ камней, шелковыя ткани, строченныя золотомъ и серебромъ, зонты, которые носятъ надъ знатными людьми, чтобы „отъ солнца краснаго не запеклось лицо бѣлое“,—отъ всѣхъ былинныхъ подробностей вѣетъ настоящимъ востокомъ. И вотъ вліяніе этого-то самаго востока мы усматриваемъ на вещахъ нашихъ южно-русскихъ погребеній и кладовъ.

Но восточныя вліянія встрѣчались на южно-русской территоріи съ вліяніями византійскими, взаимно переплетались, и представляется дѣломъ крайне труднымъ, пока даже невозможнымъ отдѣлать эти два культурныхъ теченія одно отъ другаго и оцѣнить отдѣльно степень ихъ значенія въ исторіи нашего развитія. Это тѣмъ болѣе трудно, что востокъ сильно вліялъ на самую Византію на міровоззрѣніе, искусство и бытъ самого византійскаго грека.

Какъ бы то ни было, наша древность относилась къ чужому и заимствованному вполне самостоятельно. Существовало на нашей территоріи—въ Кіевѣ несомнѣнно, а, можетъ-быть, и въ нашихъ мѣстностяхъ—собственное производство даже такихъ вещей, которыя требовали утонченной, такъ сказать, художественной техники. Изъ вещей, находимыхъ въ нашихъ южно-русскихъкладахъ славянскаго происхожденія, на первомъ планѣ стоятъ предметы личнаго убора. Предметы эти многочисленны и разнообразны: кольца, ручныя и височныя, браслеты, шейныя гривны, діадемы, серьги, бусы и подвѣски, пояса и пряжки. Все это вещи изъ драгоценнаго металла, золота и серебра; послѣднее встрѣчается гораздо чаще. Часть вещей, несомнѣнно, завезена изъ Византіи—особенно изъ византійской колоніи Корсуни, съ которой Кіевъ былъ въ

самой тѣсной связи—или съ востока, но часть, и значительная, мѣстнаго издѣлія, изъ мастерскихъ Придѣпровья. Здѣсь, въ этихъ мастерскихъ, изготовлялись драгоценныя вещи изъ скани или филиграни, т.-е. тянутой, гладкой или зернистой, расплющенной, металлической нити,—работа, предполагающая очень тонкую технику.

Въ Кіевѣ же изготовлялись украшенія съ такъ называемой перегородчатой эмалью или финифтью *). Нѣкоторыя изъ вещей, дошедшихъ до насъ, напр., эмалевыя серьги, по простотѣ и изяществу формы и красотѣ изображеній представляютъ собой художественные памятники.

Изъ всего этого видно, что предки наши въ до-государственномъ своемъ быту стояли уже на извѣстной высотѣ культурнаго развитія. По крайней мѣрѣ, Кіевъ, средоточіе племени полянъ, рисуется намъ въ своихъ находкахъ, входящихъ къ VII вѣку, именно такимъ культурнымъ центромъ. О культурности полянъ говорить и лѣтописецъ: „поляне бо своихъ отецъ обычай имуть кротокъ и тихъ... брачный обычай имяху“... Культурныхъ полянъ лѣтописецъ противопоставляетъ другимъ славянскимъ племенамъ, жившимъ на южно-русской территоріи: послѣднихъ онъ изображаетъ дикими, живущими „звѣриньскимъ образомъ, скотьскы“. Но такая оцѣнка выражаетъ лишь извѣстное пристрастіе лѣтописца къ своимъ соплеменникамъ—полянамъ. Раскопки и находки показываютъ, что между кіевскими полянами и остальными племенами не было такой большой разницы: культура была одна и та же, лишь богаче и сильнѣе выраженная въ кіевскомъ Придѣпровьѣ.

Однако, несмотря на единство типа, находимыя вещи и особенности погребальнаго обряда, обнаруживаемыя учеными раскопками, показываютъ, что между отдѣльными племенами были и довольно существенныя различія. Археологія вполне подтверждаетъ то дѣленіе русскихъ славянъ на племена, о которомъ говоритъ лѣтописецъ. По лѣвому берегу средняго Дѣпра, въ бассейнахъ нижней Десны и Сейма, по верховьямъ Сулы и Псла, жило широко раскинувшееся племя, которое лѣтописецъ называетъ „Сѣверь“. Про него говорится въ „Начальной лѣтописи“: „аще кто умряше, творя трызну надъ нимъ и посемъ творяху кладу велику, и възложашуть на кладу мертвеца, сожъжаху, и посемъ собравъше кости, възложашу въ судину малу“... И, дѣйствительно, на территоріи Черниговской губ. и частью смежныхъ съ ней Полтавской и Курской археологи находятъ множество различныхъ погребеній съ трупосожженіемъ; самый распространенный видъ тотъ, когда остатки отъ трупа, сожженного на стонѣ, помѣщаются въ вершинѣ невысокой курганной насыпи. На правомъ берегу Дѣпра, южнѣе Припети, до р. Случи, сидѣло племя древлянъ, о лѣсной жизни которыхъ такъ неблагосклонно отзывался лѣтописецъ. У нихъ, наоборотъ, раскопки не обнаруживаютъ трупосожженій: скелеты, правда, на

*) Финифть или эмаль—стекловидная масса, окрашиваемая въ различные цвѣта при помощи металлическихъ окисловъ и переносимая на металлическія пластинки для ихъ украшенія; чтобы получить на одной пластинкѣ разноцвѣтную эмаль, устраивали на ней металлическія перегородки, въ которыя вливались эмалевыя массы разныхъ цвѣтовъ (эмаль перегородчатая).

слояхъ угля, но нетронутые огнемъ, лежатъ въ деревянныхъ колодахъ или гробовищахъ, сколоченныхъ желѣзными гвоздями, или въ деревянныхъ сруб-бахъ. Къ западу отъ р. Случи, гдѣ жили воляныне, мы опять встрѣчаемся съ трупосожженіемъ, но не полнымъ: это скорѣе обжиганіе покойника, такъ какъ кости только слегка обуглены и лежатъ въ полномъ порядкѣ. Объ улу-чахъ и тиверцахъ, которые, по словамъ лѣтописи, „сѣдяху по Днѣстру оли до моря“, и которые „ся зваху отъ Грекъ Великая Скуѣ“ (Скиѣя), мы ничего не можемъ сказать за неимѣніемъ правильныхъ археологическихъ изслѣдованій.

Итакъ, по указаніямъ „Начальной лѣтописи“, на южно-русской территоріи жили слѣдующія славянскія племена: поляне, сѣверяне, древляне, воляныне (дулебы, бужане), уличи и тиверцы. Археологическія раскопки и изслѣдованія подтверждаютъ, что между этими племенами были нѣкоторыя бытовыя отличія, но что, тѣмъ не менѣе, они представляютъ единство культурнаго типа, кото-рый яснѣе, богаче, разнообразнѣе всего представленъ въ кievскихъ находкахъ.

Глава вторая.

Откуда пошла Русская земля и первые киевские князья.

I.

Вѣроятно, всякому извѣстно такое явленіе. Неподвижно стоитъ насыщенный растворъ, представляя собой совершенно подобную водѣ прозрачную жидкость; но вотъ жидкость получаетъ сотрясеніе или въ нее попадаетъ инородное тѣло—и картина сразу мѣняется: въ жидкости начинается движеніе, кристаллизація,—и вотъ передъ нами, вмѣсто жидкой массы, масса твердыхъ кристалловъ. Нѣчто подобное можно наблюдать и въ исторической жизни.

Зарожденіе русской государственности относится, какъ извѣстно, къ половинѣ IX вѣка. Но задолго до этой критической эпохи—по крайней мѣрѣ, за 2—3 вѣка, а, можетъ-быть, и больше—славяне занимали южно-русскую равнину, все расширяя свою территорію по направленію отъ запада къ востоку и сѣверо-востоку, но не обнаруживая, повидимому, никакого тяготѣнія къ государственной организаціи. За это время до насъ почти не дошло никакихъ свидѣтельствъ объ общественномъ бытѣ южно-русскихъ славянъ. По раскопкамъ могильниковъ и находкамъ кладовъ мы можемъ составить нѣкоторое понятіе объ уровнѣ ихъ культуры, о матеріальной, бытовой сторонѣ ихъ жизни; но мы ничего не знаемъ объ ихъ социальномъ строѣ. Правда, нѣкоторыя извѣстія византійскихъ писателей, Прокопія и императора Маврікія, и ученыхъ арабовъ могутъ быть, съ большою вѣроятностью, отнесены именно къ нимъ, напр.: „народы славянскіе и антскіе такъ дорожатъ свободою, что ихъ никоимъ способомъ нельзя уговорить служить или повиноваться“ или „между ними господствуютъ постоянныя несогласія; что постановятъ одни, на то не рѣшаются другіе, и ни одинъ не хочетъ повиноваться другимъ“ и т. д. Но эти и подобныя извѣстія даютъ ли возможность прямыхъ заключеній насчетъ того, въ какихъ социальныхъ формахъ жили наши южно-русскіе предки въ до-государственную эпоху? Конечно, нѣтъ. А иного характера указаній, кромѣ мимоходомъ брошенныхъ нѣсколькихъ словъ первоначальнаго лѣтописца, мы не имѣемъ.

И, тѣмъ не менѣе, почти не имѣя никакихъ прямыхъ свидѣтельствъ, мы можемъ говорить объ этомъ предметѣ съ извѣстной увѣренностью. Если мы

ничего не знаемъ непосредственно о славянахъ южно-русской равнины, то мы знаемъ многое о тѣхъ ступеняхъ развитія, черезъ которыя неизбежно проходятъ всѣ народы, а, слѣдовательно, и тѣ, о которыхъ идетъ рѣчь. Приурочить же южно-русскихъ славянъ VI—IX вв. къ той или иной ступени социальнаго развитія представляется уже вопросомъ меньшей трудности,—вопросомъ, для рѣшенія котораго найдется извѣстный, удовлетворительный матеріалъ.

Несомнѣнно, что южно-русскіе славяне разсматриваемой эпохи жили въ родовомъ бытѣ: „живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстахъ, володѣюще кождо родомъ своимъ“, говорить лѣтописъ. Но само по себѣ это утверждение заключаетъ въ себѣ мало. Оно означаетъ лишь, что единственнымъ связующимъ элементомъ общности признается въ данный моментъ кровное родство и только. Но въ предѣлахъ этого учрежденія возможно большое фактическое разнообразіе. Окиньте взглядомъ все безчисленное множество племенъ и народовъ, населяющихъ земной шаръ, и вы убѣдитесь, что, живя въ кровныхъ, родовыхъ союзахъ, они въ то же время во многомъ и существенномъ различаются другъ отъ друга даже и по отношенію къ формамъ своей общности. Поэтому необходимо ближе коснуться того, какими чертами характеризовался родовой бытъ нашихъ южно-русскихъ предковъ.

Родъ есть всегда общественная группа, объединенная сознаніемъ происхожденія отъ одного общаго предка, хотя бы даже и фиктивного, и на этомъ основаніи обособляющая себя отъ остальнаго міра. Но эта общественная форма также имѣетъ свою долгую эволюцію, и мы застаемъ южно-русскихъ славянъ на относительно поздней стадіи ея развитія. Мы встрѣчаемъ у нихъ патріархальный родъ того же типа, какой исторія застаётъ у грековъ и римлянъ, у кельтовъ и германцевъ. Кровная связь устанавливается по отцу, а не по матери, какъ на болѣе раннихъ ступеняхъ развитія; есть правильный бракъ, семья, извѣстны тѣ же степени родства, восходящаго, нисходящаго, бокового, и свойства, какія признаются и современными взглядами на этотъ предметъ.

Но не только отдѣльная личность, а и семья въ собственномъ смыслѣ слова, еще поглощалась родовой группой. Родъ одинъ былъ полноправной единицей, заключая въ себѣ и свой собственный законъ, и право, и единую нераздѣльную собственность, и свою религію, въ основѣ которой лежало обожаніе собственныхъ предковъ какъ боговъ покровителей. Священный огонь очага, около котораго ютились родичи, земля кругомъ, захваченная ихъ трудомъ и огражденная извнѣ неприкосновенной сторожей могильныхъ кургановъ со священными останками предковъ,—вотъ тотъ довлѣющій самому себѣ мірокъ, въ которомъ жили наши предки того отдаленнаго времени. Мірокъ этотъ отдѣлялся отъ остальнаго міра пустыней, въ которой бродили, подстерегая неосторожнаго, чужіе, а, слѣдовательно, и враждебные духи. Старшій въ родѣ былъ и правитель, и законодатель, и судья, и жрецъ этой родовой общины. И, тѣмъ не менѣе, здѣсь не могло быть рѣчи о произволѣ: всѣ, и старшій въ томъ числѣ, жили тѣми понятіями и чувствами, которыя почитались единственно правильными и какъ таковыя свято и неприкосновенно передавались традиціей изъ поколѣнія въ поколѣніе. Не было мѣста произволу, не было мѣста и той суровости отеческой

власти, которая существовала въ правѣ римскомъ: мягкимъ правамъ славянъ была противна эта суровость.

Но былъ ли родовой союзъ вполне одинаковымъ, тождественнымъ для всей обширной области, занятой южно-русскими славянами, при всемъ разнообразіи тѣхъ территоріальныхъ, а, можетъ-быть, и этнографическихъ подраздѣленій, которыя лѣтописецъ обозначаетъ названіями отдѣльныхъ племенъ? Несомнѣнно, не былъ тождественнымъ.

Территоріальныя группы, т.-е. племена, прежде всего, не были одинаково культурны, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ, съ одной стороны, раскопки и случайныя находки, съ другой—лѣтопись. Лѣтописецъ дѣлаетъ слѣдующее важное указаніе, отмѣченное чертами полной достовѣрности. Онъ говоритъ, что поляне, т.-е. жители Кіева и примыкающаго къ нему поля (степи), имѣли брачныя обычаи („не хожаше зять по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завтра приношаху по ней, что въдадуче“), въ то время какъ древляне, жители Полѣсья, похищали дѣвицъ, а сѣверяне, т.-е. люди, жившіе къ сѣверу отъ Кіева, по Деснѣ, заключали свои браки „на игрищахъ межю селы“. Указаніе исключительной важности. Различія въ способѣ заключенія браковъ необходимо отражались на характерѣ семьи, характеръ семьи—на характерѣ всей родовой группы, для которой семья была основной ячейкой. Затѣмъ надо принять во вниманіе различія матеріальной, экономической обстановки: жители поля занимались, на первомъ планѣ, земледѣіемъ, жители лѣса—промыслами. Это обстоятельство, прежде всего, отражалось на размѣрахъ отдѣльныхъ родовыхъ группъ. Земледѣльцы, въ силу хозяйственныхъ соображеній, должны были разбиваться на относительно мелкія группы,—первобытное хозяйство съ его безграничной свободой земельного захвата указывало выгоды въ томъ, чтобы переносить огонь священнаго очага изъ центра на окраины захваченнаго трудомъ поля. Промышленники-звѣроловы, рыболовы, бортники, наоборотъ, ощущали на первомъ планѣ не удобства совместной жизни большими родственными группами, а ея выгоды. Оттого на территоріяхъ, по преимуществу, промысловыхъ, какъ, напр., въ Полѣсьѣ, до относительно поздняго времени удержалась форма жизни большими семейными общинами (позднѣйшее названіе—дворище), сохранившими до извѣстной степени черты стараго родового общежитія.

Нельзя предполагать, конечно, чтобы эти отдѣльныя родовыя клѣточки были такъ разъединены, что не находились между собой ни въ какихъ отношеніяхъ. Отношенія, несомнѣнно, были—дружескія и враждебныя: для разрѣшенія враждебныхъ столкновеній была подъ рукой, какъ необходимое и неизбежное, частная война, кровавая месть.

Но, помимо этого, есть полныя основанія предполагать, что въ эпоху, непосредственно примыкающую къ эпохѣ возникновенія государства, отдѣльныя территоріи, занятія южно-русскими славянами и обозначаемыя у лѣтописца названіемъ различныхъ племенъ, были объединены въ союзы. Это, конечно, были тѣ элементарныя политическіе союзы, которые можно и въ настоящее время наблюдать у разныхъ дикихъ племенъ, и которымъ этнографы даютъ названіе „союзовъ мира“. Главной, если не исключительной, цѣлью такихъ

союзомъ мира является защита отъ вѣшняго врага, требующая взаимной поддержки, а, слѣдовательно, и взаимныхъ мирныхъ отношеній, поскольку они необходимы для данной цѣли.

Есть вѣскія доказательства того, что такіе „союзы мира“, иначе политическіе союзы отдѣльныхъ племенъ, дѣйствительно, существовали. Арабскій писатель Аль-Массуди прямо говоритъ о большомъ и сильномъ союзѣ Великана—волянѣ, какъ можно бы толковать. Еще важнѣе для насъ то, что въ первоначальной лѣтописи упоминаются князья, которые не имѣютъ ничего общаго съ такъ называемыми князьями Рюрикава дома: въ договорѣ Олега съ греками говорится о свѣтлыхъ князьяхъ, которые сидятъ подѣ Олегомъ; въ разсказѣ о мщеніи Ольги упоминаются князья древлѣнскіе. Князья эти—какъ свидѣлствуютъ упомянутые договоры—сидятъ по городамъ, а города составляютъ, конечно, центры племенныхъ территорій: на территоріи сѣверянъ были города Черниговъ и Любечъ; у полянъ, кромѣ Кіева, Вышеградъ и Витичевъ; у древлѣнъ—Туровъ и Коростень. Города могли возникнуть только усиліями большого территоріальнаго союза, слѣдовательно, появленіе ихъ всегда предполагаетъ нѣкоторую, хотя бы и зачаточную, организацію политическаго характера.

Итакъ, можно сказать, что общественная жизнь населенія южно-русской равнины была насыщена политическими элементами; но, чтобы произошла кристаллизациа, т.-е. государственное объединеніе, необходимо было вторженіе въ эту жизнь, такъ сказать, инороднаго тѣла. Въ качествѣ такого инороднаго тѣла явилась Русь.

Кто бы ни была эта загадочная Русь, пришла ли она съ береговъ Чернаго моря,—какъ полагаемъ мы,—или съ береговъ моря Балтійскаго по принятой гипотезѣ *), —вотъ что можно относительно ея считать за достовѣрное: во-первыхъ, что она была сѣверо-германскаго происхожденія; во-вторыхъ, что она явилась не какъ народъ или племя, а какъ дружина или шайка повольниковъ, въ родѣ тѣхъ новгородскихъ удалцовъ, которые позже пріобрѣтали для Новгорода Великаго огромныя территоріи съ инородческими данниками.

Пришедшая Русь была сильна не численностью, иначе она не потеряла бы такъ скоро своихъ національныхъ особенностей, не расплылась бы въ славянскомъ элементѣ, утративъ свой языкъ и нравы. Она была сильна боевой и торговой опытностью, военной организаціей, связями съ варягами, черноморскими и балтійскими: черезъ великій водный путь „изъ Варягъ въ Греки“, на которомъ господствовали такіа варяжескія шайки полу-торговцевъ, полу-пира-

---

*) Сопоставленіе разныхъ мѣстъ лѣтописи и иныя соображенія выдвигаютъ слѣдующее предположеніе, какъ наиболѣе правдоподобное. Въ возникновеніи русской государственности принимали участіе два элемента, близко между собой родственные—Русь черноморская и скандинавскіе варяги: объ ихъ столкновеніи въ Кіевѣ прямо свидѣлствуетъ лѣтопись своимъ разсказомъ о нападеніи Олега на Аскольда и Дира, изъ которыхъ послѣдній — лицо историческое, упоминаемое арабскими писателями.

товъ, Русь кievская всегда могла имѣть помощь отъ своихъ соплеменниковъ. Такимъ образомъ, относительно небольшая кучка пришельцевъ, сидя на Днѣпрѣ въ Кіевѣ, который служилъ узломъ для двухъ главнѣйшихъ притоковъ Днѣпра—Десны и Припети, легко могла приобрести и удержать власть надъ туземцами, расположившимися какъ по Днѣпру, такъ и по бассейнамъ этихъ притоковъ, т.-е. полянами, сѣверянами и древлянами.

Конечно, причину успѣха пришельцевъ надо отчасти приписать и положенію туземцевъ-славянъ. Имъ угрожали съ востока сильные хозары, которые съ береговъ Волги раскинули свое вліяніе, и не торговое лишь, а прямо завоевательное, черезъ бассейнъ Дона до бассейна Днѣпра: въ разсматриваемую эпоху хозары уже просто брали дань съ полянъ и сѣверянъ „по бѣлѣ и вѣверицѣ отъ дыма“, какъ свидѣтельствуетъ лѣтописецъ. Затѣмъ важную потребность мѣстнаго славянскаго населенія составляла охрана торговыхъ интересовъ съ ихъ главнымъ направленіемъ къ Черному морю и Византіи: раскопки краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что населеніе южно-русской равнины уже втянуто было въ культурный обиходъ жизни и потому нуждалось во многихъ предметахъ, которые могло доставать лишь путемъ торговаго обмѣна съ византійскаго юга. Пришедшая Русь прямо взяла въ свои руки эти два существенныхъ интереса мѣстной жизни: защиту отъ хозаръ и охрану торговыхъ сношеній. Что Русь, дѣйствительно, явилась представительницей и торговыхъ интересовъ населенія, это ясно изъ дошедшихъ до насъ торговыхъ договоровъ съ греками Олега и Игоря. Какъ она отстаивала южно-русскихъ славянъ отъ хозаръ, объ этомъ рассказываетъ лѣтопись своей обычной, въ высшей степени сжатой и выразительной, эпической манерой: „Не дастъ (Олегъ) имъ хозарамъ дани платити, рекъ: „Азъ имъ противенъ, а вамъ не-чему“. У восточныхъ, арабскихъ, писателей сохранились свидѣтельства о томъ, какъ терпѣло Хозарское государство отъ Руси, начиная съ конца IX вѣка; и если можно сомнѣваться въ томъ, была-ли то Русь кievская, то не подлежить сомнѣнію, что въ X вѣкѣ кievскій князь Святославъ такъ разорилъ Хозарію, что она уже не могла больше оправиться отъ удара, ей нанесеннаго.

Изъ сказаннаго выше легко вывести, что Русь, водворившаяся въ Кіевѣ, безъ особыхъ затрудненій подчинила себѣ южно-русскія племена, сначала ближайшія къ Кіеву, затѣмъ болѣе отдаленныя. Подчиненіе это, конечно, не было призваніемъ, т.-е. подчиненіемъ вполне добровольнымъ; но оно не было и завоеваніемъ. Несомнѣнно, были случаи, когда Руси приходилось прибѣгать къ прямому насилію, „примучивать“ къ подчиненію; такъ, Олегъ „примучилъ“ древлянъ и „имѣлъ рать съ тиверцами“; такъ, Владиміръ Великій завоевалъ червенскіе города, завершивъ, такимъ образомъ, подчиненіе всей южно-русской территоріи вліянію Кіева.

Но, вообще говоря, подчиненіе это, совпадая, повидимому, съ какими-то серьезными интересами объединяемаго населенія, не встрѣчало серьезнаго сопротивленія. Иначе трудно было бы объяснить ту свободу, которою широко пользовалась кievская Русь для далекихъ походовъ уже не за данями, а просто за добычей. Кромѣ набѣговъ на Византію и походовъ на дунайскую Болгарію,

мы знаемъ еще, какъ изъ лѣтописи, такъ и отъ арабскихъ писателей, о большихъ походахъ Святослава на востокъ. Объединявшаяся „Русская Земля“ сталкивалась враждебно въ своихъ восточныхъ границахъ съ сильнымъ государствомъ Хозарскимъ; Святославъ положилъ предѣлъ хозарскимъ притязаніямъ. Удачные походы его на ясовъ и касоговъ объясняются связями кievской Руси съ Русью поморской или тмутараканской.

Но что такое представляла собой эта Русь, и что она вносила во взаимныя отношенія?

Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что Русь оторвалась отъ общества, которое стояло на высшей, по сравненію съ южно-русскимъ славянствомъ, ступени соціальной культуры. Наоборотъ, она жила, очевидно, въ тѣхъ же понятіяхъ родового, патріархальнаго быта: сознаніе взаимной родовой отвѣтственности, власть старшаго въ родѣ, кровавая месть—все это было общее кievской Руси съ славянскими туземцами. Но большую роль сыграло то обстоятельство, что Русь осѣла въ Кіевѣ не родомъ или племенемъ, а дружиной, т.-е. группой, порвавшей свои кровныя связи. Такимъ образомъ, она вносила въ неподвижность родовыхъ формъ новый элементъ, создавая новыя отношенія, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и новыя понятія. Процессъ созиданія новой формы общественности, политической или государственной, быстро пошелъ впередъ подъ вліяніемъ вторженія въ старое теченіе жизни новаго элемента.

Но надо сказать, что первое время — и не очень краткое — Русь жила своей собственной, обособленной жизнью. Византійскій императоръ Константинъ Порфирородный, хорошо освѣдомленный о томъ, какъ жило на нашей южно-русской территоріи, описываетъ жизнь кievской Руси такими словами: „Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, съ наступленіемъ зимы, вся Русь со своими князьями выходитъ изъ Кіева и идетъ на „полюдь“, т.-е. за сборомъ дани къ своимъ славянскимъ данникамъ. Въ сборѣ дани проходитъ зима; въ апрѣлѣ же, когда Днѣпръ освобождался отъ льда, Русь спускалась обратно въ Кіевъ, вѣроятно, на моносилахъ или на однопорубкахъ (дубахъ), которые приготовляли имъ тѣ же данники въ верховьяхъ Днѣпра и по его верхнимъ притокамъ. Дань собиралась медомъ и скорою, т.-е. мѣхами, составлявшими главный предметъ торговыхъ сношеній съ греками. Лѣтомъ кievская Русь занималась торговлей и, надо думать, рыбною ловлей въ устьяхъ Днѣпра, какъ указываетъ одно мѣсто въ договорѣ Игоря съ греками: греки требуютъ, чтобы Русь осенью, въ виду наступленія зимы, непременно возвращалась домой, а не оставалась въ устьяхъ Днѣпра, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, не дѣлала бы зла корсунянамъ, если заставляла ихъ здѣсь, въ устьяхъ, на рыбной ловлѣ. Но зачѣмъ могла проживать лѣтомъ въ днѣпровскихъ устьяхъ сама Русь? По всей вѣроятности, для той же рыбной ловли. А что она проживала, и подолгу, въ столицѣ Византіи для торговли—это несомнѣнно.

Проживать здѣсь, какъ видно изъ договоровъ, она могла лишь въ одномъ опредѣленномъ пунктѣ, въ предмѣстьѣ св. Мамы, имѣла право входить въ городъ лишь черезъ извѣстныя ворота, въ количествѣ не больше пятидесяти безоружныхъ людей, подъ наблюденіемъ правительственнаго агента, „царева

мужа“; русскіе „гости“ (торговцы) имѣли право получать изъ византійской казны въ теченіе шести мѣсяцевъ мѣсячное содержаніе хлѣбомъ, виномъ, мясомъ, рыбой, овощами, въ дополненіе къ которому еще давалась баня, „елико хотять“, а на обратный путь—сѣбѣстные принасы и принадлежности судоходства—паруса, якоря и пр.

Вообще говоря, для до-христіанской эпохи нашей исторіи, договоры Олега (911 г.) и Игоря (945 г.) съ греками представляются, можно сказать, единственнымъ источникомъ несомнѣнной, документальной, достовѣрности, и этотъ источникъ изображаетъ намъ людей „роду русскаго“ подвижными, торговыми, воинственными мореходами. Конечно, они не только торговали, но и собирали дани, охраняли своихъ данниковъ, промышляли новыя дани. Такими они, несомнѣнно, были на самомъ дѣлѣ,—такими изображаетъ ихъ и наша первоначальная лѣтопись. Но надо замѣтить, что фактической сторонѣ нашей исторіи языческаго періода, описываемой лѣтописью, мы можемъ довѣрять лишь въ той мѣрѣ, въ какой она подтверждается сторонними свидѣтельствами, главнымъ образомъ, византійскими. Что великіе князья русскіе, Олегъ и Игорь, дѣйствительно, существовали,—этому мы можемъ вполне довѣрять только потому, что имена ихъ подписаны подъ вышеупомянутыми договорами. Что русская княгиня Ольга была въ Константинополѣ и имѣла приемъ во дворцѣ,—это событіе записано со многими подробностями у императора Константина. Характерная фигура Святослава со всѣми его особенностями, вплоть до наружности, напоминающей запорожца, обстоятельно описана у византійца Льва Діакона. Тайной пружиной всѣхъ подвиговъ Святослава въ Болгаріи была въ значительной степени византійская политика, которая извлекла свои выгоды изъ наускиванія однихъ славянскихъ варваровъ на другихъ. Походъ Святослава въ Хазарію подтверждается арабами. По отношенію къ остальнымъ фактамъ, приводимымъ лѣтописью, трудно разобрать, что принадлежитъ фактической дѣйствительности, что народному творчеству, воплотившемуся въ преданіи, которыми воспользовался лѣтописецъ, двумя вѣками отдѣленный отъ лицъ и событій, имъ описываемыхъ. Что лѣтопись уклонялась въ своихъ сказаніяхъ болѣе или менѣе значительно отъ фактической правды, это несомнѣнно: конечно, Олегъ не подѣвжалъ на колесахъ, придѣланныхъ къ судамъ, и подъ парусами къ стѣнамъ Царьграда; несомнѣнно, что Ольга не „переключала“ греческаго императора и, вѣроятно, не мстила древлянамъ съ той красивой выдержанностью, о какой свидѣлствуетъ лѣтопись, и т. д. Но зато лѣтопись глубоко правдива въ другомъ отношеніи. Свободный отъ риторики и попользовеній къ индивидуальному творчеству, нашъ прекрасный первоначальный лѣтописецъ отмѣтилъ драгоценныя черты той бытовой атмосферы, въ которой дѣйствовали лица и совершались событія, и далъ, такимъ образомъ, нѣчто болѣе цѣнное, чѣмъ сухая, хотя бы и точная, запись фактовъ. Если князь не совершалъ тѣхъ дѣйствій и подвиговъ, какіе приписываетъ ему лѣтописное преданіе, то, во всякомъ случаѣ, былъ на самомъ дѣлѣ тѣмъ княземъ, какимъ его изображаетъ лѣтопись: предводителемъ своей дружины, который заинтересованъ прежде всего въ томъ, чтобы добывать посредствомъ этой дружины

золото и новыя дани, а по отношенію къ зависимому населенію лишь въ томъ, чтобы „устанавливать дани и уроки, становища и ловища“. Такимъ же изображаетъ князя и былина, хотя она и не имѣетъ ничего общаго съ лѣтописью ни въ источникахъ своихъ, ни въ характерѣ и приѣмахъ творчества. До поры до времени князь со своей дружиной былъ самъ по себѣ, земля со своимъ населеніемъ—сама по себѣ. Земли платили свои дани, отбывали уроки—въ видѣ ли помощи князю при устройствѣ городского укрѣпленія, необходимаго для защиты отъ врага, въ видѣ ли устройства какого-нибудь моста или перевоза, безъ котораго было невозможно передвиженіе, или, наконецъ, помощи при княжеской охотѣ, которая была въ тѣ времена не развлеченіемъ, а настоящимъ промысломъ.

II.

Съ христіанствомъ наступилъ рѣзкій поворотъ въ сторону объединенія двухъ чуждыхъ между собою элементовъ, которые положили начало русской государственности. Конечно, надо имѣть въ виду, что само христіанство появилось не такъ внезапно, какъ объ этомъ мы узнаемъ изъ разсказа лѣтописи и основывающихся на ней учебниковъ. Еще въ то время, какъ Русь подписывала со своимъ княземъ Игоремъ упомянутый выше торговый договоръ, Русь „крещенная“ уже составляла, по отношенію къ „некрещенной“, если не большинство, то значительное и вліятельное меньшинство. Очевидно, почва для воспріятія новой религіи подготавливалась въ продолженіе долгаго времени и прежде всего среди самой Руси, которая находилась въ постоянныхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ съ византійскими греками. Но разъ христіанство появилось и охватило южно-русскую равнину своими идеями и учрежденіями, оно сдѣлалось сильнымъ орудіемъ сближенія какъ отдѣльныхъ племенныхъ территорій между собой, такъ и дружинной Руси со славянскимъ населеніемъ этихъ территорій. Новое міровоззрѣніе съ его единымъ источникомъ всего сущаго, съ проповѣдью всеобщей любви и единой морали, уничтожало значеніе родовыхъ разграниченій въ умахъ и душахъ людей; церковь съ ея іерархіей, обрядами, письменностью объединяла фактически около извѣстныхъ общихъ и важныхъ интересовъ. А, кромѣ того, съ христіанствомъ явился изъ Византіи цѣлый циклъ новыхъ понятій и взглядовъ, общественныхъ и политическихъ, соответствующихъ высшимъ формамъ культурной жизни, и эти новые понятія и взгляды захватили прежде всего князей и окружающую ихъ дружинную среду. Ученіе и писаніе христіанское выдвигали новый идеаль государя-правителя, верховнаго судьи, законодателя управляемой страны, и князья не могли остаться чуждыми этому идеалу, который предъявлялся и истолковывался постоянно духовенствомъ, сначала византійскимъ, затѣмъ своимъ собственнымъ, но воспитаннымъ въ томъ же, византійскомъ, культурномъ духѣ.

Владиміръ Святославичъ не только крестился самъ съ дружиной и населеніемъ Кіева, но сдѣлалъ все, чтобы привести къ христіанству населеніе всей территоріи, которая тянула къ Кіеву. Незачѣмъ повторять всѣмъ извѣстныя

подробности этого великаго событія. Скажемъ лишь, что многое въ лѣтописномъ разсказѣ объ этомъ предметѣ носить на себѣ легендарный характеръ. Конечно, все подробное повѣствованіе объ испытаніи вѣры есть продуктъ позднѣйшаго творчества; также не выдерживаютъ исторической критики и нѣкоторыя подробности, касающіяся самаго факта крещенія Владиміра Св. Но зато здѣсь мы уже стоимъ на порогѣ настоящей исторіи: съ этихъ поръ лѣтопись приобретаетъ характеръ достовѣрности. Новая вѣра дала власти ту высшую, религіозную санкцію, которой она была лишена, и съ тѣхъ поръ потомки Владиміра Св. пользуются почти никѣмъ и никогда не оспариваемымъ правомъ на управленіе Русской землей. Возросъ авторитетъ княжеской власти, и сами князья все глубже проникались сознаніемъ своихъ обязательствъ быть организаторами и устроителями своихъ земель по тѣмъ образцамъ, которые представлялись ихъ сознанію готовыми, выработанными, единственно правильными.

Лѣтописный Владиміръ Св. является сначала въ образѣ стараго языческаго князя-предводителя своей дружины. Въ теченіе десяти лѣтъ подрядъ лѣтопись приписываетъ ему непрерывные походы изъ края въ край своей обширной территоріи и за ея предѣлы, то къ непокорнымъ данникамъ, то за новыми данями и добычей, на червенскіе города, лежавшіе на границахъ съ ляхами, къ ятвягамъ, къ вятичамъ и радимичамъ *), къ камскимъ болгарамъ и къ Черному морю въ греческіе предѣлы.

Такой же образъ князя, предводителя дружины, остался отъ Владиміра Св. и въ народной памяти, только освѣщающей его фигуру не съ этой, такъ сказать, дѣятельной его стороны: почти весь нашъ такъ называемый былинный эпосъ, съ небольшимъ исключеніемъ, имѣетъ своимъ средоточіемъ Кіевъ и князя Владиміра стольно-кіевского. Несмотря на то, что Владиміръ самолично появляется во множествѣ былинъ, черты, которыми онъ характеризуется, сводятся къ немногому. Тѣмъ не менѣе, это немногое освѣщаетъ его фигуру очень опредѣленно. Владиміру былинъ, очевидно, нѣтъ иного дѣла до земли, кромѣ одного: защиты этой земли. Имѣетъ онъ отношеніе лишь къ дружинѣ, которая занимается этой защитой. Со всѣхъ сторонъ, изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ территоріи и изъ-за ея предѣловъ стекаются дружинники на службу ласковому князю: тутъ и сѣверскій богатырь Илья Муромецъ, и выходецъ изъ отдаленной западной окраины южной Руси, Галича волынскаго, Дюкъ Степановичъ, и заморскій гость Соловей Будимировичъ. Между ними есть люди и княжескаго рода, какъ Добрыня Никитичъ, и духовнаго происхожденія, какъ Алепа Поповичъ, и Иванъ гостинный сынъ, и мужики Залѣшане. Всѣхъ принимаетъ Владиміръ — князь съ распростертыми объятіями, всѣмъ готова чара вина, пива пьянаго, меда сладкаго, для всѣхъ накрыты дубовые столы, разставлены скамьи окольные, подаются яства сахарныя. Конечно, не каждому гостю почетъ одинаковый: для челоуѣка съ извѣстнымъ именемъ и отчествомъ, для славнаго богатыря, готово мѣсто рядомъ съ княземъ или княгиней или

*) Вятичи и радимичи—русскія племена, обитавшія на Сожѣ, верхней Деснѣ и Окѣ, но не входившія въ южно-русскую племенную группу.

супротивъ ихъ; для темнаго пришельца достаточно было „и на нижнемъ конечку мѣстечка немножечко“. Но зато каждому открыто было всякое мѣсто путемъ заслуги, путемъ богатырскаго подвига. Крестьянскій сынъ Илья Муромецъ, благодаря своимъ выдающимся заслугамъ по защитѣ Русской земли, могъ не только выбирать по своему изволенію* любое мѣсто за княжескимъ столомъ, но, въ случаѣ неудовольствія на князя, могъ верховодить и въ самомъ Киевѣ. Вообще надо сказать, что былинные богатыри умѣли цѣнить свои заслуги, умѣли постоять за себя и не особенно церемонились съ княземъ. Припомнимъ кстати разсказъ лѣтописи о томъ, какъ дружина не захотѣла ѣсть деревянными ложками, а потребовала у Владиміра серебряныхъ, и какъ князь тотчасъ же исполнилъ это требованіе: „серебромъ-де и золотомъ не добуду себѣ дружины, а съ дружиной добуду и серебро и золото“. Богатыри защищаютъ землю, расчищаютъ пути-дороги отъ залегавшей ихъ разной вражеской силы, дѣлаютъ заставы, совершаютъ разные богатырскіе подвиги; кромѣ того, исполняютъ личныя порученія князя: ѣздить на охоту, ѣздить въ чужія земли присмотрѣть невѣсту для князя и т. д. За услуги князь жалуетъ богатырей безсчетною казною, краснымъ золотомъ, чистымъ серебромъ, скатнымъ жемчугомъ. Былинный эпосъ, какъ извѣстно, возбуждаетъ массу недоразумѣній и противорѣчивыхъ теорій касательно его генезиса и отношенія былиннаго матеріала къ историческому; но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что онъ прекрасно передаетъ духъ первобытныхъ взаимныхъ отношеній князя и дружины. Однако, самъ былинный князь Владиміръ, повидимому, мало соответствуетъ историческому. Онъ изображается личностью пассивной; цѣлый Божій день пируетъ онъ со своими богатырями и гостями торговыми.

Случается, разсердить его какой-нибудь богатырь неумѣстной выходкой, и тогда князь бѣгаетъ по столовой гриднѣ, потряхивая желтыми кудрями, и даже доходитъ во гнѣвѣ до того, что сажаетъ виновнаго въ погребъ глубокій, но обыкновенно дѣло оканчивается тѣмъ, что онъ раскаивается въ своемъ поступкѣ и проситъ прощенія. Но если эти черты и не напоминаютъ намъ историческаго Владиміра, то, во всякомъ случаѣ, это общія типическія черты дружиннаго князя-предводителя, какимъ исключительно и представляется Владиміръ въ былинахъ.

Такимъ же дружиннымъ княземъ представляется Владиміръ отчасти и нашей лѣтописью. Но она знаетъ и другого Владиміра, строителя земли. Самый фактъ введенія христіанства потребовалъ отъ князя много организаторской дѣятельности: вѣдь новому христіанскому обществу надо было дать церковъ во всемъ сложномъ смыслѣ этого слова. Но лѣтопись даетъ понять, что это новое, устроительное направленіе княжеской дѣятельности не ограничилось одной религіозной областью. Единственное, что устраивали старые языческіе князья, это были „дани и уроки“; Владиміръ Св. дѣлаетъ попытки организовать судъ въ болѣе культурномъ смыслѣ этого слова.

Что вмѣшательство это было результатомъ вліянія новыхъ идей, видно изъ той роли, какую играло въ этомъ дѣлѣ духовенство: вѣдь оно было не только главнымъ, но и единственнымъ пока проводникомъ культурныхъ формъ

и понятій. „И сказали епископы Владиміру: „вотъ умножились разбойники; зачѣмъ не казнишь ихъ“. Онъ же сказалъ имъ: „боюсь грѣха“... Они же сказали ему: „ты поставленъ отъ Бога на казнь злымъ и на милованье добрымъ; слѣдуетъ тебѣ казнить разбойниковъ, но съ разслѣдованіемъ („со испытаніемъ“)“. Такъ наивно рассказываетъ лѣтопись объ этихъ первыхъ попыткахъ устроить правильный судъ.

И защиту своихъ земель Владиміръ, повидимому, понималъ правильнѣе и шире, чѣмъ его предшественники.

Онъ устроилъ для защиты своихъ владѣній со стороны степи цѣлую систему крѣпостей: на правомъ берегу Днѣпра—по Стугнѣ и Ирпени, на лѣвомъ—по Деснѣ, Остру, Трубежу, Сулѣ. Кромѣ крѣпостей служили для защиты еще валы и рвы. Нѣмецкій епископъ Брунонь, проживши цѣлый мѣсяцъ съ миссіонерскими цѣлями при дворѣ Владиміра, свидѣтельствуешь, что онъ самъ видѣлъ воздвигнутыя Владиміромъ крѣпкія стѣны съ воротами не только вокругъ Кіева, но и гдѣ-то на Стугнѣ.

Надо сказать, что и потребность въ защитѣ южныхъ границъ выступила къ этому времени съ угрожающей настоятельностью.

Южно-русская степь съ ея кочевымъ населеніемъ, постояннымъ или временнымъ, но всегда враждебнымъ и хищнымъ, опредѣлила собою въ значительной степени всю дальнѣйшую судьбу южной Руси. И не успѣла еще русская земля окончательно сложиться политически, какъ степь уже была готова къ наступленію, уже ставила ей свою вѣковѣчную задачу. Еще со времени Святослава (968 г.) начинаются нападенія печенѣговъ, осаждающихъ даже Кіевъ, и самъ Святославъ, какъ извѣстно, палъ ихъ жертвою. Владиміръ Святой боролся съ ними почти непрерывно. Хищники отрѣзали молодой политической организмъ отъ Чернаго моря, которое было, въ извѣстномъ смыслѣ, его колыбелью. „Путь изъ Варягъ въ Греки“ былъ ими перехваченъ въ низовьяхъ Днѣпра. Поморская Русь осуждена на отмираніе, какъ атрофированный членъ; страна насильственно отодвинута къ сѣверу. Но все это сказалось позже въ своихъ окончательныхъ результатахъ. Пока еще Русь успѣшно боролась съ печенѣгами, которые иногда выступали даже и союзниками русскихъ князей, продолжала морскія сношенія съ Греціей, а Тмутаракань дѣятельно участвовала въ общей жизни русской земли.

Ярославъ (1019—1054 г.) одинъ изъ многочисленныхъ сыновей Владиміра, занявши кіевскій престолъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ междоусобій, наступившихъ между братьями по смерти отца, былъ вторымъ княземъ-устроителемъ земли. Черты стараго князя - дружинника въ немъ уже какъ бы совершенно отсутствуютъ, по крайней мѣрѣ, въ лѣтописномъ обликѣ его, какъ великаго князя кіевского. Войнъ онъ ведетъ сравнительно мало, и тѣ, какія ведетъ, обусловливаются, главнымъ образомъ, войной съ братьями изъ-за власти и для самозащиты. Борьба со Святополкомъ, такъ называемымъ Окаяннымъ, вовлекла его въ продолжительныя враждебныя столкновенія съ Польшей. Здѣсь, въ Польшѣ, совершалось приблизительно и почти одновременно то же, что у насъ на Руси: складывалось политическое цѣлое, стягивая въ одну массу тянущія врозь пле-

менные группы, вторгалось христіанство, сплавливая эту массу единством своихъ настроеній и учреждений. Ярославъ, вовлеченный во враждебное столкновение съ Польшей, обнаружилъ въ этихъ столкновенияхъ сознательный умъ политическаго дѣятеля: въ междоусобной борьбѣ, которая тамъ происходила, онъ поддерживалъ сторону объединенія и христіанства противъ племенныхъ и языческихъ стремленій. Для русской земли это вмѣшательство Ярослава въ польскія дѣла выразилось окончательнымъ присоединеніемъ червенскихъ городовъ, которые лежали, такъ сказать, на периферіи двухъ складывающихся политическихъ организмовъ, русскаго и польскаго; такимъ образомъ, политическая граница совпала, какъ оно и слѣдовало, съ этнографическою. Ярославъ, выведя изъ походовъ своихъ въ Польшу много плѣнныхъ, селилъ ихъ по р. Роси, которую укрѣплялъ городами, продолжая, такимъ образомъ, и расширяя дѣло Владиміра Св.,—защиту южныхъ границъ отъ степныхъ хищниковъ. Надо сказать, что при Ярославіи печенѣги уже меньше беспокоили кіевское княжество, такъ какъ были ослаблены наступающими на нихъ съ востока новыми кочевниками, узамъ-торками, за которыми слѣдовали половцы: послѣ рѣшительнаго пораженія подъ Кіевомъ въ 1036 г. печенѣги исчезли навсегда для Руси.

Во внутреннюю жизнь Ярославъ уже вмѣшивается дѣятельно и широко. Существеннѣйшимъ интересомъ общества, во главѣ котораго онъ стоялъ на томъ новомъ пути, на которомъ оно очутилось связью историческихъ условій, были укрѣпленіе и распространеніе христіанской культуры. Прямымъ путемъ къ достиженію этой цѣли было насажденіе грамотности и книжнаго ученія. Вѣсьма извѣстна забота Ярослава объ этомъ: какъ онъ самъ лично „прилежалъ книгамъ и почитая е часто въ нощи и въ дне“, какъ онъ собиралъ книги, добывая ихъ, конечно, изъ Греціи и Болгаріи, держалъ многихъ писцовъ для переписки, заботился о переводѣ съ греческаго того, чего не хватало на болгарскомъ; извѣстны также его заботы о духовенствѣ, о построеніи и украшеніи церквей. Однимъ словомъ, онъ приложилъ много усилій къ тому, чтобы христіанство изъ внѣшняго и обрядоваго, какимъ оно, по необходимости, было въ началѣ, при Владимірѣ, по возможности дѣлалось внутреннимъ, перешло въ понятія и чувства общества. Ярославъ читалъ книги и, конечно, проникался христіанскими, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и римско-византійскими понятіями о государственномъ строѣ и своихъ обязанностяхъ какъ христіанскаго правителя. А окружающая жизнь, между тѣмъ, неслась мимо него свободнымъ потокомъ—изъ источниковъ, имѣющихъ мало общаго съ христіанскимъ понятіемъ объ истинномъ и должномъ, съ римскимъ понятіемъ о справедливомъ. Естественно, что всякій правитель, не лишенный энергіи, долженъ былъ дѣлать попытки урегулировать эту свободную и неправильную жизнь, приспособить ее къ новымъ требованіямъ, какія ставили ей христіанская нравственность и развивающійся государственный строй. Ярославъ сдѣлалъ эту попытку своей „Русской Правдой“ въ ея древнѣйшей редакціи. „Русская Правда“—сводъ юридическихъ положеній, частью заимствованныхъ изъ правовыхъ понятій, господствующихъ въ жизни, частью изъ византійскаго права.

Благодаря уму и энергіи Владиміра и Ярослава, политическій организм Русской земли сложился и до извѣстной степени окрѣпъ. Външніе враги не угрожали его существованію: восточное сосѣднее Хозарское государство не могло оправиться отъ тѣхъ ударовъ, которые нанесъ ему богатырь нашей лѣтописи, Мстиславъ Владиміровичъ Тмутараканскій; о западномъ сосѣдѣ, Польшѣ, только-что сказано, также и объ южныхъ сосѣдяхъ—печенѣгахъ. Дружеское отношеніе съ Византіей нарушено было неудачнымъ морскимъ походомъ на Грецію Ярослава сына Владиміра, причины котораго неизвѣстны: это былъ послѣдній набѣгъ русскихъ на Византію.

Итакъ, ничто извнѣ не угрожало существованію Руси. Но у ней оказался опасный врагъ внутри, въ семьѣ самихъ князей-правителей. Каждый изъ нихъ, когда дѣлается правителемъ, могъ проникаться болѣе или менѣе интересами земли; но въ то же время, всѣ вмѣстѣ и каждый въ отдѣльности, они смотрѣли на власть какъ на свое семейное достояніе, въ которомъ каждый членъ долженъ былъ по праву имѣть непосредственное участіе. Отсюда дробленіе власти, для избѣжанія котораго нѣкоторые князья-правители прибѣгали къ истребленію своихъ братьевъ-претендентовъ на раздѣлъ. Изъ троихъ сыновей Святослава остался отъ взаимнаго истребленія одинъ Владиміръ; старшій сынъ Владиміра, Святополкъ, умертвилъ Бориса, Глѣба и Святослава. Это явленіе далеко не единичное во всемірной исторіи; въ многихъ случаяхъ политическая власть утверждалась лишь истребленіемъ братьевъ и родичей. Но это не могло обратиться въ систему въ христіанскомъ государствѣ: уже Ярославъ не рѣшился убить брата Судислава, а лишь посадилъ его „въ порубъ“ и вынужденъ былъ раздѣлить власть съ братомъ Мстиславомъ Тмутараканскимъ. А за спиной князей-братьевъ, которые всѣ тянулись за своей долей власти, стояли земли съ отдѣльными племенами, въ которыхъ еще далеко не замерло воспоминаніе о самостоятельномъ существованіи, свободномъ отъ даней и уроковъ Кіеву и его князьямъ.

Едва только сложившійся политическій организмъ уже готовъ былъ разложиться на свои составныя части *).

---

*) Литература указана при главѣ третьей.

Глава третья.

Удѣльная смута и степные кочевники; внутреннй бытъ; Галицко-Владимірское княжество.

I.

Современный историкъ, приступая къ исторіи той или другой страны, обыкновенно предпосылаетъ территоріальное ея описаніе,—пріемъ, раціональность котораго не нуждается въ особыхъ доказательствахъ. Мы уклонились отъ этого обычнаго пріема,—и не безъ основанія. Государство, въ зачаточныхъ ступеняхъ своего развитія, не поддается сколько-нибудь точнымъ территоріальнымъ опредѣленіямъ. Если государство Олега, напр.,—буде сюда примѣнимъ терминъ „государство“—захватывало Кіевъ и Новгородъ, то это совсѣмъ не значить, чтобы первымъ князьямъ принадлежала вся территорія, лежащая между этими городами, а значить лишь, что имъ принадлежала власть надъ обоими этими отдаленными конечными пунктами великаго пути „изъ Варягъ въ Греки“, а, слѣдовательно, и извѣстное вліяніе на весь протяженіи этого пути, соединенное, можетъ-быть, съ захватомъ еще нѣкоторыхъ пунктовъ по сторонамъ этого пути или его развѣтвленіямъ. Опредѣленіе границъ, въ современномъ смыслѣ этого слова, т.-е. по линіи периферіи политическаго организма, для этой первичной эпохи невозможно: можно опредѣлить территорію лишь по ея, такъ сказать, центральнымъ пунктамъ, по городамъ и рѣчнымъ путямъ.

Настоящая третья глава посвящена такъ называемому удѣльному періоду южно-русской исторіи. Всякому извѣстно, что періодъ этотъ, съ внѣшней стороны, характеризуется расчлененіемъ территоріи. Благодаря этому расчлененію, дѣлаются возможными болѣе точныя территоріальныя опредѣленія, хотя все-таки только приблизительныя; поэтому мы ограничимся здѣсь лишь самыми краткими и насущно-необходимыми географическими указаніями.

Кіевская земля, область или княжество, захватывала среднее теченіе Днѣпра отъ устья Припети до устья Роси. Главною своею массою она лежала

по правой сторонѣ Днѣпра; по лѣвому берегу ея владѣнія шли лишь какой-то неопредѣлимой, точнѣе, узенькой полосой. Вообще, населенныя мѣста, тянувшія къ Кіеву и, слѣдовательно, считавшія себя частью земли кіевской, лежали на территоріи между Припетью и Случью, южнымъ Бугомъ и Росью. Надо полагать, что населеніе этихъ мѣстъ не было однородно по племенному характеру: здѣсь поляне лѣтописи жили, вѣроятно, вмѣстѣ съ древлѣнами.

Къ Кіевскому княжеству тѣсно примыкали, территоріально и политически, княжества Туровское (Турово-пинское) съ сѣверо-запада и Переяславское съ юго-востока. Оба они то исчезаютъ въ понятіи Кіевского княжества, то появляются отдѣльно: ихъ территорія такъ же неопредѣленна, какъ туманна и блѣдна ихъ исторія. Туровское княжество, земля дреговичей, родственныхъ древлѣнамъ, расходится своими поселеніями по Припети и достигаетъ ея верховьевъ, врѣзываясь, такимъ образомъ, въ земли княжества Галицкаго.

Переяславская „украина“, по выраженію лѣтописца, тянулась неопредѣленной линіей своихъ укрѣпленныхъ городовъ по лѣвымъ притокамъ Днѣпра отъ Трубежа и Супоя черезъ Сулу, Пселъ до Ворсклы и верхняго Донца, сливаясь съ дикою степью, пріютомъ кочевыхъ хищниковъ. Переяславское княжество даже трудно и назвать областью или землею: это скорѣе сторожевая линія. Относительно населенія, надо полагать, что оно было, главнымъ образомъ, сѣверянское.

Но настоящей землей сѣверянскаго племени было княжество Черниговское, лежавшее къ сѣверу отъ Переяславскаго. Его исконная территорія—бассейны Десны и Сейма. Однако, сѣверными своими поселеніями Черниговское княжество выходило за предѣлы южной Руси въ земли радимичей и вятичей, къ рѣкамъ Волжскаго бассейна. Факты, относящіеся до Черниговскаго княжества, рѣзко выставляютъ на видъ обособленность этой земли отъ земли кіевской: очевидно, политическія отношенія здѣсь укрывали племенной антагонизмъ, исконную племенную рознь.

Въ западной части южно-русской территоріи въ удѣльный періодъ выступили, болѣе или менѣе опредѣленными очертаніями, еще двѣ области, Волынская и Галицкая; онѣ то существовали политически отдѣльно другъ отъ друга, то сливаясь въ одно Галицко-Волынское княжество. Волынь лежала по верхней Припети и правымъ ея притокамъ, также по верховьямъ западнаго и южнаго Буга: это земля дулебовъ, бужанъ или волынянъ лѣтописи. Съ Волынскимъ княжествомъ сливалось по верховьямъ западнаго Буга княжество Галицкое, захватившее тѣхъ же самыхъ бужанъ; но затѣмъ оно отходило подъ Карпатскія горы, по сѣверо-восточнымъ склонамъ которыхъ и раскинулось. Изъ Карпатскихъ горъ расселеніе шло по р. Сану къ сѣверу, пока не наткнулось на поселенія польскихъ племенъ; а къ юго-западу, по Пруту и Днѣстру, оно ушло въ даль, стремясь къ Черному морю. Отдаленность ли территорій, племенная ли рознь была тому причиною, но ни одна изъ южно-русскихъ земель не жила такой обособленной отъ общихъ центровъ, отъ Приднѣпровья и Кіева, жизнью, какъ земля Галицкая.

Таковы были области, на которыя распалась южная Русь послѣ смерти Ярослава I. Не слѣдуетъ думать, что каждая земля была постоянной и

неизмѣнной величиной. Напротивъ, земли эти, княжества, находились въ постоянномъ движеніи. Онѣ то соединялись между собою подъ властью того или другого князя, то разъединялись; та или иная часть территоріи отходила то къ одной области, то къ другой; наконецъ, внутри областей образовывались удѣлы, т.-е. новыя областныя дѣленія. Но несомнѣнно, тѣмъ не менѣе, что была какая-то сила, тянувшая области къ обособленію. Надо полагать, что силой этой, объединяющей область въ областную единицу, были, прежде всего, племенное чувство, сознание племенного родства, затѣмъ, вѣроятно, общность торговыхъ, промышленныхъ и иныхъ интересовъ. Какъ бы то ни было, во всякой области былъ центръ, иногда и не одинъ, который служилъ узломъ ея общественныхъ интересовъ. Такими центрами были для Черниговской земли Черниговъ и Новгородъ-Сѣверскій, для Туровской—Туровъ и Пинскъ, для Переяславской—Переяславль, для Волынской—Владиміръ и Луцкъ, для Галицкой—Перемышль и Червень, потомъ Галичъ, позже Холмъ и Львовъ.

Одновременно съ объединеніемъ Русской земли, за ея западными предѣлами, образовались изъ славянскихъ народностей два другихъ политическихъ тѣла—Польша и Чехія. У нихъ мы замѣчаемъ то же самое дробленіе на удѣлы. Мало того, аналогичныя явленія усматриваются и въ Сербіи, и въ Болгаріи. Можетъ-быть, на все это не слѣдуетъ смотрѣть какъ на историческую случайность, а какъ на проявленіе особеннаго тяготѣнія славянъ къ федеративной формѣ политическаго устройства; но крайности этого дробленія и его большая сложность и запутанность есть уже несомнѣнно случайность русской исторіи, особенное условіе нашихъ историческихъ обстоятельствъ.

У Ярослава было шесть сыновей; у каждаго изъ нихъ были также сыновья. Такимъ образомъ, число претендентовъ на долю участія въ управленіи Русской землей разрослось значительно въ теченіе даже и перваго полулѣтя со смерти Ярослава. По понятіямъ того времени, господствовавшимъ въ княжеской семьѣ, старшій по семейнымъ отношеніямъ тѣмъ самымъ дѣлался старшимъ и по управленію государствомъ, садился на старшій „столъ“, Кіевскій. Остальные получали свои доли въ управленіи, въ видѣ отдѣльныхъ „волоостей“, т.-е. областей, въ извѣстномъ порядкѣ, въ которомъ достоинство получаемыхъ областей находилось въ зависимости отъ положенія претендента въ порядкѣ семейной іерархіи. Всякое извлеченіе звена изъ этой цѣпи вызывало новое передвиженіе всѣхъ остальныхъ звеньевъ. Такова была идеальная схема княжескихъ отношеній. Но до осуществленія ея на практикѣ было такъ далеко, какъ вообще далека практика жизни отъ всякаго теоретическаго идеала. Осуществленіе этой схемы часто наталкивалось на серьезныя практическія препятствія; но, прежде всего, противъ нея стоялъ эгоизмъ тѣхъ же князей-старшихъ, а потому и болѣе сильныхъ. Сила всегда находитъ себѣ оправданіе въ правѣ. Въ разрѣзъ положеніямъ арханческаго права выступали новыя понятія, въ силу которыхъ сынъ не могъ пользоваться тѣмъ, чѣмъ не пользовался его отецъ. Князья старшаго поколѣнія примѣняли это юридическое понятіе такъ, что лишали правъ тѣхъ изъ младшихъ князей, отцы которыхъ не успѣвали, за раннею смертію, получить самостоятельное положеніе, стать во главѣ отдѣль-

ной волости. Такъ поступили старшіе Ярославичи съ племянникомъ Ростиславомъ, сыномъ перваго Ярославова сына, Владиміра, умершаго еще при жизни отца, и съ его дѣтьми Рюрикомъ, Володаремъ и Василькомъ Ростиславичами. Такіе обездоленные князья, какъ бы выброшенные, изгнанные изъ княжеской семьи, назывались изгоями. Иногда они получали отъ старшихъ родичей, въ видѣ милости, что-нибудь, какой-нибудь городъ, иногда не получали ничего. Но соблазнъ уменьшить число претендентовъ на власть былъ такъ великъ, что старшіе Ярославичи, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, распространили изгойство и на сыновей младшихъ Ярославичей, Игоря и Вячеслава, хотя отцы ихъ умерли уже самостоятельными князьями отдѣльныхъ волостей. Мало того, два старшихъ Ярославича, Изяславъ и Всеволодъ, послѣ смерти Святослава, оставшіе у власти, обратили въ изгоевъ сыновей умершаго, хотя отецъ ихъ былъ даже одно время великимъ княземъ кievскимъ. Такимъ образомъ мѣсто права заступило простое и грубое насиліе.

Но между изгоями-племянниками были люди и даровитые, и энергичные: таковы были Ростиславъ и Ростиславичи, затѣмъ Олегъ Святославичъ или „Гориславичъ“, по живописному выраженію „Слова о полку Игоревѣ“; не обдѣленъ природою былъ, повидимому, и Давидъ Игоревичъ. Они не могли мириться съ своимъ положеніемъ, да съ нимъ не могли мириться и самые заурядные изъ изгоевъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое былъ князь безъ волости? Ничто. Борьба за волость была борьбой за существованіе въ прямомъ смыслѣ этого слова. Къ тому же изгой чувствовалъ за собою право, и право исконное, нарушенное насиліемъ. Они не могли не вступить въ самую рѣшительную и отчаянную борьбу за свое право надѣла въ Русской землѣ. Планъ борьбы предрѣшался обстоятельствами.

Была одна русская область, куда не могли достать даже и длинныя руки старшаго князя Русской земли, князя кievскаго—это Тмутаракань: она жила какой-то для насъ уже совсѣмъ темной, обособленною жизнью. Туда бѣжали изгой и находили тамъ гостепріимный пріютъ. Въ Тмутаракани изгой собирались съ силами, скликали дружину, договаривались со степными хищниками, орды которыхъ отдѣляли Тмутаракань отъ остальной Русской земли, и которые всегда были готовы отправиться въ русскіе предѣлы, особенно подъ предводительствомъ русскаго князя. Изготовить такую экспедицію, повидимому, было дѣломъ очень нетруднымъ; и каждый разъ стольные князья-дяди должны были живо чувствовать, какъ непрочны ихъ столы.

Изгою ничего не стоило перенести неудачу: онъ уходилъ назадъ въ Тмутаракань для того, чтобы снарядиться и опять появиться съ новой военной силой: въ этомъ отношеніи степь была неистощима. Во что обходилось это землѣ, видно изъ „горькой славы“ изгоя Олега Святославича-Гориславича. Очевидно, надо было покончить съ такимъ положеніемъ: пришли къ сознанію необходимости этого и сами старшіе князья. Надо было придумать какой-нибудь компромиссъ, удовлетворявшій такъ или иначе требованіямъ изгоевъ.

Въ практикѣ княжескихъ отношеній былъ одинъ способъ рѣшать большія и общія затрудненія: это съѣзды князей, какъ бы княжескіе сеймы или вѣча. Первый извѣстный намъ съѣздъ князей, Любечскій (1097 г.), былъ

созванъ именно для того, чтобы уладить дѣла дядей съ племянниками—удовлетворить изгоевъ.

Переговоры князей на Любечскомъ съѣздѣ выяснили, что сыновья должны наследовать своимъ отцамъ: ими утверждёнъ былъ, по принятому выраженію, принципъ вотчинности какъ руководящее начало княжескихъ отношеній. Къ даннымъ условіямъ принципъ этотъ примѣнялся такъ: второе поколѣніе Ярославова потомства, т.-е. внуки, должны были пользоваться тѣмъ, чѣмъ владѣло первое поколѣніе—ихъ отцы, по распоряженію дѣда Ярослава. Собственно, этимъ постановленіемъ Любечскаго съѣзда не было установлено ничего рѣшительнаго и новаго. И раньше дѣти князей наследовали отцамъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ эти ихъ права наследованія не наталкивались на препятствія со стороны иного права или просто силы; съ другой стороны, и послѣ съѣзда князья далеко не всегда удерживали за собою свои вотчины. Но навстрѣчу принципу вотчинности шло стремленіе областей къ обособленности. Каждая область была глубоко заинтересована въ томъ, чтобы имѣть князя изъ одной княжеской линіи, т.-е. чтобы столы ея не передавались изъ линіи въ линію, какъ это практиковалось вначалѣ. Такимъ образомъ, принципъ вотчинности, несмотря на всю фактическую путаницу отношеній, на постоянныя его нарушенія, все-таки, въ концѣ концовъ, восторжествовалъ, и отдѣльныя линіи Ярославова дома болѣе или менѣе прочно связали свою судьбу съ исторіей отдѣльныхъ областей.

Важныя послѣдствія для южно-русской исторіи имѣло рѣшеніе Любечскаго съѣзда признать за изгоями Ростиславичами право на червенскіе города, которые составляли ядро Галицкой земли.

Энергичные Ростиславичи и ихъ потомки крѣпко уцѣлились на своихъ удѣлахъ, и такъ дружно держались за нихъ, что сумѣли отстранить всѣ пошылки другихъ князей, особенно кievскихъ, сдвинуть ихъ съ мѣста. Стремленіе Галицкой области къ самостоятельному существованію нашло себѣ дѣятельную поддержку въ энергичныхъ изгояхъ.

Но внутреннее спокойствіе не водворилось въ Русской землѣ ни послѣ Любечскаго, ни послѣ Витичевскаго (1100г.) съѣзда, который былъ созванъ съ тою же цѣлью. Князей было слишкомъ много, и слишкомъ много было у нихъ поводовъ для взаимныхъ столкновеній. Каждый стремился къ лучшимъ и большимъ волостямъ, у каждого была наготовѣ ссылка на какое-нибудь право, а „волоститься“ (спорить о волостяхъ) можно было только на счетъ другого, который никогда не желалъ добровольно оставлять того, что онъ уже занималъ. На первомъ планѣ шла, конечно, ожесточенная борьба между болѣе сильными за лучший изъ имѣющихся въ наличности кусковъ—за Кіевскій столъ. По отношенію къ столу Кіевскому оставалось, повидимому, въ полной силѣ, не затронутое никакими княжескими съѣздами, ни договорами, старое правило: что Кіевскій столъ долженъ быть занять старшимъ въ родѣ.

Но принципъ вотчинности, такъ громко и рѣшительно признанный самими же князьями, подрывалъ авторитетъ этого правила теоретически и создавалъ для его примѣненія практическія препятствія. Поэтому Кіевскій столъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ доставался тому, кто дѣйствительно имѣлъ на него право

старшинства. Одинъ занималъ Кіевскій столъ потому, что „голова идетъ къ мѣсту, а не мѣсто къ головѣ“, другой потому, что его хотѣлъ Кіевъ; третій потому, что чувствовалъ за собою поддержку какой-нибудь внѣшней силы, хотя бы иноземной, въ видѣ поляковъ или угровъ (венгровъ); во всякомъ случаѣ, садился на Кіевскій столъ тотъ, за кѣмъ было въ данный моментъ фактическое преимущество, въ чемъ бы оно ни заключалось. Какъ мало здѣсь значило право старшинства—видно изъ слѣдующаго примѣра.

Внукъ Ярослава, Владиміръ Мономахъ, представляетъ собою самую симпатичную личность всей такъ называемой удѣльно-вѣчевой эпохи, считая отъ смерти Ярослава до нашествія татаръ (1054—1224 г.). Отецъ его, Всеволодъ, былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей своего времени; мать его—греческая царевна. Вѣроятно, вліянію семейной атмосферы обязанъ Владиміръ Мономахъ той относительной культурностью, которая такъ выгодно отличаетъ его въ средѣ другихъ членовъ Ярославова дома. Сохраняя свойства древняго русскаго князя, энергію, предприимчивость, мужество, настойчивость въ достиженіи цѣли, прямоту и искренность характера, Мономахъ соединяетъ съ этими достоинствами свѣжей натуры варвара стремленіе къ сознательному идеалу, которое прививается человѣку лишь цивилизаціей. Въ его душѣ живетъ идеалъ христіанскаго князя, правителя своей земли и ея защитника, праведнаго судьи, прибіжища всѣхъ слабыхъ и угнетенныхъ, „братолюбца, нищелюбца и добраго страдальца за русскую землю“. Такимъ образомъ, Владиміръ Мономахъ представляетъ собою рѣдкое сочетаніе варварскихъ добродѣтелей съ христіанскимъ настроеніемъ чувства и культурно развитою мыслию.

И вотъ этотъ-то въ своемъ родѣ идеальный человѣкъ, съ его глубокимъ уваженіемъ къ праву, занимаетъ Кіевскій столъ, нарушая право старшинства, и нарушаетъ не въ увлеченіи страсти, закрывая глаза на долгъ, а нарушаетъ потому, что не видитъ возможности поступить иначе. Онъ могъ сдѣлаться великимъ княземъ еще по смерти отца своего Всеволода (1093 г.), послѣдняго изъ Ярославичей, занимавшаго Кіевскій столъ, но отступилъ, чтобы поддерживать права своего двоюроднаго брата Святополка, сына старшаго изъ Ярославичей Изяслава. Когда же умеръ и Святополкъ, то права на великокняжеское достоинство переходили къ двоюроднымъ братьямъ черниговскимъ—Святославичамъ, сыновьямъ второго Ярослава. Тогда въ Кіевѣ началось смятеніе, такъ какъ горожане не хотѣли имѣть у себя никого изъ Святославичей, а требовали Всеволодовича, возлагая на его совѣсть отвѣтственность за всѣ послѣдствія смуты, которая неизбежно произойдетъ, если онъ снова откажется занять Кіевскій столъ. Владиміръ уступилъ. Такъ слабы были правовыя понятія, по которымъ занимался Кіевскій столъ, что даже такіе блюстители права, какъ Мономахъ, вынуждаемы были его нарушать; какъ же могло это шаткое право выдержать борьбу съ эгоизмомъ и хищничествомъ, осаждавшими его со всѣхъ сторонъ?

Борьба за Кіевскій столъ тянулась почти непрерывно за исключеніемъ нѣкоторыхъ свѣтлыхъ промежутковъ; такимъ промежуткомъ отдыха было княженіе Мономаха (1113—1125 г.), когда даже безпокойные Святославичи, несмотря на всѣ свои права старшинства, не оспаривали Кіевъ у Мономаха, за-

пищаемаго общимъ уваженіемъ къ его личнымъ высокимъ достоинствамъ. Ожесточеніе этой борьбы ослабѣло послѣ разоренія Кіева (1169 г.) суздальскими войсками Андрея Юрьевича, Мономаова внука; Юрьевичи, которымъ достались отъ дѣда Мономаха, на началахъ вѣчинности, Суздальскія и Ростовскія земли, перенесли на сѣверъ центръ своихъ интересовъ и не дорожили Кіевомъ. Мало-по-малу, Кіевъ совершенно утратилъ свое прежнѣе политическое значеніе, а, слѣдовательно, потерялъ и всю цѣну въ глазахъ князей. Во второй половинѣ XII вѣка кіевскій князь все еще назывался великимъ, но великими въ это время назывались уже главнѣйшіе князья и другихъ областей, и великій князь галицкій значилъ на югѣ уже больше, чѣмъ великій князь кіевскій. Соловьевъ въ своей „Исторіи Россіи“ приводитъ слѣдующія интересныя данныя. Онъ вычисляетъ для удѣльнаго періода тѣ годы, которые отмѣчены княжескими усобицами, и получаетъ цифру 80; слѣдовательно, усобицы были, круглымъ счетомъ, черезъ годъ. Конечно, такое яркое краснорѣчіе этой цифры смягчается тѣмъ соображеніемъ, что каждая усобица касалась обыкновенно лишь одной какой-нибудь области, не захватывая всей территоріи; кромѣ того, въ вычисленіе Соловьева вошли и сѣверныя земли, которыхъ мы не касаемся, правда, незначительно повышающія общую цифру, но все-таки повышающія. Насчетъ, собственно, юга данныя Соловьева показываютъ слѣдующее: Кіевское княжество въ это время было мѣстомъ усобицъ 23 раза, Черниговское 20, Волынское 15, Галицкое 6, Туровское 4: цифры довольно выразительныя, особенно если принять во вниманіе, что междоусобія, случалось, тянулись по нѣсколькимъ годамъ подрядъ, иногда больше десяти лѣтъ.

Итакъ, силы молодого политическаго организма тратились на внутреннюю борьбу князей. Минула пора далекихъ походовъ, блестящихъ завоеваній, отмѣченныхъ чужеземными историками. Остатка силъ едва хватало для самозащиты: да и можно ли сказать, что ихъ хватало? Степь—это дикое, хищническое „поле“—наступала на Русскую землю все съ болѣею и болѣею настоячивостью. Тмутаракань была отрѣзана, отрѣзаны были и торговые пути къ Черному морю. Въ степи печенѣговъ уже не было, они были вытѣснены узами-торками; но и торки должны были уступить мѣсто половцамъ (куманамъ). Половцы были враги несравненно болѣе опасные, чѣмъ остальные степняки, въ силу ли своей многочисленности, большой энергіи характера, или, можетъ-быть, просто въ силу большой относительной слабости и разъединенности самой Русской земли. Русскій народъ въ самомъ названіи выразилъ то значеніе, какое имѣло для него именно это племя: куманы были для него „половцы“, т.-е. жители поля, степи. Да и не мудрено: въ теченіе болѣе чѣмъ 150 лѣтъ обликъ этого хищнаго обитателя поля успѣлъ врѣзаться въ народную память. Половцы это—мрачный задній фонъ нашей южно-русской исторической сцены для всего удѣльно-вѣчевого ея періода.

Современному человѣку трудно и вообразить себѣ всю необезпеченность жизни, какую отражалась на южной Руси эта близость степныхъ хищниковъ. Половцы, раздѣленные на нѣсколько самостоятельныхъ ордъ, наполняли своими кочевьями всю степь по ту и другую сторону Днѣпра, отъ Чернаго моря до

тѣхъ ея сѣверныхъ предѣловъ, гдѣ разливъ кочевниковъ задерживался населенными и защищаемыми городами. Такимъ образомъ, южная Русь, со стороны степи, на каждомъ своемъ пунктѣ была въ состояніи постоянной опасности. „Станетъ поселянинъ весною пахать на лошади, и придетъ Половчинъ, ударить его самого стрѣлою, возьметъ и лошадь, и жену, и дѣтей, да и гумно зажжетъ“: такими словами, трогательными въ своей правдивой простотѣ, описываетъ Мономахъ положеніе земли.

Города, точнѣе городки, понастроенные въ цѣляхъ обороны, далеко не всегда удерживали половцевъ, сильныхъ своею многочисленностью. Да и что это были за городки? Достаточно припомнить, какъ при осадѣ одного изъ нихъ половцами часть городскихъ стѣнъ обрушилась подъ тяжестью своихъ немногочисленныхъ защитниковъ. Одинъ историкъ пересчиталъ число половецкихъ набѣговъ для второй половины XII вѣка, упоминаемыхъ въ лѣтописи: пришло почти по набѣгу на годъ. А въ этотъ счетъ не вошли тѣ походы на Русскую землю, которые дѣлали половцы по приглашенію самихъ князей, и ихъ междоусобныхъ распряхъ, ни все то множество мелкихъ нападений и грабежей, которые происходили постоянно на южной границѣ, о которыхъ лѣтописецъ не могъ ничего ни знать, ни сказать. Нападенія на южную Русь были для половцевъ главнымъ, если не единственнымъ, промысломъ послѣ скотоводства, которымъ они кормились. Они поставляли русскихъ рабовъ на рынки центральной Азіи и такимъ образомъ добывали себѣ „злато, паволоки и дорогіе оксамиты“, которыми случалось поживиться и русскимъ князьямъ во время удачныхъ набѣговъ на половецкія вежи (стоянки). Близость половцевъ—это была вѣчно раскрытая, вѣчно болящая рана на тѣлѣ южно-русской земли. Когда лѣтопись, такъ рѣдко измѣняющая тону эпического спокойствія, касается этого наболѣвшаго мѣста, она начинаетъ звучать нотами, полными трагизма. Вотъ какъ описываетъ она половецкій набѣгъ: „плачь великій сотворился въ нашей землѣ, и опустѣли села и города наши. Однихъ ведутъ въ плѣнъ, другихъ умерщвляютъ, тѣ трепещутъ при видѣ избиваемыхъ, тѣ умираютъ отъ голода и жажды... Этихъ вяжутъ и толкаютъ ногами и держатъ на морозѣ. Мучимые холодомъ, въ цѣпяхъ, томимые голодомъ и жаждою, съ поблѣднѣвшими лицами и почернѣвшими тѣлами идутъ неизвѣстною странною, съ воспаленнымъ языкомъ, нагіе и босые, съ ногами, растерзанными терніемъ. Одинъ говоритъ другому: „я былъ изъ такого-то города“ или „я такого-то села“, и со слезами рассказываетъ о своемъ родѣ. Опустѣли наши города; поля, гдѣ паслись стада, кони, овцы и волы, все теперь пусто, нивы сдѣлались жильемъ звѣрей“...

„Слово о полку Игоревѣ“, драгоценный перлъ русской древней поэзіи, выброшено было изъ глубины души какого-то великаго народнаго поэта,—души, взволнованной и потрясенной въ своихъ основахъ этимъ страшнымъ народнымъ бѣдствіемъ.

Отсюда страстное сочувствіе походу молодыхъ сѣверскихъ князей, задумавшихъ „переломить копые конецъ поля половецкаго“, т. е. дойти до самаго отдаленнаго предѣла земли Половецкой, и или сложить головы, или „испить попомомъ Дону“. Поэтъ, повидимому, самъ дружинникъ, понималъ неблаго-

разуміе этого похода съ политической точки зрѣнія; но непосредственное чувство уносило его далеко отъ холодныхъ соображеній разсудка, какъ уносило и самихъ князей на вѣрную гибель въ самую середину страшнаго „незнаемаго“ половецкаго поля; тамъ „дѣти бѣсовы въ поганые Половцы собиравшіеся и отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ“, такъ легко могли окружить, отрѣзать и перебить храбрыхъ русичей, „какъ ни сыпали они стрѣлами калеными, какъ ни гремѣли мечами харалужными о шеломы половецкіе“. Вся природа проникнута глубокимъ сочувствіемъ предпріятію князя Игоря и его дружины. Она хочетъ предостеречь и тѣмъ спасти храбраго князя: солнце заступаетъ тьмою ему дорогу, кровавыя зори предвѣщаютъ кровавый день, съ моря идутъ черныя тучи, въ которыхъ трепещутъ синія молніи. А когда на берегахъ Каялы „докончили пиръ храбрые Русичи, напоили сватовъ и сами полегли за землю Русскую“, тогда и „травы поникли отъ жалости, и дерево преклонилось къ землѣ. Черная земля была посѣяна костями, полита кровью, и посѣвъ взомель печально по Русской землѣ: застоналъ Кіевъ туюю, а Черниговъ напастями, тоска разлилась по Русской землѣ“. Такъ въ живомъ воображеніи поэта „Слова“ и природа, и Русская земля сливаются въ одномъ общемъ воплѣ сочувствія, когда русскій соколъ, залетѣвъ такъ неразумно далеко къ морю, былъ заклеванъ чернымъ ворономъ—поганимъ Половчиномъ.

Какъ „Слово о полку Игоревѣ“, такъ и лѣтопись готовы опфнивать всѣ лица и событія съ точки зрѣнія этого насущнѣйшаго интереса южно-русской жизни, защиты отъ половцевъ. Достоинство князя находилось въ прямой зависимости отъ того, сколько энергіи и искусства обнаруживалъ онъ въ борьбѣ со степью. Припомнимъ кстати, какъ кіевляне, несмотря на все свое уваженіе къ Ярославову дому, прогнали безъ всякой церемоніи Изяслава, старшаго и законнаго наслѣдника Ярослава, за то, что онъ отступилъ передъ половцами, и вывели изъ „поруба“ (заключенія) на княженіе Всеслава Полоцкаго, совсѣмъ чужого князя, не пользовавшагося, повидимому, никакимъ сочувствіемъ. Это былъ одинъ изъ первыхъ набѣговъ половецкихъ по водвореніи ихъ въ южно-русской степи, а изгнаніе Изяслава кіевлянами и бѣгство его въ Польшу—первымъ узломъ, перепутавшимъ нити междукняжескихъ отношеній и отношеній ихъ къ Кіевскому столу. Популярность Мономаха и его потомковъ Мономаховичей, конечно, обуславливалась въ значительной степени тѣмъ, что они всегда готовы были на борьбу со степью и никогда не прибѣгали къ услугамъ половцевъ въ своихъ распряхъ съ другими князьями, какъ это нерѣдко практиковалось представителями иныхъ линій Ярославова рода.

Что могли сдѣлать князья для земли, защиту которой они взяли на себя?

Только одно сколько-нибудь существенное: гоняться за половцами, отнимать у нихъ награбленную добычу и отбивать плѣнныхъ. Обремененные добычею половцы теряли свою неуловимость, которая дѣлала невозможной для нихъ вильную борьбу съ ними. Но, вѣдь, если и удавалось отбить добычу, это только уменьшало причиненное зло, а не исправляло его: смердь возвращался на свое пепелище, но хозяйство его было разорено. Князья пытались помочь сѣдѣ иными, мирными, способами: вступали, напримѣръ, въ договоры съ

половецкими ханами; но половцы стояли еще на той степени культурнаго развитія, когда люди, какъ Гомеровы циклопы, не знающіе закона и правды, не умѣютъ уважать святости договоровъ.

Пытались связать хановъ узами родства черезъ брачные союзы съ ихъ дочерьми. Это имѣло нѣкоторое значеніе, но только по отношенію къ извѣстному хану или извѣстной ордѣ; но ордѣ половецкихъ было нѣсколько, и онѣ все были самостоятельны и дѣйствовали независимо другъ отъ друга.

Очень можетъ быть, что жители южной Руси обратились бы въ половецкихъ данниковъ, если бы Русской землѣ не помогла сама же степь, не выдвинула нѣкоторой обороны.

Дѣло въ томъ, что, когда пришли половцы, они вытѣснили тѣхъ кочевниковъ, которые занимали степь раньше. Отсюда вражда этихъ послѣднихъ къ новымъ пришельцамъ. Тѣснимые половцами, кочевники эти искали защиты у русскихъ. Для русскихъ князей, въ ихъ борьбѣ съ половцами, эти поганые „толковины“ (союзники) были настоящимъ кладомъ. Поселенное на границѣ Русской земли съ половецкимъ полемъ, это полукочевое, полусѣдлое населеніе играло роль сторожевыхъ линій. Самымъ важнымъ пунктомъ въ этомъ отношеніи было Поросье, территорія между Росью и Стугной; но поселенія кочевниковъ были и на территоріи княжества Переяславскаго и даже Черниговскаго. Кромѣ торковъ и печенѣговъ, лѣтопись упоминаетъ еще берендѣевъ, коуевъ, турпѣевъ, каепичей. Были ли это отдѣльные роды тѣхъ же торковъ и печенѣговъ, или какіе-нибудь самостоятельные народцы тюркскаго племени, теперь уже нельзя рѣшить этого. Всѣхъ ихъ лѣтопись смѣшиваетъ—вслѣдъ, конечно, за разговорною рѣчью своего времени—подъ общимъ названіемъ Черныхъ Клобуковъ (т.-е. шапокъ). Конечно, общая вражда не можетъ такъ крѣпко связывать людей, какъ чувство солидарности, основывающееся на сознаниіи племеннаго родства,—и лѣтопись не разъ жалуется, что „Черный Клобукъ лествитъ“ (хитритъ).

Но, селясь подъ защитою городовъ, оставляя привычки кочевой жизни въ пользу сѣдлой, Черные Клобуки понемногу втягивались въ земскіе и политическіе интересы того социальнаго организма, къ которому пристали волей-неволей. Повидимому, шелъ процессъ ассимиляціи этого тюркскаго элемента южно-русской народностью; но исторія не раскрываетъ его передъ нами, а только антропология указываетъ, что въ этнографическій типъ южно-русскаго племени вошелъ элементъ восточно-тюркскій, точно такъ, какъ въ типъ племени сѣверо-русскаго—элементъ финскій. Такимъ образомъ, дифференцировались двѣ русскія народности, причемъ степень и характеръ первоначальныхъ, такъ сказать, исходныхъ различій этихъ народностей между собою въ настоящее время уже ускользаетъ отъ научнаго опредѣленія.

Итакъ, вѣвшая пестрота и сутолока событій удѣльнаго періода укрываютъ собою большое однообразіе. Все содержаніе политической жизни этого времени—борьба князей изъ-за старшинства, изъ-за Кіевского стола, изъ-за волостей, прерываемая лишь половецкими набѣгами. Великій поэтъ „Слова о полку Игоревѣ“ избавляетъ насъ отъ необходимости дѣлать обширную характе-

ристку этого печальнаго времени. Въ поэтическихъ выраженіяхъ, полныхъ силы, рисуется онѣ положеніе дѣлъ во всю первую половину удѣльной эпохи, характеризующуюся борьбой съ изгоями, когда „при Олегѣ Гориславичѣ сѣялось и росло усобицами“, когда „погибла жизнь Дажьбожьего внука, сокращался вѣкъ людской въ княжскихъ крамолахъ“, и современное ему состояніе земли. „И сказалъ братъ брату“,—говоритъ онѣ о современныхъ князьяхъ: „это мое и то мое же“, и начали князья говорить про малое: „это великое“, а сами на себя ковать крамолу, а поганые со всѣхъ сторонъ приходятъ съ побѣдами на русскую землю“.

Но молодое общество было полно жизненныхъ силъ, и жизненные ростки обильно пробивалась сквозь тернистые покровы междукняжескихъ отношеній и иныхъ политическихъ бѣдствій.

II.

Политическая жизнь южной Руси была разбита, какъ мы уже указывали, на нѣсколько самостоятельныхъ теченій: Чернигово-Сѣверское княжество жило независимо отъ Переяславскаго или Туровскаго, Кіевское отъ Волынскаго или Галицкаго. Тѣмъ не менѣе, жизненная стихія, пробѣгавшая по этимъ самостоятельнымъ русламъ, была однородна или почти однородна. Это не значить, конечно, что волынянинъ, напримѣръ, не представлялъ никакихъ отличій отъ черниговскаго сѣверянина: наоборотъ, такіа отличія непременно были, если не въ зависимости отъ различій первоначальнаго антропологическаго типа, то, по крайней мѣрѣ, въ зависимости отъ вѣншей среды, въ которой жило то или другое племя. Мы хотѣли сказать лишь, что социальная структура этихъ, пока еще очень простыхъ, обществъ была совсѣмъ или почти однородна, въ связи съ однородностью элементовъ, которые, въ данную эпоху, руководили жизнью этихъ обществъ. Подразумѣваемъ князя и его дружину или боярство, перговъ и духовенство. Этотъ подвижной слой, который могъ съ большимъ или меньшимъ удобствомъ передвигаться по всей территоріи, между Кіевомъ и Черниговомъ, Перемышлемъ и Переяславлемъ, давалъ однообразное направленіе русской жизни, хотя она и была разбита по уединеннымъ областнымъ единицамъ. Такимъ образомъ, выросло понятіе „русской земли“ *), какъ оно употребляется въ нашихъ лѣтописяхъ и древнихъ памятникахъ; такимъ образомъ, явилась возможность и намъ вести рѣчь о внутренней жизни южно-русской земли въ удѣльно-вѣчевой періодъ ея существованія.

Итакъ, древне-русское общество этой эпохи представляло собой два слоя:

*) Слово „русскій“ значило въ эпоху первыхъ князей то же, что полянскій, кіевскій. Позже, въ удѣльно-вѣчевую эпоху, оно значило южно-русскій, такъ что „русская земля“ значила, по терминологіи этого времени, южная Русь, напр. Переяславль Русскій въ отличіе отъ Рязанскаго и Залѣскаго; подъ 1200 г. лѣтописецъ отмѣчаетъ начало княженія князя Романа „самодержца бывша всей русской земли“ (конечно, южно-русской): въ суздальской лѣтописи: „пойде Гюрги съ Ростовцы и Суздальцы и со всѣми дѣтьми въ Русь“ и т. д.

верхний, руководящий и правящий, подвижной, и нижний, управляемый, прикрѣпленный къ землѣ своимъ промысломъ.

Но между этими слоями уже нѣтъ той противоположности, присутствіе которой чувствуется въ эпоху предыдущую. Жизненный процессъ сглаживалъ рѣзкость.

Уже не варяги или иные иноземцы составляютъ теперь этотъ верхній слой; ряды его пополняются, главнымъ образомъ, болѣе энергичными, предприимчивыми, даровитыми элементами, выдѣляющимися изъ того же низшаго слоя. Надо думать, что и, съ другой стороны, дружинники, освоившись въ томъ или другомъ княжествѣ, тоже охотно прикрѣплялись къ землѣ, обзаводясь, какъ это дѣлали князья, „селами“, т.-е. хозяйственными хуторами съ рабскимъ трудомъ: рабовъ легко можно было приобрести плѣномъ или покупкой. Такимъ образомъ, жизнь перебрасывала мостки отъ одного слоя къ другому, стремясь къ ихъ сближенію. Въ понятіяхъ времени не было препятствій къ такому сближенію: члены одного и другого слоя были одинаково свободные люди, слѣдовательно, одинаково правоспособны.

Наша „Русская Правда“ такъ же, какъ варварскія законодательства другихъ европейскихъ народовъ, уясняетъ эту сторону своими постановленіями о вирѣ и головщинѣ. Вира и головщина—это плата за убійство князю и родственникамъ убитаго, устранившая родовую месть; она примѣнялась только къ свободнымъ людямъ. Плата эта была различна: въ то время, какъ голова княжескаго мужа оцѣнивалась въ 80 гривенъ, голова людина лишь въ 40 гр. Но эта разница значила лишь, что власть выше цѣнила услуги одного лица, чѣмъ другого, и, больше теряя черезъ убійство, тяжелѣе карала убійцу: тѣмъ не менѣе, и князь-мужъ и людинъ все-таки были одинаково свободными, а, слѣдовательно, полноправными. Имъ противопоставлялся только холопъ, рабъ, въ которомъ „виры нѣтутъ“. Такимъ образомъ, если смотрѣть на элементы древнерусскаго общества не съ точки зрѣнія ихъ общественныхъ функцій, а ихъ общественной правоспособности, то они разбиваются лишь на двѣ группы: людей свободныхъ и рабовъ.

Политическая связь, посредствомъ которой кіевская Русь стягивала въ одно цѣлое южно-русскія племена, понемногу отбирала у старыхъ родовыхъ, кровныхъ союзовъ ихъ функціи; новыя понятія и учрежденія, внесенныя съ христіанствомъ и съ зачатками греко-римской культуры, враждебно сталкивались съ архаическими взглядами и формами быта. Но всѣ эти новыя вліянія гораздо сильнѣе отражались на верхнемъ слоѣ тогдашняго общества, чѣмъ на нижнемъ. Мы видѣли уже, какъ легко относились представители этого верхняго слоя, князья, къ исконному праву старшинства. Они то-и-дѣло твердили другъ другу: „ты въ Володимирѣ племени старѣй еси насъ, а думай-гадай о русской землѣ и о своей чести, и о нашей; а ты мене старѣй, а ты мя съ нимъ и суди; не буди мнѣ вознати руки на брата старѣйшаго; азъ сложю главу свою за тя“ (за старшаго) и т. д. Но все это только говорилось, а на дѣлѣ и головы складывались лишь въ эгоистической погонѣ за лучшимъ столомъ, и руки то-и-дѣло поднимались на старѣйшихъ, почти никто не обращался къ суду старѣйшаго, никто не признавалъ за этимъ старѣйшимъ преимуществен-

наго права блюсти землю. Такъ же должны были разставаться съ архаическими правовыми понятіями и рядовые дружинники, когда разрывали, для службы князю, съ тѣми кровными союзами, къ которымъ принадлежали,—разрывали, такъ сказать, съ родною почвой. Если дружинниками были и не иноземцы, оставившіе гдѣ-то далеко свою родную правду, то и это мало мѣняло дѣло. Въмѣстѣ съ княземъ кочевали его дружинники изъ области въ область; да и оцѣвши въ предѣлахъ одного княжества, дружинникъ отправлялъ на службу князя какія-нибудь обязанности, почти всегда связанные съ передвиженіемъ. Не сидѣли на мѣстахъ князья, не сидѣли и ихъ слуги: первобытный механизмъ только-что складывающагося государства непременно требовалъ личнаго и самаго дѣятельнаго участія правящаго класса. Сколько энергіи обнаруживали въ этомъ отношеніи князья, видно, между прочимъ, изъ поученія Мономаха; жизнь же дружинниковъ складывалась по типу жизни князя. Вотъ почему „Русская Правда“ своей важнѣйшей задачей, къ которой она многократно возвращается, и ставить именно задачу дать членамъ этого, такъ сказать, служилаго класса защиту и обезпеченіе со стороны государства въ замѣнъ отсутствующей или недостаточной защиты со стороны родичей. Цѣли этой „Русская Правда“ стремится достигнуть путемъ точнаго и подробнаго опредѣленія вирь и головщинъ лицамъ упомянутой категоріи.

Архаическій строй въ понятіяхъ и формахъ быта, конечно, цѣлѣнѣе сохранился въ томъ словѣ древне-русскаго общества, который сидѣлъ на своей землѣ, прикрѣпленный къ ней земледѣліемъ или инымъ промысломъ, находящимся въ той же непосредственной зависимости отъ земли: скотоводствомъ, звѣроловствомъ, бортничествомъ, рыболовствомъ. Говоря объ этомъ классѣ ранѣе, мы употребили выраженіе „низшій“, но употребили лишь по аналогіи съ явленіями иного, позднѣйшаго, порядка. Въ рассматриваемую эпоху это былъ хотя и управляемый, но не низшій, въ собственномъ смыслѣ, т.-е. независимый классъ. Члены этого класса такъ же, какъ и члены класса дружиннаго, были, какъ уже сказано, свободные и полноправные мужи. Политическое значеніе этого класса, къ которому, по преимуществу, относится терминъ „люди“, опредѣляется тѣмъ значеніемъ, какое имѣло „вѣче“. Вѣче—народное собраніе, т.-е. собраніе людей, или мужей, данной земли. Собранія эти бывали, по преимуществу, въ городахъ, какъ центральныхъ пунктахъ земли. Каждый свободный человѣкъ, глава семьи, имѣлъ право—но не обязанность—принимать участіе въ вѣчѣ. Собиралось оно не для текущихъ дѣлъ, а лишь въ обстоятельствахъ особенной, исключительной, важности. Въ ряду такихъ обстоятельствъ первое мѣсто принадлежитъ, конечно, призванію князя и договору съ нимъ объ условіяхъ, на какихъ онъ принималъ власть. Князья распредѣляли между собою волости по тѣмъ или инымъ основаніямъ, воевали за нихъ и мирились, приходя къ взаимнымъ соглашеніямъ,—и, тѣмъ не менѣе, они не могли ничего осуществить безъ согласія вѣча. Только черезъ вѣче осуществлялись всѣ эти княжескія соглашенія. „Единеніе“ съ землей или органомъ ея, вѣчемъ, сообщало положенію князя ту устойчивость, какую мы наблюдаемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ; рознь вела къ тому, что вѣче изгоняло князя и призывало другого.

Садясь на столъ, князь заключалъ съ вѣчемъ договоръ, „рядъ“ или „докончанье“. До насъ не дошло никакихъ договоровъ южно-русскихъ князей съ вѣчами. Лѣтописныя извѣстія лишь доводятъ до насъ, что въ томъ или другомъ случаѣ князь „цѣловалъ крестъ на всей ихъ волѣ“, т.-е. принималъ всѣ предъявленные ему условія, или, по ряду съ вѣчемъ, бралъ столъ „до живота“, т.-е. пожизненно; иногда договоръ касался наслѣдованія стола—вѣче отдастъ столъ князю „съ дѣтьми“. Но послѣднее не значитъ, чтобы народная воля ограничивала себя установленіемъ наслѣдственной княжеской власти. Въ случаѣ неудовольствія на князя, вѣче всегда считало себя въ правѣ лишить и князя и его наслѣдниковъ стола и даже обнаруживало какъ бы отвращеніе къ тому, чтобы княжеская власть передавалась по наслѣдству: „не хотимъ быти аки въ задничи“ (въ наслѣдствѣ), говорить киевское вѣче, нарушая свой договоръ съ Всеволодомъ Ольговичемъ, которому оно обѣщало взять въ преемники брата Игоря. Но это не мѣшало извѣстнымъ землямъ имѣть тяготѣніе къ той или иной княжеской линіи и по преимуществу изъ нея выбирать себѣ князей. Кромѣ избранія князя и его утвержденія посредствомъ ряда, вѣча собирались еще по вопросамъ о войнѣ и мирѣ. Вѣча не только рѣшали быть или не быть войнѣ, но даже вмѣшивались въ тѣ или иныя распоряженія своихъ князей и заставляли ихъ поступать согласно своей волѣ. Могли собираться вѣча и въ другихъ обстоятельствахъ большой важности, но такіа обстоятельства были, повидимому, рѣдки. Такимъ образомъ, хоть вѣче и не было постояннымъ и правильно дѣйствующимъ учрежденіемъ, а лишь болѣе или менѣе случайнымъ проявленіемъ народной воли, но роль его въ политической жизни земли нельзя оцѣнивать ниже, чѣмъ роль княжеской власти. Если текущая жизнь направлялась княземъ и окружающей его дружиной, которая въ лицѣ „боярской думы“ всегда участвовала въ правительственной дѣятельности князя, то направленіе, все-таки, опредѣлялось давленіемъ воли класса управляемаго, который всегда имѣлъ возможность путемъ вѣча дѣятельно проявить эту свою волю. Если управляемые не вмѣшивались постоянно въ управленіе, то не потому, что не чувствовали за собою права, а потому, что не считали этого нужнымъ, довѣривъ дѣло управленія князю съ его „думой“.

Изъ сказаннаго выше видно, что низшій слой былъ, собственно, не низшимъ, а нижнимъ слоемъ. Главной общественной функціей его былъ производительный трудъ, извѣстная доля продуктовъ котораго шла по добровольному соглашенію, договору, съ княземъ на содержаніе верхняго, управляющаго класса. Въ понятіяхъ того времени физическій трудъ пользовался такимъ же признаніемъ, какъ и „трудъ“ князя, выражающійся, главнымъ образомъ, въ его „хоробрствѣ“,—подъ однимъ непремѣннымъ условіемъ: лишь бы это былъ трудъ на себя, трудъ свободный. Въ тогдашнихъ названіяхъ для людей зависимаго, несвободнаго общественнаго положенія содержится понятіе о трудѣ принудительномъ, трудѣ на другого (рабъ, страдникъ). Этотъ свободный трудъ былъ непосредственно связанъ съ землею, и уже въ эту отдаленную эпоху земледѣліе занимало, повидимому, первенствующее мѣсто среди разныхъ видовъ производительнаго труда.

„Ловы“, т.-е. охота всякаго рода—и не только какъ развлеченіе, но и какъ промыселъ,—связываются памятниками письменности и словеснаго народнаго творчества (былинами) съ князьями и дружинниками, т.-е. верхнимъ слоемъ общества (охота необходима была, между прочимъ, для военныхъ запасовъ); земледѣліе—съ нижнимъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы земледѣліе не пользовалось признаніемъ и уваженіемъ, по крайней мѣрѣ, въ общественномъ мнѣніи самой этой земледѣльческой среды. До насъ дошла одна превосходная былина—несомнѣнно подлинная, несомнѣнно древнѣйшаго происхожденія—которая какъ бы задается цѣлью показать намъ, какъ людинъ-земледѣлецъ цѣнилъ себя и свой трудъ при сопоставленіи съ дружинникомъ: подразумѣваемъ былину о Микулѣ Селяниновичѣ.

Фигура молодого князя Вольги Святославича, который ѣдетъ съ своей „дружинешкой хороброю... къ городамъ за получкою“ (т.-е. по сбору дани), отодвигается на задній планъ передъ грандіозной фигурой ратая съ его соловой кобылкою, кленовой сошкой, шелковыми гужиками. Трудъ ратая, который „оретъ въ полѣ, понукиваетъ, съ края въ край бороздки пометываетъ, въ край онъ уѣдетъ—другого не видать, кореня камня вывертываетъ, а великіе всѣ камни въ борозду валить“—трудъ этотъ, очевидно, понимается былиной, какъ великій подвигъ, передъ которымъ совсѣмъ блѣднѣетъ эта дружинная „ѣзда за получкою“. И какимъ глубокимъ сознаніемъ важности своего дѣла звучать отвѣтныя слова ратая на привѣтъ, сдѣланный ему дружинникомъ: „мнѣ-ка надобна Божья помощь крестьянствовать“.

Тѣ родственные союзы, въ которыхъ жили эти земледѣльцы, едва ли превосходили своими размѣрами большую семью типа юго-славянской задруги*). Земледѣльческое хозяйство можетъ расширяться съ удобствомъ и выгодой для себя только до опредѣленныхъ предѣловъ: за этими предѣлами лишніе члены и лишній инвентарь становятся для него бременемъ, отъ котораго оно должно освободиться въ своихъ интересахъ. Лишніе члены отдѣляются и на новой землѣ, т.-е. на болѣе или менѣе значительномъ разстояніи, чтобы не было взаимной помѣхи, устраиваютъ новыя хозяйства. Такимъ образомъ, расходятся по землѣ и множатся новыя хозяйственныя клѣточки—благо государство не успѣло наложить ограниченій на дикую землю, пока еще свободную, какъ Божія стихія. Но надо сказать, что лѣтописи совсѣмъ отказываются намъ помочь въ уясненіи того, какъ складывалась жизнь этого фундамента древне-русскаго общества. Молчать лѣтописи, молчать и юридическіе памятники: конечно, потому, что жизнь эта, руководствуясь обычаемъ, не нуждалась въ ближайшихъ юридическихъ опредѣленіяхъ. „Русская Правда“, какъ уже сказано выше, главнымъ образомъ, если не исключительно, имѣетъ въ виду верхній слой общества, его интересы—личные, семейные, имущественные: всѣ эти многочисленныя постановленія о „челядѣхъ“, холопахъ, рабахъ и закупахъ (разные виды зависи-

*) Задруга—все равно, что большая великорусская семья, гдѣ родственники, т.-е. семьи братьевъ и дядей съ племянниками, живутъ въ хозяйственномъ общеніи, хотя иногда даже и не помѣщаются подъ одною кровлей.

мыхъ людей), о процентахъ, наслѣдствахъ, о поконахъ, урокахъ и накладахъ (разные виды судебныхъ взысканій), все это представляло интересъ, очевидно, лишь для людей высшаго класса, если присоединить къ нему и тѣсно съ нимъ связанную группу людей торговыхъ. Кровныя связи здѣсь уже были, какъ сказано выше, по необходимости ослаблены. „Русская Правда“ сама свидѣтельствуешь объ этомъ ослабленіи; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она же доказываетъ, съ другой стороны, какъ широко было все-таки общество обхвачено стихіей архаическихъ чувствъ и понятій, даже и при распатанности соотвѣствующихъ бытовыхъ формъ. Древнѣйшая редакція „Русской Правды“ еще признаетъ кровную месть, ограничивая предѣлы ея. Дѣти Ярослава новою редакціею „Правды“ совсѣмъ не допускають уже „убіенія за голову“; но „выкупъ кунами“, замѣнившій месть, есть обычай, также тѣсно связанный съ архаическимъ міровоззрѣніемъ. Предполагалось, что выкупъ, всегда болѣе или менѣе значительный, платить „головникъ“ (убійца) не лично, а съ помощью родичей, обязательное участіе которыхъ точно опредѣлялось закономъ или обычаемъ: по соотвѣствующимъ правиламъ распредѣлялась между родичами убитаго и полученная плата. Такимъ образомъ, преступленіе и его послѣдствія ложились не только на личность преступника, а и на его ближнихъ. Такъ сильно еще было господство архаическихъ идей надъ умами людей древне-русскаго общества, такъ трудно было высвободиться изъ-подъ вліянія этихъ идей даже членамъ правящаго класса, которые могли бы, казалось, призвать себѣ на помощь право цивилизованныхъ народовъ, византійское, какъ они призывали его въ иныхъ случаяхъ.

Судъ въ разсматриваемый періодъ уже вѣдалъ представитель политической власти, князь. Но чтобы представить ясно смыслъ этого утвержденія, надо помнить слѣдующее: преступленіе, съ точки зрѣнія „Русской Правды“ и, слѣдовательно, современнаго ей общества, было, съ одной стороны, матеріальнымъ ущербомъ, нанесеннымъ личности, съ другой—нарушеніемъ общественнаго мира, т.-е. тоже какъ бы своего рода ущербомъ, нанесеннымъ обществу и требующимъ своего матеріальнаго эквивалента въ видѣ платы князю. Власть не брала на себя даже розыска преступника; обиженный, какъ истецъ, долженъ былъ самъ вести „сводъ“, процедура котораго такъ подробно описана „Правдой“. Изъ лѣтописи и другихъ памятниковъ видно, что судилъ не только князь, но и княжескій тіунъ, причемъ народъ отдаетъ рѣшительное предпочтенію личному суду князя. Тіунъ появляется на сцену, всегда облеченный въ народный гнѣвъ и ненависть: это княжескій слуга, вѣроятно, часто даже не вольный слуга, а рабъ, которому князь поручилъ вмѣсто себя судъ, какъ поручилъ бы всякому хозяйственное дѣло. Въ тѣ времена политическія понятія еще находились въ такомъ зачаточномъ состояніи, что князья не умѣли отличать государственныхъ дѣлъ отъ своихъ личныхъ или хозяйственныхъ: поэтому смѣшеніе однихъ съ другими, на нашъ современный взглядъ очень дикое, характеризуетъ собою все тогдашнее управленіе. Для суда существовали княжьи дворы, куда преступника отводили въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ видно изъ „Русской Правды“ тамъ, вѣроятно, онъ давалъ очистительную присягу или подвергался испытанію

горячимъ желѣзомъ. Но какъ все-таки могъ судить князь, т.-е. гдѣ онъ могъ почерпнуть правду, удовлетворявшую народное чувство, и, главное, гдѣ могъ найти ее тиунъ, рабъ, слѣдовательно, часто совсѣмъ чужой человекъ? Всѣ эти затрудненія разрѣшаются тѣмъ простымъ соображеніемъ, что въ варварскихъ обществахъ, какъ въ западно-европейскихъ, такъ и славянскихъ, въ древности судить не значило отыскивать рѣшеніе: отыскивалась правда обыкновенно коллективно, общимъ умомъ извѣстнаго количества созванныхъ или собравшихся на тотъ случай мужей (судебнымъ вѣчемъ). Конечно, не иначе было и у насъ. Лишь въ тяжбныхъ дѣлахъ стороны могли, по добровольному согласію, обращаться къ князю, какъ, вѣроятно, и ко всякому достаточно авторитетному третьему. Такимъ образомъ, судебная роль князя заключалась, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы поддержать рѣшеніе, дать ему осуществленіе внѣшней силою своего авторитета, а затѣмъ взыскать судебныя пошлины. Это, конечно, могъ сдѣлать и тиунъ; но тиуны, повидимому, допускали злоупотребленія при взиманіи пошлинъ. „Русская Правда“ совсѣмъ ничего не говоритъ о судѣ княжескомъ; но зато судебнымъ взысканіямъ и пошлинамъ посвящаетъ очень много мѣста. Кромѣ убійства и обусловливаемой имъ виры, всякое преступленіе, какое было зарегистрировано „Русскою Правдою“, имѣло свое выраженіе въ опредѣленной суммѣ „продажъ“, т.-е. взысканій въ пользу князя; а затѣмъ самый процессъ взысканій требовалъ ближайшихъ опредѣленій того, сколько надо вирнику, метельнику, отроку (княжескіе слуги, совершавшіе взысканіе) солоду, баранины, куръ, хлѣбовъ, гороху, соли, сколько овса ихъ лошадямъ и т. д. Упомянемъ еще о „ротныхъ урокахъ“, которые платили князю съ присяги, о „желѣзномъ“, которое получалъ князь, когда подозрѣваемый въ преступленіи подвергался пыткѣ. Видимо, что въ этихъ взысканіяхъ сосредоточивается весь интересъ княжескаго правосудія. Да и не мудрено: изъ лѣтописи извѣстно, какими важными ресурсами княжеской казны были эти виру и продажи. Повидимому, не только тиуны, но и сами князья не были свободны отъ подозрѣній въ злоупотребленіяхъ ими: „А тѣ древніе князья—говоритъ лѣтопись, очевидно противопоставляя мысленно этимъ древнимъ князьямъ князей современныхъ—не собирали много имѣнія и не возлагали на людей несправедливыхъ виръ и продажъ, а когда бывала правая вира, то брали ее и отдавали на оружіе дружинѣ“.

Изъ сказаннаго выше можно заключить, что судъ составлялъ важную статью доходовъ княжеской казны. Другимъ такимъ источникомъ была торговля.

Въ первой главѣ мы указывали на то, какъ внѣшняя торговля явилась въ извѣстномъ смыслѣ дѣятельнымъ факторомъ въ самомъ возникновеніи государства на русской территоріи. Съ развитіемъ политической организаціи, слѣдовательно, и безопасности, охраны, путей сообщенія—заботы о которыхъ, хотя и очень примитивныя, власть взяла на себя, какъ видно изъ постановленій „Русской Правды“ о мостахъ—внѣшняя торговля должна была сдѣлать большіе успѣхи. Но половцы оказывали сильное препятствіе развитію этой торговли въ томъ ея направленіи, которое было для русскаго юга наиболѣе важнымъ. Движеніе по великому пути „изъ Варягъ въ Греки“, затрудненное въ своихъ исходныхъ пунктахъ на устьѣ Днѣпра, теряло энергію на всемъ своемъ про-

тяженіи. Вслѣдствіе политическихъ измѣненій на Востокѣ, ослабѣла и восточная торговля: арабы совсѣмъ перестали къ намъ ѣздить, пало и Хозарское царство, подѣ покровительствомъ котораго процвѣтала торговля на Волгѣ и Каспійскомъ морѣ. Но Кіевъ началъ замѣтно утрачивать свое старое торговое значеніе лишь къ концу удѣльнаго періода. Все-таки въ Кіевъ пріѣзжали гости,—уже не говоря о купцахъ съ русскаго сѣвера,—„иноземцы всякаго языка“, была жидовская улица, есть извѣстія о кіевскихъ купцахъ, торговавшихъ рабами и скотомъ съ половцами, мѣхами въ Крыму и Азіи. Кромѣ товаровъ греческихъ и восточныхъ, состоявшихъ изъ предметовъ роскоши, Кіевъ былъ для русскаго юга средоточіемъ такой насущной отрасли торговли, какъ торговля солью: она приходила въ Кіевъ съ двухъ сторонъ—моремъ изъ Крыма и каменная съ запада отъ Галича и Коломыи. Князья попрежнему считали своею обязанностью охранять внѣшнюю торговлю, которая теперь нуждалась въ охранѣ со стороны степи больше, чѣмъ когда-нибудь. Какъ широко понимали князья эти свои обязанности, а, можетъ-быть, и выгоды, извлекаемыя изъ исполненія этихъ обязанностей,—объ этомъ не разъ свидѣлствуютъ лѣтописи. Въ извѣстное время года, когда южные купцы вступали въ русскую землю по тремъ исконнымъ путямъ—Греческому, Солянному и Залозному,—князья снаряжали военныя экспедиціи для ихъ конвоированія. Иногда эти экспедиціи принимали видъ настоящихъ военныхъ походовъ, къ которымъ привлекалась сила всѣхъ южно-русскихъ князей, включая и отдаленныхъ галицкихъ. Надо замѣтить, что купцы шли всегда большими караванами: одинъ такой караванъ, который везъ соль изъ Удеча, состоялъ больше чѣмъ изъ трехсотъ человекъ. Конечно, князья получали отъ этой охраны и прямыя выгоды въ видѣ платы деньгами или извѣстнымъ процентомъ товара; но, вѣроятно, еще значительно больше были тѣ выгоды, которыя извлекала ихъ казна изъ торговыхъ пошлинъ, изъ мыта, взимаемаго при провозѣ товаровъ черезъ мытныя заставы, на мостахъ, перевозахъ, при въѣздахъ въ города.

Внутренняя торговля, конечно, не страдала отъ тѣхъ препятствій, какія тормозили торговлю внѣшнюю, и она должна была развиваться въ параллель съ общими успѣхами гражданственности. Но, съ современной точки зрѣнія, она все-таки была въ разсматриваемую эпоху совсѣмъ незначительной: надо помнить, что тогда всякое хозяйство само производило почти все себѣ необходимое, очень мало нуждаясь въ обмѣнѣ. Тѣмъ не менѣе, въ городахъ были „торги“, торговыя площади,—въ Кіевѣ ихъ было восемь,—которыя, служа мѣстомъ торговыхъ сдѣлокъ, служили, вмѣстѣ съ тѣмъ, очевидно, цѣлямъ правосудія. На торгахъ присутствовали княжескіе слуги, мытники, которые получали отъ совершавшихся сдѣлокъ „торговое“ въ пользу князя. Но этимъ не ограничивалось участіе власти въ торговлѣ. Торговый обмѣнъ требуетъ правильного вѣса и точно опредѣленныхъ мѣръ. Вѣсы и мѣры считались принадлежностью фиска, и за взвѣшиваніе на казенныхъ вѣсахъ и вымѣриваніе казенной мѣрой необходимо было платить въ пользу княжеской или церковной казны „вѣсчее“ и „помѣрное“. При продажѣ лошади мытникъ клалъ на нее „пятно“ (тавро), за что опять-таки взималась пятенная пошлина. Такимъ

образомъ, торговля, даже внутренняя, обставлена была огромными стѣсненіями, но зато торговая сдѣлка получала необходимую крѣпость. Чтобы понять, какъ трудно было сообщить въ то время требующуюся устойчивость торговому договору, надо принять во вниманіе, между прочимъ, и то, что обмѣнъ былъ затрудненъ слабымъ развитіемъ монетной системы. Правда, золото и серебро уже циркулировали на нашихъ торгахъ въ качествѣ орудій обмѣна, вытѣсняя болѣе древнее и гораздо менѣе удобное орудіе обмѣна—мѣха. Гривна серебра (по археологическимъ находкамъ 10—15 лотовъ вѣса) считалась для Кіева не вѣсовой лишь, а какъ бы и монетной единицей. Но кіевская гривна имѣла значеніе только для Кіевской земли, а другія земли могли имѣть и собственные гривны иного вѣса; монетные клады обнаруживаютъ и еще какую-то мелкую серебряную монету, но нельзя установить ея точнаго отношенія къ гривнѣ, и кругъ ея обращенія былъ, повидимому, очень ограниченъ. Изъ всего этого ясно, какъ затрудненъ былъ торговый обмѣнъ собственными своими условіями.

Но торговые и судебныя пошлины не могли поддержать даже и такое упрощенное государство, какимъ оно представляется въ удѣльный періодъ, хотя пошлины эти платили, повидимому, всѣ члены общества, кромѣ духовенства, стоявшаго, въ судебномъ отношеніи, въ исключительномъ вѣдѣніи церкви. Нижній, управляемый и, вмѣстѣ съ тѣмъ, производительный, трудовой слой долженъ былъ удѣлять извѣстную часть своихъ добытковъ на содержаніе верхняго слоя, взявшаго на себя управленіе и защиту земли. Если въ предыдущій періодъ эти отношенія носили слѣды насильственности, то теперь эти слѣды исчезаютъ. Уже не „дани“ связываютъ верхній слой общества съ нижнимъ, а подати и повинности, налагаемыя, повидимому, по договорному соглашенію князя съ вѣчемъ.

Что, сколько и какъ удѣлялъ низшій слой древне-русскаго общества изъ своего добытка на содержаніе высшаго—наши свѣдѣнія объ этомъ такъ отрывочны и ничтожны, что не даютъ намъ права дѣлать никакихъ общихъ и твердыхъ заключеній. Подать собиралась съ „дыма“, „рала“ и „мужа“,—всѣ термины одинаково обозначали хозяйство, такъ какъ подъ „мужемъ“, по мнѣнію ученыхъ, никакъ нельзя подразумѣвать каждую мужскую голову, а лишь главу хозяйственной единицы. Но есть указанія и на то, что единицей обложенія бывало не хозяйство, а округъ, „сто“—терминъ, подъ которымъ опять-таки имѣтъ основанія подразумѣвать точную арифметическую сотню. Такъ, князь Мстиславъ обложилъ Берестыанъ слѣдующей податью: со ста 2 лука (качки) меду, 15 десятковъ льну, 100 хлѣбовъ, 5 цебровъ овса и ржи и 20 куръ. Изъ этого примѣра видно также, что подати брались произведеніями хозяйства, что подтверждается и иными свидѣтельствами. Хлѣбъ, медъ, скоть—вотъ обыкновенные продукты, которыми дѣлился низшій классъ съ высшимъ; но есть указанія на то, что платежи иногда переводились на деньги. Какими способами шло взысканіе? Если податью обладалось „сто“, т.-е. цѣлый округъ, то онъ, этотъ округъ, надо полагать, самъ производилъ раскладку, самъ производилъ и взысканіе; оставалось лишь доставить собранное на ближайшій княжескій дворъ—„станъ“—или прямо въ княжескую казну. Но и

старый способъ объѣзда земли для сбора денегъ, если не княземъ лично, то его мужами, повидимому, еще не вышелъ изъ употребленія; въ одномъ случаѣ лѣтопись сообщаетъ, что князья галицко-волинскіе даютъ князю черниговскому, чтобы вознаградить его за потерю Кіева, много пшеницы, меду, рогатаго скота и овецъ и разрѣшаютъ „ходить“ по ихъ землѣ, очевидно, для того, чтобы собирать путемъ хожденія этотъ даръ. О повинностяхъ можно сказать еще меньше, чѣмъ о податяхъ: былъ „повозъ“, т.-е. подводная повинность; вѣроятно, населеніе участвовало въ укрѣпленіи городовъ и устройствѣ путей сообщенія.

Все добро, которое стекалось, такимъ образомъ, въ княжескую казну, распредѣлялось тѣмъ или инымъ способомъ между княжескими мужами и слугами. Настоящій, добрый, князь, по понятіямъ того времени, долженъ былъ быть щедрымъ, ничего не копить для себя. Но члены дружиннаго класса получали свои доходы не только отъ княжеской казны, а частью и непосредственно отъ самого народа. Выше было указано на то, что вирникъ, метельникъ—княжескіе слуги, взыскивавшіе судебныя пошлины, получали точно опредѣленный закономъ кормъ: такъ было и въ другихъ случаяхъ. Всякій княжескій мужъ или слуга, отправлявшій какое-нибудь княжее дѣло, относилось ли оно до суда, управленія, благоустройства (городникъ, мостникъ), будь то постоянная должность или временное порученіе, всегда, вмѣстѣ съ тѣмъ, кормился на счетъ народа.

Есть указанія и на то, что дружина получала отъ князя денежное жалованье. Лѣтописецъ XIII вѣка, упрекая современныхъ ему дружинниковъ въ корыстолюбіи, противопоставляетъ имъ старую дружину, якобы совѣмъ свободную отъ этого порока. „Дружина та кормилась—говорить лѣтописецъ—воюя иныя страны и сражаясь подъ кличемъ: „братія, потягнемъ по своему князю и по Русской землѣ“. А не требовали (дружинники): „мало мнѣ, князь, 200 гривенъ“; не возлагали на своихъ женъ золотыхъ обручей, но ходили ихъ жены въ серебрѣ“. Очевидно, что въ теченіе двухъ вѣковъ удѣльнаго періода произошли значительныя измѣненія внутри дружинной группы. Упреки лѣтописца звучатъ явной несправедливостью. Какъ могли дружинники кормиться, воюя съ иными странами, когда этихъ войнъ почти не было? При постоянныхъ междоусобныхъ войнахъ князей княжескимъ дружинамъ не приходилось смотрѣть на волости враждующихъ князей какъ на непріятельскія страны: это значило бы подрывать корни у дуба. А въ постоянныхъ столкновеніяхъ съ половцами въ пору было лишь стеречь свое, безъ надежды на наживу. Дружинному классу неоткуда было кормиться, какъ отъ низшаго, производительнаго класса общества, народа, по современному выраженію, и отъ князя, какъ призваннаго и естественнаго посредника между собою и этимъ народомъ. Къ тому же развивающаяся политическая организація требовала участія въ своихъ отправленіяхъ все большаго и большаго количества лицъ, и, такимъ образомъ, военная дѣятельность дружиннаго сословія подмѣнялась мирной, гражданской. Но на комъ же въ такомъ случаѣ лежала защита земли?

Прежде всего все-таки на тѣхъ же дружинахъ. Войны между князьями велись почти исключительно при посредствѣ ихъ дружинъ, причемъ князья

иногда кликали кличь на охотниковъ изъ народа. Но несомнѣнно, что въ нѣкоторыхъ войнахъ общаго интереса и значенія принималъ участіе и самъ народъ, какъ бы въ видѣ земскаго ополченія. Нѣкоторые ученые утверждаютъ, что всюду, гдѣ въ лѣтописи стоитъ терминъ „вой“, надо подразумѣвать именно это земское ополченіе; другіе отрицаютъ это мнѣніе. Что весь народъ въ извѣстныхъ экстренныхъ случаяхъ поднимается для защиты страны — это естественно и не нуждается въ особыхъ поясненіяхъ: разъ по землѣ разсѣялись, напримѣръ, половцы, всѣ защищаются, какъ могутъ и умѣютъ. Но слишкомъ ясно, что всѣ „старъ и младъ“, или „всѣ и съ дѣтьми“, по выраженію лѣтописи, въ условіяхъ охотничьей, земледѣльческой жизни, могутъ участвовать въ войнѣ лишь въ совсѣмъ исключительныхъ обстоятельствахъ. Но какъ было въ обыденныхъ условіяхъ текущей жизни, принимала ли земля участіе въ защитѣ въ этихъ условіяхъ, объ этомъ исторія ничего не знаетъ.

Та по необходимости грубая схема общественной жизни удѣльнаго періода, какую мы представили, будетъ не полна, если мы не введемъ въ нее христіанства: дополняя, съ одной стороны, общественный строй своими учрежденіями, оно, съ другой, путемъ постоянного вліянія на личность, стремилось видоизмѣнить и самую жизнь, сообщая ей инныя стремленія и ставя новые идеалы.

Язычество у нашихъ предковъ, какъ ни узко и скудно было оно по содержанію, но оно было сильно своей цѣльностью: нравственные и правовые взгляды непосредственно вытекали изъ религіозныхъ; формы быта находились въ полной гармоніи со взглядами. Христіанство разрушило эту цѣльность. Въ неразрывной связи съ религіей, оно предлагало людямъ новую систему нравственныхъ взглядовъ, расходящуюся со старой системой въ самихъ своихъ основаніяхъ. „Прощай обиды, люби своихъ враговъ, отрекись ради полноты Христовой любви отъ отца и матери“ — все это было не только не совмѣстимо съ языческой моралью, но совершенно отрицало ее. Новый христіанинъ подъ авторитетнымъ руководствомъ церкви кое-какъ осваивался съ этими неожиданными и странными истинами, къ которымъ онъ не могъ, однако, не чувствовать инстинктивнаго влеченія и уваженія. Но жизнь шла своимъ порядкомъ, слѣдуя импульсамъ, сообщеннымъ ей предыдущими фазами ея развитія. Описывая выше строй древне-русскаго общества, мы указывали на то, какъ рѣзко еще былъ онъ отмѣченъ старымъ родовымъ и языческимъ характеромъ. Значить ли это, что христіанство ничѣмъ не отражалось на жизни общества? Нѣтъ, не значить; напротивъ, вліяніе христіанства на общественную жизнь начинаетъ сказываться очень рано и въ разнообразныхъ направленіяхъ; только вліяніе это должно было накапливаться вѣками, чтобы дать замѣтные результаты, тѣмъ болѣе, что церковь, какъ проводникъ этихъ вліяній, въ лицѣ своихъ представителей сама отражала произвольно духъ окружающей жизни и во многомъ подчинялась господствующему теченію вмѣсто того, чтобы руководить имъ.

Рабство есть та общественная сторона древне-русской жизни, на которой вліяніе христіанства отразилось наиболѣе сильно и замѣтно.

Рабы были необходимою принадлежностью того хищнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, торговаго общества, какимъ была первоначальная Кіевская Русь. Набѣги

на сосѣднія страны, которыми жила Русь первыхъ князей, обильно снабжали русскую землю рабами; по свидѣтельству и иностранныхъ писателей и собственной нашей лѣтописи, „челядь“ была однимъ изъ главныхъ предметовъ русской торговли. Да и самый общественный строй, гдѣ верхній слой существовалъ не производительнымъ трудомъ, составлявшимъ удѣль слоя нижняго, предполагалъ существованіе рабовъ: они были необходимы если не для производства предметовъ потребленія, то для личныхъ услугъ. Но что рабы-„челядь“ участвовали и въ производствѣ, на это есть прямые указанія: хозяйство богатыхъ княжескихъ „сель“ (т.-е. хозяйственныхъ хуторовъ или экономій), а также, надо думать, и боярскихъ, велось рабскимъ трудомъ. Въ какомъ числовомъ отношеніи стояло рабское населеніе къ свободному, объ этомъ мы не имѣемъ возможности дѣлать никакихъ предположеній: можно сказать лишь, что оно, это отношеніе, вѣроятно, не было ничтожнымъ. Предки наши не отличались жестокостью къ рабамъ: объ этомъ опредѣленно говорятъ чужеземные свидѣтели. Но они все-таки смотрѣли на рабовъ такъ же, какъ смотрѣла на нихъ вся языческая древность. Рабъ есть собственность господина, объектъ, а не субъектъ права, т.-е. вещь, а не лицо. „Русская Правда“—которая много говоритъ о рабахъ, въ связи съ тѣмъ значеніемъ, какое они имѣли для верхняго слоя тогдашняго общества, еще стоитъ на этой древней точкѣ зрѣнія на раба, хотя она кое въ чемъ и обнаруживаетъ стремленіе съ нея сдвинуться: напримѣръ, рабъ уже вызывается къ суду, убійство раба, хотя бы и за вину, не предоставляется произволу обиженнаго. Конечно, эти уступки въ пользу рабовъ дѣлались подъ вліяніемъ церкви. Но церковь шла въ своихъ требованіяхъ гораздо дальше. Въ проповѣдяхъ и поученіяхъ духовенства, отрывки которыхъ дошли до насъ, она постоянно напоминала, что рабъ есть такой же человекъ, какъ и господинъ, совершенно равноцѣнный передъ лицомъ Божіимъ, что бракъ раба есть такой же священный и нерасторжимый союзъ, создающій законную семью, находящуюся подъ покровительствомъ церкви, что „яръсть на рабы“ влечетъ за собою такую же тяжелую загробную отвѣтственность, какъ и яръсть на всякаго иного человека, что „томяи челядь свою гладомъ и ранами“ есть то же, что невѣрный, еретикъ и разбойникъ. Все это, часто повторяемое въ тѣхъ или иныхъ формахъ, должно было преобразовать понятія людей объ этомъ предметѣ. И въ самомъ дѣлѣ рабство какъ-то ступшевыается, растворяясь въ иныхъ формахъ зависимости, лишенныхъ специфическихъ чертъ зависимости рабской.

Если мы хотимъ прослѣдить, въ чемъ еще отражалось непосредственное вліяніе церкви на общественный строй и учрежденія, то должны обратиться отъ тѣхъ общественныхъ низинъ, какія представляло собою рабство, къ высотамъ, гдѣ помѣщалась княжеская власть. Въ первомъ очеркѣ мы уже указали на тѣсную связь, въ какой стояло у насъ введеніе христіанства съ утвержденіемъ государственности: авторитетъ княжеской власти находилъ себѣ опору въ церкви. Но и помимо этого, представитель церкви всегда считалъ себя призваннымъ и обязаннымъ вмѣшиваться въ политическія отношенія. Мы знаемъ господствующій характеръ этихъ отношеній для удѣльнаго періода: это

были безконечныя распри князей между собою изъ-за Кіевского стола и изъ-за лучшихъ волостей. „Миръ стоитъ до рати, а рать до мира“,—говорили князья, и съ той же полной готовностью и свободой начинали войну, какъ и прекращали ее. Постоянное вмѣшательство духовныхъ властей въ политику оказывало здѣсь благотѣльное вліяніе. „Мы, есмы приставлены въ русской землѣ востягивати васъ отъ кровопролитія“,—такъ обращались митрополиты и епископы къ князьямъ и дѣйствовали сообразно духу этихъ словъ. Князья часто пренебрегали увѣщаніями своихъ духовныхъ отцовъ, но никогда не отвергали въ принципѣ ихъ права обращаться къ нимъ съ увѣщаніями. Но дѣло не ограничивалось увѣщаніями: духовенство принимало въ политикѣ и болѣе активное участіе. Дѣло въ томъ, что всѣ междукняжескія отношенія были по существу отношеніями договорными. Такъ какъ правовая практика того времени не выработала въ примѣненіи къ данному случаю, да и не могла выработать иныхъ способовъ укрѣпленія договоровъ, кромѣ обращенія къ Богу въ видѣ клятвъ или крестнаго цѣлованія, то духовенство, участвуя необходимо въ этихъ клятвахъ, присягахъ и цѣлованіяхъ, тѣмъ самымъ принимало на себя обязанности какъ бы охранителей этихъ договоровъ и судей надъ ихъ нарушителями: отлученіе отъ церкви клятвопреступника было въ ихъ рукахъ могущественнымъ орудіемъ кары. Отсюда не слѣдуетъ, что духовенство всегда примѣняло это свое право: нерѣдко оно обходило клятвопреступленіе молчаніемъ и, наоборотъ, даже разрѣшало преступающаго отъ его клятвы, принимая, такъ сказать, на себя отвѣтственность передъ Богомъ. Но дѣлало это всегда лишь въ интересахъ мира. Миръ и братская любовь были въ его глазахъ той высшей правдой, которую оно неустанно проповѣдывало князьямъ. И случалось—не часто, но случалось,—что слово духовнаго отца задерживало, такъ сказать, стрѣлу, пущенную изъ лука, предупреждало кровопролитіе тогда, когда, казалось, уже нельзя было его предотвратить. Но духовенство не ограничивалось тѣмъ, что вмѣшивалось въ междукняжескія отношенія, оно вмѣшивалось и въ отношенія между властью и управляемыми. Неуклюжій механизмъ тогдашняго государственнаго строя вызывалъ такія коллизіи между личностью и властью, которыя обуславливали для личности тяжелыя, иногда роковыя послѣдствія: „гдѣ законъ, тамъ и обиды много“, по наивному выраженію того времени. Духовенство съ своимъ ясно сознаваемымъ имъ правомъ заступничества—„печалованія“—за обиженнаго и, вообще, несчастнаго, стояло наготовѣ, чтобы путемъ обращенія къ высшей власти и ея милосердію исправлять причиненное зло. Сознательно или безсознательно, но духовенство избрало, такимъ образомъ, вѣрнѣйшій путь, чтобы закрѣпить связь довѣрія между церковью и отдѣльною личностью, съ которой одной, собственно, оно и должно бы было имѣть дѣло.

Сколько можно судить, церковь въ эту эпоху оказывала большое вліяніе на личность. Это не значить, конечно, чтобы она успѣла перевоспитать эту личность въ своемъ духѣ: перевоспитаніе совершается вѣками и вліяніемъ совокупности условій, между которыми большую роль играютъ формы общественной жизни. Но то несомнѣнное обаяніе, которымъ увлекала христіанская религія воспріимчивую душу тогдашняго человѣка, ни въ чемъ не выражается

такъ сильно, какъ въ исторіи нашихъ монастырей, въ особенности Кіево-Печерскаго.

„Соединилъ Богъ такихъ черноризцевъ въ обители (Кіево-Печерской), которые сіяли въ Русской землѣ какъ звѣзды: одни изъ нихъ были постники, другіе славились бодрствованіемъ, иные молитвой, тѣ принимали пищу черезъ день или два дня, другіе ѣли хлѣбъ съ водою, иные варенныя, а другіе и сырыя овощи. Всѣ пребывали въ любви; меньшіе покорялись старшимъ; старшіе имѣли любовь къ меньшимъ, наставляли ихъ и утѣшали какъ возлюбленныхъ дѣтей. Если который братъ впадалъ въ какое-нибудь прегрѣшеніе, утѣшали его и раздѣляли, трое или четверо, его эпитемію, великой любви ради; такова была любовь въ той святой братіи, воздержаніе и смиреніе. И если какой-нибудь братъ выходилъ изъ монастыря, вся братія печалилась объ этомъ, посылала за нимъ и призывала его въ монастырь; и шли къ игумену всѣ просить за брата и молили игумена и принимали брата въ монастырь съ радостію“. Что эти слова „Патерика“ не риторическія украшенія, которыми такъ богаты произведенія этого рода, а передача, по мѣрѣ разумнія, дѣйствительнаго типа жизни монастыря, по крайней мѣрѣ, въ первый періодъ его существованія, объ этомъ мы знаемъ и изъ другихъ источниковъ. Община героевъ — подвижниковъ, заживо похоронившая себя въ Кіевскихъ горахъ, умѣла соединить аскетизмъ съ подвигами дѣятельнаго человѣколюбія, возбуждавшими одновременно благоговѣйное уваженіе и преданную любовь къ монастырю со стороны народной массы. Надо полагать, что тотъ духъ, который вознесъ Кіево-Печерское монастырское братство на такую исключительную высоту, обязанъ своимъ возникновеніемъ основателямъ монастыря, преподобному Антонію и, въ особенности, Феодосію. Это была высоко одаренная нравственная личность, и она умѣла отпечатѣть на монастырскомъ обществѣ нѣкоторыя черты своей возвышенной индивидуальной психологіи. Замѣчательнѣйшею изъ этихъ чертъ было уваженіе къ труду. Будучи игуменомъ, Феодосій самъ неустанно работалъ, не пренебрегая самою черною и трудною работою, и требовалъ того же и отъ братіи: всѣ должны были все время, свободное отъ молитвъ и обязательныхъ хозяйственныхъ работъ, посвящать ручному труду, произведенія котораго шли въ продажу, а на вырученные деньги покупался хлѣбъ, который сами монахи должны были молотъ на ручныхъ жерновахъ. Умѣлые изъ монаховъ занимались перепиской и переплетомъ книгъ, — трудъ, который особенно высоко цѣнили преподобный Феодосій, взявшій на себя лично приготовленіе прядива для переплета. Такимъ образомъ, преподобные устроители Кіево-Печерскаго монастыря сразу поставили свое общество такъ, что оно сдѣлалось идеальнымъ представителемъ тѣхъ монастырей, которые „не отъ царь и отъ бояръ и отъ богатства“, а „поставлены слезами, пощеніемъ, молитвою, бденіемъ“, по выраженію лѣтописи. Иноки монастырей этой второй категоріи, такимъ образомъ, не переходили, вслѣдъ за остальнымъ духовенствомъ, въ ряды людей высшаго привилегированнаго слоя, не разрывали своихъ связей съ народной массой и тѣмъ привлекали къ себѣ ея горячія симпатіи. Преподобный Феодосій не вмѣшивался въ политику, но

Когда князья обращались къ нему, никогда не останавливался передъ тѣмъ, чтобы высказать имъ въ глаза правду, какъ бы она ни была имъ непріятна. То уваженіе, которымъ окружали его князья и бояре, онъ обращалъ на пользу всѣхъ слабыхъ и обиженныхъ, для которыхъ онъ былъ постояннымъ надежнымъ заступникомъ. Высокій тонъ, данный Θεодосіемъ жизни Киево-Печерскаго монастыря, долго держался и послѣ его смерти, поддерживаемый живымъ преданіемъ. Какимъ благоговѣйнымъ уваженіемъ пользовался Киево-Печерскій монастырь, свидѣтельствуетъ дошедшее до насъ отъ начала XIII вѣка посланіе епископа Ростовскаго Симона къ монаху Поликарпу: онъ пишетъ, что всю свою епископскую славу и власть почелъ бы ни за что, чтобы хотя только палкой торчать за воротами или соромъ валяться въ Печерскомъ монастырѣ, что „Печерскій монастырь есть море, которое не держитъ въ себѣ гнилаго, но выбрасываетъ вонъ“. Изъ этого же посланія мы узнаемъ слѣдующій интересный фактъ: что около пятидесяти епископовъ въ Русской землѣ вышло изъ монаховъ Киево-Печерскаго монастыря. Слѣдовательно, монастырь этотъ доставлялъ значительный процентъ всего высшаго русскаго духовенства, которое разносило, такимъ образомъ, принципъ монастырскаго пониманія христіанской религіи и жизни по всему лицу земли не только южно-, но и сѣверно-русской.

Въ первой главѣ мы сказали о введеніи христіанства, но не дали никакого понятія о церковномъ устройствѣ, водворившемся у насъ. Византія не дала намъ автокефаліи (самоуправленія), и русская церковь стала въ подчиненіе къ церкви греческой, въ лицѣ константинопольскаго патріархата; русская церковь составляла митрополию константинопольскаго патріархата. Патріархъ назначалъ митрополита, который посвящалъ епископовъ, въ чемъ единственно и выражалось это подчиненіе; во всемъ остальномъ, исключая, конечно, вопросовъ права каноническаго, русская церковь все-таки пользовалась полной автономіей. Церковная организація объединяла русскую землю гораздо крѣпче, чѣмъ объединяла ее организація политическая, которая сводилась, въ концѣ концовъ, лишь къ единству княжескаго рода. Митрополитъ жилъ въ Кіевѣ и назначался патріархомъ изъ грековъ: впрочемъ въ теченіе удѣльнаго періода два раза были митрополитами русскіе, избранные соборомъ русскихъ епископовъ. Были ли это попытки князей къ автокефальной церкви, или случайный результатъ какихъ-нибудь политическихъ недоразумѣній и осложненій,—вопросъ темный. Первые епископы также были изъ грековъ или болгаръ, но уже въ первой половины XI вѣка на епископскихъ кафедрахъ появляются русскіе. Назначеніе епископовъ и у насъ въ Южной Руси, повидимому, не было дѣломъ лишь одного митрополита, но въ немъ принимали дѣятельное участіе и князья. Южная Русь, по сравненію съ сѣверной, была раздѣлена на большее число епархій, и раздѣленіе на епархіи стояло въ извѣстной зависимости отъ раздѣленія на удѣлы, но не совпадало съ нимъ. На территоріи княжества Кіевскаго, кромѣ митрополіи, были еще епархіи Бѣлгородская, Юрьевская; въ княжествѣ Галицкомъ—Галицкая, Перемышльская, Угровская; затѣмъ слѣдуютъ епархіи въ соотвѣтствіи съ удѣлами: Черниговская, Переяславская, Туровская, Владиміро-Волинская, Тмутараканская. Содержаніе свое

высшее духовенство получало отъ княжеской власти, прежде всего въ видѣ десятины, но эта десятина не была такимъ прочно организованнымъ учрежденіемъ, какъ десятина католической церкви въ Западной Европѣ; затѣмъ оно получало судебныя пошлыны отъ значительнаго количества судебныхъ дѣлъ, предоставленныхъ вѣдѣнію церковнаго суда. Недвижимыхъ имуществъ, доходами съ которыхъ пользовались бы епископы, въ эту эпоху еще почти не было; такимъ образомъ, помимо судебныхъ пошлынъ и десятины доходъ епископовъ сводился къ доходамъ съ паствъ и приходскаго духовенства. Низшее приходское духовенство, собственно священники, составляли въ это время относительно очень многочисленный классъ общества, если судить по количеству церквей. Къ церковному благолѣпію требованія въ тѣ времена представлялись незначительныя, и были въ обычаѣ домовыя церкви; отсюда становятся понятными такіе факты, записанные лѣтописью, что, напримѣръ, въ такой-то пожаръ въ Кіевѣ сгорѣло шестьсотъ церквей, а въ такой-то—около семисотъ. Разумѣется, тогдашній Кіевъ не могъ считать сотнями сколько-нибудь благоустроенные храмы. Вѣроятно, всѣ тогдашніе люди со средствами устраивали свои церкви и обзаводились своими священниками: но требованія отъ этихъ священниковъ, были, конечно, такъ же малы, какъ и отъ самыхъ церквей. Отсюда выходили такія несообразности, которыя обратили на себя вниманіе даже и отдаленнаго патріарха константинопольскаго и вызвали его вмѣшательство: богатые люди ставили иногда въ священники своихъ рабовъ, не освобождая ихъ отъ рабства. Все это заставляетъ предполагать, что общій уровень этой священнической массы былъ для разсматриваемой эпохи очень низокъ какъ со стороны интеллектуальной подготовки къ пастырскому служенію, такъ и со стороны общественнаго значенія. Содержаніе свое низшее духовенство получало сначала, повидимому, также изъ княжескихъ доходовъ, затѣмъ, когда христіанская религія окончательно утвердилась,—отъ паствы и строителей церкви.

О монастыряхъ мы уже говорили выше. Здѣсь мы должны ограничить вышесказанное слѣдующимъ соображеніемъ. Кіево-Печерскій монастырь занимаетъ исключительное положеніе не только по своей духовной высотѣ и обусловливаемому ею нравственному вліянію: онъ въ то же время едва ли не единственный изъ извѣстныхъ намъ монастырей удѣльной эпохи, устроенный самими монахами. Всѣ остальные южно-русскіе монастыри, происхожденіе которыхъ намъ извѣстно, суть монастыри, устроенные князьями въ честь своихъ патроновъ и съ цѣлью имѣть для своего рода мѣсто вѣчнаго успокоенія, освящаемое постоянной молитвой. Поэтому мы совсѣмъ не видимъ того, что на сѣверно-русскомъ нарѣччіи называется „пустыня“: монастырь, устроенный гдѣ-нибудь далеко отъ населенныхъ мѣстъ, въ лѣсномъ уединеніи. Всѣ монастыри Южной Руси построены или въ городахъ или вблизи ихъ.

Таковы были внѣшнія формы церковнаго устройства; каковъ былъ религіозный духъ, воплощавшійся въ нихъ, объ этомъ трудно сказать что-нибудь положительное по недостатку и противорѣчію свидѣтельствъ.

Съ одной стороны, въ лицѣ первоначальнаго Печерскаго монастыря мы имѣемъ такое грандіозное доказательство великаго вліянія, какое обнаружи-

вало христіанство на отдѣльныя личности древне-русской среды; съ другой, многое доказываетъ, что масса народная все-таки еще, подъ наружнымъ порядковымъ христіанствомъ, таила живое язычество. Но это противорѣчіе не такого характера, чтобы оно заставляло заподозривать истину самихъ свидѣтельствъ: такъ противорѣчива всегда жизнь. Противорѣчія идутъ далѣе. Дошедшіе до насъ памятники духовной литературы свидѣтельствуютъ о крайней нетерпимости по отношенію къ иновѣрцамъ вообще, латынѣямъ въ частности. А между тѣмъ многіе факты говорятъ о томъ, что такой нетерпимости на самомъ дѣлѣ вовсе не было. Южная Русь была въ постоянныхъ тѣсныхъ политическихъ сношеніяхъ съ Венгріей и Польшей. Князья, а надо думать и бояре, по крайней мѣрѣ, волынскіе и галицкіе, отдавали своихъ дочерей замужъ за латынѣвъ и сами женились на латынѣнкахъ; въ Кіевѣ постоянно жили не только нѣмцы разныхъ народностей, но и евреи и армяне, и мы не имѣемъ свѣдѣній ни о какихъ религіозныхъ столкновеніяхъ. Если останавливаться на противорѣчіяхъ историческихъ фактовъ, то вспомнимъ еще хотя бы то, съ какимъ усердіемъ, чуть ли не доходящимъ до самоотверженія, князья заботились о всякомъ благолѣпнѣ устраиваемыхъ ими храмовъ, съ одной стороны, и какъ они же безцеремонно, во время враждебныхъ между собою столкновений, обдирали наравнѣ съ дикими половцами—и даже жгли—храмы, строителями которыхъ были ихъ враги. Очевидно, сама жизнь заключала въ себѣ такія противорѣчія, а, можетъ-быть, и просто особенности, ключъ къ уразумѣнію которыхъ надо искать въ міросозерцаніи людей этой отдаленной эпохи. Если факты не могутъ намъ помочь въ рѣшеніи вопроса, насколько предки наши этой эпохи освоились съ христіанствомъ, то можно подойти къ этому вопросу съ иной стороны.

Христіанство не есть только вопросъ чувства, но и знанія. Знаніе предполагаетъ собою прежде всего грамотность, а затѣмъ и извѣстную книжную дисциплину. Но положеніе грамотности, уже не говоря о какомъ-нибудь просвѣщеніи, основывающемся на усвоеніи книжной мудрости, находилось въ удѣльную эпоху, повидимому, въ очень мало развитомъ состояніи. Школы, сколько можно судить, вовсе не было. Въ городахъ бывали люди, владѣвшіе искусствомъ грамотности, которые брали на себя выучку, и ими исчерпывались, повидимому, всѣ мѣстные просвѣтительные ресурсы. Правда, мы очень рано встрѣчаемся съ такими личностями, какъ первый русскій епископъ Иларіонъ или епископъ Туровскій Кириллъ, произведенія которыхъ, дошедшія до насъ, обнаруживаютъ значительное вліяніе греческой образованности, греческаго богословія и риторической науки; встрѣчаются и между князьями люди съ книжнымъ образованіемъ, какъ Владиміръ Мономахъ. Но народная масса, присоединяя даже и верхній слой, была сплошь лишена, за рѣдкимъ исключеніемъ, даже грамотности; можно предполагать, что и священники далеко не вполне владѣли этимъ искусствомъ, обучаясь технике своего дѣла со словъ учителей. Правда, стараніями князей, епископовъ и просвѣщенныхъ монаховъ, особенно кіево-печерскихъ, наша письменность въ этотъ періодъ была не скудна, не только переводная, но и оригинальная. Распространенію

письменности, конечно, очень содѣйствовало то обстоятельство, что мы заимствовали не только готовую грамотность, но и готовые болгарскіе переводы книгъ, важнѣйшихъ и необходимѣйшихъ для усвоенія христіанской религіи, и сами пополняли недостающее,—выше мы говорили о дѣятельности Ярослава въ этомъ отношеніи. Книги были духовныя, правоучительныя, историческія, путешествія къ святымъ мѣстамъ, но онѣ находились въ рукахъ князей и богатыхъ людей или монастырей и по своей рѣдкости и дороговизнѣ были совершенно недоступны простымъ людямъ. Произведенія оригинальной русской письменности свидѣтельствуютъ о воспріимчивости и даровитости древне-русскаго челоѣка: проповѣди Иллариона, напримѣръ, или „Слово о полку Игоревѣ“ нельзя не признать за произведенія высокаго литературнаго достоинства. Открытыя въ послѣдніе годы фрески и мозаики древнихъ кіевскихъ церквей также говорятъ о зарождавшемся уже въ XII вѣкѣ, подъ вліяніемъ византийцевъ, собственномъ русскомъ искусствѣ: храмъ въ тѣ времена былъ чуть ли не единственнымъ его прибѣжищемъ. Правда, еще отъ временъ язычества существовала въ Кіевѣ художественная техника драгоцѣнныхъ вещей, служившихъ какъ украшенія, какъ объ этомъ уже упомянуто, но о дальнѣйшемъ развитіи этой отрасли искусства мы не можемъ ничего прибавить къ сказанному выше.

Итакъ, какія бы большія доказательства даровитости ни давали русскіе люди того времени, какъ ни глубока слѣдъ христіанскихъ вліяній на отдѣльныя личности и даже группы такихъ личностей, сплотившихся хотя бы въ пещерахъ и стѣнахъ Кіево-Печерскаго монастыря, все-таки общество въ массѣ своей было далеко отъ просвѣщенія, не обладало даже и простымъ ея орудіемъ,—грамотностью, а, слѣдовательно, далеко и отъ истиннаго христіанства. Объ иномъ просвѣщеніи, внѣ религіознаго, въ эту эпоху пока еще не можетъ быть и рѣчи.

III.

Жизненная стихія, пробѣгавшая по самостоятельнымъ областнымъ русламъ, на которыя подѣлилась Южная Русь, была однородна, какъ сказали и показали мы выше; но русла, тѣмъ не менѣе, были различны. Оттого исторія каждаго изъ южно-русскихъ княжествъ, разсматриваемая отдѣльно, представляетъ свои типичныя, ей одной свойственныя, особенности. Къ сожалѣнію, историческое освѣщеніе, почти единственнымъ источникомъ котораго служить лѣтопись, далеко не равномерно распредѣляется на своей исторической сценѣ: въ то время какъ одни княжества освѣщены болѣе или менѣе ярко, другія стоятъ въ тѣни, сгущающейся иногда въ такой мракъ, который позволяетъ—самое большее—лишь догадываться о присутствіи жизни. Выше уже мы имѣли случай сказать, какъ мало сохранилось историческихъ свѣдѣній о княжествахъ Переяславскомъ и Туровскомъ, но, можетъ-быть, причина этому лежитъ въ особенностяхъ судебъ этихъ областей, тѣсно примыкавшихъ къ великому княжеству Кіевскому. Къ тому же, существованіе Переяславской „украины“, этого „оплечья Кіева“, какъ-будто бы и не имѣетъ другого смысла и содержанія, кромѣ защиты себя и остальной Руси отъ половцевъ. Туровское

княжество, земля дреговичей, укрывшихся въ пущахъ и болотахъ, укрѣпилось за потомствомъ одного изъ старшихъ Ярославичей—Изяслава, собственно сына его Святополка Второго. Княжество распалось на два крупныхъ удѣла—Туровскій и Пинскій, а затѣмъ каждый изъ нихъ еще раздробился на множество удѣловъ мелкихъ; такимъ образомъ, княжество это совсѣмъ потеряло то значеніе, какимъ пользовалось въ началѣ удѣльной эпохи. Родъ турово-пинскихъ князей, сильно разросшись и измелъчавши, уже не претендовалъ ни на какое значеніе въ остальной Русской землѣ, не гнался за кievскимъ столомъ, не добивался волостей въ иныхъ мѣстахъ: у этихъ князьковъ не было средствъ конкурировать съ болѣе выгодно обставленными соперниками. Территорія же ихъ, по своимъ естественнымъ свойствамъ, не была настолько привлекательна, чтобы кому-нибудь изъ окружающихъ сильныхъ князей вздумалось сдѣлать полеми сосѣдней Волынской земли. Удалившись, такимъ образомъ, съ арены, туровско-пинскіе князья тѣмъ самымъ удалились и изъ исторіи: лѣтопись совсѣмъ перестаетъ ими интересоваться. Въ концѣ концовъ, эти князья такъ размножились, что стали перебираться на Волынь, но, конечно, уже не въ качествѣ владѣтельныхъ князей: они дѣлаются родоначальниками нѣкоторыхъ крупныхъ волынскихъ землевладѣльческихъ родовъ, играющихъ позднѣе большую роль не только въ волынской, но и во всей южно-русской исторіи: таковы были, напр., князья Острожскіе. Еще въ удѣльный періодъ мы находимъ двухъ изъ туровскихъ князей на службѣ у князя галицкаго, слѣдовательно, отказавшимися отъ своихъ княжескихъ прерогативъ. Итакъ, если лѣтопись намъ мало сообщаетъ о судьбахъ княжествъ Переяславскаго и Туровскаго, то, надо полагать, по той причинѣ, что она просто не находитъ достаточно фактовъ, интересныхъ съ ея точки зрѣнія. Иначе дѣло стоитъ съ Черниговскимъ княжествомъ, землей сѣверянскаго племени.

Область Чернигово-Сѣверская есть несомнѣнно одна изъ важнѣйшихъ областей южной Руси по размѣрамъ своей территоріи, по характеру населенія съ его рѣзко выраженными чертами исконной племенной особенности, наконецъ,—и самое главное, — по той роли, которую она играла въ общихъ судьбахъ южной Руси, а также и сѣверной, служа связующимъ звеномъ между этими двумя половинами Русской земли. А, между тѣмъ, исторія ея очень темна. Знаемъ мы нѣсколько подробнѣе лишь тѣ стороны этой исторіи, которыми она переплетается съ исторіями сосѣднихъ областей: отношенія черниговскихъ князей къ Киеву или Галичу, къ половцамъ или сѣвернымъ князьямъ. Внутренняя жизнь этихъ областей, ея особенности—совсѣмъ скрыты. Причины въ слѣдующемъ: до насъ не дошли записи мѣстныхъ лѣтописцевъ, которыя несомнѣнно были, если судить по аналогіи съ другими областями. Именно вотъ это-то отсутствіе черниговской лѣтописи, которая должна была бы послужить матеріаломъ для позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ, и считаютъ ученыя причиною тѣхъ пробѣловъ для областной чернигово-сѣверской исторіи, которые бьются въ глаза. Однако, благодаря энергіи предприимчивыхъ и безпokoйныхъ потомковъ Святослава Ярославича, которые не только успѣли закрѣпить

за собою въ своемъ родовомъ владѣніи Черниговскую область, но и постоянно вмѣшивались во всѣ междукняжескіе счеты и отношенія, лѣтописцамъ и сѣвернымъ, и кievскимъ, и галицко-волинскимъ то-и-дѣло приходится наталкиваться на черниговскихъ князей, а, слѣдовательно, и говорить о нихъ. Мы узнаемъ, такимъ образомъ, что черниговскіе князья постоянно стремятся къ кievскому столу. Имъ загораживаютъ дорогу ихъ вѣчные соперники Мономаховичи, которые считают великокняжеское достоинство принадлежностью своего рода и стараются отстаивать это свое право изъ всѣхъ силъ, то войной, то договорами. Но черниговскіе князья не хотятъ поступиться своими якобы правами на кievскій столъ: „мы не венгры и не ляхи, а одного дѣда внуки“, говорятъ они. Временами имъ удастся захватить великокняжескій столъ, но удержаться на немъ долго не могутъ. Врагъ, болѣе сильный, чѣмъ ихъ князья-соперники, не позволяетъ имъ прочно захватить въ свою власть Кіевъ: врагъ этотъ—народная воля, враждебное настроеніе Кіевской земли. Кіевляне перенесли чувство своей племенной отчужденности отъ сѣверянъ на Святославичей, такъ тѣсно сроднившихся съ Сѣверской землей, и лѣтопись какъ бы устами кievлянъ выражаетъ свою враждебность: „не можемъ поднять рукъ на Мономаховича, а на Ольговича (Ольговичи, потомки Олега Гориславича, есть самая энергичная вѣтвь Святославова потомства) хоть и съ дѣтьми“, такъ выражается кievское вѣче, по лѣтописной передачѣ.

Въ самомъ концѣ удѣльнаго періода, въ половинѣ XIII вѣка, когда Кіевъ уже совсѣмъ потерялъ свое значеніе, черниговскимъ князьямъ удастся водвориться болѣе прочно въ Кіевской землѣ, которая дѣлается какъ бы удѣломъ земли Черниговской. Но Чернигово-Сѣверскому княжеству все-таки не удалось сложиться въ сильный и самостоятельный политическій организмъ. Причина въ томъ же, повидимому, въ чемъ заключается причина исчезновенія съ политическаго горизонта Туровской земли: въ большомъ размноженіи княжескаго рода. Уже въ первомъ поколѣніи Святославичей Черниговская земля распалась на два удѣла—собственно Черниговскій и Новгородъ-Сѣверскій: второй послѣ Чернигова древній городъ сѣверянскаго племени—Любечъ—къ удѣльному періоду потерялъ свое старое значеніе, и вмѣсто него выдвинулся Новгородъ-Сѣверскій. Затѣмъ обѣ вѣтви Святославичей, Ольговичи и Давидовичи, такъ размножились и подѣлили княжество, что въ немъ можно насчитать до двадцати удѣловъ. Правда, черниговскіе князья обыкновенно держались довольно дружно. Между прочимъ, надо замѣтить, что на территоріи Черниговскаго княжества удержался тотъ архаическій порядокъ наслѣдованія между князьями, когда столъ передавался не отъ отца къ сыну, а отъ брата къ брату, т.-е. изъ линіи въ линію, такъ что каждая смерть производила круговое передвиженіе князей на ихъ столахъ. Эта система „лѣствическаго восхожденія“ также, до извѣстной степени, удерживала территорію отъ полного разложенія на мелкія составныя части. Поэтому-то черниговскіе князья могли осуществлять серьезныя предпріятія, къ которымъ они были побуждаемы, съ одной стороны, присущей имъ энергіей, съ другой, своею многочисленностью, толкавшей ихъ вонъ изъ родной, все болѣе и болѣе тѣсной, области. Изъ такихъ

предпріятій на первомъ планѣ стоитъ, конечно, попытка Игоревичей, сыновей знаменитаго героя „Слова о полку Игоревѣ“, водвориться въ началѣ XIII вѣка въ Галицкой землѣ. Попытка эта имѣла трагическій и совсѣмъ неожиданный исходъ: трое изъ Игоревичей были осуждены галицкими боярами, съ которыми они, вокняжившись, принялись-было энергично расправляться, и приговорены къ повѣшенію: случай судебной расправы съ князьями, единственный во всей нашей исторіи. Предпримчивость князей Святославичей шла, вѣроятно, рука-объ-руку съ предпримчивостью самаго сѣверянскаго племени. Если присоединеніе земли вятичей въ XII в. было дѣломъ князей, то, конечно, дѣломъ самого населенія было колонизаціонное движеніе на сѣверо-востокъ въ инородческія земли Муромы и Мещеры, по Окѣ и ея притокамъ, и на востокъ по направленію Волги,—движеніе, присоединившее къ Черниговской землѣ новые удѣлы, потомъ обособившіеся въ самостоятельныя княжества подъ управленіемъ тѣхъ же Святославичей. Но сѣверянское племя подвигалось и къ югу, въ степь, несмотря на препятствіе со стороны кочевниковъ. Повидимому, именно оно имѣло ближайшее отношеніе къ темному для насъ русскому населенію Тмутаракани, и знаменитый походъ сѣверскихъ князей въ глубь половецкихъ степей, описываемый „Словомъ о полку Игоревѣ“, объясняется стремленіемъ расчистить давно знакомую и нѣкогда торную дорогу къ тмутараканскимъ родичамъ, которую залегли-было степные хищники. Слѣдами старой связи сѣверянскихъ областей съ черноморскимъ побережьемъ можно считать поселенія такъ-называемыхъ бродниковъ, которыя разбросаны были островками по донскимъ степямъ и какъ-то поддерживали свое существованіе среди половецкихъ кочевьевъ. Итакъ, о внѣшней исторіи Чернигово-Сѣверской области мы знаемъ лишь очень мало; когда же „Ипатьевская лѣтопись“ переноситъ центръ своихъ интересовъ изъ Кіева въ отдаленную Галицко-Волынскую землю, свѣдѣнія о Черниговской области начинаютъ совсѣмъ оскудѣвать. Особенности внутренняго строя и быта этой области отъ насъ ускользаютъ совершенно. Родъ Святославичей чернигово-сѣверскихъ, въ концѣ концовъ, такъ размножился, что почти половина княжескихъ родовъ Литовскаго и Московскаго государствъ ведетъ именно отъ него свое начало.

Мало освѣщаютъ лѣтописныя извѣстія исторію Чернигово-Сѣверской области, еще меньше Туровской и Переяславской. Но на территоріи южной Руси есть еще одна обширная область, о которой лѣтописи проговариваются, какъ-будто лишь для того только, чтобы своими темными и загадочными выраженіями увлечь насъ и запутать въ произвольныхъ толкованіяхъ и гипотезахъ. Тиверцы и уличи нашей первоначальной лѣтописи, судя по тому, что у нихъ были многочисленные города, какъ сообщаетъ лѣтописецъ, и что именно ихъ греки звали Великой Скиѳіей, повидимому, должны были бы играть важную роль въ нашей южно-русской исторіи. А, между тѣмъ, послѣ первыхъ же краткихъ о нихъ извѣстій лѣтописи, они совсѣмъ скрываются со сцены. Они не входятъ ни въ чью волость, никакой князь не получаетъ въ нихъ удѣла, никто и ничто не касается ихъ территоріи: очевидно, они стоятъ внѣ политической связи, стягивающей остальные южно-русскія земли. Только позже, въ

половинѣ XII вѣка, мы можемъ прослѣдить по лѣтописи, какъ нѣкоторая сравнительно небольшая часть этой территоріи входитъ въ составъ княжества Галицкаго.

А, между тѣмъ, на этой же территоріи или въ ближайшемъ ея сосѣдствѣ выступаетъ на историческую сцену нѣчто въ высшей степени загадочное. Это такъ называемая Бодоховская земля. Таинственный незнакомецъ нашей исторіи, земля эта появляется въ XII вѣкѣ для того лишь, чтобы черезъ столѣтіе опять безслѣдно исчезнуть. Все въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ о ней возбуждаетъ сомнѣніе и даетъ поводъ къ спорамъ, даже и ея географическое положеніе, которое разными учеными опредѣлялось очень различно. Но въ настоящее время выяснено, повидимому, что она находилась между предѣлами области Киевской и Волынской, вѣроятно въ верхнемъ Побужьѣ и по Случи. Самое интересное въ тѣхъ неопредѣленныхъ и туманныхъ очертаніяхъ, какими она выступаетъ въ лѣтописи, то, что земля эта управлялась князьями, по всей вѣроятности, не изъ дома Владиміра Св. Князья эти были многочисленны, въ соотвѣтствіи съ многочисленными городами своей земли, повидимому, находились въ тѣсной связи со своимъ народомъ, защищали самостоятельность своей земли отъ сильныхъ сосѣднихъ галицкихъ князей. Но все это только возбуждаетъ научную любознательность, а не удовлетворяетъ ее. Что это были за князья? Старые ли племенные князья, какіе встрѣчаются до объединенія Русской земли? Или выборные лучшие мужи земли? И какому типу соціальнаго устройства соотвѣтствовало такое управленіе? Отвѣты на эти вопросы, вѣроятно, были бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, и отвѣтами на многіе темные вопросы нашего до-государственного быта. Но вопросамъ этимъ суждено оставаться безъ отвѣта.

Но вотъ мы выходимъ изъ мрака на сцену, освѣщенную болѣе или менѣе ярко. Передъ нами княжества Киевское, Волынское и Галицкое; здѣсь мы можемъ удовлетворительно прослѣдить факты виѣшней исторіи и даже составить себѣ нѣкоторое понятіе объ особенностяхъ политическаго строя каждой области.

Виѣшняя исторія Киевской земли или великаго княжества Киевскаго всемъ хорошо извѣстна: она выступаетъ въ каждомъ учебникѣ русской исторіи подъ видомъ исторіи русскаго государства. Безпрерывная борьба князей постепенно подрываетъ значеніе Кіева, а въ связи съ упадкомъ Кіева, какъ стольнаго города великихъ князей, падаетъ и значеніе Киевской области. Владиміръ Мономахъ (1113—1125 гг.) и сынъ его Мстиславъ I (1125—1132 гг.), который и личными качествами и направленіемъ своей дѣятельности воспроизводилъ отца, были послѣдними изъ великихъ князей киевскихъ, которые сидѣли на киевскомъ столѣ такъ „грозно“, что вліяніе великокняжеской власти распространялось при нихъ на всю южно-русскую территорію. Послѣ того самостоятельность отдѣльныхъ княжествъ такъ быстро усиливается, что послѣдующіе великіе князья киевскіе забываютъ и думать о подобномъ вліяніи. Отъ смерти Мстислава до конца XII вѣка вся исторія Киевскаго княжества есть непрерывный рядъ войнъ изъ-за киевскаго стола. Борьба Мономаховичей съ черниговскими Ольговичами переплетается съ борьбой Мономаховичей между собою, т.-е. сѣверныхъ вѣтвей Мономаховичей (ростово-суздальскихъ и смоленскихъ) съ южными, съ волынскими. Мономаховичи волынскіе, потомки

Мстислава,—излюбленные князья Киевской земли. Но симпатіи населенія не въ силахъ прочно противодѣйствовать натиску хищныхъ стремленій, направляющихся на Киевъ со всѣхъ сторонъ земли Русской, и представители разныхъ вѣтвей княжескаго рода то-и-дѣло смѣняются на киевскомъ столѣ. Самая выдающаяся личность этого времени—внукъ Мономаха Изяславъ Мстиславовичъ. Киевляне съ поршанами (жители городовъ по Роси) и Черными Клобуками стремятся изъ всѣхъ силъ удержать у себя этого князя, которому лѣтопись даетъ эпитеты честнаго, благовѣрнаго, христіюбиваго, славнаго; необыкновенной храбростью, энергіей, находчивостью онъ напоминаетъ своего дѣда; онъ поддерживаетъ дѣятельныя дружескія отношенія съ западными сосѣдями южно-русской земли—князьями чешскими и польскими, съ венгерскимъ королемъ. И, несмотря на все это, ему удается удержаться на великокняжескомъ столѣ только самое короткое время и то лишь при помощи раздѣла власти съ старымъ и неспособнымъ дядей Вячеславомъ (1146—1154 гг.). Разореніе Киева Суздальцами Мономахова внука Андрея Боголюбскаго въ 1169 г. и половцами, которыхъ привелъ смоленскій Мономаховичъ Рюрикъ Ростиславичъ въ 1203 г., лишило Киевъ стараго значенія и богатства, а, слѣдовательно, и привлекательности въ глазахъ князей. Въ это время изъ скромной территоріи киевской области князья-соперники, въ видахъ взаимнаго умиротворенія, выкроили четыре удѣла: Вышегородскій, Бѣлогородскій, Трипольскій и Переяславскій; затѣмъ выдѣлилось еще два удѣла: Древлянскій съ городомъ Овручемъ и Торческій или такъ называемое Поросье. Вслѣдствіе этого незначительная территорія Киевскаго княжества распалась на семь частей. Конечно, ничтожный удѣлъ съ разореннымъ Киевомъ не могъ поддерживать величіе великокняжескаго стола. Видимую особенность Киевской земли представляетъ собою та роль, какую играло въ ней инородческое населеніе, Черные Клобуки. Отчасти подъ влияніемъ этого населенія, отчасти по причинѣ особенностей политическихъ условій, въ какія была поставлена Киевская область, въ ея строѣ не замѣтно того, что мы замѣчаемъ въ строѣ другихъ областей—извѣстнаго постоянства въ отношеніи ея политическихъ составныхъ элементовъ. Ни князь, ни дружинное сословіе, или боярство, ни народъ, или вѣче, не являются въ Киевской области ни съ какимъ замѣтнымъ преобладаніемъ, которое могло бы характеризовать ея строй.

Волинское и Галицкое княжества, составлявшія главную массу западной половины южной Руси, совсѣмъ раздѣльно начали свою политическую жизнь для того, чтобы также раздѣльно и закончить ее. Но въ разсматриваемый періодъ они временно вступали въ федеративную связь. Связь эта находила себѣ опору прежде всего въ племенномъ родствѣ; тѣ же самые бужане лѣтописи, которые были, повидимому, тождественны съ дулебами или волянцами, составляли населеніе и червенскихъ городовъ, ядра земли Галицкой; затѣмъ въ тождествѣ интересовъ, вытекавшихъ изъ территоріальнаго положенія. Половцы не имѣютъ никакого значенія ни для той земли, ни для другой: лишь дикія племена литовскія угрожаютъ Волини съ сѣвера. Наконецъ, отличную отъ остальной русской территоріи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, общую обоимъ княже-

ствамъ черту ихъ исторій составляютъ постоянныя—то враждебныя, то дружескія—отношенія къ Польшѣ: венгры имѣютъ значеніе, главнымъ образомъ, лишь для Галицкаго княжества. Такимъ образомъ, политическая исторія обоихъ этихъ княжествъ отличается сравнительно большимъ вмѣшательствомъ иноземнаго, западнаго, элемента. Но, несмотря на все это общее, княжества Волынское и Галицкое не слились въ одно политическое цѣлое. Можетъ-быть, главной причиной этого—и, во всякомъ случаѣ, одною изъ причинъ—были различія, какія можно подмѣтить въ общественно-политическомъ строѣ этихъ двухъ родственныхъ земель.

Волынская земля первое время, и довольно долго, входила въ составъ княжества Кіевскаго. Только послѣ смерти Владиміра Мономаха она приобрѣла самостоятельность, укрѣпившись за старой линіей Мономаховичей. Но, утвердившись на Волыни, въ качествѣ отчичей земли Волынской, эти Мономаховичи не оставляли притязаній на кіевскій столъ. Наоборотъ, въ волынской своей отчизнѣ они видѣли лишь средство для поддержанія своихъ великокняжескихъ притязаній. Кіевское населеніе всегда охотно шло навстрѣчу этой отрасли Мономахова дома, отличавшейся рыцарскимъ, открытымъ характеромъ и большимъ уваженіемъ къ народной волѣ, выражавшейся въ вѣчѣ. Такимъ образомъ, до конца XII вѣка главный интересъ политической исторіи Волыни сосредоточивается на борьбѣ великихъ князей съ князьями черниговскими и другими за кіевскій столъ. Только въ концѣ вѣка правнукъ Мономаха, Романъ Мстиславовичъ, далъ иное направленіе исторіи земли Волынской. Это была одна изъ тѣхъ богато одаренныхъ личностей, образъ которыхъ врѣзывается прочно въ память народа и даетъ импульсъ его поэтическому творчеству. Для характеристики Романа „Ипатьевская“ лѣтопись подбираетъ самыя сильныя выраженія, рисующія идеальный образъ князя—защитника своей земли: „онъ устремлялся на поганыхъ (литву, ятвяговъ, половцевъ) какъ левъ, сердитъ былъ какъ рысь, губилъ ихъ какъ крокодилъ, проходилъ землю ихъ какъ орелъ, храбръ былъ какъ туръ“.

Вотъ этотъ-то Романъ и соединилъ Волынскую землю съ Галицкой, воспользовавшись тѣмъ, что въ Галиціи прекратился родъ князей Ростиславичей (около 1200 г.). Соединеніе такихъ большихъ княжествъ въ одно цѣлое подъ энергичною властью Романа сразу создало въ южной Руси тотъ политическій центръ, который утратился съ утратою Кіевомъ его стараго значенія: подъ конецъ своего правленія Романъ распоряжался по произволу и кіевскимъ столомъ.

Лѣтописецъ даетъ Роману титулъ „великаго князя и самодержца всей Руси“. Но части новаго политическаго организма все-таки были прилажены одна къ другой настолько слабо, что снова распались, какъ только ихъ перестала сдерживать вмѣстѣ сильная рука. Послѣ смерти Романа (1205 г.) его малолѣтнія дѣти—четыrehлѣтній Даниилъ, будущій Галицкій король, и двухлѣтній Василько—не только не могли предупредить наступившей смуты, но сами сдѣлались ея жертвами: только послѣ многихъ лѣтъ скитанія и по своимъ землямъ и на чужбинѣ по иноземныхъ дворахъ удалось Романовичамъ снова овладѣть своей отчизной. Надо сказать, что Волынская земля

постоянно обнаруживала сочувствіе къ этимъ своимъ наслѣдственнымъ, хотя и слабымъ и малолѣтнимъ, князьямъ, и братья водворились на отцовскомъ наслѣдствѣ только благодаря ея дѣятельной поддержкѣ. Данилъ вокняжился въ Галиціи *), а Василько—на Волыни: между землями этими опять возникла какъ бы старая федеративная связь, но опирающаяся не на единство власти, какъ при Романѣ, а на дружбу князей-братьевъ и ихъ полное единодушіе во всѣхъ вопросахъ внѣшней политики. Выросшая сила и значеніе земли Волынской выразилась прежде всего въ успѣхахъ ея борьбы съ дикимъ литовскимъ племенемъ ятвяговъ, ея ближайшими сосѣдями по Западному Бугу, которые не давали ей покоя своими набѣгами. Теперь ятвяги были совсѣмъ придавлены, и началась усиленная колонизація Ятвяжской земли. Ятвяги обнаруживали большое упорство въ сопротивленіи, но силы были неравномѣрны, и они все отодвигались на сѣверъ, пока, наконецъ, ко времени Василька Романовича—уже, впрочемъ, послѣ татарскаго нашествія—послѣдніе ихъ остатки ушли въ Литву, а земли ихъ были подѣлены между Волынскимъ княжествомъ и Польшей (княжествомъ Мазовецкимъ). Вообще, Волынская земля стремится расшириться къ сѣверу, въ низовья Зап. Буга, въ землю Подляшскую (территорія нынѣшнихъ Гродненской и Сѣдлецкой губерній). Въ то же время волынскіе князья распространили свою гегемонію надъ сосѣдними князьями туровско-пинскими, которые вынуждены были „ходить подъ ихъ рукой“. Въ Волынской землѣ издавна было много мелкихъ удѣловъ: Пересопницкій, Шумскій, Бужскій, Дорогобужскій и др. Но эти удѣлы не имѣли никакого самостоятельнаго значенія, и князья ихъ находились въ полной зависимости отъ главнаго князя, который сидѣлъ во Владимірѣ-Волынскомъ. Такимъ образомъ, удѣлы эти не нарушали силы и единства земли. Лишь гораздо позже, въ концѣ XIII вѣка, образовался сильный Луцкій удѣлъ, но и это обстоятельство не нарушило единства земли Волынской. Вѣроятно, единство это опиралось на окрѣпшее и сознательное народное чувство. Другая особенность, которую можно усмотрѣть въ политическомъ строѣ Волынской земли, это относительно большое значеніе воли народной, проявляющейся въ вѣчѣ. Примѣромъ такой сознательной политики народной можетъ служить указанное выше отношеніе земли Волынской къ малолѣтнимъ дѣтямъ Романа. Но лѣтопись указываетъ и на другіе случаи проявленія народной воли, дѣятельности вѣча.

Иной видъ представляетъ политическій укладъ земли Галицкой.

Галицкое княжество, при первомъ же появленіи въ качествѣ самостоятельной земли, обнаруживаетъ стремленіе къ тому, чтобы окончательно обособиться отъ Кіева. Изгой Ростиславичи, получивши по рѣшенію Любечскаго съѣзда въ удѣлъ червенскіе города—Перемышль, Теребовль, Звенигородъ,—не добивались кіевского стола, не стремились къ захвату иныхъ, лучшихъ, волостей, но зато твердо отстаивали цѣлость и самостоятельность своей земли: „мы стоимъ на своей межѣ, а чужого намъ не надо“,—такъ отвѣчали они, по словамъ лѣтописи, своимъ мужамъ, которые ихъ уговаривали воспользоваться

*) Данилъ прочно водворяется въ Галичъ съ 1229 г.

побѣдой надъ вторгшимся въ ихъ землю кіевскимъ княземъ и захватить сосѣднюю Волинь. Стремленіямъ галицкихъ князей къ самостоятельности много способствовало то обстоятельство, что Галицкая земля не дробилась на удѣлы, благодаря малочисленности членовъ княжескаго рода. Правда, у братьевъ Ростиславичей, Володаря и Василька, осталось по два сына; но скоро, за смертью прочихъ наслѣдниковъ, вся земля сосредоточилась въ рукахъ ловкаго и энергичнаго Владимірка (1144—1152 гг.). У Владимірка былъ лишь одинъ сонаслѣдникъ, племянникъ Иванъ Ростиславичъ Берладникъ, которому Владимірко, кажется, далъ въ удѣлъ отдаленную и незначительную окраину своей земли на нижнемъ теченіи Прута, Берладъ, а потомъ и совсѣмъ выгналъ его изъ княжества. Владимірко представляетъ собою очень рѣзко выраженный типъ дальновиднаго политика и беззапѣчиваго дипломата. „Многоглаголивый“ князь, повидимому, пользовался своимъ краснорѣчіемъ лишь для того, чтобы скрывать свои мысли. Онъ заключалъ союзы и разрывалъ ихъ, давалъ клятвы и нарушалъ, притворялся въ случаѣ надобности больнымъ, даже умирающимъ. Такими способами умѣлъ онъ достигать своихъ политическихъ цѣлей: ослаблять ближайшихъ сосѣдей, русскихъ, польскихъ и венгерскихъ, путемъ ловкихъ союзовъ съ ихъ врагами, а затѣмъ укрѣплять и расширять свои земли на счетъ ослабленныхъ сосѣдей. Когда противъ него составила коалиція изъ южно-русскихъ князей съ Изяславомъ Мстиславовичемъ во главѣ, поддерживаемая поляками и венграми, то князя, чтобы обезпечить исполненіе Владиміркомъ условій договора, на которыя онъ вынужденъ былъ согласиться, послали въ Венгрію за величайшею святынею своего времени—крестикомъ, сдѣланнымъ, по преданію, изъ креста Спасителя. Владимірко далъ клятву на этомъ крестикѣ, но, по обыкновенію, тотчасъ же нарушилъ ее. На упреки, какіе дѣлалъ ему посолъ кіевскаго князя, и угрозы карой Божіей за клятвопреступленіе, онъ замѣтилъ: „что мнѣ можетъ сдѣлать такой маленькій крестикъ“. Лѣтѣмъ, передавая этотъ фактъ, связываетъ его со скоростижною смертью Владимірка. Какъ ни мало симпатиченъ нравственный обликъ этого князя, но надо признать, что Владимірко много сдѣлалъ для усиленія своего княжества. Оно расширило свои границы, главнымъ образомъ, внизъ по теченію Днѣстра, Прута и Серета до береговъ Дуная и Чернаго моря. Русь прокладываетъ себѣ новый путь въ Византію взаимѣмъ стараго днѣпровскаго, заложеннаго степными хищниками. Такимъ образомъ, Галицкое княжество стало расширять свои торговыя сношенія, что дало толчекъ къ развитію экономической дѣятельности и внутри страны, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ увеличенію богатства, служащаго опорой и для политическаго могущества. Понималъ или нѣтъ Владимірко эту взаимную зависимость общественныхъ отношеній, но сынъ его и наслѣдникъ, Ярославъ, названный поэтомъ „Слова о полку Игоревѣ“ за свой умъ Осомысломъ, повидимому, понималъ ее ясно. Умный и образованный, владѣвшій нѣсколькими языками, Ярославъ представлялъ собою типъ, рѣзко отличающійся отъ своихъ современниковъ. Онъ не цѣнилъ военныхъ предпріятій и подвиговъ, никогда самъ не предводительствовалъ войскомъ, да и войны, вообще, велъ очень мало, лишь вынуждаемый крайней необходимостью. Такой необходимостью было, напри-

мѣръ, для него добиться выдачи двоюроднаго брата Ивана Берладкина. Этотъ оригинальный князь, лишенный удѣла въ своей вотчинѣ и выгнанный изъ княжества, странствовалъ со своею дружиною по лицу земли Русской, поступая на службу то къ тому, то къ другому князю, нуждающемуся въ его услугахъ. Но есть основаніе думать, что онъ пользовался на родинѣ большими симпатіями и, главнымъ образомъ, симпатіями простого народа, смердовъ. Какъ бы то ни было, Ярославъ боялся его и „подмолвилъ“—какъ сообщаетъ лѣтопись—всѣхъ князей русскихъ, короля венгерскаго, польскихъ князей, „чтобъ были ему помощниками на Ивана“. Одинъ только черниговскій князь, Изяславъ Давыдовичъ, занимавшій въ то время великокняжескій столъ, отстаивалъ несчастнаго Берладника. Боясь выдачи, Иванъ бѣжитъ въ степь, занимаетъ подунайскіе города, перехватываетъ галицкіе суда съ товарами, преслѣдуетъ галицкихъ рыболововъ въ устьяхъ Дуная. Затѣмъ съ половцами и бродниками (или берладниками)—очевидно, какое-то вольное населеніе степей, наводящее на мысль о позднѣйшемъ козачествѣ—осаждаютъ г. Ушицу, причемъ „засада“ (гарнизонъ) оказываетъ крѣпкое сопротивленіе, но смерды перескакиваютъ къ Ивану черезъ городскія стѣны. Потомъ Иванъ какъ-то исчезаетъ со сцены, чтобы умереть въ Греціи,— по сообщенію лѣтописи.

Итакъ, Ярославъ сосредоточилъ свою дѣятельность на строительствѣ земли. До насъ дошли свѣдѣнія о томъ, что онъ для распространенія образованія устраивалъ при монастыряхъ школы, а для того, чтобы усилить промышленную дѣятельность страны, призывалъ ремесленниковъ изъ чужихъ земель. Промышленность и торговля сдѣлали въ его продолжительное правленіе, повидимому, большіе успѣхи, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, возросло и политическое значеніе Галицкой земли, несмотря на то, что Ярославъ совсѣмъ не дѣлалъ никакихъ завоеваній или иныхъ территоріальныхъ приобрѣтеній. „Слово о полку Игоревѣ“ очень эффектно рисуетъ могущество Ярослава. „Галицкій Осмомысле, Ярославе, высоко ты сидишь на своемъ златокованномъ столѣ. Ты подперъ своими полками Угорскія горы, заступилъ путь королю, рядишь суды до Дуная. Ты отворяешь ворота Кіева, стрѣляешь съ отеческаго золотого стола султановъ за землями“. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ его же правленіи впервые выясняется то особенное условіе общественно-политическаго склада Галицкой земли, которое было причиною ея бѣдъ и неустойчивости. Подразумѣваемъ преобладаніе боярскаго сословія, преобладаніе, подобнаго которому не находимъ ни въ одной изъ русскихъ земель. Вліяніе народа, проявляющееся въ вѣчѣ, отступаетъ на задній планъ и потомъ совсѣмъ исчезаетъ за боярской олигархіей. Боярство это, надо думать, было въ началѣ—тѣ же старшіе княжіе мужи, какъ и въ остальныхъ русскихъ земляхъ, а не какая-либо особенная земская аристократія, развившаяся здѣсь подъ вліяніемъ Польши и Венгріи, какъ предполагаютъ иные ученые. Только особенность положенія Галицкой земли дала этимъ княжамъ нѣкоторыя преимущества. Галиція рано обособилась, а вмѣстѣ съ обособленіемъ обособилась и дружина, связавши свои интересы неразрывно съ данною областю; въ то же время членовъ княжескаго дома было такъ мало, что все управленіе землей необходимо лежало на боярахъ, которые

пріобрѣли, такимъ образомъ, силу и значеніе. Уже при Ярославѣ Осмомыслѣ бояре такъ сильны, что вмѣшиваются въ интимныя, личныя и семейныя, дѣла князя, а при его неспособномъ сынѣ Владимірѣ, который „былъ любезнивъ питію многуму“, они не только вмѣшиваются, а прямо начинаютъ верховодить, управлять политикой страны, призывать и изгонять князей. Боярщина остается характерной чертой строя Галицкаго княжества до самаго конца его существованія. Боярская смута прерывалась лишь тогда, когда власть попала въ руки энергичнаго князя, которому удавалось на время положить предѣлъ боярскому своеволю. Такимъ княземъ былъ Романъ Мстиславичъ волынской, котораго призвала-было одна боярская партія, послѣ того какъ неспособный Владиміръ былъ прогнанъ. Роману далеко не сразу удалось завладѣть галицкимъ княженіемъ, пришлось бороться за него и съ Владиміромъ, у котораго тоже были сторонники, и съ венграми, выставлявшими своего королевича какъ претендента на княжеское достоинство, и у котораго тоже была своя партія среди боярства. Но когда Роману удалось захватить власть, онъ держалъ ее твердо въ рукахъ до конца жизни. Опираясь на Волынь, энергичный Романъ сдѣлался „тѣмъ самодержцемъ земли русской“, дружбой съ которымъ дорожили и римскій папа, и греческій императоръ. Выше мы говорили о его дѣятельности, относящейся къ Волынскому княжеству; относительно же княжества Галицкаго мы знаемъ только, что онъ усиленно боролся съ боярствомъ. По свидѣтельству польскаго лѣтописца, Романъ поступалъ съ боярами въ полномъ смыслѣ слова свирѣпо. Правда это или нѣтъ,—во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что галицкое боярство отнеслось очень недоброжелательно къ малолѣтнимъ сыновьямъ Романа, когда они осиротѣли. Начался долгій періодъ анархіи, продолжавшейся болѣе сорока лѣтъ, пока даровитому сыну Романа, Данилу, удалось возвратить свою отчину и утвердиться на ней. Слѣдитъ за тѣмъ, что дѣлалось въ этотъ періодъ, крайне затруднительно по пестротѣ и путаницѣ событій. Годъ-два, и все новый и новый претендентъ на княжеское достоинство выдвигается боярствомъ. Русскіе князья разныхъ вѣтвей смѣняются иноземцами, польскими и венгерскими. Два венгерскихъ королевича, Андрей и Коломанъ, успѣли за это время покняжить въ Галиціи: обстоятельство, которое до сихъ поръ служить исторической опорой притязаній Австріи на Галицію. О судьбѣ сѣверскихъ Игоревичей, которые для упроченія своей власти избили будто бы пятьсотъ бояръ и сами были повѣшены по приговору боярскаго суда, мы упоминали выше. Являлся въ Галичъ великій кievскій князь Рюрикъ Ростиславичъ, мелкіе князья волынскіе, вокняжился-было одно время даже бояринъ Володиславъ—единственный, точно извѣстный, примѣръ владѣтельнаго князя не-княжескаго рода. Не разъ княжилъ и Мстиславъ Мстиславичъ Удалой, сынъ Мономахова правнука Мстислава Ростиславича Храбраго. Мстиславъ Удалой—очень типичная фигура своего времени, удѣльно-вѣчевой эпохи. Предпримчивость и беззавѣтная храбрость, глубокое сознаніе своей княжеской чести, обязывающей къ извѣстному поведенію, къ вѣрности слову и т. п., наконецъ, уваженіе къ народной волѣ—все это привлекало къ нему массу, такъ что онъ былъ любимымъ княземъ и на югѣ, и на сѣверѣ, въ землѣ Смо-

ленской, въ Новгородѣ. Но всѣ эти хорошія качества не были достоинствами правителя, политика, дипломата; для дѣятельности правительственной у него не было существеннѣйшаго, прочной связи съ землей: какъ она могла быть у князя, который постоянно передвигался изъ Тѣропца въ Торческъ, изъ Новгорода въ Галичъ? Мстиславъ отдалъ за Данила свою дочь и помогъ зятю завладѣть наслѣдствомъ отца своего, однако, не раньше какъ четверть вѣка спустя послѣ смерти Романа: да и захвативъ княжескую власть, Данилъ долженъ былъ приложить еще много усилій въ борьбѣ съ венграми, русскими претендентами и собственными боярами, чтобы упрочить ее. Борьба эта еще была не кончена, когда Галицкое княжество вмѣстѣ съ остальной южной Русью подверглось нашествію монголовъ (1239—40 г.).

Южно-русскіе князья и ихъ дружины уже имѣли ясное понятіе о татарахъ, объ ихъ подавляющей численности, военной сноровкѣ, безпощадной жестокости. Когда въ половецкихъ степяхъ появились въ 1223 г. татары и погнали половцевъ, тѣ успѣли внушить южно-русскимъ князьямъ мысль объ общей грозящей всѣмъ опасности, и князья дружно стѣхались на совѣщаніе въ Кіевъ, дружно вооружились и выступили въ походъ. Но единодушія хватило не надолго. Когда при Калкѣ наступилъ рѣшительный моментъ, Мстиславъ Мстиславичъ Удалой, тогдашній князь Галицкій, оказался въ ссорѣ съ Мстиславомъ кіевскимъ и Мстиславомъ черниговскимъ, и татары безъ особыхъ усилій съ своей стороны нанесли ужасное пораженіе разьединеннымъ силамъ южно-русскихъ князей. Галицко-волынскій полкъ съ Мстиславомъ Удалымъ и Даниломъ первые были разбиты, пока остальные еще не успѣли и выстроиться къ битвѣ. Данилъ былъ раненъ; извѣстна печальная судьба тѣхъ князей, которые не успѣли спастись бѣгствомъ.

Какіе-нибудь полтора десятка лѣтъ не могли изгладить изъ памяти князей и дружины этихъ ужасныхъ „иноплеменныхъ языкъ“, этихъ „безбожныхъ измайльтянтъ“—татаръ; но земли еще пока не знали ихъ. И вотъ, послѣ долгаго затишья, когда уже можно было совсѣмъ успокоиться отъ такъ же внезапно налетѣвшаго, какъ и разсѣявшагося бѣдствія, оно надвигается снова, но еще несравненно грознѣе.

Послѣ опустошенія Рязанской и Суздальской земель, т.-е. Руси сѣверо-восточной, Батый направляется противъ Руси южной. Еще въ 1237—8 г. отдѣльные отряды татарскіе разорили Переяславль, Черниговъ и ихъ земли. Осенью 1240 г. Батый со всѣми силами своими двинулся на Кіевъ. Отъ скрипа его телегъ, рева верблюдовъ и ржанья стадъ нельзя было разслышать человѣческаго голоса,—говорить лѣтописецъ. Въ Кіевѣ въ это время не было князя: его замѣнялъ Даниловъ тысяцкій Дмитро.

Подъ его руководствомъ кіевляне защищались отчаянно, сначала на стѣнахъ города, потомъ въ церквахъ и монастыряхъ. Но всѣ оплоты оказались ничтожными передъ натискомъ этой стихійной массы и ударами стѣнобитныхъ орудій, которыми пользовались татары. Отъ Кіева Батый двинулся на западъ, рассчитывая черезъ Волынскую и Галицкую земли пройти въ Венгрію и Польшу. Татары страшно опустошали все, что встрѣчалось имъ на

пути. Плано-Карпини, проѣзжавшій черезъ Галицкую и Волынскую земли на Кіевъ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ того, какъ прошли татары, всюду находилъ слѣды опустошеній и разоренья—черепы и кости человѣческіе: „большая часть жителей была убита или уведена въ плѣнъ татарами“,—говорить онъ. Но все-таки это было не то опустошеніе, какое постигло Русь сѣверную. Татары, спѣша на западъ, шли по южной Руси сплошнымъ потокомъ, не оцѣливая окрестную страну своими законами и, слѣдовательно, оставляя территорію безъ того общаго, повсемѣстнаго, опустошенія, какому подверглась сѣверная Русь. Отпора они почти нигдѣ не встрѣчали: князья предпочитали спастись бѣгствомъ, предоставляя земли собственной ихъ судьбѣ. Волынской князь Василько ушелъ въ Польшу; Данилъ Галицкій изъ Венгріи бѣжалъ въ землю Мазовецкую; Михаилъ Черниговскій спасся въ Силезію.

Издавна, и въ полной мѣрѣ, оцѣнено то громадное значеніе, какое имѣло нашествіе монголовъ для сѣверной Руси. Для Руси южной вопросъ представляется несравненно болѣе темнымъ и труднымъ для рѣшенія. Со времени катастрофы значительная часть Руси южной какъ бы совсѣмъ сходила съ исторической сцены: подразумѣваемъ княжества Кіевское, Переяславское, Черниговско-Сѣверское; Туровское и до того стояло въ сторонѣ. Какъ слѣдуетъ понимать это исчезновеніе, объ этомъ будетъ рѣчь ниже. Но несомнѣнный фактъ, что послѣ нашествія монголовъ историческая жизнь южной Руси сосредоточилась на Волынско-Галицкой землѣ.

Когда монголы ушли въ степи, вернулись и братья Романовичи въ свои разоренныя княжества. Уходя въ Приволжье, монголы оставили по сосѣдству съ юго-западной Русью орду, которая должна была кочевать между Днѣпромъ, Россію и низовьемъ Днѣстра со своимъ особымъ „темникомъ“. Подъ покровительствомъ этихъ татаръ— и какъ-будто бы по добровольному соглашенію съ ними, а не по принужденію—поступаютъ загадочные болоховскіе города: жители ихъ обязываются сѣять на татаръ пшеницу и просо. За болоховцами, въ число „людей сидящихъ за Татарами“, тянутъ и другіе города или союзы городовъ, выдѣлившись въ это смутное время, а, можетъ-быть, и раньше, изъ состава старыхъ княжескихъ волостей, кіевскихъ и волынскихъ, города по р.р. Тетереву и Горыни. Надо думать, что автономное устройство, хотя бы и въ зависимости отъ татаръ, привлекало ихъ болѣе, чѣмъ княжеское управленіе. Припомнимъ кстати, что и въ битвѣ на Калкѣ мы видимъ въ составѣ монгольскихъ войскъ донскихъ бродниковъ, которые, по показанію лѣтописи, сражаются противъ русскихъ дружинъ не за страхъ только, но и за совѣсть.

Такое близкое сосѣдство татарской орды съ ихъ русскими союзниками не позволяло и думать волынско-галицкимъ князьямъ о независимости: тяжесть положенія еще увеличивалась тѣмъ, что ятвяги и литовцы пользовались смутой, все учащая свои набѣги. Но формы зависимости все-таки здѣсь не были такъ тяжелы, какъ въ Руси сѣверной. Мы не видимъ, чтобы татары посылали въ Волынскую или Галицкую земли своихъ баскаковъ, чтобы они дѣлали здѣсь перепись. И если Волынь платила „татарщину“ (дань), то Галицкая земля, повидимому, была и отъ нея свободна, выражая свою зависимость лишь обяза-

тельствомъ являться на войну по призову хана или его темника. Какъ извѣстно, Даниилъ Галицкій хотя и ѣздилъ въ Золотую Орду, но не подвергался тамъ такимъ униженіямъ, какъ другіе русскіе князья.

Татарское нашествіе прервало борьбу Даниила съ боярствомъ, но не прекратило ея. Ипатская лѣтопись прекрасно описываетъ взаимное отношеніе этихъ двухъ политическихъ силъ, управлявшихъ Галицкой землею. „Бояре галицкіе называли Даниила себѣ княземъ,—говоритъ она,—но сами держали всю землю: княжилъ Доброславъ и Судычъ, поповъ внукъ, и грабили всю землю; вошедши въ Бакоту, этотъ безъ княжескаго повелѣнія взяли все Понизье; Григорій же Васильевичъ рассчитывалъ держать южную страну Перемышльскую; и былъ отъ нихъ великій мятежъ въ землѣ и грабежъ“. Лѣтописецъ описываетъ подробно, какъ Доброславъ, помимо прямого запрещенія княжескаго, отдалъ коломыйскія солянныя копи Лазарю Домажиричу и Ивору Молибожичу, „двумъ беззаконникамъ отъ племени смердья“—тѣ солянныя копи, доходы съ которыхъ шли великимъ князьямъ (галицкимъ) на содержаніе войновъ. Когда Доброславъ поссорился съ Григоріемъ и пріѣхалъ къ князю, то „пріѣхалъ—по словамъ лѣтописи—съ великою гордынею, въ одной сорочкѣ, не гляючи на землю, а галичане бѣжали у его стремени“. Очевидно, съ такимъ положеніемъ трудно было примириться князю, если бы это даже и не былъ сынъ Романа: никѣмъ неоспариваемая власть въ теченіе многихъ поколѣній и авторитетъ церкви давно успѣли воспитать въ князьяхъ, потомкахъ Владиміра Св., убѣжденіе въ непререкаемости ихъ исключительныхъ правъ.

Вѣроятно, нашествіе татаръ помогло Даниилу усилить власть, такъ какъ бояре не имѣли теперь той внѣшней опоры, какую они всегда находили у иноземныхъ сосѣдей, особенно у венгровъ, крайне ослабленныхъ татарскимъ опустошеніемъ. Даниилъ же имѣлъ неизмѣнную опору въ землѣ Волынской. Его полное единодушіе съ братомъ Василькомъ дѣлало изъ ихъ земель какъ бы одно политическое цѣлое, извѣстное въ исторіи подъ именемъ Галицко-Волынской или Галицко-Владимірской Руси, представлявшей собою для данной эпохи, т.-е. отъ половины XIII до половины XIV в., всю южную историческую Русь. Даниилъ былъ самымъ выдающимся представителемъ этой Руси.

Богатый край, сильный своею естественною производительностью, подъ умнымъ руководствомъ Даниила и его брата, быстро поправлялся. Разоренные города обстраивались и населялись; возникали новые. Князья, въ виду своихъ главныхъ враговъ—степняковъ, возлагали большія надежды на крѣпкіе города и изъ всѣхъ силъ заботились объ ихъ устройствѣ; между прочимъ, Даниилъ устроилъ г. Холмъ, положеніе котораго было такъ удачно, что онъ тотчасъ же приобрѣлъ значеніе центрального пункта территоріи. По призыву князей-братьевъ въ земли ихъ бѣжали изъ мѣстностей, разоренныхъ татарами, всякаго рода ремесленники и художники, шли ляхи и нѣмцы, евреи и армяне. Промышленная и торговая дѣятельность находила себѣ въ Галицко-Владимірской Руси благопріятную почву и покровительство.

Враждебныя отношенія къ Литвѣ, такъ мѣшавшія мирному теченію жизни земли, Даниилъ обратилъ въ дружескія: родство, въ которое онъ вступилъ съ

Миндовгомъ, великимъ княземъ Литовскимъ, завязало первый узелъ тѣхъ русско-литовскихъ князей, которые имѣли въ дальнѣйшемъ такія огромныя послѣдствія для обѣихъ сторонъ.

Но татары зорко слѣдили за Галицко-Владимірской Русью. Укрѣпленіе земли городами, союзъ съ Литвой, сношенія съ западными государствами, среди которыхъ папа проповѣдывалъ походы противъ монголовъ,—все это не укрылось отъ ихъ вниманія. Темникъ Куремса, который жилъ въ дружбѣ съ Даниломъ, былъ отозванъ, и вмѣсто него посланъ „злой, безбожный“ Бурундай. Бурундай потребовалъ, чтобы городскія укрѣпленія были снесены, и добился этого—спасся только Холмъ; добился и разрыва союза съ Литвою. Нѣсколько разъ орда Бурундая, подъ разными предлогами, дѣлала опустошительныя набѣги на Волынскую и Галицкую земли. Все это ослабляло, конечно, силы Галицко-Волынской Руси, но не подавляло ея роста. Ростъ этотъ, надо думать, опирался въ значительной степени на тѣ отношенія, какъ экономическія, такъ и политическія, которыми Даниилъ старался связать свою Русь съ сосѣдними западно-европейскими государствами: по крайней мѣрѣ, многочисленныя свидѣтельства иностранныхъ писателей о Даниилѣ и его времени заставляютъ предполагать эти связи. Римскія куріи засылаютъ въ Галицію своихъ миссіонеровъ, которые хлопчутъ о соединеніи церквей; папа даетъ Даниилу корлевскій титулъ. Такимъ образомъ на юго-западной окраинѣ русской территоріи возникло „королевство Руси“, новый политическій центръ, сосредоточившій въ себѣ на нѣкоторое время всю историческую жизнь южно-русскаго народа. Но значеніе этого центра, къ сожалѣнію, тѣсно было связано съ талантливою личностью Даниила и не долго пережило его, хотя и не исчезло, какъ полагаютъ, съ его смертію (1264 г.).

Чтобы ясно представить себѣ дальнѣйшую историческую судьбу Галицко-Владимірской Руси, необходимо помнить слѣдующее: монгольское завоеваніе произвело важное измѣненіе въ территоріальныхъ условіяхъ Галицко-Волынской земли, а отсюда и въ ея политическихъ судьбахъ: оно ее отодвинуло съ юга на сѣверъ. Татарская орда отрѣзала Галицкому княжеству установившіяся торговыя связи съ Чернымъ моремъ: „люди татарскіе“ и „города, сидящіе за татары“ съ ихъ автономнымъ устройствомъ и выборными атаманами оттѣснили княжескую, государственную, Русь не только отъ Приднѣстровья (Понизья, Подолья), но и Приднѣпровья. Но богатая естественная производительность страны и развитая промышленность ея городовъ требовали торговыхъ путей и рынковъ. Такъ какъ на югѣ пути эти были заложены, движеніе устремилось къ сѣверу. Завязываются оживленныя торговыя сношенія съ нѣмецкими городами, въ особенности съ Торномъ. Въ то же время Галицко-Владимірская Русь, отрѣзняемая съ юга, стала и территоріально расширяться къ сѣверу—въ сторону наименьшаго сопротивленія. Прежде всего, она захватила въ свою власть мелкія Туровско-Пинскія княжества. О завоеваніи земли ятвяжской, извѣстной впослѣдствіи подъ именемъ Подляхін, было сказано выше. Послѣ монгольскаго нашествія земля эта была окончательно завоевана соединенными силами галицкаго и волынскаго князей, колонизована, и части ея, подъ име-

немъ Дрогичина, Мельника и земли Берестейской, вошли въ составъ Галицко-Владимірской Руси. Отъ Польши была присоединена Люблинская земля, между Западнымъ Бугомъ и Вепремъ. Въ связи съ этимъ отливомъ жизненной энергии къ сѣверо-западу, дальше отъ татаръ и ихъ союзниковъ, находится и то значеніе, какое приобрѣлъ Холмъ, только-что возникшій, также и то, что столица Галицкой земли перенесена была сыномъ Даниила Львомъ изъ Галича въ Львовъ. Центральнымъ, по значенію, городомъ для всей территоріи теперь сдѣлался Владиміръ, откуда легче всего было держать въ рукахъ всю вновь присоединенную сѣверную окраину государства.

Такимъ образомъ на мѣсто цѣлой группы самостоятельныхъ областей удѣльнаго періода въ южной Руси въ XIII в. оказался лишь одинъ большой политическій организмъ, съ болѣе или менѣе объединенной жизнью. Его территорія соотвѣтствовала территоріямъ старыхъ княжествъ Волынскаго и Галицкаго, но была значительно урѣзана съ юга и расширена съ сѣвера. Это расширение поставило новое государство въ необходимость такихъ тѣсныхъ сношеній съ Литвой и Польшей, какой раньше совсѣмъ не представлялось. Врѣзались одна въ другую территоріи этихъ трехъ народностей, переплетались и ихъ государственные или княжескіе интересы.

Послѣ смерти Даниила, за которымъ вскорѣ послѣдовалъ и братъ его Василько, во главѣ объединеннаго государства стоялъ около двухъ десятковъ лѣтъ (1271—1289) Владиміръ Васильковичъ, причѣмъ галицкая половина государства была подѣлена между сыновьями Даниила. Владиміръ этотъ выступаетъ, изъ подробныхъ сказаній о немъ лѣтописи, съ чертами трогательно симпатичными. Человѣкъ несомнѣнно энергичный и умный, философски образованный, онъ понималъ свое положеніе князя такъ, что передъ смертью своею роздалъ все свое огромное движимое имущество бѣднымъ: „золото и серебро и дорогіе камни, пояса золотые и серебряные своего отца и свои — все роздалъ; блюда большія серебряныя и кубки золотые и серебряные самъ передъ своими глазами велѣлъ побить и отлить въ гривны, также и монеты золотыя своей бабы и матери, и разослалъ по всей землѣ; а стада роздалъ убогимъ людямъ, у кого не было коней или у кого погибли отъ татаръ... Плакали послѣ его смерти—продолжаетъ лѣтописецъ—мужи, и жены, и дѣти, нѣмцы, и сурожьци, и новгородцы, и жида, и нищіе, и убогіе, и ченоризцы, и черницы“.

Князь такихъ выдающихся душевныхъ качествъ могъ съ достоинствомъ управлять государствомъ, созданнымъ талантливостью Даниила, и, дѣйствительно, Галицко-Владимірская Русь и при немъ продолжаетъ свое существованіе, какъ государство сильное и пользующееся общимъ признаніемъ и уваженіемъ. Старшій сынъ Даниила, Шварно, долженъ былъ наследовать по женѣ Литву; но съ нимъ вступилъ въ борьбу братъ его Левъ, интриги котораго навлекли на государство новое опустошеніе со стороны татаръ. Наслѣдникомъ Владиміра Васильковича былъ третій сынъ Даниила, Мстиславъ, но на его княженіи прекращается „Ипатская лѣтопись“, — почти единственный источникъ для исторіи этого Русскаго государства, — и мы останавливаемся въ недоумѣніи: сама ли жизнь, лишенная твердаго и надежнаго руководства, прервала

свое спокойное и правильное поступательное теченіе, или хаотическое впечатлѣніе, выносимое изъ знакомства съ этой эпохой, зависятъ только отъ того, что у насъ нѣтъ цѣльнаго ея образа, а долетаютъ лишь неясныя обрывки и отголоски совершавшихся событій?

Одно несомнѣнно: Галицко-Владимірское государство продолжало существовать почти всю первую половину XIV вѣка, при сыновьяхъ и внукахъ. Въ рукахъ Юрія I Львовича еще разъ были соединены всѣ земли Владимірско-Галицкой Руси, и онъ самъ носилъ, по примѣру дѣда, титулъ короля Руси, „rex Russiae“. Его два сына, Андрей и Левъ Юрьевичи, повидимому, снова подѣлили между собой Волынь и Галичину: отъ нихъ осталось нѣсколько грамотъ. Изъ этихъ грамотъ мы знаемъ, что князья-братья покровительствовали торговлѣ своей земли съ нѣмецкими городами, что они заключали союзы съ крестоносцами, узнаемъ также изъ одного письма польскаго короля Владислава, что западъ смотрѣлъ на Галицко-волынскихъ князей какъ на свой главный оплотъ отъ татаръ. Князья носятъ въ грамотахъ титулъ: „милостію Божіей князь Руси“ (*Dei gratia dux Russiae*). Интересно еще и то обстоятельство, что потомки Даниїла всегда подписываются на грамотахъ вмѣстѣ со своими „вельможами и соратниками“, или „cum baronibus et commilitibus nostris“: бароны это — воеводы главнѣйшихъ городовъ земли и епископы. Повидимому, въ Галицко-Владимірской Руси вельможи свѣтскіе и духовные составляли нѣчто въ родѣ сената при князѣ. Андрей и Левъ Юрьевичи были, сколько можно судить, послѣдними потомками Даниїла по мужскому колѣну. Права наслѣдства на Галицко-Волынское княженіе переходятъ къ потомкамъ Даниїла по женской линіи мазовецкому князю Болеславу Тройденевичу, который подъ именемъ Юрія Второго еще разъ соединилъ подъ своею властью оба княжества. Любопытно, что въ одной грамотѣ отъ 1335 г. онъ называетъ себя „*dux totius Russiae Minoris*“: такимъ образомъ, впервые появляется на свѣтъ Малая Русь. Иноземецъ и католикъ по воспитанію, Юрій-Болеславъ не смогъ, повидимому, установить правильныхъ отношеній къ своимъ поданнымъ и былъ отравленъ (1340). Тотчасъ по его смерти земли его очутились во власти литовскаго князя Любарта Гедиминовича, на сестрѣ котораго былъ женатъ Юрій-Болеславъ. Но какъ князь мазовецкій, Юрій Болеславъ имѣлъ своимъ сюзереномъ польскаго короля Казимира. Началась долгая борьба Польши съ Литвою, которая кончилась дѣлежемъ русскаго наслѣдства между этими сосѣдями, — дѣлежемъ, повлекшимъ за собою такія важныя и длительныя послѣдствія, результатъ которыхъ еще не исчерпанъ исторіей.

Но въ то время, какъ Волынская и Галицкая земли, или Галицко-Владимірская Русь, оправившись отъ монгольскаго нашествія, продолжала существовать въ качествѣ политическаго тѣла извѣстнаго вѣса и значенія, — что же представляла собой остальная южная Русь?

Черниговской и Туровской земель, разбившихся на мелкія черниговско-сѣверскія и туровско-пинскія княжества, мы уже коснулись выше, а далѣе еще будемъ имѣть случай вернуться къ ихъ судьбамъ. Переяславское княжество, сторожевая линія отъ степи, потеряло смыслъ своего существованія.

послѣ того какъ степные кочевники завладѣли Русской землей. Такимъ образомъ, вопросъ сводится къ Киеву и Киевской землѣ: что сталося послѣ монгольскаго нашествія съ Киевской Русью? Но прежде, чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо нѣсколько отклониться въ сторону.

Вопросъ этотъ въ нашей литературѣ имѣлъ совсѣмъ особую судьбу. Онъ тѣсно связанъ съ другимъ вопросомъ, на первый взглядъ, совсѣмъ отъ него независимымъ: вопросомъ о происхожденіи малорусскаго племени въ его отношеніи къ племени великорусскому. Хотя связь эта не заключается въ себѣ ничего неизмѣнно необходимаго, но, тѣмъ не менѣе, она понятна. Въ самомъ дѣлѣ, въ теченіе всего этого историческаго періода, который заканчивается монгольскимъ нашествіемъ, исторію нашу дѣлають группы восточно-славянскихъ или русскихъ племень, обособившихся по областямъ, но какъ-будто бы не обнаруживающихъ того глубокаго распада на два русла, которое усматривается позже. Нашествіе варваровъ, со всѣми своими ужасами и послѣдствіями, скрываетъ отъ насъ на нѣкоторое время историческую сцену, особенно въ той ея части, на которой шла до тѣхъ поръ самая интенсивная жизнь,—въ Руси Приднѣпровской. Когда туманъ, облекавшій собою болѣе или менѣе всю русскую землю, совершенно разсѣивается, мы усматриваемъ на нашей территоріи два большихъ развѣтвленія русской народности, какъ бы поглотившія собою прежнія племенные особенности, народности южно-русскую и сѣверно-русскую. Какимъ же образомъ могло это случиться?

Писатели, съ великорусскими симпатіями и съ потребностью искать для этихъ симпатій историческихъ утвержденій, разсуждали по этому поводу такъ: Батый со своими монголами совершенно опустошилъ Приднѣпровскую Русь, остатки населенія, спасшіеся отъ истребленія, вѣроятно, ушли на сѣверъ; вслѣдъ затѣмъ на опустѣвшую территорію, по всей вѣроятности, началась колонизація съ запада, отъ Карпатскихъ горъ, изъ Галицкой Руси. Эти-то колонисты, конечно, и принесли съ собою на югъ Россіи малорусскій языкъ и типъ. Слѣдовательно, тотъ русскій народъ, который жилъ до тѣхъ поръ въ Приднѣпровьѣ, дѣлая киевскую исторію, и съ монгольскимъ нашествіемъ переселился на сѣверъ, былъ народъ великорусскій. Писатели съ малорусскими симпатіями выставляли такое разсужденіе: Батыево нашествіе не опустошило окончательно южной Руси и не изгнало ея населенія на сѣверъ—на такую эмиграцію населенія нѣтъ никакихъ историческихъ указаній; точно также исторія не даетъ никакихъ намековъ на счетъ колонизаціи опустошенной Киевщины галицкими колонистами. Оба утвержденія есть ни на чемъ не основанныя выдумки. Но такъ какъ населеніе оставалось на своихъ мѣстахъ, а оно оказывается въпослѣдствіи малорусскимъ, то, слѣдовательно, всю нашу древнюю исторію дѣлало племя малорусское.

Такимъ образомъ, вопросъ объ опустошеніи Киевской Руси монголами оказался тѣсно связаннымъ съ вопросомъ о древности и значительности той или другой отрасли русскаго народа и его исторической роли. Мы указали на эту постановку въ виду того интереса, какой она возбуждала и продолжаетъ возбуждать у ученыхъ и писателей двухъ національных лагерей. Но мы

не будемъ вдаваться въ подробности этого спорнаго пункта. Для насъ достаточно указать, что разсмотрѣніе и взвѣшиваніе историческихъ свидѣтельствъ должно привести къ убѣжденію, что полного запустѣнія и уничтоженія населенія на югѣ Россіи не было,—убѣжденію, тѣмъ болѣе обоснованному, что нѣкоторыя спеціальныя особенности южно-русскаго нарѣчія обнаруживаются уже въ памятникахъ XII в., слѣдовательно, до нашествія монголовъ.

Ни Кіевская земля, ни даже самъ Кіевъ, не были уничтожены татарскимъ нашествіемъ. Кіевъ, снести который, конечно, было легче, чѣмъ обезлюдить землю, несомнѣнно продолжалъ существовать непосредственно вслѣдъ за Батыевымъ разореніемъ: объ этомъ свидѣлствуетъ, между прочимъ, тотъ же Плато-Карпини, на котораго обыкновенно ссылаются въ доказательство полнаго опустошенія южной Руси; Кіевъ не только продолжалъ существовать, но и вести внѣшнюю торговлю. А относительно Кіевской земли нѣтъ ни малѣйшихъ основаній предполагать, чтобы она была разорена болѣе, чѣмъ какая-либо другая русская земля изъ подвергшихся нашествію, сѣверная или южная. Однако, есть извѣстное основаніе, въ силу котораго относительно Кіевской земли установилось мнѣніе о ея исключительномъ и полномъ разореніи. Дѣло въ томъ, что весь XIII вѣкъ, послѣ нашествія, въ лѣтописяхъ совсѣмъ нѣтъ извѣстій о Кіевской землѣ: нѣтъ извѣстій потому, конечно, что нѣтъ самой земли,—такъ заключили нѣкоторые историки. А, между тѣмъ, это молчаніе имѣетъ свое вполне удовлетворительное объясненіе. Выше мы имѣли случай указать на то, что еще до нашествія татаръ города по Тетереву и Горыни, вслѣдъ за таинственными болоховцами, пользуясь ослабленіемъ власти великаго князя кіевскаго, выдѣлились изъ состава княжескихъ земель и сложились въ союзы автономныхъ общинъ. Монголы не разоряютъ этихъ территорій, вѣроятно, вступившихъ добровольно въ ихъ подданство и выразившихъ готовность исполнять извѣстныя обязательства; послѣ нашествія уже вся западная часть Кіевской области оказывается въ числѣ „людей сидящихъ за татарами“. Но лѣтопись даетъ намъ указанія и намеки на счетъ существованія этихъ новыхъ политическихъ отношеній только потому, что Даниилъ галицкій и сынъ его Шварно предпринимали сюда завоевательные походы. Иначе лѣтописецъ не коснулся бы этихъ земель, гдѣ не было князей, слѣдовательно, не совершалось ничего, достойнаго вниманія съ его точки зрѣнія. Если предположить, что это новое положеніе, захватывавшее западную половину Кіевской области, распространено было и на восточную, то молчаніе лѣтописи о Кіевской землѣ совершенно объясняется. Самоуправляющіяся городскія общины, безъ князей и верхняго сословія, которое дѣйствительно могло быть уничтожено нашествіемъ, скромно продолжали свое незамѣтное существованіе подъ татарскимъ покровительствомъ, не проявляя себя никакими дѣлами, интересными для лѣтописца. Не интересныя лѣтописцу, онѣ легко просматриваются и современнымъ историкомъ. Историческая жизнь снова начинается для нихъ только тогда, когда ходъ событій опять затягиваетъ ихъ въ государственную связь.

Главные источники: Антоновичъ, В. Б., „Литографированныя лекціи“; Соловьевъ, „Исторія Россіи“; Иловайскій, „Исторія Россіи“; Забѣлинъ, „Исторія

русской жизни"; Бестужевъ-Рюминъ, „Русская исторія“; Погодинъ, „Древняя русская исторія до Монгольского ига“, „Лѣтопись преп. Нестора по Лаврентьевскому списку“, „Ипатьевская лѣтопись“; Голубинскій, „Исторія русской церкви“; Грушевскій, „Исторія Украины-Руси“; Грушевскій, „Исторія Кіевского княжества“; Ивановъ, „Исторія Волынской земли“; Андрияшевъ, „Очеркъ исторіи земли Волынской“; Вагалъй, „Исторія Сѣверской земли“; Ляскоронскій, „Исторія Переяславской земли до половины XIII в.“; Дашкевичъ, „Княженіе Данила Галицкаго“, „Болоховская земля“ („Тр. Арх. 3-го Съѣзда“), „Новѣйшіе домыслы о Болоховѣ“; Молчановскій, „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ“; Голубовскій, „Печенѣги, торки и половцы“; Зубрицкій, „Исторія древняго Галицко-Русскаго княжества“, „Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ“; Батюшковъ: 1) „Волынь“, 2) „Подолье“, 3) „Холмская Русь“; Макушевъ, „Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ Славянъ“; Аристовъ, „Промышленность древней Руси“, „Христоматія по исторіи древней Руси“; Утинъ, „Юридическая христоматія“; Сергѣевичъ, „Лекціи и всѣ монографіи по исторіи русскаго права“; Лешковъ, „Русскій народъ и государство“; Владимірскій-Будановъ, „Лекціи по исторіи русскаго права“; „Христоматія по исторіи русскаго права“; Леонтовичъ, „Исторія русскаго права“; Бѣляевъ, „Лекціи по исторіи русскаго права“, „Разсказы изъ русской исторіи“; „Крестьяне на Руси“; Гр. Толстой, „Древнія монеты Кіевского княжества“; Замысловскій, „Учебный атласъ по русской исторіи“.

Глава четвертая.

Южная Русь въ составѣ Литовскаго государства: политическое положеніе; внутренній бытъ; Русь Галицкая.

I.

Въ XIV вѣкѣ мы какъ бы наново присутствуемъ при началѣ русской исторіи, вторично наблюдаемъ процессъ созиданія русской государственности. Какъ нѣкогда загадочная Русь, въ видѣ немногочисленной воинственной дружины, собирала изъ Кіева во-едино южно-русскія племена, закладывая основы Русскаго государства, такъ и теперь относительно малочисленная воинственная Литва изъ своихъ отдаленныхъ принѣманскихъ поселеній собираетъ во-едино всѣ разрозненныя политическою смутю удѣльнаго періода и бѣдствіями татарскаго нашествія западныя и южныя русскія земли, созидая новое Литовско-Русское государство, которое, по составу своего населенія, съ полнымъ правомъ могло бы быть названо Западно-Русскимъ. Процессъ, какимъ совершалось объединеніе тогда и теперь, заключалъ въ себѣ, повидимому, много общаго. Конечно, дѣло не обошлось безъ принужденія, насилія; но во второмъ случаѣ, какъ и въ первомъ, нельзя усмотрѣть, чтобы насиліе приняло характеръ завоеванія въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Надо полагать, что навстрѣчу объединительнымъ стремленіямъ Литвы, какъ и древней Кіевской Руси, шли если не сознательныя, то инстинктивныя симпатіи народныхъ массъ, чувствующихъ потребность въ защитѣ со стороны сильнаго третьяго, извлекающаго выгоды изъ этой защиты. Литовскіе князья выгоняютъ изъ русскихъ земель князей дома Владиміра Св., чтобы сѣсть на ихъ мѣста, повидимому, такъ же легко и просто, какъ и сами южно-русскіе удѣльные князья выгоняли другъ друга, причѣмъ участіе земель могло быть или совершенно пассивнымъ, или активнымъ въ одну или другую сторону, смотря по обстоятельствамъ случая. Все это заставляетъ предполагать, что между литовскимъ и русскимъ народомъ существовала близость еще прежде, чѣмъ они появились передъ нами, какъ объединители и объединяемые, въ общей государственной связи.

Какого рода могла быть эта близость?

Одни изъ самыхъ древнихъ насельниковъ Европы, литовцы, занимали равнину вдоль восточныхъ береговъ Балтійскаго моря, между нижними теченіями Западной Двины и Вислы, съ главнымъ средоточіемъ на среднемъ и нижнемъ Нѣманѣ. Литва была замкнута въ своихъ лѣсахъ, между рѣками, озерами, болотами. Но близкое сосѣдство съ западно-русскими племенами, съ Кривичской Русью, ушедшей уже далеко впередъ въ культурномъ отношеніи, рано должно было отражаться на Литвѣ принѣманской, которой и пришлось сдѣлаться центромъ будущаго государства. Русскіе торговцы пересѣкали литовскую территорію, предлагая за дорогіе мѣха, доставляемые ея пущами, за янтарь ея побережья, столь цѣнимый всей культурной древностью, блестящіе бездѣлушки и украшенія, привлекательныя для лѣснаго дикаря; русскія поселенія врубались въ литовскія лѣса. Съ другой стороны, литовцы, ознакомившись съ нѣкоторыми удобствами культурнаго быта, не прочь были добыть ихъ и легкимъ путемъ набѣговъ на пограничныя русскія области, а русскіе князья—и великіе кіевскіе, начиная съ Ярослава, и сосѣдніе удѣльные—время-отъ-времени пытаются положить предѣлъ литовскимъ грабежамъ и сдѣлать литвиновъ своими данниками, для чего предпринимають походы на литовскую территорію и рубятъ тамъ городки. Но, несмотря на это, характеръ мирныхъ отношеній между этими двумя народностями преобладаетъ: помимо прямыхъ историческихъ показаній, объ этомъ свидѣлствуютъ ихъ языкъ и мифологія, носящіе слѣды взаимнаго сближенія. Вліяніе русской культуры начало овладѣвать Литвой еще въ то время, когда она не выработала себѣ даже и элементарныхъ формъ политической жизни, продолжая жить раздѣльными племенами, разбитыми на роды. Литовцы нанимались въ военную службу къ русскимъ князьямъ сосѣднихъ областей, главнымъ образомъ, Полоцкой, и, возвращаясь домой, вѣроятно, приносили съ собою не только технику военного дѣла, но и обычаи, языкъ и даже православную религію.

Такимъ образомъ, когда для принѣманской Литвы наступило время тяжелаго испытанія, когда къ ней приблизились съ двухъ сторонъ владѣнія нѣмецкихъ рыцарей, крестоносцевъ и меченосцевъ, угрожавшихъ ей тою же судьбой, какая постигла ея родичей, пруссовъ и жемиголу, Литва эта оказалась на высотѣ положенія. Менѣе чѣмъ въ столѣтіе сплотилась она въ сильное военное государство, готовое къ дѣйствию на два фронта: къ неустанному и напряженному отпору рыцарей и къ широкому наступательному движенію на ослабленныя своею расчлененностью и разрозненностью русскія области, съ дѣлюю втянуть ихъ въ общую политическую связь и тѣмъ увеличить свои силы. Движеніе это быстро достигло и южной Руси.

Великимъ собирателемъ во-едино земель литовскихъ и русскихъ обыкновенно почитается Гедиминъ (1316—1341 г.), „король литовскій и русскій“, какъ онъ титуловалъ себя въ сношеніяхъ съ иноземными западными державами. Историческое преданіе обыкновенно приурочиваетъ къ излюбленному лицу такое количество событій и подвиговъ, которое дѣлаетъ изъ этого лица настоящего сказочнаго богатыря. Съ такими сказочными чертами перешелъ въ исторію и Гедиминъ. Современная историческая критика, не отрицая крупныхъ

размѣровъ этой выдающейся личности, тѣмъ не менѣе, многое, что приписывалось до сихъ поръ Гедимину, отнесла къ его предшественникамъ и въ особенности къ его преемникамъ, между которыми, по отношенію къ русскимъ землямъ, первое мѣсто принадлежитъ его сыну Ольгерду.

Часть территоріи кривичей, т.-е. западно-русской, присоединена была къ Литвѣ еще до Гедимина; но, повидимому, лишь при Гедиминѣ поступательное движеніе Литвы коснулось и южной Руси. Надо полагать, что именно имъ присоединены были къ Литвѣ двѣ области, значительныя по территоріи, но уже не имѣвшія притязаній на самостоятельное политическое значеніе; это—Подлясье, бывшая Ятвяжская земля, завоеванная и колонизованная усиліями князей Романовичей, и Полѣсье или Туровско-Пинское княжество. Разбитая на много мелкихъ княжествъ, Туровско-Пинская земля, въ концѣ концовъ, должна была сдѣлаться достояніемъ сильныхъ сосѣдей. Одно время галицко-волинскіе князья держали эту землю въ зависимости. Но съ усиленіемъ Литвы и расширеніемъ ея предѣловъ, Туровско-Пинская область вошла въ составъ Литовскаго государства; впрочемъ, нѣкоторые изъ ея князьковъ-отчичей сохраняли свои княжества и подъ литовскою властью. Такимъ образомъ, границы владѣній Гедимина на югѣ шли, какъ кажется, до Днѣпру до устья Припети, затѣмъ, переходя Припеть, соприкасались съ сѣверными предѣлами земель Кіевской и Волынской до Западнаго Буга. Уже болѣе двухъ третей территоріи Литовскаго государства состояло изъ земель, занятыхъ русскими племенами; числовому преобладанію соотвѣтствовало и культурное вліяніе. Хотя самъ Гедиминъ придерживался языческаго культа, но почти всѣ его многочисленные сыновья были женаты на русскихъ православныхъ княжнахъ, а одинъ изъ нихъ, еще при жизни отца, крестился по православному обряду. Но настоящее преобладаніе русскому элементу въ Литовскомъ государствѣ далъ Ольгердъ (1377 г.).

Политическій дуализмъ, который водворился послѣ смерти Гедимина въ Литовскомъ государствѣ усиліями Кейстута и Ольгерда, двухъ даровитыхъ его сыновей, устранившихъ отъ участія во власти остальныхъ братьевъ, оказался очень выгоднымъ для дѣла объединенія русской народности. Вручивъ Кейстуту борьбу съ рыцарями, Ольгердъ имѣлъ возможность сосредоточить все свое вниманіе на русскихъ земляхъ.

Литвинъ по отцу, русинъ по матери—Ольгердъ былъ, во всякомъ случаѣ, пріемнымъ сыномъ русскаго народа. Начиная съ ранней юности, три четверти своей жизни провелъ онъ въ Витебскѣ, сначала какъ наслѣдникъ княжескаго стола, затѣмъ какъ владѣтельный князь земли Витебской. За это время онъ совершенно сроднился съ русскимъ языкомъ и обычаями, съ русской культурою; есть полное основаніе думать, что онъ былъ православнымъ, хотя въ качествѣ великаго князя литовскаго и скрывалъ это по политическимъ соображеніямъ: по крайней мѣрѣ, достоверно извѣстно, что почти всѣ его сыновья были крещены по православному обряду. И не только симпатіи привязывали его къ русской народности, но и серьезныя политическія соображенія. Передъ нимъ лежали обширныя и прекрасныя области южной Руси. Области эти въ

значительной степени вырвались изъ старыхъ государственныхъ связей, разползлись на свои составные элементы, которые владели свое существованіе подъ тяготѣніемъ власти степныхъ хищниковъ. Правда, власть эта не посягала на ихъ существованіе и даже обезпечивала матеріальную сторону этого существованія, но она преграждала путь всякому дальнѣйшему развитію, обществу и духовному. Такимъ образомъ, области эти какъ бы ждали лишь сильной руки, чтобы высвободиться изъ-подъ вліянія татаръ и посредствомъ новой государственной связи втянуться въ общее культурное движеніе. Съ другой стороны, и великій князь литовскій ясно видѣлъ всѣ выгоды и для самой Руси и для Литвы такого объединенія этихъ южно-русскихъ областей съ остальной, уже объединенной, литовско-русской территоріей. Укрѣпивъ свое вліяніе на Смоленскъ, Ольгердъ въ началѣ второй половины XIV вѣка приблизился такимъ образомъ къ границамъ Чернигово-Сѣверской земли. Въ это время старшими (великими) князьями черниговскими считались князья брянскіе: татарское нашествіе, отъ котораго сильно пострадало Чернигово-Сѣверское княжество, отодвинуло политическій центръ этого княжества изъ земли сѣверянъ въ землю вятичей, въ лѣсистыя и болотистыя верховья Десны и Оки. Вслѣдъ за присоединеніемъ къ великому княжеству Литовскому Брянскаго удѣла, перешла во власть Литвы вся западная часть Сѣверщины, по Сожи, Снови и Деснѣ; восточная ея часть была разбита на много мелкихъ княжествъ, которыя носили общее названіе „верховскихъ княжествъ“, и находилась пока въ рукахъ старыхъ русскихъ князей, потомковъ Святослава Черниговскаго, колеблющихся то въ сторону Литвы, то Москвы и Рязани. А за Десною, южной границей Черниговской земли, уже начиналась степь; по другую сторону Днѣпра сидѣли „татарскіе люди“ (т.-е. данники) и стояли „города за татары“. При всякомъ движеніи впередъ столкновеніе съ татарами было неизбежно. Очевидно, Ольгердъ искалъ этого столкновенія, такъ какъ оно произошло (1362 г.) въ глубинѣ степей, на территоріи, занятой Подольской ордой, на Синихъ Водахъ, притокъ южнаго Буга. Моментъ былъ выбранъ удачно. Смута въ Золотой ордѣ не позволила ей подать помощь столь отдаленному западному улусу. Побѣда надъ тремя татарскими ханами передала въ руки Литовскаго князя Побужье и Приднѣстровье, территорію, извѣстную съ XIV вѣка подъ именемъ Подолья, земли Подольской, теперь очищенной отъ кочевниковъ. Въ предѣлы этихъ новыхъ пріобрѣтеній Литвы входила, приблизительно, вся лѣвая половина Днѣстровскаго бассейна, отъ устья рѣки Серета до Чернаго моря, весь бассейнъ южнаго Буга и прибережная часть южнаго бассейна Днѣпра отъ устья рѣки Роси до моря.

Какъ вошла въ составъ Литовскаго государства территорія бывшей земли Кіевской, исторія ничего не знаетъ объ этомъ. Историческое преданіе, переданное намъ западно-русскими лѣтописями, относитъ этотъ фактъ еще ко времени Гедимина и къ его дѣятельности; но это, очевидно, натяжка. Надо полагать, что присоединеніе Кіевской земли явилось простымъ логическимъ послѣдствіемъ политики Ольгерда, не потребовавшимъ со стороны этого послѣдняго никакихъ особенныхъ мѣръ или усилій. Разъ Подольская орда была

прогнана, и Кіевщина окружена Литовскими владѣніями, дезорганизованной области не было другого выхода, какъ вступить въ общую связь сосѣднихъ областей съ Литвою.

Между тѣмъ, какъ въ одной части южной Руси присоединеніе русскихъ областей шло какъ бы само собой, безъ всякихъ замѣтныхъ усилій и жертвъ со стороны Литвы, въ другой части присоединеніе это сопровождалось многолѣтней упорной борьбой. Литовскій князь Любартъ Гедиминовичъ, младшій братъ Ольгерда, за которымъ стояли общія силы Литовскаго государства, и польскій король Казиміръ Великій съ ожесточеніемъ оспаривали другъ и друга выморочное наслѣдство галицко-волинскихъ князей. Борьба тянулась съ промежутками почти сорокъ лѣтъ (1340—1377 г.), причемъ то одна, то другая сторона брала верхъ.

Годъ смерти Ольгерда былъ и годомъ окончанія этой борьбы, завершившимъ дѣло объединенія областей западной и южной Руси въ одно политическое цѣлое. Волынь, въ составѣ удѣловъ Берестейскаго, Владимірскаго и Луцкаго, окончательно отошла къ Литвѣ, Галиція съ землями Холмской и Бѣльской—къ Польшѣ. Литовское государство простиралось, такимъ образомъ, отъ Балтійскаго моря до Чернаго и отъ верховьевъ Оки и Сейма до Западнаго Буга. Въ государствѣ этомъ первоначальный составной его элементъ—литва, почти терялся въ стихіи русской народности даже въ числовомъ и территоріальномъ отношеніяхъ, уже не говоря о культурности: болѣе девяти десятихъ территоріи государства занято было русскимъ народомъ.

Внесъ-ли что-нибудь новое Ольгердъ въ жизнь этой русской „державы“, которую онъ создалъ своимъ „великимъ разумомъ и смысломъ“, своею „крѣпкою думой“, державы, о которой онъ „прилежаше всегда день и ночь“—выраженія одной лѣтописи—сѣверно-русской, слѣдовательно, далеко не благосклонной къ этому литовскому „зловѣрному, безбожному и лъстивому собирателю русскихъ земель“, ставшему поперекъ дороги московскимъ собирателямъ?

Повидимому, нѣтъ. Сколько можно судить о личности и дѣятельности Ольгерда по скуднымъ дошедшимъ до насъ фактамъ, этотъ князь принялъ русскую культуру вплоть до политическихъ началъ, выработанныхъ ея старымъ удѣльнымъ строемъ. Мѣсто старыхъ удѣльныхъ князей, правда, заступили теперь Гедиминовичи; но понятія о правѣ каждаго члена княжескаго рода на долю въ государствѣ, о старшинствѣ, объ отношеніяхъ младшихъ удѣльныхъ князей къ старшему или великому—все это цѣликомъ воспроизводило старо-русскія княжескія понятія и отношенія; національныя литовскія правовыя понятія, повидимому, нѣсколько уклонялись отъ этой старо-русской системы. Такимъ образомъ Ольгердъ распредѣлилъ всѣ русскія области между своими сыновьями, братьями и племянниками. Кіевское княжество достается его сыну Владиміру; Волынская земля—брату Любарту; Подольскую землю дѣлятъ между собой четыре его племянника Коріятовичи; изъ западной, присоединенной, части Черниговскаго княжества выдѣлено было, сколько извѣстно, три удѣла: Дмитрій Ольгердовичъ владѣетъ удѣломъ Брянскимъ и Трубчевскимъ; одинъ изъ младшихъ сыновей Ольгерда, Дмитрій-Корибуть, называется

въ документахъ княземъ новгородскимъ и „сѣверскимъ“ (удѣль Новгородъ-Сѣверскій), и ему же, повидимому, принадлежалъ Черниговъ; племянникъ Ольгерда Патрикій Наримунтовичъ управляетъ удѣломъ Стародубскимъ и Рыльскимъ. Для южной Руси происшедшія въ ней политическія перемѣны были мало чувствительны. Кое-гдѣ на мелкихъ удѣлахъ остались старые князья, потомки Владиміра Св.; на крупныхъ удѣлахъ сидѣли уже Гедиминовичи, но такіе же православные, почти такіе же русскіе по языку и обычаямъ, какъ и прежніе князья, только болѣе энергичные и, главное, болѣе сильные, чувствующие за собою поддержку великаго князя литовскаго.

Казалось, дальнѣйшее существованіе и правильное самостоятельное развитіе южно-русской народности на ея собственныхъ основахъ было совершенно обезпечено... Между тѣмъ и десяти лѣтъ не протекло со смерти Ольгерда, какъ произошло событіе, которое дало крутой поворотъ исторіи Литовско-Русскаго государства. Не только специалистъ-историкъ, но и всякій мыслящій чело­вѣкъ невольно остановится передъ этимъ 1386 годомъ *), съ его роковыми послѣдствіями для трехъ сосѣднихъ народностей, и задумается надъ значеніемъ того, что принято презрительно называть „исторической случайностью“. Конечно, то обстоятельство, что сынъ Ольгерда, Ягелло, женился на Ядвигѣ, наслѣдницѣ польской короны Пястовъ, нельзя назвать иначе, какъ одною изъ тѣхъ случайностей, которыми полна жизнь. А, между тѣмъ, еще и современныя поколѣнія передадутъ будущимъ задачу распутать тѣ узлы, какіе завязала эта случайность. Не будь этого брака, не было бы уніи Литовско-Русскаго государства съ Польшей, сначала личной и династической, а затѣмъ и государственной, а, главное, литовская народность приняла бы христіанство не по католическому, а по православному обряду. Обращеніе въ католицизмъ литовскаго народа создало, прежде всего, фальшивое положеніе. Еще не дала себя ничѣмъ знать ни католическая нетерпимость съ тягостной навязчивостью пропаганды, ни вліяніе шляхетскаго строя съ зловреднымъ порабощеніемъ народной массы, а уже въ жизнь Литовско-Русскаго государства внесена была пагубная рознь. Этнографическая разни­ца литовскаго и русскаго народныхъ типовъ, несомнѣнно, образовала бы, подъ воспитательнымъ вліяніемъ общаго религіознаго міровоззрѣнія и соотвѣтствующей ему культуры, одно гармоническое дѣло; подъ вліяніемъ религіозныхъ различій разни­ца эта выразилась диссонансомъ, который лишь обострился съ ростомъ культуры.

Но все истинно-великое по своимъ послѣдствіямъ развивается и проявляется медленно. Не мало времени прошло до тѣхъ поръ, пока результатъ роковаго 1386 года созрѣлъ въ сколько-нибудь ощутительные факты. Пока же на аренѣ литовско-русской исторіи улаживаются новыя отношенія съ Польшей, продолжается старая, непрерывающаяся почти борьба съ Орденомъ, происходятъ смуты между многочисленными литовскими князьями за преобладаніе и удѣлы. Но, мало-по-малу, изъ общаго хаоса событій и лицъ выдвигается замѣчательная личность Витовта, Кейстутова сына; какъ власть имущій, становится

*) Годъ брака Ягелла и Ядвиги.

онъ у государственнаго руля, смѣло отстраняя остальныхъ, и среди смуть, вѣшнихъ и внутреннихъ, надолго овладѣваетъ положеніемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ всецѣло и вниманіемъ историка (1392—1430 г.).

Простой подручникъ или намѣстникъ польскаго короля по первоначальнымъ условіямъ своего положенія, Витовтъ въ концѣ своего управленія былъ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ государей Европы, и только случайность помѣшала ему вѣнчаться королевской короной, которую непременно хотѣлъ на

Великій князь литовскій Витовтъ.

По Gwagnini.

него возложить германскій императоръ Сигизмундъ. Энергія и искусство, съ какимъ онъ оберегалъ самостоятельность Литовско-Русскаго государства отъ притязаній Польши, полное преобладаніе, какое онъ доставилъ Литвѣ надъ ея исконными врагами-рыцарями, огромное вліяніе, прибрѣтенное имъ на дѣла сѣверной и восточной Руси—все это создало Литовско-Русскому государству положеніе могущественной державы, хотя, надо сознаться, положеніе очень непрочное, не пережившее его творца.

Герой литовскаго народа, долго воспоминавшаго золотой вѣкъ Витовта, когда слава „храброй Литвы“ распространялась отъ моря до моря, Витовтъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и героемъ южно-русской окраины обширнаго государ-

ства. Много урочищъ и развалинъ по берегамъ Днѣпра, Днѣстра и Буга, два вѣка спустя еще, носило имя Витовта. И не мудрено. Если Ольгердъ расширилъ государство присоединеніемъ южно-русскихъ областей, то только Витовтъ окончательно закрѣпилъ это присоединеніе тѣмъ господствомъ надъ степью, которое онъ приобрѣлъ.

Ланнуа, путешественникъ того времени, проѣзжавшій черезъ южно-русскія степи, сообщаетъ, между прочимъ, что татары такъ боятся Витовта, что его именемъ матери пугаютъ дѣтей. Вся правобережная степь до береговъ Чернаго моря признала его своимъ господиномъ. Чѣмъ и какъ приобрѣлъ онъ это господство—мы не знаемъ: надо полагать, что въ значительной степени ловкой политикой. Это время было временемъ смутъ и внутренней борьбы въ Золотой ордѣ; кромѣ того, крымскій ея улусъ сильно тяготѣлъ къ самостоятельному политическому существованію. Вотъ этими-то смутами и неопредѣленностью отношеній, очевидно, и пользовался Витовтъ. Онъ привлекъ въ Литву массу татаръ, частью какъ плѣнниковъ, частью какъ добровольныхъ выходцевъ, вытѣсненныхъ изъ своего отечества политическими смутами, и поселилъ ихъ, щедро надѣливъ ихъ землями и привилегіями. Всѣ изгнанные или убѣжавшіе изъ Золотой орды или Крыма мурзы и даже царевичи находили у него самый гостепріимный пріютъ. Имѣя, такимъ образомъ, полную возможность слѣдить за всѣмъ, что дѣлалось у этихъ сосѣдей, Витовтъ находилъ случаи вмѣшиваться въ ихъ дѣла и пользовался этими случаями, поддерживая то одну партію, то другую. Если есть преувеличенія въ свидѣтельствахъ польскихъ историковъ, что татарскіе ханы короновались у Витовта въ Трокахъ и Вильнѣ (двѣ столицы Литовскаго государства), то вліяніе сильнаго литовскаго князя на политическія событія въ Золотой ордѣ и Крыму, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно. Съ его именемъ связывается происхожденіе и утвержденіе династіи Гиреевъ, которой удалось окончательно отдѣлить Крымское ханство отъ Золотой орды. Страшное пораженіе, которое потерпѣлъ при Ворсклѣ (1399 г.) Витовтъ, вмѣшавшись въ распри Тохтамыша съ Тамерланомъ, — потерпѣлъ, несмотря на помощь поляковъ и даже нѣмецкихъ рыцарей, видѣвшихъ въ походѣ Витовта крестовый походъ противъ невѣрныхъ,—еще разъ наглядно показало, какъ неистощима и страшна Азія, снова выбросившая изъ своихъ нѣдръ, вмѣстѣ съ Желѣзнымъ Хромцомъ, безчисленныя полчища; но это пораженіе, за которымъ послѣдовало новое сильное разореніе Кіева Эдигеемъ, не измѣнило характера отношеній, установившихся между Литовско-Русскимъ государствомъ и сосѣдними крымскими или перекопскими татарами. Трудно было предвидѣть въ слабomъ, еще не оперившемся, Крымскомъ ханствѣ, которое становилось на ноги, опираясь на сильную поддержку Витовта, того въ недалекомъ будущемъ опаснаго врага, существованіе котораго опредѣлило собой въ значительной степени дальнѣйшій ходъ общественнаго развитія Литовско-Русскаго государства и, въ особенности, южной его части,—Украинской Руси.

Внѣшнее могущество государства обыкновенно опирается на систему его внутреннихъ отношеній. Такимъ образомъ, если бы мы и не имѣли никакихъ указаній, то вынуждены были бы предположить, что, вѣроятно, Витовтъ про-

извель какія-нибудь измѣненія во внутреннемъ строѣ, доставившія ему возможность увеличить средства и силы государства. Документы, дошедшіе до насъ отъ конца XIV и первыхъ трехъ десятилѣтій XV в., т.-е. эпохи Витовта, скудны и числомъ, и содержаніемъ. Но кое-что, касающееся внутренней политики этой эпохи, мы все-таки знаемъ, и знаемъ достовѣрно. Что представляло собою Литовско-Русское государство послѣ смерти Ольгерда—объ этомъ было сказано выше: въ главныхъ чертахъ это была та же самая старая удѣльная Русь.

Витовтъ, далеко не чуждый западно-европейскаго образованія, очевидно, имѣлъ инныя понятія о желательномъ государственномъ строѣ; къ тому же и жизнь подсказывала ему многое. Всѣ южно-русскіе князья, Ольгердовичи, были недовольны возвышеніемъ Кейстутовича въ достоинство великаго князя, и это недовольство дало поводъ Витовту подъ благовиднымъ предлогомъ и незамѣтно произвести важное измѣненіе въ политическомъ строѣ южно-русскихъ княжествъ. Это измѣненіе—замѣна удѣльныхъ князей велико-княжескими намѣстниками. Тотчасъ послѣ своего вокняженія, Витовтъ отобралъ у Владиміра-Корибута Ольгердовича его Новгородъ-Сѣверскій удѣлъ, Подолье у Ѳеодора Кориатовича и Волынь у Ѳеодора Любартовича. Вслѣдъ за тѣмъ (1395 г.) лишенъ былъ Владиміръ Ольгердовичъ Кіевского княжества, которымъ, впрочемъ, еще владѣлъ короткое время другой Ольгердовичъ, Скиргелло, но по его смерти здѣсь также былъ посаженъ великокняжескій намѣстникъ. Наконецъ, былъ переведенъ подъ непосредственное управленіе великаго князя и второй большой южно-русскій удѣлъ бывшаго Черниговскаго княжества—Брянскій. Правда, удѣлъ Новгородъ-Сѣверскій Витовтъ отдалъ тоже Гедиминовичу, двоюродному брату своему, Ѳеодору Любартовичу, но отдалъ его лишь во временное владѣніе, до своей „господарской воли“,—условіе, которое низводило князя до положенія простаго великокняжескаго подручника или намѣстника; вѣроятно, такой же характеръ имѣла и передача Стародубскаго удѣла—послѣдняго изъ трехъ большихъ удѣловъ Сѣверской земли—родному брату Сигизмунду. Такимъ образомъ Витовтъ разомъ (между 1392—95 годами) нанесъ ударъ удѣльной системѣ на всемъ пространствѣ южной Руси, уцѣлѣло лишь нѣсколько незначительныхъ княжествъ на второстепенныхъ удѣлахъ. Правда, ударъ этотъ оказался не настолько рѣшительнымъ, насколько желалъ бы этого Витовтъ. Время-отъ-времени онъ вынуждаемъ былъ, давленіемъ политическихъ комбинацій, дѣлать уступки. Такимъ образомъ, подъ конецъ своей жизни, онъ отдалъ Черниговъ съ Новгородъ-Сѣверской и Брянской землями въ удѣлъ своему влѣйшему врагу Свидригайлу Ольгердовичу; выдѣлилъ удѣлъ въ землѣ Подольской Дмитрію-Корибуту Ольгердовичу. Очевидно, удѣльный типъ государства еще жилъ въ понятіи общества; къ тому-же этихъ уступокъ требовалъ отъ него польскій король Ягелло, который, движимый родственными чувствами, заботился объ обезпеченіи своихъ братьевъ: а Витовтъ, въ своихъ широкихъ политическихъ замыслахъ, слишкомъ часто нуждался въ дружбѣ Ягелла, обезпечивавшей ему поддержку со стороны Польши. Этими отношеніями съ Польшей объясняется и судьба Подолья. Когда Витовтъ отнялъ эту землю у Ѳе-

дора Кориатовича, то долженъ былъ отдать Ягеллу западную ея часть, Подиѣстровье съ городами Каменцемъ, Смотричемъ, Скалою, Червоноградомъ и Бакотою. Потомъ Витовтъ снова соединилъ всю Подольскую землю въ своей власти. Но послѣ смерти Витовта его уступка части Подолья Ягеллу сдѣлала эту землю такой же безконечной ареной польскихъ притязаній, какою, еще значительно раньше, сдѣлалась земля Волынская. Только Люблинская унія положила окончательный предѣлъ этой постоянной взаимной борьбѣ Литвы и Польши изъ-за Волыни и Подолья,—правда, борьбѣ, большею частью, безкровной, борьбѣ, которая велась не оружіемъ и на военномъ полѣ, а при дворахъ и канцеляріяхъ путемъ дипломатическихъ переговоровъ и политическихъ интригъ.

Итакъ, несомнѣнно, что Витовтъ сыгралъ значительную роль въ политическихъ судьбахъ южной Руси. Положимъ, что удѣльный строй ея жизни и безъ того долженъ былъ пасть, какъ осужденный исторіей; но энергія Витовта ускорила переходъ отъ этого строя къ иному—централизованному типу государственной жизни.

Тѣ отдѣльные случаи возвращенія къ удѣльнымъ порядкамъ, которые мы наблюдаемъ какъ при Витовтѣ, такъ и при его преемникахъ, представляютъ лишь обычные во всякой общественной эволюціи запоздалые отголоски старой традиціи, слишкомъ слабые для того, чтобы помѣшать общему поступательному ходу жизни. Но въ то-же время остается неяснымъ: произвела-ли реформа Витовта какія-нибудь существенныя измѣненія во внутреннемъ строѣ южно-русскихъ земель, или эти измѣненія явились позже, какъ самостоятельный и неизбежный результатъ реформы? Есть нѣкоторыя основанія предполагать, что Витовтъ внесъ нѣчто новое, и существенно важное, въ условія внутреннего быта своего государства, а именно: связалъ тѣсной и опредѣленной связью отбываніе военной службы съ землевладѣніемъ; но это только гипотеза.

Хотя память о Витовтѣ долго держалась, какъ сказано выше, въ преданіяхъ южно-русскихъ окраинъ, тѣмъ не менѣе, этотъ несомнѣнно высоко-одаренный князь въ общемъ остался чуждымъ русской народности, не сроднился съ нею, какъ его дядя Ольгердъ. Чистый литвинъ по крови, католикъ по религіи, западно-европеецъ по образованію, Витовтъ не могъ проникнуться симпатіями къ особенностямъ русской народности и культуры. Правда, онъ не позволялъ ни себѣ, ни другимъ никакихъ стѣсненій по отношенію къ русскому элементу въ своемъ государствѣ, наоборотъ, даже заботился объ его интересахъ. Такъ, напримѣръ, въ видахъ церковнаго благоустройства, онъ ревностно хлопоталъ объ учрежденіи особой западно-русской митрополіи, чтобы, какъ онъ выражался въ грамотѣ къ русскимъ епископамъ, не было поклепа со стороны, что онъ, какъ иновѣрецъ, не заботится о церкви своихъ подданныхъ. Впрочемъ, съ другой стороны, всѣ эти заботы могли быть истолкованы и какъ ловкій политическій ходъ, направленный противъ московскихъ политиковъ. Но если заботы эти и были искренними, то все-таки это были заботы чужого человѣка, и потому понятно, что въ той длительной, хотя и мало-успѣшной, борьбѣ, которую велъ самый дѣятельный изъ Ольгердовичей, Свидригайло, со своимъ двоюроднымъ братомъ, симпатіи русскаго народа постоянно

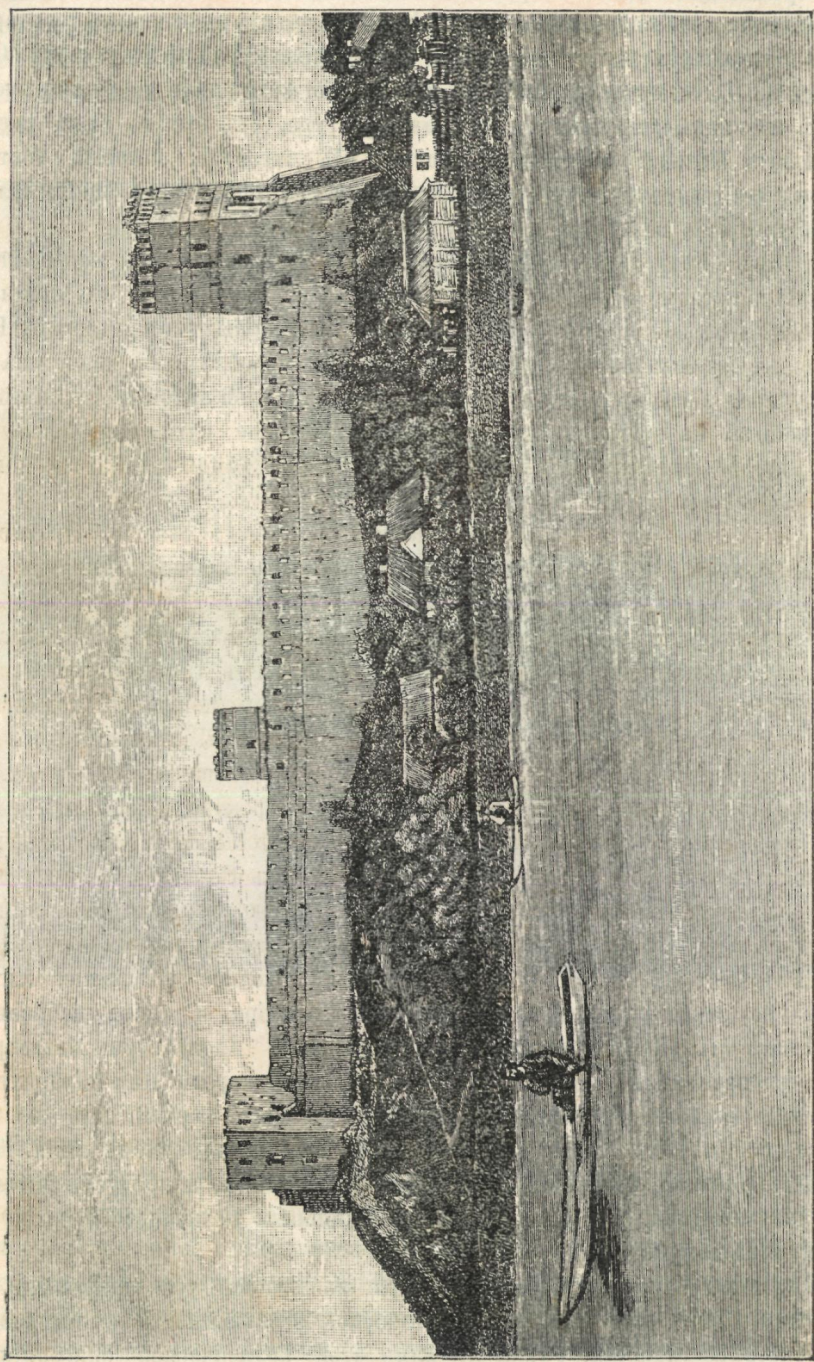

стояли на сторонѣ обрусѣвшаго Свидригайла, какъ ни далеко уступалъ онъ Витовту въ личныхъ достоинствахъ.

Въ январѣ 1429 г. городъ Луцкъ, важнѣйшій изъ городовъ земли Волынской, былъ свидѣтелемъ необычайнаго событія—сѣзда государей въ гости къ великому князю Литовскому. Конечно, событіе это само по себѣ не представляло особенной важности, но оно наглядно опредѣляло тотъ вѣсъ, какимъ пользовался Витовтъ въ международной политикѣ. Здѣсь былъ императоръ германскій Сигизмундъ со множествомъ нѣмецкихъ князей, польскій король Ягелло съ блестящей свитой вельможъ и высшаго духовенства, великій князь московскій Василій Васильевичъ съ митрополитомъ Фотіемъ и князьями тверскимъ и рязанскимъ, ханъ перекопской орды, магистры того и другого ордена, король датскій, воевода валахскій, папскій легатъ, послы императора византийскаго,—однимъ словомъ, вся восточная половина Европы имѣла здѣсь своихъ представителей, свидѣтельствующихъ, такимъ образомъ, свое уваженіе къ достоинству, значенію и заслугамъ престарѣлаго князя. По замысламъ Витовта, сѣздъ этотъ долженъ былъ нанести тяжелый ударъ литовско-польской уніи: великій князь литовскій рассчитывалъ получить на этомъ сѣздѣ королевскую корону изъ рукъ императора Сигизмунда. Правильнъ-ли былъ его расчетъ, могло-ли коронованіе остановить процессъ обращенія Литовско-Русскаго государства въ провинцію государства Польскаго—вопросъ спорный; но, во всякомъ случаѣ, надо смотрѣть на эту попытку Витовта не какъ на честолюбіе выжившаго изъ ума старика, а какъ на обдуманнѣйшій замыселъ умнаго политика и горячаго патріота—поставить формальную преграду объединительнымъ стремленіямъ Польши. Проницательность и ловкость руководителей польской государственной политики успѣли предусмотрѣть и предотвратить опасность: коронованіе, котораго желалъ одинаково какъ Витовтъ, такъ и Сигизмундъ, тѣмъ не менѣе, не состоялось ни въ Луцкѣ, ни въ Вильнѣ на новомъ сѣздѣ, который собрался черезъ годъ. Витовтъ такъ и умеръ не королемъ, а великимъ княземъ литовскимъ.

Смерть талантливаго правителя ослабляетъ обыкновенно ту общественную тягу, которую онъ крѣпко держитъ своей искусной рукой, и освобождаетъ сдерживаемые этой тягой общественные элементы. Такъ было и со смертью Витовта, которая обнаружила скрытыя до тѣхъ поръ внутреннія силы и отношенія Литовско-Русскаго государства. Прежде всего стало ясно, что Польша, несмотря на всѣ предшествующіе договоры объ уніи, ставившіе Литву въ политическую зависимость отъ Польши, фактически еще не рѣшается вмѣшиваться въ литовскія дѣла: литвины свободно выбираютъ себѣ на сеймѣ въ великіе князья Свидригайла Ольгердовича. Затѣмъ пришелъ къ обнаруженію фактъ еще болѣе важности: этнографическая рознь русскаго и литовскаго племенъ, подъ воздѣйствіемъ католической культуры, успѣла за это время вырасти въ рознь національную и политическую: окраску политическую давали этой розни русскіе удѣльные князья, стремившіеся отстаивать остатки своей самостоятельности. Такимъ образомъ, Свидригайло занялъ великокняжескій престолъ какъ представитель русско-литовской партіи, защитникъ православія и, вмѣстѣ

Большой замокъ въ г. Луцкѣ кн. Любарта Гедиминовича.

съ тѣмъ, поборникъ правъ русскихъ удѣльныхъ князей (1430—1432 г.). Но едва прошло два года со смерти Витовта, какъ литовская партія, пользуясь недальновидностью Свидригайла, уже успѣла приготовить и совершить государственнѣйшій переворотъ въ пользу Витовтова брата, Сигизмунда Кейстутовича. Однако, ничтожный Сигизмундъ держалъ себя такъ, что возмущалъ не только русиновъ, но и литвиновъ-католиковъ: польская креатура, онъ готовъ былъ постоянно жертвовать Польшѣ интересами Литвы. Въ заговорѣ, который составилъ противъ него вмѣстѣ съ русскими князьями Чарторыжскими, принимали участіе и литовскіе вельможи. Сигизмундъ былъ убитъ (1440 г.).

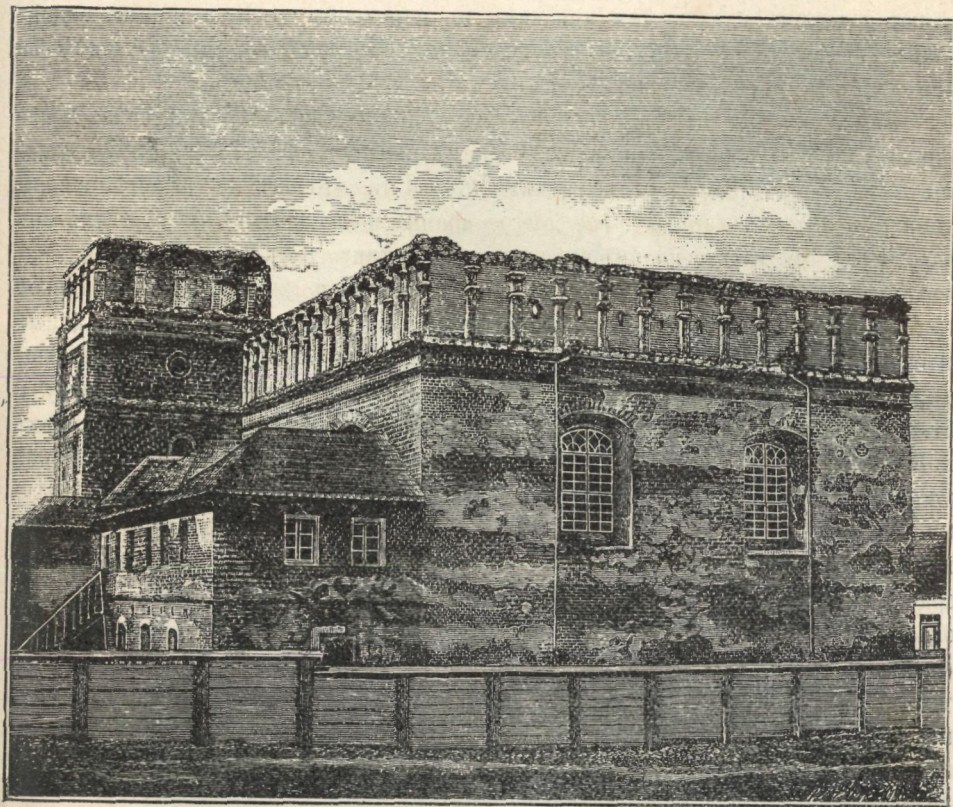
Всего десять лѣтъ протекло со смерти Витовта, а отъ могущества витовтовой державы осталось лишь воспоминаніе. Могущество это подтачивала внутренняя борьба партій; успѣхи Польши на спорныхъ территорияхъ Волыни и Подолья служили вѣрнымъ показателемъ того преобладанія, какое она приобрѣтала надъ своей союзницей. Верхній, правящій, слой литовско-русскаго общества понималъ, наконецъ, что по этому пути дальше идти некуда, и избраніемъ въ великіе князья Казимира Ягайловича (1440—1492 г.) показалъ, что онъ дѣйствительно это понимаетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Казиміръ, младшій изъ двухъ сыновей Ягайла, пока еще малолѣтній, не представлялъ собою никакого знамени, никакой партіи. Сторонники болѣе тѣснаго союза Литвы съ Польшей видѣли въ немъ брата польскаго короля; противники уніи, поборники самостоятельности Литовско-Русскаго государства, надѣялись воспитать въ немъ такого великаго князя, который будетъ охранять интересы государства отъ покушеній извнѣ. И послѣдніе, повидимому, разсчитали правильно. Казиміръ, увезенный въ Литву, быстро сживался съ нею и проникался любовью и уваженіемъ къ ея строю. Но точно злой геній ревниво бодрствовалъ надъ роковымъ союзомъ и выдвигалъ своевременно одну случайность за другою, чтобы помѣшать разрыву. Гибель польскаго короля Владислава Ягайловича подъ Варною (1444 г.) сдѣлала то, что поляки, чтобы не порвать уніи съ Литвою, увидѣли себя вынужденными избрать себя въ короли того же самаго Казимира Ягайловича. Съ небольшимъ полвѣка спустя опять повторилось сходное положеніе. Литовско-русскіе вельможи воспользовались смертью Казимира и снова избрали себя отдѣльнаго отъ Польши великаго князя въ лицѣ Александра Казиміровича, но преждевременная смерть брата его, польскаго короля Яна-Альбрехта, еще разъ дала возможность полякамъ избрать въ свои короли того же самаго Александра и тѣмъ опять соединить обѣ короны въ одномъ лицѣ. Такимъ образомъ, стеченіе обстоятельствъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и предусмотрительность польской политики, все болѣе и болѣе укрѣпляла политическій союзъ между Литвой и Польшей.

А, между тѣмъ, нѣкоторыя событія въ южной Руси указывали, что ей не чужды были стремленія къ политической независимости и отдѣленію отъ Литовскаго государства. Руководителями этой политической оппозиціи были уцѣлѣвшіе еще удѣльные князья, которые, повидимому, разсчитывали этимъ путемъ сохранить свои права, все ускользавшія отъ нихъ подъ давленіемъ

политики великихъ литовскихъ князей. Въ Свидригайлѣ удѣльная система имѣла своего послѣдняго защитника: „оттолѣ русскіе князи почаша оскудѣвати и обнищевати“, — сообщаетъ „Густынская лѣтопись“. Но пока существовало удѣльное княжество Кіевское, всѣ эти, хотя и оскудѣвшіе, удѣльные князья — туровскіе и пинскіе, кобринскіе, черниговскіе, — могли еще питать надежды на лучшее будущее. Надо думать, что эти ихъ надежды опирались на живое

Малый замокъ въ г. Луцкѣ кн. Любарта Гедиминовича.

чувство всей народной массы, не утратившей воспоминанія о самостоятельномъ политическомъ существованіи.

Какъ ни былъ разоренъ Кіевъ татарами, сколько ни утратилъ онъ изъ своего стараго торговаго и политическаго значенія, тѣмъ не менѣе, не исчезла историческая традиція, связывавшая его съ южно-русскимъ народомъ. Жизненнымъ нервомъ этой традиціи было, конечно, религіозное значеніе Кіева. Въ почвѣ Кіева, во мракѣ его пещеръ, таилось то неистребимое жизненное зерно, изъ котораго, какъ фениксъ изъ пепла, Кіевъ вырасталъ снова и снова. Такимъ образомъ, городъ этотъ не переставалъ быть тѣмъ единымъ общимъ центромъ, къ которому обращалось сознаніе южно-русскаго народа. Можетъ-

ть, даже и творилось или, по крайней мѣрѣ, крѣпло это сознаніе лишь благодаря тому, что существовалъ такой центръ. Все, что касалось Кіева, было ружено въ глазахъ южно-русскаго народа особымъ значеніемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, князья кіевскіе выдвигались какъ-бы на особое положеніе, возвышающее надъ прочими князьями. И, странное дѣло, можно подумать, что положеніе творить людей, а не наоборотъ. Князья Гедиминовичи, сидѣвшіе въ евѣ со времени присоединенія Кіевской области къ Литовскому государству, являются такими идеальными князьями въ народномъ духѣ, горячими ревнильями православія, созидателями храмовъ, что, конечно, ихъ не могли-бы превзойти въ этомъ отношеніи никакіе потомки Владиміра Св.

Владиміръ Ольгердовичъ, одинъ изъ старшихъ сыновей Ольгерда, посаженный въ Кіевъ отцомъ, правилъ Кіевскимъ княжествомъ (1362—1392) тридцать лѣтъ, пока Витовтъ не вытѣснилъ его за то, что онъ „не всхотѣ покорыпинити и челомъ ударити“: все долгое время своего княженія посвятилъ онъ благоустройству Кіева, не вмѣшиваясь въ политику, такъ что документы свидѣлствуютъ исключительно лишь объ его заботахъ о судьбѣ православной церкви и, между прочимъ, о возстановленіи Кіевской митрополіи. Изгнанный Витовтомъ изъ Кіева и посаженный на ничтожномъ Копыльскомъ удѣлѣ, Владиміръ искалъ поддержки въ Москвѣ у Василя Дмитріевича, къ которому и ѣзжалъ. Поддержки здѣсь онъ не получилъ и, смирившись, дожилъ свой вѣкъ въ Копылѣ; только останки его, этого родоначальника кіевской княжеской династіи Олельковичей, были похоронены въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ.

Четыре года еще, послѣ изгнанія Владиміра, былъ удѣльнымъ княземъ кіевскимъ „чудный, добрый князь“, по выраженію лѣтописи, Скиргайло Ольгердовичъ, настолько преданный православію и русской народности, что въ польскихъ и нѣмецкихъ источникахъ онъ является съ эпитетомъ „схизматика“. Только послѣ смерти его (1396 г.), Витовтъ рѣшился посадить въ Кіевъ намістника, причемъ онъ, желая смягчить ударъ, наносимый русской народности, посадилъ на намістничество князя, хотя не изъ Гедиминовичей и не изъ потомства старыхъ южно-русскихъ князей, но все-таки одного изъ князей литовскихъ, князя Гольшанскаго.

Когда, послѣ смерти Витовта, началась борьба между Свидригайломъ Ольгердовичемъ и Сигизмундомъ Кейстутовичемъ, Кіевъ былъ опорой Свидригайла, представителя русской народности: онъ успѣшно отражалъ войска Сигизмунда, Кіевская область вмѣстѣ съ Волынской не признавали его до самой его смерти великаго князя.

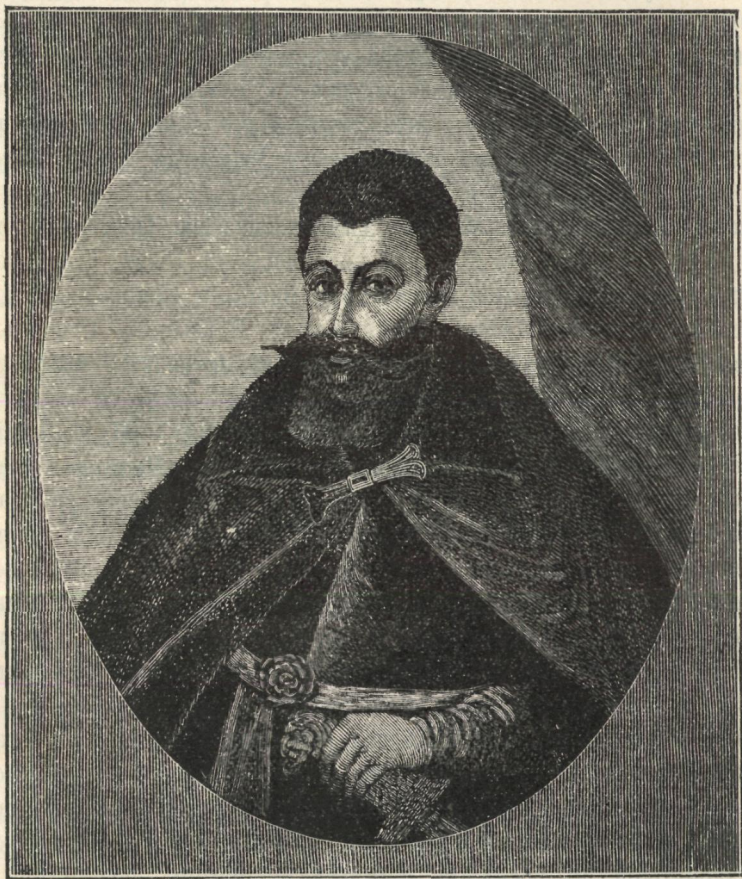
Какъ только молодой Казиміръ вступилъ въ управленіе государствомъ, онъ, руководясь совѣтами своего дядьки, виленскаго воеводы Яна Гаштольда, тотчасъ же сдѣлалъ важную уступку русской партіи: отдалъ Кіевскую землю, пять-таки какъ удѣльное княжество, сыну Владиміра Ольгердовича, Александру или Олельку. Такимъ образомъ, великокняжеская власть еще разъ вынуждена была поступиться въ пользу русскаго элемента однимъ важнѣйшимъ изъ сдѣланныхъ ею уже пріобрѣтеній.

Олелько передъ своимъ вокняженіемъ пять лѣтъ провелъ въ тюрьмѣ, по-

саженный туда Сигизмундомъ Кейстуовичемъ, который видѣлъ въ немъ опаснаго претендента на великокняжескій престолъ, выдвигаемаго русской партией.

По свидѣтельству современниковъ, Олелько пользовался общимъ уваженіемъ, такъ какъ отличался умомъ, храбростью, стойкимъ характеромъ: его жена „московка“ была дочерью великаго князя Василя Дмитріевича. Пятнадцать лѣтъ управленія Олелька (1440—1455 гг.) составляютъ прямое продолженіе управленія его отца Владимира: документы свидѣлствуютъ намъ

Кіевскій удѣльный князь Олелько, Александръ Владиміровичъ, † 1455 г.

лишь о его заботахъ на пользу православія. Православная церковь можетъ поставить ему въ большую заслугу то обстоятельство, что онъ предотвратилъ первую попытку церковной уніи, замышляемую митрополитомъ Исидоромъ, который вступилъ въ соглашеніе съ католическою церковью на Флорентійскомъ соборѣ.

Когда умеръ Олелько, у него осталось два сына: Симеонъ и Михайль. Сознавая себя прямыми и законными наслѣдниками отцовскаго удѣла, они задумали его подѣлить между собою, обратившись лишь за утвержденіемъ раздѣла къ Казиміру, какъ къ великому князю, однако, получили отъ него отказъ,

отрицающій само существованіе какихъ-либо ихъ правъ на наслѣдство: „вашъ-де дѣдъ князь Владиміръ бѣгалъ въ Москву и тѣмъ пробѣгалъ отчину свою Кіевъ“,—такова была интересная мотивировка этого отказа. Очевидно, Казиміръ чувствовалъ теперь свое положеніе прочнымъ и готовъ былъ продолжать ту объединительную политику, которую долженъ былъ считать единственно правильной. Тѣмъ не менѣе, онъ все-таки не рѣшился возстановить противъ себя Южную Русь окончательнымъ устраненіемъ Олельковичей: онъ уступилъ кіевскую область Симеону, какъ пожизненное владѣніе, предоставивъ Михаилу Копыль и Слуцкъ. Такимъ образомъ, династія Олельковичей, въ лицѣ князя Симеона, вѣрнаго представителя традицій своей семьи, зиждителя храмовъ и охранителя православной вѣры, еще продолжала стоять во главѣ Кіевского удѣльнаго княжества до самой смерти этого князя, который и похороненъ былъ въ отстроенной имъ почти заново Успенской церкви того же Печерскаго монастыря (1471 г.).

Смерть брата застала Михаила Олельковича въ Новгородѣ, куда онъ былъ призванъ на княженіе. Михаилъ поспѣшилъ въ Кіевъ, очевидно, затѣмъ, чтобы предъявить свои права, но все-таки прибылъ слишкомъ поздно. Кіевъ уже былъ занятъ казиміровымъ намѣстникомъ Мартыномъ Гаштольдомъ, который овладѣлъ городомъ силою при посредствѣ литовскаго войска: кіевляне не хотѣли-было пустить его въ городъ, „потому что онъ не былъ князь, а еще больше потому, что былъ „ляхъ“ (т. - е. католикъ). Просьба кіевлянъ о томъ, чтобы король далъ имъ въ правители если не Михаила Олельковича, то хоть другого князя православной вѣры, не смягчила Казиміра. Намѣстникъ Казиміра засѣлъ со своими литвинами въ Литовскомъ замкѣ, выстроенномъ на особомъ возвышеніи между Верхнимъ Кіевомъ и Подоломъ,—и Михаилъ Олельковичъ долженъ былъ, затаивъ обиду, удалиться въ свой копыльскій удѣлъ.

Что происходило затѣмъ—мы не знаемъ. Но, очевидно, въ тишинѣ и мракѣ подготовлялись событія, разразившіяся катастрофой десять лѣтъ спустя. Дѣло въ томъ, что къ народному неудовольствію на уничтоженіе Кіевского княжества присоединялось неудовольствіе русскихъ мелкихъ удѣльныхъ князей, у которыхъ Казиміръ отнималъ разными способами ихъ права. Неудовольствіе это росло, бродило, пока не начала принимать организованныхъ формъ. Къ концу десятилѣтія со смерти послѣдняго кіевского князя созрѣлъ на южно-русской территоріи, въ средѣ ея княжескихъ родовъ, обширный заговоръ. Точно не извѣстно, что было его цѣлью, оторвать ли Южную Русь отъ Литовскаго государства, чтобы присоединить ее къ Московскому, какъ утверждаютъ одни, или просто удалить Казиміра, чтобы посадить на его мѣсто Михаила Олельковича, и тѣмъ сообщить иное направленіе внутренней политикѣ государства, какъ утверждаютъ другіе.

Во главѣ заговора стояли князя Михаилъ Олельковичъ, Ѳеодоръ Бѣльскій, также внукъ Владиміра Ольгердовича, и одинъ изъ князей Гольшанскихъ. Какъ кажется, намѣреніемъ заговорщиковъ было овладѣть особою короля, который долженъ былъ прибыть на свадьбу князя Бѣльскаго. Случайность открыла заговоръ, и захваченные слуги Бѣльскаго сказали подъ пыткой, что

знали. Князь Бѣльскій, новобрачный, ночью, полуодѣтый ускакалъ за московскій рубежъ и тѣмъ спасся; Олельковичъ же и Гольшанскій были схвачены и подвергнуты заключенію. Никакихъ свѣдѣній объ ихъ судебномъ процессѣ до насъ не дошло; извѣстенъ лишь приговоръ суда. Въ Кіевѣ 30 августа 1482 года, передъ воротами Литовскаго замка, былъ приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ надъ обоими князьями.

Это былъ рѣшительный ударъ, нанесенный литовскимъ правительствомъ удѣльной системѣ. Когда, четверть вѣка спустя, мы видимъ въ Южной Руси еще разъ попытку отдѣлиться отъ Литвы, то инициатива попытки принадлежить уже не Олельковичу или какому-нибудь православному русскому князю, а Глинскому, талантливому и энергичному потомку татарскихъ выходцевъ, около котораго группируются кой-какіе жалкіе остатки старыхъ удѣльныхъ князей.

Великіе князья литовскіе, стремясь къ устраненію и ослабленію владѣтельныхъ княжескихъ родовъ, помогали укорененію на южно-русской территоріи сильныхъ людей чуждаго ей происхожденія. Знатный татарскій родъ, извѣстный потомъ подъ именемъ князей Глинскихъ—отъ г. Глинска (Полтавской губ.)—выселился на Русь еще при Витовтѣ и тогда уже принялъ крещеніе.

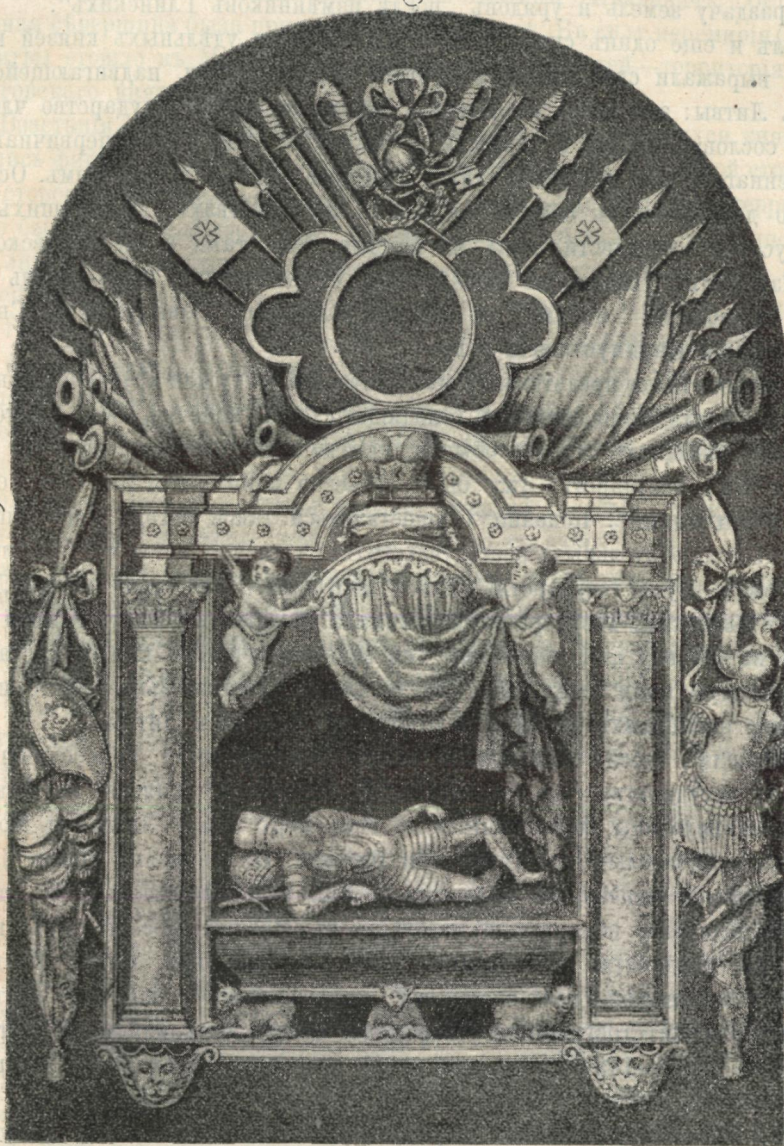
Имѣнія, выслуженныя Глинскими у государей литовскихъ, ставили этотъ родъ по богатству и могуществу, конечно, далеко выше многихъ потомковъ Владиміра Св. и Гедимина. Кромѣ огромныхъ пространствъ земли на пустынномъ лѣвобережьи, въ предѣлахъ теперешней Полтавской губерніи, они владѣли имѣніями въ землѣ Кіевской, на территоріи Турско-Пинскаго княжества и дальше за Припетью, въ такъ-называемой Бѣлой и Черной Руси. Кромѣ того, Глинскіе занимали вліятельныя должности намѣстниковъ и воеводъ, что давало имъ большое значеніе, особенно въ земляхъ Черниговской и Кіевской. До начала XVI вѣка, когда происходили рассказываемыя нами событія, родъ Глинскихъ уже успѣлъ распасться на нѣсколько вѣтвей; самую вліятельную изъ нихъ была старшая, такъ-называемая литовская, къ которой и принадлежалъ герой этихъ событій, князь Михайло Львовичъ Глинскій.

Князь Михайло Глинскій представлялъ далеко не заурядное явленіе въ современномъ ему обществѣ. Онъ учился за границей, а затѣмъ провелъ много лѣтъ на службѣ у разныхъ государей: у германскаго императора Максимилиана, у курфюрста Саксонскаго Альбрехта, въ Испаніи и Италіи, всюду пользуясь репутаціей даровитаго военнаго человѣка, къ услугамъ котораго охотно прибѣгали. Немолодымъ уже возвратился онъ на родину и сразу занялъ здѣсь выдающееся положеніе. Смерть Казимира доставила Глинскому случай сплотить около себя русскихъ князей, которые и настояли на избраніи Александра Казиміровича, въ то время какъ польскимъ королемъ былъ избранъ старшій его братъ Янъ-Альбрехтъ; такимъ образомъ, предупреждалась опасность сліянія Литвы съ Польшей. Это обстоятельство, надо полагать, сблизило новаго великаго князя съ Глинскимъ, а личныя достоинства Глинскаго укрѣпили это сближеніе. Какъ бы то ни было, во все княженіе Александра (1492—1506 г.) Глинскій пользовался огромнымъ вліяніемъ, которое и употреблялъ на усиленіе членовъ своего рода и вообще представителей русской княжеской

партіи. Все это возбуждало неудовольствіе и подозрительность литовскихъ католическихъ вельможъ. Предубѣжденіе противъ Глинскаго въ ихъ средѣ было такъ велико, что, когда, въ моментъ смерти Александра, Глинскій очутился во главѣ литовскаго войска, собраннаго противъ татаръ, явилось общее опасеніе, что онъ воспользуется своимъ положеніемъ, чтобы произвести какой-нибудь крупный переворотъ: или захватить для себя великокняжескую власть, или оторвать Русь отъ Литвы, чтобы образовать самостоятельное княжество подъ протекторатомъ Москвы. Опасенія не оправдались, но, тѣмъ не менѣе, положеніе Глинскаго совершенно измѣнилось. Личная симпатія уже не связывала Глинскаго съ новымъ великимъ княземъ Сигизмундомъ I; къ тому же, можетъ-быть, послѣдній не былъ свободенъ и отъ подозрѣній на счетъ честолюбивыхъ замысловъ сильнаго магната, за спиною котораго стояла вся Приднѣпровская Русь, предводительствуемая его родственниками и пріятелями. Сигизмундъ сталъ понемногу отбирать какъ у князя Михаила, такъ и у остальныхъ Глинскихъ и ихъ сторонниковъ вліятельные уряды. Къ тому же, великій князь затягивалъ разборомъ личное судебное дѣло Глинскаго съ главнымъ его врагомъ, предводителемъ противной партіи, троцкимъ воеводой Забerezинскимъ, и видимо склонялся въ пользу противной Глинскому стороны. Были или нѣтъ раньше у Глинскаго какія-нибудь опредѣленные политическія намѣренія, но теперь, когда онъ убѣдился, что ничего не добьется у великаго князя, онъ обнаружилъ несомнѣнный замыселъ оторвать, при помощи Москвы, Русь отъ Литовскаго государства. Онъ удалился въ Туровъ и началъ тамъ собирать своихъ сторонниковъ, открывъ въ то-же время дѣятельныя сношенія съ московскимъ великимъ княземъ Василиемъ Ивановичемъ и перекопскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ. Кромѣ родственниковъ, къ Глинскому пристали мелкіе русскіе князья православной вѣры. Такъ какъ московскій государь опредѣленно обѣщалъ помощь, то Глинскій, воспользовавшись отъѣздомъ Сигизмунда въ Польшу, открылъ военныя дѣйствія въ самой Литвѣ (1508 г.) въ окрестностяхъ Гродно, гдѣ онъ прежде всего покончилъ со своимъ личнымъ врагомъ Забerezинскимъ. Затѣмъ онъ двинулся къ востоку навстрѣчу московскому войску, возбуждая русское населеніе отложиться отъ Литвы. Но здѣсь въ западной Руси онъ встрѣтилъ совсѣмъ иное отношеніе, чѣмъ на югѣ: тамъ жители Кіевской области откликнулись вполне сочувственно на призывъ отдѣленія отъ Литвы, и главнѣйшіе замки Сѣверской земли были заняты сторонниками Глинскихъ; земляне же Западнаго края, главная военная сила, находили шляхетскій строй, приближавшійся къ нимъ изъ Польши при посредствѣ Литвы, вполне для себя выгоднымъ и не желали отдѣленія. Въ то же время московское войско хотя и явилось къ верхнему Днѣпру, но стояло бездѣятельно, выжидая событій, а съ другой стороны приближался изъ Польши Сигизмундъ съ небольшимъ, но хорошо вооруженнымъ и опытнымъ польскимъ войскомъ, собирая свои литовскія силы. Московскій государь нашелъ рискованнымъ продолжать дѣло и заключилъ миръ съ литовскимъ великимъ княземъ: Глинскимъ предоставлено было право уйти въ Москву съ лишеніемъ, конечно,

Константиинъ Ивановичъ Князь Острожскій, Гетманъ Великаго Князя Литовскаго, защищеніемъ восточнаго Благочестія израспространя-
 во браяхъъ представитѣй. Многіе Церкви Божіе, ради отроковъ Филиппа
 странно приимучи, немощныхъ ради, въ Княжескии дворецъ Острожскій
 и вѣстальномъ Градѣ Литовскомъ Вмѣстѣ, создавши, оторучу Гитисъ —
 Маною, Пресвятіе Богородици Пелерскіе, домъ, щедрилыя пребоеатно —
 въ немже, яко ктиторъ Меминтии, по преставленіи своемъ, сподобися
 положенъ быти 1533 году.

всѣхъ недвижимыхъ имуществъ. Сигизмунду пришлось не мало времени потратить на раздачу земель и урядовъ „послѣ измѣнниковъ Глинскихъ“.

Быль и еще одинъ способъ, которымъ остатки удѣльныхъ князей южно-русскихъ выражали свой протестъ противъ централизаціи, надвигающейся на нихъ изъ Литвы: это уходъ въ Москву. Отходъ въ чужое государство членовъ высшаго сословія, князей и бояръ, есть исконный обычай того первичнаго государственнаго строя, который принято называть строемъ дружиннымъ. Остатки его долго держались въ обоихъ соседнихъ государствахъ, сплотившихъ элементы русской народности, какъ въ Московскомъ, такъ и въ Литовско-Русскомъ. Изъ Литвы уходили въ Москву даже Гедиминовичи, чѣмъ-нибудь недовольные на родинѣ: „бѣгали“ въ Москву Владиміръ Ольгердовичъ, Свидригайло, Патрикій Наримунтовичъ и др.

Но такой отходъ представлялъ мало интереса въ ту или другую сторону для государства, а для самой личности отходящаго былъ, конечно, лишь убыточень.

Между тѣмъ, изъ стараго обычая, при новыхъ условіяхъ, выросло нѣчто такое, въ чемъ государство уже было серьезно заинтересовано: это „отходъ князей съ вотчинами“. Конечно, осуществляться такой отходъ могъ лишь въ извѣстныхъ исключительныхъ обстоятельствахъ: а именно, когда вотчины лежали на порубежѣ двухъ государствъ. Такое порубежное положеніе между Литовскимъ и Московскимъ государствами занимала Сѣверская область Южной Руси, и отходъ въ Москву „съ вотчинами“ ея многочисленныхъ князей составлялъ въ описываемую нами эпоху едва-ли не самое чувствительное мѣсто и безъ того крайне натянутыхъ взаимныхъ отношеній Москвы и Литвы.

Сѣверщина своей западной и южной частью была присоединена къ Литовскому государству еще при Ольгердѣ; мелкіе-же князья восточной и сѣверной ея половины, колебавшіеся до тѣхъ поръ между Литвой и Москвой, склонились окончательно къ Литвѣ при Витовтѣ. Но къ концу правленія Казимира сѣверскіе князья, въ виду опасностей, угрожавшихъ имъ со стороны литовской политики, обнаружили тяготѣніе къ Москвѣ. Кое-кто изъ князей отошелъ въ подданство московскаго государя еще при жизни Казимира; другіе воспользовались той временной дезорганизаціей, которая наступала послѣ смерти одного государя до утвержденія новаго, отдѣлились отъ Литвы въ промежутокъ 1492—1494 г. Къ этой эпохѣ относится переходъ съ вотчинами, или дѣльницами своими, мелкихъ князей Воротынскихъ, Одоевскихъ, Новосильскихъ, Бѣлевскихъ, затѣмъ Перемышльскихъ и Мезецкихъ, собственно князей земли вятичей, а не сѣверянъ. Къ концу столѣтія 1499—1500 гг. признали верховную власть московскаго государя князь Бѣльскій и московскіе выходцы: князья Шемячичъ и Можайскій, которые оттянули за собой къ Москвѣ исконные древне-русскіе города: Черниговъ, Стародубъ, Новгородъ-Сѣверскій, Гомель, Бѣльскъ, Трубчевскъ „со многими волостями“. Такимъ образомъ, къ началу XVI вѣка большая часть бывшаго Чернигово-Сѣверскаго княжества добровольно отошла подъ покровительство Москвы: попытка Литвы силою удержать отдѣляющіяся земли окончилась большимъ пораженіемъ литовскаго войска на Ведроши (1499 г.), когда взять былъ въ московскій плѣнъ самъ зна-

менитый литовскій гетманъ князь Константинъ Ивановичъ Острожскій; осталая сѣверщина была присоединена къ Москвѣ. Въ силу перемирія (1503 г.) отъ Литвы отошло къ Москвѣ 319 городовъ и 70 волостей—территорія стараго Черниговскаго княжества.

Возстанія, описанныя выше, гдѣ за фигурами возмущившихся князей ясно видѣлись фигуры московскихъ собирателей русской земли—съ одной стороны, съ другой стороны добровольные уходы въ московское подданство цѣлыхъ территорий—все это были такіе краснорѣчивые факты, которые вызвали къ усиленному вниманію литовско-польскихъ правителей. Совершенно необходимы были, съ государственной точки зрѣнія, какія-нибудь мѣры, которыя, сближая русскій элементъ государства съ литовскимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сближали-бы оба эти элемента съ польскимъ, чтобы приготовить такимъ образомъ почву для настоящаго политическаго объединенія, для созданія одного цѣльнаго, сильнаго политическаго тѣла. Выходъ изъ затрудненія подсказывался положеніемъ: это—законодательное переустройство литовско-русскаго общества по образцу общества польскаго. Литовско-русское военно-служилое сословіе, превращенное, по образцу польскому, въ шляхетство, представляло, съ одной стороны, противовѣсъ князьямъ, все еще сильнымъ остатками своихъ правъ съ ихъ противогосударственными и сепаратистическими стремленіями; съ другой стороны, новыя шляхта должна была тянуть къ Польшѣ, въ союзъ съ которой она должна была видѣть гарантію своимъ правамъ. Созданіемъ этой-то новой и сильной опоры своимъ цѣлямъ и заняты всѣ Ягеллоны, обнаруживая въ этомъ направленіи усиленную дѣятельность, свидѣтельствующую о томъ, какое значеніе придавали они этой сторонѣ своей внутренней политики.

Начиная съ самого Ягайла, всѣ великіе князья Ягеллоны издають рядъ „земскихъ привилеевъ“ (привилегій) или просто шляхетскихъ грамотъ—актовъ, имѣющихъ цѣлью обратить литовско-русское дружинное сословіе, боярство, въ шляхту. По буквальному смыслу этихъ „привилеевъ“, тѣ права, какими они надѣляютъ боярство, есть права имущественныя: земельныя владѣнія, которыми бояре пользовались до тѣхъ поръ на разнообразныхъ условіяхъ, въ зависимости отъ службы, договора съ господаремъ или его усмотрѣнія, обращаются постепенно въ ихъ безусловную собственность. Но за этими, по существу, имущественными правами и въ прямой зависимости отъ нихъ стоятъ важныя права политическія. Пока владѣніе было условное, боярство дѣлило свои права на землю съ тѣмъ классомъ, который сидѣлъ на этой землѣ, т.-е. съ крестьянствомъ, по современной терминологіи; когда условное владѣніе превратилось въ безусловную собственность, всѣ права стали отходить на одну сторону, оставляя другой сторонѣ лишь обязанности. Измѣненіе имущественныхъ правъ повлекло за собой политическое господство одного класса надъ другимъ. Боярское сословіе, облеченное полнотою имущественныхъ правъ, дающихъ ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, и господство надъ народной массой, получаетъ доступъ и къ высшимъ функціямъ управленія; великіе князья даютъ ему право сеймованья и, вообще, отказываются въ пользу его отъ доли своихъ самодержавныхъ правъ, которыми они до тѣхъ поръ дѣлились лишь съ магнатами. Каждый привилей

каждаго великаго князя постоянно прибавляетъ что-нибудь къ этимъ шляхетскимъ правамъ, пока вся эта нагроможденная масса привилеевъ не разворачивается въ Литовскій Статутъ, первоначальная редакція котораго принадлежитъ Сигизмунду I *), этотъ кодексъ „земскихъ“, но, собственно говоря, шляхетскихъ правъ, гдѣ о другихъ классахъ населенія упоминается лишь какъ о ничтожномъ придаткѣ къ господствующему классу, занимающему собою общественную арену.

Шляхетскія права двухъ первыхъ привилегій временъ Ягайла не распространялись на русское боярство, имѣя въ виду только лицъ, принявшихъ католичество. Но повидимому это ограниченіе не имѣло силы уже и до Казимира, а съ Казимира оно не вносится больше ни въ одинъ законодательный актъ. Религіозныя подражанія должны были уступить мѣсто политическимъ. Русское православное боярство, наравнѣ съ литовскимъ католическимъ, приобщается постепенно ко всей полнотѣ шляхетскихъ правъ. Кромѣ общеземскихъ грамотъ дѣйствіе которыхъ распространяется и на русскія земли, до насъ дошли еще двѣ грамоты областныхъ, представляющія собою подтвержденіе общихъ положеній и нѣкоторое детальное ихъ развитіе въ примѣненіи къ боярству южно-русскому. Это уставныя грамоты землямъ Кіевской и Волынской 1507—9 г., т.-е., правильнѣе сказать, шляхетству этихъ земель. Изъ этихъ грамотъ видно, что удѣльныхъ князей съ ихъ особенными правами въ это время уже не было, по крайней мѣрѣ, въ Кіевской и Волынской областяхъ. Но зато все военно-служилое сословіе надѣлялось правами, напоминающими старыя княжескія права, напр., правомъ суда, по отношенію къ населенію своихъ имѣній.

Такимъ образомъ, цѣлесообразная внутренняя политика Ягеллоновъ крайне ослабила тѣ стремленія къ обособленію, которыя начали-было проявляться въ Южной Руси, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, подготовила почву къ политическому сліянію съ Польшей. Бездѣтность послѣдняго изъ Ягеллоновъ, Сигизмунда II Августа, (1548—1572 гг.) снова поставила ребромъ вопросъ о полной уніи, о сліяніи двухъ государствъ, связанныхъ династически, въ одно политическое тѣло. Съ его смертію необходимо долженъ былъ прекратиться династическій союзъ Литвы съ Польшей, и могъ прекратиться безповоротно. Для Польши и для Сигизмунда-Августа, какъ польскаго короля, проникнутаго польскими интересами, эта перспектива представлялась грозной опасностью; конечно, и литовско-русское шляхетство должно было болѣе или менѣе раздѣлять эти опасенія. Но литовскіе магнаты, которые держали въ своихъ рукахъ управленіе государствомъ въ отсутствіе великихъ князей, проживавшихъ въ Польшѣ, были рѣшительно противъ уніи. Тѣмъ не менѣе, Польшѣ и Сигизмунду-Августу, какъ представителямъ польскихъ интересовъ, удалось, опираясь на молчаливыя симпатіи шляхетскихъ массъ, сломить это сопротивленіе, а Люблинскій сеймъ 1569 г., которымъ Литовско-Русское государство слито было съ Польшей въ одно политическое тѣло, легъ новой гранью и въ исторіи южно-русскаго народа.

*) Первая ред. 1529 г., 2-ая—1566 г., 3-я—1588 г.

Во всей этой длительной, тревожной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень точно переданной въ назиданіе потомству, хроникѣ Люблинскаго сейма, самая любопытная для насъ сторона—та пассивность, съ какой держали себя представители Южной Руси. Пассивность эта дѣлается особенно интересной въ виду того, что именно южно-русскія области доставили, польской, наступающей, сторонѣ сейма возможность нанести сторонѣ обороняющейся, литовской, тотъ окончательный ударъ, которымъ „Литвѣ были оборваны крылья“, по выраженію самыхъ заинтересованныхъ лицъ. Дѣло въ томъ, что литовскіе магнаты, чувствуя силу не на своей сторонѣ, задумали помѣшать сейму тѣмъ, что тихонько его оставили. Но польскіе депутаты, вмѣсто того, чтобы также развѣхаться по домамъ, какъ того ожидали литвины, задумали сдѣлать, пользуясь ихъ отсутствіемъ, рѣшительный шагъ: опираясь на небольшое число оставшихся литовско-русскихъ представителей, какъ-бы узаконяющихъ своимъ участіемъ постановленія сейма, они объявили присоединенными къ Польшѣ Подлясье и Волынь; вслѣдъ за тѣмъ такимъ-же путемъ была присоединена къ Польшѣ и Кіевская земля съ восточнымъ Подолемъ. Южная Русь, присоединенная такимъ образомъ почти въ полномъ своемъ составѣ къ Польшѣ, необходимо влекла за собой остальную литовскую территорію: могла-ли дорожить своею самостоятельностью Литва, лишенная лучшихъ областей своего государства? Очевидно, шляхетные представители Южной Руси на Люблинскомъ сеймѣ уже не видѣли никакихъ опасностей въ присоединеніи своихъ областей къ Польшѣ. И, однако, опасности эти обнаружились, къ несчастью, слишкомъ скоро.

А, между тѣмъ, со стороны степной окраины уже успѣли сложиться новыя политическія условія, которыя оказались для Южной Руси не менѣе важными, чѣмъ и сама Люблинская унія. Можно сказать, не опасаясь особенно упрековъ въ натяжкѣ, что дальнѣйшая политическая судьба нашей территоріи двинулась по равнодѣйствующей этихъ двухъ политическихъ вліяній: государственнаго союза съ Польшей и давленія со стороны Крымскаго ханства.

Къ половинѣ XV вѣка Крымское ханство уже успѣло окончательно отдѣлиться отъ Золотой орды, пользуясь, между прочимъ, для этого и поддержкой Литовскаго государства. Это послѣднее, придвинувшись при Витовтѣ къ низовьямъ Днѣпра и Днѣстра, вплоть до берега Чернаго моря, властвовало надъ степью своими крѣпостями: на Днѣпрѣ мы видимъ укрѣпленія Канева, Черкасъ; въ рукахъ Литовско-Русскаго государства находился главный пунктъ переправы черезъ нижній Днѣпръ—островъ Тавань; наконецъ, были литовско-русскія укрѣпленія на мѣстѣ нынѣшней Одессы, на устьѣ Днѣстра и выше устьевъ его. Немудрено поэтому, что Хаджи-Гирей, первый ханъ династіи Гиреевъ, считалъ себя подручнымъ великаго князя литовскаго. Но положеніе дѣлъ скоро и круто измѣнилось.

Въ Европѣ водворились турки и дали иное направленіе политикѣ только-что сложившагося Крымскаго государства. Оно неизбежно должно было войти въ общій союзъ магометанскихъ государствъ, подъ главенствомъ Турціи, и

тѣмъ самымъ занять враждебное положеніе по отношенію ко всѣмъ представителямъ міра христіанскаго. Второй ханъ династіи Гиреевъ—Менгли, уже россалъ Высокой Порты, начинаетъ ожесточенную и, благодаря содѣйствію турокъ, очень успѣшную борьбу съ Литовско-Русскимъ государствомъ. Взявши Кіевъ (1482), онъ опустошилъ его такъ, что едва-ли это новое его разореніе не превосходило то, которое было произведено Батыемъ; въ Кіевской землѣ уцѣлѣли почти только одни укрѣпленныя мѣста и поселенія около замковъ; считаютъ, что изъ своего набѣга на Волынь онъ вывелъ до ста тысячъ плѣнныхъ. Но самое главное то, что онъ отодвинулъ снова Литовско-Русское государство отъ Чернаго моря, захватилъ низовья Днѣпра своими городками, которые онъ устраивалъ, пользуясь указаніями и помощью турокъ: напр., городокъ Очаковъ на устьѣ Днѣпра, Инкерманъ на Таванскомъ перевозѣ.

Начиная съ Менгли-Гирея, залегла между населенной территорій Кіевской земли и татарскими кочевьями широкая и пустынная степная полоса, извѣстная въ теченіе слѣдующихъ столѣтій подъ именемъ „дикаго поля“, арены постоянныхъ мелкихъ кровавыхъ стычекъ, не отмѣченныхъ никакой исторіей. Крымское государство сразу выяснило свою политику и неуклонно придерживалось ея до самаго конца. Политика эта была очень проста: жить на счетъ своихъ христіанскихъ сосѣдей—Московского и Литовскаго государствъ.

Задача эта облегчалась для татаръ тѣмъ, что сосѣди ихъ находились въ непримиримой враждѣ между собой, враждѣ, которой не было исхода: слишкомъ много было поводовъ для постоянныхъ столкновеній на длинной пограничной линіи, шедшей всюду черезъ русскія области, оттягиваемыя то въ ту, то въ другую сторону двумя государственными центрами. Крымъ извлекалъ изъ этой вражды безконечныя выгоды: то разорялъ Литву въ союзѣ съ Москвою, всегда крайне опустошительныхъ, независимо отъ всякой политики, отъ государственныхъ союзовъ или договоровъ, татарскіе степные кочевники, а частью и осѣдлые татары полуострова, постоянно нападали на русскія окраины ради добычи и, главное, „полона“. Русскіе невольники стали главной статьей оборота экономической жизни Крыма: на нихъ лежалъ производительный трудъ внутри полуострова, и они же служили важнѣйшимъ предметомъ торговаго сбыта не только для ближайшихъ, но и для отдаленныхъ рынковъ Азіи и Африки. Литовская, иначе „королевская“, Русь была для Крыма въ этомъ отношеніи привлекательнѣе, чѣмъ Московская; здѣшніе плѣнники цѣнились выше, какъ болѣе прямые и простодушные *). Такимъ образомъ, Южная Русь сдѣлалась для крымскихъ татаръ чѣмъ-то въ родѣ питомника или иного хозяйственнаго учрежденія, откуда они извлекали продуктъ, по мѣрѣ надобности въ немъ. Русскіе невольники, по свидѣтельству Михалона, у татаръ были всегда подъ руками для всякаго хозяйственнаго оборота, и никакой татаринъ, хотя бы у него въ данный моментъ не было ни одного раба, если только онъ имѣлъ коня для похода, не затруднялся заключить договоръ о

*) Свидѣтельство Михалона Литвина.

доставкѣ къ извѣстному сроку такого-то количества русскихъ невольниковъ: „и эти обѣщанія вѣрно исполняются, какъ-будто наши люди у нихъ всегда на задворьяхъ, въ загоняхъ“.

Такимъ образомъ, Южная Русь жила подъ угрозой постоянной и крайней опасности. Государство должно было-бы взять на себя ея защиту, но ни Литовско-Русское государство до Люблинской уніи, ни Польско-Литовское послѣ нея, не имѣло достаточно силъ, чтобы организовать какъ слѣдуетъ защиту такой отдаленной окранны, какъ Южная Русь, съ ея совершенно открытой степной границей. Оно вынуждено было оставить эту защиту на плечахъ самого населенія. Но только населеніе, не обезоруженное государствомъ, а крѣпко и умѣло держащее оружіе въ собственныхъ рукахъ, и могло создать тотъ героическій эпосъ, какой представляетъ собою дальнѣйшая исторія Украинской Руси. Украинское козацество явилось на свѣтъ только потому, что подъ бокомъ существовало разбойниче Крымское ханство.

Вотъ въ какомъ смыслѣ сказали мы выше, что существованіе Крымскаго ханства было одною изъ двухъ главныхъ причинъ, опредѣлившихъ собою дальнѣйшія политическія судьбы Южной Руси.

II.

Исторія Южной Руси въ составѣ великаго княжества Литовскаго отдѣлена отъ такъ-называемаго удѣльнаго ея періода значительнымъ промежуткомъ, совершенно темнымъ. Точно глухая стѣна, безъ всякаго просвѣта, залегла между этими двумя историческими эпохами. И если нельзя, безъ допущенія болѣе и менѣе произвольныхъ предположеній, связать между собою политическую, внѣшнюю, исторію этихъ эпохъ, то относительно исторіи внутренней трудности представляются еще болѣе значительными. Когда мы, начиная съ XV—XVI вв., получаемъ возможность осмотрѣться въ томъ, что представляетъ собою литовско-русское общество, то передъ нами возстаетъ картина, какъ-будто не имѣющая ничего общаго съ социальными явленіями эпохи удѣльной. Иной строй, иные общественныя отношенія, иные учрежденія, иные обычаи и нравы...

Невольно является сомнѣніе: не другое-ли общество передъ нами, не имѣющее ничего родственнаго съ тѣмъ старымъ извѣстнымъ намъ, древнерусскимъ обществомъ? И только внимательное дальнѣйшее углубленіе въ факты, проникающее за поверхность явленій, открываетъ скрытыя связи и позволяетъ съ увѣренностью заключить, что мы имѣемъ дѣло не съ двумя разными обществами, а съ двумя фазами развитія одного и того-же общественнаго организма.

Прежде всего инымъ является само государство, что можно видѣть и изъ сдѣланнаго выше очерка внѣшней исторіи. Въ удѣльный періодъ нѣтъ государства, а есть скорѣе собраніе государствъ, такъ какъ каждое княжество представляется независимымъ въ политическомъ отношеніи. Литовско-Русское государство уже есть несомнѣнно государство, хотя еще очень далекое отъ позднѣйшей сплоченности его частей.

Волинская, Кіевская, Подольская области многое сохранили изъ своей

областной самобытности, коренившейся въ исконныхъ племенныхъ различіяхъ, долго питавшихся политической обособленностью.

Но центральная власть, сосредоточенная въ Вильнѣ, хотя и твердила постоянно, что мы-де „старины не рухаемъ, новины не уводимъ“, тѣмъ не менѣе, постоянно вводила новину, направляя понемногу разнообразіе областной жизни въ одно общее русло.

Великій князь литовскій имѣетъ съ великимъ княземъ кievскимъ только общее названіе. Даже въ то время, когда въ Литовско-Русскомъ государствѣ были еще такіе значительные удѣлы, какъ удѣлъ кievскій, все-таки отношеніе удѣльнаго князя къ великому мало напоминало старыя взаимныя отношенія древне-русскихъ князей. Правда, удѣльный князь все-таки еще отличался отъ позднѣйшаго великокняжескаго намѣстника или воеводы тѣмъ, что онъ „держалъ землю на себя“, въ то время какъ намѣстникъ „держалъ ее на великаго князя“. Это значитъ, что удѣльный князь пользовался доходами своей земли и располагалъ ими по своему усмотрѣнію. Но въ то-же время онъ все-таки получалъ удѣлъ „съ руки“ великаго князя, обязывался быть ему „вернымъ и послушнымъ“, „противъ его никогда не быть ни однимъ временемъ“ и т. д.

Тѣ изъ удѣльныхъ князей, которые не получали удѣловъ отъ великаго князя, а владѣли ими на правахъ исконныхъ вотчинниковъ, какъ, напримѣръ, мелкіе Чернигово-Сѣверскіе князья дома Владиміра Св., тѣ также давали обязательства „служить вѣрно, безъ всякой хитрости и во всемъ быть послушными“. Это уже, собственно, не удѣльные, а „служебные“ князья. Повидимому, литовскіе господа (великіе князья) вмѣшивались и въ нѣкоторыя стороны внутренней жизни земель, управляемыхъ удѣльными князьями, напримѣръ, въ военную службу и связанную съ нею раздачу земель.

Ягеллоны уничтожили послѣдніе остатки удѣльной системы, и на всей территоріи водворился механизмъ центрального великокняжескаго управленія. Механизмъ этотъ, впрочемъ, былъ очень простъ и мало вносилъ существенныхъ измѣненій. Даже территоріальныя подраздѣленія остались тѣ-же самыя, переданныя удѣльной эпохой, съ тою разницей, что старыя княжества стали называться землями, волостями, позже повѣтами. Во главѣ правительственныхъ округовъ стояли теперь, вмѣсто князей, великокняжескіе намѣстники, которые „держали на великаго князя“ „до его воли“ или „до живота“, т.-е. собирали въ пользу господара доходъ съ этихъ округовъ, пользуясь для себя лишь „кормами“,—въ этомъ и заключалось существо перемѣны. Намѣстникъ, какъ и князь, котораго онъ замѣнялъ, сосредоточивалъ въ своемъ лицѣ всѣ отрасли управленія, какъ судебнаго, такъ и административнаго характера. Все, чего онъ не могъ исполнить лично, онъ поручалъ отъ себя своимъ намѣстникамъ и тиунамъ съ приставленными къ нимъ „писарями“ или „заказникамъ“. „Заказниками“ называлась вся та масса лицъ, которыхъ власть привлекала для отбыванія специальныхъ порученій, и которыя получали вознагражденіе отъ исполненнаго порученія, въ видѣ кормовъ и пошлинъ со стороны населенія: первобытное устройство общественнаго механизма не позволяло обходиться безъ этихъ случайныхъ подпорокъ и пристяжекъ. Кромѣ того, и великій

князь могъ самъ въ территоріальномъ районѣ намѣстника брать на себя ту или иную отрасль, то или другое дѣло и поручать его уже отъ себя, обыкновенно, какъ награду за службу, какому-либо князю или боярину. Нѣсколько позже появляются для намѣстниковъ названія воеводъ, старостъ, державцовъ.

На территоріи Южной Руси было только одно воеводство—Кіевское, въ соотвѣтствіи со старымъ значеніемъ удѣльнаго Кіевского княжества. Но огромное пространство воеводства необходимо требовало территоріальныхъ подраздѣлений. Поэтому въ документахъ упоминаются намѣстники отдѣльныхъ волостей Кіевской земли, частью великокняжескіе, частью воеводскіе: Мозырскій, Брягинскій, Овручскій, Чернобыльскій, Звягольскій (Звяголь—Новградъ-Волинскій), Житомирскій, Черкасскій, Каневскій. Это перечисленіе намѣчаетъ, до нѣкоторой степени, тогдашніе предѣлы Кіевского воеводства, но далеко не полно, такъ какъ Кіевское воеводство захватывало и лѣвобережье Днѣпра. Приблизительныя границы Кіевской области этого періода были такія: съ юга Росъ и ея притоки, причемъ по самому Днѣпру предѣлъ Кіевской земли спускался приблизительно до устья Тясмина; съ запада рр. Случь и Уборть, Припеть; на лѣвомъ же берегу Днѣпра Кіевское воеводство захватывало нижнее теченіе Десны, почти все Посемье, Посулье, бассейны Псла, Ворсклы и верхняго Донца до Оскола—мѣстности, пока еще только ожидавшія заселенія.

Такъ какъ Волинская земля долго дѣлилась на три удѣла,—Кременецкій, Владимірскій и Луцкій,—то это раздѣленіе отразилось и на дальнѣйшей организаціи ея управленія. Изъ трехъ намѣстниковъ, смѣнявшихъ собою удѣльныхъ князей, старшинство принадлежало Луцкому въ силу того, что Луцкій удѣлъ былъ и самымъ большимъ и существовалъ дольше другихъ. Этотъ глава земли Волинской носилъ титулъ старосты, съ которымъ раздѣлялъ власть, какъ его помощникъ, маршалокъ земли Волинской. Земля Волинская, въ составѣ трехъ ея повѣтовъ, занимала въ это время территорію нынѣшней Волинской губерніи по Случь, но съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ пограничныхъ мѣстностей Пинскаго уѣзда Минской губерніи, Тарнопольскаго и Бродскаго округовъ восточной Галиціи.

Та часть Подольской земли, которая находилась въ предѣлахъ Литовско-Русскаго государства, собственно такъ-называемое Побужье, распадалась по управленію на два намѣстничества: Брацлавское и Винницкое. Территорія Побужья ограничивалась приблизительно линіями рѣкъ: лѣваго притока Днѣстра—Ягорлыка, притоковъ Буга—Кодыми и Синюхи съ Высью, и праваго притока Днѣпра—Тясмина.

Земли княжествъ Черниговско-Сѣверскихъ съ началомъ XVI в. отошли со своими князьями къ Москвѣ. Земли территоріи Туровско-Пинской, раньше всѣхъ другихъ земель Южной Руси присоединенныя къ Литвѣ, вошли по управленію въ составъ Троцкаго воеводства, которое, вмѣстѣ съ воеводствомъ Виленскимъ, обнимало собою большую часть земель Литовско-Русскаго государства, представляя собою остатокъ того политическаго дуализма, который водворили въ Литвѣ Ольгердъ и Кейстутъ.

Но если областныя учрежденія носят на себѣ ясныя слѣды своей связи съ эпохой предыдущей, удѣльной, то учрежденія центральныя уже представляютъ собою нѣчто новое, неизвѣстное эпохѣ удѣльной.

Значеніе великаго князя литовскаго поднялось до власти „пана зверхняго“ подѣ жадное право не подданнаго“ (верховнаго господина, не подчиненнаго никакому праву). Это совсѣмъ не значить, чтобы мы имѣли дѣло съ неограниченнымъ произволомъ. Наоборотъ: власть эта была очень ограничена, — и прежде всего обычаемъ; но затѣмъ было и болѣе осязательное ея ограниченіе въ лицѣ „рады“ или „пановъ рады“.

Литовская „рада“, какъ и московская боярская дума, есть дальнѣйшее развитіе княжеской думы удѣльнаго періода. По понятіямъ древней Руси, князь не долженъ былъ „думать“, т.-е. обдумывать и постановлять какое-нибудь рѣшеніе по государственному дѣлу, безъ совѣта. Но ему не ставилось въ обязанность совѣтоваться съ тѣмъ или другимъ, а обстоятельства сами указывали, кто наиболѣе годился въ данномъ случаѣ для совѣта. Естественными и самыми сподручными совѣтниками князя были мужья его старшей дружины, дѣлившіе съ нимъ заботы о защитѣ страны и ея управленіи; но затѣмъ онъ могъ обращаться за совѣтомъ къ кому угодно, и обращался нерѣдко къ духовенству, а также къ народу. Вообще, употребительное названіе „княжеская дума“ не совсѣмъ схватываетъ духъ отношеній эпохи удѣльной. Это не дума, а собраніе думцевъ, частью случайныхъ, а если и постоянныхъ, то въ силу удобства, а не принципа.

Сначала и „рада“ великаго княжества литовскаго отражаетъ на себѣ этотъ первоначальный характеръ случайнаго собранія думцевъ; „и иныхъ много добрыхъ (людей) при томъ было“, — прибавляетъ документъ временъ Свидригайла послѣ перечисленія нѣсколькихъ радныхъ пановъ, скрѣпившихъ великокняжеское пожалованіе своими подписями. Но рада стремится къ тому, чтобы изъ случайнаго сдѣлаться постояннымъ и правильно организованнымъ учрежденіемъ. Званіе радныхъ пановъ начинаетъ сосредоточиваться въ рукахъ небольшого числа членовъ высшей поземельной аристократіи. Рѣшительнымъ шагомъ въ этомъ направленіи былъ привилей Александра Казиміровича (1492 г.), которымъ великій князь обязуется ничего не дѣлать безъ согласія рады, не раздавать безъ нея должностей и имѣній, не распоряжаться доходами государства. Развитие рады теперь сдѣлало такіе успѣхи, что можно опредѣлить ея составъ, который, слѣдовательно, является уже величиной, болѣе или менѣе постоянной. Права радныхъ пановъ принадлежали извѣстнымъ земскимъ и придворнымъ чинамъ, католическимъ епископамъ и нѣкоторымъ княжескимъ фамиліямъ, причемъ преобладающую роль играли земскіе сановники и епископы. Правомъ, а вмѣстѣ и обязанностью, рады было обсужденіе вмѣстѣ съ великимъ княземъ всѣхъ важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ, независимо отъ особенностей ихъ характера. Но, чтобы понять настоящее значеніе рады, надо припомнить, что великіе князья литовскіе Ягеллоны, какъ польскіе короли, проводили болѣшую часть времени въ Польшѣ, лишь наѣзжая въ Литву, а въ ихъ отсутствіе рада представляла собою особу великаго князя, которому посылала доклады лишь по болѣе важнымъ дѣламъ, сама рѣшая остальные.

Тѣмъ не менѣе, въ организаціи рады все еще отражалась ея связь со старой княжеской думой. Такъ, напримѣръ, всѣ члены рады въ полномъ своемъ составѣ лишь два раза въ годъ съѣзжались въ Вильно „на сеймъ“ или „съемъ“; въ остальное время рада составлялась все-таки, въ извѣстномъ смыслѣ, случайно изъ тѣхъ радныхъ пановъ, кто по обязанностямъ своей земской или придворной службы жилъ въ Вильнѣ или пріѣзжалъ туда на время.

Но кромѣ этихъ высшихъ органовъ центральной власти, т.-е. великаго князя и рады, уже были въ это время и нѣкоторые низшіе центральные органы, завѣдывавшіе отдѣльными отраслями управленія. Это уже какъ-бы министерства, хотя еще и въ зачаточномъ видѣ. Есть гетманъ, вѣдающій военное дѣло государства, канцлеръ, какъ-бы министр иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ, маршалокъ, представляющій собою органъ высшей полиціи, и, наконецъ, подскарбій, т.-е. министр финансовъ. Здѣсь, въ организаціи этихъ вѣдомствъ, какъ и въ самыхъ названіяхъ, нельзя не видѣть воздѣйствія Польши, которая подъ вліяніемъ Западной Европы успѣла уйти значительно впередъ въ дѣлѣ развитія государственнаго благоустройства.

Систему центрального государственнаго управленія заключали собою, наконецъ, „съѣзды земель“ или сеймы для выбора великаго князя. Рада приглашала въ такомъ случаѣ земли на общій сеймъ. Сохранилось одно такое обращеніе пановъ рады, послѣ смерти Казимира, „къ братьямъ и пріятелямъ милымъ, князьямъ, панамъ и землянамъ земли Волынской“, съ предложеніемъ пріѣхать въ Вильно на день Святаго Ильи въ числѣ десяти-двадцати, „або колько ся увидитъ старшихъ“. Къ концу описываемаго періода эти эстренные съѣзды земель смѣнились правильными сеймами по польскому образцу; а въ то-же время мѣсто старыхъ общенародныхъ вѣчъ, замѣнившихся въ земляхъ Кіевской, Волынской и Подольской областными сеймами, о дѣятельности которыхъ, впрочемъ, знаемъ мы слишкомъ мало, заступили, со времени Люблинской уніи, извѣстные шляхетскіе сеймики. Въ общемъ отношенія между государствомъ и обществомъ еще были таковы, что для общественной самостоятельности оставалось широкое поле.

Но что-же представляло собою теперь это общество?

Князья, паны, земяне, бояре, рыцарство, шляхта, дворяне, слуги, далѣе мѣстичи или мѣщане, наконецъ, люди черные, волостные, тяглые, данники, вотчичи, путники, бобровники, похожіе и непохожіе, закладни, всѣ эти и многія другія, встрѣчающіяся въ памятникахъ данной эпохи названія, сверхъ тѣхъ названій, которыя относятся къ духовенству и рабамъ,—все это заставляетъ предполагать, что мы имѣемъ дѣло съ очень сложнымъ социальнымъ строемъ, представляющимъ совокупность значительнаго числа разнообразныхъ сословныхъ группъ. Простота строя эпохи удѣльной не имѣетъ, повидимому, ничего общаго съ этимъ разнообразіемъ общественныхъ формъ, укрывающимъ собою, какъ можно бы предполагать, и разнообразіе общественныхъ отравленій и отношеній. Но это заключеніе будетъ ошибочнымъ. На самомъ дѣлѣ между обществомъ удѣльной и разсматриваемой эпохи вовсе нѣтъ такой большой разницы. Разнообразіе здѣсь только кажущееся: это больше разнообразіе названій, чѣмъ формъ и понятій.

Прежде всего, и теперь сохранилась та демаркаціонная линія, которая дѣлила въ удѣльномъ періодѣ общество на два слоя: верхній, т.-е. дружинный, или служилый, и нижній, заключавшій въ себѣ всю массу народа, прикрѣпленнаго къ землѣ своимъ трудомъ или промысломъ. „Земля и люди“ еще ясно противопоставляются „князьямъ и боярамъ“. Но внутри этихъ слоевъ произошли извѣстные измѣненія и возникли не существовавшіе въ удѣльный періодъ отѣнки, оправдывающіе до извѣстной степени указанное выше разнообразіе терминовъ. Затѣмъ верхній слой общества уже успѣлъ окончательно обратиться въ высшій, нижній—въ низшій.

Лица высшаго класса являются намъ въ удѣльную эпоху подъ названіемъ: дружины, старшей и младшей, бояръ, мужей и слугъ, отроковъ княжескихъ. Теперь это „князья, паны, земяне, бояре, рыцарство, шляхта, дворяне, слуги“. Князья—это потомки Гедимины и Владиміра Св., потерявшіе свои владѣтельныя права и перешедшіе въ служилый классъ, какъ объ этомъ уже было говорено выше; паны—спеціальный терминъ для обозначенія тѣхъ членовъ высшаго класса, которые пользовались правомъ участія въ радѣ; шляхта и рыцарство—польское названіе для лицъ высшаго класса, ничего собою не опредѣлявшее до тѣхъ поръ, пока сама жизнь путемъ законодательнаго воздѣйствія не усвоила себѣ положеній польскаго права. Такимъ образомъ, за упомянутымъ ограниченіемъ, оказывается, что терминологія разсматриваемой эпохи, по отношенію къ высшему классу, не такъ разнится отъ терминологіи эпохи удѣльной, какъ это можетъ показаться съ перваго раза. Но нѣкоторые различія существеннаго характера, тѣмъ не менѣе, опредѣлились.

Дружинный, т.-е. высшій, классъ эпохи удѣльной характеризуется своимъ свободнымъ отношеніемъ къ князю. Онъ беретъ на себя, какъ-бы по договору, обязанность защиты земли и дѣлитъ съ княземъ труды по управленію этой землей. За то онъ получаетъ отъ князя жалованье въ видѣ опредѣленныхъ цѣнностей и корма со стороны населенія. Если лѣтопись и упоминаетъ боярскія „села“, тѣмъ не менѣе, очевидно, что землевладѣніе не является постояннымъ и необходимымъ признакомъ членовъ дружиннаго сословія. Въ разсматриваемую эпоху положеніе дѣлъ, очевидно, иное. Въ началѣ этого періода мы еще находимъ слѣды старыхъ, такъ сказать, дружинныхъ отношеній: „и маеть онъ намъ вѣрнымъ быть“—договаривается великій князь Свидригайло съ однимъ выходцемъ изъ Сѣверской земли, который явился къ великокняжескому двору „значне и оказале“: „а съ кимъ мы будемъ смирны и онъ зъ нами, а съ кимъ не смирны, ино и онъ противко тому маеть быти не смиренъ“... Но этотъ договорный характеръ отношеній, продержавшійся нѣсколько дольше въ отношеніи къ великому князю удѣльныхъ и служебныхъ князей, наконецъ, совершенно исчезаетъ: члены высшаго сословія дѣлаются такими-же подданными, хотя и привилегированными, своего господаря, какъ и остальные люди непривилегированные.

Обязанности высшаго класса тѣ-же, что и прежде: какъ и въ старину онъ раздѣляетъ съ великимъ княземъ труды по защитѣ страны и по управленію этой страной. Но произошло одно измѣненіе, крайне важное по своимъ

результатамъ. Въ удѣльную эпоху защита страны лежала на личности дружинника, обязаннаго къ тому договорными отношеніями съ княземъ, или „людина“, вынуждаемаго вѣншей необходимостью. Можетъ-быть, уже въ удѣльную эпоху заложены были основы и иныхъ отношеній, но, во всякомъ случаѣ, развитіе ихъ мы можемъ наблюдать лишь въ эпоху разсматриваемую, которая отдѣлена отъ удѣльной значительнымъ промежуткомъ времени, совсѣмъ лишеннымъ освѣщенія. Теперь защита страны, т.-е. военная служба находится въ самой тѣсной связи съ землей. Определенной единицы по землевладѣнію соответствуетъ определенная единица по отбыванію военной службы (напримѣръ, со столькихъ-то дворищъ, представляющихъ такое-то число земельныхъ единицъ, идетъ одинъ человекъ въ такомъ-то вооруженіи и т. д.)—вотъ основной принципъ даннаго общественнаго строя. Но какъ-же отражалось это новое условіе на положеніи высшаго сословія?

Оно отражалось такъ:

Высшій классъ, для котораго военное дѣло было искони стихіей его существованія, теперь выступилъ естественнымъ посредникомъ между государствомъ и народной массой. Великій князь, какъ представитель государства, жалуетъ тому или другому представителю этого высшаго класса службу, т.-е. дворище или село, вообще населенную земельную единицу, или округъ, т.-е. извѣстную совокупность такихъ единицъ, жалуетъ или „до своей господарской воли“, или „до живота“ (пожизненно), или „до двухъ животвъ“ (пожизненно для жалуемаго и его наслѣдника), или, наконецъ, вѣчно, т.-е. безъ опредѣленія срока. Кромѣ своей личной службы, всегда конной и съ тяжелымъ вооруженіемъ, жалуемый обязывается поставить государству съ своего пожалованія, сообразно его размѣрамъ, столько-то коней, столько-то стрѣльцовъ и т. д. При Сигизмундѣ I Старомъ всѣ эти отношенія подвергнуты были точному вычисленію и опредѣленію. Вступая въ распоряженіе территорію съ ея населеніемъ, получившій такое пожалованіе (который „жилъ на тѣхъ людяхъ“) пользовался, вмѣстѣ съ тѣмъ, и правомъ на кормъ и иныя „пошлины“ со стороны населенія, извѣстную часть которыхъ ему уступало государство въ награду за его службу и услуги. Вотъ въ какомъ видѣ представляются намъ тѣ первоначальныя отношенія, которыя мы безъ разбора подводимъ подъ одну общую категорію поземельной собственности.

Такимъ образомъ, сравнивая удѣльную эпоху съ той, о которой идетъ рѣчь, мы усматриваемъ въ послѣдней огромное преобладаніе крупной поземельной собственности, о которой раньше почти нѣтъ и помину. Но насколько эти отношенія заслуживаютъ названіе поземельной собственности, это видно изъ сказаннаго выше. Однако, было лишь вопросомъ времени, когда это условное держаніе должно было обратиться въ настоящее право собственности. И мы видѣли выше, какъ быстро совершался процессъ этого обращенія подъ вліяніемъ идей, проникавшихъ вмѣстѣ съ религіей и культурой запада и поддерживаемыхъ политическими причинами, о которыхъ уже была рѣчь въ очеркѣ вѣншей исторіи.

Но сказанное выше надо ограничить такимъ соображеніемъ: въ числѣ

крупной поземельной аристократіи литовско-русскаго общества, и въ первыхъ ея рядахъ, было много потомковъ владѣтельныхъ князей. Права ихъ на ихъ территоріи очевидно складывались инымъ путемъ, впрочемъ не лишеннымъ общихъ чертъ съ тѣмъ процессомъ, который мы намѣтили выше: ихъ владѣльческія права, опять-таки совсѣмъ отличныя по своей природѣ отъ правъ собственности, подхвачены были тѣмъ-же общимъ потокомъ и переработаны въ одну общую норму.

Но въ составѣ высшаго класса была одна категорія, которая не получила своихъ земель въ пользованіе отъ государства, а владѣла ими на правахъ исконной вотчинной собственности. Дѣло въ томъ, что государство не могло покрыть всю территорію непрерывной стѣю „держаній“: это прежде всего было даже и не совмѣстимо съ его интересами. Такимъ образомъ, для отбыванія военной службы со свободныхъ территорій само населеніе должно было выдвигать изъ среды себя болѣе состоятельныхъ, которые могли-бы нести тяготы военной службы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, пользовался и связанными съ нею преимуществами. Переходя въ военно-служилый, т.-е. высшій, классъ, люди эти уносили съ собою и землю, теперь уже свободную отъ лежавшихъ на ней тягловыхъ обязательствъ.

Подъ именемъ бояръ и земянъ люди эти представляли собою значительную массу, лежавшую въ фундаментѣ привилегированнаго класса и связывавшую этотъ классъ съ классомъ низшимъ, пока польское право не отрѣзало окончательно и безповоротнo высшій классъ отъ низшаго.

Такимъ образомъ, высшій классъ литовско-русскаго общества составилъ изъ элементовъ различнаго происхожденія и характера, объединенныхъ общей обязанностью военной службы. Правовое ихъ объединеніе, дѣйствительно слившее всѣ эти различные элементы въ одну шляхетскую массу и противопоставившее эту массу хлопской массѣ, наступило лишь позже подъ воздѣйствіемъ польскаго права.

Требованія военной службы обусловливали собою нѣкоторыя сложныя отношенія между членами военнослужилаго сословія.

Великій князь отдавалъ какому-нибудь пану округъ, съ котораго требуется такое-то количество военной службы; тотъ отдавалъ часть этого округа другому лицу на тѣхъ-же обязательствахъ, на какихъ самъ его получилъ. Получившій, въ свою очередь, могъ передать какому-нибудь „служѣ“ часть территоріи и доходъ отъ нея опять-таки съ такимъ-же обязательствомъ, могъ также вступить въ соглашеніе съ кѣмъ-нибудь изъ сидящихъ на отданной ему территоріи землевладѣльцевъ. Все это сплетало сложную ткань зависимыхъ отношеній. Это обстоятельство дало поводъ однимъ ученымъ говорить о литовскомъ феодализмѣ, существованіе котораго совершенно отвергается другими учеными. Разногласіе это основывается на простомъ недоразумѣніи. Несомнѣнно, указанныя выше отношенія имѣютъ нѣчто существенно сходное съ феодальными отношеніями Западной Европы, и если мы, вмѣстѣ съ Гизо, опредѣлимъ феодализмъ какъ „соединеніе верховной власти съ землевладѣніемъ, замѣну полной земельной собственности условною, установленіе вассальной

іерархіи между землевладѣльцами“, то увидимъ, что общественныя отношенія Литовско-Русскаго государства подходятъ подъ это опредѣленіе. Объ установленіи вассальной іерархіи между землевладѣльцами только-что была рѣчь. Что верховная власть была соединена съ землевладѣніемъ, т.-е., что вся земля считалась принадлежащею великому князю,—это извѣстно. И, наконецъ, что полная земельная собственность замѣнена была условною—это вытекаетъ какъ изъ сказаннаго выше, такъ и вообще изъ изученія источниковъ для данной эпохи: такъ называемая раздѣленная собственность, когда права на данную землю распределены между нѣсколькими лицами,—это общая черта землевладѣнія даннаго періода въ исторической жизни литовско-русскаго общества. И при всемъ томъ, намъ кажется, слѣдуетъ воздержаться отъ того, чтобы назвать разсматриваемый строй феодальнымъ строемъ. Заклучая въ себѣ нѣкоторыя существенныя черты феодальнаго строя, строй литовско-русскаго общества настолько далекъ отъ той законченности формъ, которая характеризуетъ собой феодальную систему Западной Европы, что мы не имѣемъ права, въ видахъ избѣжанія нежелательнаго смѣшенія понятій, прибѣгать къ такому опредѣленному термину, какъ феодализмъ.

Вся земля считалась собственностью великаго князя, но только считалась, не больше. Выраженіе „земля великаго князя“ значило въ данномъ случаѣ почти то-же, что значило раньше выраженіе: „Божья земля“. Понятно, почему и въ какомъ смыслѣ земля считалась принадлежащею великому князю. Великій князь, какъ глава государства, являлся верховнымъ распорядителемъ надъ всѣми службами—военными, тяглыми и иными,—которыми держалось государство; и службы всѣ лежали на землѣ, разумѣется, населенной и обрабатываемой. Почти всѣ свои ресурсы государство извлекало прямо и непосредственно отъ этой земли; главною-же обязанностью власти было наблюдать, чтобы земля какъ-нибудь „не вышла изъ службы“. Изъ этихъ-то отношеній и вытекало то неопредѣленное понятіе, что земля принадлежитъ великому князю.

Если въ разсматриваемую эпоху, правильнѣе въ началѣ этой эпохи, можно было кого-нибудь считать собственникомъ земли ближе къ современному значенію этого слова, то это, конечно, лишь тѣхъ свободныхъ „людиновъ“, или союзы этихъ людиновъ, которые сидѣли на землѣ и обрабатывали ее. Но и ихъ права мы не можемъ отождествлять съ современною земельной собственностью: необходимо помнить, что современное понятіе земельной собственности есть продуктъ позднѣйшаго времени и долгой эволюціи, такъ что всякое перенесеніе этого понятія на явленія прошлаго можетъ внести серьезныя ошибки въ пониманіе историческихъ отношеній. Литовско-русская исторія данной эпохи представляетъ значительный научный интересъ въ томъ смыслѣ, что она даетъ яркую картину быстрой смѣны фазисовъ въ развитіи какъ понятія поземельной собственности, такъ и соответствующихъ общественныхъ отношеній. Еще въ началѣ разсматриваемаго періода земля находится въ такомъ же полномъ владѣніи земледѣльца, какъ это было и въ удѣльную эпоху; въ концѣ его почти всѣ права земледѣльцевъ уже поглощены политическими правами высшаго класса, который изъ простаго агента верховной власти обратился въ собствен-

ника той земли, которою раньше онъ лишь распоряжался въ качествѣ этого агента. Только та, болѣе состоятельная, часть земледѣльческаго класса, которая перешла на отбываніе военной службы, сохранила, а потомъ и расширила свои землевладѣльческія права (земяне и бояре).

Итакъ, вся земля, сначала только воздѣланная, а позже и не воздѣланная, но могущая быть воздѣланной, а, слѣдовательно, и нести службу, считалась собственностью великаго князя, но считалась настолько условно, что всѣ составные элементы права собственности, внѣ служебныхъ обязательствъ, на самомъ дѣлѣ принадлежали не великому князю, а тѣмъ, кто пользовался этой землей. Но была одна категорія земель, на которую великій князь имѣлъ не номинальное лишь, а реальное право собственности. Подразумѣваемъ тѣ земли, гдѣ велось „господарское“ (великокняжеское) хозяйство.

Еще въ удѣльные времена князья имѣли „села“, т.-е. хозяйственные хутора, на которыхъ работали рабы: не только князья, но и дружинники, располагая „невольною челядью“; легко приходили къ мысли примѣнять ихъ трудъ не только къ личнымъ услугамъ, но и къ сельско-хозяйственному производству. Княжескіе хутора или дворы имѣли помимо хозяйственного и иное назначеніе—служить административными и судебными центрами; впрочемъ, мы уже упоминали выше, что упрощенность понятій того отдаленнаго времени доходила до полного смѣшенія государственныхъ функцій князя съ его личнымъ хозяйствомъ. На княжескій дворъ тащили уличеннаго преступника; туда свозились собранные съ окрестнаго населенія, въ видѣ податей, хлѣбъ и иные продукты; тамъ жилъ тиунъ, который завѣдывалъ княжескимъ хозяйствомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣдалъ всѣ дѣла по управленію и суду округа, тяготѣвшаго къ данному двору.

Великій князь литовскій унаслѣдовалъ отъ удѣльной Руси эти дворы и дворища съ ихъ хозяйствомъ, земледѣльческимъ и скотоводнымъ. Такимъ образомъ, мы во многихъ мѣстахъ Южной Руси находимъ эти великокняжескія земли, въ собственномъ смыслѣ этого слова, съ хозяйствомъ, но далеко не всюду: были цѣлыя большія территоріи, гдѣ нѣтъ и слѣдовъ этого хозяйства, и прежде всего тамъ, гдѣ по условіямъ мѣстности на первомъ планѣ стояло не земледѣльческое, а промысловое хозяйство. Затѣмъ наблюдается, что размѣры великокняжескаго хозяйства не только не увеличиваются съ теченіемъ времени, но уменьшаются, по крайней мѣрѣ, на такой отдаленной отъ центра окраинѣ, какъ Южная Русь: центральный великокняжескій дворъ не могъ извлекать выгоды изъ этихъ своихъ столь отдаленныхъ хозяйственныхъ учреждений.

Господарское хозяйство этихъ дворовъ, не довольствуясь трудомъ невольной челяди, начало, мало-по-малу, привлекать къ работамъ свободное населеніе своего округа. Этимъ первымъ зачаткомъ обязательнаго труда на другого (барщиною), внесеннымъ государствомъ въ среду земледѣльческаго класса, до сихъ поръ свободнаго, т.-е. трудившагося только на себя, сдѣланъ былъ важный шагъ къ обращенію свободныхъ людей въ зависимые. Тамъ, гдѣ не было господарскихъ дворовъ съ хозяйствами, т.-е. въ мѣстностяхъ промысловаго, а не земледѣльческаго характера, земледѣльцы несли свою службу государству, прежде

всего, „данами“, которыя уплачивались продуктами промысловъ, иногда деньгами. Тяглые, въ силу своихъ отношеній къ господарскому двору и хозяйству, находились въ большей зависимости отъ агентовъ великокняжеской власти, чѣмъ данники; данники черезъ своихъ собственныхъ властей собирали свои дани и отвозили ихъ по назначенію, избѣгая такимъ образомъ вмѣшательства въ свою жизнь со стороны государства. Наконецъ, третью важную категорію земледѣльческаго класса составляли „люди служебные“, отправлявшіе „земскую“ службу, къ которой относилась служба „листовная“ (разѣзды съ листами, т.-е. письмами), замковая и полевая („сторожа“). „Служебные“ люди стояли на рубежѣ между высшимъ и низшимъ классомъ; при благопріятныхъ обстоятельствахъ они навсегда отходили въ группу земянъ и бояръ, въ классъ привилегированныхъ; при неблагопріятныхъ—отталкивались назадъ и сливались снова съ народной массой. Такимъ образомъ, смерды удѣльной эпохи раздѣлились въ рассматриваемое время на три главныхъ группы: людей служебныхъ, данниковъ и тяглыхъ. Всѣ эти три категоріи были перемѣшаны между собою, но на нѣкоторыхъ территорияхъ случалось, что та или другая категорія являлась съ значительнымъ преобладаніемъ, придававшимъ территоріи особый характеръ. Такъ, въ степномъ порубежѣ земель Кіевской и Сѣверской мы встрѣчаемъ мѣстности, населенныя исключительно служебными людьми; въ лѣсной, сѣверной полосѣ Южной Руси (Пинское Полѣсье), въ такъ называемыхъ Подніпровскихъ волостяхъ, жили по преимуществу, а иногда и исключительно, данники; данники же, подъ именемъ куничниковъ и ясачниковъ, встрѣчаются и въ южной части земли Кіевской.

Какъ жили эти предки нашего „хлѣбороба“,—объ этомъ мы имѣемъ, сравнительно съ эпохой удѣльной, уже болѣе точныя свѣдѣнія, опирающіяся на источники.

„На Руси не селятся иначе, какъ только при водѣ и лѣсѣ“,—свидѣтельствуешь одна люстрація *) Подолья 1565 г.—Такія же люстраціи, сохранившіяся даже отъ конца XV вѣка, съ несомнѣнной ясностью и полнотою свидѣтельствуютъ о томъ, каковъ былъ господствующій типъ поселеній для данного времени. Это былъ маленькій поселокъ хуторнаго типа. На Украинѣ, т.-е. въ Кіевщинѣ и Брацлавщинѣ (Литовское Подолье), по точнымъ словамъ документовъ, кромѣ городовъ, были только хутора и пасѣки.

Такими же маленькими поселками было покрыто Полѣсье, гдѣ и нельзя было селиться иначе, какъ по „островкамъ“ удобной земли, разбросаннымъ между низинами, болотами и лѣсными зарослями. Въ мѣстностяхъ, болѣе безопасныхъ для поселенія, чѣмъ Кіевская Украина и Подолье, болѣе удобныхъ, чѣмъ Полѣсье,—такова, напримѣръ, была Волинь,—хутора иногда разрастались и въ большія поселенія: но и эти большія поселенія все-таки были очень малы, по современнымъ понятіямъ, и къ тому же сохранили ясныя слѣды своего недавняго хуторскаго происхожденія. Большими населенными мѣстами въ данный періодъ въ Южной Руси были только города.

*) Люстрація— статистическая опись для цѣлей фиска.

Самой характерной чертою такого поселка-хутора было то, что онъ, представляя собою общее нераздѣльное землевладѣніе, могъ представлять собою и не одно, а два или нѣсколько домохозяйствъ. Это были семейно-общинныя ассоціаціи. Большія поселенія, или села, Волини представляли собою по нѣскольку такихъ, сближенныхъ территориально, единицъ.

Самое общее названіе для такихъ единицъ, объединявшее собою какъ самую землю, такъ и поселеніе на ней,—есть дворище. Это названіе встрѣчаемъ мы въ Полѣсѣ, на Волини, въ Подольѣ; въ степныхъ поселкахъ южной Кіевщины рано появляется и современный терминъ „хуторъ“.

Такъ какъ государство имѣло дѣло прежде всего съ землей (подразумѣвая, конечно, лишь населенную и обрабатываемую землю), то дворище, какъ единица по землевладѣнію, являлось передъ государствомъ и единицей по отбыванію повинностей и податей, „службы“ по тогдашней терминологіи. Оттого слово „служба“ есть синонимъ слова „дворище“. „Службами“ такіе поселки называются почти по всей территоріи Южной Руси, въ земляхъ Сѣверской, Кіевской, Волинской, Подольской, на Полѣсѣ. Встрѣчаются и другіе синонимы: иногда такая единица называется просто „земля“, „потугъ“ (точно соответствующій термину „служба“), иногда „отчина“ или „отчина“, „маетность“, въ связи съ тѣми правами, какими пользовались земледѣльцы, по отношенію къ этой своей непрекѣпаемой собственности.

Иногда встрѣчается для обозначенія такого поселка и древне-русское слово: „дымъ“; но гораздо чаще „дымъ“ уже обозначаетъ лишь часть дворища, хозяйственно обособленную; встрѣчаются дворища съ 2—3 дымами, даже до десяти и больше. По всей вѣроятности, древне-русскій поселекъ жилъ одною общою жизнью вокругъ одного очага, „дыма“; между тѣмъ какъ въ эпоху разсматриваемую онъ уже разбивался на свои составныя части, отдѣльныя семьи, связанныя лишь общимъ землевладѣніемъ. Отдѣльная семья дворища, представляемая „дымомъ“, являлась дольщикомъ какъ въ общихъ правахъ на пахотныя и сѣнокосныя земли и прочія угодья, тянущія къ дворищу, такъ и въ общихъ обязанностяхъ по отношенію къ государству.

Дворище не имѣло и не могло имѣть опредѣленныхъ размѣровъ. Размѣры его зависѣли отъ случайныхъ причинъ: оттого, сколько удобныхъ и свободныхъ земель и угодьевъ было кругомъ для трудового захвата, и сколько успѣвали захватить наличныя силы даннаго поселка. Государство не было заинтересовано ни въ какихъ ограниченіяхъ,—наоборотъ: чѣмъ больше земли было занято подъ обработку, тѣмъ больше оно выигрывало по отношенію къ службѣ. Но, съ увеличеніемъ народонаселенія, положеніе дѣла мѣнялось: явилась потребность и въ ограниченіи земледѣльческаго захвата. Сигизмундъ I-й издалъ такъ называемый „Уставъ о волокахъ“, въ силу котораго вся обрабатываемая земля должна быть измѣрена и разбита на опредѣленныя единицы,—„волоки“, обложенныя опредѣленной службой. Введеніемъ волочной системы выигрывалъ фискъ—увеличеніе числа службъ, и одновременно ставились предѣлы земледѣльческому захвату пустыхъ земель подъ обработку. Но еще болѣе важнымъ результатомъ введенія волочной системы было слѣдующее: перемѣръ земли на

волоки во многих случаях требовалъ переселенія крестьянъ со своихъ старыхъ угодьевъ на новыя мѣста, въ такъ называемое среднее поле; куски земли у отдѣльныхъ поселковъ прирѣзались и отрѣзались для образованія полныхъ волокъ; земельныя угодья, въ видѣ округленія, обмѣнивались между сосѣдними владѣльцами. Все это вносило цѣлый переворотъ въ понятія и отношенія земледѣльцевъ къ ихъ землѣ; ея исконный характеръ собственности, „отчины“, подмѣнялся понятіемъ надѣла: „кметъ и вся его маестность наша есть“,—такъ мотивируетъ великій князь необходимость помѣры. Но волочная система достигла Южной Руси лишь къ концу разсматриваемаго періода, да и тогда оставила нетронутыми цѣлыя территоріи: Полѣсье оказалось неудобнымъ для помѣры, также какъ и хутора и пасѣки степной Украины. Съ волочной помѣрой исчезало залежное или поддѣчное хозяйство, замѣняясь трехпольемъ, такъ какъ пахоть была раздѣлена на три поля.

Въ каждомъ дворницѣ жила одна большая семья, братья родные и двоюродные, дяди съ племянниками, но эта семья часто дѣлилась, какъ сказано выше, на отдѣльныя семьи, „дымы“, сообща владѣвшія землей и сообща отбывавшія службу государству, соединенныя круговою порукою, въ силу которой они отвѣчали другъ за друга не только по отношенію къ платежнымъ недоимкамъ, но и по отношенію ко всякому правонарушенію и даже преступленію. Но нерѣдко случалось, что кровные элементы дворница замѣнялись чужими. Дѣлалось это такъ. Какъ только рабочія силы дворница по какимъ-либо причинамъ ослабѣвали и не могли обрабатывать всей занятой уже земли, дворнику необходимо было привлечь помощь со стороны: государство не было расположено уменьшать службу съ ослабѣвшаго дворница. Чужіе, привлекаемые въ составъ дворница, пользовались правами родственныхъ членовъ: получали равныя права на пользованіе землей и пропорціонально участвовали въ службахъ и всякихъ общественныхъ обязательствахъ. Такимъ образомъ, семейная ассоціація обращалась въ артельную. Члены такой артели въ разныхъ мѣстностяхъ носили разныя названія. Въ Сѣверской землѣ встрѣчаемъ названіе „сябры“, на Подольѣ—„спильники“, въ другихъ мѣстностяхъ—„товарищи“, „сусѣды“, „дольники“; очень распространенъ терминъ „потужники“, т.-е. состоящіе въ общемъ служебномъ тягѣ. Это были полноправные члены дворницъ. Но дворничане допускали на свои земли чужихъ и на иныхъ, менѣе льготныхъ, условіяхъ. На Волини встрѣчаются половинники, несомнѣнно соотвѣтствующіе сѣверно-русскимъ „порядчикамъ“, людямъ, сидѣвшимъ на чужой землѣ и инвентарѣ по договору („поряду“), изъ доли урожая. Затѣмъ попадаются искупни или закупи (древне-русскій закупъ), „люди въ пенезѣхъ“,—очевидно, находившіеся къ дворничанамъ въ зависимыхъ отношеніяхъ, вытекавшихъ изъ какихъ-нибудь обязательствъ, денежныхъ или иныхъ. Такимъ образомъ, на территоріи дворница могли жить родичи,—притомъ жить однимъ дымомъ, „за одними воротами“, „въ одномъ хлѣбѣ“, или нѣсколькими дымами, за нѣсколькими воротами, въ нѣсколькихъ хлѣбахъ—затѣмъ чужіе на полныхъ правахъ родичей, далѣе полузависимые, какъ, напримѣръ, половинники, и, наконецъ, совсѣмъ зависимые, какъ закупи и люди въ пенезѣхъ.

Теперь является вопросъ о томъ, откуда же брались эти чужіе, которые пристраивались къ дворищу?

Еще въ удѣльный періодъ, когда кровныя понятія и чувства, связывавшія людей въ крѣпкіе союзы, глубже коренились въ человѣческой душѣ, и тогда, очевидно, существовали обстоятельства, вырывавшія людей изъ-подъ опеки и защиты этихъ союзовъ. Разнообразны были эти обстоятельства, разнообразны и положенія людей, подпадавшихъ силѣ этихъ обстоятельствъ. „Изгоемъ“ могъ быть и княжескій сынъ, и поповскій, и купеческій. Въ своемъ мѣстѣ мы указывали на то, что въ верхнемъ, дружинномъ, слоѣ общества родственныя связи, по необходимости, были значительно слабѣе, чѣмъ въ нижнемъ. Но и въ нижнемъ слоѣ встрѣчается цѣлый значительный разрядъ лицъ—если бы онъ не былъ значительнымъ, о немъ не было бы и рѣчи,—которыхъ связи эти не защищали отъ положенія крайней матеріальной зависимости: это „ролейные закупы“ Русской Правды, которые работаютъ на чужой землѣ и чужимъ инвентаремъ.

Вотъ такихъ-то людей, выброшенныхъ или высвободившихся изъ кровныхъ союзовъ, людей, не располагающихъ ничѣмъ, кромѣ своего личнаго труда, мы находимъ въ обилии въ рассматриваемую эпоху. Народонаселеніе множилось, и появлялась тѣснота, государство отягощало земли службами, а въ то же время земледѣльцы уже ясно видѣли близившійся грозный призракъ личной зависимости; все это отрывало земледѣльца отъ земли, и въ качествѣ неудачника бросало его, безпомощнаго, въ широкій Божій свѣтъ. Конечно, были тутъ и жертвы личныхъ и общественныхъ бѣдствій, въ особенности бѣдствій политическихъ; были и люди, которыхъ неопредѣленно влекла въ даль жажда свободы, независимости. Все это составляло особый общественный контингентъ „лезныхъ“. Но сила традиціонныхъ понятій все еще была такъ сильна надъ умами людей, что „лезный“, какъ таковой, всегда являлся въ глазахъ прочихъ членовъ общества, прочно сидящихъ по своимъ общественнымъ клѣточкамъ, человѣкомъ подозрительнымъ. Въ округѣ обнаружилось совершенное преступленіе: у всѣхъ, прежде всего, является вопросъ—нѣтъ ли гдѣ-нибудь вблизи лезнаго, не видѣлъ ли кто-нибудь, какъ онъ шелъ „гостинцемъ“ (дорогой), не принималъ ли его кто-нибудь въ дому? И трудно было несчастному лезному, буде бы онъ оказался, отвести отъ себя подозрѣніе. Оттого лезный спѣшилъ или пристроиться къ панскому двору въ качествѣ слуги, или сѣсть на землю. Лезные, самостоятельно устраивающіеся на земляхъ, являются подъ названіемъ вольныхъ людей, вольниковъ, людей похожихъ, слободичей.

Вольные, похожіе, люди садились не только на земли дворищъ. Съ разрѣшенія господаря или того землевладѣльца, которому великій князь передавалъ свои права на данную территорію, они устраивались и на невоздѣланной землѣ, „на сырѣмъ корени“, по тогдашней терминологіи. Преодолевая трудности, сопряженныя съ первымъ занятіемъ земли подъ обработку, такіе „слободичи“ пользовались зато льготами по отбыванію податей и повинностей: къ платежу ихъ они были обязаны лишь по истеченіи извѣстнаго числа льготныхъ лѣтъ.

Похожіе люди садились на владѣльческую землю по договору, и, по исполненіи условій договора, вольны были идти на всѣ четыре стороны. Но тѣ, на чьей территоріи они садились, были крайне заинтересованы въ томъ, чтобы земледѣльцы не уходили; уходя, они понижали этимъ цѣнность земли, возстановить которую, посадивъ новыхъ работниковъ, въ тѣ времена было не такъ-то легко. Естественно, что отдѣльные крупные землевладѣльцы стремились къ тому, чтобы увеличеніемъ льготъ привлекать земледѣльцевъ къ себѣ, отбивая ихъ у сосѣдей. Но конкуренція всегда ложится бременемъ на плечи самихъ конкурентовъ. И вотъ мы видимъ, сравнительно очень рано, съ половины XVI в. попытки земледѣльцевъ обезопасить себя съ этой стороны. Высшее служилое сословіе цѣлыхъ земель собирается на областные сеймы и тамъ составляетъ союзы, своего рода синдикаты, для борьбы съ похожими людьми. Члены такихъ союзовъ взаимно обязывались, подѣ страхомъ тяжелаго денежнаго взысканія („заруки на господаря“), ни увеличивать числа льготныхъ лѣтъ, ни уменьшать тяжести повинностей противъ принятой ими сообща нормы. Къ этому союзу привлекаютъ и великаго князя, какъ крупнаго землевладѣльца, также заинтересованнаго въ томъ, чтобы устраивать отношенія съ вольными людьми на земляхъ, занятыхъ его хозяйствомъ. Такой союзъ, съ господаремъ во главѣ, можетъ предпринять и нѣчто болѣе, чѣмъ простое, хотя бы сдѣланное и въ интересахъ лишь своей стороны, урегулированіе отношеній: онъ пытается наложить руку и на самую свободу перехода. Въ „Уставѣ“ Сигизмунда-Августа „о похожихъ людяхъ“ 1557 г. земледѣльцамъ предоставляется право выхода лишь въ одинъ годовой срокъ; это тотъ же пресловутый „Юрьевъ день“. Но, тѣмъ не менѣе, не здѣсь надо искать основной причины закрѣпощенія земледѣльческой массы.

Закрѣпощеніе явилось не результатомъ какого-либо законодательнаго акта, а простымъ и мало-по-малу сложившимся слѣдствіемъ двухъ главнѣйшихъ причинъ: одной общей, о которой уже шла рѣчь, усиленія общественнаго значенія высшаго класса черезъ превращеніе его права держанія земли въ право собственности на нее,—и другой—частной. Эта вторая, частная, причина заключается въ смѣшеніи вольныхъ похожихъ людей съ не похожими, извѣчными, отчичами.

Теперь мы подходимъ къ вопросу, который вызвалъ много споровъ и недоразумѣній въ нашей ученой литературѣ. Намъ кажется, что и здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, корень недоразумѣнія заключается въ перенесеніи современныхъ понятій на явленія прошедшаго—перенесеніи, крайне затрудняющемъ пониманіе историческихъ отношеній.

Въ самомъ дѣлѣ, несомнѣнно, что въ рассматриваемую эпоху, особенно въ первую ея половину, земледѣльческая масса, сидящая большими семейными ассоціаціями по своимъ дворницамъ, пользуется всѣми правами собственности на свою землю, между тѣмъ какъ „сидящій“ на этихъ людяхъ верхній классъ пользуется лишь правами держанія. А между тѣмъ, эти люди нерѣдко являются съ эпитетами людей „извѣчныхъ“, „непохожихъ“. „Непохожій“, т.-е. прикрѣпленный къ землѣ, по современнымъ понятіямъ, есть такая противоположность собственнику земли, что историки, встрѣчаясь съ такою несообразностью, отри-

чали ее на два различныхъ способа: или почти отождествляя непохожихъ, отчичей, съ невольною челядью, отрицали у нихъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и у всей народной массы Литовско-Русскаго государства, право собственности на землю; или предполагали, что непохожіе есть особая категорія, отличная отъ собственниковъ, отчичей. Но дѣло, повидимому, обстоило иначе; и если, усиленіемъ воображенія, мы перенесемъ въ понятія и обстоятельства той эпохи, то оно представится простымъ и яснымъ.

Прежде всего, надо помнить, что собственникъ земли тѣмъ самымъ, что онъ собственникъ, есть человѣкъ непохожій: ему идти некуда и незачѣмъ. Эта крѣпость землѣ была тѣмъ сильнѣе, что земельная собственность того времени не была личной; большой же родственной группѣ людей еще труднѣе было тронуться съ земли, чѣмъ отдѣльному человѣку. Затѣмъ далѣе. Господарь жалуетъ такому-то лицу нѣсколько дворищъ на военную службу и хлѣбокормленіе. Этимъ права дворищанъ на землю пока еще нисколько не нарушаются: лишь тѣ повинности, которыя они давали раньше въ великокняжеской скарбѣ, передаются теперь въ полномъ ихъ составѣ, или частью, смотря по характеру пожалованія, державцѣ (употребляемъ этотъ терминъ въ общемъ смыслѣ, независимо отъ спеціальнаго его значенія). Однако, изъ этихъ отношеній неизбѣжно должны были вытекать стѣсненія для собственника земли. Державца необходимо долженъ былъ слѣдить за тѣмъ, чтобы дворище ничего не теряло въ своей платежной способности; иначе страдали какъ его личные, такъ и государственные интересы. Такимъ образомъ, выходило слѣдующее: второстепенные члены дворища ограничивались въ своей свободѣ только родичами, и съ ихъ разрѣшенія могли свободно уходить, но глава, представитель всей этой семейно-родовой ассоціаціи, не могъ пользоваться такой свободой, такъ какъ несъ отвѣтственность за платежи передъ державцей и стоявшимъ за нимъ государствомъ. Отчужденіе могло имѣть мѣсто лишь въ самыхъ исключительныхъ условіяхъ, и уже тутъ, конечно, державца имѣлъ право наблюдать и требовать, чтобы земля, отчуждаясь, переходила въ надежныя руки, въ руки чловека „такого добраго, какъ онъ самъ“, отчуждающій.

Такимъ образомъ, когда, указаннымъ выше путемъ общественной эволюціи, права собственности перешли изъ рукъ земледѣльца въ руки землевладѣльца, бывшаго державцы, то изъ всѣхъ утраченныхъ правъ земледѣлецъ сохранилъ лишь одно печальное право—право крѣпости своей землѣ, роковое наслѣдіе его былой вотчинности.

Вольные похожіе люди превращались въ „слободичей“; изъ слободичей дѣлались людьми „засѣлыми“ и, въ концѣ концовъ, путемъ земской давности становились такими же отчичами, сливаясь, вмѣстѣ съ ними, въ общую массу людей, крѣпкихъ землѣ и пану. Но этотъ процессъ въ его окончательныхъ результатахъ мы можемъ наблюдать лишь позже; въ рассматриваемую эпоху, и даже въ концѣ ея, земледѣлецъ не потерялъ еще ни права собственности на землю, ни права свободного перехода, хотя и то и другое право текущимъ процессомъ уже было значительно умалено въ своемъ объемѣ.

Памятники рассматриваемой эпохи свидѣтельствуютъ о такомъ уваженіи

государственной власти къ низшему сословію, какая совѣсть не гармонируетъ съ зависимымъ положеніемъ, и чѣмъ древнѣе памятники, тѣмъ они яснѣ въ этомъ отношеніи. Господарь, обращаясь къ населенію данной территоріи, обращается не только къ высшему сословію, какъ это дѣлается позже, но и къ ея чернымъ людямъ, къ посольству. Люди этого посольства, въ глазахъ верховной власти, „мужи“. Права этихъ „мужей“ хотя на дѣлѣ и суживаются постепенно въ интересахъ великаго класса, но формально окружаются такимъ же уваженіемъ, какъ и права высшаго сословія: „мы новины не уводимъ и старины не рухаемъ“,—твердятъ господа, вѣрные своимъ обязанностямъ охранителей существующихъ правъ, посольству, когда оно обращается съ жалобами. Земледѣльческая масса управляется своими властями. Въ однѣхъ мѣстностяхъ это „сотники“ и „десятники“, термины, предполагающіе дѣленіе территоріи на сотни и десятки,—самое архаическое изъ административныхъ дѣленій, съ которыми мы встрѣчаемся и въ удѣльный періодъ: теперь мы находимъ его въ земляхъ Кіевской и Чернигово-Сѣверской. Въ южныхъ, степныхъ, окраинахъ земли Кіевской и Подольской народъ управляется своими „атаманами“, которые, повидимому, сохранились здѣсь отъ тѣхъ временъ, когда они, по лѣтописнымъ извѣстіямъ, собирали дань для татарской орды, кочевавшей въ сосѣднихъ степяхъ. Тамъ, гдѣ жили данники, они управлялись „старцами“. Всѣ эти власти выбирались самимъ народомъ, хотя избранные и должны были, повидимому, кое-что уплачивать отъ своей должности господарю или его намѣстнику; тѣмъ не менѣе, они всегда выступаютъ какъ представители и стражи интересовъ народной массы.

Но, конечно, нѣтъ учрежденія, болѣе краснорѣчиво свидѣтельствующаго о еще не утраченной, исконной свободѣ низшаго класса, какъ „копные суды“.

„Верьв“ Русской Правды въ разсматриваемую эпоху является въ видѣ копнаго округа. Копный округъ есть союзъ населенія извѣстной территоріи, по размѣрамъ приблизительно соотвѣтствовавшій нашей современной волости или даже нѣсколькимъ волостямъ, съ цѣлью предупрежденія правонарушеній, разслѣдованія ихъ и наказанія преступниковъ. Всѣ „мужи“ территоріи копнаго округа, т.-е. главы семейныхъ ассоціацій, были обязательными членами этого союза: „мужъ“ выводилъ домоладцевъ лишь тогда, когда было необходимо по обстоятельствамъ того или другого дѣла. Органомъ копнаго округа было копное собраніе, „копа“ или „вѣче“. Отъ личнаго участія въ копѣ ни одинъ членъ округа не могъ отклониться подъ страхомъ тяжелой отвѣтственности: принималась въ уваженіе только физическая невозможность такого участія, точно доказанная. На членахъ копнаго округа лежала забота о предупрежденіи правонарушеній, о внутреннемъ мирѣ копной околицы. Каждый изъ нихъ обязанъ былъ и нравственной, и юридической отвѣтственностью не только за всѣхъ своихъ домоладцевъ, но даже и за территорію своего дворища, обыкновенно очень обширную. Лоскутъ украденной гдѣ-нибудь вещи, слѣдъ отъ копыта коня проскакавшаго преступника, обнаруженные на территоріи дворища, ложились на него подозрѣніемъ, которое глава дворища долженъ былъ непременно отвести отъ себя, иначе подозрѣніе обращалось въ вину, влеку-

щую отвѣтственность. Гость изъ-за предѣловъ копной околицы, заѣзжій торговецъ, усталый прохожій, просящій ночлега, нищій—за всѣхъ и вся могъ глава дворища подвергнуться отвѣтственности, кто только пришелъ въ соприкосновеніе съ его землей, хатой или домочадцами. Не малы были права мужа, но не легка и отвѣтственность.

Копа, по самому существу своему, не могла взять на себя охранительныхъ, такъ сказать, полицейскихъ обязанностей; она могла только расслѣдовать преступленіе и наказывать его.

Розыскъ преступника, по горячимъ слѣдамъ совершеннаго преступленія, дѣлался обыкновенно черезъ маленькую копу, на которую скликались лишь мужи ближайшаго сосѣдства. Это была такъ называемая „горячая копа“, которая „гнала слѣдъ“, дѣлала обыскъ, опросы, собирала матеріалъ предварительнаго дознанія. Затѣмъ собиралась „великая копа“, на которой непременно присутствовали всѣ члены даннаго округа—собраніе, обставленное большою торжественностью въ смыслѣ соблюденія извѣстныхъ обрядовъ и формальностей. Здѣсь, передъ лицомъ большого копнаго сборища, велся состязательный процессъ сторонъ, отбирались показанія свидѣтелей, рассматривались судебныя улики, и взвѣшивались доказательства. Затѣмъ постановлялся приговоръ. Если дѣло кончалось примиреніемъ сторонъ, что допускалось и въ дѣлахъ уголовнаго характера, или прекращалось за неимѣніемъ доказательствъ, или за принесеніемъ обвиняемой стороной очистительной присяги, что допускалось во многихъ случаяхъ—великая копа была и послѣдней. Взимались вины, пересуды и т. п. судебныя пошлины въ пользу обиженной стороны, господаря или его намѣстника, позже землевладѣльца, и тѣмъ дѣло кончалось. Но если приговоръ требовалъ смертной казни преступника, что бывало лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда преступникъ былъ упорнымъ рецидивистомъ, и никто не бралъ его на поруки,—тогда собиралась для приведенія казни въ исполненіе третья „завитая“ копа.

Все это копное правосудіе съ его обстановкой предполагаетъ многовѣковой судебный опытъ, накопленный самимъ народомъ. Каждый членъ копнаго округа долженъ былъ имѣть немалый запасъ знанія правовыхъ обычаевъ, обрядовъ, формулъ; а, главное, практика жизни постоянно требовала отъ него значительной самодѣятельности. Все это создаетъ въ нашемъ воображеніи образъ не зависимаго и принижennaго крѣпостнаго, а человѣка свободнаго и привычнаго пользоваться своей свободой. Копа, повидимому, и не была сначала учрежденіемъ, существовавшимъ лишь для низшаго класса, а для землевладѣльцевъ даннаго округа, включая и людей высшаго сословія. Только постепенно литовско-русская шляхта освобождалась отъ копной связи и выходила изъ копныхъ округовъ; но копа, тѣмъ не менѣе, долго пользовалась правомъ, вытекавшимъ изъ ея первоначальной организаціи, привлекать по извѣстнымъ дѣламъ къ своей юрисдикціи и членовъ военно-служилаго сословія. Уже паны давно сдѣлались панамъ и хлопы хлопами, а эти послѣдніе все еще цѣплялись за свое старое право требовать въ извѣстныхъ случаяхъ на копу членовъ привилегированной общественной группы. Но логика вещей, въ концѣ концовъ,

взяла свое, и остатки хлоской копы пошли вслѣдъ за остальными атрибутами былой народной свободы.

Изъ общей массы низшаго класса въ разсматриваемую эпоху выдѣлилось городское сословіе—„мѣстичи“, мѣщане. Въ удѣльное время нѣтъ разницы между городскими и волостными людьми, все это свободные людины, смерды,—съ точки зрѣнія дружиннаго сословія. Права ихъ, какъ и обязанности, тѣ же самыя—одинаковы даже и занятія: у горожанъ пока еще преобладающимъ занятіемъ является то же земледѣліе и промыслы, какъ и у людей волостныхъ. Да въ первоначальномъ положеніи города, среди окружающей и тянущей къ нему земли, и нѣтъ ничего, что обусловливало бы собою различіе. Одинъ только Кіевъ на южно-русской территоріи представляетъ собою, какъ древностью своего происхожденія, такъ и торговыми связями съ чуждыми государствами, нѣчто особенное. Всѣ остальные города или, по крайней мѣрѣ, значительное большинство ихъ, возникли какъ результатъ потребности населенія данной территоріи имѣть постоянный общій центръ для сходовъ, „торгъ“, и мѣсто для устройства храма во имя святого, патрона своей территоріи, а главное, и прежде всего, чтобы имѣть стѣны, гдѣ бы можно было укрыться на случай непріятельскаго нашествія.

Такимъ образомъ, городъ появился какъ продуктъ жизни окружающей его земли, и не было пока основаній возникать правовымъ различіямъ между населеніемъ, ютившимся постоянно подъ стѣнами или за стѣнами, и тѣмъ, которое жило вдали отъ этихъ стѣнъ и пользовалось ими только въ случаѣ опасности.

Но жизнь идетъ впередъ и необходимо влечетъ за собою измѣненія и усложненія. Городъ Литовско-Русскаго государства, если онъ только не былъ слишкомъ близокъ къ угрожаемымъ границамъ, уже теряетъ для населенія свой, по преимуществу, защитный характеръ, хотя государство все еще строго наблюдаетъ за крѣпостью замковъ—этого военнаго оплота страны. Мало-по-малу, выдвигается новое значеніе города—экономическое. Земледѣліе, какъ занятіе городскихъ жителей, съ ростомъ города естественно все больше отодвигается на задній планъ. Вольные похожіе люди, которые охотно селятся въ городѣ, предпочитаютъ заниматься ремеслами; появляются и зачатки мануфактурной промышленности—какъ отголоски того великаго промышленнаго движенія, которое уже обхватило Западную Европу. Городской рынокъ перестаетъ быть пунктомъ для простаго и непосредственнаго обмѣна сырыми произведеніями земли. Мѣстичи выступаютъ какъ особая группа низшаго, т.-е. податнаго или тяглаго сословія.

Когда земледѣльческое населеніе теряло свои права и свободу, передъ государствомъ тѣмъ самымъ выдвигался вопросъ, какъ быть съ этой особой группой? Втянуть ее въ общую связь зависимости отъ высшаго сословія было для государства неудобно и невыгодно. Дѣло въ томъ, что мѣщане необходимы были государству, такъ какъ на нихъ лежало, главнымъ образомъ, поддержаніе замковыхъ укрѣпленій, а затѣмъ государство, въ лицѣ своихъ представителей, было достаточно знакомо съ положеніемъ дѣлъ у своихъ западныхъ сосѣдей и стремилось къ поддержанію тѣхъ зачатковъ ремесла и торговли, ко-

которые находили себѣ пріютъ подъ стѣнами и нашихъ городскихъ замковъ. Необходимо было удержать за мѣщанствомъ его свободу, не допуская его въ то же время до привилегированнаго положенія высшаго класса. Готовое средство для этого находилось въ нѣмецкомъ правѣ, которое и безъ того проникало черезъ Польшу въ законодательство Литовскаго государства, а для данного случая представило готовый образецъ такого положенія городского сословія, которое обособляло его отъ остальныхъ общественныхъ категорій. Города одинъ за другимъ начали получать отъ великихъ князей привилегіи на Магдебургское право. Еще въ XV столѣтіи получили эти привилегіи Кіевъ и Житомиръ въ землѣ Кіевской, Луцкъ, Кременецъ и Владиміръ въ землѣ Волынской; остальные южно-русскіе города, за исключеніемъ польскаго Подолья, получаютъ Магдебургское право въ XVI столѣтіи и позже; послѣ Люблинской уніи началась усиленная раздача привилегій.

Магдебургскимъ правомъ предоставлялось городамъ широкое право самоуправления. Дѣйствіе всякихъ иныхъ правъ на городской территоріи—польскихъ, литовскихъ и русскихъ—и всѣхъ обычаевъ, какіе были на „переказѣ Магдебургскому праву“, упразднялось; упразднялись и всѣ власти, кромѣ своихъ собственныхъ выборныхъ, и власти верховной, великокняжеской. Уже не говоря о судѣ, органы государственной власти не имѣли права вмѣшиваться въ жизнь города даже и съ фискальными дѣлами: городъ уплачивалъ государству опредѣленную сумму—и только. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предоставлялись разныя спеціальныя льготы городской промышленности и торговлѣ.

Все это, съ одной стороны, достигло своей цѣли: городъ выдѣлился изъ земли, мѣщане обособились отъ остальнаго населенія, какъ самостоятельное сословіе со своими замкнутыми правами и интересами. Но, съ другой стороны, совѣмъ не получилось того, на что государственная власть очень рассчитывала, надѣлая города привилегіями и льготами: подъема экономической жизни. Очевидно, главнѣйшія пружины экономического развитія лежали не въ тѣхъ или иныхъ правахъ.

Дѣло въ томъ, что жизнь всей земли, съ экономической точки зрѣнія, еще была слишкомъ проста. Достаточно сказать, что податное населеніе уплачивало свои подати и повинности почти исключительно натурой, произведеніями своего хозяйства. Такимъ образомъ, въ распоряженіи государства оказывался огромный запасъ сырыхъ продуктовъ—фондъ, крайне громоздкій, мало подвижный, неудобный къ обращенію. А между тѣмъ, Литовско-Русское государство, втянутое черезъ Польшу и въ политическія отношенія Европы—вспомнимъ хотя бы его роль въ Гусситскихъ войнахъ,—не могло не нуждаться въ деньгахъ. Оттого-то, конечно, оно такъ охотно раздавало населенныя земли, дворы и уряды лицамъ высшаго сословія, между прочимъ, и въ заставу (залогъ) за болѣе или менѣе значительныя денежныя суммы: до выкупа государствомъ уряда или имѣнія залогодатель, какъ бы въ видѣ процентовъ на капиталъ, кормился отъ взятаго въ заставу имѣнія, дѣлаясь, такимъ образомъ, его державцей, а, въ концѣ концовъ, и собственникомъ. Конечно, государство предпочло бы получать деньги прямымъ путемъ отъ податныхъ людей, но,

очевидно, не могло этого дѣлать по недостатку денегъ въ оборотѣ среди народной массы.

Правда, есть одна категорія податей, которая и теперь уже оплачивается исключительно деньгами, лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ замѣняясь скотомъ, но эти подати имѣютъ характеръ общихъ обложеній на экстренныя, собственно, военныя нужды: серебщизна (отъ сл. серебро), подымщина, воловщина, ордынщина на подарки крымскому хану для предотвращенія набѣговъ. Всѣ же правильныя, ежегодныя, обложенія уплачивались податнымъ населеніемъ продуктами своего хозяйства. Подати тяглаго населенія являются подъ названіемъ „дякла“ и „мезлевы“, а подати данниковъ—подъ названіемъ „дани“. Дякло или житщина уплачивалось рожью и овсомъ, иногда пшеницей, сѣномъ и дровами; послѣдними, конечно, лишь въблизи замковъ, гдѣ жили непосредственные потребители этихъ продуктовъ. „Мезлева“ или „яловищина“ уплачивалась яловицами, баранами, свиньями; въ прибавку къ дяклу и мезлевѣ шли куры и яйца. Дани были, главнымъ образомъ, медовыя, затѣмъ куничныя, бобровыя, лисьи и бѣличьи—однимъ словомъ, дани взиимались медомъ и мѣхами. Но различіе между податями тяглыхъ людей и данями данниковъ меньше опредѣлялись предметами обложенія и взиманія, чѣмъ характеромъ этого обложенія: тяглые люди облагались по отдѣльнымъ хозяйственнымъ единицамъ, данники по цѣлымъ округамъ. Случалось, что и данники платили дани хлѣбомъ и скотомъ, а тяглые люди медомъ и мѣхами. Общимъ принципомъ податного обложенія было то, чтобы каждая хозяйственная единица платила тѣмъ, что составляло главный предметъ ея производительности. Отсюда мы встрѣчаемъ подати, уплачиваемыя льномъ, хмѣлемъ, рудою, рыбою. Мало того: отдѣльныя хозяйственныя единицы, пристроившіяся къ какому-нибудь ремеслу, платили государству произведеніями этого ремесла: санями, рогатинами, топорами, посудой, обувью и т. п.

Государство стремилось къ тому, чтобы перевести подати на деньги; но пока дѣло ограничивалось тѣмъ, что въ взимаемому хозяйственному продукту дѣлались добавки деньгами: напр., платится кадка меду и наkadный грошъ и т. п.

Такимъ образомъ, по обложеніямъ и взиманіямъ мы можемъ составить приблизительное понятіе о томъ, что производилъ народъ Литовско-Русскаго государства. Часть производимаго—какую мы опредѣлить не въ состояніи—онъ отдавалъ государству; остатокъ отъ личнаго потребленія и подати онъ пускалъ въ торговый оборотъ. Конечно, хозяйство тогдашняго земледѣльца мы должны представлять себѣ очень полнымъ и, такъ сказать, самодовлѣющимъ; достаточно вспомнить, на какой широкій хозяйственный базисъ оно опиралось. Описаніе дворища и его принадлежностей, т.-е. тянущихъ къ нему угодій, рисуетъ передъ нами совершенно утопическую, съ современной точки зрѣнія, картину привольнаго хозяйничанья на обширныхъ земляхъ, гдѣ, кромѣ пашни и сѣнокосовъ, есть и гаи, и ставы, и млины, и пасеки, и руды. Но разница даже въ однихъ топографическихъ условіяхъ уже создавало то, что, напримѣръ, степныя мѣстности нуждались въ произведеніяхъ мѣстностей лѣсныхъ, и обратно. Государство оживляло торговый оборотъ тѣмъ, что пускало въ него

часть получаемого имъ огромнаго запаса сырыхъ продуктовъ, не потребленныхъ ни гарнизономъ его замковъ, ни челядью его дворовъ, ни многочисленными слугами, получавшими кормъ натурой.

Но, какъ бы то ни было, люди данной эпохи производили для того, чтобы потреблять, а не для того, чтобы продавать; торговый оборотъ былъ лишь дополнительнымъ процессомъ экономической жизни, а не ея существеннымъ содержаниемъ. Поэтому и государство, хотя и считало своею обязанностью покровительствовать торговлѣ и охранять ее, тѣмъ не менѣе, видѣло въ ней лишь простую доходную статью для извлеченія изъ нея денегъ, въ которыхъ оно такъ нуждалось. Такимъ образомъ, торговля, якобы покровительствуемая и охраняемая, на самомъ дѣлѣ подвергалась безконечнымъ стѣсненіямъ. Купецъ могъ везти свой товаръ лишь по такой-то дорогѣ, складывать его лишь въ такомъ-то мѣстѣ, продавать тамъ-то и по такой-то опредѣленной мѣрѣ и т. д.— все это для охраненія разныхъ частныхъ интересовъ, надъ которыми царилъ одинъ все поглощающій интересъ, не имѣющій ничего общаго съ интересами торговли,—великокняжеское „мыто“ (таможенная пошлина). Мытники и мытныя заставы, мыта и промыты опутывали торговое движеніе длинной цѣпью препятствій, которыя оно должно было преодолевать. И, конечно, иноземному „гостю“ и иноземному товару приходилось тяжелѣе всего на этомъ тернистомъ пути.

Кіевъ, эти южныя „ворота государства“, въ разсматриваемую эпоху снова возвратилъ себѣ утраченное—было имъ значеніе важнаго торговаго пункта. Онъ очутился теперь на перекресткѣ двухъ большихъ торговыхъ теченій, выходящихъ за предѣлы страны: съ запада шли нѣмецкіе товары, разные предметы мануфактурной промышленности, особенно сукна, которыя составляли потребность не только высшаго, но частью и низшаго классовъ, и направлялись черезъ Львовъ и Люблинъ; съ юга шли на сѣверъ, черезъ Крымъ, произведенія востока. Особенно большое значеніе для Кіева имѣла торговля южная.

Нѣкоторые пункты Крыма издавна привлекали къ себѣ произведенія Анатолиі, Персіи, Аравіи, Сиріи, Индіи и передвигали ихъ на далекій сѣверъ, который также изъ глубины вѣковъ привыкъ отождествлять понятія богатства и роскоши именно съ произведеніями этого отдаленнаго юга. Торговля эта долгое время была въ рукахъ венеціанцевъ и генуэзцевъ, которые имѣли въ Крыму свои колоніи, пока татары и турки не вытѣснили ихъ совершенно. Главнымъ пунктомъ этой торговли были Кафа и Суроужъ (Судакъ), въ особенности Кафа (Феодосія). Огромные караваны навьюченныхъ верблюдовъ и воевъ, нагруженныхъ этими товарами, т.-е. шелкомъ и шелковыми тканями, ладаномъ, шадраномъ, перцомъ и другими пряностями, тянулись изъ Крыма черезъ Перекопъ къ Таванскому перевозу на Днѣпрѣ, а оттуда по правому его берегу, на Черкасы или Каневъ, гдѣ товары перегружались на суда и такимъ образомъ достигали Кіева. Константинопольскіе товары, тоже караваннымъ путемъ, шли къ Кіеву черезъ Бѣлгородъ (Аккерманъ) прямо степью, переходя Бугъ и другія рѣки бродами и мостами, устроенными, по преданію, еще Витовтомъ. Тѣми же путями шли караваны и обратно на югъ, нагруженные

товарами съвера, которые тоже направлялись къ Кіеву изъ Москвы черезъ Сѣверщину или Днѣпромъ.

Едва ли Кіевъ описываемой эпохи имѣлъ въ торговлѣ только транзитное значеніе. Надо думать, что онъ былъ мѣстомъ усиленнаго торговаго обмѣна. „Въ Кіевѣ,—говоритъ Михалонъ Литвинъ,—мнѣ самому случалось видать, какъ шелкъ продается дешевле, чѣмъ ленъ въ Вильнѣ, а перецъ дешевле соли“. Если въ этихъ словахъ и есть преувеличеніе, то все-таки за ними остается значеніе свидѣтельства, что кіевскіе рынки были наполнены, а иногда, вѣроятно, и переполнены южными товарами, которые отсюда уже расходились во всѣ стороны. Не малая часть ихъ, надо полагать, потреблялась и мѣстнымъ населеніемъ города и его области, если вѣрить сообщенію того же Михалона, что даже и въ бѣднѣйшихъ хижинахъ кіевскихъ мѣщанъ можно встрѣтить шелковыя ткани и пряности,—и, вообще, свидѣтельствамъ о привольной жизни украинскаго населенія этой эпохи.

Но былъ одинъ предметъ заграничнаго ввоза, который имѣлъ самое широкое распространеніе, входя тогда, какъ и теперь, въ кругъ ежедневныхъ потребностей: это соль. Недостатокъ соли на южно-русской территоріи былъ, конечно, для населенія однимъ изъ наиболѣе чувствительныхъ ея недостатковъ. Дѣлались попытки разыскать соль на мѣстѣ, но онѣ не приводили ни къ чему; приготовляли даже нѣкоторые суррогаты ея изъ золы ольховаго и дубоваго дерева; но они не могли замѣнить собою соли. Такимъ образомъ ввозъ соли изъ-за границы являлся насущной необходимостью, и соль сдѣлалась важнѣйшимъ предметомъ привозной торговли. Какъ и въ удѣльную эпоху, соль шла въ Южную Русь двумя путями: съ юга, изъ Крыма и лимановъ, и съ запада изъ Галиціи, съ Покутья. Крымская соль приходила большею частью Днѣпромъ, хотя иногда шла и сухимъ путемъ по лѣвому берегу Днѣпра. Главный складъ ея былъ въ Кіевѣ, откуда она расходилась по всему великому княжеству; соль лиманская и коломыйская, или бѣлая, шедшая съ запада, имѣла склады въ Кіевѣ и Луцкѣ. Торговля солью высоко поднимала торговое значеніе Кіева не только для южно-русскаго края, но и далеко за его предѣлами.

Вывозъ въ рассматриваемую эпоху направлялся, главнымъ образомъ, къ сѣверу. Быстро развивавшійся промышленный ростъ Западной Европы все сильнѣе и сильнѣе привлекалъ къ себѣ сырые продукты, которые пока только и могла давать наша территорія. Данцигъ, Рига, Кенигсбергъ были тѣми пунктами, которые стягивали къ себѣ избытокъ нашего сырья и снабжали ими рынки и мануфактуры европейскихъ промышленныхъ центровъ. Мѣха и воскъ стали уступать первое мѣсто поташу и смолѣ, которыми снабжало Данцигскій портъ, главнымъ образомъ, Польше (по Зап. Бугу); нѣсколько позже, съ конца XVI вѣка, выступаетъ и скоро пріобрѣтаетъ преобладающее значеніе торговля хлѣбомъ и хлѣбными продуктами.

Государство, какъ уже было только-что сказано, очень заботилось о внѣшней торговлѣ. Оно заключало торговые договоры съ сосѣдними странами, Москвой, Крымомъ, Турціей, выговаривая безопасность и покровительство, общая со своей стороны всякое покровительство у себя гостямъ иноземнымъ,

настаивая на томъ, чтобы и въ военное время „хотя полки ходять“, чтобы „гостю путь не былъ затворенъ“. Государство отвѣчало за обиду, нанесенную гостю, возмѣщало убытки, если его имущество подвергалось грабежу на большой дорогѣ, и т. д.

Но, исходя изъ взгляда на торговлю, какъ на источникъ дохода, государство одной рукой разрушало то, что создавало другой. Гостямъ разрѣшалось ходить только по извѣстной, „королевской“, дорогѣ или гостинцу. Если они сворачивали съ этой дороги — что и случалось, — то они подвергались опасности грабежа, въ особенности со стороны казаковъ, нерѣдко дѣйствовавшихъ съ одобренія старостъ и каштеляновъ мѣстныхъ замковъ, и вообще, какъ контрабандисты своего рода, лишались правовой охраны: правительство такъ боялось этого контрабанднаго прохода товаровъ, что стѣсняло заведеніе новыхъ мелкихъ поселковъ въ лѣсахъ. Затѣмъ старостѣ каждого замка, встрѣчающагося на пути, уже не говоря о воеводѣ, полагались „поклоны и подарки“ или изъ доброй воли, или по опредѣленной таксѣ — подарки, немалые и по количеству и по цѣнности предметовъ: южные караваны уплачивали ихъ дорогими тканями, сырымъ шелкомъ, сафьяномъ, коврами; сѣверные — шубами или мѣховыми шапками, сѣдлами, соболями и пр. Послѣ поклоновъ и подарковъ, шла плата на мѣстахъ и перевозахъ, затѣмъ мыты и перемыты (мытные штрафы) и, наконецъ, разныя подачки и поборы, сопровождавшіе подъ разными именами непосредственно обмѣнъ: важнее, головное, пописное, торговое, помѣрное. Чтобы понять все значеніе этихъ отношеній, надо помнить, что не только само государство взиало свои пошлыны, но представляло разнымъ частнымъ владѣльцамъ такія же права; такимъ образомъ, мыта, мостовыя и т. п. взиали разныя частныя лица, получавшія на это привилегіи, а съ ростомъ значенія шляхты — и безъ привилегій.

Главнѣйшими пунктами сбора мытъ въ Южной Руси были Кіевъ и Луцкъ; главными товарами, доставлявшими мытный доходъ, — воскъ и соль; отсюда особыя соляныя и восковыя мытныя коморы. Мыта уплачивались деньгами или съ общей суммы товара, причемъ установленная норма, повидимому, равнялась $3\frac{1}{3}\%$ съ оцѣнки, или по столько-то грошей отъ воза, смотря по свойству товара (отъ рыбы — десятокъ рыбъ съ воза и т. п.). Мыто обыкновенно сдавалось великими князьями въ аренду евреямъ на небольшое число лѣтъ за опредѣленную годовую плату, причемъ арендаторъ освобождался на все время своей аренды отъ суда мѣстныхъ властей.

Огромное значеніе для торговли — и внѣшней, но еще больше внутренней — имѣлъ Днѣпръ. Пересѣкая Южную Русь со своими огромными и судоходными притоками, Десной и Припетью, онъ соединялъ ея лѣсную полосу съ степной, чрезвычайно облегчая взаимный обмѣнъ; другія двѣ большія рѣки, Бугъ и Днѣстръ, въ разсматриваемое время были въ сторонѣ отъ торговаго движенія; то значеніе, которое началъ было пріобрѣтать Днѣстръ въ началѣ XV в., судя по тому, что при Казимирѣ Ягайловичѣ имъ сплавливали пшеницу въ Царьградъ и Архипелагъ, въ концѣ второй половины столѣтія, благодаря турецко-татарскому господству, совершенно исчезло. Конечно, движеніе по Днѣпру

оживленностью своею значительно превосходило движеніе по сухопутнымъ дорогамъ, которыя также пересѣкали Южную Русь во всѣхъ направленіяхъ, имѣя главнымъ узломъ своимъ Кіевъ.

Съ сѣвера спускались Днѣпромъ къ Кіеву, главнымъ образомъ, лѣсъ, деревянныя издѣлія и предметы лѣсной промышленности. Отъ Кіева поднимались вверхъ рыба и соль: рыба, какъ главный, если не единственный, предметъ добычи и обмѣна со стороны Днѣпровскаго низовья, того знаменитаго Низа, которому вскорѣ пришлось занять такое видное мѣсто въ дальнѣйшей исторіи украинскаго народа. Вообще, предметы торговаго обмѣна, наполнявшіе наши внутренніе рынки, не отличаются разнообразіемъ: это все тѣ же хлѣбъ и скоть, воскъ и медъ прѣсный, мохнатый звѣрь. Стѣсненія, которымъ подвергалась внутренняя торговля, были, въ общемъ, тѣ же, какими была обставлена и торговля вѣнчяная; прибавимъ еще, что продавцы не имѣли права продавать свои товары на мѣстахъ и обязательно должны были вывозить ихъ на рынокъ,—конечно, въ видахъ лучшей охраны интересовъ фиска. Но, опутывая торговлю плотной сѣтью стѣсненій всякаго рода, правительство, тѣмъ не менѣе, не могло не понимать, какъ эта система мѣшала торговлѣ развиваться, а населенію городовъ обогащаться на счетъ этого развитія. Выходъ изъ этого противорѣчія оно искало въ многочисленныхъ торговыхъ льготахъ и привилегіяхъ, которыми одѣляло города. Особенно щедрымъ было оно по отношенію къ Кіеву и, вообще, къ болѣе южнымъ пограничнымъ городамъ нашей территоріи, какъ такимъ, которые особенно страдали „отъ поганства татаръ“. Главнымъ содержаніемъ такихъ привилегій была свобода отъ мыта: кіевскіе мѣщане были освобождены отъ платежа всякихъ мытъ по всему государству еще въ концѣ XV вѣка; затѣмъ, въ теченіе слѣдующаго столѣтія, получали привилегіи, хотя болѣе ограниченнаго характера (на опредѣленное время, по отношенію къ опредѣленнымъ лишь товарамъ) Каневъ и Черкасы, Бѣлая Церковь, Крыловъ, Винница.

Привилегія, облегчая одного, отягощаетъ другого; таково ея обыкновенное свойство. Напримѣръ, государство, предоставляя кіевскому мѣщанству въ предѣлахъ города исключительное право на торговлю „въ раздроблицу“, т.-е. розничную, тѣмъ самымъ усиленно тѣснило иногороднихъ торговцевъ, лишенныхъ права продавать „на локоть, на фунтъ или золотникъ“. Такія привилегіи необходимо вызывали, какъ противовѣсъ, ярмарочныя привилегіи, которыми обуславливалось кратковременное освобожденіе торговли, на ярмарочный срокъ, отъ этихъ и подобныхъ стѣсненій.

Въ концѣ концовъ, эта система привилегій привела къ тому, что торговая промышленность Литовско-Русскаго государства была почти парализована въ своемъ развитіи всепоглощающими привилегіями шляхетства. Всѣмъ членамъ шляхетскаго сословія предоставлено было, для ихъ личныхъ потребностей, право безошпиннаго вывоза и ввоза изъ-за границы всякихъ товаровъ. Будучи сначала лишь частной привилегіей отдѣльныхъ лицъ шляхетскаго сословія, добывавшихъ отъ великаго князя право на безошпинный ввозъ въ цѣляхъ приобрѣтенія за границей хорошаго вооруженія, она обратилась въ

общую привилегію шляхты. Эта „чудовищная“, по выраженію почтеннаго профессора Бершадскаго, привилегія убила народную торговлю, сохранивъ лишь нѣкоторое поле для торговой дѣятельности шляхты, сбывавшей хлѣбъ, добытый трудомъ хлопа.

Тѣ препятствія, какія внутренняя торговля удѣльнаго періода встрѣчала въ слишкомъ слабомъ развитіи монетнаго дѣла, въ настоящее время ужъ были до нѣкоторой степени устранены. Наслѣдовавшее культуру древней Руси Литовско-Русское государство заимствовало у нея и ея гривны или рубли: серебряная гривна, кievская или новгородская, повидимому, была основной монетной единицей. Со времени перваго соединенія Литвы съ Польшей, при Ягайлѣ—можетъ-быть, въ зависимости отъ этого обстоятельства—замѣчаются успѣхи монетнаго дѣла. Съ Кейстута появляется и самостоятельная литовская монета—грошевая, полугрошевая, трех-, четырех- и шестигрошевая: очень употребителенъ счетъ грошей на копы (копа—60 грошей). Позже, послѣ уніи уже, появляется мелкая разнѣнная монета динарий (пенѣзи) и крупная—червонный золотый. Но, несмотря на это, все-таки временами, повидимому, на обширной территоріи Литовско-Русскаго государства ощущался недостатокъ въ монетѣ, который приходилось пополнять чужой монетой: монета польская еще до Люблинской уніи имѣла временами обязательный курсъ за недостаткомъ собственной монеты, какъ объ этомъ прямо свидѣлствуютъ источники. Кромѣ польской монеты—полугрошниковъ, грошей „краковскаго рѣза“—обращались еще и „широкіе чешскіе гроши“ и угорскіе золотые, и нѣмецкіе талеры. Литовская монета одного названія съ польской была, тѣмъ не менѣе, цѣннѣе ея по содержанію металла, и это обстоятельство было однимъ изъ многочисленныхъ поводовъ, питавшихъ взаимное національное неудовольствіе.

Но если монета и явилась на помощь торговлѣ, то другое препятствіе, заключавшееся въ отсутствіи единообразныхъ мѣръ, продолжало, повидимому, держаться еще въ полной силѣ. Всякій большой торговый пунктъ придерживался своихъ собственныхъ мѣръ, стараясь лишь о томъ, чтобы урегулировать ихъ для своего собственнаго района. Такимъ образомъ, не только различныя мѣстности придерживались совсѣмъ особыхъ мѣръ, но и одна и та же, по имени, мѣра имѣла различную величину и требовала ближайшаго обозначенія того мѣста, гдѣ она была принята и опредѣлена.

Въ одномъ мѣстѣ для обозначенія мѣры меду прѣснаго была употребляема кадъ, лагунъ, въ другомъ—ведро, въ третьемъ—ручка, желѣзникъ, ушатка; для хлѣба—то бочка, то солянка, колода, третинникъ, мѣрка, осмакъ, корецъ, четверть и т. д. Отсюда, при торговыхъ сдѣлкахъ, являлась необходимость дѣлать такія опредѣленія: кадъ кievской мѣры, бочка слуцкая, аршинъ берестейскій, мѣрка острожская и т. д., а уже каждый городъ хранилъ въ ратушѣ нормальную единицу принятой имъ мѣры. Не требуетъ особыхъ поясненій, какъ должно было мѣшать это условіе развитію торговаго обмѣна.

Итакъ, внѣшняя торговля—уже не транзитная лишь, какъ это было въ значительной степени, если не исключительно, въ первый періодъ—теперь

оставляла въ странѣ массу предметовъ, которые, входя въ обиходъ жизни, расширяли кругъ матеріальныхъ потребностей общества.

Еще въ началѣ разсматриваемой эпохи, съ половины XIV до половины XVI вв. жизнь человѣка даже и высшаго сословія, въ смыслѣ обилія и разнообразія вещей, была обставлена очень скудно. Сохранились на это ясныя свѣдѣтельства документовъ: одинъ панъ продаетъ другому свое имѣніе и получаетъ въ видѣ платы известную сумму монетой и бобровую шубу; такому-то пану Волчку достается при дѣлѣхъ отъ родичей село, шесть кобылъ, жеребецъ и два серебряныхъ креста и т. д. Въ концѣ разсматриваемой эпохи состоятельный человѣкъ обставленъ такъ, что въ обиліи окружающихъ его вещей уже дѣлаются незамѣтными отдѣльные серебряные кресты или бобровыя шубы. Западная торговля освоила людей съ нѣмецкими сукнами: не только шляхтичъ, но и зажиточный украинскій простолюдинъ не довольствовался домашнимъ, а требовалъ „лунскаго сукна“; южная торговля распространила повсюду шелкъ и шелковыя ткани. Какъ ни хороши были стоялые меды и домашнія пива, но, тѣмъ не менѣе, нѣмецкое пиво уже начало и тогда прокладывать себѣ дорогу въ обиходъ жизни южно-русскаго человѣка; о заграничныхъ же винахъ нечего и говорить: они шли въ изобиліи и съ запада, и съ юга, не вытѣсняемые своимъ мѣстнымъ, земскимъ или горѣлымъ, виномъ, несмотря на его дешевизну.

Пища доставлялась въ изобиліи окружающей, еще не истощенной, природой, и по отношенію къ пищевому матеріалу, конечно, въ тѣ времена было гораздо меньше отличія высшаго класса отъ низшаго, богатаго отъ бѣднаго, чѣмъ это мы наблюдаемъ теперь. Если панъ Никодимъ Яновичъ, великій посолъ отъ Литовскаго государя къ Московскому, получалъ ежедневно въ качествѣ „стаци“ отъ населенія на свое путевое прокормленіе яловицу, четверо гусей, десять куръ, кромѣ хлѣба и другихъ „дробныхъ кухонныхъ рѣчей“, ушатокъ меду и бочку пива, то и пятнадцать московскихъ вязней (плѣнниковъ), сидѣвшихъ въ Берестѣ, все-же-таки имѣли на пропитаніе на недѣлю по 2 барана, по 2 ковриги хлѣба на человѣка, по 10 головаженъ соли и по бочкѣ пива. Однимъ словомъ, мясо домашняго скота и дикихъ животныхъ, птица домашняя и дикая, рыба—доставляли одинаково матеріалъ для стола и великаго князя и простого крестьянина. Но торговля познакомила богатыхъ людей съ приправами, которыя и отличали простой столъ отъ изысканнаго. Приправы эти употреблялись въ огромныхъ количествахъ: изъ нихъ перецъ, по своей распространенности, чуть-что не считался общепризнаннымъ орудіемъ обмѣна. Къ „простымъ зельямъ“, слѣдовательно, общедоступнымъ по своей стоимости, кромѣ перца, относится еще имбирь, миндаль; болѣе цѣнными, слѣдовательно, входящими въ потребности лишь состоятельныхъ людей, считались шафранъ, мушкатъ и мушкатный цвѣтъ, гвоздика—къ этой же категоріи „дорожныхъ зельевъ“ относились зелья лѣкарственные, калганъ и цытварное сѣмя; въ видѣ иноземныхъ лакомствъ, для услажденія вкуса людей богатыхъ, привозились винныя ягоды и изюмъ. Еще необходимо упомянуть объ оружіи и, вообще, о принадлежностяхъ вооруженія, которыми обильно издавна снабжала загранич-

ная торговля высшій классъ. Конечно, и свои мѣстные ремесленники отчасти удовлетворяли этой насущнѣйшей потребности членовъ служилаго сословія, но болѣе искусное и цѣнное вооруженіе добывалось съ юга и запада путемъ торговли.

Итакъ, надо полагать, что члены высшаго класса въ разсматриваемую эпоху, благодаря торговлѣ, были обильно, если не роскошно, обставлены по отношенію одежды, вооруженія, украшеній: дорогія шубы, епанчи, сояны, охабни съ золотыми и серебряными пуговицами, и кошули (рубахи), вышитыя шелками и золотомъ, драгоценныя ланцухи (цѣпи), перстни, запоницы, монисты, перлы, наконецъ, вооруженіе, дорогое по искусной работѣ и по драгоценной оправѣ—такимъ и подобнымъ образомъ старался обзавестись, по мѣрѣ силъ и возможности, всякій состоятельный человѣкъ того времени. Но все это были предметы „личной“ обстановки въ узкомъ смыслѣ этого слова; въ смыслѣ обстановки домашней требованія были еще, повидимому, очень невысоки. Большое вниманіе было обращено на образа и ихъ дорогія ризы,—на цѣнныя оправы для всякаго рода „святостей“—вѣроятно, эти предметы играли первую роль въ домовомъ убранствѣ. Затѣмъ богатые люди имѣли серебряную столовую посуду, тоже служившую больше предметомъ украшенія, чѣмъ употребленія: кубки, чарки, роструханы, полумиски, рукомыи. Изъ предметовъ домашняго украшенія и комфорта можно указать еще, какъ на очень распространенное въ Южной Руси, восточные ковры, которыми покрывали богатые люди столы и скамьи простой, самодѣльной, работы. Утонченность жизни прививается къ нравамъ южно-русскаго общества лишь позже, по мѣрѣ распространенія польскихъ вліяній, въ связи съ которыми дѣйствовали и крупныя измѣненія экономическихъ условій: но объ этомъ будетъ рѣчь въ слѣдующемъ очеркѣ.

Экономическія основы жизни были патріархальны; патріархальны были и формы быта, которыя на нихъ покоились. Солидарность родственныхъ группъ, поглощеніе ими личности, круговая порука и отвѣтственность—продолжали связывать людей. Но въ то же время среди высшаго класса дѣятельно шелъ процессъ освобожденія личности и опредѣленія ея правъ на тѣхъ основаніяхъ и въ тѣхъ предѣлахъ, какія были установлены и выработаны жизнью и юридической мыслью Западной Европы. Выше мы говорили о томъ, какъ Ягеллоны, рядомъ законодательныхъ мѣръ, въ земскихъ привилегіяхъ, жалованныхъ и уставныхъ грамотахъ отдѣльнымъ землямъ, превратили литовско-русское боярство въ шляхетство. Условное земельное держаніе сдѣлалось безусловной земельной собственностью, что повлекло за собой обезземеленіе земледѣльческаго класса; дарованіе высшему классу политическихъ привилегій имѣло своимъ послѣдствіемъ закрѣпощеніе класса низшаго. Но, признавая въ полной мѣрѣ всѣ пагубныя послѣдствія, какими отразился этотъ процессъ на обществѣ, нельзя не признать за нимъ и одной важной положительной стороны: онъ освобождалъ личность и обставлялъ ее тѣми правовыми гарантіями, безъ какихъ новое время не признаетъ существованіе возможнымъ. Теперь только впервые законодательный актъ оговаривалъ, что нельзя человѣка осуждать безъ суда или судить заочно, что наказаніе должно падать лишь на винов-

наго, а не на его родственниковъ или слугъ, что всякій, исполнившій свои обязательства передъ государствомъ, можетъ пользоваться своей свободой для выѣзда за границу, что онъ воленъ дѣлать со своимъ имѣніемъ что хочетъ *),— все это представлялось лишь прямымъ приложеніемъ „вольнаго права христіанскаго“, хотя это право все-таки было доступно пока лишь одному высшему классу. Очень краснорѣчивымъ выраженіемъ этого новаго теченія въ жизни и правѣ являются тѣ нормы законодательныхъ памятниковъ, которыя касаются положенія женщины. Женщинѣ высшаго класса предоставляется право выходить замужъ, не испрашивая на то согласія великаго князя или его наместника: очевидно, до тѣхъ поръ, въ силу особенностей военно-служилаго, условнаго землевладѣнія, власть надъ женщиной въ этомъ отношеніи перенесена была съ кровнаго союза на государство и его главу. Затѣмъ женщинамъ предоставляются извѣстные имущественныя права, и тѣмъ обезпечивается, до нѣкоторой степени, ея самостоятельность—явленіе новаго порядка, такъ какъ при господствѣ архаическихъ понятій и формъ быта о самостоятельной женской личности не можетъ быть и рѣчи.

Но женщина, не освоившаяся съ той новой, хотя и ограниченной, свободой, которую предоставилъ ей теперь законъ, нерѣдко злоупотребляла ею. По крайней мѣрѣ, намъ кажется, что именно съ этимъ условіемъ надо связывать тѣ указанія на распущенность правовъ среди южно-русского дворянства, какія доходятъ до насъ отъ этого отдаленнаго времени. Если жалобы тогдашнихъ пессимистовъ, въ родѣ князя Курбскаго, и можно считать за преувеличенныя, то судебныя и иные документы, во всякомъ случаѣ, передаютъ голую правду, и, случается, очень нелестную для южно-русской женщины высшаго класса. Семейный союзъ того времени представляется вышеуказанными документами очень непрочнымъ,—и атаку на него нерѣдко ведетъ именно женщина, обыкновенно ея легкомысліе, но иногда также и корыстолюбіе или честолюбіе; такимъ образомъ, разводы дѣлаются явленіемъ совершенно зауряднымъ среди волынскихъ православныхъ князей и земянъ, о жизни которыхъ мы имѣемъ наиболѣе свѣдѣній, и церковь, очевидно, не рѣшается ставить имъ препятствія. Случается, что женщина выступает и какъ преступница, прибѣгая къ яду или колдовству, чтобы устранить съ своей дороги то или другое препятствіе. Но еще чаще пытается она расчищать себѣ дорогу не тайнымъ преступленіемъ, а прямымъ и грубымъ насиліемъ, средства для котораго она находитъ въ своемъ самостоятельномъ имущественномъ положеніи. Далеко не единичное явленіе представляютъ собою амазонки, какъ Анна Борзобогатая-Красенская или княгиня Софія Ружинская, которыя, одѣтыя въ панцырь, лично предводительствуютъ военными отрядами, дѣлаютъ нападенія на сосѣдей, берутъ приступомъ замки, отражаютъ земское ополченіе своего воеводства. Надо замѣтить, что, злоупотребляя такимъ образомъ своей свободой и правами, женщина шла лишь по стопамъ мужчины: самоуправство всѣхъ видовъ и степеней дѣлается обычнымъ условіемъ существованія южно-русского военно-слу-

*) Жалованная грамота Казиміра, 1457 г.

жилаго чоловіка кь концу розматриваемої епохи. Было бы несправедливостью приписывать исключительно влиянію польскаго права всѣ эти домовыя войны, заѣзды и другія примѣненія принципа „своя рука владыка“: имъ богата жизнь литовско-русскаго высшаго класса и до Люблинской уніи.

Въ то же время въ низшемъ слоѣ литовско-русскаго общества также происходилъ процессъ, сходный по существу съ только-что описаннымъ, но отличный отъ него и по мотивамъ, и по результатамъ. Личность также освобождалась путемъ постепеннаго, медленнаго, но рѣшительно наступавшаго разложениія родово-семейнаго союза, описаннаго выше подъ именемъ дворища. Дворище вырождалось подъ влияніемъ приближающагося обезземеленія земледѣльческаго класса и волочной системы: отходящая въ вѣчность бытовая форма уносила съ собой и покоящуюся на ней строй понятій.

Но общественная атмосфера еще была такъ насыщена чувствами солидарности, воспитанными архаическимъ строемъ, что въ ней легко складывались и существовали тѣ свободныя подражанія кровнымъ союзамъ, которыя заимствовали отъ нихъ нѣкоторыя внѣшнія черты, но преслѣдовали свои собственные, общественныя или нравственныя, цѣли. О конныхъ союзахъ уже была рѣчь выше: скорѣе терпимые, чѣмъ признаваемые закономъ, они продолжали заправлять такими важными сторонами народной жизни, какъ правосудіе и полицейская безопасность. Но еще гораздо интереснѣе съ указанной точки зрѣнія—братства.

Опираясь въ своемъ происхожденіи на кровныя связи, братства въ разсматриваемую эпоху представляли собою свободные союзы, широко распространенные по всей территоріи Литовско-Русскаго государства, а, слѣдовательно, и Южной Руси. Главнымъ мѣстомъ ихъ процвѣтанія были города, гдѣ скопленіе населенія, чуждаго по крови, съ его разнообразными общественными потребностями, не удовлетворяемыми государствомъ, создавало особенно благоприятную почву для ихъ развитія. Благоприятнымъ условіемъ было и Магдебургское право, которое также знало братства и давало имъ формальное признаніе и опредѣленіе, подъ именемъ цеховъ или гильдій. Но и ремесленныя братства или цехи, и купеческія или гильдіи не есть явленіе, заимствованное, вмѣстѣ съ нѣмецкимъ правомъ, изъ Германіи—это мы можемъ утверждать съ полной увѣренностью, имѣя на то несомнѣнныя историческія доказательства. Слѣды существованія братскихъ союзовъ, можетъ-быть, и не такъ развитыхъ, какъ союзы городскіе, мы находимъ и внѣ городовъ: „меды“ и „пива“, т.-е. медовыя и пивныя братчины или братскія пиршества, „свѣчи“ и „кануны“, такъ часто встрѣчающіеся въ памятникахъ,—все это опредѣленныя указанія на существующія братства. Цѣли, которыя преслѣдовали эти союзы,—въ общемъ религіозно-нравственныя, и церкви съ патронами, которымъ онѣ были посвящены, обыкновенно, являются центрами братствъ; но отдѣльныя группы братствъ, поставленныя въ тѣ или другія особыя условія и преслѣдующія свои спеціальныя цѣли, могли далеко выходить изъ первоначальныхъ узкихъ традиціонныхъ рамокъ. Таковы были братства цеховыя, ставившія себѣ, на ряду съ религіозно-нравственными, и опредѣленныя соціально-экономическія цѣли. Такъ же далеко

вышли изъ первоначально намѣченныхъ предѣловъ и „церковныя братства“, сыгравшія столь важную роль въ нашей исторіи, какъ орудіе не только религіозной, но и политической борьбы, о которой у насъ будетъ рѣчь въ слѣдующемъ очеркѣ. Конечно, психической почвой и грандіознаго запорожскаго военнаго братства—уже закладывавшагося въ это время тамъ гдѣ-то на отдаленномъ Днѣпровскомъ низовѣ—служить та же стихія понятій и чувствъ, которая вызвала къ жизни и остальные виды братскихъ союзовъ.

Если освобожденіе личности влечетъ за собой на первыхъ порахъ отрицательные результаты въ видѣ усиленнаго своеволія и самоуправства, то оно же, вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда имѣетъ и результаты положительные: ростъ самосознанія, критической мысли, и, въ связи съ нимъ, развитіе просвѣщенія и просвѣтительной дѣятельности. Конечъ разсматриваемой эпохи несомнѣнно характеризуется сильнымъ подъемомъ общественной энергіи въ этомъ направленіи; но такъ какъ кульминаціонный пунктъ этого движенія относится къ слѣдующей эпохѣ, то и мы поведемъ о немъ рѣчь впереди. Здѣсь же сдѣлаемъ лишь нѣсколько предварительныхъ указаній.

Историческая наука мало знаетъ, въ чемъ состояли образовательные ресурсы эпохи удѣльной, и еще меньше знаетъ о томъ, что передала эта эпоха слѣдующей. Но дошедшіе до насъ памятники письменности несомнѣнно и краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, какъ сравнительно далеко ушло впередъ общество разсматриваемой эпохи. Возьмемъ, напримѣръ, „Рускую Правду“ и „Литовскій Статутъ“,—тотъ и другой, какъ самобытные памятники своей эпохи,—и сравненіе ихъ покажетъ намъ съ наглядною точностью, съ какими различными ступенями правового сознанія мы имѣемъ дѣло. „Русская Правда“ едва возвышается надъ почвою конкретныхъ фактовъ, съ трудомъ справляется съ элементарной классификаціей и даже не ставитъ себѣ задачей обхватить всю область правовыхъ явленій, нуждающихся въ законодательныхъ опредѣленіяхъ. „Литовскій Статутъ“ есть настоящій законодательный кодексъ, свидѣтельствующій о такомъ юридическомъ развитіи своихъ составителей, которое едва ли могло бы быть ими приобрѣтено безъ ближайшаго знакомства съ римскимъ правомъ. Достаточно сказать, что „Литовскій Статутъ“ представлялъ собою у насъ, въ Южной Руси, собственно въ Малороссіи, дѣйствующее право почти до нашего времени (до 1839 года).

„Литовскій Статутъ“ появился на свѣтъ на тогдашнемъ литературномъ южно-русскомъ языкѣ, на томъ самомъ языкѣ, на которомъ написаны были и всѣ другіе юридическіе памятники данной эпохи. На образованіе этого литературнаго языка сильно повліялъ славянскій языкъ церковныхъ книгъ; но, съ другой стороны, и самъ церковно-славянскій языкъ въ эту эпоху подпалъ вліянію народныхъ нарѣчій: по крайней мѣрѣ, Библія Скорины, появленіе которой относится къ началу XVI в., носитъ яркіе слѣды этихъ вліяній и вліяній разнообразнаго характера. Собственно же народное южно-русское нарѣчіе отразилось рѣзко въ такъ называемомъ Пересопницкомъ Евангеліи и Львовской Библии. Первая типографія появилась на территоріи Литовско-Русскаго государства, въ его столицѣ Вильнѣ, въ 1525 г. Когда, въ половинѣ столѣтія,

Сигизмундъ-Августъ задумалъ дать новую редакцію Статута, шляхта просила, чтобы она „была справлена не писаннымъ письмомъ, але выбиваннымъ“. Очевидно, общество сознавало значеніе „выбиваннаго письма“; но всѣ громадныя результаты его примѣненія и распространенія обнаружались лишь позже.

У людей разсматриваемой эпохи всѣ духовныя потребности и идеальныя стремленія находились въ самой тѣсной связи съ ихъ религіозными понятіями и чувствами. Оттого грамотность и школа, книга и типографія,—все это, какъ и инныя проявленія энергіи человѣческаго духа въ его стремленіяхъ къ добру и истинѣ,—ютились около церкви, лишь изрѣдка и слабо пытались отъ нея обособиться. Понятенъ отсюда тотъ интересъ, какой представляетъ собой для даннаго историческаго момента положеніе церкви; тѣмъ болѣе, что это положеніе представляло нѣкоторыя любопытныя особенности.

Католицизмъ сдѣлался, со времени Ягайла, религіей литовскихъ государей и литовскаго народа, слѣдовательно, религіей правящихъ элементовъ Литовско-Русскаго государства. Но православіе продолжало оставаться религіей русскаго населенія, т.-е. значительно преобладающей, статистически и территоріально, составной части этого государства. Массовое преобладаніе православія было такъ велико, что пока католицизмъ почти совершенно воздерживался отъ наступательныхъ дѣйствій въ смыслѣ пропаганды. Правда, Ягайло, какъ неофитъ, слѣпо дѣйствующій подъ внушеніемъ новаго ученія и новыхъ учителей, издалъ такъ называемый Городельскій привилей, которымъ предоставлялись католикамъ исключительныя права. Но этотъ законодательный актъ, какъ противорѣчащій фактическимъ отношеніямъ, остался мертвой буквой. Православные пользовались всей полнотой правъ, наравнѣ съ католиками, и великіе князья Ягеллоны, начиная съ Казимира, сына и наслѣдника Ягайла, не разъ имѣли случай подтверждать это въ разныхъ законодательныхъ памятникахъ. Въ то же время всѣ попытки черезъ церковную унію обойти православіе мирнымъ и окольнымъ путемъ терпѣли рѣшительное пораженіе. Правда, Флорентійская унія, о которой упомянуто выше, произвела извѣстное волненіе среди православнаго общества; нѣкоторыя лица высшаго литовско-русскаго духовенства, какъ, напримѣръ, первый митрополитъ самостоятельной западно-русской митрополіи Григорій Болгаринъ, преемники его Мисаилъ и Іосифъ Болгариновичъ, обнаруживали наклонность къ сдѣлкамъ съ римской церковью. Но единичныя усилія и попытки безслѣдно разбивались о непоколебимое и непроницаемое упорство православной массы, включая и верхній ея слой. Къ началу XVI столѣтія всѣ эти усилія и попытки прекратились: католицизмъ какъ-будто совершенно отчаялся сдѣлать какія-нибудь пріобрѣтенія на литовско-русской территоріи; православная церковь пребывала, ничѣмъ извнѣ не смущаемая въ своемъ спокойствіи.

Но именно въ эту мирную эпоху, свободную отъ религіозныхъ волненій, происходила та внутренняя и глубокая перестройка литовско-русскаго общества, которая, въ концѣ концовъ, совершенно оторвала высшій классъ отъ низшаго и, противопоставивъ враждебно ихъ интересы, подготовила въ высшемъ классѣ воспримчивую почву для культуры не только сѣмянъ уніи, но и самаго католицизма. Но все это было дѣломъ будущаго.

До поры до времени православіе являлось, какъ уже было сказано, преобладающей религіей Литовско-Русскаго государства, преобладающей—по численности своихъ адептовъ, но, тѣмъ не менѣе, не господствующей, по своему значенію въ государствѣ. Государство давало православнымъ своимъ подданнымъ ту правовую охрану, какая была въ его силахъ; въ томъ или другомъ частномъ случаѣ благосклонность представителей государственной власти даже и къ заблуждающимся дѣтямъ вселенской церкви, какими были въ его глазахъ православные, простиралась до того, что оказывалась поддержка какому-нибудь монастырю или церкви изъ доходовъ великокняжескаго хозяйства. Но и только. Все-таки дѣятельная поддержка государства принадлежала католицизму: православіе было только терпимо и, въ лучшемъ случаѣ, охраняемо. Православная церковь, забота о ея поддержаніи, благоустроеніи и развитіи остались цѣликомъ на рукахъ самого православнаго общества. Эта особенность положенія была еще усилена слѣдующими обстоятельствами. Водвореніе турокъ на развалинахъ Византійской имперіи повлекло за собой дезорганизацію константинопольскаго патріархата, въ составъ котораго входила русская церковь, предоставивъ ее всецѣло самой себѣ. И въ то же время сама русская церковь, слѣдуя политическому дѣленію русской народности, распалась на двѣ самостоятельныхъ митрополій—московскую и литовско-русскую. Долгія усилія литовскихъ великихъ князей высвободить своихъ русскихъ подданныхъ изъ-подъ духовной власти московскаго митрополита, который хотя и носилъ титулъ кievскаго, но постоянно жилъ въ Москвѣ, наконецъ, привели къ желанному результату: съ 1458 года литовская православная Русь уже постоянно имѣла особаго митрополита.

Лишенная поддержки если не матеріальной, то хотя нравственной, какъ со стороны патріархата, такъ и со стороны родственной восточно-русской церкви, лишенная опоры своего собственнаго государства, литовско-русская церковь очутилась, какъ уже только-что сказано, всецѣло на попеченіи православнаго общества.

Церкви и монастыри строились и украшались заботами отдѣльных частныхъ жертвователей; такія же отдѣльныя лица доставляли духовнымъ учрежденіямъ необходимыя матеріальныя средства; наконецъ, даже снабженіе іерархическихъ кадровъ наличнымъ составомъ лежало на православномъ обществѣ; оно принимало участіе и въ церковномъ судѣ. Православные сами выбрали себѣ не только священниковъ, но даже и епископовъ, и митрополита; это ихъ право встрѣчало ограниченіе лишь со стороны „права подаванія“, патроната, о которомъ будетъ рѣчь ниже.

Такое положеніе дѣлъ, вызывая постоянно къ самостоятельности общества, должно было развивать въ немъ преданность интересамъ своей церкви. И въ самомъ дѣлѣ, если и попадаются указанія на то, что встрѣчалось между многими людьми русскими извѣстное равнодушіе къ обрядовой сторонѣ религіи („жоны поймучи не вѣнчаются, дѣтей крестити не хотятъ и на исповѣдь не ходять“), то упорная преданность русскихъ православію, особенно тамъ, гдѣ оно противопоставляло себя латинству, слишкомъ хорошо засвидѣтельствована,

чтобы подлежать какому-нибудь сомнѣнію. Религіозное чувство обхватывало жизнь. Забота о душѣ, не только собственной, но и о душѣ всѣхъ родичей,— настоящихъ, прошедшихъ и даже будущихъ,—была одной изъ настоятельнѣйшихъ заботъ челоуѣка того времени. Наивная вѣра связывала эти заботы съ количествомъ и качествомъ заупокойныхъ обѣдѣнъ, церковныхъ молитвъ, надгробныхъ свѣчъ. Понятны, съ этой точки зрѣнія, тѣ большія матеріальныя жертвы, на какія способенъ былъ даже и средній челоуѣкъ того времени, чтобы заручиться влияніемъ церкви въ пользу своей души.

Обязательная церковная десятина не привилась у насъ даже и въ удѣльный періодъ, когда за церковью стояли всецѣло симпатіи, а, слѣдовательно, и поддержка государственной власти; въ разсматриваемое время сохранились о десятинахъ лишь нѣкоторые воспоминанія, побуждавшія иныхъ жертвователей приурочивать къ десятой части своего имущества или доходовъ жертвы въ пользу того или другого духовнаго учрежденія. Такимъ образомъ, православная церковь лишена была, прежде всего, того постояннаго источника доходовъ, какимъ пользовалась церковь католическая. Оттого записи и вклады частныхъ лицъ составляли почти единственный источникъ, изъ котораго православная церковь черпала матеріальныя средства, необходимыя для поддержанія ея учреждений. Но особыя свойства этого источника повлекли за собою нѣкоторые важныя послѣдствія для постановки всего религіознаго дѣла на нашей территоріи.

Если низшій, земледѣльческій, классъ удѣлялъ въ пользу церкви отъ своихъ излишковъ или отрывалъ отъ необходимаго, то только классъ высшій могъ снабжать церковь фондами, въ смыслѣ постоянныхъ источниковъ дохода, такъ какъ только онъ имъ располагалъ. Извѣстно, въ чемъ состояли эти фонды: въ даянхъ и иныхъ поборахъ со стороны населенія и въ земельныхъ держаніяхъ, которыя постепенно теряли свой условный характеръ, превращаясь въ безусловную земельную собственность. Только эти фонды владѣльцы ихъ и могли обращать въ пользу церкви и ея учреждений.

Такъ какъ въ Южной Руси значительная часть территоріи занята была данниками, то и лица высшаго класса, получая свои доходы, по преимуществу медовыми данями, ихъ же жертвовали на церковь: можетъ-быть, были и еще какія-нибудь частныя причины, почему медовая дань считалась для этого назначенія наиболѣе удобной или приличной. За медовыми данями шли дани разнаго рода хлѣбомъ, хмѣлемъ, деньгами. Возможны были въ этомъ случаѣ разнообразныя комбинаціи. Владѣлецъ могъ передать церкви всѣ дани извѣстной земли или извѣстныхъ „людей“, или могъ передать часть этихъ даней, оставляя себѣ другую, или могъ дать часть одному духовному учрежденію, положимъ такой-то церкви, а часть другому, напримѣръ, епископской кафедрѣ и т. д. Если владѣлецъ располагалъ тяглыми людьми, онъ могъ передать церкви ихъ трудъ: напримѣръ, обязать ихъ крыть церковь и городить цвинтарь, ходить „пригономъ“ на епископскій дворъ, возить въ монастырь дани его и т. п.

На ряду съ такими вкладами на церковь „службъ, даней и полатовъ“ данныхъ и тяглыхъ людей, владѣльцы записываютъ на церковь,—и чѣмъ дальше, тѣмъ чаще,—земельныя имущества. Очень часто записываются на монастыри

и церкви озера, какъ рыбныя угодья, конечно, въ связи съ многочисленными постами православной церкви: иногда это опять-таки лишь право на то, чтобы волочить столько-то времени рыбу изъ такого-то озера; но часто озера и другія промысловыя угодья (напримѣръ, рѣка съ бобровыми гонами и т. под.) поступаютъ въ полное вѣдѣніе церкви или монастыря.* По мѣрѣ того, какъ державцы обращаются въ земельныхъ собственниковъ, учащаются записи на церковь цѣльныхъ земельныхъ имуществъ въ видѣ ли отдѣльныхъ поселковъ (дворищъ, селъ), или цѣлыхъ волостей и городовъ. Но нельзя дать больше того, что имѣешь самъ: пока владѣльцы-жертвователи не были настоящими собственниками своихъ земель, и жертвы ихъ на церковь имѣли тотъ же условный характеръ. На каждое такое пожертвованіе требовалось разрѣшеніе великаго князя, которое тотъ давалъ охотно, видя въ этомъ удовлетвореніе естественнаго права каждого заботиться о спасеніи своей души; но за то совсѣмъ не охотно освобождалось имущество, переходящее въ вѣдѣніе церкви, отъ лежащихъ на немъ служебныхъ обязательствъ, военныхъ и тяглыхъ. Во всякомъ случаѣ великій князь, какъ верховный распорядитель всѣхъ службъ, а, слѣдовательно, и всего земскаго имущества, оставался по отношенію къ имуществамъ православной церкви „подавцею добръ и хлѣбовъ духовныхъ“. Въ этомъ и было основаніе для того „права подаванья“, которому многіе изслѣдователи приписываютъ такое пагубное вліяніе на дальнѣйшую судьбу православія въ Литовской Руси.

Въ самомъ дѣлѣ, литовскіе господа не только не были гонителями православной церкви въ своемъ государствѣ, но, наоборотъ, были къ ней неизмѣнно снисходительны и благожелательны. Но они были серьезно заинтересованы въ томъ, чтобы распоряженіе „духовными хлѣбами“ не выходило изъ ихъ рукъ. А, вмѣстѣ съ тѣмъ, ихъ интересы, какъ великихъ князей, не имѣли ничего общаго съ интересами православной церкви. Для нихъ эти „духовныя добра“ были лишнимъ ресурсомъ, которымъ можно было пользоваться въ общихъ интересахъ службы. Будь великіе князья православными, они раздавали бы церковныя имущества лицамъ, достойнымъ, съ ихъ точки зрѣнія, быть пастырями своего духовнаго стада. Теперь они раздавали эти имущества на земскую же службу и за службу. Хорошо еще, что господа обыкновенно бывали настолько внимательны, что отдавали ихъ православнымъ; но случалось, хотя и не часто, что духовное имущество попадало въ руки католика.

Когда великій князь отдавалъ какому-нибудь пану или шляхтичу церковь или монастырь, тотъ становился патрономъ поданнаго ему духовнаго учрежденія. Распоряжаясь по своему усмотрѣнію имуществомъ церкви или монастыря, патронъ долженъ былъ охранять вѣренное ему учрежденіе, снабжать его всѣмъ необходимымъ, заботиться о томъ, чтобы въ церкви былъ попъ, въ монастырѣ игуменъ или архимандритъ. При этомъ онъ могъ утверждать выборъ прихода и монаховъ, или назначать самъ то или иное лицо, или даже, по отношенію къ священнику, просто нанимать—все опредѣлялось особенными условіями cadaго частнаго случая, зависѣвшими отъ установившагося обычая, традиціи. Иногда великій князь подавалъ монастырь право-

славному шляхтичу съ тѣмъ, чтобы онъ, постригшись въ монахи, самъ сдѣлался игуменомъ. Женскіе монастыри отдавались женщинамъ-земянкамъ, конечно, въ награду за услуги ихъ отцовъ или мужей. Былъ и еще путь приобрѣтенія патроната надъ церковью и монастырями—это ктиторство: кто устраивалъ самъ церковь или монастырь, тотъ естественно былъ его патрономъ.

Особенное значеніе имѣло для судебъ православной церкви подаванье тѣхъ хлѣбовъ духовныхъ, которые связаны были съ епископскими кафедами. Епископская кафедра не могла имѣть патрона: епископъ, по своему высокому положенію въ церковной іерархіи, самъ необходимо долженъ быть патрономъ своей кафедры. Такимъ образомъ, великіе князья должны были давать духовные хлѣба этого рода лишь такимъ православнымъ шляхтичамъ, которые давали обязательство принять монашескій чинъ, чтобы получить посвященіе на епископа.

Нетрудно представить себѣ всѣ послѣдствія такого положенія дѣла. Памятники того времени содержатъ въ себѣ богатую коллекцію фактовъ крайне дикихъ и возмутительныхъ, съ современной точки зрѣнія. Епископы съ „женами своими, кромѣ всякаго стыда, живутъ и дѣтей плодятъ и церквами святыми владѣютъ и радятъ, съ крестовъ великихъ малые чинятъ и себѣ поясы и ложки и сосуды злочестивые къ своимъ похотемъ справуютъ, изъ ризъ сояны, съ петрахилевъ брамы“. Случалось, что и игумены жили въ монастыряхъ съ семьями; епископы вели между собою войны, брали съ бою свои кафедры и т. п. Все это факты несомнѣнно засвидѣтельствованные. Да и что тутъ удивительнаго? Вѣдь шляхтичъ, получившій на кормленіе духовные хлѣба, тѣмъ самымъ не могъ обратиться въ достойнаго пастыря церкви: это было бы чудомъ. Вышеприведенные факты, хотя и встрѣчались нерѣдко, все-таки были не правиломъ, а исключеніемъ, злоупотребленіемъ. Зато совершенно общимъ правиломъ было то, что высшіе чины православной іерархіи сплошь не представляли собою качествъ, необходимыхъ для должнаго отправленія своихъ пастырскихъ обязанностей.

Совершенно естественно поэтому, что когда вскорѣ для православной церкви настали трудныя времена, эти духовные пастыри первые измѣнили дѣлу-православія и хотѣли увлечь за собой свою паству. Но она оказалась несравненно тверже своихъ руководителей, и воспитанная въ духѣ самостоятельности, умѣла сама организовать и повести борьбу за дѣло своей души и совѣсти.

Южная Русь, въ церковно-административномъ отношеніи, сохранила въ главныхъ чертахъ старое дѣленіе удѣльнаго періода, связанное съ дѣленіемъ областнымъ. Въ предѣлахъ Литовско-Русскаго государства, на южно-русской территоріи, послѣ отдѣленія къ Москвѣ епархій Черниговской, осталась лишь епархія Туровско-Пинская и двѣ Волынскихъ, Владиміро-Брестская и Луцко-Острожская. Территорія Кіевского воеводства вошла въ составъ епархій митрополичей, хотя литовско-русскій митрополитъ и не жилъ уже въ Кіевѣ, а держался ближе къ центру государства, въ Новогрудкѣ и Вильнѣ. Сюда же, въ составъ епархій митрополичей, входило и Подолье (Побужье). Кромѣ упомянутыхъ на южно-русской территоріи еще были три православныхъ епархій, куда входили земли, находящіяся подъ властью Польши: это были епархій

Холмская, бывшая Угровская, Перемышльская и Галицкая—послѣдняя съ 1529 г. обращена въ двѣ епархіи: Львовскую и Каменець-Подольскую. Галицкая земля имѣла временами, стараніями польскихъ королей, даже особаго православнаго митрополита.

Кіевъ продолжалъ оставаться тѣмъ религіознымъ центромъ, къ которому стремились благочестивыя души всего населенія Южной Руси. Между святынями Кіева, конечно, первое мѣсто занималъ по-старому Кіево-Печерскій монастырь. Горячія симпатіи къ нему народной массы, воздвигавшія его изъ пепла и развалинъ, еще разъ снова возстановили его послѣ страшнаго разоренія, причиненнаго ему Менгли-Гиреємъ. По богатству своему, заключающемуся, главнымъ образомъ, въ земельныхъ имуществѣхъ, онъ занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ между всѣми духовными учрежденіями Литовско-Русскаго государства. Но именно это-то его богатство кидало его въ жертву алчности отдѣльныхъ лицъ, стремившихся перехватить надъ нимъ право патроната. Лишь къ половинѣ XVI ст. великій князь Сигизмундъ-Августъ, удовлетворяя просьбамъ земли Кіевской въ лицѣ ея православныхъ пановъ и земянъ, далъ юридическія права монастырской общинѣ, въ вѣдѣніе которой и перешло монастырское имущество.

III.

Литовско-русскій періодъ южно-русской исторіи закончился съ Люблинской уніей; но мы еще не покончили съ исторіей южно-русскаго племени въ этихъ хронологическихъ предѣлахъ. Дѣло въ томъ, что часть южно-русскаго племени, еще въ самомъ началѣ только-что описанной нами эпохи, усиліемъ сложившагося и окрѣпшаго Польскаго государства была оторвана отъ общей массы, втянута въ составъ польскихъ земель и, такъ сказать, поглощена Польшей. Впрочемъ, надо замѣтить, что хотя польскія вліянія и переработали совершенно общественный складъ этихъ земель по своему образу и подобию, но не уничтожили южно-русскаго этнографическаго типа: они успѣли только отодвинуть русскій элементъ въ общественныя низины, приурочить его исключительно къ низшему, зависимому классу общества. Земли, о которыхъ идетъ рѣчь,—Галиція или Червонная Русь, земля Холмско-Бельзская и западное Подолье.

При какихъ обстоятельствахъ были присоединены эти русскія земли къ Польшѣ—мы уже отчасти знаемъ изъ предыдущаго.

Почти одновременно съ тѣмъ, какъ Литва, стянувши около себя разрозненныя русскія земли, сложилась въ большое Литовско-Русское государство, удѣльная Польша, руководимая Владиславомъ Локеткомъ и сыномъ его Казиміромъ Великимъ, слилась въ одно государственное тѣло. Всѣ свои объединенныя и свободныя теперь государственныя силы обратила она на то, чтобы расширить свои предѣлы къ юго-востоку. Успѣхъ или неуспѣхъ такого движенія былъ для Польши вопросомъ о томъ, быть ей или не быть, какъ государству достаточно сильному, чтобы существовать и развиваться дальше въ качествѣ самобытнаго національнаго организма. Въ самомъ дѣлѣ, германское племя, еще съ XII—XIII вв. страшной силой напирало на Польшу съ запада.

Нѣмецкая колонизація заливала не только Силезію, съ раннихъ поръ совсѣмъ нѣмеченную, и Великую Польшу, но и Малую Польшу и Мазовію. У воротъ княжескихъ городовъ или замковъ раскидывались обширные, цвѣтущіе, совершенно самостоятельные нѣмецкіе города, только своими названіями: Краковъ, Познань, Сандомиръ, Люблинь, напоминающіе о своихъ связяхъ съ польской почвой. Лѣса, которыми была такъ богата старая Польша, исчезали, и на росчистяхъ появлялись въ обилии нѣмецкія Gemeinde (гмины).

Нѣмецкій языкъ, право, обычаи угрожали задуть языкъ, право, обычаи польскіе на мѣстахъ исконной польской осядлости. Противодѣйствовать этому напору было тѣмъ болѣе затруднительно, что государство вынуждено было покровительствовать нѣмецкой колонизаціи: въ ней оно черпало военную силу и матеріальныя средства.

Умный политическій расчетъ или нерѣдко замѣняющій его общественный инстинктъ—требовали, чтобы Польское государство направило свои силы на расширеніе своей территоріи по линіи наименьшаго сопротивленія. На пути этого движенія стояла прежде всего Червонная Русь, лишенная опоры со стороны дезорганизованныхъ русскихъ земель и сама дезорганизованная пресѣченіемъ своего исконнаго княжескаго рода. Съ Червонной или Галицкой Русью связывалась политическая традиція Волинь и, еще больше, Подолье, составлявшее какъ бы ея естественное территоріальное продолженіе. Просторъ, большое разнообразіе природы, и, главное, неистощимыя почвенныя богатства должны были привлекать къ себѣ польскаго земледѣльца, такъ мало избалованнаго своей однообразной и скудной природой. Было и еще одно важное обстоятельство, привлекавшее сюда вниманіе Польскаго государства. Эти русскія земли лежали на перепутьѣ того великаго торговаго пути, который связывалъ востокъ съ западомъ, Черное море съ Балтійскимъ. Польша, примкнувшая своими нѣмецкими городами къ промышленному движенію Европы, теперь умѣла цѣнить значеніе этого условія. Львовъ, центральный городъ Червонной Руси, держалъ въ своихъ рукахъ торговое движеніе, которое, направляясь отъ Бѣлгорода (Аккермана), шло черезъ Сучаву, столицу Молдавіи, на Краковъ, а оттуда поворачивало или къ западу на Вроцлавъ (Бреславль), или къ сѣверу, на Гданскъ (Данцигъ). Правда, со второй половины XV в., когда турки распространили свою власть на берега Чернаго моря, это движеніе затруднено было въ своемъ исходномъ пунктѣ и потеряло былое значеніе. Но зато крайне возросло торговое движеніе по сѣвернымъ морямъ, и Польша, владѣя Червонной Русью и Холмско-Бельзской землей, владѣла такимъ образомъ верховьями Вислы и ея большими правыми притоками, что давало ей возможность пользоваться этой рѣкой, какъ главной артеріей, для успѣшнаго сбыта сырья, т.-е. хлѣба, коней, рогатаго скота и т. п.—сбыта, главную массу котораго доставляли ей опять-таки тѣ же „текуція медомъ и млеко“ русскія земли.

Почти сорокалѣтняя война между Литвой и Польшей за Галицко-Волинское наслѣдство, со вмѣшательствомъ Венгріи, закончилась, какъ уже сказано выше, раздѣломъ этого богатаго наслѣдства: за Польшей остались Червонная Русь и земля Холмско-Бельзская. Людовикъ Венгерскій, наслѣдникъ

Казимира Великаго, всецѣло поглощенный интересами своей родной Венгріи, задумалъ воспользоваться для нея Галиціей, на которую Венгрія смотрѣла какъ на свою законную добычу съ тѣхъ поръ, какъ ея королевичамъ удалось короткое время посидѣть на столѣ галицкихъ князей. Людовикъ сначала отдалъ Галицію въ ленное владѣніе силезскому князю Владиславу Опольскому, а затѣмъ просто присоединилъ ее къ Венгріи, занявъ ея города венгерскими гарнизонами. Ядвига, дочь и наслѣдница Людовика на польскомъ престолѣ, тотчасъ послѣ своего брака съ Ягайломъ, лично предводительствуя войскомъ, заняла, въ качествѣ польской королевы, Галицкую Русь и затѣмъ возвратила Польшѣ ея приобрѣтеніе (1387 г.). Съ тѣхъ поръ Червонная Русь уже окончательно вошла въ составъ Польши подъ именемъ Русскаго воеводства, заключавашаго въ себѣ земли: Львовскую, Перемышльскую, Саноцкую, Галицкую; позже къ Русскому воеводству присоединена была еще отъ Волыни земля Холмская. Бельзская земля выдѣлена изъ общей массы и отдана въ ленъ мазовецкому князю Земовиту и составила потомъ особое Бельзское воеводство.

Присоединеніе къ Польшѣ западнаго Подолья обставлено было нѣсколько сложнѣе. Витовтъ, стремясь къ объединенію своего обширнаго государства, вытѣснилъ изъ Подольской земли своихъ племянниковъ Коріатовичей (1393 г.). Но уже черезъ два года онъ „продаетъ“ западное Подолье съ замками Каменцемъ, Смотричемъ, Червоноградомъ, Скалой, Бакотой, польскому королю за 20000 червонцевъ. Ягайло, въ свою очередь, передаетъ приобрѣтеніе въ залогъ за ту же сумму Спытку Мельштынскому, краковскому воеводѣ, который оказалъ много важныхъ услугъ королевскому дому. Послѣ того, какъ Спытко погибъ въ знаменитой битвѣ на Ворсклѣ, Ягайло снова выкупаетъ Подолье у жены Спытка, а затѣмъ возвращаетъ ее Витовту, получая въ обмѣнъ двойную сумму противъ затраченной. Какія реальныя отношенія укрывались подъ этими продажами, залогами, выкупами—трудно опредѣлить: несомнѣнно одно, что Подольская территорія была предметомъ сильныхъ домогательствъ какъ со стороны Литвы, такъ и со стороны Польши, причѣмъ фактическій перевѣсъ преобладанія былъ то на одной, то на другой сторонѣ. Смерть Витовта покончила съ колебательнымъ положеніемъ. Поляки хитростью овладѣли неприступнымъ Каменцемъ, который представлялъ собою ключъ къ западному Подолью; три-четыре года еще продолжались неопредѣленность, колебаніе, борьба, но съ 1434 г. западное Подолье уже окончательно входитъ въ составъ польскихъ земель. Подъ именемъ воеводства Подольскаго оно тѣсно примкнуло къ Червонной Руси, играя роль укрѣпленной сторожевой линіи, обращенной къ враждебному и хищному мусульманскому Востоку. Здѣсь кипѣла постоянная борьба съ татарской степью, съ той дикой Бѣлгородской ордой, нападеніе которой отличилось особенной опустошительностью; отсюда зорко слѣдили за Молдавіей и пользовались всякимъ случаемъ, чтобы вмѣшаться въ дѣла этой близкой сосѣдки, такъ недавно выросшей, со второй половины XIV в.—сейчасъ же за Днѣстромъ, на территоріи, захваченной-было рыболовными притоками и городками русскихъ бродниковъ и берладниковъ, пока ихъ не смыла волна татарскаго опустошенія; сюда же, на Подолье, стремились рыцари, пока еще

для западнаго христіанскаго міра не утратила окончательно своего священнаго значенія идея борьбы съ мусульманствомъ, захватившимъ ключи отъ гроба Господня.

Владѣя частями Волини и Подолья, Польша естественно стремилась къ округленію своихъ границъ, къ пріобрѣтенію и остальныхъ частей этихъ территорій. Вопросъ о Волини и Подольѣ сдѣлался тѣмъ большимъ мѣстомъ, присутствіе котораго давало себя знать во всѣхъ взаимныхъ отношеніяхъ Польши и Литвы. Общій характеръ этихъ отношеній былъ таковъ, что наступающая сторона, Польша, не могла довести дѣло до рѣшительной, открытой борьбы, хотя и подходила къ этому очень близко. А на полѣ мирныхъ переговоровъ и дипломатическихъ интригъ ничего нельзя было добиться, пока сами польскіе короли Ягеллоны не рѣшались явно и открыто принести въ жертву интересамъ Польши и интересы своей родной Литвы. Такимъ образомъ, только Люблинская унія присоединила къ Польшѣ въ полномъ составѣ Волинь и Подолье вмѣстѣ съ землею Кіевской: теперь уже почти вся территорія, занятая южно-русскимъ племенемъ, объединена была Польшей подъ своею властью.

Сосѣднія русскія земли привлекали къ себѣ поляковъ своимъ просторомъ и богатой почвой, какъ только-что мы сказали. Конечно, привлекали не дикія и лѣсистыя горы Галицкой Руси, хотя и въ Карпатахъ было кое-что стоящее вниманія,—припомнимъ хотя бы соляные источники, которые въ такомъ изобиліи бьютъ на сѣверномъ склонѣ этихъ горъ и безъ труда доставляютъ соль, драгоценный предметъ и домашней надобности и торговаго обмѣна. И другими минеральными богатствами не скудны какъ верховина Карпатъ, такъ и Подгорье, т.-е. тѣ плоскогорья и небольшія горы, которыя отходятъ по направленію къ сѣверу и востоку отъ главнаго хребта. Но люди, привыкшіе въ теченіе многихъ поколѣній извлекать свои средства къ существованію изъ земледѣльческаго труда, стремились въ рѣчныя долины, къ ихъ черноземнымъ полямъ и тучнымъ лугамъ. Пространство между Днѣстромъ и Прутомъ и вообще среднее Приднѣстровье, гдѣ Галицкая Русь сливается съ западнымъ Подольемъ, составило себѣ на отдаленномъ и скудномъ польскомъ сѣверѣ легендарную славу своими неистощимыми почвенными богатствами. Вотъ въ эти-то плодородныя равнины и стремилась колонизація, предоставляя горы въ неоспариваемое владѣніе русскимъ туземцамъ, которые могли здѣсь устраивать свою жизнь по своему разумѣнію, не опасаясь вмѣшательства и принужденія.

Тотчасъ, вслѣдъ за присоединеніемъ Галиціи и Подолья, настоящая волна польской колонизаціи хлынула на эти русскія земли. Что несла съ собою эта волна, объ этомъ мы имѣемъ точное, хотя и одностороннее, понятіе. Польша выбросила изъ себя въ эти вновь пріобрѣтенныя земли множество шляхты, которой, очевидно, не на чемъ и не на комъ было сидѣть на своей родинѣ. Шелъ ли за шляхтичемъ кметъ, и если шелъ, то въ какой пропорціи,—объ этомъ источники совершенно умалчиваютъ; несомнѣнно, что сама эта шляхетская масса заключала въ себѣ не мало чистокровнаго земледѣльческаго элемента. Вѣдь такая мелкая шляхта, какъ „мазовшане“, т.-е. шляхта Мазовіи, устремившаяся, главнымъ образомъ, въ сосѣднюю Бѣльскую землю, ко-

нечно, была у себя на родинѣ гораздо болѣе земледѣльческимъ, чѣмъ земле-
владѣльческимъ элементомъ. Шли на обильныя русскія земли и совсѣмъ беззе-
мельные шляхтичи, тѣ привилегированные слуги, которые сохранились при
дворахъ королей и вельможъ какъ остатки былой дружины; въ числѣ этихъ
выходцевъ были не только поляки, но и нѣмцы, и чехи, и венгры, и волохи.
Но и представители родовъ, пользовавшихся у себя на родинѣ, въ Польшѣ и
Силезіи, значеніемъ и вліяніемъ, также охотно переселялись на вновь приоб-
рѣтенныя русскія земли: такое переселеніе открывало новые горизонты ихъ
честолюбивымъ стремленіямъ. И, въ самомъ дѣлѣ, на Червонной Руси и По-
дольѣ выросли тѣ настоящіе польскіе магнаты, которые позже управляли
историческими судьбами Польши. Русскою почвой вскормлены были всѣ эти
Одровонжи, Тарновскіе, Сѣнинскіе, Гербурты, Тарлы, нѣсколько позже Потоцкіе,
Любомірскіе, Собѣсскіе, наконецъ, Язловецкіе и Бучацкіе: впрочемъ, два послѣд-
нихъ рода, обнаружившіе столько дѣятельности и энергіи по организаціи военной
защиты вѣчно угрожаемаго Подолья, были, повидимому, русскаго происхожденія.

Если между польской шляхтой, нахлынувшей на Русь, была и мелкая
земледѣльческая шляхта, то, конечно, кидала она свою родину не для того,
чтобы собственными руками воздѣлывать землю: ореоль, которымъ окружала
земледѣльческій трудъ извѣстная легенда о королѣ Пястѣ, блѣднѣлъ и раз-
сѣивался на той соціальной высотѣ, на какую исторія выдвинула шляхту. Про-
цессъ, который мы наблюдали въ Литвѣ, и который тамъ въ это время, XIV—
XV вв., только-что начинался, здѣсь, въ Польшѣ, уже завершился, и притомъ
завершился съ такой законченностью формъ, которая приводитъ въ удивленіе
наблюдателя: много благоприятныхъ условій сошлось во-едино, чтобы игрой
исторической случайности произвести этотъ своего рода соціальный *chef-
d'oeuvre*. Все, къ чему, какъ къ отдаленному идеалу, стремился высшій классъ
Литовско-Русскаго государства, здѣсь уже существовало какъ фактъ. Шляхтичъ
былъ полнымъ собственникомъ земли, которую обрабатывали его кметы; онъ
имѣлъ право, по своему усмотрѣнію, распоряжаться этимъ имуществомъ, про-
давать, мѣнять, дарить, завѣщать; онъ имѣлъ судебную власть по отношенію
къ населенію этой земли; всѣ подати и повинности, какими кметы обязаны
были раньше государству, шли теперь владѣльцу. Въ силу такъ называемаго
Кошицкаго договора, которымъ Людовикъ Венгерскій выторговалъ у шляхты
польскій престолъ для своей дочери, шляхтичъ обязывался лишь вносить съ
каждаго лана владѣмой имъ земли два гроша въ казну—и только. Само собою
разумѣется, что на плечахъ шляхты лежала военная повинность—чѣмъ един-
ственно и объяснялась, если не оправдывалась, шляхетская привилегирован-
ность: но даже и свою военную повинность польское шляхетство успѣло под-
чинить значительнымъ ограниченіямъ какъ по отношенію времени, такъ и
территоріи (не быть въ походѣ больше 6 недѣль, не ходить за границу).

Польскій шляхтичъ шелъ на Русь, чтобы осуществить здѣсь всю ту
полноту своихъ правъ, для осуществленія которыхъ не было на родинѣ доста-
точно простора и благоприятныхъ матеріальныхъ условій. Однако, здѣсь онъ
засталъ уже свой сложившійся высшій классъ въ видѣ боярства. Какъ уже

сказано выше, при изложеніи исторіи самостоятельнаго Галицкаго княжества, галицкое боярство пользовалось временами большим значеніемъ, управляя судьбами земли; но, тѣмъ не менѣе, оно ничѣмъ по существу не отличалось отъ боярства остальныхъ русскихъ земель. Представляя въ высшихъ своихъ слояхъ ту группу, на которой лежала организація защиты и управленія земли, она, въ низшихъ слояхъ, незамѣтно сливалась съ остальной народной массой. Польское завоеваніе сразу не внесло въ это положеніе дѣла никакихъ существенныхъ измѣненій: оно лишь расчистило широкую дорогу иммиграціи польскаго шляхетства. Но изъ этого факта само собою выросли новыя условія. Польскій король, теперь *dominus et haeres* этихъ русскихъ земель, естественно предпочиталъ раздавать польскому шляхетству, которое затѣмъ лишь и явилось сюда, уряды и земли, до тѣхъ поръ всецѣло находившіеся въ рукахъ мѣстнаго боярства; такимъ образомъ, бояре оттѣснялись на задній планъ, безъ лишенія ихъ правъ и безъ всякаго прямого насилія.

Болѣе вліятельная часть галицкаго боярства вошла въ составъ правящаго класса на ряду съ польской шляхтой, конечно, лишь та часть, которая не проявила оппозиціоннаго духа по отношенію къ польской власти и новымъ порядкамъ; вѣроятно, такого происхожденія были Бучацкіе и Язловецкіе и, во всякомъ случаѣ, Ходоровскіе, Лопатки, Кердеевичи. Масса боярства, менѣе вліятельная, отодвинута была польскимъ наплывомъ туда, откуда она и вышла, — въ народъ; только отдѣльные счастливыцы остались наверху, тѣ, кто успѣлъ прицѣпиться къ шляхетству, родствомъ ли съ шляхтичемъ или какимъ-нибудь документомъ, гдѣ онъ или его родичъ, предокъ, названъ былъ *nobilis* и т. п.

Однако, положеніе дѣлъ во вновь пріобрѣтенныхъ Польшею русскихъ земляхъ было таково, что требовало особеннаго вниманія и чрезвычайныхъ мѣръ: опасность грозила и съ запада, со стороны Венгріи, и съ востока, со стороны Литвы, а главное постоянно — съ юга, со стороны татаръ. Потребность въ усиленной военной оборонѣ понуждала королей къ ограниченію правъ и привилегій шляхты. Правда, они осыпали какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлые шляхетскіе роды землями и урядами: Спытко Мельштынскій въ концѣ XIV в. получилъ все западное Подолье и являлся здѣсь прямымъ наслѣдникомъ русскихъ удѣльныхъ князей; Одровонжи, въ первой половинѣ XV в., такъ завладѣли львовской землей, ея замками и важнѣйшими урядами, что со стороны остального населенія понадобились особыя усилія, чтобы высвободиться изъ-подъ власти этого ненавистнаго рода. И, тѣмъ не менѣе, всякое земельное пожалованіе было связано съ такими ограниченіями: жалуемый, кромѣ личной, шляхетской службы, долженъ былъ поставлять съ своей территоріи точно опредѣленное число вооруженныхъ людей, съ ближайшимъ опредѣленіемъ качества этого вооруженія. Хотя пожалованная земля и поступала какъ бы въ собственность шляхтича, но на отчужденіе ея все-таки требовалось согласіе королевской власти. Такія ограниченія приближали эти пожалованія къ „держаніямъ“ литовско-русскаго боярства. Но польское шляхетство, вкусившее отъ благъ полной земельной собственности, не могло примириться съ положеніемъ, которое низводило его на пройденную уже имъ социальную ступень. И вотъ,

Едлинская привилегія, изданная Ягайломъ (1433 г.), сравниваетъ права шляхты русскихъ земель съ правами шляхты польской.

Едлинская привилегія имѣла значеніе поворотнаго пункта въ исторіи русскихъ земель Польши. Дѣло въ томъ, что она связала привилегированность съ религіей: правами польскаго шляхетства или его вольностями могли пользоваться лишь католики, православные же представители высшаго сословія оставались при старыхъ ограниченіяхъ, личныхъ и имущественныхъ: ихъ военныя обязательства были значительно тяжелѣе, они несли наравнѣ съ мѣщанствомъ повинности по устройству замковыхъ укрѣпленій, они должны были платить со своихъ земель денежныя подати и давать дани натурой. Между тѣмъ, какъ аналогичная съ Едлинской, Городельская привилегія, изданная тѣмъ же ягайломъ для привлеченія къ католицизму литовско-русскаго боярства, осталась въ полномъ смыслѣ слова мертвой буквой, привилегія Едлинская оказалась законодательнымъ актомъ огромной практической важности: такова сила фактическихъ отношеній. Лѣтъ черезъ сто послѣ ея изданія въ Галицкой Руси, среди ея высшаго сословія, уже не было больше православныхъ: всѣ старые русскіе бояре перешли въ католицизмъ, чтобы воспользоваться выгодами шляхетскаго положенія. Мало того, привилегированность и католицизмъ сдѣлались синонимами и въ другихъ сферахъ жизни. Такъ, напримѣръ, города пользовались Магдебургскимъ правомъ—Львовъ уже съ половины XIV в. (1356 г.),—слѣдовательно, представляли собой вполне самостоятельныя, самоуправляющіяся общины, не допускавшія вмѣшательства въ свои внутреннія дѣла. Тѣмъ не менѣе, политика польскаго правительства успѣла и здѣсь отстранить русскихъ мѣщанъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ, напр., во Львовѣ, Магдебургское право предоставлялось только тѣмъ, кто жилъ внутри городскихъ стѣнъ, исключая изъ него жителей предмѣстья: внутри же жили, по преимуществу, иноземцы—нѣмцы, поляки, евреи, армяне. Такимъ образомъ, уже съ начала XV в. не видно больше въ Львовѣ бурмистровъ и иныхъ городскихъ урядниковъ изъ русскаго мѣщанства. Въ другихъ городахъ, гдѣ не было такого территоріальнаго разграниченія русскаго мѣщанства отъ иноземнаго, православные „схизматики“ самимъ текстомъ привилегіи на Магдебургское право прямо исключались отъ пользованія имъ. Православіе сдѣлалось признакомъ низшаго, зависимаго положенія, приобрѣло здѣсь уже съ XV вѣка тотъ характеръ „хлопской вѣры“, какой оно приобрѣтаетъ на территоріи Литовско-Русскаго государства лишь значительно позже, два вѣка спустя.

Разумѣется, и положеніе православной церкви здѣсь, въ польской Руси, не могло быть тѣмъ свободнымъ и относительно обезпеченнымъ, какимъ оно было въ Руси литовской. Сначала православная вѣра, какъ господствующая вѣра населенія, настолько пользовалась вниманіемъ государственной власти, что Казиміръ Великій даже добился того, что русскія земли его государства имѣли нѣкоторое время особаго митрополита. Но дѣло круто мѣняется со времени Ягайла. Католическое духовенство располагаетъ свои епархіи на мѣстахъ епархій православныхъ, захватываетъ въ свое распоряженіе главныя, соборныя, православныя церкви и ихъ имущества; не только уже нѣтъ болѣе рѣчей

о галицкомъ митрополитѣ, но исчезаютъ даже и епископы, такъ что православные вынуждены по своимъ духовнымъ дѣламъ ѣздить за границу, въ Молдавію. Только въ началѣ XVI столѣтія, съ Сигизмундомъ I-мъ, опять появляется галицкій епископъ, хотя униженное положеніе православной религіи не прекращается. Для характеристики его достаточно сказать слѣдующее: православные вынуждаемы были платить десятину въ пользу католической церкви; православные „попы“ не освобождались отъ платежа податей и повинностей наравнѣ съ остальными кметями.

Полнота шляхетскихъ правъ, которую удѣлила Едлинская привилегія высшему сословію русскихъ земель, заключала въ себѣ передачу въ руки этого сословія права собственности на землю, которою владѣли до тѣхъ поръ ихъ кметы. Тѣмъ самымъ земледѣльческій классъ населенія еще даже по Вислицкому статуту Казимира Великаго полусвободный, ставился на ту наклонную плоскость, по которой онъ долженъ былъ въ самомъ скоромъ времени низвергнуться на положеніе почти рабское. Но здѣсь мы не будемъ останавливаться на ближайшемъ разсмотрѣніи этого процесса, который имѣемъ возможность подробнѣе прослѣдить въ его фазахъ на Литовской Руси, гдѣ онъ совершался значительно медленнѣе, слѣдовательно, доступнѣе наблюденію. Но не все земледѣльческое населеніе русскихъ земель Польши было захвачено этимъ роковымъ процессомъ. У подножія Карпатскаго хребта, какъ въ сѣверной Галичинѣ, такъ и въ южной, сохранились самостоятельныя общины, которыя остались внѣ вліянія владѣльческаго права. На югѣ это были поселенія пастуховъ, сидѣвшія на такъ называемомъ волошскомъ правѣ подъ управленіемъ своихъ собственныхъ „князей“. Повидимому, этимъ правомъ пользовались сначала выходцы изъ Молдавіи; но оно дѣйствовало и среди русскихъ горцевъ. Часть земледѣльческаго населенія сохранила свою свободу подъ вывѣской нѣмецкаго солтысскаго права; если солтысъ (нѣмецкій войтъ, фогтъ), отбывавшій за свое поселеніе военную повинность, и пользовался по отношенію къ населенію патримоніальными правами, сближавшими его положеніе со шляхетскимъ, то все-таки земля, этотъ базисъ всѣхъ правъ земледѣльца, оставалась собственностью населенія.

Можетъ-быть, именно это обстоятельство—т.-е., что на ряду съ населеніемъ, угнетаемымъ владѣльцами, жило населеніе, пользовавшееся относительной свободой—и было причиной того, что русскій кметъ долго не свыкался со своимъ зависимымъ положеніемъ, пытаясь насиліемъ отстранить то легальное насиліе, жертвой котораго онъ дѣлался. XV вѣкъ, вѣкъ изданія Едлинской привилегіи и ея практическаго утвержденія на почвѣ Галицкой Руси, былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и вѣкомъ крестьянскихъ волненій. По словамъ польскихъ лѣтописцевъ, народъ уходилъ, села и мѣстечки безлюдѣли такъ, что населенныя мѣста замѣнялись пустырями. Жители уходили за границу и, соединяясь тамъ съ татарами и волохами, вмѣстѣ съ ними возвращались назадъ, чтобы опустошать теперь свою старую родину, на которой уже не имѣли больше собственного мѣста. Здѣсь, въ Червонной Руси, и именно въ это время, впервые произносится, въ примѣненіе къ тѣмъ бѣглецамъ, которые искали свободы и

мести въ татарскихъ степяхъ, слово „козакъ“,—то слово, которое сдѣлалось позже, и на иной русской территоріи, синонимомъ кроваваго протеста противъ всего польскаго, шляхетскаго и католическаго,—произносится польскимъ лѣтописцемъ Длугошемъ *). Такимъ образомъ, исторія Галицкой Руси представляетъ собой сжатый, а, слѣдовательно, блѣдный и сухой, за отсутствіемъ историческаго освѣщенія и сообщаемыхъ имъ красокъ, компендіумъ тѣхъ событій, которыя разыгрались два вѣка спустя въ Украинской Руси въ грандіозной картинѣ, полной драматическаго движенія.

Главные источники: Антоновичъ, „Монографіи по исторіи зап. и юго-западной Россіи“, Литографированныя лекціи по исторіи Галицкой Руси“, „Исслѣдованія о городахъ юго-западной Россіи“; Любавскій, „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Рус. госуд.“; Бершадскій, „Литовскіе евреи“; Чистовичъ, „Очерки исторіи западно-русской церкви“; Кояловичъ, „Чтенія по исторіи Западной Руси“; Брянцевъ, „Исторія великаго княжества Литовскаго“; Jągoszewicz, „Obrazу Litwy“; Барабашевъ, „Витовтъ“; Филевичъ, „Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимірское наслѣдство“; Бобржинскій, „Очерки исторіи Польши“; Дашкевичъ, „Замѣтки“; Шараневичъ, „Исторія древняго Галицко-русскаго княжества“; „Rus wewnętrzných stęsunków“; Wolff, „Kniazowie litewscy i ruscy“; Левицкій, „Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ концѣ XVI в.“; Иванишевъ, „Сочиненія“, „Сборникъ лѣтописей, относящихся къ южной и западной Россіи“; Антоновичъ и Козловскій, „Грамоты великихъ князей Литовскихъ“; Ясинскій, „Уставныя грамоты“; Лѣтопись Даниловича, „Акты, относ. до исторіи южной и западной Россіи“; „Акты Виленской Коммиссіи“; „Archiwum“ князей Сангушковъ; Владимірскій-Будановъ, „Нѣмецкое право въ Литвѣ и Польшѣ“; „Помѣстное право въ Литовскомъ государствѣ“; Леонтовичъ, „Спорные вопросы по исторіи Русско-Литовскаго права“, „Сословный типъ территоріально-административнаго состава Литовскаго госуд.“; Молчановскій, „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ“; Грушевскій, „Исторія Украинской Руси“, т. III и IV.

*) „Exercitus tartarorum, ex fugatibus, praedonibus, exulibus colloquatos qui lingua sua cosacis appellabant“. Первое извѣстіе о козакахъ съ такою датой относится къ 1492 г. въ письмѣ в. кн. Александра, гдѣ говорится про нападеніе козаковъ на татарскій корабль.

Глава пятая.

Южная Русь подъ польскимъ владычествомъ.

Отрѣзавъ Волынскую и Кіевскую земли отъ Литовскаго государства, чтобы присоединить ихъ къ Польшѣ, Люблинская унія тѣмъ самымъ выдвинула новый политическо-соціальный организмъ—Южную Русь. Теперь впервые выступаетъ, въ качествѣ историческаго дѣятеля, южно-русскій народъ, въ удѣльную эпоху разбитый по областнымъ и племеннымъ дѣленіямъ, въ литовскую, незамѣтно укрывавшій свои особенности въ общей политически объединенной западно-русской массѣ. Однако, Южная Русь, однородная по своему этнографическому составу, представлялась далеко не однородной въ иныхъ отношеніяхъ.

Начинаясь мрачными борами Волынскаго и Кіевскаго Полѣсья съ ихъ болотами и трясинами, посреди которыхъ лишь въ видѣ оазисовъ разбросаны земли, годныя для поселенія, Южная Русь уходитъ въ безконечную, залитую солнцемъ, степную равнину, не лишенную—особенно въ сѣверной своей части—разнообразной красоты и обилія естественныхъ богатствъ. Легкія песчаная почва лѣсной полосы постепенно переходятъ въ тотъ сплошной тучный украинскій черноземъ, о производительности котораго далеко расходилась легендарная молва. Но есть одна особенность, общая для всей территоріи, какъ лѣсной, такъ и степной ея полосы,—это обиліе рѣкъ. Водораздѣлы этихъ многочисленныхъ рѣкъ служили, вмѣстѣ съ тѣмъ, и природными границами, дѣлившими территорію на ея составныя части.

Естественному разнообразію края, которое сводится къ двумъ основнымъ различіямъ, соответствуетъ и разнообразіе бытовое, соціальное.

Два типа жизни наблюдаемъ мы въ Южной Руси въ тотъ моментъ общеннаго кризиса, какимъ была для нея Люблинская унія. Съ одной стороны, это жизнь земель стараго заселенія, старой культуры, гдѣ всѣ общественныя отношенія уже пришли въ извѣстное равновѣсіе; съ другой стороны, жизнь земель, заселяющихся на-ново, гдѣ общественный строй еще не успѣлъ окристаллизироваться въ опредѣленные формы, гдѣ все находится въ хаотическомъ броженіи. Первый типъ представляетъ собою Волынь, Кіевское Полѣсье и

западное, подгѣстровское, Подолье; ко второму относится вся та масса земель съ неопредѣленно уходящими къ югу, въ дикія поля, границами, которымъ подъ именемъ Украины пришлось сдѣлаться кровавой ареной такой ужасающей исторической драмы.

Однако, и земли старой культуры далеко не однородны по своему общественному складу. Центральное мѣсто между этими землями принадлежит, конечно, Волини. Волинская земля играла такую важную роль въ составѣ Литовско-русскаго государства, что въ понятіяхъ современниковъ почти отождествлялась съ Южной Русью. Характернѣйшей соціальной особенностью Волини, рѣзко выдѣляющей эту землю изъ остальной массы Литовско-Русскаго государства, было множество княжескихъ родовъ среди ея высшаго класса: въ этомъ отношеніи съ Волинской землей могла соперничать только земля Сѣверская, но она въ описываемое время еще входила въ составъ Московскаго государства.

И потомки туровско-пинскихъ князей, слѣдовательно, потомки Владимира Св., и Гедиминовичи, и литовскіе князья не Гедиминова рода—все это сливалось въ общую массу волинскихъ князей, которая и была общественной силой Волини. Мы совѣмъ не имѣемъ ключа къ разгадкѣ того, почему Волинское Полѣсье и Луцкая земля сдѣлались разсадниками этой могущественной русской аристократіи: но это было такъ. Первое мѣсто между волинскими князьями занимали Острожскіе: Острощина, владѣніе ихъ рода, составляла $\frac{1}{3}$ Волини, захватывая собой нѣсколько бывшихъ мелкихъ удѣльныхъ княжествъ; а у Острожскихъ были владѣнія и въ Кіевщинѣ; князь же Василій Константиновичъ Острожскій взялъ еще въ приданое за женой-полькой обширныя земли графскаго рода Тарновскихъ. Все это достаточно объясняетъ, почему князь Василій держалъ себя, во всѣхъ подробностяхъ своего быта, какъ владѣтельный князь; на печати его значилось: „*Dei gratia dux Ostrogiae*“, а въ документахъ, относящихся къ обывателямъ своихъ владѣній, онъ писалъ: „били намъ челомъ“. За Острожскими слѣдовали Зберажскіе, княжество которыхъ занимало юго-западную часть Волини; затѣмъ Сангушки, Чарторийскіе, Корецкіе, Вишневецкіе. Княжескіе роды меньшаго значенія трудно было и перечесть. Все это было, повидимому, сильно размножившіеся потомки владѣтельныхъ удѣльныхъ князей. Что сохранили они наслѣдственнымъ путемъ изъ своихъ старыхъ политическихъ правъ и земельныхъ владѣній,—вопросъ темный. Но зато въ ихъ исключительномъ и неоспариваемомъ распоряженіи находились всѣ „господарскія“, т. е. великокняжескія, земли: князья не допускали никого, внѣ своей среды, къ участию въ этихъ „выслугахъ“. Конечно, выслуги эти постепенно обращались въ такую же собственность владѣльцевъ, какъ и ихъ наслѣдственные земли, буде онѣ были. Когда, за четверть вѣка до Люблинской уніи, Сигизмундъ-Августъ отправилъ въ Волинь люстраторовъ осмотрѣть состояніе тамошнихъ замковъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и провѣрить „твердости“ (документы), по которымъ отдѣльныя лица владѣютъ господарскими землями, дѣло приняло оборотъ, очень интересный для характеристики положенія и нравовъ среды. Князья рѣшились уклониться отъ провѣрки и начали

томить люстраторовъ всякими проволочками и уловками, а, въ концѣ концовъ, не усомнились прямо и письменно заявить: „мы-де у господаря его милости имѣній нашихъ не украли, такъ какъ надъ нами есть старосты въ Луцкѣ и Владимірѣ: если бы кто смѣлъ на то покуситься, чтобы господарское добро украсть, то старосты бы у насъ краденное изъ горла вырвали“. Много ловкости и настойчивости понадобилось люстраторамъ, чтобы преодолѣть сопротивление. Но какъ бы то ни было, а ко времени Люблинской уніи въ распоряженіи господаря на Волини оставались только три замка: Луцкъ, Владиміръ и Кременецъ, причемъ старостами этихъ замковъ были тѣ же князья. Замки находились въ очень плохомъ состояніи, такъ какъ старосты обращали старостинскіе доходы въ свою личную пользу, а земельныхъ имуществъ, тянувшихъ къ замку, съ которыхъ могъ бы идти доходъ на его устройство, оставалось крайне мало: все было разобрано и обращено въ частную собственность. Можетъ-быть, и сама Люблинская унія не осуществилась бы, или, по крайней мѣрѣ, не осуществилась бы такъ легко, если бы волинскимъ князьямъ не была клятвенно обѣщана королемъ свобода отъ „эзекуціи правъ“ *), которая могла влечь за собою отобраніе государствомъ розданныхъ имуществъ. Эта привилегированная группа, сама крайне разросшаяся, положительно тѣснила собой все остальное, что могло бы участвовать тѣмъ или инымъ способомъ въ выгодахъ даннаго общественнаго положенія. Боярство—тѣ исконные земледѣльцы, которые выдвинулись въ льготное положеніе путемъ военной службы—не могло развиваться, такъ какъ ему были преграждены пути къ выслугамъ, и оно сидѣло на своихъ, необходимо все мельчавшихъ, вотчинахъ; тѣ же изъ бояръ, которые оказывались внутри княжескихъ территорій, превращались въ панцирныхъ въ путные, а затѣмъ уже смѣшивались въ общую массу владѣльческихъ подданныхъ. Мѣщане трехъ главныхъ городовъ Волини—Луцка, Владиміра и Кременца, не перешедшихъ въ частную собственность,—громко жалуются на свое положеніе. Обремененіе все растетъ, такъ какъ на ихъ плечи сбрасываются обязанности по устройству замковъ, а средства для исполненія этихъ обязанностей все уменьшаются: поскольку мѣщане еще остаются людьми сельскаго промысла, они страдаютъ отъ того, что князья разбираютъ земли, когда-то тянувшія къ замку и составлявшія его „входы“ (уходы, урочища); поскольку они уже люди промысла городского, производства на рынокъ, они опутаны панскими мытами. Конечно, и бояре, и мѣщане одинаково страдаютъ отъ того, что князья отказываются становиться съ ними къ суду старосты, ссылаясь на господаря, который якобы только одинъ можетъ ихъ судить, что не мѣшаетъ имъ, однако, каждаго требовать передъ мѣстныя суды. Владѣльческія земли были всюду болѣе или менѣе воздѣланы и заселены. Волинь успѣшно заселялась, такъ какъ надъ ней не тяготѣла уже теперь постоянная угроза татарскаго набѣга. Волинское Полѣсье пользовалось въ этомъ отношеніи полной безопасностью, и тогдашнее населеніе его численностью едва ли много уступало теперешнему. Но насе-

*) Приведеніе права въ дѣйствіе черезъ провѣрку документовъ, на которыхъ опирается это право.

леніе это не было земледѣльческимъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова: обиліе звѣря, рыбы, бортнаго дерева, рудень—все это развивало и питало промысловый трудъ. Земледѣльскій промыселъ составлялъ принадлежность хозяйства средней и южной Волыни, особенно средней, какъ болѣе безопасной отъ татаръ. Населеніе владѣльческихъ земель, повидимому, еще не утратило своихъ старыхъ правъ. Одна его часть сидѣла на своихъ старыхъ дворищахъ, охраняемыхъ традиціей и обычаемъ; другая еще пользовалась свободой перехода, о которой свидѣлствуютъ сами владѣльцы люстраторамъ, требовавшимъ переписи людей: „теперь челоуѣка своего запишемъ, а завтра его уже не будетъ“. Волочная помѣра *) только-что показалась на Волыни, и, конечно, никто еще не предвидѣлъ ея послѣдствій. Вотъ главнѣйшія черты общественнаго строя Волыни въ моментъ Люблинской уніи.

Совсѣмъ иной видъ имѣло Кіевское Полѣсье съ той приднѣпровской, лѣсной, частью Сѣверщины, которая не отошла къ Москвѣ, т.-е. Любечскимъ и Остерскимъ старостамъ.

Весь этотъ лѣсной край былъ покрытъ сѣтью боярскихъ гнѣздъ, стягивающейся около замковъ. Гнѣзда эти, околицы по позднѣйшей терминологіи, заключали боярскіе роды, разросшіеся, случалось, не только въ десятки, но и сотни семей. Одинъ такой родъ могъ жить и въ нѣсколькихъ поселкахъ, но его связывало общее имя, слѣдовательно, общность традицій, общая церковь или монастырь, посвященный родовому патрону, наконецъ, общее землевладѣніе или, по крайней мѣрѣ, общія промысловыя угодья—лѣсные „входы“, рыбныя ловли, бобровые гоны, рудни. Но и при дѣленіи земель все-таки сохранялись между членами рода разныя любопытныя отношенія архаическаго характера, свидѣтельствующія о первоначальной общности. Вообще, боярство это было несомнѣнно самой архаической группой нашей южно-русской территоріи. Оно одно можетъ, съ извѣстнымъ правомъ, вести свою генеалогію отъ настоящаго русскаго земледѣльца эпохи удѣльной. Древлянскій или сѣверянскій селянинъ, въ лицѣ овручскаго или любечскаго боярина, уберегъ себя и свою землю отъ притязаній со стороны государства тѣмъ, что сохранилъ въ рукахъ оружіе. Оружіе же онъ сохранилъ единственно благодаря порубежному положенію своего края. Въ описываемый моментъ рубежъ уже отошелъ къ югу, и край пріобрѣлъ безопасность, которая исключала необходимость общей военной службы.

Теперь интересы государства требовали того, чтобы перевести это боярское населеніе съ военной службы на тяглую, но нелегко было это сдѣлать. Бояре такъ свыклись со своимъ льготнымъ положеніемъ, обнаружили столько энергіи и готовности его отстаивать, опираясь на свое, освященное стариной, право, что упорство ихъ никакъ нельзя было сломить. Борьба бояръ съ мѣстными представителями государственной власти, старостами, и до Люблинской уніи и послѣ нея, представляетъ любопытную страницу общественной эволюціи: интересно наблюдать ту картину путаницы правовыхъ понятій и отношеній, которая вытекаетъ изъ враждебнаго столкновенія двухъ противоположныхъ и

*) Измѣреніе земель и ограниченіе крестьянъ въ пользованіи ими.

равносильныхъ общественныхъ интересовъ. Боярство осталось побѣдителемъ; оно воспользовалось шляхетскими правами, предоставляемыми Люблинской уніей служилому сословію, и образовало ту „лычаковую“ (отъ слова лыко) шляхту, которая, позже, ходила за плугомъ съ саблей, подвязанной мочалой, чувствуя себя и „на огородѣ равной воеводѣ“. Лишь небольшая обездоленная часть этого боярства осталась подъ чертой, передѣлившей послѣ Люблинской уніи русское общество, и обратилась въ подданныхъ тѣхъ же своихъ старыхъ боярскихъ братьевъ.

Съ момента Люблинской уніи вошла въ составъ Южной Руси еще одна территорія стараго заселенія: это западное Подолье или Поддѣстровье, съ главнымъ средоточіемъ въ бассейнѣ Смотрича, составлявшее до тѣхъ поръ часть Польскаго государства, съ неприступнымъ Каменцемъ; сюда же слѣдуетъ отнести Хмельницкое и Барское староства, которыми польская, западная, часть Подолья сливалась съ восточной литовской или Побужьемъ.

Прекрасное солнечное Подолье съ его очаровательнымъ пейзажемъ, быстро текущими водами, богатой черноземной почвой всегда должно было манить къ себѣ поселенца. Но по сравненію съ Волинію это все-таки земля новаго, а, слѣдовательно, и болѣе слабаго заселенія: вѣдь всего за два вѣка до Люблинской уніи этотъ прекрасный край представлялъ собой подольскую „тму“, одинъ изъ татарскихъ „улусовъ“. Но въ разсматриваемый моментъ онъ имѣлъ видъ территоріи и защищенной и заселенной. По своему общественному строю онъ приближался къ Волини; однако, иная историческая традиція дала иную окраску по существу очень сходнымъ, если не тождественнымъ, отношеніямъ. Князей здѣсь совсѣмъ не было. Мѣсто ихъ занимало нѣсколько магнатскихъ родовъ червонно-русскаго происхожденія. Это были или поляки, или ополяченные русины: Язловецкіе, Ланцкоронскіе, Сѣнявскіе, Гербурты и нѣкоторые другіе. Ихъ латифундіи были, большею частью, „заставными державами“: по истеченіи срока, напримѣръ, четырехъ „доживотій“, государство должно ихъ получить обратно, уплативъ принятую сумму; но въ данный моментъ все это находилось уже на прямомъ пути къ обращенію въ полную собственность владѣльцевъ. Однако, польскія староства, тянувшія къ тремъ главнымъ замкамъ земли, Каменецкое, Летичевское и Червоногородское, еще далеко не были такъ разобраны панамъ, какъ староства волинскія. Огромныя же пограничныя староства—Барское и Хмельницкое—находились цѣликомъ въ рукахъ такого же мелкаго русскаго и православнаго боярства, какъ и остальные южно-русскіе бояре: государство Польское, которому эта группа была необходима для защиты границъ Подолья отъ татаръ, признавало ее съ ея фактическими правами подъ именемъ „вассаловъ“, пока на нихъ не было распространено шляхетство. Кметы сидѣли въ Подольѣ уже, повидимому, на раздѣренныхъ земляхъ, ланахъ, или плугахъ (*aratrum*), но пограничное положеніе края еще не позволяло панамъ извлекать всѣ выгоды изъ своего положенія; населеніе охотно сносило нѣкоторыя тяготы, имѣя зато подъ рукой панскій замокъ или „замочекъ“, куда оно могло укрываться въ случаѣ тревоги.

Конечно, земли стараго заселенія, т.-е. воеводства Волинское, Подольское

и небольшая часть Кіевскаго, были относительно безопасны только потому, что за ними стояли вновь заселяющіяся земли Украины, которыя принимали на себя удары. Волынь и Кіевское Полѣсье могли спать спокойно, такъ какъ за нихъ сторожила и прикрывала ихъ отъ дикой степи Украина, т.-е. Кіевщина и Брацлавщина, Кіевское и Брацлавское воеводства, по новой терминологіи, водворившейся послѣ Люблинской уніи. Ясно, что главнѣйшимъ изъ внѣшнихъ условій, опредѣлявшихъ собою жизнь Южной Руси, были все-таки степные кочевники-татары, дикая энергія которыхъ нашла теперь несокрушимую опору въ стоявшемъ за ними мусульманскомъ мірѣ.

Послѣ Менгли-Гирея, опустошительные наѣзды котораго захватывали даже и Волынь, Южная Русь уже не имѣла между крымскими ханами другого такого ожесточеннаго врага. Наѣзды большіе — цѣлой орды, и малые, небольшими чамбулами, не прерывались, но они рѣдко проникали въ глубину старыхъ поселеній. Зато жизнь на Украинѣ складывалась подъ Дамокловымъ мечемъ этой непрерывной и страшной угрозы. Естественно, что она должна была складываться своеобразно, подчиняясь меньше традиціи, чѣмъ суровому давленію своей исключительной обстановки. Достаточно сказать, что весной и лѣтомъ, когда степь становилась особенно опасной, земледѣльцы выходили на свою пашню не иначе, какъ съ рушницами и саблями, а гдѣ была возможность, устраивали на полѣ нѣчто въ родѣ маленькихъ острожковъ, куда укрывались, чтобы отстрѣливаться изнутри отъ татаръ. Такъ обставленъ былъ на Украинѣ даже земледѣльческій трудъ, съ которымъ человѣкъ привыкъ наитѣснѣе связывать понятіе домашняго очага, покоя, безопасности. Изъ-года-въ-годъ татары „вынимали“ Украину, и все-таки она не пустѣла, а заселялась, хотя и медленно, заселялась также естественнымъ приростомъ, какъ и притокомъ извнѣ, съ сѣвера. Слишкомъ много было привлекательнаго въ этой чудной Украинѣ, о почвѣ которой самые свѣдущіе люди своего времени говорили, что здѣсь даже не стоитъ и сѣять каждый годъ: посѣй разъ, а затѣмъ уже пашня будетъ сама обсеменяться и давать урожай безъ засѣва. Обиліе дикаго звѣря соотвѣтствовало богатству растительности. „Зубровъ, дикихъ коней и оленей такое множество, что охотятся на нихъ единственно для шкуры, а мясо кидаютъ; на ланей же и кабановъ и вниманія не обращаютъ. Дикихъ козъ въ такомъ количествѣ перебѣгаетъ зимою изъ степей въ лѣса, а лѣтомъ обратно въ степи, что каждый селянинъ можетъ ихъ ежегодно набить сколько угодно. По берегамъ рѣкъ множество жилищъ бобровъ. Птицъ столько, что весной хлопцы наполняютъ лодки яйцами дикихъ утокъ, гусей, журавлей и лебедей. Собакъ кормятъ мясомъ дикаго звѣря. Рѣки изобилуютъ неслыханнымъ количествомъ осетровъ и иныхъ большихъ рыбъ, которыя идутъ изъ моря вверхъ въ прѣсныя воды; такъ наполняется рѣка рыбой, что копье, брошенное въ воду, задерживается и торчитъ, какъ вбитое въ землю“. Это и многое другое свидѣтельствуютъ современники, достойные вѣры, о тогдашней роскоши производительныхъ силъ украинской территоріи; подтверждаются эти показанія и косвенными свидѣтельствами точныхъ документовъ, по крайней мѣрѣ, относительно тѣхъ предметовъ, которые имѣли официальное финансовое обращеніе.

какъ, на примѣръ, медъ и скотъ. Въ этомъ отношеніи Украина была буквально страной, текущей медомъ и млекомъ. Мудрено ли поэтому, что Днѣпръ съ его притоками Десной, Сожью, Березиной и Припятью каждую весну спускалъ не только „добродеревцевъ“ *), которыхъ посылало правительство рубить замки на Низу, но и множество „лезныхъ“, не пустившихъ корней на своей, хотя и родной, но неблагодарной почвѣ? „Многіе уходятъ отъ власти родительской,—говоритъ Михалонъ Литвинъ, котораго мы не разъ цитировали выше,—отъ работы, неволи, каръ, долговъ и иныхъ непріятностей, или просто ищутъ болѣе выгоднаго заработка и лучшаго мѣста. Познакомившись со всѣми преимуществами жизни въ низовыхъ мѣстахъ (т.-е. на Украинѣ), они уже никогда не возвращаются назадъ къ своимъ, скоро пріобрѣтаютъ ловкость и мужество и осваиваются съ опасностью, охотясь на медвѣдей и зубровъ. Оттого-то на Украинѣ такъ легко набрать хорошихъ воиновъ“. Конечно, назадъ не возвращались; у кого хватило энергіи разъ порвать съ родиной, кто вкусилъ уже отъ украинской свободы и приволья, тотъ не могъ добровольно вернуться въ узы неблагодарнаго и принудительнаго труда, принудительныхъ отношеній, которыми была опутываема личность и со стороны все растущей панской власти, и со стороны всего склада жизни, стѣснительнаго для индивидуальной свободы.

Итакъ, сколько ни прилагали татары энергіи къ наполненію своихъ рынковъ живымъ товаромъ изъ простаго, не лживаго и не коварнаго „королевскаго“, а не „московскаго“ народа, Украина не пустѣла. Мусульманскій востокъ такъ хорошо ознакомился съ украинской женщиной, что она начала входить въ моду, вытѣсняя черкешенокъ изъ гаремовъ не только пашей, но и самого падишаха; украинскими дѣтьми пополняли ряды янычаръ. А люди все шли на Украину, смѣшивались со старымъ ея населеніемъ, сливаясь съ нимъ въ новыхъ благодатныхъ условіяхъ въ одинъ здоровый, сильный и энергическій украинскій типъ.

Въ то же время заселеніе подвигалось все впередъ и впередъ; двигалось оно не правильнымъ поступательнымъ путемъ, равномерно по всей линіи, а единичными и какъ бы случайными захватами. Чтобы осуществить такой шагъ впередъ, необходимо было одно: прикрытіе. Безъ достаточнаго прикрытія захватъ былъ невозможенъ. Прикрытіе могло быть или естественное, или искусственное. Естественнымъ прикрытіемъ служилъ въ данныхъ условіяхъ, прежде всего, лѣсъ; искусственнымъ—замокъ.

Хотя Украина занимала исключительно лишь степную часть Южной Руси, но эта украинская степь была далеко не лишена лѣса, какъ была лишена его болѣе южная Ногайская степь; и новое заселеніе Украины продолжило непрерывно тянущуюся съ до-историческихъ временъ традицію русской жизни, для развитія которой были необходимы двѣ стихіи—лѣсъ и вода.

Въ данный моментъ, т.-е. въ моментъ Люблинской уніи, на Украинѣ были прочно захвачены людскими поселеніями три территоріи: внизъ отъ Кіева—

*) „А на работу кіевского замка тогда, послѣ Менгли-Гирреева раззоренія пришло болѣе 20000 топоровъ изъ поддѣпровскихъ волостей“, свидѣтельствуетъ одинъ документъ.

Поддѣпровье, какъ по правую, такъ и по лѣвую сторонамъ рѣки, или „Поля“ въ собственномъ смыслѣ слова, затѣмъ Низъ и Побужье.

Кіевъ самъ опирался еще на лѣсную полосу, и широкій степной просторъ, въ который вступалъ внизъ отъ него Днѣпръ, вбиравшій въ себя массу рѣкъ и рѣчекъ, постепенно разнообразился красивымъ и веселымъ чернолѣсьемъ. Каневскіе лѣса по Роси занимали большое пространство. Даже за Черкассами Ляссота видѣлъ лѣса. Заднѣпровье же, за Трубежемъ и Супоемъ, бассейны Сулы, Пела и Ворсклы—будущая Малороссія, которая только-что начала заселяться,—все это пока еще представляло чуть ли не сплошной лѣсъ.

Побужье или Брацлавщина, по среднему Бугу, отъ Винницы до Брацлава, представляло территорію съ огромными удобствами и выгодами для заселенія. Волнистая поверхность съ чрезвычайно плодородною почвой была орошаема массой текучей воды, образующей превосходные рыбные пруды и въ то же время очень удобной для устройства мельницъ. Вся эта мѣстность была защищена съ востока бужскими пущами, которыя на сѣверо-востокъ соединялись съ пущами латинскими и хмельницкими, а на сѣверо-западъ съ барскими.

Третьимъ гнѣздомъ новой украинской колонизаціи былъ днѣпровскій Низъ, раскинувшійся направо и налево отъ пороговъ: здѣсь южно-русское населеніе дальше всего выдвинулось въ дикую степь. Держаться здѣсь было настолько опасно, что жизнь не могла уже складываться по типу мирнаго, хотя бы и вѣчно „по-украински“ настороженного, поселенія: люди жили тутъ жизнью военнаго лагеря. Но и на этомъ Низу Великій Лугъ (лѣса) днѣпровскихъ плавней и лѣса, покрывающіе берега Самары, играли большую роль въ жизни здѣшняго, исключительно козацкаго, населенія. Но Низъ уже и географически входилъ въ предѣлы Украины такъ же, какъ и его обыватели выходили изъ рамокъ обыкновеннаго гражданскаго общества.

Татары могли проникать въ глубь Украины только по своимъ извѣчнымъ шляхамъ, по водораздѣламъ большихъ рѣкъ, впадающихъ въ Черное море; край былъ такъ изрѣзанъ рѣчною сѣтью, что конные хищники, особенно, когда они были обременены добычей, советѣмъ не могли двигаться въ сторонѣ отъ шляха. Особенное значеніе имѣли въ данный моментъ для Украины Черный шляхъ, который шелъ между притоками Днѣпра и Буга, и Кучманскій—по водораздѣлу Буга и Днѣстра. Населеніе старалось держаться подальше отъ этихъ опасныхъ мѣстъ; но укрыться отъ татаръ было все-таки не легко, такъ какъ единичные отряды постоянно отдѣлялись отъ главнаго ствола и проникали въглубь территоріи. На помощь населенію шло правительство, устраивая свои замки.

Конечно, государство могло прочно захватить и удержать за собою территорію, только выдвинувъ въ степь линію укрѣпленій. Но у Литовскаго государства, повидимому, не хватало средствъ ли, или энергіи, чтобы организовать дѣло такъ, какъ его организовало сосѣднее Московское, неуклонно наступавшее на степь своими городками и сторожами. Были и здѣсь попытки къ устройству оборонительныхъ линій, но это были только лишь попытки. Первая линія полѣсько-сѣверская, которая шла нижней Припятью черезъ

Дѣлѣнъ къ Деснѣ, въ описываемое время уже почти потеряла старое значеніе: замки Овручъ, Мозырь, Любечъ стояли за чертой татарскихъ набѣговъ. Вторая линія, которая какъ бы опиралась на Кіевъ, начиналась у верховья Роси и Тетерева, переходила Дѣлѣнъ, упиралась въ нижнюю Десну: ея конечными пунктами были Житомиръ и Остеръ. Эти замки продолжали служить охраною, такъ какъ еще въ половинѣ столѣтія около Житомира люди не смѣли прочно селиться внѣ замка. Но, конечно, главнѣйшее значеніе имѣла та южная линія, наиболѣе выдвинутая въ степь, на которой стояли замки Каневъ и Черкасы на Дѣлѣнѣ, Винница и Брацлавъ на Бугѣ и далѣе Хмельникъ и Баръ уже на Подольѣ. Большой пробѣлъ между Дѣлѣномъ и Бугомъ, возникшій послѣ разоренія татарами Звенигородскаго замка, былъ нѣсколько восполненъ устройствомъ Бѣлой-Церкви на Роси.

Слабы числомъ были эти замки, слабы и устройствомъ. Ревизоры, которыхъ посылали господа на Украину для осмотра и описи своихъ добръ, т.-е. на первомъ планѣ замковъ, горько жаловались на ихъ плохое состояніе, на небрежность старостъ князей, слишкомъ мало думавшихъ о господарскомъ добрѣ и общественныхъ нуждахъ. Винницкій замокъ, напримѣръ, „малъ, устроенъ изъ тонкаго дерева, всюду дыры, и не только людямъ въ часъ тревоги въ немъ нельзя оборониться, да и скота въ немъ не убережешь“. Немногимъ лучше выглядѣли и остальные украинскія твердыни. Даже „врата государства“, Кіевскій замокъ, который послѣ Менгли-Гиреева разоренія отстраивали „всѣмъ княжествомъ Литовскимъ“, все-таки содержался въ эпоху Люблинской уніи старостой своимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, воеводой кн. Острожскимъ очень небрежно.

Но какъ ни плохи были украинскіе замки, а все-таки это были замки, гдѣ населеніе могло находить себѣ нѣкоторую безопасность. Татары почти никогда не нападали на укрѣпленія: въ ихъ набѣгахъ все было рассчитано на быстроту, и имъ нельзя было задерживаться подъ стѣнами, какія бы онѣ ни были. Такимъ образомъ, замки и располагавшіеся около нихъ города, защищенные острогами, играли важную роль въ заселеніи Украины.

Этимъ объясняется тотъ, казалось бы, очень странный фактъ, что городское населеніе Украины числомъ далеко превосходило населеніе внѣ-городское или сельское, по современной терминологіи. Таковъ прямой выводъ, какой мы дѣлаемъ изъ дошедшихъ до насъ довольно обстоятельныхъ цифръ люстрацій и иныхъ документовъ. Но выводъ этотъ ослабляется тѣмъ соображеніемъ, что далеко не все населеніе подвергалось правительственной регистраціи: есть основаніе думать, что масса населенія жила на свой собственный счетъ и рискъ, внѣ контроля, по мѣстностямъ, которыя официально считались пустынями, а на самомъ дѣлѣ заключали въ себѣ хутора и пасѣки, укрывавшіеся по балкамъ и лѣснымъ полянамъ. Но какъ бы то ни было, все-таки захваченное государственными узами населеніе Украины представляетъ высокій процентъ городского населенія.

Но городскимъ это населеніе было лишь по мѣсту жительства, а не по промыслу. На самомъ дѣлѣ это было сельское населеніе, лишь укрывавшееся по необходимости за городовымъ острогомъ или замковой стѣной. Приобрѣтали

городской характеръ, да и то не сразу, лишь тѣ города, которые получали Магдебургское право. На украинской территоріи, въ моментъ Люблинской уніи, пользовались Магдебургскимъ правомъ, кромѣ Кіева, лишь Житомиръ и Овручъ. Всѣ остальные города жили той жизнью стараго русскаго города, гдѣ не было отличія гражданина отъ селянина ни въ правахъ, ни въ обязанностяхъ, ни даже въ занятіяхъ.

Всѣ интересы населенія украинскихъ городовъ сосредоточивались внѣ города, на волостной территоріи. Это были, прежде всего, „уходы“, промысловыя урочища, иногда очень отдаленныя отъ города, за десятки и даже за сотни верстъ: такъ, Черкасы имѣли „входы“, т.-е. рыбныя и звѣриныя ловли, на днѣпровскихъ порогахъ и притокахъ Днѣпра отъ Ворсклы до Самары, куда мѣщане и отправлялись вооруженными ватагами, т.-е. артелями. Жители города устраивали себѣ на территоріи, тянущей къ городу, огромныя пасѣнки, къ которымъ прихватывали земли на полъ-мили, если не на цѣлую милю, какъ свидѣлствуютъ господарскіе ревизоры о брацлавскихъ мѣщанахъ: „есть на этой землѣ у владѣльца, кромѣ пчель, и рыбныя пруды, и всякій звѣрь, и сады съ огородами, и всякій иной пожитокъ“. Конечно, на землѣ, которая была de jure приписана къ господарскимъ замкамъ, слѣдовательно, господарской, а de facto была вольной, ничьей, можно было каждому дѣлать, что угодно, лишь была бы сила для фактическаго захвата. Занимались жители украинскихъ городовъ и земледѣліемъ, но это былъ лишь второстепенный, побочный промыселъ. Какъ незначительно было земледѣліе въ рассматриваемый моментъ, это доказываетъ ничтожная цифра млиновъ, которые всегда всѣ зарегистрировались въ качествѣ важной статьи господарскихъ доходовъ. Даже на содержаніе гарнизона кіевскаго замка спускалось зерно по Днѣпру съ верхнихъ волостей, такъ мало производила хлѣба сама Украина, отдавая всѣ свои незначительныя рабочія силы промысловому труду, несравненно болѣе выгодному и въ то же время болѣе соответствующему энергическому темпераменту украинца.

Вотъ въ общихъ чертахъ тѣ рамки, въ какихъ укладывалась украинская жизнь въ моментъ Люблинской уніи. Безграничный земельный просторъ, неисчерпаемое богатство даровъ природы, съ одной стороны, и постоянная угрожающая опасность, съ другой, и влекли къ себѣ человека изъ иныхъ менѣе благодатныхъ мѣстъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и отталкивали его. Въ результатъ на Украинѣ прочно осѣдали только люди съ извѣстнымъ запасомъ энергіи, мужества, выносливости. Одни селились, такъ сказать, внѣ государства, въ такихъ мѣстахъ, куда не достигало его вліяніе, можетъ-быть, потому, что имѣли основаніе его бояться, а, можетъ-быть, и изъ наклонности къ болѣе свободѣ: такъ было на Низу, т.-е. за порогами, и, конечно, не на одномъ только Низу. Но другіе предпочитали покровительство господарскаго замка, хотя оно и влекло за собою необходимо извѣстныя обязательственныя отношенія.

Конечно, эти обязательственныя отношенія не могли быть въ данныхъ условіяхъ тяжелыми. Прежде всего здѣсь не было противоположности интересовъ государства и населенія: и то, и другое одинаково должны были ставить

на первый планъ защиту. Поэтому, большинство украинскаго населенія, зарегистрированнаго государствомъ и ютившагося за городскими острогами, не знаетъ до поры, до времени никакихъ податей и повинностей, кромѣ военной службы. Конечно, старосты, въ цѣляхъ увеличенія своихъ доходовъ, пытаются понемногу притягивать мѣщанъ къ тяглу и дани въ разныхъ ихъ видахъ, но дѣлать это они должны были очень осторожно, безъ разсчета пока, т.-е. до общаго измѣненія условій, на какой-либо существенный результатъ своихъ стремленій: фактический перевѣсъ былъ еще не на сторонѣ государства и его органовъ. Энергичный староста, въ родѣ извѣстнаго Евстафія Дашкевича, съ преувеличеннымъ понятіемъ о своей старостинской власти и мѣщанскихъ обязанностяхъ, могъ вступить въ борьбу съ населеніемъ за осуществленіе своихъ правъ,—какъ Дашкевичъ и вступилъ было съ черкасскими мѣщанами, но это ни къ чему не приводило. Мѣщане были слишкомъ хорошо знакомы со степью и всякими „уходами“, чтобы бояться старостинской власти. Не лучше стояло дѣло и съ малочисленными волостными людьми, жившими на обширной территоріи, тянущей къ замку. Часть этого населенія несла ту же военную или боярскую службу, и, слѣдовательно, была свободна отъ всего остальнаго. Другая часть отбывала свои обязанности передъ государствомъ легкими даями, медомъ и шкурами или подымщиной, состоявшей изъ нѣсколькихъ грошей деньгами, мѣрки овса, короваго хлѣба и курицы, на содержаніе старосты. Государство, слѣдуя своимъ традиціямъ, раздавало и здѣсь землю своихъ безконечныхъ старостъ съ ихъ рѣдкимъ населеніемъ лицамъ высшаго сословія, въ разсчетъ на организацію обороны и военной службы: въ моментъ Люблинской уніи уже значительная часть старостъ была роздана въ частныя руки. Но на украинской почвѣ, въ условіяхъ украинской жизни, тѣ зависимыя отношенія подданаго къ пану, какія должны были создаваться этой раздачей, получали такой видъ. Мужикъ соглашался работать на своего пана три дня въ году или платить вмѣсто работы 6 грошей—и только. Паны, не имѣя, „съ чего имъ прокормиться и одѣться“, присвоивали себѣ подымщину, которая должна была идти на замокъ. Немудрено, что при такихъ обстоятельствахъ мужикъ былъ „богатшій и пынѣйшій нижли панъ“. Дѣйствительно, украинскій простолюдинъ, по несомнѣнному свидѣтельству документовъ, владѣлъ не только запасами хлѣба и сѣна, стадами коней и рогатаго скота, но и деньгами, богатой одеждой, оружіемъ. Такимъ образомъ, ему не трудно было удѣлять пану или на замокъ то небольшое, что онъ удѣлялъ; за то онъ пользовался, въ извѣстной степени, защитою. Никакое же дальнѣйшее посягательство на его свободу, трудъ или имущество не было возможно, такъ какъ, по словамъ пановъ, онъ „добре знаетъ дорогу, которою утекать“.

Конечно, мѣщанинъ со старостою, мужикъ съ паномъ выглядѣли очень своеобразно въ своеобразныхъ условіяхъ украинской жизни. Но все-таки намъ знакомы уже эти фигуры. Традиція перенесла сюда готовые выработанныя формы и отношенія. Исключительною особенностью Украины является слѣдующее.

Мы уже говорили выше, что если часть населенія Украины селилась въ городахъ и около нихъ, разсчитывая на замокъ и его оборону, то другая

часть—а какая, опредѣлить невозможно—предпочитала жить за свой собственный страхъ и рискъ, по промысловымъ угодымъ, въ хуторахъ, скрытыхъ отъ татаръ по лѣсамъ и балкамъ. Ничего не получая отъ государства, люди эти не считали себя ничѣмъ ему и обязанными. Это не значить, чтобы они выдѣляли себя изъ государства. Конечно, они считали себя подданными своего господаря, но такъ какъ они жили не на земляхъ, фактически притянутыхъ къ замку или находящихся во власти пановъ, то не признавали ни старостинской, ни панской, а, слѣдовательно, и никакой мѣстной власти. Являясь по своимъ дѣламъ въ замокъ или иногда даже и проживая тамъ зимою, они подчинялись нѣкоторымъ обязательствамъ, накладываемымъ на нихъ мѣстной властью и обычаемъ; но тотчасъ сбрасывали ихъ, уходя въ степь, и, вообще, не допускали, чтобы эти обязательства принимали постоянный и прочный характеръ. За ними было какъ бы молчаливо признаваемое право на льготное положеніе, какимъ пользовалась боярская группа: сидя безъ защиты отъ государства въ дикой степи, они жили въ постоянной опасности отъ татаръ и, вѣчно вооруженные, играли тѣмъ самымъ какъ бы роль полевой военной стражи, подстерегали хищниковъ, преслѣдовали ихъ, отбивали награбленное. И не только оборонительную войну вели они съ кочевниками, но и наступательную: татарскій скотъ былъ для нихъ такой же промысловой добычей, какъ рыба и звѣрь ихъ „уходовъ“. Случалось, что въ число добычи попадалъ и купеческій караванъ московскихъ или восточныхъ гостей.

Конечно, такая жизнь требовала организаціи. Государство не давало ея, надо было извлекать ее изъ себя. Это не представлялось затруднительнымъ. Въ понятіяхъ и чувствахъ этихъ людей былъ готовый принципъ такой организаціи, вынесенной ими изъ всей ихъ предшествующей общественной жизни: это былъ братскій союзъ. Братство съ его равенствомъ, взаимопомощью, взаимной отвѣтственностью, совершенно удовлетворяло всѣмъ требованіямъ; оно выбирало себѣ батька „атамана“, и тѣмъ завершалась эта очень простая и вполне цѣлесообразная организація. Такимъ образомъ, эти братскіе союзы, подъ именемъ „купъ“, „ротъ“, „буртъ“, свободно возникаютъ и распадаются между вольными и подвижными обитателями вольной степи, замѣняя недостатокъ иныхъ общественныхъ связей.

Въ разныхъ частяхъ обширной степной украинской территоріи, неопредѣленно сливающейся съ дикой ногайской степью, эти вольные люди зовутся различно. Существуетъ довольно общее и архаически-звучащее названіе „бродниковъ“, на Заднѣпровьѣ—„севрюки“, на Днѣпрѣ—„черкасы“. Но имѣютъ свою судьбу и слова. Лишь одному термину удалось прирасти къ этой группѣ украинскаго населенія со всѣми ея особенностями, трудно поддающимися точнымъ опредѣленіямъ, и вмѣстѣ съ этой группой вступить на широкую историческую сцену. Терминъ этотъ—козаки *).

*) Слово „козакъ“ заимствовано изъ тюркскихъ языковъ: оно было въ употребленіи у крымскихъ татаръ приблизительно въ томъ же значеніи, какъ и у насъ, и встрѣчается даже въ извѣстномъ половецкомъ словарѣ.

А одной изъ козацкихъ организацій посчастливилось въ благоприятныхъ условіяхъ вырасти въ настоящій своеобразный политическій организмъ: подразумѣваемъ Низовое или Запорожское братство.

Такой видъ имѣла Южная Русь въ моментъ, когда Люблинская унія внесла новый ферментъ страшной силы въ ея если не совсѣмъ правильное, не вполне уравновѣшенное, то все-таки относительно спокойное, мирное теченіе общественной жизни.

Ферментомъ этимъ было, конечно, вліяніе Польши, вторгшееся теперь въ Южную Русь и стремившееся обхватить жизнь ея со всѣхъ сторонъ.

Правда, польскій правовой порядокъ и до Люблинской уніи проводился постепенно въ южно-русскую жизнь путемъ литовскаго законодательства. Такимъ образомъ, Люблинская унія лишь разомъ водворила во всей полнотѣ правовой строй, который и помимо ея водворялся по частямъ. Но если бы ея вліяніе не распространилось одновременно на измѣненіе фактическихъ, жизненныхъ, отношеній, то оно было бы сравнительно ничтожнымъ: правовыя нормы прививаются къ жизни лишь въ мѣру того, какъ подготавливается почва для ихъ усвоенія.

Итакъ, не въ измѣненіи правовыхъ нормъ надо искать главную причину тѣхъ результатовъ, поразительныхъ по силѣ и быстротѣ ихъ наступленія, которыми проявило себя польское вліяніе на южно-русской почвѣ. Дѣло въ томъ, что въ Южную Русь вторглась, вмѣстѣ съ Люблинской уніей, сама польская жизнь.

Южная Русь присоединена была къ Польшѣ подъ именемъ воеводствъ Кіевского, Волынскаго и Брацлавскаго; четвертое южно-русское воеводство — воеводство Подольское — уже было польскимъ. Присоединеніе разомъ уничтожило тѣ грани правовыя, экономическія и бытовыя, какими до тѣхъ поръ отдѣлялась Южная Русь отъ Польши. Прежде и ярче всего сказалось это уничтоженіе въ области явленій хозяйственныхъ, экономическихъ. Нагляднымъ выразителемъ той, народившейся вмѣстѣ съ Люблинской уніей, общности хозяйственной жизни Южной Руси и Польши служить снесеніе мытныхъ заставъ на всей длиной пограничной линіи, которая отдѣляла до тѣхъ поръ эти территоріи, какъ политически чуждыя другъ другу. Польша, несомнѣнно, стояла въ это время на сравнительно болѣе высокой ступени хозяйственной культуры: развитіе ея городовъ съ ихъ исключительно обрабатывающей промышленностью, большой отпускъ хлѣба и иного сырья черезъ балтійскіе порты наглядно доказываютъ это, — уже не говоря о тѣхъ, хотя и не прямыхъ, но вполне убѣдительныхъ доказательствахъ, какими служатъ статистическія данныя о плотности населенія, отношенія обрабатываемой земли къ необрабатываемой и т. д. Разъ искусственныя перегородки были снесены, польскія хозяйственныя условія должны были обхватить ту часть южно-русской территоріи, гдѣ почва для ихъ воспріятія была подготовлена. Такую подготовленную почву представляли лишь земли стараго заселенія, и между ними на первомъ планѣ, конечно, Волынь.

Хозяйственныя измѣненія на Волынской территоріи наступаютъ быстро и рѣшительно. Прежде всего распространяется волочная помѣра — первый шагъ ко всему дальнѣйшему: Всюду паны стремятся къ тому, чтобы перевести своихъ кметей съ ихъ исконныхъ дворищъ на размѣренные волоки

или ланы, отрѣзая лучшія земли имѣнія подъ экономическую запашку, подъ фольварки. Два-три десятка лѣтъ послѣ уніи, — и волочная помѣра уже перебирается и на Украину, пока еще въ Житомирскій повѣтъ, мѣстность, прилегающую къ Волини и Кіевскому Полѣстью, но сначала встрѣчаетъ упорное сопротивление: „Боже упаси,—говоритъ громада одного панскаго мѣстечка,— чтобы мы стали земли брать волоками и позволили записать себя и свое племя въ реестры; не будемъ мы жить здѣсь, не дадимъ записывать нашихъ именъ и, будучи вольными людьми, не хотимъ жить въ неволѣ“. „Учинивши такое смятеніе, всѣ начали бунтоваться“, говоритъ документъ. Нововведеніе пока было приостановлено. И, однако, всего двадцать лѣтъ спустя, земли этой территоріи все-таки были перемѣнены. Перевѣсъ фактической силы окончательно склонился на сторону пана.

Перемѣненіе земледѣльца съ дворища на волоку—мѣра, на первый взглядъ, не имѣющая существеннаго значенія,—на самомъ дѣлѣ, явилось съ характеромъ крупнаго не только хозяйственнаго лишь, но и общественнаго переворота. До тѣхъ поръ право собственности на землю было раздѣлено между паномъ и кметемъ, причемъ перевѣсъ права былъ, вообще говоря, на сторонѣ земледѣльца, а не землевладѣльца: дворище съ его архаическимъ характеромъ, съ выработанной системой права, освященнаго стариной и обычаемъ, охраняло хлопа (мужика) отъ посягательства на него пана. Перемѣненіе на раздѣренную волоку, отрывая земледѣльца отъ его насиженной зомли, наглядно демонстрировало тотъ вновь народившійся фактъ, что земля перестала быть собственностью земледѣльца. Еще кое-что изъ старыхъ правъ сохранилось за нимъ и на волокѣ, но равновѣсіе уже было сильно нарушено въ пользу землевладѣльца, и широко расчищенъ путь для дальнѣйшаго ограниченія старыхъ мужицкихъ правъ и вольностей; только теперь, впервые, нарождается настоящее прикрѣпленіе земледѣльца къ землѣ. Рядомъ шло, конечно, и прямое хозяйственное стѣсненіе для земледѣльца, такъ какъ отъ дворищъ отрѣзались тянувшіеся къ нимъ промысловыя уголья и, вообще, уменьшался, иногда очень значительно, размѣръ крестьянскаго земельного владѣнія. Нѣкоторые данныя, приводимыя кн. Любомирскимъ относительно Ратенскаго староства *), позволяютъ предполагать, что земля одного дворища была перемѣнена среднимъ счетомъ на четыре волоки. Вообще, работа кн. Любомирскаго о Ратенскомъ староствѣ даетъ прекрасную иллюстрацію того страшнаго упадка народнаго благосостоянія, которымъ сопровождалось исчезновеніе стараго дворища,—иллюстрацію, на которой тѣмъ удобнѣе остановиться, что кн. Любомирскій, какъ ученый польскій, не можетъ быть заподозрѣнъ въ предубѣжденіи въ пользу старо-русскаго дворищнаго строя и въ пристрастномъ толкованіи того статистическо-экономическаго матеріала, которымъ онъ пользовался. Изображенныя имъ дворища, заключавшія въ себѣ вмѣстѣ съ пашней, и борти, болота, озера и др. уголья, гдѣ на полномъ земельномъ просторѣ хозяйничало, подъ управленіемъ одного главы, нѣсколько родственныхъ семей, къ которымъ присаживались и поло-

*) Смотри его монографію: „Ludnosc rolnicza w Polsce od XVI do XVIII wieku“.

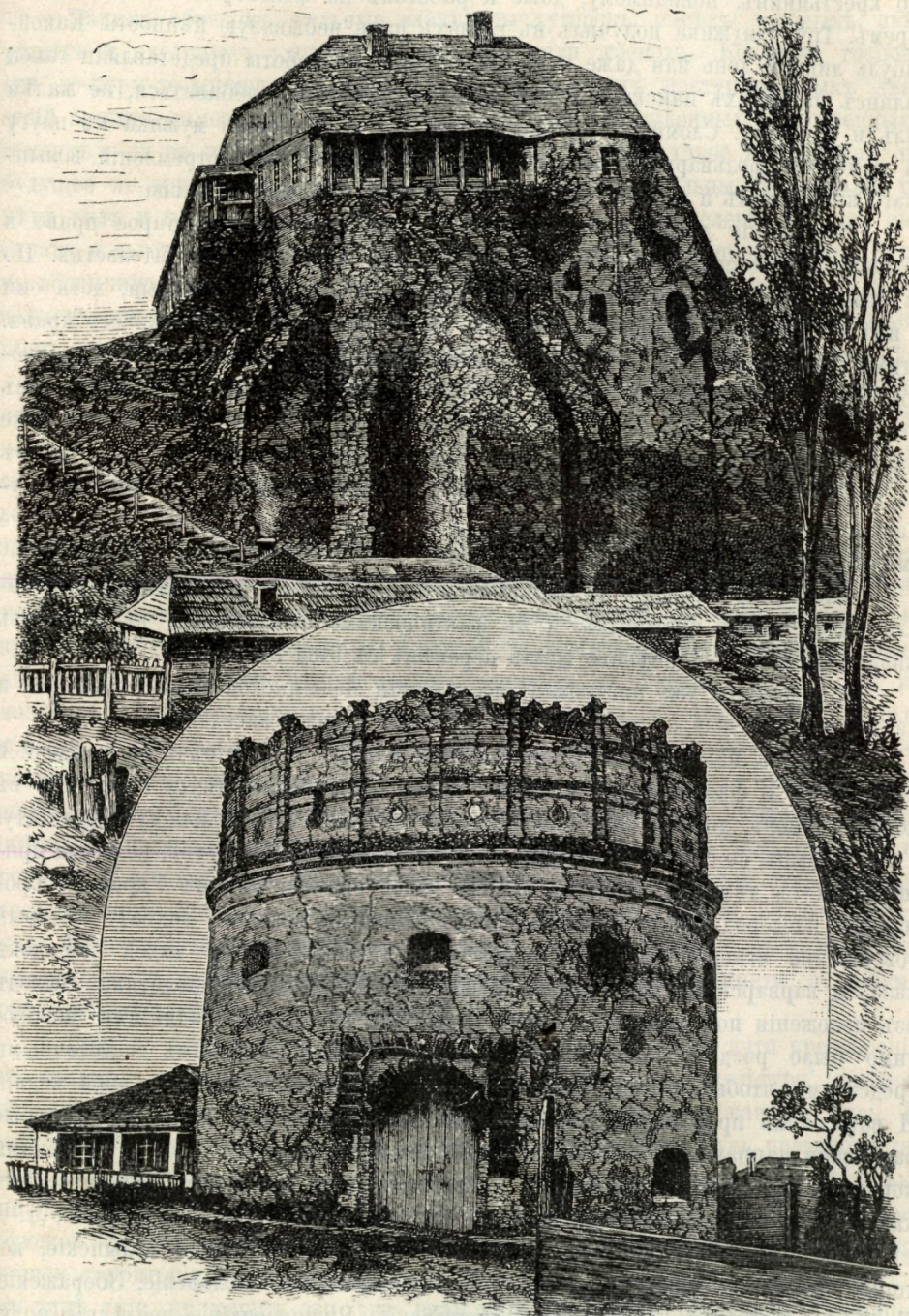

винники изъ лёзныхъ,—хозяйничали сообща, производя раздѣлъ продукта пропорціонально долѣ обрабатываемой земли—такое дворище, конечно, обезпечивало земледѣльцу и независимость и благосостояніе. По собственной раскладкѣ уплачивали дворища владѣльцу дани медомъ, шкурами, ястребами, льномъ или коноплей, деньгами или трудомъ, отвозя ему въ городъ возъ рыбы или меду; въ спорныхъ дѣлахъ обращались къ своему собственному судебному вѣчу. Новые порядки разрушили дворище съ его широкимъ коммунальнымъ хозяйствомъ. Дворище было разбито на волоки, по которымъ были разсажены въ видѣ отдѣльныхъ хозяйствъ семьи, до тѣхъ поръ заключенныя въ дворищной единицѣ; даже половинники извлечены были изъ дворищъ и разсажены на земельные клочки подѣ именемъ огородниковъ, коморниковъ и т. п. Конечно, доходы владѣльцевъ, такимъ образомъ, сильно увеличились. Но такое увеличеніе могло быть только временнымъ, такъ какъ экономическая сила отдѣльнаго крестьянскаго хозяйства страшно уменьшилась. Тѣмъ же самымъ размѣщеніемъ земледѣльцевъ по отдѣльнымъ волокамъ и земельнымъ клочкамъ дано было начало и крѣпостному праву. До тѣхъ поръ прикрѣпленъ былъ только глава дворища, прикрѣпленъ въ силу той отвѣтственности за свое дворище передъ государствомъ или владѣльцемъ, которую онъ несъ: всѣ остальные члены дворищной единицы были совершенно свободны. Теперь, исходя изъ того же принципа отвѣтственности, прикрѣплялась къ своимъ волокамъ и клочкамъ вся та масса, которая надѣлялась ими. Государство предлагало теперь этимъ людямъ на выборъ: или прикрѣпляться къ своимъ землямъ или клочкамъ, или уходить; „и они уходили и разложили огонь въ придиѣпровскихъ пустыняхъ, зарево котораго обхватило небо всей Польши“. Суровымъ трагизмомъ звучатъ слова Любомирскаго, когда онъ подходитъ къ этому послѣднему часу, который пробилъ для этого вольнаго хозяйства, для вѣчевыхъ судовъ, дворищныхъ общинъ.

Таковы были крайне важныя послѣдствія волочной помѣры самой по себѣ. И все-таки она была только первымъ шагомъ къ дальнѣйшимъ хозяйственнымъ измѣненіямъ. Волочная помѣра влекла за собою отрѣзаніе лучшихъ земель имѣнія подѣ фольварки, т.-е. хозяйственные хутора съ экономической запашкой. До сихъ поръ мы видимъ маленькія экономическія запашки лишь при господарскихъ дворахъ и дворцахъ для прокормленія гарнизона замковъ, господарскихъ слугъ и т. п.; владѣльцы получаютъ свои доходы хлѣбомъ, медомъ или иными продуктами крестьянскаго хозяйства, немного трудомъ въ видѣ, напримѣръ, подводъ для передвиженія продуктовъ на рынкахъ или какой-нибудь иной услуги. Это были зачатки барщины, но не барщина: въ настоящей барщинѣ владѣльцы пока еще не нуждались.

Вновь наступившее хозяйственное общеніе съ Польшей вызвало усиленный спросъ на хлѣбъ. Возможность производить хлѣбъ для заграничнаго сбыта открывала передъ владѣльцами новый источникъ доходовъ, крайне соблазнительный по своей доступности: стоило лишь обратить старыя повинности земледѣльца въ барщину, правильную работу на панскомъ фольваркѣ. Барщина появилась и, появившись, тотчасъ же обнаружила чрезвычайную склонность

Замокъ князей Острожскихъ и башня на Красной горѣ въ г. Острогѣ.

къ росту. Пану было слишкомъ выгодно увеличивать свою запашку, тѣмъ болѣе, что крестьянинъ, повидимому, даже и работалъ на фольваркѣ своимъ инвентаремъ. Трудъ мужика получилъ въ глазахъ пана небывалую цѣнность. Какой-нибудь лишній день или даже полъ-дня барщинной работы представляли такой баланс на вѣсахъ панскихъ расчетовъ, что стоило его добиваться, не жалѣя силъ и средствъ. Сломить мужицкое упрямство и приковать мужика къ плугу на панскомъ фольваркѣ сдѣлалось завѣтною цѣлью всѣхъ стремлений волинскаго князя, какъ и всякаго другого южно-русскаго землевладѣльца.

Разрушеніе дворища, съ которымъ вмѣстѣ разсыпались старое право и обычай, уничтожило первые преграды на пути панскихъ домогательствъ. Но за этими первыми преградами стояли другія,—пока несокрушимыя, хотя они и имѣли характеръ лишь голаго факта, за которымъ не было никакого права. Этими преградами была близость Украины съ ея неисчерпаемымъ обиліемъ свободныхъ и плодородныхъ земель, куда земледѣлецъ всегда могъ уйти, разъ владѣльческія притязанія превышали мѣру его терпѣнія; могъ легко уйти даже вопреки праву, въ томъ случаѣ, когда онъ уже былъ юридически прикрѣпленъ къ своей волокѣ: преслѣдовать и возвращать бѣглецовъ въ большинствѣ случаевъ было не въ средствахъ пана, а на помощь государства онъ еще не смѣлъ разчитывать.

Итакъ, препятствія къ дальнѣйшему порабощенію крестьянина уже заключались не въ правовыхъ, а въ фактическихъ отношеніяхъ, въ условіяхъ жизни. Надо было терпѣливо ждать перемѣнъ съ этой стороны.

А перемѣны уже наступали; послѣдствія Люблинской уніи отражались и на Украинѣ, хотя и иначе чѣмъ на территоріи стараго заселенія.

Конечно, на настоящей Украинѣ пока не могло быть и рѣчи ни о волочной помѣрѣ, ни о фальварочной системѣ. Здѣсь происходило нѣчто иное, что, въ концѣ концовъ, должно было привести къ тому же окончательному результату.

Польша, со своими понятіями о государственномъ хозяйствѣ, не могла примириться съ тѣмъ положеніемъ вещей, какое она застала на Украинѣ. Громадныя плодороднѣйшія пустыни, предоставленныя вольному захвату, который совершенно игнорировалъ государственное тягло—конечно, такой порядокъ казался варварскимъ культурнымъ руководителямъ польской политики. Выходъ изъ положенія подсказывался всѣмъ польскимъ строемъ и традиціями: необходимо было раздать эти пустыни магнатамъ, располагающимъ достаточными средствами, чтобы организовать защиту и водворить зачатки культурной жизни. И вотъ, какъ продолженіе литовской политики щедрыхъ Ягелловъ, которые раздавали направо и налево заселенныя земли, начинается раздача польскими королями и сеймами украинскихъ пустынь или тѣмъ же южно-русскимъ князьямъ или польскимъ магнатамъ. Въ Подляпировѣхъ и Задляпировѣхъ, т.-е. въ воеводствахъ Кіевскомъ, водворяются по преимуществу паны волинскіе, которые проникали сюда и до уніи,—князья Острожскіе, Заславскіе, Зборажскіе, Корецкіе, Рожинскіе, Пронскіе, Чарторыйскіе, Вишневецкіе,—послѣдніе получаютъ, между прочимъ, „пустыню рѣки Сулы“. На Побужье, т.-е. въ воеводство Брацлавское, перебираются изъ Подолья польскіе магнаты въ лицѣ Язло-

вѣцкихъ, Замоискихъ, Сѣнявскихъ, Струсей, Потоцкихъ, Яблоновскихъ, Конечпольскихъ, Калиновскихъ, получившихъ „пустыню Умань“.

Такимъ образомъ, вольные владѣльцы хуторовъ, пасѣкъ, рыбныхъ, звѣриныхъ и пчелиныхъ уходовъ вдругъ получили господъ. Конечно, господа эти до-поры-до-времени не предпринимали никакихъ наступательныхъ дѣйствій противъ самозванцевъ, хозяйничающихъ на ихъ законныхъ собственныхъ земляхъ,—не въ ихъ интересахъ и возможностяхъ было такое наступленіе: но будущее не трудно было предвидѣть. Пока новые владѣльцы устраивали, по мѣрѣ силъ и возможности, замки и замочки и ссылали населеніе, общая ему охрану и льготы на десятки лѣтъ отъ какихъ бы то ни было повинностей. Если мы вспомнимъ о положеніи дѣлъ на сосѣднихъ земляхъ стараго заселенія, то легко поймемъ, что желанные люди находились. Колонизація Украины русскимъ населеніемъ шла столь же дѣятельно и въ новыхъ условіяхъ, если еще не дѣятельнѣе.

Въ то же время на Украинѣ происходило и еще одно явленіе, внесшее свою долю вліянія на послѣдующія событія. Это былъ большой притокъ сюда мелкаго польскаго шляхетства. Люблинская унія раскрыла настежь двери польской иммиграціи, которая до тѣхъ поръ была такъ сильно стѣснена литовскимъ государственнымъ правомъ, что почти отсутствовала. Черезъ раскрытыя двери, за которыми такъ соблазнительно видѣлась прекрасная Украина со всей роскошью ея природы и безграничнымъ земельнымъ просторомъ, хлынулъ сюда польскій „*naród*“. Но это не были кметы; кметъ былъ уже такъ хорошо прикрѣпленъ къ своему лану, что ему было не по силамъ порвать привязь. Маленькіе слѣды демократическаго польскаго элемента на Украинѣ видимъ мы въ мазурахъ, которые занимаются „буда^{*)}“, и въ польскомъ жолнерѣ. Хлынула шляхта, малоземельная или совсѣмъ безземельная,—люди, надѣленные всей полнотой правъ, но имѣвшіе слишкомъ мало ресурсовъ для осуществленія этихъ правъ. Для болѣе энергической части этого люда Украина явилась обѣтованной землей, которая сулила осуществленіе всего, въ чемъ отказывала родина. И шляхта шла. Панскіе дворы, замки и замочки всюду открывали ей гостепріимный пріютъ; а затѣмъ такому шляхтичу на Украинѣ очень немного надо было средствъ, чтобы сѣсть и на землю, хотя бы сначала въ видѣ земледѣльца, но съ радужною надеждою впереди залучить себѣ кмета и такимъ образомъ превратиться въ землевладѣльца.

Вотъ тѣ первые шаги, которые сдѣлала Южная Русь по пути претворенія въ польское государственное тѣло. Высшая матеріальная культура, которою обладала Польша, неотразимо влекла за собою инкорпорированную Русь. И между тѣмъ претвореніе все-таки оказалось невозможнымъ. Русь противопоставила себя Польшѣ, какъ представительница иной духовной культуры, не только не расположенной отрекаться отъ себя въ пользу культуры чуждой, но и требующей къ себѣ извѣстнаго уваженія. Латинское христіанство столкнулось на нашей территоріи съ христіанствомъ греческимъ. Возникшая — была попытка, въ лицѣ уніи, примирить эти два враждебно противопоставленныхъ исторіей

*) Буда—поташный заводъ.

религіозно культурныхъ начала лишь ускорила ту страшную соціальную катастрофу, жертвой котораго сдѣлалась Южная Русь.

Но мы все-таки не поймемъ событій, если не обратимъ вниманія на то крайне напряженное состояніе религіозныхъ чувствъ и мыслей, которое мы наблюдаемъ въ южно-русскомъ обществѣ вслѣдъ за инкорпорацией, и не уяснимъ себѣ, въ чемъ заключается его источникъ.

Раскрывъ настежь ворота вліянію Польши вообще, Люблинская унія раскрыла ихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и тому острому вѣтру религіознаго свободомыслія, который дулъ съ запада и уже успѣлъ въ самое короткое время распатать въ Польшѣ ея старые католическіе устои. Польша въ половинѣ XVI ст. готова была сдѣлаться страной протестантской. Броженіе религіозной мысли проникло и въ Южную Русь. Зараза свободомыслія распространялась среди подольскихъ пановъ, князей Волыни, проникая и на Украину: „множество православныхъ дворянъ охотно ринулись въ пространный и широкій путь“, „сирѣчь въ пропасть ереси люторскія и другихъ различныхъ сектъ“, какъ выражается извѣстный московскій изгнанникъ, князь Курбскій, пріютившійся на Волыни, о своихъ новыхъ землякахъ. Одинъ панъ за другимъ отпадалъ въ то или иное разновѣріе; какъ на непоколебимыя опоры православія, въ это время всеобщаго броженія умовъ, современники указываютъ лишь на два крупныхъ магнатскихъ рода: Острожскихъ и Вишневецкихъ. Изъ различныхъ сектъ, на первыхъ порахъ, большимъ успѣхомъ пользовался въ средѣ южно-русскаго дворянства кальвинизмъ: сначала Олыка на Волыни, затѣмъ Паніовцы на Подольѣ были центральными пунктами для южно-русскихъ шляхетскихъ послѣдователей Кальвина. Возбужденная, но не привыкшая къ умственной дисциплинѣ, мысль южно-русскаго челоѣка того времени свободно переходила къ крайностямъ. Скоро на смѣну кальвинизму явилось атитринитаріанство, считавшее своимъ родоначальникомъ сожженного Кальвиномъ Сервета, и легко вытѣснило своего предшественника почти отовсюду. Съ своимъ отрицаніемъ С. Троицы, божественности Христа, благодати, предопредѣленія — это ученіе даже и не вмѣщалось въ рамки религіи христіанской. Оно явилось съ того же запада; но на территоріи Южной Руси столкнулось съ очень родственнымъ ему направлениемъ религіозной мысли, проникшимъ сюда съ противоположной стороны, изъ Московской Руси. Здѣсь въ половинѣ XVI вѣка снова ожила-было ересь жидовствующихъ въ ученіи Θεодосія Косаго, Матвѣя Башкина и др., и нашла себѣ въ свободолюбивомъ и терпимомъ Литовско-Русскомъ государствѣ тотъ пріютъ, каковаго она не могла найти на родинѣ. Приверженцы Θεодосія Косаго и его товарища Игнатія имѣли одно время большой успѣхъ на Волыни и сосѣднемъ Кіевскомъ Полѣсѣ. Но грубая оболочка, въ которой являлось ученіе Косаго, и соціальныя выводы, какіе онъ дѣлалъ изъ своихъ религіозныхъ положеній, вѣроятно, не пришлись по душѣ шляхетству: вмѣстѣ съ извѣстными религіозными догматами, онъ отрицалъ и данный общественный порядокъ съ государственнымъ строемъ, войной, властями и податями, классовымъ дѣленіемъ людей. Какъ бы то ни было, ученіе Θεодосія уступаетъ мѣсто менѣе крайнему направленію того же религіознаго раціонализма. Въ Южной

Руси водворяется учение Фавста Социна, известное подъ названіемъ социанства или арианства. Ариане окончательно овладѣваютъ положеніемъ и удерживаютъ его за собою до тѣхъ поръ, пока ихъ не смыла, уже къ половинѣ слѣдующаго вѣка, все возрастающая тѣмъ временемъ и крѣпнѣвшая волна католической реакціи: послѣдняго виднаго представителя южно-русского арианства Юрія Немирича мы находимъ уже у Хмельницкаго въ его козацкомъ лагерѣ. Изъ нѣдръ католицизма, взволнованнаго до-дна реформаціоннымъ броженіемъ, выдвинулись новые борцы за римскую церковь небывалой силы и значенія—іезуиты. Въ годъ Люблинской уніи они водворяются въ Вильнѣ, а вслѣдъ затѣмъ появляются и въ Южной Руси, при панскихъ дворахъ, какъ ученые и интересные собесѣдники взрослыхъ, жаждавшихъ поученія, какъ искусные воспитатели подраставшаго поколѣнія: эти ловцы душъ, пользовавшіеся всякимъ случаемъ, чтобы готовить почву для будущихъ католическихъ всходовъ, вносили свою немалую долю въ то общее религіозное броженіе умовъ, какое овладѣло православнымъ южно-русскимъ обществомъ.

„Южно-русскимъ обществомъ“, сказали мы,—слѣдовало бы точнѣе сказать: „южно-русскимъ панствомъ“. Броженіе умовъ не затрогивало народную массу: она оставалась православной. Правда, польское право предоставило теперь дворянству власть и надъ совѣстью своихъ подданныхъ: *cujus regio, hujus religio* (чья власть, того и вѣра). Конечно, это право не вмѣщало въ себя больше того, что панъ иновѣрецъ могъ обратить на территоріи своихъ владѣній православные храмы въ католическіе костелы или арианскіе молитвенные дома; но вѣдь и этого было болѣе чѣмъ достаточно. Пока, т.-е. во 2-й половинѣ XVI вѣка, паны не злоупотребляли своей властью по причинамъ, указаннымъ выше; если и встрѣчались отдѣльные случаи панскихъ увлеченій въ этомъ направленіи, то въ общемъ масса сельскаго населенія все-таки оставалась неприкосновенной, со своимъ невѣжественнымъ, выдвинутымъ ею изъ своей же среды „благочестивымъ попомъ“, который не могъ вести свое духовное стадо впередъ, такъ какъ самъ ничего не видѣлъ впереди.

Но иначе было съ населеніемъ городовъ,—конечно, не тѣхъ украинскихъ городковъ-крѣпостей, которые возникали лишь въ цѣляхъ защиты, а старыхъ городовъ, какіе все-таки были и на южно-русской территоріи—напримѣръ: Кіевъ, Луцкъ, Владиміръ, Львовъ. Мѣщанство этихъ городовъ, жившее, такъ сказать, на большихъ дорогахъ и поддерживавшее торгово-промышленныя связи съ мѣщанствомъ иныхъ территорій, своихъ и чужихъ, было гораздо воспримчивѣе ко всякимъ вѣяніямъ, чѣмъ сельское населеніе, замкнутое въ глуши своихъ поселковъ. Но вѣянія эти отразились на немъ иначе, чѣмъ на дворянствѣ. Мѣщанство оказалось болѣе устойчивымъ, менѣе падкимъ на новинки; но это была именно устойчивость, а не косность. Возбужденіе умовъ направилось здѣсь не на усвоеніе новаго, а на пересмотръ, критику и новое обоснованіе стараго. Яснѣе стали старыя язвы, и острѣе почувствовалась потребность въ ихъ исцѣленіи. Просвѣтительная дѣятельность, за которую такъ энергично напирала реформація, и за которую ухватились теперь іезуиты, явилась и для православной среды неотложной необходимостью. Типографское иску-

ство быстро распространялось по городамъ и панскимъ имѣніямъ. Около православныхъ типографій собирались кружки горячихъ приверженцевъ православія, сосредоточивавшихъ всѣ свои помыслы на томъ, чтобы обогатить свою вѣру всѣмъ, чѣмъ были богаты вѣры запада. На встрѣчу просвѣтительнымъ стремленіямъ, которыя исходили отъ горячихъ душъ и энергическихъ умовъ отдѣльныхъ единицъ, шла дѣятельная помощь со стороны братствъ, цеховыхъ и церковныхъ, которыя возникли раньше въ разнообразныхъ интересахъ взаимопомощи и общественной нужды, а теперь единодушно готовы были направить свои силы и средства на то, чтобы поднять православіе въ уровень съ требованіемъ времени. Это движеніе отклонилось отъ своего первоначальнаго направленія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, проявило необычайное напряженіе и остроту, послѣ того какъ снова выдвинулась мысль о соединеніи церквей и церковной іерархіи, которые имѣли скрытую, но сильную опору частью въ своихъ православныхъ единомышленникахъ, частью въ іезуитахъ и ихъ сторонникахъ.

Сама по себѣ мысль религіозной уніи, въ эпоху такого сильного броженія умовъ, представлялась довольно естественной. Съ одной стороны, религіозная мысль уже была сдвинута съ своихъ традиціонныхъ устоевъ; съ другой, всѣмъ, кого возмущалъ такой разбродъ религіозныхъ убѣжденій, должна была казаться соблазнительной попытка положить предѣлъ этому разброду умпротвореніемъ тѣхъ двухъ главнѣйшихъ религіозныхъ разногласій, которыя раздѣлили Польско-Литовское государство на два враждебныхъ стана. Стефанъ Баторій *), человѣкъ свободомыслящій въ полномъ смыслѣ этого слова, готовъ былъ не только поддерживать церковную унію, но и самихъ іезуитовъ, цѣня въ нихъ дѣятельное орудіе въ достиженіи желаемого государственнаго и общественнаго объединенія. Такой завѣдомый столпъ и опора православія, какъ князь Василій-Константинъ Острожскій, серьезно думалъ о соединеніи церквей. Сильно выдающійся надъ уровнемъ своихъ православныхъ современниковъ по уму, образованію и талантности — Мелетій Смотрицкій, послѣ долгихъ поисковъ за истиной, пришелъ, въ концѣ концовъ, къ оправданію уніи.

Но очевидно, что въ концѣ XVI вѣка почва для такой крупной реформы, какъ подчиненія православія папскому престолу, далеко еще не была подготовлена. Религіозная унія, такъ называемая Брестская (1596 г.), явилась въ глазахъ массы православныхъ ея современниковъ какъ результатъ личныхъ, своекорыстныхъ усилій православныхъ архіереевъ, слишкомъ мало заинтересованныхъ въ православіи самомъ по себѣ. Главные инициаторы дѣла, владимірскій епископъ, непосредственно передъ тѣмъ брестскій каштелянъ Ипатій Потѣй, ученикъ кальвинистовъ, затѣмъ то католикъ, то православный, и лупцкій епископъ Кириллъ Терлецкій, имя котораго украшаетъ собою множество страницъ тогдашней судебной хроники, иногда и очень скандальной, — тотъ и другой люди несомнѣнно умные и энергическіе, — внушали мало довѣрія къ чистотѣ

*) Сигизмундъ-Августъ, послѣдній изъ Ягеллоновъ, ум. въ 1572 г.; послѣ одиннадцатимѣсячнаго правленія Генриха Валуа вступилъ на престолъ Стефанъ Баторій (1575—1586 г.).

своихъ стремленій. Не больше тяжести на вѣсахъ общественнаго уваженія представляли собой и другія лица высшей православной іерархіи, примкнувшія къ уніи. Было ясно, что влекло ихъ къ нововведенію. Имъ была слишкомъ тяжела и обидна зависимость отъ мірянъ въ виду высокаго и вполне независимаго положенія духовенства католическаго. Церковныя братства, движимыя подъемомъ религіознаго духа и, по справедливости, считая себя представителями „міра“, все болѣе и болѣе присвоивали себѣ контроль надъ дѣйствіями не только низшаго, но и высшаго духовенства; ихъ поддерживало въ этомъ отношеніи не только общественное мнѣніе православной среды, но и авторитетъ константинопольскихъ патріарховъ. Такимъ образомъ, епископъ, глава мѣстной церкви, панъ и крупный землевладѣлецъ, по соціальному своему положенію, былъ въ зависимости отъ простыхъ хлопотъ, шевцовъ, сѣдельниковъ и кожемякъ. Конечно, эта зависимость не сейчасъ народилась на свѣтъ Божій, а была всегдашней принадлежностью западно-русской церкви съ ея выборными порядками и активнымъ участіемъ мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ, но только теперь, впервые, всѣ эти шевцы и кожемяки воспользовались своимъ правомъ указывать грѣшнымъ епископамъ на ихъ уклоненія отъ прямыхъ путей, предписываемыхъ закономъ. Въ то же время іезуитъ Скарга такъ блестяще и убѣдительно доказывалъ, что епископъ есть прямой и непогрѣшимый посредникъ между Богомъ и людьми, за которымъ свѣтскіе люди должны слѣдовать какъ овцы за пастыремъ, всецѣло вручая ему дѣла своего спасенія, и, конечно, не допуская даже отдаленной мысли о контролѣ или критикѣ. Разумѣется, не безъ вліянія на шаткую совѣсть всѣхъ этихъ Рагозъ, Потѣевъ, Терлецкихъ оставалась и перспектива земныхъ благъ, связанныхъ съ благосклонностью правительства, и того политическаго вліянія, какимъ широко пользовалось духовенство римскаго обряда.

Знаменитый Брестскій соборъ, къ которому обыкновенно приурочивается начало уніи, въ своей общей картинѣ прекрасно отразилъ то, какъ стояло дѣло уніи въ сознаніи и настроеніяхъ тогдашняго южно-русскаго общества. Никакого единого собора не было вовсе; сторонники и противники уніи собирались и совѣщались отдѣльно. Число сторонниковъ уніи было ничтожно. Но на собраніе православныхъ, кромѣ духовенства, явилась масса лицъ изъ дворянства, депутатовъ и пословъ отъ отдѣльныхъ воеводствъ и повѣтовъ, отъ городовъ, представители церковныхъ братствъ. Изъ духовенства оказались на собраніи православныхъ не только священники и монахи, но и два епископа, въ томъ числѣ и львовскій Гедеонъ Балабанъ, который раньше, несомнѣнно, стоялъ на сторонѣ уніи: очевидно, массовое настроеніе православной среды, враждебное уніи, отразилось и на духовенствѣ.

Собраніе сторонниковъ уніи провозгласило состоявшимся соединеніе церквей; собраніе противниковъ, гораздо болѣе многочисленное, выразило самое полное и рѣшительное отрицаніе якобы состоявшагося соединенія, такъ какъ, по его мнѣнію, соединеніе, не имѣвшее за собой ни одобренія константинопольскаго патріархата, ни согласія народа, лишено какого бы то ни было значенія. Оба собора отлучили взаимно другъ друга отъ церкви—и разошлись.

Такимъ образомъ, на лонѣ западно-русской православной церкви произошелъ расколъ. Польское правительство, естественно, признало уніатскую партію представительницей официальной православной церкви и передало въ ея распоряженіе всѣ церковныя имущества, которыми располагало, но у пастырей уніатскихъ не было паствы, а ихъ богатые монастыри стояли запертыми, такъ какъ въ нихъ не было монаховъ. Православные остались безъ высшей церковной іерархіи, слѣдовательно, съ дезорганизованной церковью, не способною удовлетворять духовныхъ потребностей своей паствы: но вся народная масса и православное дворянство остались вѣрны этой церкви, и въ одномъ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, который удалось отстоять православнымъ отъ захвата со стороны уніатовъ, насчитывалось до восьмисотъ монаховъ. Очевидно, проведенная на Брестскомъ соборѣ религиозная реформа была несвоевременна и болѣе чѣмъ неудачна. Проницательные люди даже католической партіи понимали это; сами папскіе нунціи, въ своихъ донесеніяхъ римской куріи, представляли положеніе дѣлъ въ очень мрачныхъ краскахъ и видимо не возлагали никакихъ надеждъ на унію.

А, между тѣмъ, православіе, лишенное своего митрополита и епископовъ, государственнаго покровительства, богатыхъ имуществъ, развернуло теперь особенную энергію: точно все, чего оно лишилось, было лишь негоднымъ наростомъ, истощавшимъ его силы, и горячее нравственное убѣжденіе, оставшееся теперь его единственной опорой, подняло уровень православной среды южно-русскаго общества на небывалую высоту.

Прежде всего всѣ православные отозвались на происшедшее энергическимъ и единодушнымъ протестомъ въ тѣхъ легальныхъ предѣлахъ, какіе допускались ихъ сословнымъ положеніемъ. Мѣщане и церковныя братства внесли свои протестаціи противъ незаконныхъ дѣйствій сторонниковъ уніи въ судебныя актыя книги. Дворяне, какъ представители сословія, пользовавшагося полнотою политическихъ правъ, заявляли свои требованія объ уничтоженіи уніи и восстановленіи православія на провинціальныхъ сеймикахъ и на генеральныхъ сеймахъ. Они вступали въ соглашеніе съ протестантскимъ дворянствомъ, чтобы сообща отстаивать свое дѣло. Но пока во главѣ польскаго правительства стоялъ фанатически настроенный Сигизмундъ III (1587—1632 г.), трудно было добиться чего-нибудь: онъ тотчасъ старался взять назадъ вынужденную обстоятельствами уступку. Однако, вопросъ о диссидентахъ составлялъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ внутренней польской политики, какъ во все его царствованіе, такъ и въ царствованіе сына его Владислава IV, пока Хмельницина не дала крутой поворотъ и польской и южно-русской исторіи.

Но не здѣсь—не въ политическихъ усиліяхъ южно-русскаго православнаго дворянства, ряды котораго, тѣмъ временемъ, все рѣдѣли подъ воздѣйствіемъ католическо-іезуитской пропаганды, проявился тотъ духовный подъемъ православной среды, на который мы только-что указали. Стихіей этого подъема были братства.

Расширеніе дѣятельности братскихъ союзовъ относится еще ко времени до уніи. Общее возбужденіе умовъ, охватившее южно-русское общество со вто-

рой половины XVI вѣка, отразилось и на скромныхъ братскихъ организаціяхъ съ ихъ канунами и пирами, медами, свѣчами и похоронными обрядами. Львовское братство, еще лѣтъ за десять до уніи, распространило свою дѣятельность далеко за первоначальные узкіе и мѣстные предѣлы, религіозные и благотворительные. Но только послѣ уніи всюду, не только по большимъ и малымъ городамъ и мѣстечкамъ, появляются братства съ инымъ несравненно болѣе широкимъ кругозоромъ задачъ. Просвѣтительная дѣятельность въ видахъ поднятія и укрѣпленія православія—типографія и книга, школа и проповѣдь,—вотъ та цѣль, какую ставятъ себѣ теперь братства: само собою разумѣется, что они же несли цѣликомъ на своихъ плечахъ всѣ попеченія о православной церкви, оставленной безъ всякаго содѣйствія со стороны государства. Вся территория покрылась густой сѣтью этихъ церковныхъ братствъ, которыя захватывали въ свои союзы и населеніе сельское. Они поддерживали постоянныя сношенія другъ съ другомъ и стояли въ извѣстномъ подчиненіи по отношенію къ братствамъ большихъ городовъ „старшимъ“, которыя получали это право старшинства отъ восточныхъ патріарховъ. Расширивши свою дѣятельность въ смыслѣ задачъ, братства, естественно, стремились ее расширить и въ смыслѣ средствъ. Первоначальный, узко-корпоративный характеръ, организаціи не годился для новой постановки дѣла. Братства стали привлекать, въ качествѣ своихъ членовъ, лицъ иныхъ сословій внѣ ремесленного мѣщанства. Православная часть южно-руссекаго дворянства охотно вступала въ члены братскихъ организаціи на правахъ старшихъ братчиковъ. Такимъ образомъ, не только увеличивались матеріальныя средства братскихъ союзовъ обязательными и необязательными взносами людей богатыхъ, но—что было еще важнѣе—братства черезъ своихъ старшихъ пановъ-братій получали политическій вѣсъ, какого они были совсѣмъ лишены въ своемъ первоначальномъ мѣщанскомъ составѣ. „Мы (дворяне) въ городѣ вообще не живемъ и по отдаленности не часто бываемъ, а потому поручаемъ надзоръ и возлагаемъ труды на младшихъ пановъ-братій нашихъ съ тѣмъ, чтобы они во всемъ ссылались на насъ, яко на старшихъ, и мы, яко старшіе младшимъ, должны имъ помогать, за ихъ заступаться на каждомъ мѣстѣ и во всякомъ дѣлѣ“,—такъ гласитъ одинъ договоръ волинскихъ пановъ съ своими мѣщанскими собратьями. Даже наикрупнѣйшіе православные магнаты, какъ Острожскіе и Вишневецкіе, не брезгали собратствомъ съ кожемяками, пекарями, воскобойниками, шевцами: таково было настроеніе момента.

Во всѣхъ большихъ братствахъ, т.-е. братствахъ крупныхъ городовъ, находились люди энергическіе, умные, образованные, которые становились во главѣ мѣстной дѣятельности. Они обыкновенно группировались около типографій; типографскій станокъ, всего какихъ-нибудь полвѣка назадъ появившійся на нашей территории, завоевалъ себѣ не только полнѣйшее признаніе, но и фанатическую преданность. Два православныхъ магната, Ходкевичъ и Острожскій, внесли свою немалую долю участія въ то, чтобы привить у насъ книгопечатное искусство; но, конечно, лишь братства дали ему такое широкое распространеніе. Сначала книжная дѣятельность направлялась исключительно на изданіе необходимыхъ церковныхъ книгъ, списки которыхъ были испор-

чены, большей частью, невѣжествомъ, а случалось и злымъ умысломъ переписчиковъ: разновѣрія пользовались этимъ средствомъ, чтобы проложить себѣ путь въ сознаніе православной массы. Изданіе библии Острожской типографіей 1581 г. занимаетъ первое мѣсто въ ряду многихъ трудовъ этой категоріи. Стали появляться переводы тѣхъ богословскихъ книгъ, которыя до тѣхъ поръ совсѣмъ не были извѣстны православному русскому міру—кн. Курбскій много поработалъ надъ переводами твореній святыхъ отцовъ. Но только унія дала толчекъ самостоятельной литературно-научной дѣятельности какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и братскихъ кружковъ.

Религіозная унія вызвала въ православной средѣ горячую потребность отстаивать правоту своего дѣла тѣми новыми средствами, какія были до тѣхъ поръ почти недоступны, путемъ гласности, обращенія къ общественному мнѣнію. Всѣ типографскіе станки, находившіеся въ распоряженіи православныхъ, работали надъ тѣмъ, чтобы распространять новые и новые аргументы въ опроверженіи уніи и латинства, въ защиту православія. Появилась цѣлая полемическая литература, многія произведенія которой дошли и до насъ. Между ними первое мѣсто, несомнѣнно, занимаетъ „Апокрисисъ“, авторъ котораго (псевдонимъ Христофоръ Бронскій, подлинное имя неизвѣстно) съ замѣчательнымъ искусствомъ доказываетъ права мірянъ на участіе въ дѣлахъ церкви и вѣры. Противники также не оставались въ долгу: іезуитъ Скарга выступилъ самымъ рьянымъ оппонентомъ со стороны противной партіи. Въ увлеченіи борьбой по пути захватывались и иные вопросы, не имѣющіе прямой связи съ вопросами вѣры, какъ, напримѣръ, вопросъ о языкѣ. „Еще не было на свѣтѣ академій,—съ язвительностью писалъ Скарга,—гдѣ бы философія, богословіе, логика и другія свободныя науки преподавались по-славянски. Съ такимъ языкомъ нельзя сдѣлаться ученымъ. На этомъ языкѣ нѣтъ ни грамматики, ни риторики, да и быть не можетъ. Вотъ откуда и невѣжество и заблужденіе“... На это православные могли отвѣтить только грамматикой,—и они отвѣчали: одна за другой появляется на свѣтъ сначала грамматика Зизанія, затѣмъ Мелетія Смотрицкаго. Но болѣе образованные и понимающіе изъ православной среды не могли не чувствовать, какъ скудна стихія славянскаго языка по сравненію съ стихіей языка латинскаго, какъ слаба ея связь съ сокровищницей широкаго общечеловѣческаго знанія. Ясно, что нужна была помощь языка высшей культуры, какимъ для православія могъ быть языкъ греческій; слѣдовательно, нужна школа, и не школа лишь простой грамотности, какая и заводилась всюду при братствахъ, а школа высшая, съ греческимъ языкомъ и извѣстнымъ, хотя бы неполнымъ, цикломъ „свободныхъ наукъ“.

Братства большихъ городовъ начинаютъ устраивать высшія школы въ параллель тѣмъ латинскимъ школамъ, которыя при всякой возможности устраивали іезуиты. На южно-русской территоріи мы видимъ такія высшія школы въ Львовѣ, Луцкѣ, Острогѣ, Кіевѣ. Кіевская школа нѣсколько позже достигла значенія центрального просвѣтительнаго пункта для всей православной Южной Руси.

Въ массѣ православныхъ людей, которыхъ выдвинули теперь обстоятельства на арену общественной дѣятельности, конечно, встрѣчаются личности

выдающихся душевныхъ свойствъ. Но всѣхъ заслоняетъ собою величавая фигура Іоанна Вишенскаго, эта до сихъ поръ такъ слабо освѣщенная наукой, истинно-библейская фигура монаха, который съ отдаленнаго Аэона металъ настоящіе громы, направленные противъ золъ, истощавшихъ силы его страстно любимой родины—Южной Руси. Только истинный и глубокий талантъ, соединенный съ цѣльной и горячей вѣрой, могъ сообщить ему, этому загадочному монаху, прозорливость, съ какой онъ въ столь неудобной смѣшанной стихіи мертвого славянскаго и живого простонароднаго, не выработаннаго слова отыскалъ тѣ звуки, какими онъ умѣлъ жечь сердца своихъ православныхъ русскихъ современниковъ. Трудно передать впечатлѣніе потрясающей силы убѣжденія, какою звучать его рѣчи; но зато очень легко представить себѣ, какъ онѣ должны были дѣйствовать на умы тѣхъ, къ кому онѣ обращались. Въ его письмахъ съ Аэонской горы проходятъ передъ нами въ яркихъ чертахъ, полныхъ жизни и выраженія, ничтожныя и уродливыя личности епископовъ, предавшихъ православіе, легкомысленное панство съ его щегольствомъ и лакомствомъ, съ жаждой легкихъ удовольствій, „римлянинъ“, гордый своей наукой и свѣтскою полировкой. Все это осыпается градомъ ѣдкихъ сарказмовъ. Іоаннъ Вишенскій понималъ,—а, можетъ-быть, лишь остро чувствовалъ,—что его православная родина раскололась безповоротно на двѣ части, и что верхняя ея часть если и держится еще виѣшнимъ образомъ старыхъ традицій, то внутренними условіями своего существованія уже повернулась къ латинскому западу, окончательно завоевавшему ея блескомъ и соблазнами своей культуры. Всѣ симпатіи Іоанна Вишенскаго лежатъ на сторонѣ тѣхъ, которые „изъ одной мисочки борщикъ хлебають, простой свитой покрываются и сами себѣ паны и слуги суть“. Но настоящую опору всѣмъ, что было ему дорого, онъ видѣлъ не въ бѣдныхъ подданныхъ, у которыхъ „паны волочатъ дани пѣняжныя, дани пота и труда, которыхъ живо дупятъ, обнажаютъ, мучатъ, томятъ, до рѣчныхъ судовъ безвременно зимой и лѣтомъ и въ непогодное время гонятъ, которые день и ночь трудятъ на проклятыхъ фольваркахъ“. За этихъ людей Іоаннъ Вишенскій, очевидно, болѣлъ своей горячей душой. Но опору онъ могъ видѣть лишь въ тѣхъ городскихъ братчикахъ, которыхъ владыки, вмѣстѣ съ прочимъ шляхетствомъ, „подлѣйшими отъ себе чинячи, уничтожали и ни за что быть вмѣняли, хлопами, кожемяками, сѣдельниками, шевцами на поруганіе прозывали“... Это презрѣніе глубоко возмущало демократическую натуру Іоанна. „Пытаю тебе,—взываетъ онъ къ пану,—чимъ ты лѣпшій отъ хлопа? Албо ты не хлопъ такий же, скажи мнѣ, албо ты не тая же матерія, глина и персть, ознайми ми; албо ты не тое тѣло и кровь или ачей (неужели) ты отъ каменя утесанъ?... А егда показати не можешь, яко ты каменный, костяный или навѣть и золотый, только такий же гной, и тѣло, и кровь, яко и всякъ челоувѣкъ, чимъ же ты ся лѣпшимъ показати можеша надъ хлопомъ“?

Очевидно, нашъ аэонитъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, кому не надо было доказывать демократическихъ идей, такъ какъ онъ носилъ ихъ въ своей крови и нервахъ. Паны, которые „въ златоглавыхъ подушкахъ и китайчанныхъ пелюхахъ рождаются“, съ ихъ „сластолюбивымъ чревомъ, потравами богато-утво-

ренными, трапезами сребро-полумисными“, возмущали его не только тѣмъ, что „лежащи и сидячи, смѣючися и играючи, пожирали трудъ и потъ кровный своихъ подданныхъ“, не только величаніемъ гордости и презрѣніемъ ко всему ниже ихъ стоящему на общественной лѣстницѣ: не менѣ дика и противна была ему та легкость, съ какой они мѣняли свои убѣжденія, переходя отъ одной вѣры къ другой. „Овъ бо зовется папешникъ; овъ зась нынѣ зъ евангелія вылѣзъ—евангелиста; овъ зась недавно выкрещенъ (анабаптистъ); овъ зась субботникъ (жидовствующій)“,—съ презрѣніемъ отзывается онъ о панскихъ разновѣріяхъ.

Его страстная натура, проникнутая такъ глубоко православными и, вмѣстѣ съ тѣмъ, демократическими взглядами, увлекала его дальше той цѣли, какую онъ долженъ былъ себѣ ставить. Онъ желалъ поднять и укрѣпить православіе среди своихъ земляковъ; для этого необходимо было распространеніе грамотности, книги, школы: онъ хорошо понималъ это, какъ и другіе его современники. Но на этомъ просвѣтительномъ пути православныхъ со всѣхъ сторонъ подстерегали соблазны латинства „съ поганскими науками“, „съ Аристотелями, Платонами и другими тимъ подобными машкарниками“. Вѣроятно, изъ южно-русскихъ современниковъ Іоанна Вишенскаго далеко не онъ одинъ останавливался въ тяжеломъ раздумьѣ передъ этой дилеммой. Онъ рѣшилъ ее сообразно требованіямъ своей цѣльной натуры: онъ цѣликомъ отвернулся отъ „поганскихъ дискаловъ“, отъ ихъ философскаго ученія „съ ихъ хитродіалектическими силлогизмами и прочими злоковарными прелестями“. Жизнь не пошла за нимъ въ этомъ направленіи. Другіе его современники, и во главѣ ихъ Петръ Могила, приготовили почву для иного рѣшенія этого вопроса. Но, тѣмъ не менѣ, вліяніе писемъ съ Аѳонской горы, вѣроятно, было огромное; не можетъ безслѣдно разсѣяться въ общественной атмосферѣ такая пламенная рѣчь, направленная на освѣщеніе и обличеніе самыхъ чувствительныхъ, самыхъ больныхъ мѣстъ даннаго общественнаго организма. Трудно повѣрить, чтобы этотъ потрясающій голосъ не сыгралъ своей и, можетъ-быть, очень важной роли въ томъ общественномъ подъемѣ, охватившемъ Южную Русь, который, начавшись въ однихъ общественныхъ слояхъ и настроеніяхъ, перешелъ въ иные слои и иные настроенія. Но мы совершенно лишены возможности сказать объ этомъ что-нибудь положительное.

Итакъ, между православными горожанами шла усиленная культурная дѣятельность. Она отражалась и на населеніи сельскомъ, конечно, въ тѣхъ его частяхъ, которыя не были подавлены злобой дня, матеріальной нуждой. Среди южно-русскаго шляхетства дѣло обстоило такъ. Одна часть дворянства — изъ тѣхъ, кто не ушелъ въ разновѣріе или вернулся въ лоно старой церкви — принимала дѣятельное участіе въ братскихъ дѣлахъ, являлась политическимъ представителемъ интересовъ православія, поддерживала православную церковь матеріально, строила новые монастыри. Ихъ много появилось послѣ уніи, и между прочими сталъ извѣстенъ монастырь Почаевскій. Но въ то же время католическій прозелитизмъ положительно свирѣпствовалъ среди южно-русскаго дворянства. Какъ дѣлалось, что дѣти православныхъ дворянъ оказывались католиками, объ этомъ можетъ дать нѣкоторое понятіе

одинъ дошедшій до насъ любопытный документъ: завѣщаніе нѣкоего Загоровскаго, православнаго волынскаго пана, который попалъ въ плѣнъ къ татарамъ и изъ Крыму дѣлалъ свои распоряженія на счетъ дѣтей и имущества. Загоровскій горячо умоляетъ опекуновъ позаботиться, чтобы дѣти „не забыли своего русскаго письма, своего русскаго языка, честныхъ и покорныхъ русскихъ обычаевъ, а, главнѣе всего, своей вѣры“; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ призываетъ отослать ихъ въ Вильно къ іезуитамъ, потому что „хвалить тамошнюю добрую методу преподаванія“, и выражаетъ желаніе, чтобы дѣти оставались у іезуитовъ, ни на минуту не выходя изъ школы, въ теченіе семи лѣтъ, полагая, что только такимъ образомъ они могутъ, какъ слѣдуетъ „отполироваться“. Не трудно представить себѣ, что успѣвала въ теченіе семи лѣтъ сдѣлать непрерывная іезуитская полировка изъ православнаго мальчика.

Оба магнатскихъ дома, которые служили опорой православія въ Южной Руси, Вишневецкіе и Острожскіе, уже въ началѣ XVII столѣтія были католическими. Въ католицизмъ обратились сыновья Константина - Василія Острожскаго, а родная внучка этого общепризнаннаго столпа православія проявила столько фанатизма въ преслѣдованіи православія и водворенія католицизма въ громадныхъ владѣніяхъ дома Острожскихъ, которыя она наслѣдовала, и такъ усердно служила интересамъ іезуитовъ, что они ее почитали за святую. „Гдѣ тотъ безцѣнный камень—воскликаетъ въ своемъ „Өриносѣ“ Мелетій Смотрицкій отъ лица православной церкви,—который я между иными перлами, какъ солнце между звѣздами, носила въ коронѣ на главѣ моей, гдѣ домъ князей Острожскихъ, сіявшій болѣе всѣхъ другихъ блескомъ своей старожитной вѣры? Гдѣ и другіе драгоценные камни той же короны—роды князей Слуцкихъ, Заславскихъ, Вишневецкихъ, Збаражскихъ, Сангушекъ, Черторыйскихъ, Пронскихъ, Бужинскихъ, Масальскіе, Лукомскіе... и т. д., которыхъ перечислять пришлось бы долго?.. Гдѣ и инныя мои драгоценности, гдѣ древніе, родовитые, сильные, во всемъ свѣтѣ славные своимъ могуществомъ и доблестью—Тышкевичи, Хребтовичи, Тризны, Горностаи, Мышки, Гойскіе, Сѣмашки, Гулевичи, Ярмолинскіе, Калиновскіе, Кирдеи, Загоровскіе, Боговитины, Павловичи, Скумины...“? Въ этомъ перечисленіи—почти всѣ крупныя владѣльцы Волыни и Кіевщины. „Благочестивыхъ князей“ уже и въ это, относительно раннее, время, когда писалъ Мелетій Смотрицкій, т.-е. въ 1610 г., не было на сторонѣ православія. Вслѣдъ затѣмъ „оскудѣ и инныхъ благородныхъ вельможъ,—всѣ отъ восточнаго православія на западъ уклонишася“, остались при благочестіи и православной вѣрѣ лишь кое-кто „отъ худыхъ и не славныхъ“: такъ писалъ митрополитъ Исаія Копинскій въ 1632 году.

Но „худые и неславные“ шляхтичи все-таки были шляхтичи, а, слѣдовательно, имѣли если не политическую силу и значеніе, то, по крайней мѣрѣ, голосъ, который могъ сказать свое veto. Такимъ образомъ, въ теченіе всего длиннаго царствованія Сигизмунда III, несмотря на фанатическое настроеніе короля и огромное вліяніе клерикальной партіи, мы не встрѣчаемъ никакихъ сеймовыхъ постановленій, т.-е. законовъ, направленныхъ противъ православія. Православіе могло подвергаться угнетеніямъ или оскорбленіямъ лишь въ тѣхъ

или иных частных условіяхъ, гдѣ перевѣсъ фактической силы былъ не на сторонѣ православнаго населенія.

При благопріятныхъ же обстоятельствахъ православные сразу могли сдѣлать очень крупный шагъ въ сторону возвращенія утраченныхъ правъ. Такъ, въ 1621 г. проѣзжавшій въ Москву іерусалимскій патріархъ Теофанъ,—по настоянію козацкаго гетмана Сагайдачнаго, въ которомъ нуждались поляки,—въ Кіевѣ посвятилъ митрополита и епископовъ на всѣ занятія уніатами каедръ. Разрушенная было православная церковь такимъ образомъ опять возстановлялась. Правда, ультра-католическое правительство Сигизмунда III не могло примириться съ этимъ фактомъ: вновь поставленные православные епископы объявлены были самозванцами, внѣ закона. Но дѣло было сдѣлано, и хотя епископы подвергались преслѣдованіямъ, однако, православный митрополитъ Товъ Борецкій все-таки спокойно жилъ въ Кіевѣ, пользуясь охраной населенія: Польское государство постоянно мирилось съ такими противорѣчіями. Когда умеръ Сигизмундъ III, престолъ перешелъ къ сыну его Владиславу IV (1632—1648 г.), человѣку широкихъ взглядовъ, и политическія условія приняли оборотъ, еще болѣе благопріятный для православія. Уже на избирательномъ и коронаціонномъ сеймахъ не только утверждены были православнымъ всѣ ихъ вѣроисповѣдныя права, но и постановлено подѣлить епархіи, слѣдовательно, и церковныя имущества, между православными и уніатами. Въ это время во главѣ православнаго движенія уже стоялъ человѣкъ, именемъ котораго отмѣчается новая стадія въ развитіи не только южно-русскаго, но и вообще русскаго просвѣщенія. Это былъ Петръ Могила.

Кіевскій митрополитъ Петръ Могила (1633—1647 г.), сынъ и племянникъ молдавскихъ господарей, состоявшій въ родствѣ съ нѣсколькими магнатскими домами, человѣкъ не только европейскаго образованія, но и обладавшій свѣтской полировкой,—Могила могъ съ успѣхомъ представлять собою интересы православія въ шляхетской Рѣчи Посполитой. Всѣмъ болѣе или менѣе извѣстна эта его роль; извѣстны и его труды по исправленію богослужебныхъ книгъ, его катехизисъ, требникъ и т. п., наконецъ, трогательное попеченіе о его любимомъ дѣтищѣ—Кіевской Академіи или Коллегіи, которую онъ изъ простой школы обратилъ въ высшее просвѣтительное учрежденіе, долгое время служившее образцомъ такихъ учреждений для всей Россіи. Таковы его заслуги; но не въ этихъ заслугахъ лишь надо искать данныхъ для оцѣнки того значенія, какое имѣла личность Петра Могилы въ исторіи русскаго просвѣщенія.

Литературная борьба православія съ уніей, а въ лицѣ ея и съ католичествомъ, которое за ней скрывалось, ставя рѣзко на видъ потребность въ подъемѣ православнаго просвѣщенія, ставила, вмѣстѣ съ тѣмъ, и вопросъ объ источникахъ этого просвѣщенія. Сначала общественное мнѣніе православной среды явно склонялось къ тому, чтобы остановиться исключительно на византійскихъ источникахъ, отрѣзавъ себя совершенно отъ латинства и всего, что съ нимъ связано; такъ думалъ Іоаннъ Вишенскій, такъ думали и другіе. Но, конечно, не много надо было сдѣлать шаговъ впередъ по этому пути, чтобы убѣдиться, что дальнѣйшихъ перспективъ уже нѣтъ: теперь даже не Греція, а лишь Афонъ,

ПЕТРЪ МОГИЛА
 Епископъ Турецкой Кеевин
 и Ново Браново

Кіевскій митрополитъ Петръ Могила; † 1646 г.

чуть ли не одинъ, оставался хранителемъ всего запаса книжной мудрости, на какую могли разсчитывать православные дѣятели, между которыми были не только чуткія сердца, но и пытливые умы. Источники оказывались слишкомъ скудными; недаромъ Мелетій Смотрицкій перешелъ въ унию послѣ того, какъ совершилъ свое путешествіе на Востокъ для поисковъ за истиной. Петръ Могила явился представителемъ реакціи въ пользу того, чтобы связать православное просвѣщеніе съ латинскими источниками, съ западной наукой: его сильная, энергичная личность много содѣйствовала тому, чтобы дать этому новому направленію окончательный перевѣсъ. Кіевская Могилянская Коллегія была устроена совершенно по образцу іезуитскихъ школъ; средневѣковая латынь была ея языкомъ, на которомъ преподавались почти всѣ науки, на которомъ разговаривали ученики; конечно, и программа преподаваемыхъ наукъ была, въ общемъ, та же, которая была принята въ западныхъ школахъ. Лучшие ученики отправлялись для завершенія своего образованія въ Краковскую или Замоискую академію, въ Львовъ, наконецъ, даже въ Римъ и итальянскіе университеты. Такимъ образомъ, этимъ новымъ своимъ поворотомъ православное просвѣщеніе тѣсно и непосредственно примыкало къ Западу.

Такой поворотъ встрѣченъ былъ православной средой съ большимъ недовѣріемъ, и его руководителямъ пришлось пережить не одну горькую минуту. „Было и такое время,—пишетъ Сильвестръ Коссовъ, сотрудникъ Могилы, позже его преемникъ по кафедрѣ,—что мы исповѣдавшись, только и ждали, что вотъ начнутъ нами начинять желудки днѣпровскихъ осетровъ, или же огнемъ либо мечемъ отправлять на тотъ свѣтъ“. Но ничего подобнаго не случилось, и общественное настроеніе скоро примирилось съ переменой: она получила право гражданства. Очевидно, почва для этой перемены въ болѣе сознательныхъ умахъ православной среды уже была совершенно подготовлена.

Петръ Могила не только началъ, но и утвердилъ дѣлю южно-русскаго просвѣщенія на новыхъ основаніяхъ. Но годъ спустя послѣ его смерти налетѣвшая буря такъ страшно потрясла все общественное зданіе Южной Руси, что просвѣтительные интересы надолго лишились обезпеченнаго крова, въ какомъ они нуждаются по характеру своей природы.

Таковы были стремленія, которыя занимали умы православной южно-русской интеллигенціи, состоявшей большею частью изъ духовенства, частью дворянства и мѣщанства. Между тѣмъ, внизу, въ той народной массѣ, до которой доходили лишь отзвуки того, что занимало интеллигентныя вершины, наступали съ быстротой важныя стихійныя измѣненія условій, вскорѣ отразившіяся и на исторической сценѣ.

Сколь ни усердно „вынимали“ татары Украину, населеніе постоянно притекало къ ней съ сѣвера и сѣверо-запада. Со времени Люблинской уніи сюда устремилась, какъ уже было сказано, мелкая, малоземельная, польская шляхта. Украинскія же „пустыни“ щедро раздавались магнатамъ, польскимъ и русскимъ.

Раздача эта повлекла за собой усиленный ростъ колонизаціи. Магнаты имѣли возможность устраивать на своихъ территорияхъ замки, или хотя бы замочки, и снабжать ихъ необходимымъ орудіемъ и гарнизономъ. Перспектива

Кіевская Академія и ея студенты. Конія съ древней гравюры (1697—1702 г.).

защиты привлекала, и тѣ элементы, которые иначе не рѣшились бы подвергнуться риску украинской жизни. Были же это, по большей части, бѣглецы крестьяне, которымъ удавалось порвать привязь, притягивавшую ихъ на родинѣ все тѣснѣе и тѣснѣе къ землѣ и работѣ на панскомъ фольваркѣ. На Украинѣ, а тѣмъ болѣе на землѣ магната, ихъ не могли достать руки стараго владѣльца, законные права котораго они нарушали своимъ уходомъ: магнаты слишкомъ дорожили населеніемъ, чтобы быть особенно щепетильными относительно пропалаго своихъ подданныхъ. Яна Замойскаго прямо укоряли на сеймѣ, что онъ осадилъ свои украинскія имѣнія бѣглецами и гультаями. Но такъ поступали и другіе. Для привлеченія населенія на свои земли паны назначали большіе сроки „слободы“, т.-е. льготнаго времени, когда селившійся у нихъ былъ совершенно свободенъ отъ всякихъ платежей и повинностей: двадцать, тридцать и даже до пятидесяти лѣтъ,—сроки, которые казались въ началѣ поселенія чуть-что не вѣчной свободой. Отказываясь отъ дани и работъ новыхъ подданныхъ, паны все-таки извлекали выгоды, и не малыя, изъ заселенія своихъ земель: не имѣя пока возможности, безъ барщиннаго труда, заниматься земледѣльческимъ, онъ занимался скотоводческимъ хозяйствомъ, а польское право предоставляло, въ его исключительную пользу, устройство на своей территоріи млиновъ, корчмъ, мыта. Ростъ населенія увеличивалъ и всѣ эти выгоды, уже независимо отъ той богатой перспективы, которая открывалась съ окончаніемъ льготныхъ сроковъ.

Такимъ образомъ, приливъ населенія на Украину, едва замѣтный первыя десятилѣтія послѣ уніи, затѣмъ начинаетъ быстро повышаться къ началу XVII столѣтія, и въ первую же четверть этого столѣтія достигаетъ своего апогея. Изданіе люстрацій, тарифовъ, инвентарей и иныхъ документовъ того же рода которыми обогатилась за послѣднее время наша исторія, даетъ возможность ясно, на основаніи статистическихъ данныхъ, представить себѣ ростъ населенія Украины въ теченіе полувѣка, а, слѣдовательно, и картину тѣхъ измѣненій, какимъ она подвергалась въ связи съ этимъ ростомъ. Самой характерной чертой здѣсь, несомнѣнно, является громадное увеличеніе числа городскихъ поселеній, т.-е. городовъ и мѣстечекъ, которые, въ большинствѣ случаевъ, отличались отъ поселеній сельскихъ лишь тѣмъ, что въ нихъ были замки или замочки. Въмѣсто королевскихъ городовъ съ замками, которые всѣ можно перечислить по пальцамъ, въ первые же годы XVII вѣка мы имѣемъ уже сотни городскихъ поселеній. Часть ихъ появляется на земляхъ староствъ, но значительное большинство на земляхъ частныхъ лицъ, особенно въ воеводствахъ Брацлавскомъ.

Итакъ, населенность Украины росла со сказочной быстротой: возлѣ замковъ и замочковъ, которые появлялись какъ грибы послѣ дождя, всюду бѣлѣли хаты, и раскидывались тучныя поля, только-что поднятыя плугомъ. Увеличивалась и безопасность; татарамъ становилось все труднѣе прокрадываться между настороженными замочками. Въ то же время колонизаціонная волна, повышаясь понемногу, двигалась и впередъ, въ глубину дикой степи... На все это съ торжествомъ указываютъ польскіе писатели, усматривая здѣсь благотворное культурное вліяніе Польши. И они правы, но односторонне. Фактъ необычай-

пой быстроты культурно-хозяйственного подъема Украины налицо; но сама напряженная быстрота этого подъема какъ бы намекаетъ на его нездоровый, искусственный характеръ. Не избытокъ производительныхъ силъ Польши находилъ свое плодотворное приложѣніе на пустынныхъ поляхъ Украины, а честолюбіе вельможъ открывало здѣсь новые горизонты для новыхъ притязаній. Предѣлы роста видѣлись ясно впереди и совпадали съ льготными сроками... Но ложь того принципа, который руководилъ этимъ блестящимъ развитіемъ, даже и не нуждалась для своего обнаруженія, въ такихъ отдаленныхъ срокахъ: угрожающіе симптомы ея разрушительнаго вліянія обнаружались гораздо ранѣе, на самыхъ же первыхъ порахъ.

Тѣ вольные поселенцы, которые заняли землю въ „пустыни“, внезапно превратившейся въ панскую „влость“, не могли примириться съ тѣмъ, что изъ свободныхъ собственниковъ они неожиданно-негаданно превращались въ панскихъ подданныхъ. Вопросъ шелъ не о притѣсненіяхъ—о притѣсненіяхъ со стороны пана не могло быть и рѣчи,—вопросъ шелъ о правѣ, которое различно понималось сторонами. Вольный поселенецъ, козакъ, который, не выпуская изъ рукъ оружія, обороняетъ свою землю и собственность, который постоянно соединяется съ собою подобными не только для защиты, но и для наступательной борьбы со степными врагами, считаетъ себя на привилегированномъ положеніи, присвоенномъ закономъ и обычаемъ военнослужилому сословію, и, конечно, не можетъ допустить и мысли о зависимости отъ пана. Панъ, съ своей стороны, готовъ на всевозможныя уступки, чтобы удержать земледѣльца; но за извѣстнымъ предѣломъ уступки уже превращаются въ самоотрицаніе, и онъ не можетъ перейти этотъ предѣлъ. Онъ готовъ отказаться на неопредѣленное время отъ даней и платежей, повинностей и работъ; но не можетъ онъ отказаться отъ юрисдикціи, не можетъ допустить, чтобы люди, сидящіе на его земляхъ, обращались за судомъ и расправой къ какой-то своей собственной власти, совершенно игнорируя его верховныя права. А, между тѣмъ, дѣло стояло именно такъ: козаки не только не хотѣли признавать какіе-нибудь платежи и работы съ своей земли, но упорно оставались „непослушными“ по отношенію къ пану, также какъ они были „непослушными“ по отношенію старостѣ королевскихъ городовъ, гдѣ они временно проживали и, случалось, даже приобрѣтали прочную осѣдность. Такое фальшивое положеніе, въ запутанныхъ и неправильныхъ условіяхъ украинской жизни, вѣчно настороженной („яко на Украинѣ“—обычное выраженіе того времени) могло тянуться неопредѣленно долгое время. Но логика жизни заставляла искать изъ него выхода. Она искала его—и не находила.

Итакъ, часть этихъ вольныхъ поселенцевъ и промышленниковъ, козаковъ, сидѣла на земляхъ украинскихъ старостъ, часть очутилась теперь на земляхъ панскихъ; наконецъ, еще часть держалась, постоянно или временно, внѣ района земель, притянутыхъ къ государству фактическимъ захватомъ, и имѣла свой центръ за порогами, по недоступнымъ почти для постороннихъ людей плавнямъ и островкамъ, образуемымъ Днѣпромъ, задержаннымъ въ своемъ теченіи пересѣкающей его каменной грядой. Въ какомъ численномъ отношеніи стояли эти „низовцы“ къ тѣмъ козакамъ, которые жили по панскимъ вло-

стямъ и королевскимъ староствамъ,—сказать теперь невозможно, да едва ли можно было опредѣлить даже и въ свое время: постоянное передвиженіе составляло основное условіе жизни этой группы не то земледѣльческой, не то промысловой, не то военной, не чуждой и хищничества, характеризующаго „вольнаго добычника“. Но каково бы ни было численное отношеніе, во всякомъ случаѣ, „низовцы“ составляли какъ бы ядро козацкой группы; лишь существованіе Запорожья, обусловливающее возможность уйти туда, гдѣ уже не можетъ имѣть значенія ни панская, ни старостинская власть, сообщало всѣмъ „непослушнымъ“ ту несокрушимую энергію сопротивленія, которую они проявляли.

Когда, съ какого времени люди перестали смотрѣть на „Низъ“, на Запорожье, только лишь какъ на промысловыя мѣста, и нашли его удобнымъ для постоянного пребыванія, насчетъ этого мы можемъ, конечно, дѣлать догадки, но точныхъ указаній, со стороны документальныхъ свидѣтельствъ, не находимъ. Несомнѣнно, однако, что въ девяностыхъ годахъ XVI вѣка, нѣкоторая часть козаковъ, тѣхъ, которые не были связаны семьей, уже держалась на Низу постоянно, между тѣмъ какъ польскій хроникеръ Бѣльскій свидѣтельствуєтъ, что въ семидесятыхъ годахъ того же столѣтія козаки оставались на Запорожьѣ для промысловъ и набѣговъ лишь съ весны до осени, на зиму же возвращались на Украину, оставляя за порогами лишь сторожей при оружій. Можетъ-быть, эпоха, непосредственно слѣдующая за Люблинской уніей, которая оказалась для Украины рѣшающей въ другихъ отношеніяхъ, оказалась рѣшающей и въ этомъ. Однако, о Сѣчи, въ смыслѣ того оригинальнаго и посвоему благоустроеннаго, укрѣпленнаго города, какой мы находимъ въ болѣе позднее время, сначала на Чертомлыкѣ, затѣмъ на Подпольной, пока еще не можетъ быть и рѣчи. Низовые козаки живутъ, по свидѣтельству Ляссоты, посѣтившаго ихъ въ 1594 году, простымъ лагеремъ, укрываясь отъ непогоды „въ шалапахъ, называемыхъ ими кошами, которые сдѣланы были изъ хвоста и покрыты для защиты отъ дождя лошадиными кожами“.

Въ то время, когда Ляссота былъ на Запорожьѣ, тамъ жило около трехъ тысячъ козаковъ. Такая масса людей, разумѣется, не могла держаться вмѣстѣ безъ организаціи. Организація эта была очень не сложна, но удовлетворяла потребностямъ этого упрощеннаго общества, не гражданскаго,—такъ какъ оно исключало семью,—а военнаго. Оно дѣлилось на части, которыя управлялись выборными полковниками, съ подраздѣленіемъ на сотни съ выборными же сотниками. Во главѣ всего этого „низового запорожскаго войска“ стоялъ тоже выборный гетманъ. На ряду съ этими властями, главное значеніе которыхъ было военное, отправляло всѣ функціи законодательной, судебной, частью и административной власти войсковое вѣче или коло, собственно два кола: одно большое, общее, въ которомъ могли принимать участіе всѣ, и другое, малое, съ участіемъ лишь однихъ старшихъ, вѣроятно, должностныхъ лицъ. Вотъ и все. Всѣ козаки, разсѣянные по украинской территоріи, почитали за своихъ властей мѣстныхъ, конечно, выборныхъ же, атамановъ; но, вѣроятно, смотрѣли на власти Низоваго войска какъ на свою высшую инстанцію.

Въ какомъ отношеніи были эти низовые козаки къ государству? Вопросъ

запутанный, такъ какъ на него нельзя отвѣтить, исходя изъ современныхъ понятій государства, съ его извѣстными намъ законченными формами. Козачество, повидимому, стояло на той архаической точкѣ зрѣнія, которая признавала за вольными козаками-дружинниками полную свободу политическаго поведенія. Козаки брали жалованье отъ московскаго царя за охрану его владѣній отъ татаръ и считали себя въ правѣ уйти на Донъ, когда государство тѣснило ихъ на Днѣпрѣ; они совершенно свободно вели договоры о службѣ нѣмецкому императору, заключали союзъ съ татарскимъ ханомъ, дѣлали нападенія на молдавскія, татарскія, турецкія владѣнія. И, въ то же время, могли ли они порвать тѣ кровныя связи, которыя привязывали ихъ къ Литовско-Польскому государству? Дѣло не въ томъ лишь, что государство считало Запорожье составной частью своей территоріи, а въ томъ, что на несомнѣнной государственной территоріи была козацкая собственность, и—что еще важнѣе—проживали временами они сами и всегда ихъ семьи. Конечно, государство должно было смотрѣть на козаковъ какъ на своихъ подданныхъ, хотя своевольныхъ и непослушныхъ и притомъ такъ поставленныхъ въ ихъ исключительныхъ условіяхъ, что сломать ихъ непослушаніе представлялось дѣломъ большой трудности. Естественно было придти къ мысли о томъ, какъ бы утилизировать эту силу въ государственныхъ видахъ.

Государство, въ лицѣ короля Стефана Баторія, энергично приступило къ разрѣшенію этой задачи. Но сама задача являлась умамъ представителей государственной власти Литвы и Польши значительно раньше Баторія, т.-е. конца XVI вѣка, и раньше дѣлались кое-какія попытки къ ея разрѣшенію.

Въ какомъ направленіи должно было идти разрѣшеніе этой задачи—подсказывалось обстоятельствами. Татары хищническимъ направленіемъ своей политики вынуждали сосѣднія съ ними государства заботиться объ устройствѣ постоянной и сильной пограничной стражи. Козакъ для такого рода службы былъ незамѣнимъ. Правда, онъ и такъ, независимо отъ побужденій или поощреній со стороны государства, частью по охотѣ, частью по необходимости, постоянно подстерегалъ татаръ не допуская ихъ или преслѣдуя. Но эта сторожа была частью случайная, частью корыстная, которая нерѣдко была болѣе заинтересована въ томъ, чтобы догнать обремененнаго добычей врага, чѣмъ въ томъ, чтобы не допустить его внутрь страны. Интересы государства требовали не такой, а правильно организованной стражи. Такимъ образомъ, привлекая тѣмъ или инымъ путемъ козаковъ на регулярную службу, государство разомъ достигало двухъ важныхъ цѣлей: съ одной стороны, удовлетворяло такой насущной потребности, какъ правильная пограничная стража отъ татаръ, съ другой, обуздывало своевольную козацкую силу.

Почти вѣлѣдъ за тѣмъ, какъ козаки появляются на Приднѣпровьѣ,—конечно, появляются лишь въ смыслѣ появленія первыхъ историческихъ о нихъ свидѣтельствъ,—начинаются и попытки со стороны правительства и его мѣстныхъ агентовъ организовать козаковъ въ указанномъ смыслѣ. Еще Сигизмундъ Старый (1524 г.) писалъ литовской радѣ, чтобы она „радила и мыслила мѣти по Днѣпру козаковъ, збирати и суконъ, и пенязей на нихъ колько сотъ

кошъ послати, а тыи козаки по Днѣпру на перевозѣхъ *) разложить, абы намъ и Рѣчи Посполитой земской служили и тыхъ перевозовъ стерегли и боронили, колько имъ Богъ милой поможетъ“. Въ это время на Днѣпрѣ дѣйствовалъ загадочный „Полюсь, русакъ, славный козакъ“ хроникера Бѣльскаго, т.-е. не кто иной, какъ рѣчицкій державца Сенько Полозовичъ, который собиралъ козаковъ и водилъ на татаръ независимо отъ правительственныхъ распоряженій.

Большой, хотя и незаслуженной, извѣстностью въ южно-русской исторіи пользуется предложеніе Остафѣя Дашкевича, черкаскаго и каневскаго старосты, на Пютрковскомъ сеймѣ (1533 г.), гдѣ онъ предлагалъ „содержать постоянно на Днѣпрѣ двѣ тысячи человекъ, которые бы на челнахъ защищали татарскія переправы, а съ нимъ еще нѣсколько сотъ конницы, для доставленія имъ съѣстныхъ припасовъ“. Но изъ этого предложенія „ничего не вышло“, по свидѣтельству того же Бѣльскаго. Ничего не вышло и изъ другихъ предложеній, которыя еще не разъ повторялись до Баторія.

Конечно, починъ во всѣхъ этихъ предпріятіяхъ принадлежалъ не центральной власти, которая была такъ далека, въ своемъ Вильнѣ или Краковѣ, отъ края и такъ чужда его интересамъ. Починъ принадлежалъ мѣстнымъ представителямъ государства, въ особенности старостамъ украинскихъ городовъ. Между этими старостами нрѣдко были люди выдающейся энергіи, направленной на борьбу со степнымъ врагомъ, и исторія сохранила намъ нѣсколько именъ, частью русскихъ, частью польскихъ. Таковы—черкасскіе и каневскіе старосты Остафій Дашкевичъ и Дмитрій Вишневецкій, староста хмельницкій Ланцкоронскій, староста барскій Претвичъ. Люди эти на своихъ опасныхъ пограничныхъ постахъ вели непрерывную борьбу съ татарами и, конечно, понимали значеніе тѣхъ мѣръ, какія они предлагали центральной власти. А, между тѣмъ, они сами, эти люди, одной рукой разрушали то, что пытались создать другой.

Дѣло въ томъ, что интересы государства не всегда и не во всемъ гармонировали съ интересами украинскаго пограничья. Польское государство было серьезно заинтересовано въ томъ, чтобы не нарушать мира съ татарскимъ ханствомъ и его могущественнымъ турецкимъ сюзереномъ: а, между тѣмъ, пограничье не могло существовать, не нарушая этого мира. Въ виду татарскаго хищничества, которое не признавало святости договора, и Украина вынуждаема была не довольствоваться лишь пассивнымъ сопротивленіемъ, а стремиться разорять самыя гнѣзда хищниковъ. Такимъ образомъ, пограничные старосты совершали наступательные походы въ глубину степей на свой собственный страхъ и рискъ, не соображаясь съ требованіемъ общегосударственной политики. То же дѣлали и большіе пограничные паны. Подольскіе магнаты, напримѣръ, постоянно вмѣшивались въ дѣла Молдавіи, которая стояла въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Турціи, ставили и смѣняли господарей, совершали военные походы такъ, какъ-будто молдавскія дѣла были предоставлены кѣмъ-то въ ихъ вѣдѣніе. Однимъ словомъ, украинское пограничье жило до извѣстной степени независимой отъ центра политической жизнью.

*) Вѣроятно, на обычныхъ мѣстахъ переправъ татаръ съ лѣваго, иначе татарскаго, берега Днѣпра на правый или русскій.

Князь Дмитрій Вишневецкій (козакъ Байда); † 1563 г.

Естественно, что и старосты и другіе пограничные паны нуждались для своихъ политическихъ предпріятій въ помощи козаковъ. Всякій такой политическій предприниматель долженъ былъ скликать вольную дружину, и козаки доставляли самый значительный и по численности, и по качеству контингентъ этихъ дружинъ. Такимъ образомъ мѣстные представители государственной власти, стремясь, съ одной стороны, къ тому, чтобы обуздывать, путемъ правильной организациі, козацкое своеволие, съ другой—питали его и поддерживали. По шляхамъ, протореннымъ въ глубину степей вмѣстѣ съ Вишневецкими и Дашкевичами, ходили козаки съ своими собственными атаманами, причемъ еще до Люблинской уніи имъ удавалось совершать такіа рискованныя предпріятія, какъ, напримѣръ, взятіе Очакова (въ 1545 г.); а когда на службѣ у Потоцкихъ и другихъ подольскихъ пановъ они поближе ознакомились съ молдавскими дѣлами, то начали и на свой рискъ заниматься молдавской политикой, выдвигая и поддерживая своихъ собственныхъ претендентовъ на шаткій престолъ молдавскихъ господарей.

Стефанъ Баторій съ той энергіей, которая отличала всѣ его дѣйствія, рѣшился положить предѣлъ такому положенію украинскаго пограничья: съ одной стороны, оно было просто несовмѣстимо ни съ какой правильной политикой, съ другой — прямо мѣшало его широкимъ политическимъ планамъ, вызывая постоянное угрожающее положеніе со стороны Турціи.

Но привести въ исполненіе свое рѣшеніе было не легко даже и для такого энергическаго человѣка, какъ Стефанъ Баторій. Нѣтъ основанія много останавливаться на вліяніи его мѣропріятіи, которымъ придается иными историками смыслъ рѣшающихъ моментовъ въ развитіи украинскаго козачества; но нельзя и совершенно отрицать ихъ значенія. И до Баторія были попытки, какъ уже было сказано выше, организовать изъ козаковъ правильную стражу на постоянномъ жалованьи, подъ начальствомъ старшаго, назначаемаго правительствомъ; были даже попытки переписать козаковъ въ реестры. Но только Баторію удалось довести это дѣло до конца. Онъ привлекъ какую-то часть козаковъ на постоянную службу: съ старшимъ своимъ, которымъ былъ при Баторіи королевскій дворянинъ Янъ Оришевскій, помимо своей всегдашней сторожевой службы, принимали они участіе въ отдаленныхъ московскихъ походахъ. Чтобы отвлечь этихъ козаковъ отъ Запорожскаго Низу, Баторій отдалъ въ ихъ распоряженіе Трахтемировскій замокъ, лежащій на Днѣпрѣ выше Канева, чтобы они могли имѣть тамъ и сборное мѣсто и арсеналъ; здѣсь же находился древній монастырь, при которомъ былъ устроенъ шпиталь, пріютъ для престарѣлыхъ и изувѣченныхъ на службѣ. Само собою разумѣется, что за этими козаками, внесенными въ официальные реестры и получавшими отъ короля за свою службу жалованье деньгами и сукнами, признаны были права на ту землю, какою они фактически владѣли.

Можно признать такимъ образомъ, что именно мѣропріятіемъ Баторія впервые проведена была черезъ безразличную до тѣхъ поръ козацкую массу черта, которая отдѣлила интересы одной части этой массы отъ другой. Съ тѣхъ поръ реестровые или городовые козаки начинаютъ противопоставляться ни-

зовымъ или запорожскимъ. Случалось, что вихрь общественнаго возбужденія—одинъ изъ тѣхъ вихрей, которыми характеризуется послѣдующая жизнь Украины,—все обращалъ въ хаосъ, смѣшивая элементы; однако, моментъ затихнѣя снова выдвигалъ на видъ разъ намѣченную рознь.

Но приспособивъ, такимъ образомъ, на службу государству одну часть козацкой силы, Баторій ничего не могъ сдѣлать по отношенію къ остальной гораздо болѣе значительной части.

Нельзя сказать, чтобы Баторій и не пытался ничего сдѣлать. Онъ шлетъ приказъ Кіевскому воеводѣ, князю Острожскому, чтобы тотъ, соединившись съ татарами, прогналъ съ Днѣпра „низовыхъ разбойниковъ“; шлетъ грозные „универсалы“ на Низъ, чтобы козаки не смѣли своими нападеніями и походами нарушать миръ, особенно походами на Молдавію; еще болѣе грозные универсалы шлетъ пограничнымъ старостамъ, чтобы они не смѣли позволять низовцамъ проживать въ предѣлахъ ихъ территорій и не допускали, чтобы на Запорожье вывозились слѣстные припасы, порохъ, селитра, свинецъ. Но всѣ эти приказы были напрасны, такъ какъ поперекъ имъ стояла непреодолимая сила жизненныхъ условий. Нельзя было прекратить сношеній Украины съ Запорожскимъ Низомъ, такъ какъ, помимо всего прочаго, сношенія эти основывались на серьезныхъ экономическихъ интересахъ обѣихъ территорій—интересахъ промысла и обмѣна. Нельзя было удержать козаковъ, ютившихся на недосыгаемомъ Запорожьѣ съ его лабиринтомъ острововъ, плавней и рѣчекъ,—отъ походовъ, въ которыхъ они черпали средства къ существованію, тѣмъ болѣе, что сами мѣстные представители государства, пограничные старосты и паны, смотрѣли на эти походы такими же глазами военного авантюриста и добычника. Стефанъ Баторій попытался подойти къ своей неразрѣшимой задачѣ еще такъ: запугать своеволие не словесной угрозой, а фактами. Когда въ руки ему попалъ Подкова, котораго козаки хотѣли посадить на молдавскій престолъ, —человѣкъ, повидимому, не лишенный достоинствъ и пользовавшійся большимъ уваженіемъ и вліяніемъ,—онъ велѣлъ казнить его въ Львовѣ (1578 г.), несмотря даже и на то, что шляхта сильно домогалась помилованія. Нѣсколько лѣтъ спустя король сдѣлалъ одинъ еще болѣе рискованный шагъ, въ томъ же направленіи: онъ казнилъ Самуила Зборовскаго, который предпринялъ во главѣ запорожскихъ козаковъ неудачный походъ на Молдавію. Такимъ образомъ, онъ не остановился и передъ опасностью навлечь на себя вражду могущественнаго магнатскаго дома Зборовскихъ. Когда, послѣ казни Зборовскаго, король послалъ въ Запорожье съ увѣщаніями своего дворянина Глубоцкаго, козаки отвѣтили тѣмъ, что утопили посла въ Днѣпрѣ.

Итакъ, во все время правленія Баторія, несмотря на его мѣры, низовцы такъ же не прекращали своихъ постоянныхъ набѣговъ на татаръ и походовъ въ Молдавію, какъ не прекращали экскурсій на рыбную и звѣриную ловлю по рѣкамъ и рѣчкамъ Днѣпровскаго Низа: и то, и другое было обычнымъ условіемъ ихъ существованія. Но, тѣмъ не менѣе, за этотъ періодъ не слышно ни о какихъ большихъ военныхъ предпріятіяхъ съ ихъ стороны. Зато смерть Баторія развязываетъ имъ руки, и сдерживаемая энергія выпрыгивается съ не-

обычайной силой: въ одномъ направленіи козаки разоряютъ Очаковъ, Тягинь, Бѣлградъ и другіе пограничные турецкіе города и села; въ другомъ—грабятъ и разоряютъ ужасный невольничій рынокъ Козловъ (Евпаторію), черезъ базары котораго прошло столько злополучнаго русскаго люда... Татары, въ отместку, производятъ опустошительный набѣгъ, проникаютъ въ глубь Червонной Руси, а Турція грозитъ снести Польшу съ лица земли.

Въ этихъ-то трудныхъ для Польши обстоятельствахъ появляется въ свѣтъ первая сеймовая конституція (1590 г.), относящаяся къ Запорожью, и озаглавленная въ „*Volumina Legum*“ словами: „Порядокъ касательно низовцевъ и Украины“.

Упорядочить отношенія къ государству людей, „которые на Низу и за порогами проживаютъ“, казалось Варшавскому сейму такъ же необходимымъ, какъ и возможнымъ. Стоило лишь поручить это дѣло коронному гетману, чтобы онъ очистилъ подозрительныя мѣста отъ своевольныхъ людей, оставивъ тамъ лишь тѣхъ, кто согласится подчиниться всѣмъ предлагаемымъ государствомъ условіямъ службы, повиноваться назначаемымъ гетманомъ начальникамъ изъ шляхты, никого не принимать въ свое товарищество безъ вѣдома и согласія этихъ начальниковъ и т. п. Однимъ словомъ, въ Варшавѣ представлялось, что нѣтъ никакихъ затрудненій въ томъ, чтобы обратить низовцевъ въ правильно организованную, состоящую на службѣ государству, пограничную стражу. Не болѣе затруднительнымъ представлялось упорядоченіе отношеній и со стороны тѣхъ козаковъ-хуторянъ, которые проживали на Украинѣ: старосты должны были строго слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не ходилъ съ Украины на Низъ и вообще въ степь за добычей и особенно не переходилъ за границы сосѣднихъ государствъ; должны были наблюдать за тѣмъ, чтобы никто не продавалъ своевольнымъ пороку, селитры, оружія и състныхъ припасовъ и не получалъ отъ нихъ добычи. Надзоръ за соблюденіемъ этого порядка поручался двумъ „дозорцамъ“, назначаемымъ специально для этой цѣли. Въ дополненіе къ этой сеймовой конституціи еще было постановлено устроить, въ видахъ укрощенія своеволія, замокъ на урочищѣ Кременчугъ, гдѣ долженъ былъ имѣть постоянное пребываніе отрядъ войска въ тысячу человекъ.

Жизнь не замедлила дать отвѣтъ на эти требованія, предъявляемые государствомъ. Въ томъ же 1591 году, когда появилась вышеупомянутая „ординація“, вспыхнулъ бунтъ Косинскаго и открылъ собою новую роковую эру въ украинской исторіи.

Что за личность Косинскій, въ чемъ непосредственные мотивы его поступковъ,—все это загадки, ключъ къ которымъ уже утерянъ. Онъ былъ подляскій шляхтичъ—шляхтичи были обыкновеннымъ явленіемъ въ козацкой средѣ: не только неудачники или банниты *), какъ Зборовскій, бѣжали на Низъ, но и просто сыновья шляхетскихъ семей шли туда, чтобы обучаться тонкостямъ „татарскаго танца“. Повидимому, у Косинскаго были личные счеты съ домомъ князей Острожскихъ, при которомъ онъ состоялъ раньше въ

*) Баннитъ—изгнанникъ, лишенный всѣхъ правъ.

числѣ служебныхъ дворянъ. Вообще, весь этотъ эпизодъ носитъ виѣшній характеръ войны козацкаго гетмана Косинскаго съ князьями Острожскими—одной изъ тѣхъ частныхъ, домовыхъ, войнъ, которыми была богата общественная жизнь какъ Украины, такъ и самой Польши. Но изъ-за этого виѣшняго облика частныхъ отношеній всюду прорывается общій смыслъ происходящаго. Ведя войну съ Острожскими, шляхтичъ этотъ „до чего-то большого тянулся“, по словамъ польскаго хроникера. А это большее было не что иное, какъ распространеніе козацкаго присуда на всю украинскую территорію, упраздняющее дѣйствіе на ней „панскаго права“: документы ясно и несомнѣнно свидѣлствуютъ о томъ, что Косинскій требовалъ присяги „на послушенство козацкому войску“ не только селянъ и мѣщанъ, но и мелкой шляхты. Такимъ образомъ, уже это первое движеніе, открывающее собою козацкую эпопею, намѣчаетъ тотъ основной мотивъ, который руководилъ всѣми послѣдующими движеніями, пока Хмельницкій не воплотилъ идею въ фактъ. Украина не хотѣла мириться съ водворяющимся панскимъ правомъ и чувствовала въ себѣ силу на отпоръ, имѣя подъ рукою такое дѣтище, какъ Запорожскій Низъ.

Едва только Косинскій успѣлъ появиться съ козацкимъ отрядомъ, зимой 1591 г., на Украинѣ и овладѣть Бѣлоцерковскимъ замкомъ, относившимся къ старосту князя Януша Острожскаго, захвативъ деньги, драгоцѣнности, а, главное, документы, какъ вся Кіевщина и Брацлавщина пришла въ волненіе. Косинскій съ своимъ отрядомъ скрылся въ степи, а Украина вся кишѣла маленькими кучами своевольныхъ людей, которые „учиняли великіе и неслыханные škody, кривды, грабежи и убійства, какъ въ городахъ и мѣстечкахъ, такъ и въ деревняхъ“... Опираясь на сочувствіе населенія, Косинскій осенью 92-го года снова появляется изъ степи, теперь уже во главѣ настоящаго, хорошо вооруженнаго, войска. Низовцы тѣмъ временемъ успѣли забрать въ Кіевѣ „пушки, порохъ и всякую стрѣльбу“. Украина встрѣчала козацкое войско съ полнымъ сочувствіемъ: укрѣпленныя мѣстечки открывали ему ворота, православное духовенство встрѣчало его со звономъ и процессіями. Сопротивленіе Косинскій встрѣтилъ лишь на Волыни. Укрѣпившись сначала въ Острополѣ, имѣннй кн. Василя Острожскаго, на границѣ Волыни съ Брацлавщиной, Косинскій оставилъ это мѣстечко, чтобы проникнуть на Волынь, и занять Пятку, тоже мѣстечко Острожскихъ. Острожскіе, тѣмъ временемъ, располагая громадными средствами и не надѣясь на мѣстную свою милицію, привели людей съ своихъ польскихъ владѣній и наняли венгерскую пѣхоту. На помощь къ Острожскимъ пришло нѣсколько пріятелей, и въ началѣ 1593 г. они общими силами обложили Пятку. Косинскій намѣревался прорваться вглубь Волыни, но потерялъ много людей, всѣ пушки и знамена и долженъ былъ просить прощенія у Острожскихъ. Сохранился договоръ козаковъ съ кн. Василемъ Острожскимъ; но Косинскій, лишенный по этому договору гетманства, видимо, не считалъ себя имъ связаннымъ. Онъ тотчасъ же отправился на Низъ и снова набралъ тамъ охотниковъ для похода на Украину; но былъ убитъ, и его случайная смерть пока положила предѣлъ дальнѣйшимъ волненіямъ.

Въ томъ же году состоялось сеймовое постановленіе, въ силу котораго

„Низовцы и прочіе люди“, которые соединялись бы своевольно въ купы, почи-таются *pro hostibus patriae et perduelibus* (за враговъ отечества и измѣнниковъ), и противъ нихъ можетъ быть, безъ всякихъ дальнѣйшихъ обращеній къ праву, двинуто кварцянское украинское войско *).

Прошло какихъ-нибудь два года, и обстоятельства уже требовали примѣненія этого постановленія. Собственно говоря, смерть Косинскаго ничего собой не умиротворила. На нѣкоторое, короткое, время броженіе лишилось своего центрального пункта; но оно скоро его отыскало. По странной прониі судьбы, центральное мѣсто занялъ теперь человекъ, который только-что на службѣ у кн. Острожскаго принималъ дѣятельное участіе въ войнѣ съ Косинскимъ. Это былъ Наливайко — красавецъ Наливайко, имя котораго сдѣлалось у поляковъ надолго нарицательнымъ для всѣхъ представителей буйнаго украинскаго своеволія.

Наливайко не былъ гетманомъ Низоваго войска, — наоборотъ, низовое козачество относилось къ нему, благодаря его прошлому, подозрительно, если не враждебно. Около него ютилось, главнымъ образомъ, своевольное козачество Брацлавщины, гдѣ искони мужикъ былъ „пышнѣйшій нижли панъ“: Брацлавщина всегда кинѣла вольнымъ людомъ, который не хотѣлъ знать ни панской, ни старостинской власти. Съ приставшей къ нему своевольной дружиной Наливайко ходилъ искать „козацкаго хлѣба“ въ Молдавію, въ Угорщину, но въ 1595 г. уже былъ снова на Украинѣ, на Волини. Но, не желая войны съ волинскими и кіевскими панамъ, во главѣ которыхъ стояли Острожскіе, онъ направился къ Днѣпру, этому извѣчному козацкому шляху, чтобы оттуда двинуться въ Литву „за стаціями“ (содержаніемъ) для своего войска. Интересны тѣ объясненія своихъ поступковъ, какія посылалъ Наливайко королю: трудно понять, искренняя ли вѣра въ свою правоту, или наивное лукавство, свойственное украинцу, звучитъ въ этихъ жалобахъ на литовскихъ пановъ, которые „обратились противъ насъ, безъ всякой вины съ нашей стороны, только за чуточку хлѣба, который мы поѣли въ ихъ имѣніяхъ, а, лучше сказать, и совсѣмъ не ѣли“... Какъ бы то ни было, литвины вытѣснили войска Наливайка назадъ на Украину. А Украина, между тѣмъ, возновалась. Это былъ годъ Брестской уніи, и спокойствія не было даже въ глубинѣ Волини: тамъ происходить постоянные „заѣзды“ со стороны православныхъ земянъ, направленные на сторонниковъ уніи. Изъ Запорожья „выгреблись“ низовые козаки, и нѣсколько отрядовъ хозяйничаютъ въ разныхъ мѣстахъ. Самъ гетманъ низовыхъ козаковъ Лобода, человекъ, повидимому, далеко не заурядныхъ качествъ, расположился въ окрестностяхъ Кіева козацкимъ лагеремъ, въ которомъ были и козацкія жены и дѣти, однако, воздерживался пока отъ общенія съ Наливайкомъ. Въ атмосферѣ Украины носились замыслы „о Краковѣ, о разбитіи королевской столицы, о погибелѣ шляхетскаго сословія“ — слова не только современника, но и участника событій, знаменитаго польскаго гетмана Жолкѣвскаго: его-то именно энергія и предотвратила на этотъ разъ грозившую Польшѣ

*) Кварцянское войско содержали на кварту (четверть доходовъ) съ королевскихъ имѣній. Въ описываемое время постоянно пребывало на Украинѣ съ такъ называемымъ польнымъ гетманомъ.

опасность. Несмотря на жалкое состояніе своего кварцяннаго войска, измученнаго походомъ въ Молдавію, несмотря на совершенно неблагоприятное для похода время года, по снѣгамъ и весенней распутицѣ, двинулся Жолкѣвскій въ походъ на своевольное войско Наливайка, стягивая по дорогѣ отряды украинскихъ пановъ, уговаривая Лободу и его низовцевъ. Но на гетманскія убѣжденія низовцы отвѣтили тѣмъ, что соединились съ Наливайкомъ. Началась погоня Жолкѣвскаго за козацкимъ войскомъ, которое, связанное въ своихъ дѣйствіяхъ женщинами и дѣтьми, все отступало къ Днѣпру и успѣло переправиться на лѣвый берегъ: здѣсь оно чувствовало себя въ безопасности, такъ какъ имѣло впереди московскій рубежъ и донскую степь. Но Жолкѣвскій успѣлъ одушевить своей энергіей и жолнеровъ и тѣхъ украинскихъ пановъ, которые теперь присоединились къ нему въ большомъ числѣ: они преслѣдовали вмѣстѣ и своихъ убѣжавшихъ подданныхъ, которыхъ было много среди козаковъ. Войска Жолкѣвскаго успѣли не только догнать, но и обойти козаковъ и запереть ихъ въ очень невыгодной для нихъ позиціи, недалеко отъ Лубенъ, при урочищѣ Солоницѣ. Поляки могли теперь „потопить пожаръ въ холопской крови“ и широко воспользовались этой возможностью. Они соглашались на пощаду лишь подъ условіемъ выдачи Наливайка съ другими зачинщиками и всѣхъ подданныхъ, бѣжавшихъ изъ панскихъ имѣній,—такія условія не могли быть приняты. Послѣ двухъ недѣль осады козацкаго лагеря, полной всякихъ ужасовъ для осаждаемыхъ, лишенныхъ, съ женщинами и дѣтьми, не только сѣстныхъ припасовъ, но и воды, лагерь былъ взятъ, и лишь небольшая часть осажденныхъ успѣла спастись, прорвавшись: вся остальная масса осталась на мѣстѣ и изрублена жолнерами. Наливайко съ нѣсколькими другими предводителями былъ оставленъ въ живыхъ для того, чтобы покончить жизнь подъ топоромъ палача, на площадяхъ Варшавы. Около имени его и казни сложилась цѣлая легенда, которая изъ народныхъ устъ перешла и въ писанную исторію, пока не была, въ относительно позднее время, разбита исторической критикой; ни исторія, ни народная поэзія не сохранили свидѣтельствъ о тѣхъ кровавыхъ слѣдахъ, какіе оставила въ душѣ южно-русскаго народа ужасная лубенская катастрофа.

Новое сеймовое постановленіе требовало сносить своевольниковъ „до послѣдней капли крови“. У реестровыхъ козаковъ за участіе въ бунтѣ отняты были Терехтемировъ и та доля самоуправленія, какая за ними признавалась распоряженіемъ Стефана Баторія: впередъ государство соглашалось признавать въ нихъ лишь обыкновенную пограничную стражу. Край былъ усмирить; спокойствіе возстановлено настолько, насколько оно вообще могло быть возстановлено въ тогдашней Украинѣ.

Вслѣдъ за этимъ первымъ пораженіемъ, нанесеннымъ Польскимъ государствомъ украинскимъ анти-государственнымъ элементамъ, настала эпоха, когда Украина, по выраженію одного польскаго историка, „сдѣлалась добычею польскаго плуга“. Конечно, на самомъ дѣлѣ украинскій плугъ всегда былъ и оставался русскимъ; но польскіе и ополяченные паны дѣйствительно много потратили средствъ и личной энергіи, чтобы оживить край. Эпоха эта,

т.-е. первая четверть XVII вѣка, отмѣчается чрезвычайнымъ ростомъ населенія и земледѣльской культуры на Украинѣ. Населеніе это пока спокойно оставалось на своихъ хозяйствахъ, широко пользуясь льготными сроками; а для своевольныхъ элементовъ, которые не могли ни въ какихъ формахъ мириться съ властью, навязываемой имъ государствомъ, историческія обстоятельства приготовили отвлеченіе.

Полякамъ пришлось въ это время вести трудныя внѣшнія войны, и они не пренебрегали тѣмъ, чтобы привлекать къ участию „низовыхъ разбойниковъ“, только-что объявленныхъ ими „банными“. Начало XVII вѣка застаётъ запорожцевъ въ Молдавіи, въ обозѣ великаго короннаго гетмана Замойскаго, который снялъ съ нихъ банницію силою своихъ полномочій. Только-что была загончена эта война, какъ гетманъ приглашаетъ запорожцевъ въ Лифляндію, театръ войны поляковъ со шведами. За услуги козаковъ въ обоихъ этихъ войнахъ имъ возвращаютъ Терехтемировъ и отобранныя-было права. Но, конечно, лишь московская самозванщина создала для Украины то сильное отвлеченіе, которое чуть не на цѣлое десятилѣтіе предохранило край отъ новыхъ столкновеній козаковъ съ требованіями государства.

Какъ низовцы водили господарчиковъ-самозванцевъ въ Молдавію, такъ повели польскіе паны, съ Мнишками во главѣ, царевича-самозванца въ Московское царство. Конечно, при этомъ былъ кликнуть кличъ на охотниковъ, и украинскому своеволю открыто было новое широкое русло еще до того, пока въ войну вмѣшалось государство, и гетманъ самъ повелъ козаковъ на православный сѣверъ. Достаточно извѣстно, какъ показали здѣсь себя украинцы, и какая доля участія въ тяжелой эпопеѣ „Смутнаго времени“ относится на счетъ низоваго козачества.

Конецъ междуцарствія, когда водворяющійся порядокъ вытѣсняетъ обратно, на родину, украинскіе своевольные элементы, снова выдвигаетъ на сцену роковой вопросъ: какъ быть дальше? Украинская вольница, не имѣя предоставляемаго ей государствомъ дѣла, ищетъ его сама, и ищетъ его пока все-таки внѣ, въ традиціонныхъ набѣгахъ на басурманъ, татаръ и турокъ. Но, очевидно, низовое козачество за это время усиленной дѣятельности въ Москвитинѣ и Молдавіи—куда украинскіе паны Потоцкіе, Корецкіе и Вишневецкіе предпринимали въ то же время большіе походы, завоевывая господарство для Могилъ—такъ выросло и окрѣпло, что эти набѣги пріобрѣтаютъ новый неожиданный характеръ.

Рядъ морскихъ походовъ, выходящихъ изъ ряду вонъ по своей дерзости и по своимъ результатамъ, прославилъ имя днѣпровскихъ козаковъ по всей Европѣ, а на Турцію произвелъ потрясающее впечатлѣніе. Козаки не довольствовались тѣмъ, что на своихъ челнахъ достигали Константинополя, жгли и грабили окрестныя села, такъ что султаны изъ своихъ дворцовъ и садовъ могли видѣть дымъ и зарево пожаровъ: они рискнули переплыть пеперекъ Черное море, и беззащитные берега Малой Азіи, до тѣхъ поръ пользовавшіеся полною безопасностью, открыли для нихъ новый источникъ добычи. Взятіе и разореніе Синопа (1613 г.), богатаго, торговаго малоазійскаго города, само по себѣ

представляло крупное событіе; за Синопомъ такой же участи подвергся и Трапезундъ. Черезъ три года (1616 г.) взята была Кафа, причемъ было освобождено множество христіанскихъ невольниковъ. Но эти козацкіе подвиги, радуя и поднимая украинскую душу, конечно, должны были производить совсѣмъ иное впечатлѣніе на душу польскую и особенно на душу польскихъ государственныхъ людей. Нельзя было безнаказанно дразнить турокъ такъ, какъ дразнили ихъ казаки своими набѣгами 1613—16 годовъ. Турки приняли самыя экстренныя мѣры: турецкая флотилія сторожила въ устьяхъ Днѣпра; дѣлались усиленные приготовленія къ постройкѣ крѣпостей на низовьяхъ рѣки; Ибрагимъ-паша приобрѣлъ себѣ крупную славу тѣмъ, что проникъ до самаго Запорожья, хотя, конечно, результаты этого подвига, въ виду условій запорожской жизни, могли быть лишь самыя скромныя: небольшому числу низовцевъ, которыхъ онъ засталъ на мѣстѣ, ничего не стоило скрыться, а коши ихъ были слишкомъ незавидною добычею.

Въ то же время Турція, раздражаемая, съ одной стороны, козаками, съ другой—украинскими панами съ ихъ постояннымъ вмѣшательствомъ въ молдавскую политику, собирала противъ Польши военныя силы, дѣйствительно страшныя своею численностью. Въ 1617 году турецкое войско впервые вступило въ предѣлы Польши, въ Подолье, и Польшѣ предстояла грозная необходимость встать лицомъ къ лицу съ своей сосѣдкой. Однако, на этотъ разъ гетманъ Жолкѣвскій цѣной уступокъ и общаній, касающихся козаковъ и Молдавіи, отвелъ грозившую-было Польшѣ бѣду. Но теперь уже онъ рѣшилъ безъ отлагательствъ и энергично приняться за козаковъ, чтобы тѣмъ или инымъ путемъ, „*vi albo consilio*“ *), по его собственному выраженію, положить узду на украинское своеволие.

Тотчасъ же началъ Жолкѣвскій усиленно стягивать украинскихъ пановъ въ опредѣленный пунктъ, который назначенъ былъ у села Ольшанки, для участія въ „комиссіи“ по козацкимъ дѣламъ. Это была оригинальная комиссія, имѣющая мало общаго съ современными комиссіями. Украинскіе паны, теперь уже изъ-за своихъ подданныхъ всѣ заинтересованные въ козацкихъ дѣлахъ, собрались со своими военными силами, какими располагали. Сюда же были приглашены и уполномоченные отъ козацкаго войска. Если бы переговоры не привели къ желанному результату,—иначе говоря, казаки не согласились бы на предложенныя имъ условія,—всѣ собравшіеся панскіе отряды подъ предводительствомъ Жолкѣвскаго должны были быть двинуты противъ нихъ.

Но Ольшанская комиссія не разразилась никакой катастрофой: все кончилось мирно и благополучно. Въ то время во главѣ запорожскаго войска стоялъ гетманъ Петръ Конашевичъ (т.-е. Кононовичъ) Сагайдачный, человѣкъ, высокаго достоинства котораго одинаково признавались какъ русскими, такъ и поляками. Біографическихъ данныхъ о немъ сохранилось немного: знаемъ, что онъ былъ родомъ русинъ изъ Галиціи, учился въ Острожскомъ училищѣ. Всюду, гдѣ онъ появляется, онъ господитъ положенія—одновременно искусный

*) Силою или совѣтомъ.

полководецъ и умный дипломатъ, но прежде всего и всегда человекъ, глубоко и цѣльно преданный родинѣ и ея интересамъ. Блестящіе походы козаковъ на Черное море совершались подъ его руководствомъ. Но во всѣхъ своихъ непосредственныхъ сношеніяхъ съ представителями польской государственности онъ держалъ себя и войско вполне лояльно, не давая никакого повода къ репрессивнымъ мѣрамъ. Такъ и въ Ольшанской комиссіи, являясь старшимъ представителемъ запорожскаго козачества, онъ согласился на всѣ уступки, которыхъ требовали поляки, включая сюда даже и ограниченіе войска одной тысячей. Это было невозможно; но онъ, очевидно, понималъ, что фактическая невозможность такъ и останется невозможностью, какими бы формальными отрицаніями ее ни обставляли. И обстоятельства оправдали его расчеты самымъ блестящимъ образомъ. Едва кончилась комиссія, какъ помощь Сагайдачнаго съ его войскомъ неотложно понадобилась, чтобы спасти королевича Владислава, погибавшаго подъ Можайскомъ (1618 г.). Разумѣется, теперь уже не было ни думы, ни рѣчи о тысячѣ, и Сагайдачный повелъ въ Московское царство ни больше, ни меньше, какъ двадцать тысячъ козаковъ. Въ результатъ этого похода не только спасенъ былъ королевичъ со своимъ войскомъ, но Польша была возвращена Сѣверская земля. Однако, козацкій вопросъ оставался все въ томъ же положеніи, тѣмъ болѣе, что козаки, не получивъ жалованья за этотъ московскій походъ, снова отправлялись по обычаю искать на югъ козацкаго хлѣба. Понадобилась новая козацкая комиссія, которая и собралась въ 1619 году на рѣчкѣ Раставицѣ, ниже Паволочи. Здѣсь козакамъ предложены были еще болѣе тяжелыя условія: помимо прочихъ ограниченій, они должны были уничтожить челны, на которыхъ ходили въ море, а, главное, должны были обѣщать повиноваться панамъ, на территоріи которыхъ имѣли свою постоянную или временную осѣдность. Хотя Сагайдачный стоялъ во время Раставицкой комиссіи подъ Бѣлою Церковью со своимъ козацкимъ войскомъ, которое смѣло могло помѣряться силами съ польскимъ, но онъ, повидимому, и не думалъ о сопротивленіи силой. Большимъ усиленіемъ и терпѣніемъ добивался онъ тѣхъ или иныхъ уступокъ и ограниченій панскихъ требованій, но въ общемъ выражалъ полную готовность подчиниться всему, отъ чего нельзя было мирно уклониться. Когда, въ слѣдующемъ же 1620 году, молдавскія дѣла повлекли новыя столкновенія Польши съ Турціей, то въ сраженіи подъ Цепорой, которое кончилось тяжелымъ пораженіемъ поляковъ, смертью Жолкѣвскаго и плѣномъ Конецпольскаго, вовсе не было ни Сагайдачнаго, ни его войска: козаки должны были оставаться дома и исполнять постановленіе Раставицкой комиссіи — выселяться изъ панскихъ имѣній, если не хотѣли обращаться въ панскихъ подданныхъ. Естественно, что они не спѣшили водворять новый порядокъ, который равнялся для нихъ самоуничтоженію, а цепорская трагедія показала, что имъ и незачѣмъ было спѣшить: Польша опять въ нихъ нуждалась и больше прежняго.

Въ 1621 году султанъ Османъ I выступилъ въ походъ, лично предводительствуя огромнымъ войскомъ, въ нѣсколько сотъ тысячъ, съ цѣлью завоевать Польшу. Опасность была самая крайняя; помощь со стороны козацкаго войска

была теперь для Польскаго государства вопросомъ о томъ, быть ему, или не быть? Сагайдачный не отказался придти на помощь,—хотя и выставилъ при этомъ нѣкоторыя свои условія и привелъ подъ Хотинъ уже тридцать тысячъ козаковъ. Влестящей Хотинской побѣдой, спасшей Польшу, были обязаны по-

Гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный † 1622 г.

яки лишь Сагайдачному и его козацкому войску. Самъ Сагайдачный умеръ отъ ранъ, полученныхъ имъ подъ Хотиномъ, въ слѣдующемъ же 1622 году.

Смерть этого замѣчательнаго челоѣка заключила собой ту мирную эпоху козацко-польскихъ отношеній, которую можно назвать эпохою Сагайдачнаго.

Несмотря на крайнюю напряженность положенія, которое, казалось, каждый момент должно было бы разразиться взрывомъ, взрыва не происходило, а въ то же время козаки, такъ стѣсненные юридически, фактически оставались при своихъ старыхъ правахъ. Это было дѣломъ рукъ Сагайдачнаго. Но такого результата нельзя было добиться безъ общественныхъ жертвъ, болѣе или менѣе тяжелыхъ. Въ жертву принесены были хлопы, панскіе подданные. Они также тянулись къ козацкому положенію, но козаки въ видахъ собственного спасенія, должны были ихъ отталкивать. Въ этомъ отношеніи Сагайдачный дѣйствовалъ съ сознательной рѣшимостью, вѣроятно, вытекавшей изъ искренняго убѣжденія въ невозможности иного порядка. Какъ бы то ни было, въ постановленіяхъ Раставицкой комиссіи есть одинъ пунктъ, въ силу котораго запорожцы обя-зуются выключать изъ состава войска всѣхъ ремесленниковъ, шинкарей, вой-товъ, бурмистровъ, рѣзниковъ и т. п., о хлопахъ же нѣтъ ни слова, оче-видно, потому, что вопросъ о хлопахъ не возбуждалъ никакихъ сомнѣній ни одной, ни другой стороны. Но за то фактическая сила козацкаго войска, подъ управленіемъ Сагайдачнаго, несмотря на комиссіи и ихъ постановленія, не только не уменьшалась, а благодаря войнамъ сильно выросла. А подъ ея при-крытіемъ осуществился фактъ такой огромной важности, какъ возстановленіе православной іерархіи. Впервые козачество выступило дѣйствительной опорой русской народности въ одномъ изъ существеннѣйшихъ ея интересовъ.

Всѣ тяжелыя противорѣчія украинской жизни, съ которыми умѣла какъ-то ладить сильная рука, выступили ярко наружу, какъ только ея не стало. Украина вступила въ эпоху (1625—1638 г.) потрясеній, повторявшихся другъ за другомъ въ самые короткіе промежутки, пока не наступилъ десяти-лѣтній отдыхъ, за которымъ послѣдовалъ страшный, окончательный взрывъ, снесшій не прививавшійся къ украинскому населенію общественный порядокъ.

Смерть Сагайдачнаго застала украинское козачество въ такой моментъ, когда ему нужнѣе, чѣмъ когда-либо, былъ талантливый и энергичный руко-водитель. Къ обычнымъ трудностямъ, какими была обставлена общественная жизнь козачества, присоединились новыя усложненія. Еще при жизни Сагай-дачнаго низовое войско *in corpore* было вписано въ число членовъ Кіев-скаго церковнаго братства, слѣдовательно, открыто признало своею обязанно-стью покровительство и защиту православной церкви. Стояло ли оно раньше совсѣмъ въ сторонѣ отъ церковныхъ дѣлъ, какъ это утверждаетъ Кулишъ, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, и при жизни Сагайдачнаго и послѣ его смерти оно заявляетъ себя въ роли официального покровителя православія. Новый ми-трополитъ Іовъ Борецкій, такъ удачно выбранный на свой высокий, а теперь и опасный постъ, заявлялъ, что онъ держится лишь защитой „черкасскихъ молодцовъ“ (т.-е. запорожскихъ козаковъ): надо замѣтить, что со смертью Са-гайдачнаго наступили усиленные гоненія на членовъ возстановленной право-славной іерархіи. Въ концѣ 1624 года нѣкоторые члены кіевского магистрата, съ войтомъ Ходыкой во главѣ, начали запечатывать въ г. Кіевѣ православныя церкви. Тотчасъ появляются въ Кіевѣ два низовыхъ полковника съ козаками для „обереганія христіанской вѣры“ и расправляются съ ея оскорбителями.

Конечно, польское правительство не могло смотрѣть благосклонно на это козацкое самоуправство. А на Запорожьѣ, между тѣмъ, происходило кое-что, еще болѣе непріятное и угрожающее государственнымъ интересамъ Польши. Тамъ появился нѣкто Ахія или царевичъ Александръ, якобы окрещенный сынъ султана Магомеда и законный наслѣдникъ турецкаго престола. Не Запорожье испекло этого новаго самозванца, но оно готово было идти за нимъ къ восстановленію, при содѣйствіи болгаръ, сербовъ, грековъ и албанцевъ, православной восточной имперіи. Одновременно козаки впутались въ политику Крыма, гдѣ происходили тяжелыя внутреннія замѣшательства, вытекавшія изъ вассальныхъ отношеній ханства къ Портѣ: они рѣшились поддерживать вставшихъ во враждебныя отношенія къ Турціи Магомеда и Шагинъ Гиреевъ, — послѣдній лично явился на Запорожье за помощью. Въ результатѣ всѣхъ этихъ политическихъ комбинацій оказались новые набѣги на Крымъ и Турцію, сушею и моремъ. Кафа была занята, козацкія чайки снова появились подъ Константинополемъ, жгли и грабили его предмѣстья и окрестныя села и мѣстечки. Въ слѣдующемъ 1625 году Запорожцы повторили морской набѣгъ на черноморскіе берега, съ большими силами и болѣе широкимъ планомъ, но потерпѣли неудачу: много козацкихъ челновъ было затоплено и захвачено въ плѣнъ. Въ то же время Запорожье, и непосредственно и при посредствѣ духовенства, находилось въ постоянныхъ сношеніяхъ съ московскимъ царемъ. Іовъ Борецкій не только имѣлъ съ Москвой самыя тѣсныя связи, но видимо серьезно задумывался надъ вопросомъ о присоединеніи Украины къ православному восточно-русскому царству. О сношеніяхъ знало польское правительство; конечно, такое положеніе дѣлъ, съ его точки зрѣнія, было непереносимо.

Еще въ 1623 году сеймовымъ постановленіемъ назначена была новая военно-судная козацкая комиссія изъ русскихъ землевладѣльцевъ съ Ѳомой Замойскимъ во главѣ. Но комиссары, какъ ни были лично заинтересованы въ козацкихъ дѣлахъ, все-таки собирались не охотно, считая участіе въ такой комиссіи „самой опасной и убыточной войной“. Такимъ образомъ, комиссія не осуществилась. Но въ слѣдующемъ же 1624 году Кантеміръ-мурза, по прозвищу Кровавый Мечъ, глава свирѣпой Буджацкой орды, сдѣлалъ страшно опустошительный набѣгъ на Подолье и Червонную Русь. Для того чтобы перехватить его съ добычей, коронный гетманъ Конецпольскій собралъ всѣ силы, какими только онъ могъ располагать. Послѣ расправы съ Кантеміромъ, силы эти, растянутыя, уже могли быть легко направлены и въ другую сторону, противъ козаковъ, тѣмъ болѣе, что Польша въ это время была свободна отъ иныхъ политическихъ осложненій.

А между тѣмъ на Запорожьѣ окончательно взяла верхъ крайняя партія, которая не хотѣла слышать ни о какихъ уступкахъ польскому правительству и выбрала въ гетманы Жмайла. Осенью 1625 года Конецпольскій двинулся изъ Подолья на Днѣпръ; комиссары по дорогѣ присоединились къ нему со своими отрядами.

Конецпольскій не уступалъ талантами и энергіей своему предшественнику и тестю Жолкѣвскому, умирителю Наливайковщины; но, кромѣ того, онъ былъ и однимъ изъ крупнѣйшихъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, слѣдовательно, былъ

близко знакомъ съ украинскими дѣлами и лично въ нихъ заинтересованъ. Какъ всѣ вообще мѣстные люди, онъ предпочиталъ рѣшать украинскій вопросъ мирно, не прибѣгая къ насилию: и теперь онъ открывалъ свое движеніе противъ козаковъ ласковымъ увѣщаніемъ, которое онъ посылаетъ имъ „какъ человѣкъ, рыцарскій такимъ же рыцарскимъ людямъ“. Но могучее теченіе всецѣло увлекало Запорожье въ противоположномъ направленіи.

Однако, запорожцы, народъ опытный въ военномъ дѣлѣ, видѣли, что ихъ войску, въ общемъ плохо вооруженному и плохо дисциплинированному, хотя и превосходящему численностью, трудно взять верхъ надъ силами Конецпольскаго, который имѣлъ въ своемъ распоряженіи, кромѣ кварцянскихъ жолнеровъ и комиссарскихъ полковъ, еще и отрядъ нѣмецкой пѣхоты. Обѣ стороны сошлись надъ рѣчкою Цыбулькикомъ недалеко отъ Крылова, но козаки старались выиграть время подъ разными предлогами. Однако, выяснилось окончательно, что переговоры, сколько бы ни тянулись, не могутъ привести ни къ чему. Козаки не хотѣли поступиться своими вольностями, которыя они считали законной наградой за свои услуги Рѣчи Посполитой: а въ вольности ихъ входило и свободное пользованіе земельными имуществами, даже и находящимися на панскихъ территоріяхъ, и право принимать на Запорожье всякаго, кто бы ни пришелъ, включая, слѣдовательно, и всякихъ политическихъ авантюристовъ, право свободного выбора своихъ властей и, наконецъ, права свободы для православной церкви. Государство не могло согласиться на такое толкованіе козацкихъ волостей. Военныя дѣйствія были открыты. Но прежде чѣмъ дѣло дошло до чего-либо рѣшительнаго, козаки ночью выскользнули изъ лагеря, можетъ-быть, рассчитывая просто разсѣяться пока въ лугахъ и плавняхъ. Однако, Конецпольскій, который имѣлъ подъ рукой такого помощника, какъ Стефанъ Хмелецкій, своевременно замѣтилъ ихъ отступленіе. Козаки, дойдя до Курукова озера (близъ теперешняго Крюкова), здѣсь остановились и укрѣпились въ урочищѣ Медвѣжьихъ Лозахъ, на старомъ городищѣ. Начался энергичный штурмъ, гдѣ на первомъ планѣ со стороны нападающихъ дѣйствовали нѣмцы, и не менѣе энергичный отпоръ. Въ концѣ концовъ, козаки вынуждены были признать себя побѣжденными и принять, съ нѣкоторыми смягченіями, предлагаемыя имъ условія. Куруковский договоръ 1625 г., иначе договоръ на Медвѣжьихъ Лозахъ, служилъ на послѣдующее время той законной нормой козацко-польскихъ отношеній, на которой настанывала одна сторона, и отъ которой стремилась уклониться другая. Вотъ къ чему сводилась эта норма.

Козаки впередъ не имѣли права предпринимать никакихъ походовъ, ни сухопутныхъ, ни морскихъ, безъ разрѣшенія правительства, какъ не имѣли права и сноситься съ сосѣдними державами; слѣдовательно, совершенно лишались присвоенныхъ ими себѣ политическихъ правъ и признавались за простыхъ подданныхъ Польскаго государства. Въ козацкомъ реестрѣ, т.-е. въ козацкомъ званіи, оставлялось лишь шесть тысячъ козаковъ, которые и должны были исправлять обязанности пограничной сторожи: одна тысяча должна была постоянно жить и сторожить на Запорожьѣ, остальные находиться на Украинѣ въ готовности исполнять распоряженіе властей. Всѣ, не вошедшіе въ реестръ,

обязаны были вернуться въ то общественное положеніе, изъ котораго они, предполагается, вышли, т.-е. должны были или обратиться въ королевскихъ мѣщанъ, или шляхетскихъ подданныхъ. Козаки признанные, т.-е. вписанные въ реестръ, пользовались „козацкими вольностями“, которыя заключались въ личной свободѣ, въ правѣ судиться своимъ войсковымъ судомъ и въ правѣ свободно заниматься звѣринымъ и рыбнымъ промыслами, а также торговлей; кромѣ того, они получали отъ правительства денежное жалованье. „Старшого“ назначало имъ государство. Наиболѣе трудный для рѣшенія вопросъ земельныхъ отношеній куруковской комиссіей разрѣшался такъ. Тѣ козаки, которые имѣютъ свои оскѣлости на земляхъ королевскихъ, остаются—какъ были; тѣ же, земли которыхъ лежатъ на территоріяхъ шляхты или духовенства, могутъ на нихъ оставаться лишь съ разрѣшенія владѣльцевъ на правахъ подданныхъ. Кто не желаетъ подчиняться этому, тотъ обязанъ выселиться въ течение 12 недѣль, возвратя владѣльцамъ „неправильно прибрѣтенное“ имущество. Если же на такое земельное имущество окажется законный документъ—что, конечно, могло имѣть мѣсто лишь въ исключительныхъ условіяхъ,—то козакъ имѣетъ право продать такое имущество и собрать сдѣланные посябвы.

Огромное практическое затрудненіе представлялъ собою и шеститысячный реестръ въ то время, когда въ войскѣ числилось около пятидесяти тысячъ человѣкъ. Самъ Конецпольскій писалъ королю, что въ козацкій реестръ нельзя помѣстить даже наиболѣе заслуженныхъ воиновъ, т.-е. такихъ, которые рисковали жизнью за государство въ теченіе десяти, двадцати и даже тридцати лѣтъ, которые изувѣчены на службѣ. А польское правительство находило и цифру шести тысячъ рискованной для себя и согласилось на нее лишь послѣ большихъ домогательствъ со стороны козаковъ, за которыхъ въ данномъ случаѣ стоялъ и Конецпольскій.

Но польская политика, всегда легкомысленная и полная противорѣчій, уже снова приготовила выходъ для украинскихъ затрудненій. Осенью и зимою 1625 года новый старшой, или гетманъ, назначенный правительствомъ, Михаилъ Дорошенко, объѣзжалъ вмѣстѣ съ польскими комиссарами Украину, чтобы привести въ исполненіе постановленіе комиссіи насчетъ реестра: надо было отдѣлить реестровыхъ отъ „выписчиковъ“, которые переставали юридически быть козаками и переходили въ посполство. Но едва ли успѣлъ пройти годъ по окончаніи этой важной, съ формальной точки зрѣнія, процедуры, которая должна была плохо ли, хорошо ли, упорядочить сословныя отношенія Украины, какъ снова все пришло въ хаосъ: „запорожскіе выписные козаки опять понадобились Польшѣ для новой войны со шведами, такъ какъ реестровые отказались идти противъ шведовъ на томъ основаніи, что „король польскій и паны радные пожитки всякіе отняли, на море ходить не велятъ, на службу противъ шведскаго короля подняться нечѣмъ“. На Балтійскомъ морѣ появились даже, нѣсколько лѣтъ спустя, козацкіе челны, выстроенные на счетъ литовскаго магната Радзивилла,—и здѣсь запорожцы показали надъ шведскими кораблями, какъ прежде надъ турецкими галерами, тѣ же чудеса ловкости и искусства, возбуждавшія изумленіе современниковъ. А между тѣмъ на

Низу, опять предоставленному самому себѣ, все снова пошло по-старому. Теченіе было такъ сильно, что увлекло даже такого сторонника правительства, какъ Дорошенко.

Въ 1628 году Дорошенко со своими реестровыми козаками предпринялъ самовольный походъ въ Крымъ на помощь Магомедъ- и Шагинъ-Гиреямъ, по дорогѣ разрушилъ вновь построенный турецкій городъ Исланкермень на татарской переправѣ противъ острова Тавани и самъ палъ въ битвѣ съ Кантеміромъ-мурзой, сторонникомъ султана, осаждавшимъ Бахчисарай, гдѣ заперлись Гирен. Козаки выбрали себѣ въ гетманы Грицька Чернаго, освободили Гиреевъ и побѣдителями вернулись въ Запорожье. Въ то же время корсунскій полковникъ Филоненко вторгся въ турецкія владѣнія въ Молдавіи.

Правительство должно было проглотить пилюлю—принять нехитрыя козацкія оправданія и объясненія, тѣмъ болѣе, что въ это время исправлялъ должность украинскаго региментаря, т.-е. главнаго начальника мѣстныхъ военныхъ силъ, Стефанъ Хмелецкій, человѣкъ очень гуманный, прекрасно знакомый съ положеніемъ дѣлъ на Украинѣ и искренне расположенный къ козакамъ, которые всегда видѣли въ немъ заступника и ходатая передъ верховной властью. Въ то же время новый козацкій гетманъ Григорій Савичъ, или Грицко Черный, также дѣйствовалъ, какъ убѣжденный сторонникъ правительства. Такимъ образомъ, на одинъ моментъ водворилась-было въ козацко-польскихъ отношеніяхъ гармонія, результатомъ которой была блестящая побѣда Хмелецкаго надъ Кантеміровскою ордою подъ Бурштыномъ (1629 г.), гдѣ козаки сражались подъ польскими знаменами.

Но это былъ только моментъ. Въ слѣдующемъ же году Украина вся опять принимаетъ видъ крайней враждебности „къ панамъ-ляхамъ“. Всюду распространяются слухи, что поляки хотятъ истребить православную вѣру, чтобы ввести насильственно римскую, что ляхи намѣрены вырѣзать всю Русь вплоть до московской границы и т. п. Нѣкоторымъ поводомъ для этихъ слуховъ служили отдѣльные случаи безобразій и насилій, какія дозволяли себѣ польскіе жолнеры, расквартированные на Украинѣ со времени Куруковской комиссіи. Открылись волненія прежде всего въ окрестностяхъ Кіева, гдѣ козаки вмѣстѣ съ хлопами начали истреблять жолнеровъ. Грицько Черный принялъ-было, съ своей стороны, мѣры, чтобы успокоить волненіе, но возставшіе „жестокосердно его замучили“. На сцену появляется гетманъ, выбранный на Низу, который становится во главѣ начавшагося движенія, быстро принимающаго характеръ козацкаго возстанія. Гетманъ этотъ — Тарасъ Оedorовичъ, по прозвищу Трясило; изъ шести тысячъ реестровыхъ къ нему пристало четыре тысячи, двѣ тысячи остались на сторонѣ правительства.

Какъ только до короннаго гетмана дошло извѣстіе о томъ, что запорожцы вышли съ Низу „на влости“—т.-е. появились на украинской территоріи,—онъ тотчасъ же послалъ въ Кіевщину нѣсколькихъ ротмистровъ, въ томъ числѣ короннаго стражника Самуила Лаца, этого типичнѣйшаго представителя беззастѣнчиваго шляхетскаго своеволія. Вѣроятно, дикая энергія Лаца, для которой не существовало препятствій, сыграла не малую роль въ томъ, что поль-

скій отрядъ, сравнительно очень малочисленный, оттѣснилъ козаковъ за Днѣпръ. Вообще главной ареной настоящаго возстанія надо считать Заднѣпровье, владѣнія князей Вишневецкихъ, уже успѣвшія къ тому времени изъ пустыхъ обратиться въ довольно заселенныя мѣстности. Центральнымъ пунктомъ возстанія былъ Переяславль, гдѣ инсургенты и укрѣпились.

Мѣстный человѣкъ, Конецпольскій прекрасно зналъ, что украинскія волненія все равно, что пожаръ—упустишь время, не потушишь,—и самъ, съ своимъ войскомъ и панскими отрядами, появился на Украинѣ со всевозможной скоростью: въ войскѣ его были и „черкасы лучшіе люди“, т.-е. реестровые козаки, оставшіеся вѣрными правительству. Обложеніе Переяславля, которое продолжалось три недѣли и кончилось тѣмъ, что осажденные изъявили покорность, составляетъ все содержаніе этого эпизода. Ближайшія подробности того, что и какъ происходило, намъ неизвѣстны: не сохранилось почти никакихъ документовъ, мемуаровъ участниковъ и свидѣтелей событія. Можно съ увѣренностью сказать, что „Тарасову ночь“ надо отнести изъ области историческихъ фактовъ въ область легендъ; но, съ другой стороны, повидимому, и торжество поляковъ не было очень рѣшительнымъ. „Переяславскіе пакты“ настаиваютъ лишь на соблюденіи куруковского договора; даже вопросъ о выдачѣ главнаго виновника, т.-е. Тараса Федоровича, не ставится рѣзко, а обставляется условіями. Вѣроятно, на ходѣ событій сильно отразился расколъ въ козацкой средѣ, то, что „лучшіе люди“ ея не примкнули къ возстанію. Такимъ образомъ, „Переяславщина“ не внесла ничего новаго въ козацко-польскія отношенія, съ формальной точки зрѣнія; взаимныя же непріязненные чувства, конечно, выросли и крѣпли послѣ каждого столкновенія.

Въ то время, когда состоялся переяславскій договоръ, часть самовольныхъ козаковъ опять ушла на море.

Владиславъ IV, тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ, задумалъ новый походъ въ Московское царство (1632 г.). Безъ помощи козаковъ трудно было осуществить съ успѣхомъ такое предпріятіе. Правительство потребовало на помощь себѣ пятнадцать тысячъ козацкой силы, не стѣсняясь шеститысячнымъ реестромъ. Поляновскій миръ, снова присоединившій къ Польшѣ области Чернигова, Новгородъ-Сѣверска и Смоленска, былъ результатомъ участія въ походѣ козаковъ.

Въ то же время помощь козаковъ была настоятельно нужна Польшѣ и въ другой сторонѣ. Лѣтомъ (1633 г.) Кантеміръ со своей ордой снова опустошилъ Подолье; Конецпольскій, правда, перехватилъ татаръ съ добычею на обратномъ пути, но набѣгъ Кантеміра оказался лишь предвѣстникомъ большаго турецкаго нашествія подъ начальствомъ Абазы, которому вѣрены были всѣ военныя силы Балканскаго полуострова, и къ которому присоединились молдавскій и валахскій господа. А когда Конецпольскому, благодаря позднему осеннему времени и крайнему напряженію силъ, удалось задержать Абазу, турецкій султанъ началъ лично готовиться къ большому походу съ цѣлью завоеванія Польши.

Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ Конецпольскій призвалъ къ себѣ на

помощь реестровыхъ козаковъ: тѣ, хотя неохотно, но повиновались. Но гроза миновала, и опять чуть не въ десятый разъ, заключенъ былъ между Польшей и Турціей вѣчный миръ съ тѣмъ условіемъ, что Польша заставитъ козаковъ прекратить морскіе походы, а Турція удержитъ татаръ отъ хищническихъ набѣговъ.

Но тутъ начались волненія среди реестровыхъ, призванныхъ въ Подолье гетманомъ: они кинулись въ имѣнія мѣстныхъ пановъ, начали ихъ грабить, смѣнили свою старшину, убили нѣкоторыхъ изъ ея состава, а затѣмъ самовольно отправились домой. Все это находилось, повидимому, въ связи съ морскими походами, которые тянулись себѣ своимъ чередомъ, независимо отъ отношеній Польскаго государства къ Турціи. Между тѣмъ вернулись козаки и изъ московскаго похода и, конечно, не увеличили собою мирныхъ элементовъ украинской жизни. Всюду на Украинѣ чувствовалось то острое недовольство, которое проявлялось неповиновеніемъ массъ, множествомъ отдѣльных случаевъ разныхъ насилій и самовольныхъ расправъ: постоянные симптомы приближающагося общаго взрыва. Но Конецпольскій тотчасъ же двинулъ за волнующимися реестровиками въ Кіевщину свои хоругви— и до общаго возстанія не дошло. Однако, онъ рѣшилъ, что настала неотложная необходимость осуществить одну мѣру, которая должна была дать рѣшительный перевѣсъ на Украинѣ государственности и польскому правовому порядку: необходимо было выстроить на порогахъ крѣпкій замокъ.

Мѣстомъ для замка выбрано было урочище Кодакъ, выше пороговъ. Здѣсь заложенъ былъ въ 1635 г. замокъ французскимъ инженеромъ Бопланомъ, который и оставилъ намъ свое знаменитое „Описаніе Украины“. Комендантомъ замка былъ французскій полковникъ Маріэтъ, въ распоряженіи котораго состоялъ нѣмецкій гарнизонъ.

Вновь, и такъ быстро, возникшая кодакская твердыня должна была сыграть роль поворотнаго пункта въ развитіи козачества,—такъ велико было ея значеніе для хозяйственныхъ и даже политическихъ условій козацкаго быта. Конечно, она не могла прямо помѣшать козацкимъ челнамъ выходить въ море; но она не допускала на Низъ „липы“ для этихъ челновъ, которыя спускались сюда съ верхняго Днѣпра. Но еще важнѣе было то, что Кодакъ могъ препятствовать доставкѣ на Низъ пороку и огнестрѣльнаго оружія, а, главное, съѣстныхъ припасовъ: „липы“, кромѣ верхняго Днѣпра, сплавливались еще изъ Волчьихъ Водъ. Однимъ словомъ, Кодакъ держалъ въ своихъ рукахъ торговые сношенія Запорожья съ Украиной, которая посылала на Низъ продукты сельскаго и лѣснаго хозяйства, получая въ обмѣнъ, вмѣстѣ съ рыбой, и восточные товары, добычу морскихъ набѣговъ. Низъ, безъ Украины, не могъ прокормиться однимъ своимъ промысломъ. Такимъ образомъ, Кодакъ имѣлъ возможность властвовать надъ низовымъ козачествомъ угрозою лишенія насущно необходимаго,—хлѣба, горѣлки, пороха. Не пропуская товару, Кодакъ могъ не пропускать того вольнаго люда, который постоянно передвигался изъ Украины на Низъ и обратно, пользуясь Днѣпромъ, какъ главнѣйшимъ и удобнѣйшимъ путемъ сообщенія. А затѣмъ кодакскій комендантъ не позволялъ козакамъ промыслять въ окрестностяхъ, считая окрестную территорию при-

надлежащей замку; всѣхъ сопротивляющихся его рѣшеніямъ онъ хваталъ и держалъ въ оковахъ.

Не трудно представить себѣ, сколько негодованія, возмущенія, злобы возбуждалъ въ козацкихъ сердцахъ Кодакъ съ Маріатоу и его нѣмцами. Необходимо было вырвать это ненавистное бѣльмо, этотъ сучокъ въ глазу запорожскаго козачества. И—какъ это обыкновенно бываетъ въ минуту большого массоваго возбужденія—тотчасъ же нашелся человѣкъ, способный встать во главѣ дѣла, сосредоточившаго въ себѣ интересы даннаго момента. Этимъ человекомъ оказался нѣкто Самуиль Сулима, извѣстный не только на Черномъ, но и на Средиземномъ морѣ, и даже въ Римѣ, гдѣ онъ подарилъ папѣ Павлу V захваченную имъ турецкую галеру съ тремястами турокъ. Этотъ Сулима, во главѣ шести тысячъ переестровыхъ козаковъ, напалъ врасплохъ на кодакскій замокъ, взялъ его и разрушилъ, истребилъ гарнизонъ и разстрѣлялъ Маріэта (1635 г.).

Конечно, козаки знали, что такое дѣло не могло остаться безнаказаннымъ; но они надѣялись на шведскую войну, которая отвлекала великаго гетмана: какъ-разъ, въ это время запорожскіе челны дѣйствовали противъ шведскихъ кораблей на Балтійскомъ морѣ. Однако, козацкіе расчеты не оправдались. Война кончилась, и Конецпольскій, конечно, готовъ былъ обратить свободныя теперь военныя силы противъ козаковъ. Чтобы отвратить бѣду, болѣе мирно настроенная часть козачества рѣшилась захватить и выдать правительству Сулиму съ четырьмя его главнѣйшими сподвижниками. Ихъ судили и казнили, несмотря на то, что многіе вліятельные поляки сожалѣли объ участи такого героя, какъ Сулима, и самъ король склонялся къ помилованію: только одному изъ осужденныхъ, уже на эшафотѣ, объявлено было прощеніе—и этотъ одинъ былъ Павло Михновичъ Бутъ или Павлюкъ, который два года спустя выступаетъ на сцену какъ руководитель новаго возстанія.

Выдача Сулимы съ товарищами показываетъ, какъ глубоко пошелъ расколъ внутри самой козацкой массы. Реестровые могли быть недовольны той или другой мѣрой правительства, особенно задержкой жалованья, и, случалось, увлекались на какую-нибудь крайность, въ родѣ самовольнаго похода въ Крымъ; но, въ общемъ, они склонялись къ тому, чтобы довольствоваться тѣми правами, какія давала имъ ихъ козацкая служба, ставившая ихъ по отношенію къ землевладѣнію на шляхетское положеніе, а впереди обѣщавшая, путемъ военныхъ заслугъ, и настоящее шляхетство. Не могли безповоротно примириться съ своимъ положеніемъ лишь выписчики и, вообще, непризнанные правительствомъ козаки. Часть ихъ, въ виду правительственныхъ мѣръ и ряда неудачныхъ возстаній, уже ушла въ подданство, въ крестьяне, тѣмъ болѣе, что положеніе украинскаго крестьянина пока еще было болѣе чѣмъ сносно, или осѣла въ городахъ на мѣщанствѣ. Но положеніе той части, которая не примирялась съ переходомъ въ посполитые, становилось все труднѣе и небезопаснѣе: земли ихъ уже перешли на самомъ законномъ основаніи въ собственность пановъ; семьи ихъ оставались на украинской территоріи въ полномъ распоряженіи пановъ и старость, которые всегда имѣли возможность

выместить на нихъ свое неудовольствіе; а въ то же время промысловый трудъ, рыбная и звѣриная ловли,—въ связи съ большимъ рискомъ пребыванія въ дикой степи,—не представляли большой привлекательности, особенно, если онъ не пополнялся сухопутными или морскими экспедиціями на сосѣднія территоріи. Недовольство и склонность ко всякаго рода крайностямъ, туманившимъ головы надеждой на какой-нибудь выходъ изъ неопредѣленности, были естественной стихіей существованія этой массы. Это былъ горючій матеріалъ, готовый вспыхнуть отъ малѣйшей искры. Правительство же, тратя столько энергіи на то, чтобы тушить постоянно вспыхивавшіе пожары, одновременно поддерживало складъ этого матеріала, то-и-дѣло привлекая выписчиковъ въ свои войска. То же дѣлали и украинскіе паны, вербуя отсюда надворные козацкіе отряды, съ которыми они являлись на войну и съ которыми, еще гораздо чаще, вели домашнія войны другъ съ другомъ. Безъ такихъ войнъ на Украинѣ землевладѣльцы даже не умѣли опредѣлить взаимнаго права на землевладѣніе: на техническомъ украинскомъ языкѣ того времени вести такую сосѣдскую войну называлось „граничиться“, т.-е. устанавливать межи, границы владѣній.

Итакъ, какъ ни странно существованіе въ государствѣ массы людей безъ опредѣленнаго общественнаго положенія, безъ опредѣленныхъ правъ и обязанностей, но въ особенныхъ условіяхъ украинской жизни эта аномалія выросла и окрѣпла.

Реестровый козакъ и панскій подданный, крестьянинъ, были тѣми элементами украинской жизни, которые уже улеглись, хотя пока еще и не совсѣмъ прочно, въ государственные кадры; вольный козакъ стоялъ внѣ и постоянными судорогами общественнаго организма давалъ знать о своемъ существованіи. Конечно, всѣ эти три элемента въ данный моментъ еще находились въ извѣстномъ соприкосновеніи, между ними происходилъ взаимный обмѣнъ; тѣмъ не менѣе, могло казаться, что уже дѣло недалекаго будущаго ихъ окончательное обособленіе, которое должно было сопровождаться отмираніемъ элемента, не вмѣщающагося въ государственныя рамки. Но это будущее не наступило.

Послѣ того, какъ реестровые козаки выдали правительству Сулиму, „разорили своевольный коштъ, овладѣли его арматой и сожгли морскіе челны“, Украина въ ближайшіе годы уже не знала спокойствія. Въ средѣ самихъ реестровыхъ, рядовое товариство волновалось противъ правительства и своей старшины. Общее броженіе умовъ все росло. Всѣ недовольные элементы украинской жизни спланивались, чтобы еще разъ сдѣлать вызовъ государству. Произошелъ новый взрывъ, и взрывъ еще небывалой силы.

Къ обычнымъ слухамъ, которыми обыкновенно защищалась атмосфера Украины передъ грозой — слухамъ о разрушеніи и оскверненіи католиками церквей, истребленіи жолнерами козацкихъ женъ и дѣтей и т. п.,—присоединился на этотъ разъ новый, необычайный и многозначительный слухъ о томъ, что новый король Владиславъ IV, такъ благосклонный къ украинскимъ козакамъ, бѣжалъ отъ пановъ изъ Польши въ Литву и ждетъ себѣ помощи отъ украинскаго народа. Вѣрило или нѣтъ этимъ слухамъ Запорожье, но оно было готово къ дѣйствію.

Лѣтомъ 1637 года явился изъ Запорожья на Украину новый самоволь-

ный гетманъ, только-что упомянутый выше, Павло Буть или Павлюкъ. Онъ схватилъ и казнилъ реестровую старшину и началъ дѣйствовать какъ полноправный господинъ Украины; его главнымъ помощникомъ былъ нѣкто Скиданъ. Крайне любопытно, что Павлюкъ, въ качествѣ гетмана украинскаго войска, совсѣмъ не взывалъ къ террору, и въ это время, на самомъ дѣлѣ, мы еще совсѣмъ не наблюдаемъ тѣхъ ужасающихъ проявленій злобы и мести, какія наблюдаемъ десять лѣтъ спустя. Конечно, шляхта волновалась, чувствовала себя на чужой и враждебной территоріи; но Павлюкъ не только не поднималъ подданныхъ противъ пановъ, а, наоборотъ, обращался къ панамъ въ своихъ универсалахъ съ совершенно спокойными увѣщаніями не мѣшать тѣмъ своимъ подданнымъ, которые обращены въ подданство изъ козаковъ, присоединяться къ козацкому войску. Козаковъ же онъ убѣждалъ дѣйствовать заодно съ нимъ, чтобы вмѣстѣ защищать „вѣру христіанскую и золотыя вольности, которыя мы кровью заслужили“.

Но какъ ни старались возставшіе держаться на своемъ условно-легальномъ положеніи, поляки не хотѣли знать этой легальности: наоборотъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше они были склонны трактовать возставшихъ не какъ козаковъ „рыцарскихъ людей“, а какъ взбунтовавшихся хлоповъ, на которыхъ шляхетская честь не позволяетъ смотрѣть какъ на воюющую сторону. Жолѣвскій и Конецпольскій могли въ своихъ частныхъ сношеніяхъ обзывать козаковъ рабами или хлопами; но въ сношеніяхъ официальныхъ они придерживались тѣхъ приемовъ, какими обычно обставлялись отношенія воюющихъ сторонъ. Потоцкій, польскій гетманъ, который осенью явился на Украину во главѣ польскаго войска для усмиренія новаго бунта, иначе смотрѣлъ на дѣло. Къ коронному войску присоединилась часть реестровыхъ козаковъ. Встрѣча враждующихъ сторонъ, сопровождавшаяся тяжелой, упорной, кровопролитной битвой, была подъ Кумейками, и снова лучшее вооруженіе, дисциплина и искусство польскаго войска, съ его иноземными отрядами, взяли верхъ надъ численностью и отчаянной храбростью козаковъ. Козаки отступили къ с. Боровицѣ, укрѣпились здѣсь и продолжали сопротивляться; однако, поляки такъ ихъ стѣснили, что пришлось просить пощады. Козаки должны были выдать Павлюка и его товарищей; только Скиданъ успѣлъ уйти на Запорожье. Посредникомъ въ переговорахъ съ козаками, съ польской стороны, былъ русскій и православный панъ Адамъ Кисель—одинъ изъ послѣднихъ представителей того панства, у котораго, по украинскому выраженію, „русскія кости обросли польскимъ мясомъ“. Онъ ручался, что выданныхъ помилуютъ; но теперь уже брала верхъ та точка зрѣнія, что съ хлопами нечего особенно церемониться, и ихъ казнили въ Варшавѣ. Кизименка, предводителя отдѣльнаго козацкаго отряда, также попавшагося въ руки Потоцкому, послѣдній распорядился казнить той позорной и мучительной казнью, которая позже вошла въ обиходъ обоюдныхъ козацко-польскихъ отношеній,—посадить на колъ.

Козакамъ пересмотрѣннаго и вновь набраннаго шеститысячнаго реестра приказано поодиначкѣ присягнуть на статьяхъ куруковскаго договора. И въ то самое время, какъ происходила эта присяга, т.-е. въ началѣ новаго 1638 г.,

состоялась сеймовая „ординація войска Запорожскаго“. Ординаціею этой уничтожались „на вѣчныя времена все козацкія льготы, доходы, право на само-судъ и на выборъ старшины“. Все участвовавшіе въ бунтѣ обращаются въ хлопоты. Упраздняется должность старшого, т.-е. гетмана, а мѣсто его долженъ замѣнить комиссаръ отъ правительства изъ лицъ шляхетскаго сословія; комиссару подчиняются также назначаемые правительствомъ есаулы и полковники изъ шляхтичей, и только низшіе чины, сотники и атаманы могутъ быть выбираемы самими козаками.

Поляки торжествовали свою побѣду надъ „стоглавою козацкою гидрой“; но она еще далеко не была придушена.

Только-что настала весна, и вскрылись рѣки, какъ снова все пришло въ движеніе. Волненіе открывалось не только на Украинѣ, но и на Волыни, Подолѣ и даже Червонной Руси—всюду по городамъ, монастырямъ и даже дворамъ православныхъ шляхтичей расходились монахи и священники съ званіями. По приглашенію низовцевъ собирались на помощь имъ донцы. Въ апрѣлѣ появился на Украинѣ съ Запорожья, сухимъ путемъ и водою, новый гетманъ Остриинъ, который рѣшился держаться Заднѣпровья, гдѣ происходило самое усиленное броженіе населенія: онъ укрѣпился съ своимъ войскомъ въ Голтвѣ, городѣ кн. Іереміи Вишневецкаго, съ очень выгоднымъ для обороны мѣстоположеніемъ. Коронное войско, въ составъ котораго входили теперь значительная часть реестровыхъ козаковъ и панскіе отряды, не успѣвъ удержатъ Остриина въ стѣни, преслѣдовало его, но понесло подъ Голтвой значительное пораженіе и отступило къ Лубнамъ. Между тѣмъ Остриинъ зналъ, что къ нему идутъ съ разныхъ сторонъ подкрѣпленія, между прочимъ Путивлецъ съ донцами. Онъ послѣдовалъ за короннымъ войскомъ, надѣясь, что подкрѣпленіе присоединится къ нему дорогою, но обманулся въ расчетѣ. При встрѣчѣ съ короннымъ войскомъ Остриину ничего не оставалось, какъ поспѣшно уйти, и такимъ образомъ полякамъ уже нетрудно было справиться съ подоспѣвшимъ тѣмъ временемъ Путивльцемъ. Снова козаки вынуждены были просить прощенія въ такихъ же униженныхъ выраженіяхъ, какъ и подъ Боровицею. Прощеніе было имъ обѣщано подъ условіемъ выдачи предводителей; но послѣ того какъ предводители были выданы, поляки напали врасплохъ на козацкій таборъ и перерѣзали козаковъ, не стѣняясь даннымъ словомъ. Все это происходило въ маѣ. Но въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Остриинъ, усилившись подкрѣпленіями, снова былъ готовъ помѣряться силами съ поляками, но въ битвѣ подъ Жовниномъ былъ разбитъ и скрылся за московскій рубежъ. На мѣсто Остриина козаки выбрали себѣ старшимъ Гуню и продолжали борьбу. Они окопались при впаденіи рѣки Старца въ Днѣпръ въ очень выгодной для себя мѣстности, гдѣ они могли бы очень долго выдерживать нападенія короннаго войска со всей его артиллеріей и постоянно возрастающими силами, если бы не недостатокъ въ свѣстныхъ припасахъ и порохѣ. На выручку окупавшихся явился въ лодкахъ Филоненко съ припасами и подмогой; но ему удалось пробиться черезъ атакующихъ лишь съ большою потерей и въ людяхъ и въ припасахъ. Тогда осажденные убѣдились, что имъ опять-таки ничего не

остається, какъ сдаться на милость польскаго гетмана, который лично руководилъ осадой на Старцѣ.

Въ концѣ того же 1638 года состоялась „заключительная коммиссія съ козаками“ на Масловомъ-Ставѣ. Козаки вынуждены были подчиниться всѣмъ пунктамъ сеймоваго постановленія, изложеннаго выше. Козацкая артиллерія передана была въ завѣдываніе правительственнаго комиссара. Центромъ козацкаго управленія назначенъ былъ Корсунь, такъ какъ Терехтемировъ, тѣмъ временемъ, уже оказался въ рукахъ короннаго стражника Лаца, какъ награда за его труды по усмирению возстаній.

Итакъ, вотъ къ какому положенію приведено было украинское козачество тяжелыми усиліями и жертвами 1637—8 годовъ. Въ козацкомъ званіи или реестрѣ, теперь уже пересмотрѣнномъ и на-ново составленномъ подъ наблюдениемъ агентовъ правительства, было, какъ и раньше, шесть тысячъ. Но изъ старыхъ правъ и вольностей у этихъ шести тысячъ не оставалось уже почти ничего: это была пограничная стража, состоящая въ полномъ распоряженіи короннаго гетмана и назначенной отъ него старшины. Она дѣлилась на шесть полковъ въ связи съ тѣми территоріями, на которыхъ козаки могли исключительно имѣть свою осѣдность. Территоріями этими были староства Бѣлоцерковское, Каневское, Корсунское, Чигиринское, Черкасское, Переяславское. Здѣсь и нигдѣ въ иномъ мѣстѣ—за козаками признавалась земельная собственность „на вѣчномъ и наслѣдственномъ“, т.-е. шляхетскомъ правѣ. Все, не вошедшее въ реестръ, теперь уже неминуемо должно было обратиться въ посполство: въ мѣщанъ ли королевскихъ городовъ, или въ панскихъ подданныхъ. Новые порядки, приводимые въ исполненіе подъ наблюдениемъ агентовъ правительственной власти изъ шляхты, лично заинтересованной въ дѣлѣ, лишали самостоятельное козачество узурпированныхъ—было имъ правъ на существованіе. Конечно, степь, особенно Запорожье, Заднѣпровье, представляла еще достаточно такихъ дикихъ мѣстъ, гдѣ люди могли жить свободно на собственный рискъ и страхъ, но новые порядки не допускали ихъ вмѣшательства въ общій строй гражданской жизни.

Плотина перехватила русло старой вольной украинской жизни и остановила ея теченіе. Кое-какъ началъ дѣйствовать прилаженный на Украинѣ механизмъ того государственнаго и общественнаго строя, который принесла сюда Польша. Но плотина ли оказалась мало устойчивой, сила ли сдерживаемой стихіи слишкомъ великой, только всѣхъ приспособленій, со всей затраченной на нихъ польскимъ государствомъ энергіей, хватило лишь на десять лѣтъ. Все было снесено ужасающей катастрофой 1648 года.

Главные источники: Jablonsky, „Zródła dziejowe“; Кулишъ, „Исторія возсоединенія Руси“; Бобржинскій, „Исторія Польши“; Чистовичъ, „Очеркъ исторіи западно-русской церкви“; Флеровъ, „О западно-русскихъ церковныхъ братствахъ“; Кояловичъ, „Чтенія о церковныхъ западно-русскихъ братствахъ“; Митр. Макарій, „Исторія русской церкви“; „Кіевская Старина“ съ 1882 г.; „Записки науковаго товариства имени Шевченка“; Opowiadaniu historyczne dr. Antoni J.; „Мемуары, относящіяся къ исторіи Южной Руси“; Костомаровъ, „Историческія монографіи и изслѣдованія“; „Архивъ юго-западной Россіи“; „Акты изд. виленской ко-

миссін"; Szasnocha, Karol, „Dziela“; „Жизнь кн. Курбского въ Литвѣ и на Волини“; „Записки Эриха Лясоты“; „Pisma Stanisława Żółkiewskiego“; Иванишевъ, „Собрание сочиненій“; „Историческія пѣсни малорусскаго народа“, Антоновича и Драгоманова; Соловьевъ, „Исторія козачества“; Максимовичъ, „Собрание сочиненій“; „Библиотека иностранныхъ писателей“ (записки Барбара, Контарини и пр.); „Сулимовскій Архивъ“; Lubomirski Tadeusz, ksiąze, „Ludności rolnicza w Polsce od XVI do XVII wieku“; Czacki Tadeusz, „O litewskich i polskich prawach“; „Документы Московскаго Архива“; „Yolumina legum“; Kubala „Szkice historyczne“; Gurski, „Historia piechoty polskiej“; „Historia jazdy polskiej“.

Глава шестая.

Хмельница и Руина.

I.

Украина и козачество—вот къ чему сводится пока южно-русская исторія. Лишь на территоріи воеводствъ Кіевскаго и Брацлавскаго сосредоточивается вниманіе историка, а на территоріи этой оно всецѣло поглощается однимъ общественнымъ элементомъ, который самъ становится въ рѣзкую оппозицію къ государству и беретъ на себя представительство всѣхъ неудовлетворенныхъ интересовъ южно-русской земли. Но жизненный пульсъ, который такъ лихорадочно бьется въ южной Украинѣ, служить лишь показателемъ процесса, развивающагося далеко за ея предѣлами.

Хмельница выяснила съ наглядностью, какая широкая территорія примыкала своими интересами къ козацкой Украинѣ: предѣлъ ея совпадалъ съ этнографическими предѣлами Южной Руси. Та же Хмельница—и съ не меньшею наглядностью—очертила взаимныя отношенія элементовъ, составлявшихъ южно-русское общество.

Конечно, Хмельница лишь положила свои кровавыя зарубки на тѣ черты, которыя уже были отмѣчены и выяснены всѣмъ предыдущимъ. Несмотря на кажущійся хаотическій беспорядокъ, которымъ поражаетъ наблюдателя южно-русская и въ особенности украинская жизнь того времени, къ концу первой половины XVII вѣка основныя черты новаго общественного строя, сформировавшагося подъ культурнымъ воздѣйствіемъ Польскаго государства, уже успѣли сложиться и до извѣстной степени окрѣпнуть даже и на Украинѣ.

Шляхтичъ съ дополняющимъ его хлопомъ—альфа и омега этого новаго строя. Духовенство и мѣщанство—двѣ остальные группы южно-русскаго общества—лишены существеннаго вѣса и значенія. Мѣщанство южно-русскихъ городовъ, большею частью новыхъ, не отдѣляетъ своихъ интересовъ отъ интересовъ козачества: недаромъ современники отмѣчали тотъ фактъ, что въ козацкомъ лагерѣ всегда можно найти ремесленниковъ всякаго рода; мѣщанство старыхъ городовъ, въ родѣ Кіева или городовъ Волыни, не могло не чувство-

вать, какъ трудно процвѣтатъ промышленной или торговой дѣятельности на такой вулканической почвѣ: но оно слишкомъ единодушно и энергично встало на защиту православія, которое находило поддержку въ козацествѣ. Духовенство православнаго обряда—схизматическое, по польской терминологіи—не имѣло или почти не имѣло никакой фактической силы даже и послѣ того, какъ, при вступленіи на престолъ Владислава IV былъ формально произведенъ раздѣлъ епархій, церквей и монастырей между нимъ и духовенствомъ уніатскимъ; симпатіи же его, конечно, лежали всецѣло на сторонѣ козачества. Но духовенство, какъ и мѣщанство, стояло въ сторонѣ отъ того соціальнаго процесса, который непосредственно питалъ собою козацкое движеніе. Двѣ общественныхъ силы—одна дѣятельная, другая страдательная—творили этотъ процессъ: шляхетство и хлопство.

Южно-русское дворянство неудержимо стремилось къ полному сліянію съ дворянствомъ польскимъ. Оно быстро втягивалось въ общую политическую жизнь государства, шумѣло на своихъ провинціальныхъ сеймикахъ, ѣздило на сеймъ въ Варшаву, принимало живое участіе въ политическихъ интригахъ, рокошахъ и конфедераціяхъ. Крупные интересы государства заслонили въ его глазахъ относительно мелкіе интересы родного края; Волынская и Кіевская земли поглощались теперь на-ново Польшею—поглощались въ душахъ и симпатіяхъ ихъ представителей. Понятіе земли отождествилось съ той сословной группой, которая дѣлила между собой обладаніе этой землею; и южно-русское дворянство быстро усвоило себѣ искусство польскаго шляхетства употреблять свое политическое вліяніе лишь на пользу своего сословія и отдѣльныхъ его представителей, къ ущербу и стѣсненію остальныхъ общественныхъ элементовъ. Естественно, что процессъ денационализаціи южно-русскаго дворянства шелъ съ поразительною быстротою. Кидая вмѣстѣ съ одеждою, бытовую обстановкою и языкомъ вишній обликъ русскаго человѣка, оно одновременно разставалось легко и съ своимъ традиціоннымъ міровоззрѣніемъ, служившимъ подъ инымъ культурнымъ вліяніемъ—разставалось сначала для религіознаго раціонализма, а затѣмъ уже всецѣло для католицизма. Къ половинѣ XVII вѣка ополченіе дворянъ еще не завершилось; среди южно-русскихъ дворянъ, и преимущественно болѣе мелкихъ, еще оставались такіе, которые, вмѣстѣ съ дворянствомъ западно-русскимъ, поддерживали православныя братства, представляли собою интересы православія на сеймахъ, хлопотали о поддержаніи признанныхъ Люблинскою уніей правъ русскаго языка, какъ официальнаго языка соединенныхъ южно-русскихъ воеводствъ. Но слишкомъ ясно было, куда направляется теченіе: ряды этихъ послѣднихъ могиканъ все рѣдѣли, и являлось лишь вопросомъ времени, когда эти ряды должны были совсѣмъ разсѣяться и исчезнуть. Хмельницина лишь ускорила то, что не затянулось бы и безъ нея.

Да оно и не могло быть иначе. Подъ поверхностью, на которой происходили эти явленія, совершался тотъ глубокий соціально-экономическій процессъ, съ главными чертами котораго мы уже познакомились выше. Онъ объединялъ въ общую группу всѣхъ землевладѣльцевъ, враждебнопротивопоставляя эту группу земледѣльцамъ. Земледѣлецъ превращался въ хлопа, его земля въ

волоку; на развалинахъ свободнаго крестьянскаго хутора возникалъ панскій фольваркъ съ барщиннымъ трудомъ, продукты котораго шли на рынокъ и обращались въ деньги: вотъ схема новыхъ хозяйственныхъ отношеній. Отношенія эти уже вполне водворились на земляхъ стараго заселенія. Теперь они завладѣваютъ и Украиной. Первая четверть XVII вѣка—та эпоха, когда новый хозяйственный строй развивается на Украинѣ съ необычайною быстрою и силою. Это было время Сагайдачнаго, вообще то мирное время, когда козачество, послѣ первыхъ попытокъ насильственной оппозиціи съ Косинскимъ и Наливайкомъ, пыталось найти *modus vivendi* въ какомъ-нибудь компромиссѣ. Десятилѣтіе козацкихъ волненій двадцатыхъ—тридцатыхъ годовъ задержало-было на нѣкоторое время это хозяйственное превращеніе Украины. Но подавленіе возстанія соединенными силами мѣстнаго дворянства и Польскаго государства снова открыло гладкое поле для дальнѣйшаго движенія въ томъ же направленіи. И, такимъ образомъ, слѣдующее десятилѣтіе, до роковаго 48-го года, опять представляетъ оживленную картину хозяйственнаго развитія Украины, за блестящими результатами котораго незамѣтно было, во что она обходится народной массѣ,—незамѣтно было до тѣхъ поръ, пока социальная катастрофа не раскрыла глазъ на эту закулисную сторону дѣла.

Какъ увеличались за это время населеніе Украины и число населенныхъ мѣстъ — объ этомъ уже была рѣчь выше; особенно поразителенъ ростъ городскихъ поселеній, хотя эти города и не представляли собою почти ничего спеціально городского, кромѣ городскихъ стѣнъ. Весь этотъ приростъ населенія относится почти цѣликомъ къ частнымъ владѣніямъ: магнаты, мѣстные русскіе и пришлые польскіе, тратили свои богатства на захватъ неистощимыхъ ресурсовъ украинской почвы подъ охраной воздвигаемыхъ ими городовъ и городковъ или мѣстечекъ, замковъ и замочковъ. Для привлеченія населенія они не жалѣли льготныхъ сроковъ „слободъ“. Но какъ ни продолжительны были эти льготные сроки, а все-таки имъ приходилъ конецъ; и есть основаніе думать, что ко временамъ Хмельницыны изжиты были огромнымъ большинствомъ украинскаго населенія уже эти сроки. Такимъ образомъ, украинская масса, съ присоединеніемъ и козацкихъ выписчиковъ, перешла на крѣпостное положеніе. Теперь уже могла и на Украинѣ водвориться фольварочная система, выгоды которой были такъ хорошо извѣстны панамъ; надо думать, что особенно благопріятенъ ея распространенію былъ промежутокъ времени между подавленіемъ послѣднихъ козацкихъ волненій и Хмельщиной. Къ сожалѣнію, отсутствіе точныхъ цифровыхъ данныхъ позволяетъ намъ говорить объ этомъ лишь предположительно. Но всѣмъ доказательствомъ въ пользу такого предположенія служить усиленіе хлѣбной торговли. Въ то время, какъ Украина отпускала раньше лишь продукты промысловаго труда, теперь она начинаетъ отпускать въ Данцигъ хлѣбъ; одновременно сильно возрастаетъ число мельницъ. Трудно допустить, чтобы этотъ хлѣбъ,—на доставку котораго паны составляютъ контракты съ данцигскими купцами, къ перевозу котораго употребляютъ трудъ цѣлыхъ деревень, освобожденныхъ отъ всякихъ иныхъ повинностей,—чтобъ этотъ хлѣбъ выращивался не барщиннымъ трудомъ на фольва-

рочною полѣ. Во всякомъ случаѣ, мы имѣемъ несомнѣнные данныя изъ инвентарей панскихъ имѣній, свидѣтельствующія, что въ первой четверти XVII в., передъ десятилѣтіемъ козацкихъ волненій, барщинный трудъ уже игралъ большую роль въ повинностяхъ крестьянъ Кіевского Полѣся и, слѣдовательно, уже перебрался изъ сосѣдней Волыни на территорію Украины.

Измѣненіе хозяйственныхъ условій украинской жизни привлекало на Украину евреевъ все въ большемъ и большемъ числѣ. Сначала они кутятся только въ Кіевѣ и другихъ городахъ края, обходя какъ-то, къ большому огорченію и вѣчнымъ жалобамъ мѣстнаго мѣщанства, ограничительные законы. Въ частныхъ имѣніяхъ земли Волынской, въ особенности въ той ея части, которая составляетъ владѣнія князей Острожскихъ, они селятся еще въ XVI вѣкѣ. Съ начала XVII вѣка они появляются на Украинѣ по частнымъ имѣніямъ и староствамъ, быстро и успѣшно приспособляясь къ ея условіямъ. Евреи занимаются торговлею, производствомъ поташа и селитры, корчмарствомъ и всякаго рода арендою. Мало-по-малу, они захватываютъ въ свои руки всѣ виды посредничества между паномъ и подданнымъ,—что было на Украинѣ особенно удобно: въ украинскихъ латифундіяхъ владѣльцы не могли стоять въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ своимъ поданнымъ. Ихъ умѣнье извлекать доходъ и все обращать въ деньги такъ краснорѣчиво говорило за себя, что даже старосты передавали евреямъ управленіе староствами, предпочитая получать годовые доходы и проживать ихъ въ Варшавѣ. Легко понять, какъ увеличивалось общественное зло этимъ посредничествомъ людей, не связанныхъ съ народною массою никакою живою нитью взаимнаго пониманія и сочувствія. Подавленіе козацкихъ возстаній развязало руки хищничеству, и жгучая ненависть къ „жиду“, какъ бы втравленная съ тѣхъ поръ въ душу украинца, показываетъ, какъ умѣло воспользовались евреи выгодами положенія.

Въ данныхъ условіяхъ жизни общественная катастрофа была неизбежна для Южной Руси,—такъ смотритъ на дѣло историкъ. Но не такъ понимали свое положеніе современники. Наканунѣ Хмельницыны еще никто не думалъ о ея возможности ни въ томъ, ни въ другомъ лагерѣ. Паны русскаго и польскаго происхожденія съ евреями, которые успѣли сдѣлаться имъ необходимыми, твердо вѣрили въ завтрашній день, наполняя всяческимъ добромъ свои храмины и житницы, не тревожимые уже теперь татарскими набѣгами, которые становились все рѣже. Народная масса, съ своимъ невѣжественнымъ духовенствомъ, была спокойна, не показывая никакихъ признаковъ недовольства. Реестровые или городовые козаки дорожили тѣми личными и имущественными льготами, которыя выдвигали ихъ изъ рядовъ народной массы—и, по видимому, вовсе не были склонны рисковать своимъ положеніемъ. На Низу, конечно, происходило вѣчное броженіе, но вѣдь тамъ былъ всякій сбродъ, для удержанія котораго отъ вмѣшательства въ правильное теченіе государственной жизни былъ снова отстроенъ Кодакъ, и содержалось на Украинѣ кварцаное войско. И если справедливо, что никто не ожидалъ катастрофы, то, конечно, не больше другихъ ждалъ и желалъ ее тотъ, на кого обстоятельства возложили поистинѣ провиденціальную роль—самъ Богданъ Хмельницкій.

Въ 1648 году, т.-е. въ годъ катастрофы, чигиринскому сотнику Хмельницкому было уже подъ пятьдесятъ лѣтъ. Въ эти годы человекъ, обыкновенно,

Богданъ Хмельницкій

Портретъ-апотеозъ гетмана Богдана Хмельницкаго.

выясняется и для самого себя и для окружающихъ. Повидимому, вся тяжелая и длительная эпоха козацкихъ волненій 20—30-хъ годовъ прошла передъ его глазами; доказательствомъ его близости къ театру совершающихся событій

лишь они могли своими задирательными морскими набѣгами возбудить гнѣвъ турокъ и сдѣлать желанную войну неизбѣжной для Польши.

И вотъ Владиславъ входитъ въ тайныя сношенія съ нѣкоторыми лицами изъ козацкой старшины, въ томъ числѣ и съ Богданомъ Хмельницкимъ. Фактъ этихъ сношеній выясненъ достоверно; въ результатъ ихъ оказался въ рукахъ старшины какой-то документъ, грамота или привилегія, разрѣшавшая козакамъ строить снова морскіе челны и увеличить реестръ до двѣнадцати тысячъ. Надо полагать, что такимъ разрѣшеніемъ и ограничивалась вся эта конспирація короля съ козаками. Но какъ ни скромна была эта почва, а на ней легко могли вырасти самые фантастическіе предположенія и слухи, особенно на Украинѣ, столь стѣсненной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, столь полной живыхъ воспоминаній и представленій о самой неограниченной волѣ. Возбужденное воображеніе массы не довольствовалось слухами о томъ, что „окрестные короли велятъ Польскому королю Нѣпръ отпереть“—какъ сообщалъ печерскій архимандритъ въ Москву; быстро сложилась и завладѣла умами легенда о томъ, что король есть врагъ пановъ, которые хотятъ его погубить, такъ что онъ вынужденъ бѣжать въ Литву и ждать помощи отъ украинскаго народа. Если эта легенда могла найти довѣріе къ себѣ лишь у темной массы, незнакомой съ настоящимъ положеніемъ дѣла въ высокихъ политическихъ сферахъ, то и между самыми свѣдущими современниками передавался, напримѣръ, рассказъ о томъ, что король на жалобу Хмельницкаго объ обидѣ и несправедливости сказалъ: „*Vel non habes frameam, stupide*“ (развѣ у тебя нѣтъ сабли, глупецъ).

Немного надо было, чтобы поднять Украину. И чигиринскій сотникъ рѣшился взять на себя это. Не только оскорбленный и ограбленный, но и преслѣдуемый по подозрѣнію въ противогосударственныхъ замыслахъ, Хмельницкій, въ концѣ 47 года, бѣжалъ на Низъ, гдѣ такъ легко было всякому укрыться отъ руки карающаго закона. Полное сочувствіе и содѣйствіе низовцевъ было ему вполне обезпечено. На Запорожьи всегда знали, что дѣлается у крымскихъ сосѣдей. Но въ Крыму было въ то время настроеніе, крайне враждебное Польшѣ: правящій классъ былъ раздраженъ тѣмъ, что ему не были присланы обычные „упоминки“, чернь страдала отъ голода вслѣдствіе неурожая травъ и падежа скота и потому крайне нуждалась въ набѣгахъ, чтобы поживиться чѣмъ-нибудь у сосѣдей. Хмельницкому нетрудно было понять выгоды, какія можно было извлечь изъ такого положенія дѣлъ. Козачество, въ своихъ столкновеніяхъ съ государствомъ, и прежде не разъ думало о союзѣ съ Крымомъ; но не было тѣхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, при которыхъ могъ бы осуществиться этотъ союзъ. Теперь эти обстоятельства были на-лицо, Хмельницкій поѣхалъ въ Крымъ и вернулся обезпеченный помощью: глава Перекопской орды Тугай-Бей прикочевалъ къ предѣламъ Украины и готовъ былъ, по первому знаку, присоединиться къ козакамъ. Въ ожиданіи удобнаго момента для начала дѣйствій, Хмельницкій съ своими сторонниками, частью изъ низовцевъ, частью изъ бѣжавшихъ украинцевъ, укрѣпился на островѣ Будакъ или Днѣпровскомъ. Надо думать, что еще оттуда разсылалъ онъ по Украинѣ свои зазывные листы, которые, къ сожалѣнію, не дошли до насъ въ подлинникѣ—

гдѣ онъ, обращаясь, главнымъ образомъ, къ реестровымъ козакамъ, призывалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ возстанію и селянъ.

На Украинѣ, однако, пока все было тихо, но той тишиной, въ которой опытные мѣстные люди ясно осущали приближающуюся грозу. Украинское шляхетство, урядники и владѣльцы усиленно просили великаго гетмана, должность котораго, за смертью Конецпольскаго, исправлялъ Потоцкій—послѣпить въ Приднѣпровье. Дѣлали и сами что могли: стягивали свои надворные отряды, забирали оружіе въ замкахъ, чтобы имъ не завладѣли мятежники, обезоруживали подданныхъ—одинъ Вишневецкій отобралъ въ своей Либенщинѣ у крестьянъ нѣсколько тысячъ самопаловъ, то же дѣлали и другіе. Всѣмъ было ясно, что каждый городъ, каждая деревня поднимется, лишь только покажутся желанные гости съ Низу.

Можно сказать съ увѣренностью, что бѣда на этотъ разъ не застала мѣстные власти врасплохъ неподготовленными. Уже въ началѣ новаго, т.-е. 48-го года, Потоцкій былъ на Украинѣ и разсылалъ универсалы съ предостереженіями и угрозами. Онъ стянулъ съ зимнихъ квартиръ къ Днѣпру кварцанное войско; въ распоряженіи его находились реестровые козаки, которые пока выражали полную преданность правительству; къ нему явились нѣкоторые крупные украинскіе магнаты съ значительными отрядами. Потоцкій находился въ Черкассахъ, а польный гетманъ Калиновскій въ Корсуни: въ общей сложности у нихъ было, повидимому, больше тридцати тысячъ войска. Переговаривались съ Хмельницкимъ, переписывались съ королемъ, который былъ рѣшительно противъ всякихъ крайнихъ мѣръ по отношенію къ козакамъ, — и ждали, пока пройдетъ Свѣтлый праздникъ, и установится весна.

Лишь презрѣніемъ къ хлопамъ и хлопской войнѣ, которое воспитали въ себѣ Потоцкій и русскіе магнаты, можно объяснить то, что они рѣшились отдѣлать отъ войска и выслать навстрѣчу неизвѣстному врагу два отряда,—одинъ сухопутемъ, другой Днѣпромъ. Хмельницкій, между тѣмъ, съ татарами, которые, не соединяясь, подвигались за нимъ на нѣкоторомъ разстояніи, обошелъ Кодакъ и, приблизившись къ устьямъ р. Тясмини, въ концѣ апрѣля, сталъ таборомъ при урочищѣ Жовти-Воды. Рѣчной отрядъ состоялъ изъ реестровыхъ козаковъ со своей старшиной и нѣмецкой пѣхотой. Онъ долженъ былъ идти на одной параллели съ отрядомъ сухопутнымъ, но, благодаря быстротѣ теченія, успѣлъ далеко его опередить. 4-го мая, у Каменнаго Затона, реестровые козаки, плывшіе на байдакахъ, взбунтовались, собрали „черную раду“, перебили полковниковъ и старшину—кто извѣстенъ былъ своею преданностью правительству—и отправились въ лагерь Хмельницкаго. А, между тѣмъ, сухопутный отрядъ, въ которомъ были лучшія силы войска, тоже приблизился къ Жовтимъ-Водамъ. Произошла встрѣча враговъ, тотчасъ же обнаружившая, какъ плохи были шансы смѣльчаковъ, зашедшихъ въ степь на розыски непріятеля: вслѣдъ за козаками рѣчного отряда стали перебѣгать къ Хмельницкому и русскіе драгуны изъ отряда сухопутнаго; а, главное, пришлось убѣдиться въ томъ, „чего никому и не снилось въ польскомъ лагерѣ“, что съ Хмельницкимъ стоятъ татары; начались переговоры. Въ результатѣ

этихъ переговоровъ польское войско выдало пушки и отправилось назадъ. Но лишь только оно тронулось въ обратный путь, какъ 8-го мая, при урочищѣ Княжихъ Байракахъ, его нагнали татары, окружили и при помощи козаковъ, которые, зашедши впередъ, испортили дорогу, частью перебили, частью взяли въ плѣнъ. Въ главномъ лагерѣ, между тѣмъ, нѣсколько дней еще не подозрѣвали о случившейся бѣдѣ,—не тотчасъ повѣрили и послѣ того, какъ получили первыя вѣсти. Но когда все-таки пришлось повѣрить, начался страшный безпорядокъ, главнымъ источникомъ котораго были, конечно, распри между гетманами короннымъ и польнымъ. Наконецъ, рѣшили отступить къ Корсуню (на рѣкѣ Роси), истребивъ всѣ населенныя мѣста территоріи. Но лишь только польское войско успѣло наскоро окопаться между Корсунемъ и Стеблевымъ, какъ явился Хмельницкій съ татарами: русскіе изъ польскаго лагеря начали перебѣгать къ Хмельницкому, туда же сходились со всѣхъ сторонъ окрестные люди и свозились съѣстные припасы; между тѣмъ, распространился слухъ, что самъ крымскій ханъ съ ордой приближается на помощь козакамъ. По настоянію Потоцкаго, войско стало отступать дальше, вглубь страны, къ западу. Но собственная ли неосмотрительность и незнаніе мѣстности, или, можетъ-быть, измѣна и хитрость врага завели войско въ какія-то лѣсныя трупцы, загроможденныя нарочно поваленными деревьями, съ болотами и рвами: здѣсь польское войско было окружено врагами и потерпѣло полнѣйшее пораженіе. Много было убитыхъ, но еще больше взятыхъ въ плѣнъ, въ томъ числѣ и оба гетмана. Все это была татарская добыча—вознагражденіе за помощь. Корсунская битва произошла въ половинѣ мая, въ концѣ мая Хмельницкій уже стоялъ со своимъ войскомъ подъ Бѣлою-Церковью. А, между тѣмъ, пришла на Украину и облетѣла ее съ быстротой молніи вѣсть о томъ, что король, покровитель козачества и украинскаго народа, умеръ и, конечно, какъ думала масса, умеръ не безъ содѣйствія шляхты.

Въ теченіе какихъ-нибудь двухъ-трехъ недѣль видъ Украины измѣнился какъ въ фееріи. Ни войска, ни короля; единственной опорой государственнаго режима оставалось нѣсколько небольшихъ гарнизоновъ, запертыхъ по крѣпкимъ украинскимъ замкамъ, да Іеремія Вишневецкій, который собралъ на Задніпровьѣ изъ своихъ владѣній до восьми тысячъ мелкой шляхты. Хлопство почувствовало, что ярмо ослабѣло, и тотчасъ же сбросило его совсѣмъ: Хмельницкій звалъ къ себѣ въ таборъ подъ Бѣлую-Церковь всякаго, кто способенъ къ войнѣ, и украинскій хлопъ, съ дѣтства приученный къ оружію, тотчасъ почувствовалъ, что онъ рожденъ козакомъ, а не подданнымъ. Владѣльцы и всѣ, кто пользовался ихъ доходами отъ подданства, т.-е. мелкая шляхта, какъ панская кліентела, и евреи, спасались бѣгствомъ за стѣны ближайшихъ замковъ или во внутреннія провинціи; всякій хлопъ сразу обратился во врага, всякая громада въ непріятельскій отрядъ. Народъ принялся очищать Украину путемъ поголовнаго избіенія всѣхъ шляхтичей, католиковъ и евреевъ. Всюду складывались отдѣльныя купы, которыя, по мѣрѣ надобности, соединялись въ большіе отряды или „загоны“, съ опытными и энергичными предводителями,—и дѣлали свое страшное дѣло. Города и укрѣпленныя мѣстечки, большею

частью, сами открывали ворота: русское и православное мѣщанство не только всюду готово было передать въ руки истребителей укрывшихся за городскими стѣнами шляхтичей и евреевъ, но и само принимало участіе въ очищеніи. Немногіе укрѣпленные пункты приходилось брать силою, конечно, при содѣйствіи тѣхъ же мѣщанъ. Такъ, взяты были отдѣльными загонами Тульчинъ, Ладыжинъ, Бершава, Винница, Брацлавъ, Красное, Полонное, Немировъ, Межириць, наконецъ, сильно укрѣпленный Баръ; а въ Задніпровьѣ—Гомель, Стародубъ, Новгородъ-Сѣверскій, Черниговъ, Лоевъ, Любечъ, Остеръ. Тутъ-то, по преимуществу,—въ раздраженіи отъ сопротивленія и понесенныхъ жертвъ, въ опьянѣніи успѣха,—и разыгрывались тѣ звѣрскія сцены, самое описаніе которыхъ потрясаетъ душу негодованіемъ и скорбью за человѣка. Но при оцѣнкѣ этихъ ужасовъ—буде они подлежатъ оцѣнкѣ—мы не имѣемъ права забывать, что крайнія проявленія человѣческой злобы направлены были здѣсь темною массою противъ просвѣщеннаго класса, который воспользовался своимъ просвѣщеніемъ, чтобы придать утонченную форму такой чудовищной мысли, глубоко противной вѣсѣмъ завѣтамъ христіанской культуры: „rustica gens optima flens pessima ridens“ (сельскій людъ лучше, когда плачетъ, хуже когда смѣется). Мудреное ли дѣло, что украинскій *gens rustica* лаконически отвѣтилъ на своемъ простонародномъ діалектѣ такимъ дьявольскимъ сарказмомъ: „Шляхтичъ та жидъ тильки печені добрі“. Да и теперь, на самомъ театрѣ событій, противная сторона не теряла случая платить „рієкнути за надобне“. Горькой правдой звучали слова Хмельницкаго, который, отвѣчая на обвиненія въ жестокостяхъ, допущенныхъ Кривоносомъ, начальникомъ одного изъ загонъ, указывалъ на пущія жестокости, которыя позволялъ себѣ Іеремія Вишневецкій, иронически подчеркивая, что Кривоносъ и Вишневецкій совсѣмъ два разныхъ лица, и что трудно предъявлять требованія къ какому-то простецу Кривоносу, разъ ихъ не выдерживаетъ культурный Вишневецкій.

Дѣйствительно, Іеремія Вишневецкій, воевода русскій, сдѣлавъ, со своей стороны, все, что могъ, чтобы усилить трагическій колоритъ 48-го года. Человѣкъ выдающейся энергіи и военныхъ дарованій, онъ очутился послѣ Корсунской битвы единственной опорой власти на Украинѣ. Сдѣлавъ все, что могъ, для подавленія народнаго волненія въ Задніпровьѣ, онъ со своимъ отрядомъ подъ Любечемъ перешелъ Днѣпръ и черезъ Кіевское Полѣсье и Житомиръ врѣзался въ самую глубину степной Украины,—туда, гдѣ наисильнѣе бушевала буря народной ненависти. Свой путь онъ отмѣчалъ нечеловѣческими жестокостями: онъ былъ убѣжденъ, что ужасъ—единственное чувство, которымъ должно дѣйствовать на презрѣнныхъ хлопъ. И, дѣйствительно, онъ добился того, что самое его имя „Ярема“ возбуждало на Украинѣ трепетъ. Его военныя способности доставили ему, несмотря на малочисленность отряда, побѣду надъ встрѣчными загонами; онъ выдержалъ столкновеніе съ самимъ Кривоносомъ, который стоялъ во главѣ очень сильнаго загона, сложившагося изъ нѣсколькихъ отдѣльных отрядовъ. Но все, чего онъ могъ достигнуть, это—пробрѣсть къ западнымъ предѣламъ Украины.

Въ нѣсколько недѣль, слѣдующихъ за Корсунскимъ пораженіемъ, Украина

была очищена. Всѣ, кто не успѣлъ убѣжать, были немилосердно избиты. За одно съ шляхтой польской гибла и шляхта русская, православная, кой-кто лишь спасся по монастырямъ, особенно въ монастырѣ Кіево-Печерскомъ. Число жертвъ этой категоріи нельзя опредѣлить даже и приблизительно, по полному отсутствію данныхъ. Но еврейскіе писатели, которые составили описаніе бѣдствій своего народа въ эту тяжелую для нихъ годину украинской соціальной революціи, отмѣченную даже до сихъ поръ въ еврейскомъ календарѣ однимъ днемъ скорби, указываютъ такія цифры: погибшихъ евреевъ при взятіи Немирова—6000, Тульчина и Бара—по 2000, Полоннаго—10000, въ общей сложности до 250000 въ 300 кагалахъ. Теперь, когда вырвались на свободу всѣ страсти, заявилъ себя и религіозный фанатизмъ, до тѣхъ поръ, повидимому, совсѣмъ чуждый душѣ украинскаго народа; очевидно, его успѣли развить въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій унія и іезуитско-католическое вліяніе. Католическій монахъ съ жидомъ подвергался утонченнымъ истязаніямъ; синагоги или школы и костелы съ католической святыней осквернялись и истреблялись безъ пощады. Уже въ первой половинѣ лѣта 1648 года были очищены воеводства Кіевское, Черниговское, Брацлавское и восточная часть Подольскаго. Взятъ былъ послѣ долгой осады и крѣпкій Кодакскій замокъ. На всей этой громадной территоріи оставался во власти государства одинъ единственный замокъ, неприступный Каменецъ-Подольскій, гдѣ задержалась крупица польско-католическаго элемента. Въ августѣ волненіе передалось на Волинь; началось очищеніе и здѣсь. Отдѣльные козацкіе отряды взяли Кременецъ, Луцкъ, Острогъ, Владиміръ, Заславъ и т. п., конечно, съ содѣйствіемъ православныхъ мѣщанъ; тѣ же сцены поголовнаго избіенія и всякихъ ужасовъ сопровождали возстаніе Волини.

А, между тѣмъ, Хмельницкій все стоялъ подъ Бѣлой-Церковью. Конечно, онъ зналъ обо всемъ, что совершалось, и, тѣмъ не менѣе, все совершалось помимо его. Онъ могъ управлять событіями не больше того, какъ можетъ управлять рулевой челномъ, уносимымъ мощнымъ теченіемъ. Событія были ему благопріятны; поднявшіеся хлопы стекались къ нему, и онъ организовалъ изъ нихъ сильное войско, безъ котораго не могъ обойтись; возстаніе хлоповъ ломало панскую силу, на которой держался весь старый режимъ, враждебный козачеству, а, слѣдовательно, и самому Хмельницкому. И въ то же время Хмельницкій совсѣмъ не желалъ и не могъ желать кореннаго истребленія шляхетства, водвореніе на мѣстѣ шляхетскаго землевладѣнія, на которомъ держался данный строй, землевладѣнія хлопскаго: это было противно всѣмъ его понятіямъ о людскихъ отношеніяхъ, какъ было противно понятіямъ всякаго другого, причастнаго культурѣ, человѣка того времени. Больше того: въ данный моментъ Хмельницкій совсѣмъ не желалъ доводить дѣло до разрыва съ Польшей.

Стоя подъ Бѣлою-Церковью, Хмельницкій сносится съ Варшавою въ самомъ почтительномъ тонѣ, дѣлая объясненія и оправданія своимъ поступкамъ. Его требованія—если это можно назвать требованіями—болѣе чѣмъ умеренны, не выходятъ за предѣлы того, чѣмъ козацкое войско пользовалось до послѣднихъ ограниченій. Временное польское правительство принимало козацкую

депутацию съ ея инструкціями и жалобами, назначало комиссіи для улаженія недоразумѣній во главѣ съ брацлавскимъ воеводой Киселемъ, который, благодаря своему православію, выдвигался какъ естественный посредникъ въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ; но въ то же время обѣ стороны слишкомъ ясно понимали, что среди той общей бури, которая свирѣпствовала по всему краю, нѣтъ мѣста для мирныхъ соглашеній. Хмельницкій велъ переговоры съ Крымомъ и новой помощи; Польша созывала на Посполитое рушеніе шляхту угрожаемыхъ земель и вообще стягивала къ западнымъ предѣламъ Украины свои военные силы.

Но въ Польшѣ было междуцарствіе, и какъ результатъ его—безголовье. Только полнымъ разбродомъ умовъ можно объяснить то, что начальство надъ войскомъ поручено было не Вишневецкому, тому „Яремъ“, который козаковъ, по ихъ собственному сознанию, „якъ бѣе тай бѣе“, а ничтожному триумвирату изъ мѣстныхъ русскихъ магнатовъ съ дополненіемъ изъ 26 комиссаровъ. „Дурні ляхи—выправили перину, дитину, латину“, говорили козаки, насмѣхаясь надъ изнѣженностью и лѣнью Заславскаго, молодостью Конецпольскаго и ученостью Остророга. Войска эти сбѣгались подъ Гдинянами, недалеко отъ Львова, и затѣмъ расположились лагеремъ подъ Константиновымъ, ожидая дальнѣйшихъ распоряженій своего многоголового начальства, которое терялось въ хаосѣ противорѣчивыхъ соображеній.

Хмельницкому же его положеніе было ясно: надо было загородить врагамъ дорогу на Украину. Онъ двигается навстрѣчу, усиленно призывая черезъ своего сына Тимоша на помощь татаръ и стягивая къ себѣ загоны: къ нему присоединился Кривонозъ послѣ неудачной осады Каменца, Лисенко со своими страшными „вовгурівцями“ Нечай и Морозенко, имена которыхъ прославлены народомъ въ думахъ и пр.

Огромное войско Хмельницкаго состояло преимущественно изъ хлоповъ, меньшее по численности, но также очень значительное—до ста тысячъ, какъ говорятъ свидѣтели-современники—польское войско представляло собою почти исключительно шляхту, которая, повидимому, хотѣла импонировать хлопству своей блестящей виѣшностью. По крайней мѣрѣ, всѣ современники обоихъ лагерей указываютъ на множество дорогихъ вещей, дорогую одежду, оружіе, посуду и разныя принадлежности домашняго комфорта, привезенныхъ поляками болѣе чѣмъ на двухъ тысячахъ возахъ. Тѣмъ болѣе поразительный эффектъ произвелъ Пилявецкій скандалъ, потому что другимъ словомъ нельзя назвать то, что произошло. Войска сошлись подъ Пилявцами,—мѣстечкомъ надъ рѣчкой Пилявой, и здѣсь 23 сентября, безъ боя, при одной, и то невѣрной, вѣсти о приближеніи татаръ, панское войско кинулось въ неудержимое бѣгство, оставивъ въ рукахъ козацкаго войска всю артиллерію и богатый обозъ. Пилявецкія „донаживы“ долго и широко обращались въ украинскомъ войскѣ. Весь общественный гнѣвъ за обиду и позоръ обрушился на бѣднаго князя Доминика Заславскаго,—но онъ едва ли виноватъ больше, чѣмъ кто-либо другой изъ тѣхъ, кто, будучи званнымъ, но не избраннымъ, взялъ въ руки власть: очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло просто съ патологическимъ случаемъ коллективной нервной заразы.

Какъ бы то ни было, Пилявецкій погромъ открылъ козацкому войску

путь внутрь Польши. Получивъ откупъ съ Львова, Хмельницкій вступилъ на территорію исконной Польши и сталъ подъ Замостьемъ, сильной польской крѣпостью; татары же распустили свои загоны подъ Краковъ, Люблинъ и даже за Вислу—въ глубину Польши. А, между тѣмъ, теперь, когда государство снова было обезоружено, пламя народныхъ волненій хлынуло изъ предѣловъ Украины и Волыни и неудержимой волной разлилось дальше по русскимъ землямъ. Поднялась вся Галицкая Русь, до тѣхъ поръ спокойная: православные мѣщане и крестьяне кинулись, по примѣру украинцевъ, на замки, костелы и панскіе дворы; повторились тѣ же сцены пожаровъ, грабежей и избіеній. Оригинальный характеръ имѣло это движеніе на правомъ Подиѣстровѣ, особенно въ такъ называемомъ Покутьѣ. Здѣсь, вмѣстѣ съ низшимъ классомъ, поднялась и мѣстная, православная и русская, мелкая шляхта и стала во главѣ возставшихъ, образовавъ какъ бы старшину войска, организованнаго по козацкому образцу; главой этого войска былъ нѣкто Семень Высочанъ. Распространились народныя волненія и на Литовскую, такъ называемую Бѣлую Русь, проникая въ нее одновременно изъ Сѣверщины и изъ Волыни.

Шляхетскій „народъ“ Польши былъ охваченъ паникой; казалось, государство на краю гибели; но, къ счастью для него, этой гибели совсѣмъ не хотѣлъ Хмельницкій. Ведя лѣниво осаду Замостья, онъ, повидимому, лишь уступаетъ энергичнымъ настояніямъ окружающихъ; всѣ его интересы сосредоточены на Варшавѣ, на выборѣ новаго короля. „У этихъ хлоповъ ничего не значитъ величіе республики“—говорилъ о Хмельницкомъ и его войскѣ Кисель, который считался у своихъ польскихъ современниковъ экспертомъ по украинскимъ дѣламъ. По словамъ Киселя, казаки говорили: „а що то есть Рѣчь Посполита? Мы сами Рѣчь Посполита, але король—то у насъ панъ. Хмельницкій не хочетъ и знать, будетъ ли Рѣчь Посполитая именовать его гетманомъ; онъ пишется гетманомъ войска его королевскаго величества. Король у нихъ, хлоповъ, что-то божественное“.

Дѣйствительно ли король былъ чѣмъ-то божественнымъ въ глазахъ украинскаго хлопа или козака—дѣло темное, но что Рѣчь Посполитая, т.-е. польская республика, отождествлялась для нихъ съ ненавистной шляхетской олигархіей—это несомнѣнно. Вотъ почему Хмельницкій, посылая изъ-подъ Замостья въ Варшаву свои условія, требуетъ вмѣстѣ съ амністіей, уничтоженіемъ уни, возвращеніемъ отнятыхъ вольностей—и непосредственного подчиненія козацкаго войска королю. Вотъ почему онъ и относится съ такимъ интересомъ къ вопросу объ избраніи короля. Повидимому, онъ пользуется всей силой своего вліянія, чтобы склонить чашу вѣсовъ въ пользу королевича Яна-Казимира. Но когда Янъ-Казимиръ былъ дѣйствительно избранъ, Хмельницкій, якобы повинувся волѣ имъ самимъ поставленнаго монарха, оставляетъ осаду Замостья и мирно отступаетъ со своими полчищами на Украину, къ удивленію и радости поляковъ, къ удивленію и горю украинцевъ. Очевидно, всѣ политическіе виды и планы Хмельницкаго пока еще держались въ предѣлахъ стараго неразрывнаго союза Украины съ Польшей.

Въ послѣднихъ числахъ декабря 1648 года Хмельницкій совершилъ свой

тріумфальний в'їздъ въ Кіевъ. Этотъ моментъ—это былъ кульмінаційный пунктъ всей его эпопеи.. И странное дѣло! Хмельницкій какъ-будто только теперь понялъ, на какую головокружительную высоту онъ былъ вынесенъ вихремъ событий. При звонѣ колоколовъ кіевскихъ церквей, громѣ пушекъ и радостныхъ кликахъ народа, выслушивая привѣтствія митрополита и духовенства, бурсацкіе канты, посвященные восхваленію великаго подвига освобожденія Руси отъ лядской неволи,—Хмельницкій дѣйствительно могъ впервые почувствовать, что онъ не взбунтовавшійся подданный, слуга, порвавшій узы связывавшихъ его обязательствъ, а „гетманъ Божіей милостію, illustrissimus princeps своего народа“. Все сошлось къ тому, чтобы укрѣпить его въ этомъ настроеніи. Народъ, еще не потерпѣвшій разочарованій, слѣпо вѣрилъ въ его звѣзду; іерусалимскій патріархъ Паисій, случайно проѣзжавшій черезъ Кіевъ, отъ лица всей восточной православной церкви освящалъ его положеніе своимъ признаніемъ и благословлялъ его на дальнѣйшій подвигъ; наконецъ—и самое важное—къ Хмельницкому, какъ къ самодержцу, явились послы отъ сосѣднихъ державъ: отъ московскаго царя, турецкаго султана, отъ трансильванскаго князя, отъ господарей Молдавіи и Валахій. Нетрудно повѣрить въ свое значеніе, когда въ него вѣрять все окружающее. И вотъ, когда въ февралѣ явились въ Переяславль къ Хмельницкому польскіе комиссары, съ тѣмъ же Киселемъ во главѣ, они уже не нашли стараго Хмельницкаго, который переговаривался съ Варшавой изъ-подъ Бѣлой-Церкви и потомъ изъ-подъ Замостья. Это былъ уже не тотъ человѣкъ, который, по его собственнымъ словамъ—ихъ передаетъ въ своемъ дневникѣ Войцѣхъ Мясковскій, бывшій въ числѣ членовъ комиссіи,—„воювавъ за свою шкуру та кривду“ и лишь случайно „доказавъ те, обчимъ и не мисливъ“, а человѣкъ, который хочетъ доказать „те, що умисливъ“, который хочетъ воевать „за віру православную нашу“, хочетъ „выбити зъ лядькой неволі народъ руській весь“. Правдоподобно, что въ этихъ словахъ выразилась не зрѣлая мысль, не сложившійся планъ, а просто мечта, вырвавшаяся наружу въ минуту волненія: но уже важно то, что такая мечта была. И мало того: Хмельницкій теперь понималъ, что такая мечта осуществима лишь при участіи посольства, черни, что было равносильно коренному потрясенію польскаго общественнаго строя. Кисель вполне разумно и логично, съ своей точки зрѣнія, доказывалъ Хмельницкому, что онъ долженъ сдѣлать такъ, „чтобы мужики пахали, а воевали одни козаки“. Но Хмельницкій, и безъ всякихъ доказательствъ, самъ ясно понималъ, что это должно быть такъ. Только, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не менѣе ясно понималъ, что если государство справится съ хлопамъ, то вслѣдъ за тѣмъ оно ударитъ и на козаковъ. Понимая это и, вмѣстѣ съ тѣмъ, увлекаясь своимъ новымъ настроеніемъ, онъ готовъ былъ поднять „всю чернь по Люблинъ и Краковъ“, образовать украинское княжество по Холмъ, Львовъ и Галичъ, загнать за Вислу „всіхъ дуківъ и князівъ, щобъ не zostалося на Україні ни одного князя, ни шляхтока“. Но и въ старомъ своемъ, козацкомъ, настроеніи, какъ и въ новомъ, демагогическомъ, Хмельницкій равно становился передъ глухою стѣною неразрѣшимой дилеммы. Логика

жизни не преминула раскрыть тѣ невозможности, которыя пока закрывались свѣтлымъ туманомъ иллюзій.

Какъ бы то ни было, польская комиссія ничего не могла добиться, несмотря на свои широкія полномочія, дипломатическія способности и умъ Адама Киселя, на большую готовность къ уступкамъ. Не чувствовалось почвы, на какой могли бы сойтись стороны, а атмосфера жгучей ненависти, какая окружала на Украинѣ все польское, парализовала самое стремленіе искать этой почвы: даже жизни польскихъ комиссаровъ постоянно угрожала опасность. Съ очевидной цѣлью, лишь какъ-нибудь отдѣлаться отъ комиссіи, Хмельницкій предложилъ такія условія, на какія комиссары могли отвѣтить лишь выраженіемъ недоумѣнія, такъ какъ они выходили совсѣмъ изъ сферы ихъ полномочій: въ родѣ того, напримѣръ, чтобы митрополитъ кіевскій занималъ въ польскомъ сенатѣ первое мѣсто по примасѣ и т. п. Единственно, на чемъ сошлись стороны, это—продолженіе перемирія до Троицына дня, „до травы“.

Тѣмъ временемъ непріятельскія дѣйствія не прекращались ни съ той ни съ другой стороны: кое-гдѣ еще продолжались ужасныя сцены очищенія—такъ бытъ очищенъ въ три дня Кіевъ; польскіе отряды отнимали захваченные уже города, между прочимъ, возвращенъ былъ въ это время государству сильный Баръ. А, между тѣмъ, обѣ стороны усиленно готовились къ новой войнѣ. Сеймъ разрѣшилъ королю созвать общее посполитое рушенъе (земское ополченіе всего государства). Чтобы уничтожить пагубное разногласіе, самъ король сталъ во главѣ войска, такъ что новый тріумвиратъ предводителей изъ Фирлея, Лянскоронскаго и Остророга занималъ подчиненное положеніе. Хмельницкій разсылалъ универсалы, вновь сзывающіе всѣхъ, кто можетъ владѣть оружіемъ, и снова полчища хлоповъ тянулись къ Чигирину; шель на помощь къ Хмельницкому и самъ ханъ Исламъ-Гирей, въ войскѣ котораго, кромѣ горныхъ татаръ, степныхъ ногайцевъ и дикихъ буджаковъ, были кавказскіе горцы-черкесы; шель туда же и отрядъ румелійскихъ турокъ; наконецъ, шли старые пріатели запорожцевъ—донскіе козаки. Все это производило впечатлѣніе какой-то восточной орды, еще разъ двинувшейся на завоеваніе запада. Войска сошлись лишь во второй половинѣ лѣта приблизительно на той же территоріи, что и въ предыдущемъ году. Польское войско, руководимое Іереміей Вишневецкимъ, героически выдержало обложеніе Зборова соединенными силами, украинскими и татарскими. Но когда на выручку Зборова явился король съ шляхтой посполитаго рушенія, то подъ Зборовомъ снова чуть-чуть не повторилась пиливецкая катастрофа. Польское войско было спасено лишь измѣной хана Исламъ-Гирея, которому польское правительство обѣщало выплачивать задержанные „упоминки“. Кромѣ того, въ счетъ уплаты татарамъ дано было секретно согласіе распустить свои загоны по землямъ, черезъ которыя шель ихъ обратный путь—земли эти были исключительно русскія.

Хмельницкій вынужденъ былъ заключить съ польскимъ государствомъ такъ называемый Зборовскій договоръ.

Зборовскимъ договоромъ изъ состава Южной Руси выдѣлялась козацкая Украина, которая должна была заключать въ себѣ территоріи трехъ воеводствъ:

Кіевскаго, Черниговскаго и Брацлавскаго; воеводства Волынское и Подольское оставались, какъ были до возстанія. Лишь изъ состава населенія этой Украины складывалось козацкое войско съ реестромъ въ 40000. Козацкій реестръ могъ пополняться равно живущими на владѣльческихъ земляхъ, какъ и на королевскихъ, которыя теперь становились собственностью козацкаго войска. Весь избытокъ населенія, остающихся за реестромъ, возвращался въ старое званіе—мѣщанское или хлопское: владѣльцы могли вернуться въ свои земли и вступить въ свои права. Такимъ образомъ, на Украинѣ водворялись одновременно два режима: козацкій и шляхетскій. Козацкому войску предоставлено было полное самоуправленіе; во главѣ его стоялъ гетманъ, который имѣлъ свою резиденцію въ Чигиринѣ и подчинялся королю; войско дѣлилось, по территоріямъ, на полки, полки на сотни *)—съ выборными полковниками и сотниками. Но параллельно на той же территоріи оставался и старый шляхетскій режимъ съ той разницей, что всѣ чины и должности, до воеводъ включительно, теперь, по условіямъ Зборовскаго договора, замѣщались лишь православнымъ дворянствомъ: на первый разъ кіевскимъ воеводой назначенъ былъ тотъ же самый Адамъ Кисель. На территорію козацкой Украины не могли вступать коронныя войска, не могли жить евреи, а отцы-иезуиты удалялись со своими школами изъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ были школы русскія; вообще охрана русскихъ школъ была внесена какъ одно изъ условій договора.

Конечно, положеніе козацкой Украины или, точнѣе сказать, украинскаго козачества, сравнительно съ недавнимъ прошлымъ, теперь было блестящее. Если бы козачество могло всецѣло видѣлить свое дѣло изъ общей связи дѣлъ и интересовъ южно-русскаго народа, въ частности хлопства, то оно могло бы быть довольнымъ. Но независимо отъ его хотѣнія или нехотѣнія, такое выдѣленіе было прямой невозможностью. Козацкая Украина была страшна Польшѣ тѣмъ, что за ней стояли остальные русскія земли, на первомъ планѣ Волынь и Подолье, которые Зборовскимъ договоромъ совсѣмъ отрѣзывались отъ Украины и всецѣло передавались снова подъ владычество польскаго права—это во-первыхъ. Во-вторыхъ, несокрушимость козацкой силы коренилась въ питающемъ ее хлопствѣ — „правой рукѣ козачества“, по выраженію самого Хмельницкаго. И вотъ не успѣла козацкая Украина вылучиться на свѣтъ Божій, какъ въ ней обнаружилась страшная трещина.

Войсковые реестры очень растягивались въ козацкомъ толкованіи; кромѣ козацкихъ семей, въ нихъ включались еще козацкіе замѣстители, по два на cadaго козака—конный и пѣшій; такимъ образомъ, число состоящихъ въ войсковомъ реестрѣ должно было въ нѣсколько разъ превышать условенныя сорокъ тысячъ, не говоря уже о томъ, что контролировать дѣйствія гетмана и старшинъ, составлявшихъ реестръ, было невозможно. Но все-таки, несмотря на это, значительная часть людей, уже испробовавшихъ козацкой воли и козац-

*) Всего было 16 полковъ: брацлавскій, уманскій, калыницькій, чигиринскій, корсунскій, черкасскій, каневскій, кіевскій, бѣлоцерковскій—на правомъ берегу, а на лѣвомъ, кропивинскій, переяславскій, прилуцкій, миргородскій, полтавскій, нѣжинскій, черниговскій.

каго хлѣба, должна была оставаться внѣ реестровъ и превратиться въ хлопство. Даже и тому, кто не мечталъ о козачествѣ, а предпочиталъ оставаться хлѣборобомъ, послѣ краткаго періода свободы была невыносима мысль снова сдѣлаться подданнымъ, снова поступить въ „лядскую неволю“.

Люди эти, которые уже порвали со своими обязательствами, могли быть возвращены къ нимъ лишь силою. Но на козацкой Украинѣ не было иной силы, кромѣ козацкой. Козаки должны были отсѣчь свою правую руку, наложить узы на своихъ братьевъ по старой долѣ и недавней волѣ. Было ли все это возможно?

И гетманъ Богданъ въ своемъ Чигиринѣ, среди всѣхъ проявленій могущества и величія, чувствовалъ свое полное безсиліе передъ предстоящей ему задачею: перевести Украину на новое положеніе, т.-е. прежде и главнѣе всего устроить отношенія землевладѣльцевъ къ земледѣльцамъ. Видя безысходность положенія, онъ пытается затянуть дѣло: не разрѣшаетъ возвращенія владѣльцевъ до утвержденія сеймомъ договора, самъ отъ себя не совѣтуетъ шляхтичамъ слѣпить съ возвращеніемъ; тѣмъ временемъ онъ торопится ослабить украинскихъ магнатовъ, особенно ненавистныхъ ему Конецпольскаго и Вишневецкаго, набирая въ реестръ населеніе ихъ имѣній и прямо отбирая у нихъ земли, какъ бывшія королевщины, принадлежащія теперь войску. Но всякой отсрочкѣ наступалъ конецъ, тѣмъ болѣе, что шляхта, вынужденная на бездомное скитальчество, рвалась назадъ, въ свои украинскія мѣстности, и осаждала козацкаго гетмана просьбами о покровительствѣ. Изъ Варшавы была снаряжена коммиссія съ той же цѣлью—водворенія владѣльцевъ: надо было приступить къ развязкѣ. Кое-гдѣ, при первомъ появленіи пановъ, хлопы произвели надъ ними снова кровавую расправу: Хмельницкій, представлявшій въ данный моментъ главу всей исполнительной и судебной власти въ краѣ, вынужденъ былъ, рассматривая эти дѣйствія крестьянъ, какъ преступленія, казнить преступниковъ. Это произвело свое утрашающее дѣйствіе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, возбудило страшное неудовольствіе народное противъ гетмана; на Запорожѣ появился новый гетманъ. Однако, все, чего могъ добиться Хмельницкій своими крутыми мѣрами, это обезпечить личность пановъ отъ насилія; заставить же хлоповъ возвратиться къ старымъ обременительнымъ повинностямъ—было совсѣмъ не въ его власти. Все украинское шляхетство, возвратившееся въ свои имѣнія, находилось „въ рабствѣ“, по выраженію Киселя, у козаковъ и хлоповъ, по той причинѣ, что за нимъ не было никакой фактической силы. Прежде всего, владѣльцы заставляли свои имѣнія, въ значительной степени, пустыми; такъ, напримѣръ, по сохранившимся городскимъ и земскимъ книгамъ житомірскаго повѣта, гдѣ записаны данныя подъ присягою показанія мѣстнаго населенія, изъ ста крестьянскихъ осѣдлостей на панскихъ земляхъ едва насчитывалось жилыхъ 2—4. Можетъ-быть, и не вездѣ было такъ, но вездѣ крестьяне „хотѣли оставаться крестьянами только по имени и не хотѣли платить никакихъ податей. „Козаки же со своими властями, къ которымъ только и могли обращаться шляхтичи за содѣйствіемъ, были для нихъ притаившимся пугаломъ, „шорохъ отъ котораго слышенъ былъ по всей Украинѣ“, „шершнями, которыхъ лучше не дразнить“. Не могла же прибыв-

Кіевскій воевода Адамъ Кисель. † 1653 г.

шая шляхта, въ самомъ дѣлѣ, разсчитывать на то, что козакъ встанетъ съ нагайкой надъ хлопомъ, чтобы погонять его на панцину. Такимъ образомъ, владѣльцы вынуждены были, надѣвая передъ хлопствомъ личину смиренія, передъ козацкимъ урядомъ—лести и подобострастія, добиваться какихъ-нибудь соглашеній съ своими подданными, въ родѣ, напримѣръ, уплаты десятины. Подъ давленіемъ козацкаго уряда, который былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы отношенія какъ-нибудь устроились, хлопы сходились и обсуждали нелегкій вопросъ о томъ, какъ имъ жить съ панями. Въ одномъ мѣстѣ рѣшали дать пану „плугъ волівъ та чотыри мірки солоду; буде з его, абы не вмеръ з голоду“; въ другомъ рѣшали, что надо отдавать панямъ что-нибудь на поклонъ по большимъ праздникамъ и т. п. Никто изъ самыхъ крупныхъ магнатовъ не получалъ ни гроша изъ своихъ огромныхъ маестностей; а менѣ состоятельные шляхтичи сами должны были, чтобы не умереть съ голоду, работать на ряду съ хлопами. Конечно, съ такимъ положеніемъ трудно было примириться: „принимая во вниманіе униженіе, перетерпѣваемое нами въ мирѣ, похажемъ на рабство, лучше попытаться прибѣгнуть къ оружію, нежели имѣть подданныхъ и не владѣть ими“, такъ выражаетъ Кисель въ письмѣ къ королю настроенія и чувства украинскихъ землевладѣльцевъ-шлятичей.

Тяжесть положенія усиливалась общей хозяйственной дезорганизаціей края. Уже два года, какъ поля лежали въ заустѣніи, а земледѣльцы или перековывали свои плуги и рала на копыя, или просто шли на войну съ косами и цѣпами *). Старые запасы были истощены, новыхъ не было. Правда, Московское государство выразило свое сочувствіе единовѣрцамъ тѣмъ, что разрѣшило безплатный вывозъ на Украину хлѣба. Но на приобрѣтеніе хлѣба нужны были деньги, а хотя въ рукахъ украинскаго народа теперь и обращалось много дорогихъ вещей изъ курсунской, и въ особенности шлявечкой добычи, изъ разграбленныхъ имуществъ шляхты, евреевъ и католическихъ святынь, но вещи эти отъ обилія теряли свою цѣнность, повышая соответственно цѣну хлѣба, и быстро уходили къ московскимъ и турецкимъ купцамъ. Въ сосѣдней Бѣлоруссіи, между тѣмъ, оказался неурожай. Обнаружилась сначала дороговизна, а затѣмъ и настоящій голодъ. Народъ выкапывалъ и ѣлъ корни, ѣлъ листья и тащился со всѣхъ сторонъ на Задніпровье и далѣе, въ предѣлы Московскаго государства, надѣясь тамъ найти пропитаніе. Явились и спутники голода, тяжелыя поварыныя болѣзни: отъ моровой язвы 1650 г. „люди падаютъ и лежатъ какъ дрова къ Днѣстру, около Шаргорода и далѣе къ Брацлавлю“,—пишетъ одинъ современникъ. Все это, конечно, не облегчало разрѣшенія той тяжелой задачи, какую задавали условія украинской жизни ея руководителямъ.

Но если украинская сторона имѣла важныя основанія быть недовольной Зборовскимъ договоромъ, то, конечно, еще больше имѣла ихъ сторона польская. Сеймъ, который утверждалъ договоръ, даже не имѣлъ духа выслушать

*) „Одни съ палками, другіе съ косами, съ обожженными косами, съ топорами, цѣпами... О, позоръ! чѣмъ хлопъ билъ скотъ, съ тѣмъ идетъ въ бой“, такъ описываетъ одинъ современный польскій поэтъ Зборовскую битву.

его полностью. Въ атмосферѣ общаго унынія и угнетенія отъ понесеннаго позора раздавались успокоительные голоса духовныхъ руководителей панской совѣсти, которые съ высоты своихъ кафедръ проповѣдывали шляхтѣ, что ей нечего стыдиться пораженія отъ наглаго хлопства, этихъ убійць, проклятыхъ звѣрей, вѣроломныхъ подданныхъ, что въ данномъ случаѣ Господь Богъ поступаетъ такъ, какъ поступилъ бы какой-нибудь „вельможный, который, вздумавши наказать за проступокъ своего сына, для лучшаго вразумленія, не наказываетъ его самъ и не поручаетъ это достойнѣйшему, а кличетъ Стаська или Мацька, подданнаго своего, чтобы при немъ отпоролъ сына; и совсѣмъ это не вредитъ въ глазахъ свѣта наказанному сыну“,—продолжаетъ краснорѣчивый іезуитъ Цюцишевскій,—„потому что Стасекъ, хотя и билъ, все-таки остается по-старому хлопомъ Стасекомъ, а панскій сынъ, хотя и битый, по-старому паномъ и сыномъ панскимъ“. Никакіе договоры съ хлопамъ, по мнѣнію духовнаго отца, ничего не стоятъ, и нечего о нихъ беспокоиться. Успокаиваясь на мысли, что все случившееся есть лишь проявленіе Божьяго гнѣва, который, конечно, не преминетъ обратиться на милость, польское общество готово было видѣть вокругъ себя разныя сверхъестественныя знаменія, предсказывающія поворотъ событій. Всюду обращались многочисленные рассказы о чудесахъ, не возбуждавшіе никакого скептицизма: въ Барѣ днемъ вышла изъ костела процессія мертвецовъ, замученныхъ Кривоносомъ, съ воплями объ отмщеніи; въ Дубнѣ три распятія сами отвернулись отъ своихъ поставахъ отъ востока, козацкой стороны, къ западу и т. д. Конечно, люди такого настроенія не могли искать причинъ зла въ реальныхъ отношеніяхъ или думать объ ихъ улучшеніи. Возвращающіеся въ русскія земли шляхтичи были полны злобныхъ и мстительныхъ чувствъ по отношенію къ своимъ хлопамъ. Тѣ, которые имѣли свои земли на Украинѣ, должны были глубоко прятать эти чувства; но иначе стояло дѣло на Волыни или Подольѣ. Козаки далеко, а коронныя войска близко—это мѣняло положеніе. Конечно, владѣльцы знали, что Зборовскимъ договоромъ обѣщана была всѣмъ полная амнистія, объ осуществленіи которой очень заботился король, что, наконецъ, расчетъ своей собственной выгоды побуждаетъ быть на первый разъ осторожнымъ и сдержаннымъ. Но шляхетская душа такъ рвалась къ мести, что иные владѣльцы забывали все, и въ опьяненіи своей вновь приобрѣтенной власти позволяли себѣ жестокія расправы съ своими хлопамъ. Народъ, несмотря на близость короннаго войска, глухо волновался; болѣе отважные убѣгали и соединялись въ пайки удалцовъ, которыхъ въ Подольѣ называли левенцами, въ Галицкой Руси—опришками. Панскія расправы возбуждали глубокое негодованіе и въ козацкой Украинѣ. Глава Брацлавскаго полка, пограничнаго съ Волынью и Подольемъ, Нечай, человекъ, пользовавшійся большою популярностью, а также уваженіемъ Хмельницкаго, съ которымъ состоялъ въ свойствѣ, не могъ сдерживать негодованія не своего лишь лично, но и подчиненныхъ козаковъ, и позволялъ себѣ нарушать, для защиты хлоповъ, пограничную черту. Между тѣмъ изъ плѣна вернулись Потоцкій и Калиновскій и вступили въ свои гетманскія обязанности съ страстной жаждой смыть позоръ, нанесенный имъ козаками:

оба они стояли съ кварцяннмъ войскомъ на Подольѣ, умиряя пока мятежныя шайки и расправляясь съ хлопами, но въ полной готовности къ открытію настоящихъ военныхъ дѣйствій. Общее настроеніе польскаго общества разрѣшилось тѣмъ, что чрезвычайный сеймъ, созванный въ декабрѣ 1650 г., снова объявилъ посполитое рушеніе; чтобы отвлечь татаръ отъ союза съ козаками, были посланы въ Крымъ „упоминки“ съ обѣщаніемъ новыхъ и богатые подарки для мурзъ.

Хмельницкій имѣлъ въ Польшѣ своихъ агентовъ и прекрасно зналъ все, что тамъ дѣлалось: онъ не позволилъ бы застать себя врасплохъ. Можетъ-быть, онъ и искренне считалъ возможнымъ устроить свою козацкую Украину на старыхъ, завѣщанныхъ Польшей, основаніяхъ, съ козаками, панами и хлопами, иначе онъ не разсылалъ бы грозныхъ универсаловъ о повиновеніи, не наказывалъ бы такъ жестоко хлоповъ за преступленія и проступки противъ владѣльцевъ, которые особенно участились, когда козаки вышли лѣтомъ въ молдавскій походъ. Но въ прочность мира съ Польшей онъ уже не вѣрилъ совсѣмъ, пересталъ вѣрить еще и до Зборовскаго договора. Онъ завязывалъ на всѣ стороны нити дипломатическихъ сношеній, пытаясь найти такую опору, которая позволила бы порвать ему съ Польшей. Татары, волохи, венгры, даже отдаленные шведы—всѣ могли пригодиться какъ временные союзники; но политическую устойчивость могъ дать Украинѣ лишь прочный союзъ, или, вѣрнѣе, патронатъ такихъ сильныхъ сосѣдей, какъ Московское и Турецкое государства. Къ Москвѣ, съ которой находилось въ постоянныхъ сношеніяхъ православнаго духовенства, съ которой сами козаки также сносились отъ себя до тѣхъ поръ, пока польское государство не скрутило окончательно рукъ,—къ Москвѣ, прежде всего, и обратился Хмельницкій. Но московская политика всегда отличалась крайней осторожностью, а теперь, послѣ столь неудачныхъ для себя столкновеній съ Польшей, сопровождавшихся тяжелыми потерями большихъ территорій, обычная осторожность переходила въ страхъ передъ грознымъ сосѣдомъ: соблазнъ былъ великъ, но на козачество и прочность его симпатій трудно было положиться—и осторожная Москва, осыпая козацкихъ пословъ ласковыми словами, обѣщаніями въ будущемъ и подарками, не обнаруживала никакой готовности къ существенной помощи. А помощь, между тѣмъ, могла понадобиться каждую минуту. Невольно взоры Хмельницкаго обратились къ Портѣ: покровительство ея обѣщало, по крайней мѣрѣ, одну несомнѣнную, и осязательную выгоду—татарскую помощь. Козачество въ послѣдніе годы наглядно убѣдилось, какое огромное значеніе имѣеть, въ борьбѣ съ Польшей, именно помощь татаръ, которые всегда были подъ рукой. Но пока татары были союзниками случайными, они могли въ каждый моментъ перейти на сторону враговъ, лишь бы увидѣли въ томъ выгоду, а затѣмъ погнали бы своихъ недавнихъ друзей съ арканами на шеѣ на невольничьи крымскіе рынки. Покровительство Порты обезпечивало бы до нѣкоторой степени козацкой Украинѣ ихъ постоянную и прочную помощь. И вотъ гетманъ начинаетъ добиваться этого покровительства. Въ связи съ его турецкими сношеніями стоитъ и мысль вступить въ родство съ вассаломъ Порты, молдавскимъ госпо-

даремъ, черезъ женитьбу сына Тимоша на дочери господаря Лупуллы, Домнѣ Розандѣ.

Походъ въ Молдавію, предпринятый лѣтомъ 1650 г. сильнымъ отрядомъ козацкихъ „сватовъ“, съ Тимошемъ во главѣ и татарской ордой, удовлетворялъ разомъ нѣсколькимъ цѣлямъ: давалъ занятіе собственнымъ своимъ безпокойнымъ элементамъ, бросалъ легкую и богатую добычу татарамъ, которые иначе пошли бы ее искать или въ Москвѣ, или на той же Украинѣ, и, наконецъ, вынудилъ господаря къ формальному обѣщанію—выдать дочь за Тимоша. Султанъ, съ своей стороны, покровительствовалъ этому союзу, видя въ Хмельницкомъ своего будущаго вассала. Въ декабрѣ того же года, въ то время, какъ въ Варшавѣ собрался чрезвычайный сеймъ по вопросу о войнѣ съ козаками, Хмельницкій получилъ грамоту султана Махмета, въ которой тотъ, отвѣчая на какія-то неизвѣстныя намъ просьбы о покровительствѣ и предложеніи дани со стороны козацкаго гетмана, заявлялъ, что сердечно и любовно принимаетъ „наизбраннѣйшаго изъ монарховъ религіи Исусовой гетмана козацкаго Богдана Хмельницкаго подъ протекцію непобѣдимой Порты нашей“, сообщая притомъ, что къ крымскому хану посланъ „крѣпкій и строгій указъ, чтобы онъ никогда своихъ очей и ушей не обращалъ на польскую сторону“, а „чтобы тотчасъ своимъ быстролетнымъ войскомъ старался подать помощь, гдѣ бы только оказалось это нужнымъ“. Татарская помощь,—это все, что пока было нужно Хмельницкому.

Еще не наступила и весна 1651 года, какъ военныя дѣйствія уже были открыты на подольскомъ пограничѣ, гдѣ накопилось особенно много горючаго матеріала. Энергичный Калиновскій, ожесточенный врагъ козаковъ, стоя теперь, за отлучкой Потоцкаго, во главѣ кварцянаго войска, готовъ былъ ухватиться за всякій, удовлетворительный съ формальной стороны, поводъ начать войну; не менѣе энергичный и не менѣе ожесточенный врагъ шляхетства Нечай былъ вполне расположенъ дать своему противнику сколько угодно такихъ поводовъ. Первые дѣйствія Калиновскаго, начатыя еще въ февралѣ 1651 г., были очень удачны: внезапнымъ нападеніемъ на мѣстечко Красное, гдѣ держался Нечай со своими козаками, онъ совершенно разбилъ ихъ, причѣмъ былъ убитъ и самъ Нечай. Конецпольскій двинулся было вглубь „бужескаго козачества“, захватывая замки и опустошая страну между Бугомъ и Днѣстромъ. Но на территоріи Винницы польскій гетманъ встрѣтилъ достойнаго противника въ лицѣ полковника Богуна, одного изъ самыхъ замѣчательныхъ дѣятелей эпохи Хмельницкаго, не только по уму, энергіи и военнымъ дарованіямъ, но и по чистотѣ мотивовъ, которая какъ бы выдѣляетъ его изъ ряда остальныхъ восьмидесяти, отмѣченныхъ исторіею, украинскихъ дѣятелей Хмельницыны. Посредствомъ своей необыкновенной изобрѣтательности—„фиглей“, по выраженію современниковъ—онъ умѣлъ такъ ловко распорядиться своими небольшими силами, что кварцяное войско должно было оставить захваченную территорію и уйти подъ Каменецъ, гдѣ расположилось лагеремъ въ ожиданіи дальнѣйшаго. А дальнѣйшее не заставило себя ждать. Вся Польша снова готовилась къ посполитому рушенію, и Калиновскій получилъ приказъ при-

соединиться къ главному войску, которое собиралось у Сокаля, подъ личнымъ предводительствомъ короля. Дворянское ополченіе, по обыкновенію, собиралось медленно, однако, все-таки собиралось, воеводство за воеводствомъ. Но за спиной шляхты, которая двигалась, чтобы дать отпоръ Хмельницкому, появилась и начала расти туча, которая грозила разрѣшиться своею домашнею Хмельнищиною: въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ въ Червонной Руси появился и на польской территоріи въ окрестностяхъ Кракова, шляхтичъ Костка Навперскій, который прямо побуждалъ крестьянское населеніе тамошняго Подгорья подниматься противъ шляхты, пользуясь благоприятной минутой.

Хмельницкій, между тѣмъ, собиралъ своихъ козаковъ подъ Зборовомъ и поджидалъ хана. Войско его было менѣе численно, чѣмъ въ предыдущіе походы: лѣвобережные полки, черниговскій и нѣжинскій, онъ вынужденъ былъ, подъ начальствомъ Небабы, оставить на мѣстѣ, чтобы охранять Украину отъ литовскаго войска. Собравши всѣ свои силы, поголовное ополченіе, кварцаное войско, иноземное, король рѣшилъ перенести лагерь далѣе къ востоку, на болѣе удобное мѣсто, и двинулся, въ половинѣ іюня, отъ Сокаля по направленію къ р. Стыри. Туда же двинулся изъ-подъ Зборова и Хмельницкій, дождавшись хана. Встрѣча произошла, во второй половинѣ іюня, „підъ містечкомъ та підъ Берестечкомъ“ по выраженію одной украинской думы.

Берестечко есть тотъ поворотный пунктъ, съ котораго счастливая звѣзда гетмана Хмельницкаго, поднявшаяся такъ быстро и такъ высоко, начала клониться къ своему закату. Весь этотъ эпизодъ отмѣченъ какой-то роковой печатью неудачи и несчастья, какъ бы отрицающей даже возможность уясненія истинныхъ причинъ того, что произошло. Почему ханъ бѣжалъ съ своими татарами съ поля битвы, когда для этого не было никакихъ видимыхъ основаній? Дѣйствительно ли онъ пришелъ на помощь Хмельницкому противъ своего желанія, по приказу падишаха, и вѣроломнымъ бѣгствомъ хотѣлъ отомстить украинцамъ, какъ утверждаютъ одни? Или онъ испугался измѣны со стороны козаковъ, какъ утверждаютъ другіе? Или, наконецъ, на татаръ просто напалъ страхъ, въ виду численнаго и мужественнаго непріятеля? Это одна серія загадокъ; а вотъ и другая. Куда исчезалъ Хмельницкій? Послѣдовалъ ли онъ самъ за татарами, чтобы уговорить хана вернуться, или онъ былъ ими увлеченъ насильственно, захваченъ въ плѣнъ? Все это различно рассказывается и объясняется современниками и, такъ сказать, до нѣкоторой степени очевидцами событій. Несомнѣнно одно, что козацкое войско, въ критическій моментъ, передъ лицомъ сильнаго непріятельскаго войска съ королемъ во главѣ, осталось не только безъ помощи союзниковъ, но и безъ вождя. И все-таки положеніе еще не казалось окончательно безвыходнымъ. Козаки быстро замкнулись въ своемъ таборѣ, который окопали валами съ трехъ сторонъ, примкнувъ четвертой стороною къ болотамъ. Поляки ждали, что враги придутъ къ нимъ съ повинной головою, и дѣйствительно козаки явились просить мира, но не иначе, какъ на условіяхъ Зборовскаго договора. Очевидно, они не считали свое положеніе особенно опаснымъ. И въ самомъ дѣлѣ, у нихъ были съѣстные припасы и военные снаряды, было достаточно силъ для обороны обширнаго табора,

наконецъ, выборъ Богуна, въ качествѣ наказнаго гетмана, давалъ осажденнымъ опытнаго и искуснаго, въ высшей степени энергичнаго вождя. Осаждающіе же страдали отъ повальныхъ болѣзней и недостатка съѣстныхъ припасовъ, страдали, вмѣстѣ съ тѣмъ, и отъ безурядицы: даже присутствіе короля не могло сдерживать въ должныхъ границахъ дворянское ополченіе. Но неудача преслѣдовала на этотъ разъ украинское дѣло до конца. Богунъ задумалъ втихомолку вывести войско изъ табора, намостивъ черезъ болото плотины изъ возовъ, походныхъ шатровъ, конской сбруи, кожуховъ, наконецъ, человѣческихъ труповъ. Можетъ-быть, это ему и удалось бы, если бы въ критическій моментъ не дала себя знать та скрытая язва, которая уже точила украинскій народъ—язва взаимнаго недовѣрія между привилегированнымъ и непривилегированнымъ, козакомъ и хлопомъ. Когда часть войскъ уже успѣла выбраться изъ лагеря, вдругъ между оставшимися хлопами распространился слухъ, что старшина съ козаками кидаютъ хлоповъ на жертву ляхамъ: началась паника, всѣ разомъ кинулись къ переправѣ, толкали другъ друга, топили плотины и тонули сами. Напрасно Богунъ, вернувшись навстрѣчу, убѣждалъ успокоиться и не губить себя и другихъ: ничто не помогало. Поляки ворвались тѣмъ временемъ въ таборъ, и началось истребленіе. Этой катастрофой закончился несчастный эпизодъ Берестечской войны.

Пораженіе при Берестечкѣ само по себѣ не имѣло большого вліянія на фактическое ослабленіе козацкаго войска. Главныя козацкія силы успѣли скрыться въ Полѣсѣ; преслѣдованіямъ поляковъ подверглись по преимуществу хлопы, часть которыхъ была истреблена въ таборѣ, часть по окрестнымъ лѣсамъ. Къ тому же въ польскомъ лагерѣ, несмотря на побѣду, обнаружилась полная дезорганизация: дворянское ополченіе разошлось по домамъ, не обращая вниманія ни на присутствіе короля, ни на убѣжденія, просьбы, угрозы; вслѣдъ за разбѣжавшейся шляхтой вернулся домой и король, такъ что лишь относительно небольшое войско двинулось, подъ начальствомъ гетмана Потоцкаго, въглубь края.

И въ то же время положеніе Украины, послѣ пораженія при Берестечкѣ, было очень не завидно. Литовскій гетманъ Радзивиллъ разбилъ козацкое ополченіе подъ начальствомъ Небабы и занялъ Кіевъ; такимъ образомъ, опасность угрожала козацкой территоріи съ двухъ сторонъ. А, между тѣмъ, авторитетъ Хмельницкаго былъ глубоко потрясенъ; не только исчезла старая слѣпая вѣра въ удачу вождя, но явилось даже сомнѣніе въ его личности: онъ ли, Богданъ Хмельницкій, разсылалъ универсалы изъ-подъ Корсуня и Бѣлой-Церкви, или кто-нибудь другой его именемъ? А когда сомнѣнія въ его личности разсѣялись, на него посыпались всякія обвиненія. Въ вину гетману ставилось и то, что татары его постоянные союзники, возвращаясь изъ-подъ Берестечка, поувозили въ Крымъ дѣтей и женщинъ, защищать которыхъ было некому. Чернь и козаки были одинаково возбуждены противъ Хмельницкаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, другъ противъ друга.

На р. Русивѣ, на урочищѣ Масловомъ Бродѣ, собралась противъ Хмельницкаго „чорная рада“; онъ явился на нее, и обаяніемъ своей личности разо-

гналъ тучу. Но неудовольствіе бродило и прорывалось по всей территоріи. Одно спасало положеніе: это общая ненависть населенія къ ляхамъ, обусловливавшая единодушныя чувства и дѣйствія. Польское войско двигалось медленно вглубь козацкой территоріи, сначала совершенно опустошенной Волинью, затѣмъ богатой и плодородной Украиной. Но народная ненависть успѣла сдѣлать голодной для ляховъ даже и эту Украину, все истребляя на ихъ пути: если они встрѣчали хлѣбъ на корню, то не находили ни полевыхъ орудій, ни мельницъ, чтобы имъ воспользоваться. Всюду войско наталкивалась на самое полное, самое упорное сопротивленіе; никто нигдѣ не просилъ о прощеніи или помилованіи, при всякой встрѣчѣ съ украинцами слышались только язвительныя насмѣшки и совѣты убраться назадъ за Вислу, къ Кракову. Не въ лучшемъ положеніи было и войско литовское, которое двигалось изъ разореннаго и сожженнаго Кіева навстрѣчу войску польскому. И хотя соединившіяся войска представляли собою довольно внушительную силу, но они чувствовали, тѣмъ не менѣе, какъ опасно ихъ положеніе въ этой озлобленной странѣ. На пути умеръ Іеремія Вишневецкій, страстный противникъ всякихъ соглашеній съ козаками. Потоцкій и Радзивиллъ охотно готовы были уклониться отъ рѣшительныхъ дѣйствій, пойти на миръ, хотя бы и очень далекій отъ тѣхъ иллюзій о полномъ подчиненіи Украины, съ какими польское войско вступало въ страну. Хмельницкій, съ своей стороны, при содѣйствіи Богуна собралъ подъ Бѣлой-Церковью разсѣянныя-было козацкія силы, могъ рассчитывать и на татарскую помощь, но, видимо, также боялся поставить на карту, можетъ-быть, все свое будущее. Въ этихъ условіяхъ не трудно было придти къ мирному соглашенію, чтобы разрѣшить какъ-нибудь положеніе въ данный моментъ, хотя бы и безъ всякой вѣры въ устоячивость этого разрѣшенія. 17-го сентября 1651 г. подписанъ былъ обѣими сторонами Бѣлоцерковскій договоръ, положившій новую, хотя и недолговѣчную зарубку на облитыхъ кровью скрижаляхъ украинской исторіи. Вокругъ договаривающихся сторонъ бушевало такое море ненависти, озлобленія, недовѣрія, что нелѣпо было бы вѣрить въ возможность укротить эту дикую стихію договоромъ; никто и не вѣрилъ. Однако, договоръ состоялся, хотя, какъ не утвержденный сеймомъ, и не получилъ вполне законной силы,—и состоялся на слѣдующихъ условіяхъ. Самостоятельность козацкой Украины, выдѣленной Зборовскимъ договоромъ изъ Польскаго государства, какъ бы въ качествѣ васальнаго княжества, уничтожается договоромъ Бѣлоцерковскимъ. Извѣстная доля самостоятельности, по этому договору, остается лишь за воеводствомъ Кіевскимъ, на территоріи котораго должны впредь жить козаки; воеводства Брацлавское и Черниговское возвращаются на старое положеніе, входя въ общій составъ государства Польскаго. Козацкое войско уменьшается въ числѣ до двадцати тысячъ; оно можетъ набираться лишь въ имѣніяхъ королевскихъ, не шляхетскихъ; если же кто окажется вписаннымъ въ реестръ изъ имѣнія шляхетскаго, или изъ территоріи воеводствъ Брацлавскаго и Черниговскаго, тотъ долженъ, если желаетъ пользоваться козацкими правами, выселиться въ Кіевское воеводство. Козацкій гетманъ долженъ впредь повиноваться гетману коронному, а не королю непосредственно. Евреи имѣютъ право жительства и

аренды имѣній повсемѣстно, включая и Кіевское воеводство. Коронныя войска не могутъ располагаться только тамъ, гдѣ располагается войско козацкое, т.-е. въ воеводствѣ Кіевскомъ.

Итакъ, козацкая гидра не была задушена, а только затиснута въ предѣлахъ Кіевского воеводства: слишкомъ много достигнуто для одной стороны, слишкомъ много уступлено—для другой.

То, что наступаетъ въ Украинѣ послѣ Бѣлоцерковского договора, уже носить на себѣ слѣды какъ бы начинающагося политическаго разложенія. Отдѣльныя и значительныя части территоріи не хотятъ знать ни Бѣлоцерковского договора, ни вообще какихъ-либо обязательствъ къ государству и замыкаются въ молчаливомъ и пассивномъ, но несокрушимо упорномъ сопротивленіи: въ такомъ состояніи пребывали территоріи Побужья и Задніпровья, та и другая съ сильнымъ мѣстнымъ козачествомъ, которое теперь, условіями Бѣлоцерковского договора, превращалось въ зависимое посполитство или осуждалось на выселеніе. Въ другихъ частяхъ южно-русскаго края дезорганизація выражалась иначе: начались массовыя выселенія за Днѣпръ, въ предѣлы Московскаго государства. Послѣ Берестечскаго пораженія двинулись волинцы изъ своей опустошенной страны; затѣмъ подніпряне и бужане, которые сами истребляли свое имущество, чтобы не досталось врагамъ. Московское правительство принимало украинцевъ очень радушно: казна помогала имъ въ первомъ обзаведеніи и имъ разрѣшалось устраниваться на козацкомъ положеніи. Волинцы, поселенные на Тихой Соснѣ, образовали первый слободской полкъ Острогожскій. Въ самое короткое время появилось, на пространствѣ отъ Путивля до Острогожска, много слободъ, изъ которыхъ въ скоромъ времени выросли города и большія мѣстечки: Харьковъ, Сумы, Лебединь, Ахтырка, Бѣлополье, Короча и т. п. Возникла новая Слободская Украина, вмѣсто пустѣвшей старой. Стремленіе къ выселенію было такъ сильно, что даже военная сила не могла его сдерживать: переселенцы двигались также вооруженные и, отбиваясь отъ жолнеровъ, ружьями и даже пушками пробивали себѣ путь въ новое отечество.

Кое-гдѣ на Украинѣ вспыхивали бунты, прямо направленные противъ гетмана; стали появляться новые претенденты на гетманское достоинство. Съ особенной силой проявились такія волненія въ Сѣверщинѣ.

Въ виду политической дезорганизаціи, обхватившей Украину, затруднительно было положеніе козацкаго гетмана, но не менѣе затруднительно было положеніе и польской власти, которая не знала, съ какого конца начать реализацію своихъ новыхъ правъ и чувствовала себя въ положеніи врага въ неприязельской странѣ, которую надо было, несмотря на мирные трактаты, все-таки завоевывать. Представители государства обращались за содѣйствіемъ къ гетману; могъ или не могъ гетманъ оказать это содѣйствіе, но онъ указывалъ на зачинщиковъ волненій, направленныхъ противъ его власти, какъ на главную причину, въ силу которой онъ не можетъ привести въ исполненіе справедливыхъ требованій польскаго правительства. Поляки, вѣчно обманываемые той личной покорности и вѣрнопопданническихъ чувствъ, какую такъ умѣло

носили Хмельницкій въ случаѣ надобности, предлагали свое содѣйствіе, чтобы справиться съ этими возмутителями общественнаго спокойствія. Такимъ образомъ, было схвачено и казнено нѣсколько противниковъ гетмана, представителей народной вражды къ нему, какъ то: Хмелецкій, Гурскій, Гладкій, Мозыра. Но положеніе отъ этого не мѣнялось къ лучшему. Измѣнить его могло лишь крупное измѣненіе внѣшнихъ условій. И всѣ помысли Хмельницкаго обращались на вопросы политики и дипломатіи.

Онъ продолжалъ сношенія съ московскимъ и константинопольскимъ дворами, прося одновременно о протекторатѣ и тутъ и тамъ. Но въ то время, какъ правительство константинопольское очень благосклонно отнеслось къ заявленіямъ Хмельницкаго, московское все еще держалось строго выжидательной политики, не рѣшаясь ни на какой обязывающій шагъ.

А, между тѣмъ, Хмельницкій не могъ ждать. Постоянное отвлеченіе необходимо было и для своихъ собственныхъ беспокойныхъ элементовъ и еще больше для татаръ: если бы Хмельницкій не указалъ имъ дѣла и добычи, они кинулись бы на Украину, что они и дѣлали не разъ въ небольшихъ размѣрахъ, такъ что самому Хмельницкому случалось выкупать у своихъ союзниковъ ихъ ясырь, состоящей изъ козацкихъ женъ и дѣтей.

Къ веснѣ 1652 г. у Хмельницкаго уже опять готовъ былъ планъ военнаго предпріятія, тонко обдуманнй и хорошо обставленный. Это былъ новый походъ въ Молдавію, съ цѣлью заставить господаря Лупулла исполнить свое обѣщаніе о выдачѣ дочери замужъ за Тимоша Хмельниченка. Конечно, гетманъ имѣлъ въ виду въ будущемъ Молдавское господарство, если не для себя, то для сына,—въ связи, разумѣется, съ турецкимъ протекторатомъ. Однако, не одну эту цѣль преслѣдовалъ молдавскій походъ. Хмельницкій хорошо зналъ, что поляки считаютъ Лупулла своимъ союзникомъ и не могутъ дозволить козакамъ безпрепятственно направиться въ Молдавію. И, въ самомъ дѣлѣ Калиновскій, теперь великій коронный гетманъ, стянулъ свое кварцаное войско къ горѣ Батогу, на рѣкѣ Бугѣ, въ окрестностяхъ гор. Ладыжина, чтобы загородить дорогу, а въ войско прибылъ изъ Польши цвѣтъ рыцарской молодежи, романтически настроенной въ виду посягательствъ неотесаннаго козака на руку молдавской красавицы, которой добывались сыновья польскихъ магнатовъ. Продолжая разыгрывать свою роль вѣрноподданнаго, Хмельницкій предупреждаетъ письмомъ Калиновскаго, что его сынъ, съ отрядомъ козаковъ и татаръ, якобы вопреки его отцовской воли, идетъ въ Молдавію. Обманувъ такимъ образомъ поляковъ, которые рассчитывали имѣть дѣло лишь съ слабымъ непріателемъ, Хмельницкій напалъ на польскій лагерь съ значительными силами, козацкими и татарскими, и въ самомъ концѣ мая или началѣ іюня 1652 г. полякамъ нанесено было страшное пораженіе. По кровопролитію, по числу убитой шляхты изъ знатныхъ домовъ Польши, оно, повидимому, превосходило всѣ предшествовавшія битвы; лишь татары, больше всего дорожа ясыремъ, могли немногихъ спасти отъ истребленія; былъ убитъ и самъ Калиновскій. Тимошъ Хмельницкій прошелъ въ Молдавію и безпрепятственно вывезъ оттуда молодую жену на Украину.

Снова повторяются на Украинѣ старыя сцены—бѣгутъ въ Польшу тѣ владѣльцы, кто успѣлъ водвориться, бѣгутъ жолнеры съ своихъ квартиръ, бѣжить, въ паническомъ страхѣ, кидая все и спасая лишь жизнь, все польское и еврейское, что рѣшилось еще разъ осѣсть на вулканической почвѣ Украины. И снова Хмельницкій разыгрывалъ передъ польскимъ правительствомъ и сеймомъ ту же комедію невинно пострадавшаго, нечаянно вовлеченнаго въ невольный проступокъ—комедію, которая теперь уже никого не обманывала. Искренніе звучали тѣ универсалы, которые онъ разсылалъ по Украинѣ и Сѣверщинѣ, съ запрещеніемъ причинять оскорбленіе панамъ или ущербъ ихъ имуществамъ: „нехай кожний зъ свого тишитися, нехай кожний свого глядитъ“,—пишетъ онъ, желая заставить хлоповъ платить хоть „десятую кошу“ владѣльцамъ земель, среди которыхъ уже теперь появляется и шляхта, признавшая надъ собою власть войска запорожскаго. Но универсалы не могли укрѣпить узы общественности, которыя начали ослабѣвать. Поляки, дѣлая видъ довѣрія къ мирному настроенію козацкаго гетмана, посылали къ нему новую комиссію для переговоровъ и готовились къ новой войнѣ настолько энергично, насколько позволяла имъ ихъ сила, истощенная безплодной и безконечной борьбой, безысходной неурядицей, цѣлымъ рядомъ общественныхъ бѣдствій, обрушившихся на Польшу въ видѣ голода, мора, пожаровъ, наводненій.

Съ самымъ началомъ 1653 г. передъ нами развертывается картина не войны, а какого-то сплошнаго ужаса, болѣе похожаго на дикій горячечный бредъ, чѣмъ на дѣйствительность. На сцену выступаетъ Стефанъ Чарнецкій, съ одной стороны горячій польскій патріотъ, съ другой—какое-то безчеловѣчное чудовище: терроризировать Украину, во что бы то ни стало,—вотъ единственный мотивъ, которымъ онъ руководствовался. Если нельзя было купить повиновеніе болѣе дешевой цѣной, то онъ готовъ былъ и на то, „чтобы не оставить русина и на лекарство“—собственное выраженіе Чарнецкаго. Польское правительство ввѣрило энергіи и патріотизму короннаго обознаго небольшое войско, тысячь десять, и предоставило свободу дѣйствій. Нежданно-негаданно появляется онъ въ Брацлавщинѣ, на территоріи Бужскаго козачества, всегда отличавшейся духомъ закоснѣлаго и непреодолимаго упорства по отношенію всего польскаго и шляхетскаго. Съ быстротою молніи кидался Чарнецкій изъ одного конца края въ другой, вырѣзывалъ и выжигалъ село за селомъ, мѣстечко за мѣстечкомъ. Истребляя безъ пощады все русское, онъ оставлялъ за собою пустыню. Къ счастью для края, онъ могъ здѣсь встрѣтить такого врага какъ Богунъ, не уступающаго ему по энергіи и превосходящаго его по находчивости. Богунъ успѣлъ-таки задержать Чарнецкаго въ его страшномъ движеніи; въ битвѣ подъ Монастырищемъ раненъ былъ самъ Чарнецкій, и войско его разбѣжалось, напуганное ложнымъ слухомъ о приближающейся ордѣ. Чарнецкій присоединился къ главному войску, которое собиралось подъ Глинянами, неподалеку отъ Львова.

Король Янъ-Казиміръ, который лично сталъ во главѣ новаго военнаго предпріятія, теперь уже окончательно убѣдился въ вѣроломствѣ козацкаго гетмана и рѣшилъ, не слушая никакихъ дальнѣйшихъ его предложеній, просьбъ, боѣцаній,

еще разъ напрячь всѣ силы государства на попытку сломить упорство украинскаго народа. Тщетно Хмельницкій посылалъ пословъ въ королевскій лагерь, — ихъ не слушали и задерживали какъ шпіоновъ. Собственно Хмельницкому нечего было особенно опасаться со стороны Польши: войска, по обыкновенію, собирались крайне медленно, среди жолнеровъ то-и-дѣло вспыхивали безпорядки; Хмельницкій же былъ снова обезпеченъ татарской помощью. Но его отвлекали молдавскія дѣла. Въ началѣ августа 53 года Тимошъ Хмельницкій отправился въ Молдавію на выручку своей тещи господарши, которая, защищаясь отъ враговъ враждебной партіи молдаванъ, опиравшейся на валашскаго господара и трансильванскаго князя Ракочи, заперлась въ Сочавскомъ замкѣ, на берегу Серета; это былъ уже второй походъ — первый и очень удачный походъ, весной того же года совершилъ молодой Хмельницкій, чтобы вернуть своему тестю престолъ, отнятый-было тѣми же непріятелями. Но такъ какъ положеніе козацкаго отряда, окруженнаго сильнымъ непріателемъ, приняло опасный характеръ, то Богданъ Хмельницкій рѣшилъ посѣлшить на помощь сыну, несмотря на опасность, какая угрожала Украинѣ со стороны польскаго войска, которое кое-какъ, наконецъ, сформировалось и готово было къ наступленію. Хмельницкій двинулся въ Молдавію, но на дорогѣ встрѣтилъ козаковъ, которые возвращались изъ-подъ Сочавы и везли съ собой тѣло Тимоша, умершаго отъ раны, полученной имъ на валу Сочавскаго замка. Слѣпой случай положилъ предѣлы всѣмъ широкимъ планамъ Хмельницкаго, связаннымъ съ покровительствомъ Турціи.

Но гетману некогда было отдаваться своимъ чувствамъ: польское войско двигалось на Подністровье, чтобы не упускать въ одно и то же время изъ виду и Украину и Молдавію, политическіе интересы которой Польша всегда вводила въ свои расчеты и планы. Уже во второй половинѣ сентября польское войско расположилось лагеремъ недалеко отъ Каменца подъ Жванцемъ, на лѣвомъ берегу Днѣстра, противъ Хотина. Хмельницкій, на помощь къ которому теперь снова пришелъ самъ крымскій ханъ Исламъ-Гирей, какъ всегда, прекрасно зналъ все, что дѣлалось въ непріятельскомъ лагерѣ, и не спѣшилъ нападеніемъ: онъ выжидалъ, пока враги совсѣмъ ослабѣютъ отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ и еще больше отъ холода, такъ какъ у нихъ не было теплой одежды. И, дѣйствительно, въ войскѣ былъ большой безпорядокъ. Когда же къ польскому лагерю приблизились, окружая его, татары и козаки, войско начало просто разбѣгаться. И опять повторилась старая исторія: еще разъ польское войско спасено было отъ полнаго истребленія татарами, которые принудили козаковъ заключить миръ. По Жванецкому договору, заключенному въ декабрѣ 53 года, Украинѣ возвращалось то положеніе, которымъ она пользовалась по Зборовскимъ статьямъ. Въ награду за свое участіе татары распустили загоны не только по Украинѣ и Волини, но и дальше на сѣверъ, до такихъ мѣстъ Литовской Руси, которыя больше двухъ вѣковъ не видѣли степныхъ хищниковъ. Только-что Хмельницкій вернулся изъ-подъ Жванца въ Чигиринъ, какъ въ Переяславль прибыли московскіе послы, бояринъ Бутурлинъ съ товарищами, съ изъявленіемъ готовности московскаго государя принять Украину подъ свое покровительство.

Шесть лѣтъ слѣдила Москва съ интересомъ за всѣмъ, что дѣлалось у ея ближайшихъ сосѣдей, уклоняясь отъ поры до времени отъ всякаго вмѣшательства и выжидая моментъ. Моментъ этотъ, по ея соображеніямъ, наступилъ. Еще лѣтомъ, когда поляки готовились къ Жванецкому походу, явились въ Варшаву московскіе послы съ большими зацѣпками насчетъ неправильностей въ царскомъ титулѣ, допускаемыхъ какъ польскимъ правительствомъ, такъ и частными лицами, и неприличныхъ рѣчей о московскомъ государѣ въ польскихъ книгахъ,—обычная тактика московской дипломатіи, когда ей хотѣлось повернуть дѣло на „розмирь“; сюда же присоединялись требованія насчетъ удовлетворенія Украины и правъ православной вѣры. 1-го октября въ Москвѣ состоялся земскій соборъ, на которомъ земля дала согласіе на присоединеніе къ Московскому государству украинскаго народа, вольнаго теперь, по мнѣнію московскаго правительства, отъ присяги Польшѣ. 8-го января 1654 года собрана была въ Переяславлѣ рада, на которой украинскій народъ изъявилъ свое желаніе отдаться подъ покровительство Московскаго государства. Такъ произошелъ великій актъ соединенія двухъ русскихъ народностей со всѣми его громадными послѣдствіями для обѣихъ соединившихся частей.

Взвѣшивалъ ли Хмельницкій важность того шага, который онъ дѣлалъ? По всей вѣроятности, нѣтъ, если судить по его дальнѣйшему поведенію. Онъ руководился потребностями момента. Въ данную минуту онъ совершенно извѣрился въ договоры съ поляками, въ надежность крымскихъ союзниковъ, разсѣялись прахомъ и его молдавско-валашскіе планы, а съ ними и виды на турецкій протекторатъ. А бороться съ Польшею безъ надежнаго союзника было теперь труднѣе, чѣмъ когда-либо: силы страны были истощены, тотъ народъ, который еще недавно рвался неудержимо на борьбу, теперь, наученный горькимъ опытомъ, предпочиталъ воздѣлывать свои поля, чѣмъ рисковать жизнью; и его приходилось чуть-ли не силой гнать на войну. Хмельницкій кидается къ Москвѣ, совершенно игнорируя то, что союзъ съ ней не можетъ быть того же характера, условнаго и легко расторгимаго, какъ союзъ съ Крымомъ или Портой: не можетъ, во-первыхъ, въ силу исторически сложившихся особенностей Московскаго государства, во-вторыхъ, въ силу того, что между южной, Малой, и сѣверной, Великой Русью всегда существовали связывавшія ихъ органическія нити племеннаго родства, историческихъ традицій, наконецъ,—и самое важное—общей религіи, слѣдовательно, общей стихіи, на фонѣ которой складывалась культурная жизнь одного и другого общества. Политическій союзъ, въ данныхъ условіяхъ, могъ произвести такую спайку, которую было легче создать, чѣмъ разрушить.

Итакъ, козацкая Украина, въ территоріальномъ составѣ ея, опредѣленномъ Зборовскимъ договоромъ, присоединилась къ Московскому государству. Напрасно представители украинской стороны стремились удержать за актомъ присоединенія видъ договора; непреклонная настойчивость московскихъ дипломатовъ сумѣла навязать ему характеръ милости. Московскій воевода съ сильнымъ гарнизономъ тотчасъ же водворился въ Кіевѣ. Однако, московскій государь подтвердилъ всѣ „права и вольности“ украинскаго народа, собственно

говоря, украинскаго козачества, какія только были внесены на его разсмотрѣніе, ограничивъ лишь нѣсколько свободу дипломатическихъ сношеній гетмана съ иностранными государствами; изъ численности войска, опредѣленнаго Хмельницкимъ въ 60000, московское правительство также не дѣлало никакого вѣдѣнія; не воспользовалось даже на первый разъ предоставленнымъ было ему правомъ собирать доходы съ украинскихъ имѣній, за исключеніемъ козацкихъ и духовныхъ (православнаго духовенства). И, тѣмъ не менѣе, на первыхъ же порахъ оказалось много недовольныхъ соединеніемъ въ верхнемъ слоѣ украинскаго общества; къ числу недовольныхъ принадлежали и лица высшаго православнаго духовенства, руководители просвѣщенія, принявшаго, по инициативѣ Петра Могилы, западно-европейское направленіе—съ митрополитомъ Сильвестромъ Коссовымъ во главѣ: духовенство, прежде всего, опасалось зависимости отъ московскаго патріарха.

Не былъ доволенъ созданнымъ имъ положеніемъ и самъ Хмельницкій. Правда, новый союзъ тотчасъ далъ украинскому дѣлу огромный перевѣсъ надъ Польшей, несмотря на то, что татары перешли на ея сторону. Одна московская армія выступила въ Литву, другая появилась на Украинѣ. Встрѣча двухъ враждебныхъ силъ польско-татарской и московско-козацкой въ январѣ 1655 г. подъ Охматовымъ или „на Дрыкиполѣ“, по образному народному выраженію—обѣ арміи сильно страдали отъ холода,— хотя и имѣла исходомъ перевѣсъ поляковъ, но это была лишь случайность, не имѣвшая значенія. Какъ бы то ни было, осенью того же года Хмельницкій снова стоялъ подъ Львовомъ. Польскаго государства фактически почти не существовало, такъ какъ русскіе захватили Литву и Южную Русь по Львовъ и Люблинъ, а шведы—остальную Польшу. Если бы можно было закрѣпить это положеніе, южно-русскій вопросъ былъ бы рѣшенъ окончательно: Хмельницкій видѣлъ ясно, что Польша, пока она будетъ самостоятельно существовать, не оставитъ своихъ притязаній на Украину. Но Московское государство не могло оффициально признать положеніе съ этой, такъ сказать, южно-русской точки зрѣнія и не считало нужнымъ скрывать этого. Виленскій договоръ, заключенный между Москвой и Польшей въ августѣ 1656 г., ясно освѣтилъ эгоизмъ московской политики и былъ настоящимъ ударомъ для Хмельницкаго. Плѣненный перспективой польскаго престола, коварно развернутой передъ нимъ польской дипломатіей, Алексѣй Михайловичъ не воспользовался преимуществами, добытыми имъ при помощи козачества, и заключилъ миръ, причемъ козацкимъ депутатамъ не дозволено было даже и присутствовать при переговорахъ. Московское правительство не предало Украину Польшѣ, какъ утверждали его польскіе и украинскіе недруги къ великому огорченію и смущенію украинскаго народа, наоборотъ, независимость Украины отъ Польши была оговорена въ трактатѣ. Однако, новое напряженіе и трата силъ опять-таки не дали никакихъ положительныхъ результатовъ: снова Украина очутилась лицомъ къ лицу съ Польшей, которая, по мѣрѣ возстановленія силъ, не преминула бы обратить ихъ на новую борьбу, лицомъ къ лицу съ татарами, которые теперь, въ качествѣ враговъ, терзали ее постоянно.

И старый гетманъ, дѣлая видъ преданности московскому правительству,

придумывалъ новыя политическія комбинаціи, которыя лучше могли бы обезпечить будущность Украины, чѣмъ устроенный имъ союзъ съ Москвой. Вѣрнѣйшее средство ее обезпечить въ его глазахъ, было все-таки если не уничтожить, то возможно больше ослабить Польшу. Такимъ образомъ, Хмельницкій, вопреки своимъ обязательствамъ, входить въ переговоры со шведами, врагами Москвы, и съ седмиградскимъ княземъ Ракочи, имѣющимъ свои виды на Польшу, чтобы при помощи ихъ добиться того, чего онъ добился при помощи Москвы. Въ то же время, привыкши въ своемъ неустойчивомъ положеніи всегда оглядываться во всѣ стороны, Хмельницкій не отвергаетъ, по крайней мѣрѣ, наружно, возможности соглашеній и съ поляками, которые, прошедши послѣдніе годы черезъ тяжелыя политическія невзгоды и испытанія, дѣлаются болѣе склонными къ уступкамъ.

Среди тревогъ и волненій, несбывшихся плановъ и новыхъ сомнительныхъ комбинацій, гетманъ заболѣлъ и умеръ въ іюлѣ 1657 г. Руль выскользнулъ изъ властной руки, и дѣло украинскаго народа, которое эта рука умѣло проводила среди всѣхъ враждебныхъ и разрушительныхъ силъ, напиравшихъ на него не только снаружи, но и изнутри, теперь предоставлено было на произволъ стихій.

II.

Если смотрѣть на девять лѣтъ Хмельницыны исключительно со стороны политическихъ событій, непрерывныхъ опустошительныхъ войнъ, ужасныхъ очищеній съ ихъ массовыми истребленіями, гдѣ люди гибли съ продуктами ихъ труда и творчества, то легко представить себѣ эту эпоху какъ первые шаги на пути „руины“, того почти полного уничтоженія, какому подверглась позже козацкая Украина. Но это ошибочно. Несмотря на страшное напряженіе силъ, на тяжелыя жертвы, даже на признаки дезорганизации и разложенія въ сферахъ политическихъ отношеній, жизнь массы носила на себѣ отпечатокъ сильнаго развитія. Тяжелымъ усиленіемъ украинскій народъ очистилъ свою территорию отъ всѣхъ чуждыхъ элементовъ, которые, прицѣпившись къ ней, затянули его въ узы зависимыхъ отношеній и вернули себѣ ту атмосферу свободы, въ которой онъ выросъ и сложился; опасность и борьба были, въ его глазахъ, необходимымъ дополненіемъ этой свободы. Возбуждаемый этимъ духомъ свободы, полно и сильно бьется жизненный пульсъ народа, быстро и легко залечиваются наносимыя ему раны. Діаконъ Павелъ Алеппскій, сопровождавшій антиохійскаго патріарха Макарія и оставившій въ высшей степени интересное описаніе своего путешествія, лѣтомъ 1654 г. ѣхалъ черезъ Рашковъ и Умань на Кіевъ, слѣдовательно, перерѣзалъ ту территорию, которую наисильнѣе опустошали непріатели, и поляки и татары. А между тѣмъ Павелъ приходитъ въ восторгъ именно отъ кипучей жизненности страны. Правда, то тамъ, то сямъ встрѣчается мѣстечко—„базаръ“, по его выраженію,—носящее слѣды недавняго разоренія, но, вообще, базаровъ такъ много и лежатъ они въ такомъ близкомъ разстояніи одинъ отъ другого, не только на большихъ дорогахъ, но и по сторонѣ отъ нихъ, что путешественникъ только восклицаетъ:

„о, какая это благословенная страна“! Если въ этомъ или другомъ мѣстечкѣ попадается разоренная или оскверненная непріателемъ церковь, то она непременно поправляется, перестраивается или уже перестроена и ждетъ освященія отъ проѣзжаго духовнаго владыки. Самые рѣзкіе слѣды тяжелыхъ пережитыхъ событій, конечно, въ томъ, постоянно отмѣчаемомъ Павломъ, фактѣ, что въ толпахъ народа, которыя всюду выбѣгали навстрѣчу патріарху, замѣчалось несоотвѣтствіе въ смыслѣ малаго процента взрослыхъ мужчинъ. Но зато обиліе дѣтей, красивыхъ бѣлоголовыхъ мальчиковъ, изумляло путешественниковъ. „Умы наши поражались изумленіемъ при видѣ огромнаго множества дѣтей всѣхъ возрастовъ, которыя сыпались какъ песокъ“, пишетъ онъ съ свойственной ему восточной вычурностью; „въ домѣ каждого человѣка по десяти и болѣе дѣтей, погодки и идутъ лѣсенкой одинъ за другимъ“ и т. д. Павелъ сообщаетъ, что множество народа погибло на войнахъ и отъ моровой язвы, которая свирѣпствовала послѣдніе годы, и все-таки „они многочисленны, какъ муравьи, и безсчетныѣ звѣзды“,—добавляетъ онъ, подумаешь, что женщины у нихъ родятъ три, четыре раза въ годъ и всякій разъ по три, по четыре младенца“... На ряду съ этимъ, Павелъ всюду отмѣчаетъ матеріальное благосостояніе, идущее рука-о-руку съ крайней простотой жизненныхъ потребностей и обстановки: множество домашней птицы и животныхъ, особенно свиней, огромные и разнообразные посѣвы, сады и огороды, рыбные пруды и мельницы съ толчеями приводили описателя въ удивленіе и въ восторгъ. Но ничто такъ не характеризуетъ данную эпоху, какъ тѣ несомнѣнные и яркіе симптомы духовной культурности украинской массы, на которыхъ съ такою любовью останавливается вниманіе восточныхъ путешественниковъ. Многочисленные храмы, большею частью только-что отстроенные, со времени освобожденія отличаются красотой своей постройки и живописью своихъ иконъ: „козацкіе живописцы заимствовали красоты живописи лицъ и цвѣта одеждъ отъ франкскихъ и ляхскихъ живописцевъ-художниковъ и теперь пишутъ православные образа, будучи обученными и искусными; они обладаютъ большою ловкостью въ изображеніи человѣческихъ лицъ съ совершеннымъ сходствомъ“, свидѣтельствуетъ Павелъ. Прекрасное, стройное церковное пѣніе вызываетъ повсюду у Павла восторженные похвалы. Помимо церковнаго благолѣпія, свидѣтельствующаго „о набожности, богобоязненности, благочестіи, приводящихъ умъ въ изумленіе“, Павелъ указываетъ на шпитали или страннопріимные дома, которые „во всей странѣ козаковъ, въ каждой улицѣ и въ каждой деревнѣ, выстроены для ихъ бѣдняковъ и сиротъ, при концѣ мостовъ или внутри города, служащіе имъ убѣжищемъ, на нихъ снаружи множество образовъ; кто къ нимъ заходитъ, даетъ имъ милостыню“. Кромѣ того, онъ отмѣчаетъ еще такую форму общественной благотворительности: „У козаковъ есть безчисленное множество вдовъ и сиротъ, ибо со времени появленія гетмана Хмеля и до настоящей поры не прекращались страшныя войны. Въ теченіе всего года, по вечерамъ, начиная съ заката солнца, эти сироты ходятъ по всѣмъ домамъ просить милостыню, поя хоромъ гимны Пресвятой Дѣвѣ, пріятнымъ, восхищающимъ душу напѣвомъ; ихъ громкое пѣніе слышно на большомъ разстоя-

нии. Окончивъ пѣніе, они получаютъ изъ того дома милостыню деньгами, хлѣбомъ, кушаньемъ или инымъ подобнымъ, годнымъ для поддержанія ихъ существованія“. Но, конечно, самое цѣнное изъ всѣхъ указаній, какія дать намъ любознательный діаконъ, есть то, что онъ оставилъ на счетъ развитія грамотности въ украинскомъ народѣ временъ Хмельницкаго. „По всей землѣ козаковъ мы замѣтили возбуждавшее наше удивленіе прекрасную черту, — говоритъ Павелъ:— всѣ они, за исключеніемъ немногихъ, даже большинство ихъ женъ и дѣтей, умѣютъ читать и знаютъ порядокъ церковныхъ службъ и церковные напѣвы; кромѣ того, священники обучаютъ сиротъ и не оставляютъ ихъ шататься по улицамъ невѣждами; послѣ освобожденія люди предались съ болѣею страстью ученію, чтенію и церковному пѣнію...“ *). Всѣ эти факты, отмѣченные очевидцемъ, и притомъ человѣкомъ совершенно постороннимъ, такъ краснорѣчивы, что пояснять ихъ излишне. Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ народомъ, способнымъ къ здоровому, сильному развитію. Но народъ этотъ лишился руководителя, который велъ бы его дѣло силой личной талантливости; а историческія обстоятельства оставили его безъ той общественной группы, въ которой вырабатывался бы и традиціонно хранился опытъ веденія государственнаго дѣла. Дѣло украинскаго народа оказалось брошеннымъ на произволъ стихій, игрушкой то слѣпыхъ и безсознательныхъ, то сознательно-враждебныхъ силъ.

Сознательно-враждебными силами были, конечно, тѣ сосѣдніе государственные организмы, которые стремились къ Украинѣ, какъ къ привлекательной добычѣ. На первомъ планѣ Польша и Москва, затѣмъ Крымъ и, позже, Турція. Крымскіе татары то-и-дѣло оказывались кому-нибудь нужными на Украинѣ какъ союзники, и, освоившись здѣсь еще при Хмельницкомъ, дальше уже гостили почти безвыходно, собирая дань людьми. Но татары были только бѣдствіемъ; не простымъ бѣдствіемъ, а источникомъ безысходной, терзающей край, смуты было для Украины соперничество Московскаго и Польскаго государствъ. Не стремясь къ этому и даже не желая, это соперничество стихійной силой условій разрывало украинскую территорію на двѣ части, раздѣленные Днѣпромъ: лѣвобережье, ближе зная Москву и имѣя больше основаній, съ одной стороны, бояться ея силы, съ другой, надѣяться на ея помощь, рѣшительно тянуло къ московскому протекторату; правобережье,

*) Не безынтересно то сравнительное впечатлѣніе, какое вынесъ Павелъ изъ своего пребыванія въ землѣ козацкой и затѣмъ въ Москвѣ, гдѣ онъ пробылъ два года. Вотъ какъ выражаетъ онъ это впечатлѣніе: „съ той минуты, какъ мы увидѣли Печерскій монастырь, блестящій въ отдаленіи своими куполами, и какъ только коснулось насъ благоуханіе этихъ цвѣтущихъ земель, сердца наши раскрылись, и мы излились въ благодареніяхъ Господу Богу. Въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ въ Москвѣ замокъ висѣлъ на нашихъ сердцахъ, а умъ былъ до крайности стѣсненъ и подавленъ, ибо въ той странѣ никто не можетъ чувствовать себя сколько-нибудь свободнымъ, кромѣ развѣ коренныхъ жителей. Напротивъ, страна козаковъ была для насъ какъ бы наша собственная страна, и ея обитатели были намъ добрыми пріятелями и людьми въ родѣ насъ самихъ“.

по тѣмъ же основаніямъ,—къ польскому. Мало того: соперничество это, разрывая Украину территоріально, усиливало и внутреннюю ея смуту.

Съ тѣхъ поръ какъ Польша съ ея панами была устранена, посполитый уже не противопоставлялся такъ рѣзко козаку, какъ раньше. Будучи свободенъ отъ панскаго суда и произвола, земледѣлецъ могъ даже предпочесть отдать десятую копу кому-либо, заступающему роль землевладѣльца, чѣмъ нести тяготы козацкой службы; къ тому же ему былъ доступенъ переходъ въ козаки. Но еще при Богданѣ Хмельницкомъ обнаружилась — и чѣмъ дальше, тѣмъ больше росла — рознь въ самой козацкой средѣ, между козацкой старшиной, значными, и простой козацкой чернью. Значные, вмѣстѣ съ тѣмъ, и болѣе культурные люди своего общества, стремились къ тому, чтобы водворить польско-шляхетскій типъ общественныхъ отношеній, единственный, который представлялся имъ возможнымъ; чернь относилась къ этимъ стремленіямъ съ глубокой враждебностью. Естественно, что все, болѣе вліятельное по положенію, богатое, образованное, видѣло въ союзѣ съ Польшей осуществленіе возможности закрѣпить за собою свою привилегированность; наоборотъ, чернь искала въ самодержавной, демократической Москвѣ гарантій для общаго равенства, въ которомъ была заинтересована. Такимъ образомъ, соперничество двухъ сосѣднихъ державъ усиливало внутреннюю рознь Украины.

Было и еще одно условіе, увеличивавшее анархію. Это была та роль, каковую начало теперь играть Запорожье въ украинскихъ дѣлахъ.

Въ періодъ, предшествующій Хмельницинѣ, не обнаруживается никакой розни или противопоставленія между Украиной и Запорожьемъ—наоборотъ, Запорожье служитъ необходимымъ дополненіемъ Украины, которое поддерживаетъ и питаетъ ея свободныя козацкія стремленія тѣмъ, что даетъ гостепріимный пріютъ всѣмъ недовольнымъ и поддерживаетъ всякое открытое проявленіе недовольства. Такимъ образомъ, въ эпоху волненій Запорожье становилось во главѣ Украины, организовало и заправляло движеніемъ. Въ мирное время оно находилось съ Украиной въ постоянныхъ сношеніяхъ; Польское государство никакъ не могло добиться того, чтобы прекратить экономическій обмѣнъ и вообще связь между этими территоріями, поддерживаемую насущными требованіями обѣихъ сторонъ, не только матеріальными, но и нравственными. Хмельницина, уничтоживъ старый режимъ, измѣнила и отношенія между Украиной и Запорожьемъ. Украина начинала новую жизнь, какъ политически самостоятельное гражданское общество; Запорожье продолжало свое существованіе въ качествѣ военной общины, исключившей семью. При наличности тѣсныхъ узъ, связывавшихъ эти два соціальныя организма, обнаружилась между ними рознь тотчасъ же, какъ добытая свобода открыла возможность самоопредѣленія. Запорожье не могло цѣнить мирныхъ культурныхъ интересовъ; самымъ своимъ строемъ оно побуждалось постоянно къ дѣятельности, къ вѣншательству; борьба была для него необходимою, какъ естественная стихія его существованія. Такимъ образомъ, Запорожье въ жизни тѣсно связанной съ нимъ Украины постоянно сообщало закваску новому и новому броженію. Въ той борьбѣ вѣншнихъ и внутреннихъ силъ, о которой

сказано выше, Запорожье, обыкновенно, становилось на сторону Московского государства и козацкой черни противъ Польши и значнаго козачества. Но въ этомъ отношеніи Запорожье могло при случаѣ и измѣнить позицію; одно, чему оно не измѣняло никогда, это—борьба, постоянная готовность принять воинствующее положеніе. Нетрудно представить себѣ, какимъ ухудшающимъ элементомъ въ жизни Украины являлось Запорожье теперь, когда и безъ того жизнь эта была предоставлена на произволъ стихійныхъ силъ.

Все, что происходитъ послѣ смерти Хмельническаго на политической сценѣ Украинской земли, имѣетъ видъ какой-то безпорядочной и бессмысленной игры случайностей. Не успѣетъ появиться какой-нибудь фактъ и выяснить свое содержаніе, какъ исчезаетъ подъ напоромъ иныхъ фактовъ, также, въ свою очередь, быстро исчезающихъ. Смѣняющіе другъ друга гетманы, возникающія и исчезающія партіи, переименовывающіяся вліянія, походы, битвы и миры, политическіе договоры и компромиссы—мелькаютъ передъ нами какъ въ калейдоскопѣ. Все, въ концѣ концовъ, рушится, унося съ собою политическую цѣльность и самобытность Украины.

Богданъ Хмельницкій передъ смертью употребилъ свое вліяніе на то, чтобы обезпечить гетманство за своимъ сыномъ Юріемъ, болѣзненнымъ и малоспособнымъ, къ тому же еще и несовершеннолѣтнимъ: козацкая рада признала его наслѣдникомъ. Но власть успѣла перехватить, подъ видомъ опекуна, на виду у многочисленныхъ соискателей, войсковой писарь Выговскій, чело-вѣкъ, наиболѣе близкій старому Хмельницкому и по своей опытности въ дѣлахъ управленія, можетъ-быть, наиболѣе заслуживавшій власти. Однако, Выговскій, хотя по происхожденію и православный южнорусъ, все-таки былъ природный шляхтичъ, черезъ женитбу связанный родствомъ съ нѣкоторыми значительными домами Рѣчи Посполитой. Все влекло его къ Польшѣ и отталкивало отъ Москвы, которая успѣла уже возбудить на Украинѣ много враждебныхъ чувствъ вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла, притѣсненіями со стороны ратныхъ людей, высокоуміемъ воеводъ. Избраніе Выговскаго вызвало бунтъ на лѣвомъ берегу, въ Полтавщинѣ: Полтавскій полковникъ Пушкаръ, любимецъ черни, не хотѣлъ признавать за Выговскимъ гетманскаго достоинства. Пушкаръ поддерживало и Запорожье. Выговскій былъ въ правѣ ожидать дѣятельнаго содѣйствія московскаго правительства для подавленія бунта; но оно—имѣя черезъ своихъ воеводъ и агентовъ ближайшее понятіе о томъ, что дѣлалось на Украинѣ—видѣло, что бунтовавшій Пушкаръ, съ своими дейнеками (голо-той) и запорожцами, искреннѣе тяготеетъ къ Москвѣ, чѣмъ гетманъ Выговскій, и подъ благовидными предлогами уклонялось отъ дѣятельнаго вмѣшательства. А, между тѣмъ, бунтъ все распространялся, и дейнеки усердно грабили значныхъ. Выговскій зоветъ татаръ, всегда готовыхъ на скорую помощь, и вмѣстѣ съ ними, а также наемными нѣмцами, подавляетъ волненіе. Но обращеніе Выговскаго къ татарамъ, теперь уже постояннымъ союзникамъ Польши, было, съ его стороны, какъ бы вызовомъ московскому правительству. Если Выговскому и раньше трудно было завладѣть довѣріемъ Москвы, то теперь это сдѣлалось уже невозможнымъ. Обстоятельства толкали его туда же, куда

влекли симпатіи. Онъ рѣшился на тотъ шагъ, къ которому его давно, настойчиво и умѣло, склоняли польскіе агенты, между ними на первомъ планѣ известный Юрій Немиричъ, изъ панскаго украинскаго рода Немиричей, убѣжденный послѣдователь соцініанской секты, человѣкъ выдающагося ума и образованія. Въ сентябрѣ 1658 года, козацкая рада, руководимая Выговскимъ, приняла такъ называемыя „гадяцкія статьи“, которыми утверждался на новыхъ основаніяхъ союзъ Украины съ Польшей. Эти новыя основанія были основаніями федеративнаго союза. Украина, въ составѣ воеводствъ Кіевского, Черниговскаго и Брацлавскаго, присоединялась къ Польшѣ подъ именемъ княжества Русскаго, согласно формулѣ „какъ вольные къ вольнымъ и равные къ равнымъ“. Русскому княжеству предоставлялся свой сеймъ и трибуналъ, слѣдовательно, своя законодательная и судебная власть, самостоятельная администрація по образцу польской, полная свобода православной религіи, обезпеченіе правъ гетмана и козацкаго сословія, право учреждать школы и типографіи, открыть два университета и т. д. Немало шума вызвали „гадяцкія статьи“; Юрій Немиричъ сказалъ на сеймѣ по этому поводу блестящую рѣчь; Польша торжественно приняла заблудшую дочь въ свои объятія. Все это было очень красиво—и совершенно безплодно; Украина продолжала неудержимо катиться по своей роковой наклонной плоскости. Какъ только разнеслась вѣсть о новомъ союзѣ съ Польшей, сейчасъ же поднялось лѣвобережье, гдѣ пользовались вліяніемъ шурья Богдана Хмельницкаго: Сомко и Золотаренко, поднялось Запорожье съ своимъ кошевымъ, знаменитымъ Сиркомъ. Не встрѣтилъ Выговскій сочувствія и поддержки даже на правомъ берегу, такъ что долженъ былъ бѣжать, спасая жизнь. Козацкая рада подъ Терехтемировомъ, на Жердевскомъ полѣ, осенью 1659 года высказалась за московскій протекторатъ и объявила гетманомъ Юрія Хмельницкаго.

Между тѣмъ, московское правительство, съ свойственной ему настойчивостью, не пропускало никакого случая, чтобы расширить и усилить свое вліяніе на дѣла протектируемой имъ страны. Измѣна Выговскаго дала ему опять такой случай. Въ новыхъ статьяхъ, навязанныхъ козачеству, стѣснилась политическая власть гетмана; воеводы съ ратными людьми водворялись, кромѣ Кіева, въ Переяславлѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ, Брацлавлѣ, Умани; выборъ гетмана долженъ былъ утверждаться царской властью. Для козачества эти новыя ограниченія были тѣмъ тяжелѣе, что были неожиданными: въ виду такихъ уступокъ со стороны Польскаго государства, какъ Гадяцкій договоръ, они рассчитывали на соотвѣтствующія уступки и со стороны государства Московскаго. Неудовольствію противъ Москвы дана была новая пища. Немудрено поэтому, что, когда въ слѣдующемъ 1660 году загорѣлась война изъ-за Украины между Москвой и Польшей, козацкое войско, съ Юріемъ Хмельницкимъ во главѣ, въ критическій моментъ перешло на сторону поляковъ, и войско московское подъ Чудновымъ потерпѣло настоящую катастрофу, такъ что даже предводитель его Шереметьевъ пошелъ въ плѣнъ татарамъ. Чудновскимъ договоромъ между козачествомъ и Польшей возстановляется, хотя и не вполнѣ, сила договора Гадяцкаго. Но все это опять не привело ни къ

чему. Если на правомъ берегу, подъ давленіемъ Польши, признавался до нѣ-
которой степени и этотъ договоръ и гетманъ Хмельницкій, то лѣвобережье и
Запорожье не хотѣли одинаково знать ни гетмана, ни Польши. Здѣсь идетъ
своя собственная борьба партій, изъ которыхъ каждая всѣми силами старается
привлечь на свою сторону въ высшей степени осторожную и недовѣрчивую
благосклонность Москвы. Пока дѣйствуютъ еще родственники и свойственники
Богдана Хмельницкаго; но начинаетъ выдвигаться одна личность, уже ничего
не черпающая изъ ореола, какимъ отмѣчена въ душахъ украинцевъ память
объ ихъ первомъ руководителѣ: это ничтожная креатура Запорожья—Иванъ
Брюховецкій. Между тѣмъ, то польское войско съ правобережными козаками
появляется, съ цѣлью насильственного подчиненія, на лѣвомъ берегу, то мо-
сковское, съ лѣвобережными,—на правомъ; татары грабятъ и тутъ и тамъ;
ошеломленный этой безурядицей, украинскій народъ ждетъ свѣтопреставленія.
Слабый Хмельницкій, совсѣмъ неспособный руководить событіями, на своемъ
отвѣтственномъ посту, окончательно теряетъ голову подъ гнетомъ общаго не-
годованія и постригается, отказавшись отъ власти, въ монахи въ началѣ
1663 года. Брошенную, такимъ образомъ, гетманскую булаву купилъ у поль-
скаго правительства зять стараго Хмельницкаго—Тетеря, человѣкъ не пре-
вышавшій своего предшественника ни умственными, ни нравственными до-
стоинствами, но несомнѣнно болѣе ловкій и изворотливый. Но лѣвобережье
также не хотѣло знать его, тѣмъ болѣе, что Тетеря всегда заявлялъ себя
преданнымъ сторонникомъ Польши. Здѣсь, на лѣвомъ берегу, положеніе вре-
меннаго или наказного гетмана занималъ Сомко, человѣкъ, повидимому, не
совсѣмъ заурядный; но противъ него направлены были интриги и доносы со
стороны другихъ соискателей власти, и московское правительство не довѣряло
его преданности. Зато все болѣе и болѣе выигрывалъ въ этомъ довѣріи Брю-
ховецкій, который пользовался симпатіями Запорожья и лѣвобережной черни.
Онъ былъ достаточно уменъ, чтобы понять, какимъ путемъ можно было до-
биться власти, и достаточно лишенъ нравственнаго чувства, чтобы свободно
перейти изъ роли представителя и защитника интересовъ своей родины въ
роль предателя. Московское правительство пріобрѣтало въ немъ если не на-
дежное, то въ высшей степени полезное орудіе своимъ видамъ. Оно рѣшило
помочь Брюховецкому захватить булаву. Единственное легальное средство,
какимъ можно было осуществить избраніе Брюховецкаго въ гетманы, являлось
созваніе „черной рады“, т.-е. такого избирательнаго собранія, гдѣ были бы не
только представители козачества, а весь народъ. Чернь, симпатизирующая
Брюховецкому, какъ предполагаемому врагу значнаго козачества, должна была
дать ему перевѣсъ своей численностью; съ другой стороны, суматоха и без-
порядокъ, необходимо господствующіе въ такомъ огромномъ и не организо-
ванномъ сборищѣ, при содѣйствіи московскихъ ратныхъ людей, могли легко
прикрыть пробѣлы въ формальной сторонѣ избирательнаго процесса.

Черная рада, собравшаяся въ Нѣжинѣ въ іюнѣ 1663 г., дѣйствительно, избрала
въ гетманы Брюховецкаго; вмѣстѣ съ тѣмъ, чернь грабила три дня значныхъ ко-
заковъ, явившихся на раду съ приличной торжественности случая обстанов-

кой. Первымъ дѣломъ Брюховецкаго было обвинить въ измѣнѣ своихъ противниковъ, во главѣ ихъ бывшаго наказнаго гетмана Сомка и нѣжинскаго полковника Золотаренка, и казнить ихъ.

Итакъ, раздѣленіе Украины на двѣ половины какъ бы закрѣпилось: на правой сторонѣ сидѣлъ Тетеря, преданный сторонникъ Польши; на лѣвой — Брюховецкій, не менѣе преданный сторонникъ Москвы. Но оба государства еще не могли примириться съ этимъ *statu quo*, въ особенности Польское. Собравшись съ силами, потрясенными предыдущими тяжелыми войнами и внутренней анархіей, оно предприняло снова чуть-что не крестовый походъ для завоеванія лѣвобережной Украины: двинулся самъ король Янъ-Казиміръ лично и съ нимъ, во главѣ двухъ другихъ войскъ, жестокій Чарнецкій и Янъ Собѣсскій, будущій герой польской исторіи, оба военачальники, выдающіеся по опытности и способностямъ; татары явились на помощь, сама Сѣчь начала колебаться въ пользу Польши. Зимой 1663 — 64 годовъ польскія войска прошли по лѣвобережью: Янъ-Казиміръ направился-было черезъ Сѣверщину на соединеніе съ литовскимъ войскомъ, имѣя цѣлью, вслѣдъ за покореніемъ лѣвобережной Украины, двинуться на самую Москву. Но все это громкое предпріятіе свелось ни къ чему: много было взято украинскихъ городовъ и мѣстечекъ, но удержать ихъ за собой, въ виду полной враждебности населенія и отпора со стороны московско-козацкаго войска, было слишкомъ трудно. Къ тому же татары ушли домой, такъ какъ Сирко съ запорожцами напалъ на Крымъ, а на правомъ берегу снова начались волненія, при дѣятельномъ содѣйствіи того же неутомимаго Сирка, и польскія войска вынуждены были, не добившись ничего, возвратиться назадъ. Вслѣдъ за ними переправился на правую сторону и Брюховецкій съ козаками и небольшимъ отрядомъ московскихъ ратныхъ людей. Еще разъ несчастный край дѣлается ареной войны, еще разъ проходитъ по нему жестокій Чарнецкій: и все остается безъ прочнаго политическаго результата, все лишь шагъ дальше по пути „руины“ — безмысленнаго стихійнаго истребленія жизни, такъ много общавшей, такъ богатой культурными задатками. Домашнія неурядицы отвлекаютъ отъ Украины польскія войска, которыя оставляютъ за собою лишь нѣсколько гарнизоновъ въ городахъ. Брюховецкій, заинтересованный своими лѣвобережными дѣлами, уѣзжаетъ въ Москву, занявъ своими силами тоже нѣкоторые пункты, кидаетъ гетманство безсильный и ничтожный Тетеря, фактической силой въ правобережной Украинѣ остаются татары. Съ ихъ-то поддержкой и выдвигается новое лицо, которому удастся на нѣкоторое время овладѣть положеніемъ: это чигиринскій полковникъ Петръ Дорошенко, съ осени 1665 г. выступающій какъ правобережный гетманъ.

Дорошенко одинъ изъ тѣхъ немногихъ дѣятелей этой тяжелой эпохи, которые были выдвинуты наверхъ не случайной игрой стихійныхъ силъ, а естественнымъ тяготѣніемъ своихъ личныхъ достоинствъ. Умъ, способный захватывать широкіе горизонты, природное краснорѣчіе, помогавшее ему увлекать за собой толпу, сильное честолюбіе — все это дѣлало изъ него политическаго человѣка, вожака массы. Но положеніе Украины было таково, что и онъ не могъ вывести ее на спокойный, правильный путь.

Гетманъ Петръ Дорошенко. † 1676 г.

Между тѣмъ, личность и политика Брюховецкаго, все выясняясь, возбуждала все большее и большее негодованіе лѣвобережной Украины. Строя все свои своекоростные расчеты на милостяхъ московскаго правительства, онъ рѣшился „ударить государю челомъ всеми городами, землями и всеми хлѣбными и со всякими доходами“. Такимъ образомъ, Малороссія, т.-е. лѣвобережная Украина, отдавалась непосредственно въ подданство московскому государю, причемъ лишь козацкому сословію выговаривались разныя льготы. Москва выразила свою благосклонность Брюховецкому тѣмъ, что дала ему боярское достоинство, а старшинѣ, принимавшей участіе въ челобитной,—дворянское; всемъ пожалованы были маестности (недвижимыя имѣнія). Все это продѣлалъ Брюховецкій во время своего пребыванія въ Москвѣ осенью 1665 г. Нетрудно представить себѣ, какое впечатлѣніе произвели на Украинѣ все эти новыя и совершенно чуждыя достоинства и отличія, какія привезли съ собою изъ Москвы гетманъ и старшина, а, главное, тѣ результаты, какіе вытекли изъ новыхъ „статей“, заключенныхъ гетманомъ съ московскимъ правительствомъ, хотя статьи эти не были рассмотрѣны и утверждены козацкой радой. Московскіе воеводы начали водворяться одинъ за другимъ въ городахъ лѣвобережной Украины; явились стольники съ цѣлью произвести перепись жителей и ихъ доходовъ. Перепись — какъ она ни безобидна сама по себѣ — всегда имѣла свойство возбуждать подозрительность и неудовольствіе массы; въ данныхъ условіяхъ — тѣмъ болѣе. Отвѣтственнымъ лицомъ за все являлся гетманъ. А, между тѣмъ, пришли къ концу долго тянувшіеся переговоры между Московскимъ и Польскимъ государствами и привели съ собою Андрусовское перемиріе *). По этому договору лѣвобережная Украина оставалась, какъ была, подъ властью Московскаго государства, правобережная — Польскаго, за исключеніемъ Кіева, который удерживался Москвою въ своей власти на два года, а Запорожье подъ общимъ покровительствомъ обоихъ. Такимъ образомъ, случайный фактъ существованія двухъ гетманствъ какъ бы закрѣпился, получалъ устойчивость, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, разсѣивалась надежда на самостоятельное существованіе Украины: двумъ половинамъ трудно было и мечтать о томъ, чего не добилось цѣлое. Это понимали болѣе сознательные украинскіе умы и чувствовали менѣе сознательные. Къ наиболѣе сознательнымъ изъ этихъ умовъ, несомнѣнно, принадлежалъ правобережный гетманъ Дорошенко. Находясь постоянно въ союзѣ съ татарами, онъ, тѣмъ не менѣе, всеми силами старался о томъ, чтобы объединить Украину подъ покровительствомъ Москвы. Андрусовское перемиріе убѣдило его въ томъ, какъ мало основательны были его надежды на Московское государство. Но это не заставило его отказаться отъ стремленій къ объединенію; только все свои расчеты на осуществленіе этого объединенія онъ строилъ теперь на турецко-татарской помощи. Дорошенко вступаетъ въ сношенія съ Брюховецкимъ, стараясь втянуть его въ свои планы, общается ему гетманство надъ объединенной Украиной. Вѣрилъ или не вѣрилъ Брюховецкій этимъ планамъ и общаніямъ, но ему, въ виду общаго неудоволь-

*) Начало 1667 г.

ствія и симпатій къ Дорошенку, было опасно оставаться въ старомъ положеніи, тѣмъ болѣе, что онъ даже и не извлекалъ изъ него выгоды: доходы, которыми онъ раньше распоряжался, шли теперь въ царскую казну, съ воеводами были безконечныя недоразумѣнія и неудовольствія. Какъ человекъ безъ чести и совѣсти, онъ также свободно повернулся спиной къ Москвѣ, которой обязанъ былъ всѣмъ, включая даже и семью—жену свою, московскую боярышню, онъ получилъ, по просьбѣ, изъ рукъ царя. Онъ воспользовался своею властью, чтобы обратить въ открытый бунтъ таившееся до тѣхъ поръ народное неудовольствіе противъ Москвы. Въ началѣ 1668 года украинцы на лѣвобережьи поднялись на великороссовъ, отказались платить подати, повыгоняли воеводъ и московскихъ ратныхъ людей; кое-гдѣ были и кровавыя расправы, впрочемъ, незначительныя. Брюховецкій отдался подъ покровительство султана. Но и эта, столь неожиданная и крутая, перемѣна фронта не спасла гетмана. На лѣвомъ берегу появился Дорошенко, призванный козачествомъ, и Брюховецкій лишился не только гетманства, но и жизни, избитый до смерти своими же козаками. На одинъ моментъ Дорошенко достигъ цѣли своихъ стремленій, объединилъ Украину подъ своею властью, но только на моментъ. Сейчасъ же все опять пошло врознь. Сѣверное лѣвобережье, прилежавшее непосредственно къ Московскому государству, не могло серьезно думать о турецкомъ протекторатѣ и съ своимъ наказнымъ „сѣверскимъ“ гетманомъ, поставленнымъ здѣсь Дорошенкомъ, Демьяномъ Многогрѣшнымъ, просило у московскаго государя прощенія. Запорожье, выдвинувшее Брюховецкаго и пристрастное къ нему, несмотря ни на что, наперекоръ Дорошенку поддерживало нѣкоего Суховѣнка, къ которому примкнули и южныя полки—миргородскій, полтавскій и лубенскій: здѣсь все опиралось на помощь Крыма; и Суховѣнко выступалъ какъ ставленникъ хана. Наконецъ, и на самомъ правобережьи не было единодушія: выдвинулся новый гетманъ—уманскій—полковникъ Ханенко, котораго поддерживала Польша. Итакъ, черезъ годъ послѣ убійства Брюховецкаго и мелькнувшей—было надежды на объединеніе Украины подъ сильной рукой Дорошенка, лѣтомъ 1669 года было нѣсколько гетмановъ, изъ которыхъ каждый опирался на часть территоріи и на иноземную политическую силу, не считая „закутныхъ гетманишекъ“, которые выскакивали то-и-дѣло въ общемъ хаосѣ, изъ какого не могла выбраться Украина.

Дорошенко окончательно приходитъ къ убѣжденію въ томъ, что турецко-татарскій союзъ, на который онъ до сихъ поръ смотрѣлъ лишь какъ на средство къ объединенію Украины, долженъ быть цѣлью его усилій, что Украина можетъ достигнуть относительной цѣльности и самостоятельности, лишь поставленная въ такой же протекторатъ Турціи, какимъ пользовались Молдавія и Валахія. Свою незаурядную энергію онъ направляетъ на то, чтобы привлечь Турцію къ дѣятельному вмѣшательству; усилія его увѣнчались самымъ неожиданнымъ и блестящимъ успѣхомъ, однако, не на радость ни Украинѣ, ни самому Дорошенку.

Между тѣмъ сѣверскій гетманъ Демьянъ Многогрѣшный былъ признанъ московскимъ правительствомъ гетманомъ лѣвобережной Украины и понемногу

расширилъ и утвердилъ свою власть надъ всею территоріею, включая даже и непокорную Полтавщину, которую поддерживали запорожцы, выходившіе сюда на зимовку. Многогрішный былъ, повидимому, недурной человекъ: прямой, некорыстолюбивый, преданный интересамъ родины. Но заурядному хорошему человеку трудно было изворачиваться, чтобы руководить положеніемъ края, терзаемаго извнутри противорѣчивыми стремленіями, и находящагося подъ постояннымъ давленіемъ могущественной виѣшней силы, интересы которой шли въ разрѣзъ съ интересами страны, какъ они сознавались его представителями, а, слѣдовательно, и самимъ гетманомъ. Московское правительство не отступало отъ намѣченной имъ политики: ни возстаніе противъ воеводъ, поднятое Брюховецкимъ, ни угроза турецкимъ протекторатомъ не вынудили его отказаться въ чемъ-нибудь отъ приобретенныхъ правъ. Украинцамъ представлялось необходимымъ перерѣшить вопросъ о московскихъ воеводахъ и ратныхъ людяхъ въ украинскихъ городахъ; но Москва даже не позволяла заводить о немъ и рѣчи.

На правобережьи шла неустанная борьба между гетманами, при постоянномъ вмѣшательствѣ поляковъ и татаръ. Лѣвобережье, подъ охраной Москвы, было относительно спокойно. Но это виѣшнее спокойствіе не обезпечивало спокойствія внутренняго. Общество находилось въ полнѣйшемъ разбродѣ даже независимо отъ той борьбы социальныхъ элементовъ, на которую было указано выше. Взгляды и симпатіи значительнаго большинства украинскаго общества влекли его къ автономіи, въ которой оно было воспитано; интересы отдѣльных лицъ тянули ихъ къ могущественной Москвѣ. Въ болѣе вліятельномъ, правящемъ, классѣ общества создавалась разлагающая атмосфера, гдѣ интрига, доносъ, подлаживаніе подъ виды московскаго правительства являлись могучими орудіями въ рукахъ безсовѣстнаго эгоизма, хищничества, властолюбія.

Наступилъ 1672 г. и принесъ съ собою и на лѣвомъ и на правомъ берегу крупныя перемѣны.

Прежде всего, на лѣвобережьи созрѣла интрига старшины противъ Многогрішнаго, который возбуждалъ неудовольствіе окружающихъ своей вспыльчивостью и раздражительностью. Нѣсколько вліятельныхъ лицъ изъ этой старшины, преслѣдуя свои личныя цѣли, воспользовались тѣмъ, что гетманъ въ своей несдержанности раздражалъ и представителей московскаго правительства, составили заговоръ, схватили Многогрішнаго и отвезли въ Москву. Здѣсь они обвинили его въ сношеніяхъ съ Дорошенкомъ и намѣреніи отдаться подъ турецкій протекторатъ. Обвиненія были мало доказательны; судебный процессъ, несмотря на примѣненіе пытки, также не выяснилъ ничего, что подкрѣпляло бы обвиненія,—и, тѣмъ не менѣе, Многогрішный былъ осужденъ на смертную казнь, замѣненную пожизненною ссылкой въ Сибирь. Передачей своего выборнаго гетмана на судъ московскаго правительства козацкая старшина сдѣлала важный шагъ въ сторону ограниченія своихъ автономныхъ правъ. За этимъ послѣдовалъ другой, не менѣе важный. Старшина боялась предоставить выборъ новаго гетмана обыкновенной радѣ, еслибъ даже она и не была „черной“, а обыкновенной козацкой радой: несмотря на всѣ предосторожности и предвари-

тельную подготовку, все-таки могло случиться, что рада выдвинула бы на гетманство, напимѣрь, Сирка, знаменитаго запорожскаго кошевого, который своей постоянной героической борьбой съ татарами и престонароднымъ обликомъ возбуждалъ общія горячія симпатіи массы. Такой выборъ былъ бы одинаково непріятенъ какъ козацкой старшинѣ, такъ и московскому правительству. Сирко, проѣздомъ черезъ лѣвобережье, былъ захваченъ и скованный отвезенъ въ Батуринъ, тогдашнюю столицу лѣвобережной Украины, а старшинъ постановила просить, чтобы государь разрѣшилъ совершить выборъ гетмана не собраніемъ всѣхъ козаковъ, а только значныхъ. Просьба была уважена. Мало того: такъ какъ народъ все-таки могъ воспользоваться тѣмъ, что онъ считалъ своимъ законнымъ правомъ, и собраться на раду,—выборъ гетмана былъ не на украинской территоріи, а внѣ ея, между Конотопомъ и Путивлемъ. Выборы совершились „тихими гласы“, такъ какъ были простой формальностью: гетманомъ заранѣе былъ намѣченъ генеральный судья Иванъ Самойловичъ, „поповичъ“, какъ его прозывали обыкновенно, такъ онъ былъ сыномъ священника. Выборъ былъ удаченъ; дѣлхъ полтора десятка лѣтъ держалъ Самойловичъ гетманскую булаву—большой срокъ для этого смутнаго времени.

Но всѣ эти событія блѣднѣли передъ тѣмъ, что совершалось на правобережьи. Замыслы Дорошенка получали неожиданное и блестящее осуществленіе: уже съ конца предшествующаго года султанъ Магомедъ IV дѣлалъ грандіозныя приготовленія къ завоеванію „Лехистана“; но только лѣтомъ 1672 года огромная и пестрая 300-тысячная армія тронулась въ путь подъ личнымъ предводительствомъ падишаха и лишь въ августѣ вступила въ границы Подолья. Польша была болѣе чѣмъ не готова встрѣтить опасность—она просто не хотѣла ничего знать, не слышать о ней: ничтожный король Михаилъ-Корибутъ Вишневецкій совѣтъ не могъ справляться съ шляхтой, а та предпочитала думать, что грозящая со стороны Турціи опасность есть выдумка короннаго гетмана, нуждающагося въ войнѣ для своихъ цѣлей: гетманомъ былъ въ то время знаменитый вполсѣдствіи Янъ Собѣскій. Но вотъ, послѣ недѣльной осады, палъ и Каменецъ, въ неприступности котораго шляхта была непреложно увѣрена, и вся польская территорія оказалась настежь раскрытой передъ ужаснымъ врагомъ. О сопротивленіи не могло быть никакой рѣчи. Всѣ укрѣпленныя мѣста сдавались одинъ за другимъ безъ сопротивленія или сносились съ лица земли. Турецкое войско двигалось къ Льву, захватывая огромное пространство, и на этомъ пространствѣ стояло сплошное зарево, носились клубы дыма, раздавались жалобные стоны и дикіе крики. Въ то же время крымская орда ворвалась по всѣмъ тремъ шляхамъ и проникла въ такія мѣстности, которыя до тѣхъ поръ были недоступны для татаръ. Дорошенко стоялъ на Украинѣ съ ханомъ и разсылалъ универсалы о покорности султану. Наступающая осень задержала дальнѣйшее движеніе турецкой арміи вглубь Польши, которая готова была принять миръ на всякихъ условіяхъ. Въ октябрѣ 1672 г. былъ заключенъ такъ-называемый Бучацкій договоръ. Подольское воеводство съ Каменцемъ отходило къ Турціи, Украина собственно, т.-е. воевод-

ства Брацлавское и Киевское, признавались козацкимъ владѣніемъ, подъ управленіемъ Дорошенка и верховнымъ покровительствомъ Турціи.

Дорошенко достигъ цѣли своихъ стремленій, но лишь для того, чтобы убѣдиться, какую ошибку сдѣлалъ онъ, разсчитывая на Турцію. Очевидно, она не могла сгруппировать около себя разрозненные элементы Украины, прежде всего потому, что внушала къ себѣ полнѣйшее недовѣріе и отвращеніе; вмѣшательство ея лишь ускорило тотъ прогрессъ политическаго разложенія, на какой былъ обреченъ край. Турки и татары разоряли территорію, въ видахъ ея подчиненія. Польша, между тѣмъ, поумнѣвшая отъ даннаго ей тяжелаго урока, съ довѣріемъ обратилась къ Собѣсскому, предоставивъ ему дѣло залѣчиванія нанесенныхъ ранъ, и обнаружила ту энергію, къ какой она была способна въ періодъ подъема общественнаго духа: она, естественно, не хотѣла признавать вынужденнаго у нея Буцацкаго договора и не думала отказываться отъ своихъ правъ на козацкую Украину. Въ то же время и Москва съ лѣвобережными козаками, освобожденная происшедшими политическими переменами отъ обязательствъ Андрусовскаго мира, считала необходимымъ вмѣшаться въ дѣла правобережья, такъ какъ сами жители умоляли объ этомъ вмѣшательствѣ. Вмѣсто объединенія и умиротворенія являлась лишь усиленная смута. Въ этой смутѣ одно стремленіе начало могущественно, на подобіе душевной эпидеміи, овладѣвать людьми—стремленіе кинуть все, перебраться черезъ Днѣпръ и на лѣвомъ берегу искать новой осѣдлости, новой родины, новой общности. Пустѣли села, пустѣли городъ за городомъ, мѣстечко за мѣстечкомъ. Обозы, нагруженные „прачанами“ и ихъ пожитками, тянулись къ Черкасамъ и Каневу; переправясь на лѣвый берегъ, прачане тянулись дальше на востокъ, въ слободскіе полки, гдѣ еще были незанятые земли. Тщетно Дорошенко пытался задержать это движеніе увѣщательными универсалами и страхомъ наказанія въ видѣ отдачи татарамъ; тщетно поляки, съ своей стороны, стерегли людей „словно рыболовы съ удочками“—ничто не помогало. Самойловичъ терялъ голову, не зная, что дѣлать съ этой массой народа, истощеннаго, безпріютнаго и голоднаго, лишеннаго даже лошадей, повздыхавшихъ отъ безкормицы. Такимъ образомъ, въ 1674 году переселились полки уманскій и брацлавскій; въ 1675 г. полкъ корсунскій. Въ томъ же году и Ханенко сдалъ свою гетманскую булаву въ руки Самойловича и поселился доживать свой вѣкъ въ Козельцѣ. Наконецъ, увидѣлъ и Дорошенко, что и ему нѣтъ иного выхода, какъ отдаться на милость московскаго правительства. Онъ пытался-было выговорить себѣ нѣкоторыя права при посредствѣ Сѣчи и ея кошевого Сирка, но лѣвобережный гетманъ всегда имѣлъ возможность держать въ рукахъ Запорожье запрещеніемъ вывозить туда хлѣбъ, а сѣчевикамъ выходить на зимовку въ Полтавщину, какъ это было въ обычаѣ. Наконецъ, послѣ долгихъ колебаній, осенью 1676 г., сдалъ Дорошенко Самойловичу и Москвѣ Чигиринъ, центръ опустѣвшей территоріи, передалъ свои „клейноты“, т.-е. знаки своего гетманства, чтобы сложить ихъ у ногъ царя, и присягнулъ на вѣчное подданство, а съ нимъ и всѣ еще оставшіеся на мѣстахъ жители Чигирина, Жаботина, Субботова, Медвѣдки, Черкасы и Крылова. Турецко-Козацкая Украина перешла, такимъ обра-

зомъ, въ зависимость отъ Москвы; Дорошенко же, проживши нѣкоторое время на лѣвобережьи, гдѣ онъ былъ довѣрчиво и задушевно принятъ Самойловичемъ, вызванъ былъ въ Московское государство, гдѣ и оставался до смерти, какъ бы въ почетной ссылкѣ.

Послѣ отреченія Дорошенка правобережная Украина представляла собой слѣдующее. Чигиринъ и его территорія, бывшее гетманство Дорошенка, заняты были теперь московскими ратными людьми и козаками Самойловича; вѣроятно, села и городки этой территоріи были теперь уже почти пусты, оставался настояще заселеннымъ и занятымъ лишь ея центръ. Подністровскихъ козаковъ, сколько ихъ еще оставалось съ полковникомъ Гоголемъ, убѣдилъ Янъ Собѣскій, теперь уже король, переселиться въ Кіевское Полѣсье, въ Димерское староство: страстный поклонникъ козачества, король, вмѣстѣ съ великимъ короннымъ гетманомъ Яблоновскимъ, хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы завести новое козачество, искренне преданное Польскому государству, и сдѣлать съ него оплотъ для борьбы съ мусульманскимъ востокомъ.

При дѣятельномъ покровительствѣ власти, полѣсское козачество начало быстро возрастать въ числѣ. Однако, козачество это, ничѣмъ не связанное съ территоріей, совсѣмъ не имѣло того козацкаго духа, который нравственно возвышалъ сословіе, возлагая на него представительство угнетенныхъ интересовъ народа и народности; такимъ образомъ, это полѣсское или лѣсное козачество легко вырождалось чуть-что не въ разбойничьи шайки, которыя жили на счетъ мирнаго населенія и жестоко угнетали его. Но Польша, находившаяся съ новымъ королемъ въ подъемѣ своего общественнаго духа, не ограничилась тѣмъ, что отняла изъ турецкаго подданства подністровское козачество; какъ только страшная турецкая армія ушла обратно за Днѣстръ, поляки начали занимать обратно и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ заняли почти всѣ города и городки Подолія. Турція увидѣла, что всѣ ея усилія и блестящія приобрѣтенія свелись къ очень немногому, а козацкая Украина, послѣ измѣны Дорошенка, совсѣмъ выскользаетъ изъ рукъ. Тогда Турція обратилась за помощію къ тѣни великаго перваго вождя, поднявшаго Украину. Изъ темницы вывели Юрія Хмельницкаго, возложили на него титулъ гетмана и князя малороссійской Украины или Сарматіи и отправили его съ войскомъ на Украину.

Турція хотѣла возстановить козацкую Украину; здѣсь она должна была неизбежно столкнуться съ Московскимъ государствомъ, которое приняло отъ Дорошенка подвластную ему территорію. Самойловичъ титуловался гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. Когда за первымъ, неудачнымъ, такъ называемымъ чигиринскимъ походомъ 1677 г. послѣдовалъ въ 1678 г. второй, Московское государство должно было заключить, что Турція серьезно желаетъ добиваться своей цѣли. Но съ видами московской политики совсѣмъ не согласовались жертвы на удержаніе за собой этого края. Наоборотъ, усиленіе Украины представлялось ей обстоятельствомъ, не только не выгоднымъ, но прямо вреднымъ. Всѣ же остальные элементы Малороссіи, т.-е. лѣвобережья, дѣятельно стремились къ тому, чтобы удержать обѣ территоріи въ единствѣ: „за кѣмъ Чигиринъ, за тѣмъ и Кіевъ и всѣ мы“,—говорили здѣсь. Такимъ образомъ, въ то

время какъ гетманъ Самойловичъ обнаруживалъ большую энергію, подымая для отраженія новаго турецкаго похода къ Чигирину не только козачество, но и псполство, бояринъ Ромодановскій, главный начальникъ московскихъ ратныхъ людей, дѣйствовалъ такъ, какъ-будто имѣлъ тайныя инструкціи погубить дѣло, на защиту котораго онъ отправлялся. Какъ бы то ни было, Чигиринъ, послѣдній оплотъ правобережнаго козачества, былъ совершенно уничтоженъ турками. Господиномъ положенія остался Юрасъ Хмельницкій, котораго турки водворили въ Немировѣ, нѣкогда многолюдномъ, теперь жалкомъ мѣстечкѣ со скуднымъ, большею частью еврейскимъ, населеніемъ. Хмельницкій пытался было, хотя и неудачно, распространить свою власть на ту часть украинской территоріи, которая осталась за Польшей, также на лѣвобережье. Все это, конечно, при турецко-татарской помощи. Собственной силы онъ не имѣлъ никакой: представлялъ собою лишь жалкое подобіе гетмана, ничтожную маріонетку, которая двигалась по сценѣ ровно до тѣхъ поръ, пока не заблагоразсудилось Константинополю убрать ее за негодностью, что и случилось довольно скоро. Въ 1681 г. былъ заключенъ между Россіей и Турціей Бахчисарайскій миръ, по которому правобережье къ югу отъ Кіева оставалось за Турціей. Но приднѣпровская полоса этой территоріи была уже теперь совершенно пуста: еще за два года передъ тѣмъ сынъ гетмана Семень Самойловичъ, согласно желанію московскаго правительства, „согналъ“ жителей изъ всѣхъ городковъ, какіе оставались заселенными, на лѣвый берегъ. Постановленіемъ Бахчисарайскаго договора эта полоса такъ и должна была оставаться впредь незаселенною. Послѣ этого мира исчезъ и Хмельницкій, какъ говорятъ, жертвой мщенія богатаго еврея Оруна, торговца невольницами,—на одичавшей Украинѣ появляется теперь и торговля людьми,—по жалобѣ котораго онъ былъ будто бы отозванъ султаномъ и казненъ. Турція передала свое украинское приобрѣтеніе молдавскому господарю Дукѣ.

Мысль оставить незаселенной территорію, которая была истинной колыбелью украинскаго козачества, представлялась самымъ удобнымъ выходомъ изъ затрудненій международной дипломатіи. Когда, черезъ пять лѣтъ послѣ Бахчисарайскаго мира, въ 1686 г. Россія заключила такъ называемый „вѣчный миръ“ съ Польшей,—союзъ, направленный противъ Турціи,—и снова державы дѣлили между собой ту же несчастную Украину, то правобережье, опять признанное за Польшей, постановлено было оставить впустѣ, отъ мѣстечка Стаекъ по р. Тясминѣ.

Въ какую-нибудь четверть вѣка, протекающую со смерти Богдана, „руина“ правобережной Украины достигла своего апогея. Подольское, брацлавское и большая часть кіевскаго воеводства—эти перлы польской короны—обратились въ пустыню. Можеть-быть, десятка два тысячъ жителей еще и ютилось по окраинамъ этой пустыни, въ рѣдкихъ и жалкихъ поселеніяхъ по берегамъ большихъ рѣкъ, не считая большого турецкаго гарнизона въ Каменцѣ; но они уже не составляли Украинны. Дальше вглубь края пустыня дѣлалась совершенно безлюдной. Роскошныя нивы заросли бурьяномъ; нигдѣ жилья человеческого, ни признака стадъ, которыми еще такъ недавно славилась Украина;

одичавшія собаки вели ожесточенную борьбу за существованіе съ волками, начали снова появляться даже и дикіе кони, которые сдѣлались-было рѣдкостью, расплодился дикія козы, лоси, медвѣди. Лукьяновъ, великорусскій путешественникъ, въ пять дней ѣзды черезъ эту пустыню не встрѣтилъ ни души. Отъ Корсуня до Бѣлой-Церкви, по направленію къ Волини, по свидѣтельству Велички, можно было видѣть лишь безлюдные замки, высокіе валы, которые были пріютомъ дикихъ звѣрей, а повалившіяся стѣны, покрытыя мхомъ и поросшія бурьяномъ, служили прибѣжищемъ гадовъ. Подолье, съ своимъ необычайнымъ плодородіемъ, не могло прокормить даже пятнадцати тысячъ турецкаго гарнизона въ Каменцѣ: доставали припасы изъ-за Днѣстра, изъ Молдавіи. На огромной территоріи Барскаго староства совсѣмъ не было населенія, кромѣ небольшого числа черемисъ (литовскихъ татаръ), потерявшихъ привычку осѣдой жизни. Степную Украину съ скудными обитателями снабжало хлѣбомъ Кіевское Полѣсье. Прекратилось торговое движеніе, заросли дороги; лишь немногочисленные караваны верблюдовъ, подъ сильнымъ турецкимъ конвоемъ, ходили по одному проторенному пути между Каменцомъ и Шаргородомъ, гдѣ пріютились восточные купцы. Настоящая правильная гражданская жизнь начиналась лишь въ полосѣ стараго заселенія, на территоріи земли Волинской и Кіевского Полѣсья. Поддержкой Полѣсья съ его козачествомъ, протектируемымъ королемъ, зарождалось въ степи, въ Хвастовщинѣ, новое украинское козачество, вожакомъ котораго былъ энергичный и талантливый полковникъ Семень Палій. А отъ Палія и его „палівщины“ начинали и въ другихъ пунктахъ запустѣлой Украины, всюду, гдѣ появлялись предпріимчивые руководители, зарождаться и быстро расти новые козацкіе полки, какъ-то: полки Самуся, Искры, Абазина, видѣвшихъ свой центръ въ знаменитомъ хвастовскомъ полковницѣ. Такъ быстро на плодородной почвѣ Украины отъ тѣхъ же старыхъ упорныхъ корневищъ выбивались новые и сильные побѣги.

Когда вмѣстѣ съ обязательнымъ запустѣніемъ Украины, постановленнымъ дипломатіей, водворилось спокойствіе, обнаружилось среди украинскаго народа неудержимое стремленіе переселяться обратно съ лѣваго берега на правый. Слабое движеніе въ этомъ направленіи проявилось еще при Юріи Хмельницкомъ, который посылалъ на лѣвый берегъ универсалы съ зазываніями, и очень усилилось, когда Турція передала свою Украину молдавскому господарю Дукѣ, человѣку тихаго и мягкаго нрава, который ничего не требовалъ отъ своихъ новыхъ подданныхъ, кромѣ признанія своихъ верховныхъ правъ. Власти лѣвобережья оказывали всяческое противодѣйствіе этому новому колонизаціонному движенію; но, тѣмъ не менѣе, оно не прерывалось, лишь ослабляясь или усиливаясь соотвѣтственно положенію дѣлъ въ Гетманщинѣ.

А здѣсь, въ „сегобочной“ Украинѣ произошла также важная политическая перемѣна. Гетманъ Самойловичъ, который жилъ долгіе годы въ полномъ ладу съ московскимъ правительствомъ, пользуясь его довѣріемъ, началъ, мало-по-малу, переходить отъ простыхъ привычекъ выборнаго и зависимаго козацкаго старшины къ замашкамъ самодержавнаго властителя. Его гордость и притязательность возстановляли противъ него знатное козачество; вслѣдъ за знат-

ными рядовое козачество и посполство сваливали на него же свое недовольство возрастающими общественными тяготами. Для удовлетворенія гетманскаго тщеславія нужна была пышность, пышность требовала средств: отсюда являлось корыстолюбіе, возбуждавшее общія нареканія. Зло увеличивалось еще многочисленной родней гетмана, которая тоже начала жить соотвѣтственно высокому положенію главы. Такимъ образомъ, когда распались внѣшнія опоры, на которыхъ держалась сила Самойловича, оказалось тотчасъ же, что внутри края ему опереться не на что. Дѣло въ томъ, что въ политическихъ событіяхъ 80-хъ годовъ политическіе интересы Московскаго государства опять столкнулись враждебно съ интересами Малороссіи (такъ начала теперь называться лѣвобережная Украина въ отличіе отъ правобережной или Украины, въ собственномъ смыслѣ слова). Самойловичъ, какъ политическій представитель Малороссіи, былъ очень недоволенъ Бахчисарайскимъ миромъ 1681 г.; вѣчный же миръ между Россіей и Польшей противъ Крыма и Турціи возбудилъ въ немъ большое раздраженіе: окончательная передача правобережья въ руки Польши не вознаграждалась въ его глазахъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что Запорожье переходило теперь въ исключительный протекторатъ Москвы. Самойловичъ не скрывалъ своего неудовольствія, которое раздѣлялось многими, но въ выраженіи его не переходилъ предѣловъ, опредѣляемыхъ его положеніемъ, и вѣроятно, это не повело бы ни къ чему для него роковому, если бы не случайное стеченіе обстоятельствъ. Извѣстно, какъ неудаченъ былъ походъ въ Крымъ кн. Голицына, всеильнаго любимца царевны Софіи: надо было свалить на кого-нибудь вину за эти неудачи. Искушительной жертвой подвернулся Самойловичъ съ его неудовольствіемъ: всѣ совѣты, какіе онъ давалъ какъ свѣдущій человекъ, поставлены были ему въ вину; его обвиняли въ томъ, что онъ нарочно поджегъ стени, такъ какъ стеной пожаръ былъ самой видной изъ причинъ неудачи одного похода, и т. п. Но главной причиной его гибели была, конечно, общая ненависть; сыграла ли въ этомъ какую-нибудь роль интрига того лица, которое такъ неожиданно и съ такимъ рѣшительнымъ успѣхомъ выступило его преемникомъ,—не извѣстно. Лицомъ этимъ былъ Иванъ Степановичъ Мазепа, выбранный въ гетманы на Коломакской радѣ 25 іюля 1687 года.

Хмельницкій и Мазепа, начало и конецъ того краткаго, но яркаго какъ метеоръ пути, какимъ промелькнула политическая исторія козацкой Украины на общемъ фонѣ историческихъ судебъ южно-русскаго народа. Зато же изъ всѣхъ героевъ этой эпохи только эти два имени и сдѣлались достояніемъ толпы не только на украинскомъ югѣ, но и далеко за его предѣлами. Но если популярность Хмельницкаго понятна сама по себѣ, то популярность Мазепы несомнѣнно заимствованная: она опредѣляется, главнымъ образомъ, тою связью, какой историческая личность Мазепы связана съ личностью Петра Великаго. Не то чтобы Мазепа былъ ничтоженъ самъ-по-себѣ,—нѣтъ, онъ не былъ ничтожностью,—но въ его исторической роли, включая и послѣдній ея актъ—измѣну со всей ея якобы неожиданностью, странностью, загадочностью,—все-таки нѣтъ ничего оригинальнаго, отмѣненнаго печатью высшаго индивидуаль-

Гетманъ Иванъ Мазепа. По гравюрѣ Норблена.

ности. Всѣ дѣйствія Мазепы—движенія по протореннымъ, хотя, можетъ-быть, частью уже и заброшеннымъ и заросшимъ травою тропинкамъ.

Стеченіе случайныхъ обстоятельствъ сдѣлало то, что для освѣщенія личности Мазепы сохранилось очень мало документовъ: отсюда просторъ для произвола, съ какимъ трактуется эта личность, съ одной стороны, историками, съ другой поэтами и романистами, такъ какъ нѣкоторые обстоятельства частной жизни Мазепы, въ особенности его отношенія къ Матренѣ Кочубеевой, на ихъ мрачномъ историческомъ фонѣ, даютъ благодарную тему и для художественнаго творчества. Но если свидѣтельства документовъ относительно и скудны, то ихъ все-таки достаточно, чтобы дать общій очеркъ личности и дѣятельности этого послѣдняго представителя политической самостоятельности Малороссіи.

Мазепа былъ родомъ изъ кievской Украины съ праваго берега, православный русскій шляхтичъ. Юность свою провелъ онъ на службѣ въ Варшавѣ, при дворѣ короля Яна-Казимира, который пользовался его услугами для порученій на Украину. Потомъ онъ оставляетъ придворную службу—кажется, по неволѣ; вслѣдъ затѣмъ мы видимъ его на службѣ у Дорошенка. Когда звѣзда правобережнаго гетмана начала клониться къ закату, Мазепа очутился на лѣвобережьи: тогда ему было уже лѣтъ сорокъ. Здѣсь онъ пристраивается ко двору Самойловича и видимо становится своимъ человѣкомъ. Онъ руководитъ воспитаніемъ гетманскихъ сыновей, исполняетъ политическія порученія гетмана, наконецъ, занимаетъ выборную должность генеральнаго есаула. И, тѣмъ не менѣе, выборъ его въ гетманы на Коломакской радѣ является неожиданностью: въ войскѣ были люди, несомнѣнно болѣе заслуженные, а, слѣдовательно, и съ большими правами на гетманство. Избирательная рада происходила въ козацкомъ лагерѣ, окруженномъ московскими войсками, во главѣ которыхъ стоялъ кн. Голицынъ; достовѣрно извѣстно, что Мазепа далъ Голицыну десять тысячъ червонцевъ, можетъ-быть, какъ подарокъ, обычный для тѣхъ временъ и нравовъ, можетъ-быть, какъ взятку. Итакъ, выдвинулся ли Мазепа интригой и подкупомъ, или пріобрѣтенной имъ популярностью—не извѣстно. Но если Мазепа и успѣлъ заручиться довѣріемъ къ себѣ и уваженіемъ, то не среди массы: посольство встрѣтило новаго гетмана волненіемъ, выразившимъ широко распространенное недовольство такимъ оборотомъ событій.

Какъ бы то ни было, Мазепа взялъ управленіе тѣмъ крайне шаткимъ и ненадежнымъ кораблемъ, какой представляла собой гетманщина, и взялъ ловкой и увѣренной рукой.

Несомнѣнно, новый гетманъ обладалъ достоинствами правителя. Онъ былъ не только уменъ отъ природы, но и образованъ, слѣдовательно, могъ обхватывать широкіе горизонты; былъ проникателенъ, находчивъ, краснорѣчивъ, обаятеленъ въ обращеніи: все это признаютъ за нимъ очевидцы-современники. Они не знали, что скрывается подъ этой привлекательною внѣшностью; но есть полное основаніе думать, что подъ ней укрывалась глубокая двойственность. Если она даже и не лежала въ природѣ этого человѣка, то должна была явиться въ силу условий. Мазепа былъ человѣкъ польской культуры: съ польскаго запада вынесъ онъ не только свое образованіе, въ основѣ

котораго лежало прекрасное знаніе латыни, не только свѣтскую полировку и болѣе утонченные вкусы, но и взгляды, симпатіи, идеалы. На грубое козацкое лѣвобережье онъ явился въ тѣ годы, когда человѣкъ живетъ лишь процентами съ умственного и нравственного капитала, пріобрѣтеннаго ранѣе. Но эта грубая, низменная съ его точки зрѣнія, среда общала ему вліяніе, власть, почетъ, богатство и сдержала свое общаніе; однако, она требовала кой-чего въ обмѣнъ, а именно приспособленія. И чтобы пріобрѣсть власть, и чтобы удержать ее, Мазепѣ необходимо было приспособиться къ нравамъ и понятіямъ окружающихъ; Мазепа приспособился. Однако, двойственность его духовной природы, очевидно, не могла совершенно укрыться отъ окружающей его среды: отсюда та масса доносовъ, которая сыпалась на Мазепу, гдѣ выдвигались на видъ, между прочимъ, его польскія симпатіи, въ то время какъ гетманъ безусловно не проявлялъ ихъ ни въ какихъ подробностяхъ своей правительственной дѣятельности.

Первое свиданіе Мазепы съ Петромъ произошло при обстоятельствахъ, въ высокой степени неблагоприятныхъ для гетмана: послѣдній явился въ Москву въ разгаръ борьбы юнаго царя съ сестрой, послѣ второго, также неудачнаго, похода въ Крымъ, явился, какъ креатура ненавистнаго Петру Голицына. И, между тѣмъ, съ этого же перваго свиданія Мазепа пріобрѣлъ довѣріе и уваженіе Петра, какимъ всецѣло и пользовался до того послѣдняго момента, когда открытый переходъ на сторону врага сдѣлалъ уже невозможнымъ какія-либо сомнѣнія. Мазепа, съ своей стороны, сдѣлалъ не мало, чтобы укрѣпить и развить въ молодомъ царѣ расположеніе и довѣріе къ себѣ. Извѣстна та важная роль, какую играли козаки со своимъ гетманомъ въ первомъ и второмъ азовскихъ походахъ, при занятіи турецкихъ городковъ на низовьяхъ Днѣпра, при самомъ взятіи Азова. На страстное желаніе Петра имѣть флотъ Мазепа откликнулся тѣмъ, что устроилъ на Днѣпрѣ флотилію изъ запорожскихъ челновъ и морскихъ судовъ, на которыхъ былъ предпринятъ походъ, впрочемъ, неудачный, къ Очакову. Вообще, Мазепа выказывалъ такую готовность содѣйствія предпріятіямъ и планамъ Петра, что можно предполагать въ немъ искреннее сочувствіе личности и дѣятельности молодого царя-реформатора. Но надо замѣтить, что Мазепа, въ своихъ личныхъ отношеніяхъ къ Петру, не переходилъ тѣхъ предѣловъ, которые указывались ему его положеніемъ—политическаго представителя своей страны. Онъ защищалъ и отстаивалъ интересы этой страны, указывалъ Петру тѣ политическія мѣры, которыя соотвѣтствовали этимъ интересамъ; вообще держалъ себя какъ самостоятельный правитель гетманской Украины.

Къ тому же, внутреннее состояніе края было таково, что требовало усиленнаго вниманія и усиленности мѣръ. Выше было сказано о томъ довольно широко распространенномъ волненіи, которое встрѣтило вступленіе Мазепы въ роль гетмана. Вмѣстѣ съ тѣмъ, начались волненія на Запорожьѣ, которыя почти не прекращались все время гетманства Мазепы, то усиливаясь, то слабѣя. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (1692—96 гг.) волновалъ Запорожье нѣкто Петрикъ, который, идя по стопамъ своихъ предшественниковъ, хотѣлъ овладѣть властью при посредствѣ татаръ и народной „гололоты“, направляемой на зажиточный

классъ населенія; но, очевидно, времена, благопріятныя для такихъ движеній, уже миновали. Гетманщина была достаточно населена и укрѣплена, чтобы дать отпоръ татарамъ, и всѣ усилія Петрика не привели ни къ чему. Недовольство Запорожья помимо того, что оно, вообще, было пріотомъ недовольныхъ—читалось слѣдующимъ обстоятельствомъ: со взятіемъ турецкихъ городковъ на нижнемъ Днѣпрѣ и съ постройкой Новобогородской крѣпости (нынѣшній Новомосковскъ) на Самарѣ влияние московской и гетманской власти придвинулось слишкомъ близко къ предѣламъ Запорожья.

Слѣдую традиціямъ своихъ предшественниковъ, Мазепа зорко слѣдитъ за тѣмъ, что дѣлается на правомъ берегу, и не упускаетъ случая вмѣшиваться въ дѣла „тогочной“ Украины. Онъ не разъ, и усиленно, убѣждалъ Петра принять подъ свое покровительство хвостовскаго полковника Палія съ его вновь народившимся козацествомъ; позже (1704—5 гг.) Мазепа нашелъ опаснымъ для себя тотъ престижъ, которымъ украинскій народъ всюду окружалъ личность Палія, и, по его нареканіямъ, захваченный имъ вѣроломно Палій былъ засланъ Петромъ въ Сибирь.

По Карловицкому миру 1699 г. Турція уступила Польшѣ Каменецъ-Подольскъ и, такимъ образомъ, навсегда удалялась съ украинской сцены. Правобережная Украина всецѣло оставалась въ распоряженіи Польши. Въ томъ же году появилось сеймовое постановленіе, совершенно уничтожавшее козацество: новый король Августъ, курфюрстъ саксонскій, уже не покровительствовалъ ему, какъ покойный Собѣскій. Украинскіе козаки опять обращались въ панскихъ подданныхъ. Но и это новое, еще слабое, козацество все-таки не могло и не хотѣло подчиниться тому, что казалось Польшѣ государственной необходимостью. Снова начались волненія, которыя на болѣе заселенномъ Поддѣстровѣ напоминали трагическіе дни Хмельнищины. Но эти волненія влились въ тотъ общій потокъ смуты, который, съ наступленіемъ XVIII вѣка, опять обхватилъ Польшу, разбивъ ее на два военныхъ враждебныхъ лагеря: подразумеваемъ Сѣверную войну, по справедливости называемую историками „великой“ не только по величинѣ захваченнаго ею района, по ея длительности, но и по огромнымъ результатамъ, какія она имѣла для Россіи, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и для Малороссіи.

Петръ хотѣлъ пріобрѣсть себѣ порты на Балтійскомъ морѣ; Августъ польскій желалъ съ помощью Петра произвести внутреннюю реформу въ видахъ усиленія королевской власти. Русскій и польскій государи составили союзъ противъ Швеціи и, полагаясь на свое фактическое превосходство надъ относительно слабой Швеціей, уже дѣлили-было ея территорію. Но они не приняты въ расчетъ энергіи и выдающихся военныхъ способностей молодого шведскаго короля. Карлъ XII, съ свойственной ему необычайной бѣстротой, наноситъ Петру и его союзникамъ пораженіе подъ Нарвой и подъ Ригой, а затѣмъ появляется въ Польшѣ, чтобы сдѣлать эту страну на долгое время главнымъ театромъ войны. Панская Польша тотчасъ же распадается на два непріятельскихъ стана: саксонско-русской, который стоитъ за короля Августа, и шведскій, которому Карлъ даетъ въ короли Станислава Лещинскаго. Паны, со всей безцеремонностью независимыхъ представителей своихъ земель-госу-

дарствъ, переходятъ то на одну сторону, то на другую; но шведская партія все растетъ въ силѣ. Въ 1706 г. Карлъ XII принуждаетъ Августа отказаться отъ престола, но панская партія, враждебная шведамъ и Станиславу Лещинскому, продолжаетъ борьбу, опираясь на Петра.

Само собою разумѣется, что украинское козачество въ обѣихъ своихъ половинахъ было втянуто въ перипетіи этой войны. Правобережные козаки воспользовались ею, чтобы, отдавшись подъ покровительство Русскаго государства, найти въ немъ хотя временную опору противъ посягательства пановъ на свою свободу. Лѣвобережные козаки и запорожцы сражались подъ русскими знаменами и въ Литвѣ, и въ Лифляндіи, и на устьяхъ Невы, страдая отъ холода, отъ непривычныхъ условій, отъ дурнаго обращенія русскаго и нѣмецкаго начальства, которое обучало ихъ строевой службѣ. Но болѣе всего пришлось козакамъ съ ихъ гетманомъ дѣйствовать въ Польшѣ, гдѣ имъ было поручено разорять имѣнія пановъ шведской партіи.

Не одинъ разъ предпринимали лѣвобережные козаки, съ гетманомъ и безъ него, свои опустошительныя экскурсіи на правый берегъ и далѣе въ Польшу. Въ 1705 г. Мазепа, во главѣ своего козачества, прошелъ черезъ Волинь къ Львову и далѣе къ Замостью, по тому маршруту, которымъ шелъ, полвѣка тому назадъ, его великій предшественникъ Богданъ Хмельницкій. Это пребываніе его въ Польшѣ, и въ особенности на Волини, въ Дубнѣ, гдѣ онъ стоялъ лагеремъ, повидимому, имѣло роковое значеніе въ его дальнѣйшей судьбѣ. Здѣсь онъ по необходимости вступалъ въ тѣсныя сношенія съ польскою шляхтою, частью политическія, частью лично-дружественныя, дышалъ той съ юности привычной атмосферой польской культуры и политической свободы, составлявшей такую привлекательную сторону польской жизни. Нельзя, конечно, изъ одного этого обстоятельства объяснить ту переменъ, которую обнаружилъ Мазепа три года спустя; но, повидимому, именно здѣсь надо искать ту психологическую почву, которая сдѣлала возможнымъ дальнѣйшее. Ближайшимъ же поводомъ, которымъ объясняется такъ называемая измѣна Мазепы, надо считать общее недовольство не только рядового козачества, но и старшины на непрерывныя изнурительныя походы и на притѣсненія со стороны великорусскихъ ратныхъ людей. Можно сказать также съ извѣстной увѣренностью, что Мазепу уже началъ страшить тотъ ни передъ чѣмъ не останавливающийся духъ реформаторской дѣятельности Петра, который могъ, страстнымъ деспотическимъ натискомъ, врѣзаться въ привилегіи и вольности гетманской территоріи. Трудно сказать, какія политическія цѣли ставились Мазепой и его сторонниками, предпринявшими роковой шагъ; но несомнѣнно извѣстно, что Мазепа и приближенная къ нему старшина усердно изучали такъ называемые „гадяцкіе пакты“, т.-е. Гадяцкій договоръ, которымъ Выговскій надѣялся создать федеративный союзъ Польши съ Украиной.

Наступилъ и роковой 1708 годъ. Мазепа уже несомнѣнно стоялъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Карломъ XII и Станиславомъ Лещинскимъ; въ заговорѣ участвовали многія лица изъ вліятельной козацкой старшины. Но, когда изъ среды этой старшины появился доносъ, поданный генеральнымъ писаремъ

Кочубеємъ и Искрой, полтавскимъ полковникомъ, Петръ такъ же мало повѣрилъ этимъ доносчикамъ, какъ и остальнымъ. Въ іюлѣ Кочубей и Искра были казнены, въ сентябрѣ Карлъ XII изъ Литвы повернулъ на Украину; 24 октября гетманъ, лежавшій до тѣхъ поръ на смертномъ одрѣ „отъ хирургическихъ и подагрическихъ недуговъ“ и принявшій елеосвященіе, оставилъ свой Батуринъ и на слѣдующій же день переправился черезъ Десну для соединенія съ шведскимъ королемъ, который стоялъ лагеремъ на правомъ ея берегу.

Но съ первыхъ шаговъ стало ясно, что расчеты Мазепы ошибочны, что примѣръ гетмана не увлекъ за собою края, даже и того чисто-малорусскаго края, присоединеннаго при Богданѣ Хмельницкомъ, который начинался по лѣвую сторону Десны. Въмѣсто козацкаго войска, котораго ждали шведы, Мазепа привелъ къ нимъ лишь нѣсколько тысячъ козаковъ, да и тѣ разбѣжались при первой возможности. Едва только въ русскомъ войскѣ, которое вступило вслѣдъ за шведами въ предѣлы Малороссіи, стала извѣстна измѣна Мазепы, какъ Меншиковъ осадилъ Батуринъ, гдѣ заперлись сторонники гетмана, принудилъ ихъ къ сдачѣ и подвергъ самому варварскому опустошенію. Судьба Батурина произвела ошеломляющее впечатлѣніе на населеніе, и безъ того нерасположенное брать сторону Мазепы и шведовъ. Такимъ образомъ, территорія, на которую Мазепа могъ смѣло рассчитывать, т.-е. Запорожье и южная Полтавщина, была отдѣлена отъ шведскаго войска широкой полосой спокойнаго населенія. Видя такой неблагопріятный возстанію оборотъ дѣла, козацкіе старшины одинъ за другимъ спѣшили заявлять царю свои вѣрноподданинскія чувства; даже тѣ, которые успѣли открыто перейти на сторону шведовъ, такъ колебались, что шведы держали ихъ подъ строгимъ наблюденіемъ.

Шведское войско расположилось въ Гетманщинѣ на зимнія квартиры, имѣя центральнй пунктъ сначала въ Ромнахъ, а затѣмъ, когда русскіе вытѣснили ихъ оттуда, въ Зѣньковѣ. Зима 1708—9 года была необычайно холодная, и шведскіе солдаты не только страдали, но и гибли отъ невыносимой стужи. Весной Карлъ XII предпринялъ малоцѣлесообразный походъ въ Слободскую Украину: здѣсь шведамъ пришлось пострадать отъ разлива степныхъ рѣчекъ, преграждавшихъ пути, и вернуться ни съ чѣмъ. Если къ этому присоединить еще партизанскую войну, которую вело противъ шведовъ населеніе, то легко представить себѣ, что шведскія силы, за время пребыванія своего въ Малороссіи, значительно уменьшились. Благопріятнымъ для шведовъ обстоятельствомъ было лишь то, что къ нимъ присоединились запорожцы, руководимые своимъ кошевымъ Костей Гордѣенкомъ, заклятымъ врагомъ русскихъ.

Шведы приступили къ осадѣ Полтавы, сюда же стянули свои войска русскіе. Но еще прежде, чѣмъ произошло столкновеніе войскъ, рѣшившее судьбу Карла и Мазепы, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и южнорусскаго края, Петръ распорядился послать въ Сѣчь великорусскаго полковника Яковлева и малорусскаго Галагана, „чтобы искоренить оное измѣнниче гнѣздо“. Сѣчь была дѣйствительно разорена до основанія.

27 іюня 1709 года, день Полтавской битвы, сдѣлавшійся сюжетомъ не только историческихъ, но и поэтическихъ описаній, слишкомъ извѣстенъ, чтобы

стоило на немъ останавливаться. Послѣ тягостнаго, полнаго страха и лишеній, бѣгства, Карлъ и Мазепа очутились 1 августа въ Бендерахъ подъ покровительствомъ Турціи. Черезъ три недѣли гетманъ умеръ: старческій организмъ не вынесъ потрясеній послѣднихъ дней. Убѣжавшіе съ Мазепою казаки выбрали, по желанію Карла, себѣ въ гетманы Орлика, бывшаго генеральнаго писаря.

А въ Малороссіи уже былъ гетманъ съ тѣхъ самыхъ первыхъ дней, какъ Мазепа открыто перешелъ на сторону шведовъ — гетманъ, по формѣ выбранный, на дѣлѣ назначенный Петромъ. Это былъ стародубскій полковникъ Ско-ропадскій.

III.

Время, непосредственно слѣдующее за Хмельнициною, представляетъ, между прочимъ, такое любопытное явленіе: центръ тяжести южнорусской исторической жизни перемѣщается съ одной территоріи на другую, съ праваго берега Днѣпра на лѣвый. До тѣхъ поръ, т.-е. до второй половины XVII вѣка, лѣвобережье находится въ тѣни, лежитъ, такъ сказать, на периферіи того цикла, какой проходитъ жизнь южнорусскаго народа, и лишь слабый и случайный лучъ историческаго освѣщенія скользитъ время-отъ-времени по этой территоріи. И понятно, лѣвобережье складывалось изъ двухъ, очень различныхъ между собой, частей — лѣсной и степной. Земли лѣсной полосы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стараго заселенія, Стародубщина и Черниговщина, лишь по Деулинскому (1619 г.) и Поляновскому (1634 г.) перемиріямъ, отошедши отъ Москвы къ Польшѣ, снова соединились съ общей массой южнорусскихъ земель. Земли къ югу отъ Сейма и Остра — бассейны Сулы, Псла — все это еще въ концѣ XVI вѣка представляло собой пустынные „уходы“ жителей правобережья, укрывавшіе лишь очень рѣдкое и случайное населеніе. Замѣтные успѣхи дѣлаетъ здѣсь колонизація лишь въ первой четверти XVII вѣка. Южную часть Сѣверской земли, позднѣйшую территорію Нѣжинскаго полка, захватываютъ паны Пясочинскіе, Оссолинскіе, Кисели, Пацы и др. и колонизируютъ ее своими капиталами и усиліями. Посулѣ достается Вишневецкимъ, подъ управленіемъ которыхъ менѣе чѣмъ въ полстолѣтіе возникаетъ Лубенщина съ ея городками, мѣстечками, селами, хуторами, причемъ укрѣпленные городки перекидываются отъ Сулы на Пселъ и даже Ворсклу.

Тяжелыя потрясенія Хмельницины и слѣдовавшей за нею „руины“ вытолкнули массу населенія съ праваго берега на лѣвый. Нахлынувшая волна спокойно улеглась въ намѣченные кадры и быстро наполнила ихъ собою, такъ что уже при гетманѣ Самойловичѣ чувствовалось переполненіе, и избытокъ населенія двигался дальше, въ верхнія части бассейна тѣхъ же Сулы, Псла, Ворскла, — въ Слободскую Украину. Лѣвобережье почувствовало себя самостоятельнымъ организмомъ, способнымъ къ политическому существованію: возникаютъ названія — сегобочная Украина, Малороссія, Гетманщина, въ противоположность правобережью, которое, между тѣмъ, потеряло самостоятельность и снова вошло въ составъ Польши.

Но жизненная стихія, которою жила лѣвобережная Украина, была пока еще совершенно однородна, если не тождественна, съ тою, какою жила Украина правобережная, и намѣчавшееся уже различіе, въ связи съ различіемъ ихъ политическихъ судебъ, еще не шло въ глубину: пока мы еще въ правѣ говорить о внутренней жизни, внутреннемъ бытѣ, внутреннихъ отношеніяхъ Украины вообще.

Переворотъ такой силы, такого захвата, какой пережило южнорусское общество съ Хмельницкимъ во главѣ, не часто встрѣчается въ исторіи. Польша уже значительно успѣла втянуть Южную Русь въ свой строй: новыя экономическія отношенія плотно обхватили жизнь народной, земледѣльской массы. Польскій порядокъ и право, въ видѣ административныхъ и судебныхъ учрежденій, водворились по всей территоріи; польская культура, нравы, обычаи, языкъ—вплоть до религіи—переработали высшій классъ и просачивались въ среду городского населенія. Оставался лишь одинъ уголь, свободный отъ польскаго вліянія, это—козачество. Оно всецѣло сохраняло пока старорусскій строй жизни: господство выборнаго начала въ управленіи, самосудъ, полное право земледѣльца на обрабатываемую имъ землю.

Страшный взрывъ народнаго негодованія, организованный рукой талантливаго вождя, сразу и всецѣло снесъ польскій общественный порядокъ съ территоріи Украины: почти всѣ старыя отношенія „были скасованы козацкой шаблей“. Но это не породило анархіи. Очевидно, идеи старорусскаго строя были еще такъ живы въ сознаніи массы, а козачество представляло такой живой примѣръ его, что замѣна одного общественнаго порядка другимъ совершилась съ быстротою перемѣны декорацій. Украина зажила иной общественной жизнью, представлявшей въ общихъ чертахъ, переходъ къ болѣе простому, архаическому строю. Типъ общественной жизни, сохранившійся въ козачествѣ, распространился на всю территорію.

Прежде всего исчезла изъ общественныхъ отношеній сословная группировка: всѣ стали равны по правамъ, отличаясь другъ отъ друга лишь фактическимъ положеніемъ. Такимъ образомъ, отдѣлились казаки, т.-е. отбывающіе военную службу, отъ не-козаковъ, людей, которые не могли или не хотѣли ее нести: „товариство“ отдѣлилось отъ „посполства“. Посполство, въ свою очередь, естественно распадалось на жителей городовъ, мѣщанъ, по преимуществу людей ремесла и торговаго промысла, и жителей сельскихъ, хлѣборобовъ. Отбывая военную службу со всей ея тяготой во времена Хмельницыны и руины, времена, представлявшія сплошную войну, козацкое товариство было свободно отъ иныхъ общественныхъ повинностей; повинности эти, естественно, должно было нести на себѣ посполство. Лишь одно православное духовенство составляло группу привилегированную; но и оно не замыкалось въ сословіе.

Это однородное общество, раскинувшееся на обширной территоріи обѣихъ Украинъ, тотчасъ же распалось по естественнымъ районамъ, какими шло заселеніе, — на полки: дѣленіе, имѣвшее въ виду, прежде всего, военныя, но затѣмъ и административныя цѣли. Полки, изъ которыхъ каждый имѣлъ свой центръ въ хорошо укрѣпленномъ городѣ, дѣлились на сотни, группировавшіяся

также около городов или мѣстечекъ. Сотни подраздѣлялись на курени, заключающіе въ себѣ по нѣсколько селъ и хуторовъ, но это послѣднее дѣленіе имѣло значеніе только для козацкаго населенія сотни, — посполитые стояли внѣ его. Такимъ образомъ, козацкое населеніе непосредственно управлялось атаманами, выбираемыми куренями, сельскіе посполитые выборными же войтами, городскіе, сохранившіе самоуправленіе по старому образцу, ратушами, а въ большихъ городахъ, пользовавшихся Магдебургскимъ правомъ, магистратами. Но сотники и полковники представляли собой въ своихъ сотняхъ и полкахъ общую власть, компетенція которой простиралась на все населеніе даннаго района въ полномъ его составѣ.

Во главѣ управленія стоялъ, какъ мы уже знаемъ, гетманъ. Это былъ, прежде всего, гетманъ Войска Запорожскаго, слѣдовательно, военачальникъ, но онъ сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ и всѣ остальные функціи верховной власти — политическую, административную, судебную, безконтрольное распоряженіе финансами. Помощниками его была генеральная старшина: обозный, т.-е. начальникъ войскового обоза, судья, хорунжій, бунчужный, и на первомъ планѣ — писарь, такъ сказать, государственный канцлеръ; но специальная обязанность этихъ членовъ — объемъ ихъ власти — все это было, повидимому, лишено сколько-нибудь точныхъ опредѣленій. Вообще, на всей этой организаціи правительственной власти лежитъ рѣзкій отпечатокъ технического несовершенства; она отражаетъ на себѣ такое архаическое состояніе общества, когда общество это еще стремится устроить свои отношенія съ властью исключительно на основаніяхъ довѣрія и произвольнаго усмотрѣнія.

Даже выборъ гетмана, съ его почти неограниченной пожизненной властью, не былъ обставленъ точными опредѣленіями. Выборъ принадлежалъ радѣ, но неизвѣстно было, какого состава рада могла представлять собою народъ. Отсюда тѣ злоупотребленія, какими обставлялся почти каждый гетманскій выборъ: сила, державшая въ рукахъ узелъ даннаго положенія, выдвигала, какъ избирательную, то раду козацкой старшины, то раду козацкой массы или козацкаго лагеря, то, наконецъ, черную раду, т.-е. общенародную сходку. Повидимому, не менѣе запутанно стоялъ вопросъ о выборѣ полковниковъ и сотниковъ съ ихъ такой же широкой и неопредѣленной властью; по крайней мѣрѣ, здѣсь, на ряду съ выборами, мы очень рано видимъ примѣры простого назначенія то со стороны гетмана, то даже прямо со стороны московскаго правительства. Полковникъ и сотникъ дополнялся штатомъ полковой и сотенной старшины, соотвѣтствующей, лишь въ сокращенномъ видѣ, старшинѣ генеральной.

Недостатки правительственной организаціи, предоставлявшіе обширное поле злоупотребленіямъ, въ концѣ концовъ, тяжело отразились и на условіяхъ народной жизни. Но пока до-поры-до-времени масса украинскаго народа широко пользовалась завоеванной ею свободой.

Если права народа на самоуправленіе, на выборы гетмана и остальной старшины „вольными голосами“ оказывались въ значительной степени, фиктивными, то, во всякомъ случаѣ, права его на выборъ непосредственной власти атамановъ и войтовъ, были вполне дѣйствительными. „Громада“ жила теперь

той полной жизнью, которая еще сохранялась въ козацествѣ, но отъ которой осталная масса уже должна была отказаться въ пользу государства и его привилегированныхъ представителей. Громада сама выбирала себѣ и священника, съ которымъ заключала условія, опредѣлявшія ихъ взаимныя права и обязанности. Свой народный судъ являлся естественнымъ и необходимымъ дополненіемъ этой свободы.

Козацкій самосудъ, выражавшійся формулой: „гдѣ три челоуѣка козаковъ, то два третьяго судятъ“, продолжалъ традицію тѣхъ народныхъ судовъ — судовъ конь или громады,—которые обречены были на гибель подъ давленіемъ зависимыхъ отношеній массы къ владѣльцамъ. Какъ ни скудны дошедшія до насъ свѣдѣнія объ этомъ предметѣ для разсматриваемаго періода, но, тѣмъ не менѣе, документы даютъ ясныя указанія на эти суды съ ихъ судными мужами и ихъ исконной процедурой „опыта“, „пильного ошуканья“, „вывода“, „очистительной“ присяги. Кромѣ этого суда громады, мы еще видимъ въ данный періодъ судъ ратушный, или козако-мѣйскій (мѣстскій отъ сл. „мѣсто“, т.-е. городъ), также съ участіемъ „добрыхъ, стороннихъ, зацныхъ людей“. Кромѣ того, „посполитое (т.-е. обычное) право“ не препятствовало каждому обращаться за судомъ ко всякому значительному представителю общенародной власти: такимъ образомъ, судить сотникъ, судить полковникъ, судить гетманъ, или замѣняющій его генеральный судья. Но пока въ этотъ первый періодъ незамѣтно слѣдовъ какого-либо прочнаго разграниченія властей и ихъ судебныхъ компетенцій. Конечно, такой архаическій строй суда представлялъ большія практическія неудобства: но, надо думать, что онъ все-таки обезпечивалъ населеніе отъ „похлебства судей“ и взятокъ—этихъ страшныхъ язвъ позднѣйшаго правосудія. Однако, долго держаться онъ не могъ: требованія все усложнявшейся жизни взывали къ писанному праву, къ постояннымъ судебнымъ учрежденіямъ съ точнымъ распредѣленіемъ компетенцій, съ послѣдовательностью инстанцій. Писанное право, въ его единственныхъ, доступныхъ южнорусскому обществу, источникахъ, было: Литовскій Статутъ, Право Магдебургское, Саксонское Зерцало,—кодексы, возникшіе въ обществѣ рѣзко сословнаго типа.

Но ни въ чемъ такъ краснорѣчиво не выразилась добытая малорусскимъ народомъ свобода и полнота жизни, какъ въ новыхъ отношеніяхъ его къ землѣ. Изъ общественнаго строя упразднился землевладѣлецъ, и земледѣлецъ сдѣлался истиннымъ хозяиномъ и господиномъ земли. Исключенія были не велики и не многочисленны: остались земли за православными духовными учрежденіями, монастырскія и каѳедральныя, и за нѣсколькими частными владѣльцами, по преимуществу въ Сѣверщинѣ, гдѣ небольшое число представителей православнаго русскаго шляхетства сразу стало на сторону народнаго движенія и тѣмъ сохранило за собою свои земельныя имущества.

Условныя и ограниченныя права на землю посполитыхъ превратились въ безусловныя; какъ посполитые, такъ и козаки могли теперь пополнить свои земельныя хозяйства изъ запаса владѣльческихъ угодій; а главное, въ полномъ распоряженіи громадъ оказалась вся масса пустыхъ земель и всяческихъ угодій, изъятыхъ до тѣхъ поръ изъ свободнаго пользованія господскимъ пра-

вомъ пановъ Вишневецкихъ, Пясочинскихъ и т. п. Нечего и говорить, что волочная система и связанное съ нею фольварочное хозяйство, слѣды которыхъ, кромѣ правобережной Украины, находимъ и въ Сѣверщинѣ, были снесены до конца.

На открывшемся земельномъ просторѣ населеніе могло расположиться съ такими удобствами, о какихъ только смѣлъ мечтать земледѣлецъ; ничѣмъ не стѣсненная жизнь могла раскинуться въ свойственныхъ ей формахъ.

Масса, поскольку мы можемъ судить о ея жизни по крайне скуднымъ дошедшимъ до насъ даннымъ, устроилась на отвоеванной ею территоріи въ крупныхъ хозяйственныхъ единицахъ, для которыхъ встрѣчаются (на сѣверномъ лѣвобережьи) названія „подымья“, затѣмъ „пляца“, „грунта“, если удачный центръ расположенъ былъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ другими такими же центрами,—„хутора“, если она лежала обособленно. Не то, чтобы населеніе жило большими родственными семьями: архаическая семья, разложившаяся разъ, уже не возрождается. Но на „грунтѣ заможнаго“ хозяина, который обладалъ не только избыткомъ земельныхъ угодій, но и хозяйственнымъ инвентаремъ, селились „лезные“ (бобыли), не имѣвшіе средства, несмотря на земельный просторъ, обзавестись собственнымъ хозяйствомъ. Такой лезный, который вынужденъ былъ довольствоваться хатой и клочкомъ земли, уступленнымъ ему хозяиномъ, посполитымъ или козакомъ, назывался подсусѣдкомъ: хозяинъ вступалъ съ своими подсусѣдками въ договоръ относительно помощи въ работѣ и вознагражденія за эту помощь, но у насъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній, какъ опредѣлялись эти отношенія.

Но эти земледѣльческія хозяйства складывались и иначе при участіи не болѣе слабыхъ экономически подсусѣдковъ, а равноправныхъ „сябровъ“. Эти сябринныя отношенія получались или тѣмъ же путемъ, какъ и въ архаическомъ дворницѣ, т. е. путемъ семейнаго раздѣла, или путемъ договора: посторонніе люди соединялись для совмѣстнаго владѣнія и хозяйничанья на общей землѣ.

Конечно, хозяйства козаковъ, въ общемъ, были сильнѣе хозяйствъ посполитыхъ: въ козакахъ оставались болѣе состоятельные, тѣ, кто, благодаря этой состоятельности, могъ справиться съ козацкой службой, и на козацкомъ званіи лежалъ извѣстный оттънокъ привилегированности. „Якъ осѣли люде, тогда можнѣйшіе пописались въ козаки, а подлѣйшіе остались въ мужикахъ“,— таково наивное показаніе одного современника начала XVIII столѣтія о томъ, какъ устранивались общество и земельныя отношенія послѣ Хмельницыны. Можетъ-быть, уже и въ это время отдѣльныя козацкія хозяйства складывались для составленія одной конной службы, но объ этомъ мы ничего не знаемъ положительнаго.

Финансовая сторона жизни украинскаго общества также приняла болѣе упрощенный видъ. Значительное большинство населенія, какое представляла собою козацкая масса съ ихъ семьями, сябрами и подсусѣдками, пользовалась полной свободой отъ всякаго прямого обложенія, такъ какъ они несли на себѣ военную повинность со всѣми ея расходами. Мало того, козакамъ предоста-

влены были важныя привилегіи по отношенію къ двумъ главнѣйшимъ промысламъ, непосредственно связаннымъ съ земледѣліемъ, „млинарству“ и винокурению: козакъ имѣлъ право на своей землѣ занять греблю для постройки млина, а также имѣлъ право курить горѣлку. При тогдашнемъ экономическомъ состояніи общества это были привилегіи огромнаго финансоваго значенія.

Лишь посполство, городское и сельское, несло на себѣ обязанность удовлетворять всѣ „общенародныя нужды“, за исключеніемъ военной. Но посполство, представляемое домохозяевами, за которыми опять-таки укрывались домочадцы, подсуѣдки, лезные, не было численно, а, главное, оно, послѣ такого подъема и напряженія, какое вызвала эпоха Хмельницкаго, было не такъ настроено, чтобы спокойно переносить излишнія „тягости“. Надо думать, что посполство городское, въ своихъ финансовыхъ отношеніяхъ къ власти, придерживалось традицій стараго, польскаго режима; но съ посполствомъ сельскимъ, только-что сбросившимъ съ себя владѣльческое иго, приходилось устраивать отношенія на-ново. Устраивать ихъ было, видимо, не легко, такъ какъ нечего было и думать на первый разъ о какой-нибудь опредѣленной и постоянной нормѣ обложенія. Сколько можно судить, финансовыя отношенія устраивались на основаніяхъ договора, обоюднаго соглашенія между громадами и ихъ войтами, съ одной стороны, и козацкой властью, съ другой. Отсюда частный и случайный характеръ обложенія посполитыхъ: посполитые платятъ то натурой,—хлѣбомъ, овсомъ, сѣномъ и т. п., то „работизной“; лѣсныя и промысловыя хозяйства Сѣверщины, „верховыя вотчины“ (т.-е. барті) рудни, буды и гуты (заводы для выдѣлки желѣза, поташа и стекла), майданы дегтарные (селитряные майданы были распространены на югѣ, на степной полосѣ), платили медомъ, возками руды и т. п. Важнымъ подспорьемъ войскового скарба были въ эту эпоху млины. Въ силу исконнаго обычая, корень котораго надо искать въ глубокой древности, помоль считался государственной регаліей; послѣ Хмельницыны, при плохомъ состояніи финансовыхъ ресурсовъ общенароднаго скарба, размѣровые пожитки съ млиновъ, эта войсковая „третья мѣрочка“, выступила чуть ли не на первый планъ, если судить по частотѣ упоминаній, какія выпадаютъ на ея долю въ современныхъ документахъ. Но, конечно, всѣ эти посполитыя „дачки“ натурой и работизной и третья мѣрочка представляли собой настолько неудобный видъ государственныхъ фондовъ, что государство должно было стремиться къ тому, чтобы раздѣлаться съ нимъ. Иное дѣло таможенныя и вообще торговыя пошлины, которыя взымались деньгами. По старымъ традиціямъ, торговля, даже и внутренняя, а особенно виѣшняя, должна была расплачиваться за все. Конечно, Хмельницина и смута послѣдующей эпохи не были особенно благопріятны для развитія торговли, и на правомъ берегу она замирала съ общимъ уменьшеніемъ населенія и упадкомъ производительности; но иначе стояло дѣло на лѣвобережѣ, въ Малороссіи: значительный приростъ населенія и относительное спокойствіе покровительствовали торговому обороту, который, благодаря новымъ тѣснымъ отношеніямъ съ Московскимъ государствомъ, получилъ особую энергію въ этомъ направленіи. Торговая дѣятельность питалась, главнымъ образомъ, Сѣверщиной

съ промысловымъ направлѣніемъ ея производительности. Здѣсь быстро выросли, въ качествѣ важныхъ торговыхъ центровъ, города Стародубъ, южнѣ Нѣжинъ и Кролевецъ—на пограничѣ лѣсной полосы со степной. Еще до Хмельницыны начали прїѣзжать на лѣвобережье купцы изъ Польши и Пруссіи для закупки на мѣстѣ продуктовъ. Теперь всѣ эти продукты нашли себѣ большой сбытъ и въ Великороссіи: степная Украина сбывала свой хлѣбъ и кожи въ Польшу, а скотъ, выкормленный на бардѣ, въ Великороссію, Силезію и Пруссію. Также до Хмельницыны въ Нѣжинѣ водворились греки, которые взяли на себя посредничество въ торговлѣ между сѣверомъ и югомъ: сюда доставлялись товары изъ Константинополя и другихъ мѣстностей (бакалея, пряности, шелкъ) для обмѣна ихъ на произведенія московскаго сѣвера. Усиленный и правильный обмѣнъ внутри страны опредѣлялся естественными условіями края: степная полоса нуждалась въ произведеніяхъ лѣсной и обратно. Затѣмъ вся территория снабжалась соленой и вяленой рыбой и крымскою солью съ Запорожья, которое этимъ путемъ добывало все необходимое для своихъ обитателей. Наконецъ существовали постоянныя правильныя торговыя сношенія Малороссіи съ Слободскою Украиной и Дономъ. Любопытно, что въ этихъ внутреннихъ торговыхъ сношеніяхъ игралъ, повидимому, значительную роль натуральный обмѣнъ: напримѣръ, деревянная посуда мѣнялась на хлѣбъ, причѣмъ ржи давалось столько, сколько ее можетъ войти въ данный сосудъ, гречи вдвое болѣе и т. п.

Какъ бы то ни было, торговыя пошлины составляли главный фондъ войскаго скарба, и на первомъ планѣ пошлины таможенныя, „индукта“ и „эвекта“, т. е. ввозная и вывозная, а за таможенными и остальными, которыми была опутана тогдашняя торговля: „помѣрное“, „ваговое“, „покуховное“, „мостовое“ и т. п. Но, повидимому, даже и эти пошлины не были обременительными: по крайней мѣрѣ, въ одномъ доносѣ на Самойловича въ Москву гетманъ обвиняется въ томъ, что онъ не повышаеъ торговыхъ пошлинъ, слишкомъ низкихъ.

Итакъ, украинскій народъ, въ данную эпоху, не только пользовался личной свободой и полнымъ правомъ распоряженія главнѣйшимъ орудіемъ своего труда—землей, но и содержаніе государства не лежало на немъ тяжелымъ гнетомъ. Защита, управленіе, судъ—все это народъ, первое время, отправлялъ, по возможности, натурой, не тратясь на содержаніе отдѣльнаго, правящаго класса и дорогихъ учреждений. При этихъ условіяхъ украинскій народъ имѣлъ возможность удѣлять кое-что на дѣла просвѣщенія и благотворительности—и дѣлалъ это.

Выше мы имѣли случай сослаться на замѣчательное свидѣтельство современнаго чужестранца, діакона Павла Алеппскаго, который отмѣтилъ чертами, полными выразительности, тотъ подъемъ духовной культуры, который онъ наблюдалъ, проѣзжая по правобережной Украинѣ непосредственно послѣ освобожденія. Его показанія подтверждаются свидѣтельствами документовъ и для Украины лѣвобережной. Всюду появляются при церквахъ школы и старческіе шпитали, обезпеченные не только подаваніемъ, но и недвижимою собственностью. Не только по городамъ и мѣстечкамъ, но и по селамъ возникаютъ

церковныя братства для хлѣборобовъ и цехи для всякихъ ремесленниковъ и торговцевъ, преслѣдующіе религіозно-правственныя цѣли. Въ менѣе благоприятномъ положеніи находилось въ это время высшее просвѣщеніе: посполитые, отказавшись отъ „послушенства“, лишили тѣмъ самымъ доходомъ земельныя имущества, которые обезпечивали существованіе такихъ образовательныхъ учреждений, какъ кievская академія или черниговскія латинскія школы.

Это упрощенное общественное состояніе, обезпечивавшее своей простотой значительную степень социальнаго равенства, не только сословнаго, правового, но и экономического, не могло долго держаться. Не могло оно удержаться и въ силу внѣшнихъ причинъ: сосѣдніе сильные государственныя организмы, втягивавшіе Украину въ свои сферы, должны были дѣятельно вліять на переработку ея строя. Не могло удержаться и въ силу причинъ внутреннихъ, о которыхъ пока у насъ только и будетъ рѣчь. Молодое, мало культурное, но съ сильнымъ тяготѣніемъ къ европейской культурѣ, украинское общество не могло выбиться изъ цикла социальныхъ идей, навязываемыхъ этою культурой, выросшей на почвѣ сословнаго государства, а формы и отношенія уже вытекали изъ этихъ идей, какъ слѣдствіе изъ причины.

Процессъ образованія сословныхъ отношеній обнаружилъ въ своемъ развитіи значительную энергію.

Надо сказать прежде всего, что, несмотря на радикальный характеръ переворота, связаннаго съ именемъ Хмельницкаго, въ новое украинское общество все-таки успѣли перейти извѣстные остатки старыхъ сословныхъ отношеній. Еще Хмельницкій подтвердилъ своими универсалами права нѣкоторыхъ монастырей на принадлежавшія имъ земельныя имущества и „послушенство“ подданныхъ, живущихъ на монастырскихъ земляхъ; подтвердилъ права на земли и нѣкоторымъ лицамъ изъ сѣверской шляхты, которую „Богъ всемогущій до Войска запорожскаго склонилъ (шляхтѣ остерской и любецкой). Но если можно было универсально закрѣпить за владѣльцами землю, то нельзя было пока закрѣпить „послушенства“ подданныхъ, по крайней мѣрѣ, въ его старыхъ формахъ: подданные или уходили въ козаки, или оставались лишь подъ условіемъ легкихъ обязательствъ, въ опредѣленіи которыхъ, повидимому, участвовали и козацкіе власти *). Но, тѣмъ не менѣе, зачатки зависимыхъ отношеній уже были налицо.

Козацкое товариство, почти отождествившееся во времена Хмельничины со всей народной массой, всегда давало отслой въ видѣ значныхъ, старшихъ: эпитеты „старшаго и меньшаго“ постоянно сопутствуютъ слову „товариство“. „Старшое“ — составляли болѣе богатые, энергичные, образованные, опытные люди; изъ нихъ выбирались должностныя лица, урядъ. Какъ это обыкновенно наблюдается въ аналогичныхъ условіяхъ, должности быстро начинаютъ сосредоточиваться въ рукахъ извѣстныхъ семей, которыя, разъ овладѣвъ положеніемъ, уже имѣли шансы укрѣпить его за собой. Для вознагражденія должностныхъ

*) Въ одномъ универсалѣ временъ Хмельницкаго обязательный платежъ владѣльцу со стороны зависимаго населенія опредѣляется „десятой копой“.

лицъ, кромѣ гетмана, за ихъ труды, служили на первое время, главнымъ образомъ, млины: судя по высотѣ, вліятельности „ранга“ или уряда, на него полагался доходъ того или другого количества млиновъ, т.-е. войсковыя части этихъ доходовъ, войсковыя „мѣрочки“. Къ доходамъ отъ млиновъ скоро присоединились и доходы отъ посполитаго населенія, всѣ эти натуральныя дани, дачки и отсыпи, которыя, будучи сами по себѣ такимъ неудобнымъ фондомъ общенароднаго скорба, могли удобно представлять собою жалованье. Такимъ образомъ завязывался и здѣсь узелъ зависимыхъ отношеній.

Итакъ, процессъ новаго развитія сословной зависимости въ украинскомъ обществѣ, послѣ революціоннаго періода, имѣлъ два исходныхъ пункта: во-первыхъ, остатки старой шляхты съ признанными козацкой властью правами, шляхты, къ которой присоединялось небольшое число козацкой старшины, побиитованной Яномъ-Казиміромъ при заключеніи Гадяцкаго договора, а также возведенной въ дворянское достоинство московскимъ правительствомъ при Брюховецкомъ,—все это стремилось, преодолевая противодѣйствіе со стороны массы, къ осуществленію своихъ правъ и находило себѣ сочувствіе и содѣйствіе въ мѣстной козацкой власти; во-вторыхъ, тотъ общераспространенный фактъ, что должностныя лица получали, въ качествѣ жалованья, доходъ съ сельскаго посполитаго населенія, которое попадало такимъ путемъ въ отношеніе личной зависимости къ представителямъ должностной группы. Конечно, оба эти обстоятельства получили свое глубокое значеніе лишь въ связи съ тѣмъ, что представленія общества о лучшемъ и высшемъ строѣ связывались неразрывно съ понятіемъ зависимости одной части общества отъ другой.

Поступательное движеніе въ указанномъ направленіи обнаружилось одновременно по всей линіи общественныхъ отношеній. Та часть земельныхъ имуществъ, принадлежащихъ посполитымъ, которая была отдѣлена на содержаніе уряда, назывались „ранговыми маестностями“. Но гетманы, вообще, пользовались правомъ раздавать доходы посполитыхъ земель, кому имъ заблагоразсудится, — конечно, подъ предлогомъ нужды и пользы общественныхъ, лицамъ, „заслуженнымъ въ войскѣ“. До Мазепы они пользовались этимъ правомъ лишь очень скупю, съ большою осмотрительностью. Но Мазепа открываетъ собою новую эру щедрой раздачи доходовъ съ посполитыхъ не только лицамъ заслуженнымъ, но даже ихъ женамъ и вдовамъ въ цѣляхъ поддержки „подупалыхъ“ домовъ такихъ лицъ.

Эти „державцы“ по снова воскресшей старой терминологіи, конечно, стремились превращать свои права на доходы въ права на распоряженіе какъ личною своихъ „подданныхъ“, такъ и ихъ землями. Но до восемнадцатаго вѣка державцы, несмотря на всѣ усилія, не сдѣлали въ этомъ направленіи большихъ успѣховъ: въ народной массѣ еще было слишкомъ живо представленіе о добытой ею свободѣ, и въ отдѣльныхъ случаяхъ выступавшихъ наружу пререканій между державцами и посполитами гетманы, въ томъ числѣ и Мазепа, такъ много сдѣлавшій для развитія сословной зависимости въ украинскомъ обществѣ, становились обыкновенно на сторону посполитыхъ.

Но если бы эти новые владѣльцы, перерабатывающіеся изъ козацкой

старшины, не имѣли иныхъ средствъ, чтобы создать себѣ шляхетское положеніе, они не скоро достигли бы желанныхъ результатовъ.

Иныя средства были налицо, и козацкая старшина широко ими воспользовалась. Свободныхъ земель было много, и не только гетманы, но даже полковники въ своихъ полкахъ давали разрѣшеніе на захватъ земли подъ новое поселеніе въ вольномъ степу, въ вольномъ лѣсѣ и т. д. Особенно цѣнились такія угоды, гдѣ можно было бы „греблю загатить и млинь построить“, и гетманскіе универсалы не скупятся на разрѣшенія займки такихъ угодій войсковою старшиною. Разрѣшая займку, гетманъ обыкновенно даетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и разрѣшеніе осадить „слободу“. Разрѣшеніе „закликать слободу“ давалось съ такимъ ограниченіемъ: чтобы люди, призываемые на слободу, „не были господа изъ жилищъ осѣлихъ“, но люди „вольные, легкіе, жилища и притулилка своею слушного и жадного желающіе“ (т.-е. лезные), или же „люди посторонніе, изъ иншихъ сторонъ захожіе“, а не „тутешніе, старинные“. Людей лезныхъ и заграничныхъ на лѣвобережьи было, благодаря политическимъ условіямъ украинской жизни, въ изобиліи, и они охотно стекались на панскія слободы, привлекаемые многолѣтними сроками льготы (до 15 лѣтъ). Поселившіеся на слободахъ уже были, съ самаго начала и безъ пререканій, подданными тѣхъ пановъ, на земляхъ которыхъ они садились, хотя положеніе ихъ на первое время было лучше положенія всѣхъ остальныхъ посполитыхъ.

Параллельно съ заведеніемъ слободъ на дикихъ, пустыхъ земляхъ, приобрѣтаемыхъ то прямой займкой, то уступкой, вольной или вынужденной, со стороны громады, шла скупля уже занятыхъ земель, мужичьихъ и козачьихъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше росла эта скупля, приобрѣтая прямо характеръ азартной погоней за продажною землею: скупались клочки, отдѣльные угоды, млины, къ которымъ тянули ихъ берега, цѣлые хутора, пляцы или доли ихъ. Гетманская власть стремилась ограничить продажу цѣлыхъ имуществъ, козачьихъ или посполитыхъ, такъ какъ такимъ путемъ исчезали отдѣльныя единицы тягла или службы; но внѣ этого условія гетманы совершенно благосклонно относились къ скуплѣ земель войсковою старшиною.

Козакъ или мужикъ, продавъ свою осѣдность, уходилъ или на слободу, или просто на „вольное поле“, пока еще было такое поле, а его подсуфдки, оставшіеся на проданной, теперь панской, землѣ, обращались въ подданныхъ. Но козакъ или посполитый не всегда уходилъ: иногда онъ оставался на проданной землѣ „подъ протекціей владѣльца. „Протекціанты“ являются новою общественною разновидностью, и по мѣрѣ роста общественной тяготы число ихъ все увеличивается. Козакъ „отъ тяжелыхъ и дальнопутныхъ походовъ“, мужикъ отъ все растущихъ повинностей, дачекъ и работизнъ спасались подъ „протекцію“ сильнаго урядника, который избавлялъ ихъ отъ общенародныхъ повинностей тѣмъ, что бралъ на себя ихъ земли; эти „протекціальные“ люди, конечно, тоже переходили въ число подданныхъ.

Такъ разлагалось еще недавно совсѣмъ простое общество на пановъ и мужиковъ. Все, что упомянуто выше, относится къ тѣмъ, такъ сказать, „легальнымъ“ средствамъ, какими пользовалась козацкая старшина, чтобы выбиться

изъ козацкаго „товариства“ въ фактическое шляхетство въ расчетъ, что фактъ шляхетскаго владѣнія повлечетъ за собою и признаніе шляхетскихъ правъ. Но надо сказать, что козацкая старшина въ своихъ цѣляхъ широко пользовалась и такими средствами, за которыми нельзя было признать правового характера ни съ какой точки зрѣнія, хотя обычная мораль данной среды, видимо, смотрѣла на противозаконныя дѣйствія своихъ членовъ сквозь пальцы. Надо сказать, что козацкая старшина, несмотря на свою наклонность къ взаимнымъ доносамъ, интригамъ и подсиживанью, держалась очень солидарно во всемъ, что касалось ея отношенія къ чрезвычайно для нея важному и щекотливому вопросу о земляхъ и подданныхъ.

Изъ нелегальныхъ способовъ, къ какимъ прибѣгала козацкая старшина для указанныхъ цѣлей, часто встрѣчаются по документамъ факты насильственнаго обращенія въ посполитые тѣхъ козаковъ, владѣнія которыхъ находились попеременно съ землями посполитыхъ, уже подпавшихъ подъ власть того или другого лица козацкой старшины: козакъ, сидящій между посполитыми, обреченными на подданство, крайне мѣшалъ экспроприаціи посполитыхъ и округленію земельного владѣнія. Часто встрѣчаются жалобы на то, что вліятельный чинъ уряда разными притѣсненіями и насиліями сгоняетъ въ районъ своихъ владѣній старое населеніе съ ихъ земель: посаженные на освободившіяся земли подсуѣдки уже не предъявляютъ никакихъ правъ собственности на земельныя владѣнія и легко обращаются въ панскихъ подданныхъ. Скупля земель нерѣдко сопровождалась если не прямымъ насиліемъ, то сильнымъ давленіемъ, равняющимся насилію, если панъ покупалъ землю у своихъ посполитыхъ или сотникъ у козаковъ своей сотни. Захваты вольныхъ земель также практикуются вліятельными лицами въ широкихъ размѣрахъ. Вообще по всей территоріи лѣвобережья мы можемъ наблюдать въ безконечно повторяющихся варіаціяхъ одну картину съ такими общими чертами. Сильный козацкій урядникъ пріобрѣтаетъ, тѣмъ или инымъ способомъ, какое-нибудь владѣніе, сельцо, хуторъ, млинъ или даже долю въ млинѣ (полшеста, сутки въ млиновомъ камнѣ и т. п.), права на такіе-то доходы съ посполитыхъ—и, смотришь, черезъ десятка-два лѣтъ уже создается изъ этого зернышка земельное владѣніе, хотя сначала еще и разрозненное, черезполосное, но болѣе или менѣе значительное; очевидно, дѣло не обходилось безъ злоупотребленій.

Любопытно слѣдить по завѣщаніямъ, какого рода недвижимое имущество оставляютъ послѣ себя въ разное время отдѣльныя лица козацкаго уряда. Сначала, непосредственно послѣ Хмельницкаго, — это пасѣки, рыбные станы, строенія; позже появляются млины съ небольшимъ количествомъ земельныхъ угодій; наконецъ, уже при Мазепѣ, села, хутора, пляцы, лѣса, озера, сначала разрозненные и разбросанные, а затѣмъ уже до нѣкоторой степени объединенные въ округленные владѣнія. На этихъ округленныхъ земельныхъ владѣніяхъ жило, конечно, населеніе, тѣмъ или инымъ способомъ приведенное въ зависимость владѣльца.

Въ теченіе своего продолжительнаго гетманства Мазепа всѣми силами своего ума и опытности содѣйствовалъ разложенію общества на привилегиро-

ванных и зависимыхъ. Кромѣ множества универсаловъ на земельныя владѣнія и разныхъ привилегій, выданныхъ имъ отдѣльнымъ представителямъ козацкой старшины, Мазепѣ принадлежитъ одна общая мѣра, сильно содѣйствовавшая выдѣленію козацкой старшины въ особое сословіе. Этой мѣрой было образованіе бунчуковаго, значнаго и войскового товариства, къ которому причислялись дѣти старшины генеральной, полковой или сотенной, а также лица, оставшіяся безъ урядовъ; такимъ путемъ привилегированность не связывалась, какъ раньше, лишь съ занятіемъ должности, а дѣлалась принадлежностью цѣлой группы, разъ навсегда выдѣлившейся изъ рядового козачества.

Козацкая старшина, съ своей стороны, принимала всѣ мѣры къ тому, чтобы расширить и углубить черту, отдѣлявшую ее отъ остальной народной массы. Начались со стороны отдѣльныхъ представителей старшины попытки доказать, что они „не здѣшной простонародной малороссійской породы“; въ ряды старшины принимались съ распростертыми объятіями шляхтичи съ правобережья, сообщавшіе извѣстный оттѣнокъ привилегированности цѣлой группѣ, и даже гетманъ Самойловичъ считалъ для себя выгоднымъ женить сына на бѣдной шляхтянкѣ; наконецъ, образованность, соединенная съ свѣтской полировкой, явилась—особенно со времени Мазепы, прилагавшаго большія попеченія о ея распространеніи—какъ могущественное средство отдѣлить себя отъ народа въ качествѣ привилегированнаго сословія. Положеніе у власти, образованность или замѣняющій ее лоскъ извѣстной культурности, наконецъ, матеріальная обезпеченность—все это давало возможность козацкой старшинѣ вести „благородную жизнь“, которая, съ своей стороны, какъ бы представляла наглядный патентъ на привилегированность. Такъ, еще въ первый періодъ послѣ Хмельничины, уже обнаружилась въ однородномъ общественномъ составѣ трещина, которой предстояло быстро расти и расширяться въ настоящую пропасть. Это глубокое измѣненіе общественного строя влекло за собой и инныя измѣненія. Посполитые, въ виду угрожающаго подданства, „вламывались“ изъ всѣхъ силъ въ козаки; козаковъ же, наоборотъ, козацкая старшина тянула въ посполитые, другіе посполитые уходили въ подсуѣдки, противъ чего Мазепа издалъ запретительный универсалъ; наконецъ, и козаки, и посполитые, въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, уходили въ протекціанты къ сильнымъ людямъ, чтобы, закрывая глаза на будущее, угрожающее потерей и свободой и земельной собственности, воспользоваться временными выгодами положенія. Происходило броженіе, угрожающее интересамъ порядка. Чтобы положить предѣлъ этому броженію, Мазепа задумывалъ—было общую перепись, такъ какъ московская перепись тяглаго населенія 1666 г. и старые козацкіе компуты, очевидно, были недостаточны; но онъ не могъ привести этой мысли въ исполненіе.

Все усложняющіяся столкновенія интересовъ взывали къ постояннымъ и болѣе приспособленнымъ судамъ. Изъ первоначальнаго хаотическаго состоянія судебного дѣла выдвигаются болѣе или менѣе правильно дѣйствующіе суды—генеральный, суды полковые и сотенные; параллельно снова входятъ въ силу отброшенные—было Литовскій Статутъ и нѣмецкіе правовые кодексы: выдвинутые снова на сцену расчлененіемъ общественнаго организма, они, въ свою

очередь, вліяють своїми положеніями на дальнѣйшее развитіе этого расчлененія.

Первоначальная простота финансовыхъ отношеній уже не удовлетворяетъ общественнымъ потребностямъ. Доходы съ посполитыхъ все больше и больше переходятъ къ козацкой старшинѣ, а, слѣдовательно, уменьшаются доходы общенароднаго скарба, расходы же растутъ. То народное воодушевленіе, когда хватался за оружіе каждый, давно прошло, и теперь козачество уже начинаетъ смотрѣть на постоянныя войны, какъ на тяжелую повинность, отъ которой старается, по возможности, отдѣлаться; въ силу этого, гетманы видятъ себя вынужденными обращаться къ найму военной силы, заводятъ охотничкіе, компанейскіе полки, сердюковъ и т. п., требующіе денежныхъ тратъ, даже и при томъ условіи, что содержаніе ихъ лежитъ на посполитыхъ въ качествѣ натуральной повинности. Уже первые гетманы должны были, въ виду такихъ расходовъ, завести „оранды“, т.-е. отдачи на откупъ винной, дегтярной и табачной торговли. Аренды эти были такъ ненавистны народу, что при Мазепѣ былъ серьезно поставленъ вопросъ объ ихъ уничтоженіи, и былъ даже сдѣланъ опытъ отмѣны ихъ на годъ, но финансовыя потребности вынудили ихъ возстановленіе.

По мѣрѣ того какъ козацкая старшина становилась въ положеніе привилегированнаго класса, утверждались монастыри и другія духовныя учрежденія во всемъ объемѣ своихъ правъ на земельныя имущества, и тѣмъ вновь приобрѣтали утраченное—было ими благосостояніе. Навстрѣчу этому благопріятному условію шли большія заботы о просвѣщеніи со стороны козацкой старшины и Мазепы во главѣ ея. Мазепа покровительствуетъ тому, чтобы старшина посылала сыновей учиться за границу, старается изо всѣхъ силъ поднять значеніе Киевской Академіи, устраиваетъ типографіи, ведетъ дѣятельно корреспонденцію съ учеными людьми. Между духовными писателями и учеными этого времени выдвигаются имена Иннокентія Гизеля, Лазаря Барановича, Іоаннікія Голятовскаго, св. Дмитрія Ростовскаго: они были, вмѣстѣ съ тѣмъ, и общественными дѣятелями, частью прямо вмѣшиваясь въ политическія дѣла своего времени, частью стремясь вліять на общество поученіемъ и проповѣдью. Подъемъ высшаго духовнаго просвѣщенія въ Малороссіи начинаетъ отражаться и на сѣверной Руси: съ конца XVII вѣка, на нѣсколько десятилѣтій, „черкасы“, по московской терминологіи, берутъ въ свои руки всѣ высшія духовныя и просвѣтительныя учрежденія.

Такова въ общихъ чертахъ картина внутренняго быта Малороссіи отъ освобожденія до конца гетманства Мазепы. Дальше начинается дѣйствовать новый факторъ—вліяніе сѣвернорусскаго государства—и начинается дѣйствовать съ значеніемъ условія, опредѣляющаго весь дальнѣйшій ходъ развитія южнорусскаго общества лѣвобережной Украины.

IV.

Настоящій очеркъ ви́шняго и внутренняго состоянія Украины послѣ Хмельницкаго умысленно игнорировалъ такую важную часть нашего историческаго цѣлаго, какую представляетъ собою исторія Запорожскаго Низа. Дѣло

въ томъ, что теперь, т.-е. со временъ Хмельницыны, историку становится не только болѣе удобнымъ, но даже необходимымъ излагать этотъ предметъ отдѣльно.

Запорожье въ его исторіи имѣетъ свою исключительную судьбу. Легенда— не какъ продуктъ народнаго творчества, а какъ измышленіе увлекавшихся изслѣдователей—облекла раннюю исторію Запорожья густымъ туманомъ, въ которомъ совершенно укрываются истинныя очертанія предмета: точно дѣло идетъ не о XVI—VII вв. со всѣмъ свойственнымъ имъ обиліемъ документальныхъ свѣдѣтельствъ, а о какой-нибудь эпохѣ руинъ или іероглифовъ. Объяснить это явленіе нетрудно. Увлекаясь оригинальными формами запорожской жизни, такъ причудливо выступавшими на фонѣ просвѣщеннаго XVIII вѣка, изслѣдователи этой жизни, естественно, стремились видѣть въ ней остатки, переживание какого-то архаическаго жизненнаго уклада. И съ извѣстной точки зрѣнія они, конечно, правы: все, что насъ такъ поражаетъ въ запорожскомъ обществѣ, его строй, понятія, нравы и обычаи,—все это вынесено украинскимъ козацествомъ изъ глубинъ древне-русской жизни и взлелѣяно имъ на степномъ раздольѣ окраинъ, гдѣ постоянная внѣшняя угроза обезпечивала личности извѣстную свободу отъ притязаній государства.

Тѣмъ не менѣе, Запорожская Сѣчь, какъ самостоятельный социально-политическій организмъ, есть порожденіе относительно поздняго времени, главнымъ образомъ, эпохи, слѣдующей за переворотомъ 1648 года.

Когда польское правительство, въ концѣ XVI столѣтія, стало вводить козацкую регистрацію, то оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, требовало отъ зарегистрированнаго имъ украинскаго козачества, чтобы оно держало постоянную сторожу на запорожскомъ Низу. Съ этихъ поръ эпитетъ „запорожскій“ сталъ постоянно прикладываться въ польскомъ языкѣ къ козацкому войску, признаваемому правительствомъ, и сохранился даже до того поздняго времени, когда украинское козачество фактически совсѣмъ обособилось отъ запорожскаго или низоваго.

Несомнѣнно, что украинское козачество, выросшее по хуторамъ и пасѣлкамъ Украины, по ея звѣринымъ и рыболовнымъ угодьямъ, съ очень ранней поры начало пользоваться запорожскимъ Низомъ, дѣля въ немъ не только промысловое богатство, но и его недоступность, съ одной стороны, для татаръ, съ другой—для старостъ и иныхъ властей своего же государства, всегда готовыхъ наложить руку на свободу народной массы. По крайней мѣрѣ, еще въ концѣ XV в. упоминаются козаки, приплывавшіе въ Кіевъ съ рыбой съ Низу. Но и въ концѣ XVI в. на Низу все-таки нѣтъ прочной осѣлости. Польскій хроникеръ Бѣльскій имѣлъ точныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ на Низу отъ своего дяди Оришевскаго, который долго жилъ за порогами въ качествѣ козацкаго гетмана, т.-е. польскаго начальника надъ козацкой сторожей. Онъ сообщаетъ, что козаки занимаются на низовьяхъ Днѣпра ловлей рыбы, которую тамъ же и сушатъ на солнцѣ. Живутъ они тамъ только лѣтомъ, на зиму же расходятся въ ближайшіе города, какъ Кіевъ, Черкасы и др., спрятавши предварительно на какомъ-нибудь днѣпровскомъ островѣ, въ безопасномъ мѣстѣ, свои лодки и оставивъ тамъ нѣсколько сотъ человѣкъ „на куренѣ, чтобы стеречь орудіе. Къ той же эпохѣ, т.-е. концу XVI в., относится путешествіе на Запорожье

двухъ лицъ, которыя въ разное время съ разными цѣлями ѣздили туда, причемъ отъ обоихъ осталось описаніе ихъ пребыванія на Низу: во-первыхъ, это былъ магнатъ и авантюристъ Самуиль Зборовскій, убѣжавшій въ 1579 г. отъ смертной казни на Запорожьѣ, чтобы, во главѣ тамошняго козачества, поискать счастья въ военныхъ предпріятіяхъ; во-вторыхъ, силезскій шляхтичъ Лассота, отправленный римскимъ императоромъ Рудольфомъ II въ 1594 году, чтобы привлечь козаковъ на службу, въ видѣ войны съ Турціей. Ни тотъ, ни другой, ни Зборовскій, ни Лассота также не нашли здѣсь прочной осѣдлости: шалаши, крытыя звѣриными шкурами, очевидно, не могли быть постоянными жилищами. О какомъ-нибудь укрѣпленіи тоже нѣтъ рѣчи. Козацкое войско располагалось на томъ или другомъ изъ своихъ острововъ—Зборовскій засталъ его на Томаковѣ и Чертомлыкѣ, Лассота на Базавлукѣ—подвижнымъ лагеремъ, „кошемъ“,—а затѣмъ расходилось: оставалась обязательная сторожа, и, можетъ-быть, нѣкоторое количество „сиромакъ“, стоявшихъ въ открытой враждѣ съ законами своего государства, которымъ некуда было идти, негдѣ искать болѣе гостепріимнаго крова.

Извѣстный польскій ученый Яблоновскій, такъ серьезно работавшій надъ вопросами топографіи и заселенія украинской территоріи, полагаетъ, что въ концѣ XVI в. и въ началѣ XVII в. число постоянного населенія Запорожскаго Низа не превышало пятисотъ человекъ. Можно отнестись, конечно, съ извѣстнымъ недоувѣріемъ къ этой цифрѣ, особенно, если принять во вниманіе, что къ Запорожскому Низу относились земли по Самарѣ и другимъ степнымъ рѣчкамъ, впадающимъ въ Днѣпръ съ лѣвой стороны, гдѣ тоже могли проживать казаки. Но что постоянное населеніе Запорожья все-таки было ничтожно—это несомнѣнно. Тѣ тяжелыя столкновенія украинскаго козачества съ государствомъ, какія оно пережило въ двадцатыхъ-тридцатыхъ годахъ XVII в. должны были сразу сильно поднять цифру постоянного населенія запорожской территоріи. Но, во всякомъ случаѣ, до Хмельницыны у запорожскаго козачества нѣтъ исторіи, отдѣльной отъ исторіи остальной Украины; по крайней мѣрѣ, мы лишены возможности выдѣлить въ общемъ потокѣ событій какія-нибудь особо окрашенныя теченія, имѣющія своимъ источникомъ спеціальныя интересы запорожской жизни.

Хмельницина и событія, вытекающія изъ нея, положили извѣстную грань между Запорожьемъ и остальной Украиной. По мѣрѣ того какъ Украина все опредѣленнѣе раздѣлялась на двѣ половины, и каждая изъ половинокъ втягивалась въ орбиту сосѣдняго государства, Запорожье рѣшительнѣе выступало въ качествѣ особаго социально-политическаго организма.

Яркимъ выразителемъ нарождающейся политической самостоятельности Запорожья является Сѣчь, впервые возникшій на Низовой территоріи настоящій городъ—опорный пунктъ прочной осѣдлости. Если у низовыхъ козаковъ бывали и раньше сѣчи, что можно допустить, судя по тому, что слово „сѣчевцы“, „сѣचेвики“, появляется еще въ началѣ XVII в., то это были лишь слабыя укрѣпленія, вызываемыя къ существованію случайной потребностью и исчезавшія вмѣстѣ съ ней. Всѣ изысканія о послѣдовательномъ рядѣ сѣчей,

или съчевыхъ городовъ, должны разъ навсегда отойти въ область мифологій, въ которой нечего дѣлать историку.

Есть одинъ документъ, который долженъ быть положенъ во главу угла научной постановки этого вопроса, дѣйствительно темнаго и запутаннаго, но лишь въ силу тѣхъ ненужныхъ загроможденій, какими обставили его не по разуму усердные изслѣдователи. Этотъ документъ 1672 г. есть подробное описаніе Съчезова города, представленное запорожцами въ приказъ малороссійскихъ дѣлъ: изъ описанія этого видно, что городъ Съча стоялъ въ устьяхъ Чертомлика и Прогноя, надъ рѣчкою Скарбною, былъ окруженъ валомъ въ 6 сажень высоты и ровомъ, имѣлъ башни съ бойницами и еще земляной городокъ за ровомъ, былъ снабженъ въ обиліи и пушечнымъ нарядомъ, боевыми и съѣстными припасами, всего же мѣры имѣлъ въ окружности 900 сажень. А самое интересное, что мы узнаемъ изъ этого документа, — что „строилъ тотъ городъ Съчу кошевой атаманъ Лутай съ козаками тому 20 лѣтъ“. Такимъ образомъ, пятидесятыя годы XVII в. — вотъ тотъ моментъ, когда явилась на свѣтъ Старая Съчъ, или первый Съчезовой городъ, который сдѣлался фундаментомъ самостоятельной политической исторіи Запорожья. Къ территоріи Запорожскаго Низа относилась въ это время еще и другая крѣпость Кодакъ, при посредствѣ которой поляки держали до 1648 г. въ своихъ рукахъ Запорожье. Тѣ „люди малые и то изъ войска перемѣнные, которыхъ въ дѣло почитать нечего“, какими изображаетъ запорожцевъ Богданъ Хмельницкій Москвѣ по поводу присяги по переяславскому договору, — снабдивши свою территорію городами, обнаруживаютъ дѣятельное стремленіе ее ограничить отъ сосѣднихъ территорій и вообще придать ей политическую самостоятельность.

Странную аномалію представляетъ собой это запорожское общество, которое стремится къ политическому существованію, не будучи въ то же время обществомъ гражданскимъ: Съчъ, политическій центръ Запорожья, не допускала семьи. Но жизнь дѣлала къ этой аномаліи свои поправки. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше покрывается территорія Запорожья „становищами“ и „сѣдлищами“, гдѣ козаки начинаютъ уже проживать съ семьями. Если въ половинѣ XVII вѣка еще возможно было бы говорить о запорожцахъ, что „на Запорожьѣ живутъ ихъ же братья (украинскіе) козаки, которые переходятъ туда для промысловъ, а иной и потому, что здѣсь пропьется да проиграется, жены же ихъ и дѣти всѣ живутъ по городамъ“ (т.-е. на Украинѣ), то въ концѣ вѣка, при Мазепѣ, уже дѣло, очевидно, стояло иначе. Лѣвобережный гетманъ дѣлаетъ формальныя препятствія къ тому, чтобы запорожцы являлись „на зимовлю“ въ Украину, и разрѣшаетъ лишь ограниченному ихъ числу приходить къ родственникамъ и свойственникамъ. Очевидно, такія ограниченія были возможны лишь при томъ предположеніи, что старыя, такъ сказать, кровныя связи Запорожья съ Україною уже ослабли.

Но связи экономическія не ослабѣвали до конца этого періода; собственно даже и не связи, а полиѣйшая экономическая зависимость Запорожья отъ Украины и Московскаго государства. Корень этой зависимости заключался въ отсутствіи сельскохозяйственнаго промысла на Низовой территоріи: „не сѣмъ,

не оремъ“, пишутъ о себѣ запорожцы. Такимъ образомъ, они нуждались даже въ предметахъ первой необходимости—хлѣбѣ и горѣлкѣ, уже не говоря о дегтѣ, о желѣзѣ и свинцѣ, объ одеждѣ, о неводѣ и челнѣ, по крайней мѣрѣ, большомъ морскомъ челнѣ, на которомъ можно было бы пуститься въ море. Все должны были они приобрѣтать обмѣномъ, а въ обмѣнъ они могли предлагать лишь рыбу и соль. Рыба ловилась въ чрезвычайномъ изобиліи ю „луговымъ и полевымъ“ рѣчкамъ, впадающимъ въ Днѣпръ, главнымъ образомъ, Самарѣ, также въ самомъ Днѣпрѣ, гдѣ на порогахъ производилась ловля осетровъ; доставлялась рыба еще и съ Дона обозами. Соль добывали запорожцы на крымскихъ соленыхъ озерахъ и вели торговлю съ Украиной этимъ предметомъ такого общаго и широкаго спроса. Отъ рыбной и соляной торговли запорожцы были, по ихъ собственному выраженію, „сыты, пьяны и одѣжны“. Однако—не вполне. Изъ Сѣчи нерѣдко слышались жалобы, что тамъ „голодно“. А главное—запорожцы, какъ люди въ „оборонахъ“, постоянно нуждались въ предметахъ, относящихся до вооруженія,—предметахъ относительно большой цѣнности. Населеніе же, которымъ пополнялось Запорожье, состояло, по преимуществу, изъ бѣглыхъ „мужиковъ“, людей бѣдныхъ, которые являлись сюда, не имѣя „ни самопаловъ, ни одежды, ни борошна“, которые нуждались въ томъ, чтобы Запорожье и одѣло ихъ, и накормило, и вооружило. При этихъ условіяхъ запорожцы никакъ не могли обойтись „безъ жалованья“. Жалованье, частью отъ малорусскаго гетмана, частью отъ царя, составляло вѣчно больное мѣсто запорожской жизни. Обычай получать жалованье отъ гетмана утвердился съ Брюховецкаго, который первый началъ высылать туда запасы хлѣбомъ и деньгами; позднѣйшіе гетманы продолжали эти высылки ежегодно, задерживая ихъ лишь въ случаяхъ запорожской „шатости“. Высылались всегда мука, пшено, деньги, иногда ветчина и иные предметы, по специальнымъ просьбамъ изъ Сѣчи. Московское жалованье состояло изъ свинцу и пороху, опять же денегъ и всегда суконъ, а нерѣдко и соболей. Но, кромѣ того, запорожцы постоянно добивались отъ гетмана и царя какого-нибудь источника доходовъ, въ видѣ, напримѣръ, перевоза на Переволочнѣ, очень прибыльнаго, или дохода съ мельницъ на Ворсклѣ и т. п.

Экономическая зависимость Запорожья отъ Украины была такъ велика, что, въ случаѣ непослушанія или иной какой-либо „шатости“ со стороны запорожцевъ, лѣвобережному гетману достаточно было задержать жалованье и положить препятствіе къ сообщенію съ Запорожьемъ, чтобы низовцы смирились. Въ минуту крайняго затрудненія они нерѣдко хватились еще за мысль о союзѣ съ Крымомъ, такъ какъ крымскіе ханы, съ своей стороны, не прочь были предложить запорожцамъ и хлѣбное жалованье, и разныя льготы въ торговомъ обмѣнѣ, лишь бы обратить этихъ безпокойныхъ сосѣдей изъ враговъ въ друзей. Но экономическія выгоды отъ союза съ крымцами не могли выдержать никакого сравненія съ тѣмъ, что получали запорожцы отъ Украины; къ тому же, брали свое и традиціонныя представленія о козацкѣ, какъ объ исконномъ врагѣ басурманской вѣры, цѣль существованія котораго есть борьба съ басурманствомъ. Такимъ образомъ, политическая самостоятельность, о которой мечтали на Запорожѣ горячія головы, оказывалась лишь совсѣмъ неосуществи-

мой иллюзіей; но, тѣмъ не менѣе, этотъ фазисъ своего существованія запорожцы не переставали тоняться за этой тѣнью: полная безконтрольность рѣчей и поступковъ постоянно питала эту иллюзію, все возраставшую и возраждавшуюся вновь изъ пепла, въ какой ее нерѣдко обращала суровая дѣйствительность.

Есть основаніе думать, что въ эту эпоху еще ни запорожцы не привыкли смотрѣть на себя, какъ на единое политическое тѣло, ни сосѣди — видѣть въ нихъ опредѣлившійся соціально-политическій организмъ. Это обнаруживается, между прочимъ, изъ того, какъ они себя называютъ въ обращеніяхъ къ московскому или гетманскому правительству: „вѣрные слуги, войско запорожское днѣпровое, кошевое, верховое, низовое, будучи на поляхъ, на лугахъ, на полянахъ и на всѣхъ урочищахъ днѣпровыхъ и полевыхъ, и морское“. Въ такомъ же родѣ были обращенія къ запорожцамъ гетманскаго и московскаго правительства. Очевидно, ни сами запорожцы, ни ихъ сосѣди не представляли себѣ войска иначе, какъ собраніемъ какихъ-то механическихъ частицъ, разбросанныхъ на огромной Низовой территоріи. Понятіе о политическомъ единствѣ, о центральномъ политическомъ органѣ, представляющемъ собою территорію, еще, очевидно, было очень слабо. Однако, оно уже не могло не зародиться, такъ какъ была налицо одна общепризнанная власть, власть атамана, избраннаго „на кошу“, которымъ теперь была, какъ мѣсто постоянной осѣдлости, Сѣчь.

Кошевой атаманъ выбирался, какъ и смѣнялся, общекозацкой радой, гдѣ все рѣшалось силою большинства. Но, кромѣ этой рады, имѣла большое вліяніе „атаманская порада“, т.-е. собраніе куренныхъ атамановъ съ кошевымъ во главѣ.

Повидимому, уже въ эту эпоху курень былъ единицей самоуправленія, какъ это мы наблюдаемъ въ болѣе позднее время. Кромѣ кошевого, компетенція котораго, какъ и гетманская, не поддается точному опредѣленію, видимъ еще на Запорожѣ, какъ и въ Гетманщинѣ, писаря, съ тѣми же широкими, канцлерскими, полномочіями, и судью, т.-е. сборщика судебныхъ пошлинъ въ войсковую скарбницу. Упоминаются еще полковники, вѣроятно, выбираемые для отдѣльныхъ военныхъ предпріятій.

Въ началѣ разсматриваемаго періода, когда Запорожье еще не противопоставляло себя такъ рѣшительно Украинѣ, были попытки со стороны низовцевъ взять въ свои руки избраніе гетмана: они требовали, чтобы гетманъ лѣвобережной Украины выбирался или на Запорожѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ Лубнахъ, издавна состоявшихъ въ самой тѣсной связи съ Запорожскимъ Низомъ. Но дальнѣйшій ходъ событій, отдѣливъ Запорожье отъ Украины, далъ иное направленіе запорожскимъ стремленіямъ.

Всѣ запорожскія власти были выборными, притомъ не на опредѣленный срокъ, а „до войсковой ласки“: рада могла смѣстить ихъ въ каждый моментъ безъ всякой вины съ ихъ стороны, исключительно по своему усмотрѣнію. Самодержавіе рады не хотѣло знать никакихъ стѣсненій или ограниченій. Свобода слова, т.-е. высказыванія политическихъ мнѣній, на Запорожѣ была такая: „Живучи на Украинѣ, не смѣютъ и рта раскрыть, а какъ только заберутся въ Сѣчь, откуда у нихъ плодятся рѣчи и рассказы, возбуждающіе къ бунтамъ! Иной мелеть спяна, а иной хотя не пьянъ, дьявольскій сынъ, да безъ пьянства

горечью дышетъ, собака, и не токмо что на гетмана и на пановъ, но и на самыхъ монарховъ съ желчью слова говорятъ; тѣ бездушники запорожцы никогда и нигдѣ не могутъ быть постоянными, понеже ни Бога, ни государя, ни власти гетманской не боятся“,—пишетъ о нихъ Мазепа. Свобода слова соотвѣтствовала и свободѣ дѣйствій, поскольку она могла имѣть мѣсто при наличности той привязи, на какой постоянно держали Запорожье самыя условія его существованія.

Иллюзія политической свободы, которую тѣшило себя Запорожье, вытекала, прежде всего, изъ взаимныхъ политическихъ отношеній сосѣднихъ державъ. По Андрусовскому перемирію 1667 г. Запорожье было объявлено въ одинаковой зависимости какъ отъ Польши, такъ и отъ Россіи: это межеумочное положеніе, съ одной стороны, оторвавшее Запорожье отъ остальной Украины и противопоставившее эти двѣ территоріи, съ другой стороны, создавшее для Запорожья какую-то особую форму двойной, а, слѣдовательно, не полной зависимости, больше всего благопріятствовало тенденціи Запорожья сложиться въ особое соціально-политическое тѣло. Когда позже Запорожье стало въ исключительную зависимость отъ государства Русскаго, то русское правительство уже застало готовымъ положеніе, съ которымъ ему пришлось выдержать борьбу.

Эта переходная эпоха въ исторіи Запорожья, когда оно, впервые отдѣлившись отъ Украины, пробовало самостоятельно свои силы, прекрасно отразилась въ личности Сирка. Сирко—очень интересная и типичная фигура своего времени и среды: онъ не направлялъ событій, не руководилъ ими, но въ немъ какъ въ фокусѣ сосредоточивались всѣ главнѣйшіе мотивы запорожской жизни, которое онъ воплощалъ съ той полнотой, къ какой способны инныя личности, выдвигаемыя толпой какъ герои.

Цѣлую четверть вѣка — третью четверть XVII в. — Сирко представлялъ собою Запорожье то въ качествѣ полковника, то въ качествѣ кошевого, котораго постоянные запорожцы лишали достоинства только для того, чтобы снова и снова поставить во главѣ Войска. Припомнимъ; какое это было тяжелое время для Украины, эта третья четверть XVII в. Правобережье все глубже и глубже скатывалось въ пропасть руины; лѣвобережье пробовало привязь, которою оно было прикрѣплено къ сильному сосѣду, и лишь убѣждалось, что привязь становится все короче, все прочнѣе. Постоянныя волненія и тутъ и тамъ давали низовымъ козакамъ возможность вмѣшиваться всюду, и Сирко, какъ настоящій сынъ Запорожья, широко пользовался этой возможностью. Но во всѣхъ его дѣйствіяхъ,—гдѣ онъ неизмѣнно проявлялъ и безавѣтное мужество, и выдающіяся воинскія дарованія, безкорыстіе, справедливость—совсѣмъ не видно никакой опредѣленной политической программы. Ясно, что этотъ человѣкъ, а, слѣдовательно, и общество, во главѣ котораго онъ стоялъ, руководилось лишь настроеніемъ данного момента. Въ борьбѣ сосѣднихъ государствъ изъ-за Украины онъ какъ-будто тяготѣетъ въ сторону московскаго правительства, но не выдерживаетъ и этого направленія, особенно послѣ того, какъ ему нанесено было Москвой тяжелое оскорбленіе захватомъ и плѣномъ, имѣвшимъ цѣлью положить конецъ его притязаніямъ на лѣвобережное гетманство. Такимъ

образомъ, Сирко, во главѣ Запорожья, является на помощь то одному гетману, правобережному или лѣвобережному, то другому, то дѣйствуетъ за Суховія и Ханенка противъ Дорошенка, то становится на сторону Дорошенка, является во многихъ случаяхъ сторонникомъ московскаго правительства, но выступаетъ временами какъ его противникъ въ союзѣ и съ польскимъ королемъ, и съ крымскимъ ханомъ, и съ турецкимъ султаномъ. Впрочемъ, послѣдняя перемѣна фронта, въ пользу басурманства, со стороны Сирка представляется явленіемъ рѣдкимъ и исключительнымъ. Въ общемъ, онъ всегда готовъ на борьбу съ невѣрными, и это направленіе его дѣятельности представляется наиболѣе постояннымъ и наиболѣе богатымъ настоящими подвигами, достойными эпическаго богатыря. Эпоха для геройской борьбы съ басурманскимъ востокомъ была самая подходящая: татары, вѣчные и ненасытные разорители Украины, теперь широко пользовались для своей наживы руиной правобережья и нестроеніемъ лѣвобережья; только Сирко, вѣчно стоящій насторожѣ, вѣчно готовый на реваншъ, клалъ извѣстный предѣлъ ихъ хищничеству. Необходимо еще напомнить, что къ концу третьей четверти XVII в. на правобережьи водворились турки, которые рѣшились преградить запорожцамъ выходъ въ море городками на низовьяхъ Днѣпра и обнаруживали намѣреніе завладѣть самою Сѣчью. Вотъ при этихъ-то обостренныхъ отношеніяхъ къ мусульманскому востоку и развернулась легендарная фигура Сирка. Лишнимъ трудомъ было бы перечислять, сколько онъ совершилъ болѣе или менѣе удачныхъ походовъ, и сухимъ путемъ и на челнахъ, сколько предупредилъ нечаянныхъ и разорительныхъ нападеній, сколько отбилъ плѣнныхъ и иной добычи: достаточно сказать, что онъ, въ видахъ отмести за нечаянное, но все-таки неудачное вторженіе янычаръ въ Сѣчевой городъ, организовалъ и блестяще выполнилъ вторженіе козаковъ внутрь Крыма, въ самое гнѣздо хищниковъ. Эпизодъ „избіенія тумъ“, сопровождавшій этотъ походъ — буде его не сочинилъ мало-русскій лѣтописецъ Величко, — прекрасно дорисовываетъ собою эту типичную фигуру, несомнѣнно варварскую, но, въ то же время, полную беззавѣтной любви къ родинѣ и наивной дѣтской вѣры *). Это были послѣднія проявленія дѣятельности Сирка: онъ умеръ въ 1680 году.

Шесть лѣтъ спустя послѣ смерти Сирка, такъ называемый вѣчный миръ между Россіей и Польшей, ставившій въ числѣ своихъ условій передачу Запорожья въ исключительную зависимость отъ Русскаго государства, положилъ извѣстную грань въ исторической жизни запорожскаго общества. Та полная неопредѣленность политическаго направленія, представителемъ которой является

*) Вотъ этотъ эпизодъ: Сирко вывелъ изъ своего нападенія на Крымъ массу плѣнныхъ, и между прочимъ, „тумъ“, метисовъ, рожденныхъ въ Крыму отъ смѣшаннаго сожителства христіанскихъ невольницъ съ татарами. Но дорогой Сирко предложилъ тумамъ возвратиться назадъ, кто пожелаетъ, а затѣмъ велѣлъ козакамъ догнать вернувшихся и перебить ихъ. Потомъ поѣхалъ самъ посмотрѣть, исполнены ли въ точности приказъ, и обратился къ трупамъ съ такими словами: „Простите, насъ, братья, а сами спите тутъ до страшнаго суда Господня, вмѣсто того, чтобы размножаться вамъ въ Крыму между басурманами на наши христіанскія, молодецкія головы и на свою вѣчную безъ крещенія гибель“.

Сирко, исчезаетъ. Не то, чтобы запорожская „шатость“ обратилась въ постоянное, ясную политическую программу и послѣдовательность дѣйствій; но она перемѣнила свой характеръ. Теперь мы наблюдаемъ на Запорожьѣ постоянно два настроенія, двѣ партіи: одна партія — сторонниковъ московскаго правительства, другая—его рѣшительныхъ противниковъ. Всѣ запорожскія шатости опредѣляются взаимными отношеніями этихъ партій, ихъ борьбой, тѣмъ, которая изъ нихъ беретъ верхъ въ то или другое время.

Конечно, положеніе Запорожья было такое, что московская сторона получила естественное преобладаніе. Но, въ то же время, чѣмъ дальше, тѣмъ больше накоплялось поводовъ и причинъ для неудовольствія московскимъ и гетманскимъ правительствами, дѣйствовавшими въ этомъ случаѣ вполнѣ солидарно; тѣмъ сильнѣе становилась оппозиція данному положенію. Дѣло въ томъ, что гетманское правительство, при содѣйствіи Московскаго государства, начало мирное поступательное движеніе на запорожскую территорию. Сначала, еще до Мазепы, занята была городками р. Орель; при Мазепѣ начался захватъ Самары,—и вотъ именно этотъ-то захватъ р. Самары составлялъ самое больное мѣсто въ отношеніяхъ Запорожья съ Гетманщиной. Запорожцы чрезвычайно дорожили Самарой какъ своимъ наиболѣе цѣннымъ промысловымъ урочищемъ; а, между тѣмъ, на Самарѣ появились непосредственно одна за другой двѣ крѣпости, изъ которыхъ Новобогородская была значительной крѣпостью.

Мазепа началъ раздавать самарскія земли людямъ изъ Гетманщины подъ тѣмъ предлогомъ, „что нигдѣ нѣтъ такихъ мѣстъ для селитряныхъ майдановъ, какъ на Самарѣ“. Запорожцы посылали въ Москву жалобу за жалобой за нарушение своихъ исконныхъ правъ, но не получали никакого удовлетворенія. Когда русскими войсками, при самомъ энергичномъ содѣйствіи тѣхъ же запорожцевъ, захвачены были турецкіе городки по Днѣпру, Кизикермень, Тавань, Шагинкермень, русскіе заняли ихъ своими гарнизонами, не обращая никакого вниманія на притязанія запорожцевъ, которые считали всѣ земли заднѣпровскихъ гирлъ своею собственностью: позже городки были, къ пущему негодованію запорожцевъ, разорены въ виду условій мирнаго договора съ Турціей *), по которому вся территория нижняго Днѣпра должна была оставаться пустыней. Но ничто не произвело на Запорожьѣ такого удручающаго впечатлѣнія, какъ возведеніе русскими, послѣ разоренія турецкихъ городковъ, новой, своей собственной, крѣпости на урочищѣ Каменномъ Затонѣ, при впаденіи рѣки Конки въ Днѣпръ, можно сказать, въ виду Сѣчевого города. Это была не только обида, но и угроза. Русскіе гарнизоны въ центрѣ Запорожской территоріи, въ самарскихъ крѣпостяхъ и особенно въ Каменномъ Затонѣ, представляли собой конецъ политической самостоятельности Запорожья, которая только-что начала оперяться.

Противникамъ Московскаго государства, готовымъ на открытую борьбу съ нимъ, не было иного выхода какъ союзъ и покровительство Крыма: поэтому Запорожская оппозиція Москвѣ всегда представляла собою, вмѣстѣ съ

*) Константинопольскій миръ 1700 г.

тѣмъ, крымскую партію. Именно во главѣ этой крымской партіи стоялъ Петрикъ, который въ теченіе пяти лѣтъ волновалъ Запорожье (1691—1696): онъ и его сторонники надѣялись съ помощью Крыма одолѣть Москву, полагая, что „въ Малой Россіи имъ не для чего будетъ воевать, потому что она сама въ себѣ кого надобно повоюетъ: винокурники, пастухи, овчары и голытьба всѣхъ своихъ начальниковъ и пановъ побьютъ“. Но расчеты Петрика не оправдались. Даже на самомъ Запорожьѣ онъ не встрѣтилъ такого широкаго сочувствія, на какое надѣялся: неудовольствіе Запорожья противъ Москвы лишь позже достигло кульминаціоннаго пункта. Кромѣ устройства Каменнаго Затона, накопленію неудовольствія много способствовала Сѣверная война, когда запорожцы должны были ходить на далекій сѣверъ и тамъ оставаться въ суровыхъ и непривычныхъ условіяхъ, подъ командой русскаго начальства, которое не находило нужнымъ считаться съ независимымъ духомъ Низоваго козачества. Все это способствовало накопленію на Запорожьѣ массы горячаго матеріала, который, своимъ взрывомъ, долженъ былъ снести всѣ соображенія и расчеты, предписываемыя осторожностью. Представителемъ духа крайней ненависти къ московскому правительству, выражавшейся, между прочимъ, въ той поддержкѣ, какую давали запорожцы донскому бунтовщику Булавину, является въ это время кошевой Гордіенко, человѣкъ, одаренный умомъ и энергіей: онъ руководилъ Запорожьемъ въ эту критическую для него эпоху. Запорожье почти единодушно примкнуло къ своему давнему врагу Мазепѣ, лишь только тотъ перешелъ на сторону шведовъ.

Въ концѣ апрѣля того же знаменитаго 1709 года полковникъ Яковлевъ, во главѣ трехъ полковъ русскихъ войскъ, сѣлъ на суда подъ Кіевомъ, чтобы добраться Днѣпромъ до пороговъ; конное войско слѣдовало за судами по берегу. Вступленіе русскихъ войскъ на Запорожскую территорію сопровождалось такими дѣйствіями, которыя предвѣщали жестокую и окончательную расправу. Но когда войско, перешедшее пороги и подкрѣпленное еще гарнизономъ и военными снарядами Каменнаго Затона, придвинулось къ Сѣчи, то, оказалось, что она окружена со всѣхъ сторонъ водой: на Днѣпрѣ стояло половодье, которому, надо полагать, помогли запорожцы, успѣвшіе затопить окрестности Сѣчезоваго города и съ той стороны, которая была доступна. Ни стрѣльба изъ пушекъ черезъ воду съ воздвигнутыхъ русскими шанцовъ, ни попытки атаки Сѣчезоваго города въ лодкахъ не привели ни къ чему. Но 14 мая явился на выручку Яковлева изъ его затруднительнаго положенія охочекомонный полковникъ Галаганъ,—человѣкъ, близко знакомый съ запорожскими обычаями и „войсковыми секретами“. Онъ обѣщалъ запорожцамъ помилованіе, если они положить оружіе. Запорожцы повѣрили его присягѣ; безоружные сѣчевики были безпощадно побиты, всѣ сѣчевыя строенія и даже зимовники, окружавшіе городъ совершенно уничтожены. Вслѣдъ затѣмъ царь Петръ, который былъ чрезвычайно обрадованъ разореніемъ „проклятаго гнѣзда“, объявилъ присоединенными къ Гетманщинѣ, къ миргородскому полку, запорожскія земли, отъ р. Орели до р. Самары. Отдѣльнымъ запорожцамъ давалась пощада лишь подѣтъмъ условіемъ, чтобы они выбирали себѣ осѣдлость и селились на правахъ посполитыхъ людей.

Главные источники: Костомаровъ: „Богданъ Хмельницкій“, „Руина“, „Мазепа и мазеповцы“; Буди́нскій, „О Богданѣ Хмельницкомъ“; Эварницкій: „Исторія запорожскихъ козаковъ“, „Сборникъ матеріаловъ для исторіи запорожскихъ козаковъ“; Павлицевъ, „Польская анархія при Янѣ-Казимирѣ и война за Украину“; Уманецъ, „Гетманъ Мазепа“; Кулишъ: „Исторія отпаденія Руси“, „Украинскіе козаки и паны“; Антоновичъ и Бецъ, „Историческіе дѣятели юго-западной Россіи“; Антоновичъ: „Послѣднія времена козачества на правомъ берегу“, „Исслѣдованіе о крестьянахъ юго западной Россіи 1700—98 г.“; Смирновъ, „Исторія крымскаго ханства“; Szaynocha, „Dwa lata dziejow naszych“; Кнбала, „Jerzy Ossolinski“; Antoni I., „Opowiadania“; Грець, „Исторія евреевъ“; „Богданъ Хмельницкій, лѣтопись еврея-современника Натана Гановера“; Антоновичъ и Драгомановъ, „Историческія пѣсни малорусскаго народа“; „Записки науковаго товариства“, т. XXIII и XXIV; Вобри́нскій, „Очеркъ исторіи Польши“; Чистовичъ, „Очеркъ исторіи западно-русской церкви“; „Памятники“, изд. Временной Комиссіи для разбора древнихъ актовъ; „Акты Южной и Западной Россіи“; „Кіевская Старина“; Маркевичъ, „Исторія Малороссіи“; Бантышъ-Каменскій: „Исторія Малой Россіи“, „Источники малороссійской исторіи“; „Лѣтопись Григорія Грабянки“; Величко, „Лѣтопись событій“; „Лѣтопись Самовидца“; „atopisiec Jerlicza“; „Pamietniki o Samuelu Zborowskim“; „Pamietniki do zy cia i sprawy Zborowskich“; „Путевыя записки Ляссоты“.

Глава седьмая.

Украина въ XVIII столѣтіи.

I.

Какъ въ жизни отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ обществъ бываютъ критическіе моменты, когда жизненная волна, до тѣхъ поръ неопредѣленно колебавшаяся туда и сюда, сразу вступаетъ въ извѣстное русло. Такимъ моментомъ была въ жизни малорусскаго общества измѣна Мазепы. Трудно сказать, имѣлъ ли бы этотъ фактъ такое рѣшающее значеніе, если бы не было Петра съ его необычайной энергіей, яснымъ пониманіемъ выгодъ своего государства, съ страстнымъ стремленіемъ идти кратчайшимъ путемъ, напроломъ, къ достиженію этихъ выгодъ; но въ данныхъ условіяхъ измѣна Мазепы дѣйствительно составила эпоху въ исторіи лѣвобережной Украины.

До сихъ поръ въ Малороссіи Мазепа заслонялъ собой Петра: „отъ Богдана до Ивана не було гетмана“, говоритъ народное присловіе того времени, приравниваніемъ къ Хмельницкому свидѣтельствуя о гетманской самостоятельности Мазепы. Съ удаленіемъ этого, несомнѣнно, очень способнаго гетмана, внушительная фигура Петра встаетъ передъ Малороссіей лицомъ къ лицу.

Враждебная Великой Россіи политическая комбинація не удалась; непріязненные ей элементы уничтожены, разсѣяны, приведены въ бездѣйствіе. Если она не удалась при такомъ исключительно благоприятномъ условіи, какъ появленіе въ центрѣ территории побѣдоноснаго шведскаго войска съ его героическимъ вождемъ — трудно было предположить, чтобы она могла удаться въ другой разъ. Петръ могъ смотрѣть на Малороссію какъ на территорию, окончательно и безповоротно присоединенную къ Великороссіи; также должна была смотрѣть на себя и сама Малороссія. Дальнѣйшія задачи малорусской политики были Петру ясны. Съ одной стороны, надо было сливать Малороссію съ Великороссіей, лишая край политической самостоятельности и самобытныхъ учреждений; съ другой — привлекать матеріальныя, экономическія силы малорусскаго общества къ участію въ осуществленіи тѣхъ общегосударственныхъ предпріятій, планами которыхъ была полна голова Петра.

Но край еще былъ слишкомъ взволнованъ пронесшейся бурей, а русскія силы слишкомъ заняты и отвлечены военными дѣйствіями, чтобы Петръ могъ сразу рѣшиться на крутыя мѣры. Еще въ концѣ 1708 года, въ самый разгаръ смуты, какъ только Мазепа открыто перешелъ на сторону шведовъ, Петръ разрѣшилъ радѣ изъ вѣрной ему старшины, собравшейся въ Глуховѣ, выбрать новаго гетмана. Этотъ якобы выборъ — на самомъ дѣлѣ лишь назначеніе — палъ на человѣка, совершенно неспособнаго къ самостоятельному и отвѣстному положенію. Гетманомъ сдѣлался старый стародубскій полковникъ Иванъ Ильичъ Скоропадскій, личность котораго современники охарактеризовали такой поговоркой: „Иванъ носить плаху, а Настя (его жена) булаву“.

Слѣдуя обычаю, который практиковался, начиная отъ Богдана Хмельницкаго съ его переяславскими статьями, при вступленіи всякаго новаго гетмана въ отправленіе своихъ обязанностей, — Скоропадскій, тотчасъ послѣ Полтавской побѣды, также подалъ государю свои „просительныя“ статьи. Въ первомъ пунктѣ этихъ статей новый гетманъ ходатайствовалъ, какъ было принято, о подтвержденіи государемъ старыхъ войсковыхъ „вольностей, правъ и порядковъ“. Петръ подтвердилъ этотъ пунктъ „генерально“, съ разъясненіемъ, что онъ это дѣлаетъ „по своей монаршей милости“. Генеральное подтвержденіе, по мысли Петра, очевидно, не обуславливало подтвержденія всѣхъ отдѣльных частныхъ, изъ которыхъ складывались эти права и вольности. Мягкій и снисходительный тонъ рѣшеній на статьи, представленныя Скоропадскимъ, маскировалъ, но не скрывалъ истинныхъ намѣреній Петра. Такъ, напримѣръ, охотно соглашаясь на строгія запрещенія всякихъ самовольствъ, какія дозволяли себѣ великороссіане въ Малороссіи, въ видѣ постоевъ и подводъ, государь рѣшительно отклонилъ просьбы о томъ, чтобы наказные гетманы не состояли подъ командой великорусскихъ генераловъ, чтобы была ограничена власть великорусскихъ воеводъ и т. п. Мало того, на одно выраженіе статьи, что козаки служатъ „лишь за козацкую вольность“, сдѣлалъ внушительное замѣчаніе, что того „писать не надлежало“: малорусскій-де народъ долженъ быть признателенъ за благодѣяніе, оказанное ему защитой отъ шведовъ, Мазепы, польскихъ, татарскихъ и турецкихъ нападеній.

Но ни въ чемъ такъ ярко не выразилась новая политика Петра, какъ въ томъ, что онъ приставилъ къ гетману, въ качествѣ „очей и ушей государевыхъ“, великорусскихъ чиновниковъ, сначала одного, потомъ двухъ, которые должны были, съ одной стороны, наблюдать за поведеніемъ гетмана и старшины, съ другой — развѣдывать подробности о доходахъ малорусской терригоріи. Учрежденіе этихъ могущественныхъ „министровъ“ при гетманѣ, безъ вѣдома которыхъ тотъ не могъ сдѣлать никакого сколько-нибудь важнаго шага, было первымъ значительнымъ ограниченіемъ гетманской власти, а, слѣдовательно, и политической самостоятельности Малороссіи.

Измѣна Мазепы повлекла за собою нѣкоторые существенныя измѣненія въ наличномъ составѣ малорусскаго общества и его настроеній. Удалились за предѣлы Русскаго государства запорожцы и увлекли за собою болѣе безпородные элементы украинской массы; сношенія съ Запорожьемъ, постояннымъ

очагомъ недовольства и смуты, сенсаціонныхъ слуховъ и скороспѣлыхъ самозванцевъ, теперь уже не волновали больше ни посольства, ни козачества. Петръ, несмотря на свое всегдашнее горячее покровительство всякой промышленной дѣятельности, запретилъ Украинѣ, въ политическихъ видахъ, ѣздить на югъ за солью, рыбной и звѣриной добычей. Подвергся измѣненіямъ наличный составъ привилегированной группы, старшины: болѣе крайніе приверженцы Мазепы или бѣжали, или ушли въ ссылку въ Сибирь и Архангельскъ; кто успѣлъ во-время выразить раскаяніе, долженъ былъ вести себя такъ, чтобы постоянно свидѣтельствовать своими поступками преданность русскому государю; въ моментъ смуты выдвинулись въ передніе ряды новые люди, создавшіе себѣ положеніе именно этой преданностью, искренней или притворной. Въ то же время русскіе вельможи впервые начали получать земли въ Малороссіи. Меншиковъ получилъ отъ Скоропадскаго мѣстечко Ямполь и Почепъ съ властью, къ которой безцеремонный покоритель Батурина примежевалъ ни больше, ни меньше какъ двѣ сосѣднихъ сотни, Мглинскую и Бакланскую съ частью Стародубской; крупный кусокъ получилъ и Шафировъ. Такимъ образомъ, великорусскій элементъ вводился непосредственно въ составъ малорусскаго общества.

Теперь открылась русскому правительству широкая возможность вліять на организацію правящей группы, а, слѣдовательно, и на самоуправленіе. Слабый гетманъ, вѣчно напуганный возможностью быть заподозрѣннымъ въ измѣнѣ и сочувствіи измѣнникамъ, не смѣлъ ни въ чемъ проявить противодействія. Другой властью, не менѣе значительной, чѣмъ гетманъ, были десять полковниковъ, изъ которыхъ каждый въ своемъ полку представлялъ собою гетмана въ миниатюрѣ; но вслѣдствіе происшедшей катастрофы составъ ихъ былъ подобранъ вполне благопріятно видамъ и намѣреніямъ правительства. Остались на мѣстахъ тѣ, кто, какъ полковникъ стародубскій Скоропадскій, назначенный гетманомъ, черниговскій Полуботокъ и наказные, нѣжинскій и переяславскій Жураховскій и Тамара, сразу заявили свою преданность русскому правительству, или кто, какъ Апостолъ, полковникъ миргородскій, достаточно своевременно и умѣло успѣлъ выразить раскаяніе; остальные были смѣщены и замѣнены новыми, согласно желаніямъ Петра. Но и по водвореніи спокойствія Петръ продолжалъ назначать полковниковъ помимо гетмана: такъ, онъ, наперекоръ планамъ Скоропадскаго, отдалъ кіевское полковничество Танскому. Начали появляться среди полковниковъ и чужеземцы: сербъ Милорадовичъ, „македонскій кавалеръ“, сдѣланъ былъ, какъ „человѣкъ непоколебимой вѣрности“, полковникомъ прилуцкимъ, великороссъ Толстой, зять Скоропадскаго, за котораго тотъ, по желанію государя, выдалъ свою дочь, полковникомъ нѣжинскимъ. Но подборъ полковниковъ еще не обезпечивалъ полного вліянія на общественное настроеніе и ходъ дѣлъ; надо было соотвѣтственно организовать и низшую, полковую, старшину, непосредственно соприкасающуюся съ народной массой: сотники, въ этомъ отношеніи, были наиболѣе вліятельной группой. Петръ дѣлалъ опыты непосредственнаго назначенія сотниковъ: такъ, назначенный имъ сотникъ Лисовскій нѣсколько лѣтъ терроризовалъ обывателей Новго-

рода-Сѣверскаго, своего сотеннаго города, не обращая никакого вниманія не только на полковое начальство, но и на самого гетмана. Очевидно, такіе опыты не могли практиковаться въ широкихъ размѣрахъ; надо было принимать иныя мѣры. Въ 1715 году гетманъ получилъ царскій указъ, которымъ опредѣлялся порядокъ выбора на всѣ полковыя должности, а, слѣдовательно, и на должность сотниковъ. Извѣстно, что сотники выбирались козацкими громадами, причемъ нерѣдко на выборъ оказывала давленіе власть полковника, превращая выборъ въ простое назначеніе. Указывая на эти злоупотребленія полковниковъ, дѣйствующихъ „по своимъ страстямъ“ и „изъ взятокъ“, Петръ приказывалъ, чтобы впередъ выборы дѣлались радой изъ полковой старшины, которая должна была представлять гетману и состоящему при немъ русскому „министру“ двухъ или трехъ кандидатовъ. При такомъ порядкѣ выборовъ люди „подозрительной вѣрности“ могли бы, разумѣется, проходить лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія. Такимъ образомъ, русское правительство обезпечивало себѣ прочное вліяніе на составъ правящей группы, а, слѣдовательно, и на направленіе общественныхъ дѣлъ.

Но при всемъ томъ Петръ, самодержецъ по привычкамъ, бюрократъ по взглядамъ, не могъ мириться съ строемъ малорусскаго общества: съ одной стороны, оно было для него слишкомъ демократично, съ другой—представляло слишкомъ большое преобладаніе личности надъ учрежденіемъ. Въ предыдущемъ очеркѣ мы указывали на то, какъ патріархально организованы были малорусское управленіе и судъ, какъ гетманъ, съ канцеляріей „при боку“, совмѣщалъ всѣ функціи правительственной дѣятельности, такъ что даже финансы не отдѣлялись отъ частнаго гетманскаго хозяйства, какъ полковники повторяли собой гетмана, а сотники—полковника. Такая простая организація, конечно, имѣла свои положительныя, какъ и отрицательныя стороны, но Петръ могъ видѣть только отрицательныя. И вотъ Петръ пользуется первымъ предлогомъ, какой ему доставила небрежность Скоропадскаго, чтобы издать указъ объ учрежденіи въ Глуховѣ Генеральной Войсковой канцеляріи (1720 г.), которая съ тѣхъ поръ и начала свое существованіе, какъ самостоятельный органъ мѣстнаго управленія; вслѣдъ затѣмъ была учреждена Судебная канцелярія, которая должна была положить предѣлъ господству стараго патріархальнаго суда. Въ непосредственной связи съ учрежденіемъ Судебной канцеляріи стоитъ универсалъ Скоропадскаго, вызванный также царскимъ указомъ о переводѣ „правныхъ книгъ Саксона, Статута, Порядка съ польскаго діалекта на наше русское нарѣчіе“: если старый патріархальный судъ могъ обращаться, могъ и не обращаться къ писанному праву, то судебное учрежденіе, какое имѣлъ въ виду Петръ, могло дѣйствовать только при помощи писаннаго права—не иначе. Конечно, настаивая такъ на введеніи правильно дѣйствующихъ учреждений, Петръ имѣлъ въ виду, кромѣ интересовъ порядка, и то, что дѣятельность учреждений несравненно доступнѣе контролю, чѣмъ дѣятельность лица.

Въ то же время Петръ слѣдилъ за всякой возможностью направить силы и средства Малороссіи въ общегосударственное русло. Выше было упомянуто, что великорусскіе чиновники, состоящіе при гетманѣ, обязаны были съ особенной тщательностью развѣдывать все, касающееся доходовъ страны. Но на-

ложить руку на эти доходы пока еще не представлялось возможным: это задѣло бы кровные интересы правящаго класса; къ тому же доходы эти были не велики, случайны, не приведены въ извѣстность и—что еще важнѣе—носили, въ извѣстной степени, натуральный характеръ. Однако, если затруднительно было прямое пользованіе доходами края, то возможно было косвенное.

Само собою разумѣется, что малорусскіе козаки принимали участіе въ походахъ и вообще всѣхъ военныхъ предпріятіяхъ Петра — такъ было и раньше. Но расквартировка великорусскихъ войскъ въ Малороссіи, т.-е. безплатное содержаніе драгунскихъ полковъ сначала шести, затѣмъ восьми и даже десяти, имѣло видъ новаго тяжелаго налога. „Консистенскія дачки“, т.-е. поборы на содержаніе этихъ солдатъ или консистентовъ, начинаютъ играть видную роль въ общественной жизни.

Но одно изъ этихъ мѣропріятій, отмѣненное рѣзкой печатью Петровскаго ни передъ чѣмъ не останавливающагося своевластія, залегло неизгладимымъ темнымъ пятномъ въ народной душѣ. Подразумѣваемъ такъ называемыя канальныя работы. Когда, къ концу втораго десятилѣтія, было уже меньше надобности въ козакахъ, какъ въ военной силѣ, Петръ задумалъ употребить ихъ на государственныя работы, на рытье каналовъ. Каналь между Волгой и Дономъ куда прежде всего были затребованы козаки, оказался неосуществимымъ; но зато въ Ладожскій каналъ было много уложено не только козацкаго труда, но и козацкихъ жизней. Въ 1720 г. Скоропадскій получилъ указъ о высылкѣ на ладожскія работы десяти тысячъ козаковъ, не считая обозныхъ людей; послѣ полугодовой работы не возвратились домой три тысячи; въ слѣдующемъ году опять было вытребовано на Ладогу такое же количество козаковъ, и снова приблизительно 30% сдѣлалось жертвой. Такая страшная смертность обуславливалась не только тяжестью непривычной работы подъ постоянной угрозой батога, плохимъ питаніемъ, суровымъ и нездоровымъ климатомъ, но и трудностями далекаго пути, полного лишеній, такъ какъ козаки должны были добираться до мѣста работы на свои собственныя средства: лишь во второй походъ оказана была имъ нѣкоторая помощь въ пути; но по незначительности своей и она не уменьшила смертности. Между тѣмъ Петръ придумалъ и еще употребленіе для козацкихъ силъ—постройку крѣпостей. Послѣ того какъ была отстроена крѣпость Кіевская, онъ потребовалъ козаковъ въ Персію, съ которой шла новая война, на р. Сулакъ, для постройки пограничной крѣпости Св. Креста. Это предпріятіе было не менѣе пагубно, чѣмъ канальныя работы: въ высшей степени нездоровый, лихорадочный климатъ Каспійскаго побережья производилъ огромную смертность, а оставшіеся въ живыхъ возвращались, по выраженію современниковъ, „въ видѣ египетскихъ мумій“. Не удивительно, что не только сами малороссы—естественно, недовольные,—но и иноземцы, наблюдавшіе описанныя событія, говорили, что Петръ нарочно придумывалъ мѣры для ослабленія края, для уменьшенія его козацкаго населенія. Конечно, нельзя считать это мнѣніе за имѣющее основаніе: Петръ здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, просто не думалъ о жертвахъ, если ихъ требовало то, что онъ считалъ за государственное благо.

Но все-таки нельзя не видѣть, что въ извѣстныхъ случаяхъ царь готовъ былъ противопоставить интересы Малорусской территоріи интересамъ Велико-росіи и насильственно подчинить первые вторымъ. Это особенно бросается въ глаза по отношенію къ промышленности и торговлѣ, которыя играли въ заботахъ Петра также первенствующую роль. Есть нѣсколько запретительныхъ наказовъ, которые были направлены къ тому, чтобы перехватить старые пути малорусской торговли, тянувшіе къ южнымъ балтійскимъ портамъ и къ Силезіи, и привлечь малорусскій товаръ къ Азову, Архангельску, Петербургу. Конечно, запрещенія, подѣ страхомъ смертной казни, отправки товаровъ по путямъ, протореннымъ вѣками, и приказъ отправлять ихъ въ мѣста отдаленныя и совершенно неизвѣстныя, могъ вести лишь къ полному упадку торговой и промышленной дѣятельности. У насъ нѣтъ специальныхъ изслѣдованій этого предмета, и мы не можемъ сказать съ опредѣленностью, насколько губительно отразилась эта мѣра Петра на дальнѣйшемъ развитіи малорусской торговли и промышленности, несомнѣнно обнаружившей признаки упадка; но самое важное изъ этихъ запрещеній, т.-е. запрещеніе торговыхъ сношеній съ балтійскими портами, было позже отмѣнено, такъ что Малороссія продолжала отпускать свои сырые продукты въ Данцигъ и Кенигсбергъ.

Русское правительство, въ лицѣ Петра, стремилось стать въ опредѣленные отношенія и къ внутренней жизни края, къ тому соціальному процессу, которымъ, прежде всего, опредѣлялась эта жизнь. Главнѣйшія черты этого процесса уже отмѣчены выше. Еще недавно однородное малорусское общество раскололось на привилегированныхъ и непривилегированныхъ. Привилегированная козацкая старшина уже успѣла до извѣстной степени замкнуться въ обособленную группу. Она утверждала свою привилегированность, расширяя разнообразными средствами свою земельную собственность и постепенно со всѣхъ сторонъ стѣсняя посполитыхъ и отбирая у нихъ права, которыми тѣ еще недавно пользовались; вмѣстѣ съ посполитыми затягивалась въ зависимость и болѣе слабая часть козацкой группы. При Мазепѣ, сознательно стремившемся къ тому правовому порядку, прототипъ котораго онъ видѣлъ въ польскомъ общественномъ строѣ, процессъ этотъ сдѣлалъ особенно большіе успѣхи. Самъ Мазепа былъ озадаченъ этими успѣхами и, опасаясь, „дабы посполство пререканій не чинило“, началъ сдерживать старшину въ ея необузданной погонѣ за маестностями и крестьянскими повинностями. Но посполитые еще слишкомъ живо представляли себѣ объемъ своихъ недавнихъ правъ, чтобы „не чинить пререканій“, хотя въ легальной формѣ: въ началѣ XVIII в. суды завалены жалобами посполитыхъ на владѣльцевъ. Къ этому времени личность посполитаго еще была совершенно свободна, но уже начались посягательства на его землю, правда, пока робкія, неувѣренныя: конечно, рѣчь идетъ о тѣхъ посполитыхъ, обывателяхъ свободныхъ войсковыхъ селъ, составлявшихъ ранговыя маестности, часто переходившія въ собственность „державцевъ“, которые сидѣли на своихъ собственныхъ, а не на панскихъ земляхъ. Владѣльцы стремятся придать праву собственности этихъ посполитыхъ условный характеръ: стремятся ограничить право посполитыхъ распоряжаться своей землей, закладывать ее и въ особен-

ности продавать въ случаѣ своего ухода, который продолжалъ оставаться свободнымъ—ограничиваясь на первый разъ тѣмъ, что требуютъ отъ посполитаго, чтобы онъ ничего не предпринималъ по отношенію къ землѣ безъ вѣдома и согласія владѣльца. Но пока посполитые не хотятъ знать этихъ притязаній. Однако, еще какой-нибудь десятокъ лѣтъ, и Генеральная войсковая канцелярія считаетъ возможнымъ издать приказъ, чтобы посполитые не смѣли никому продавать земель „безъ вѣдома державскаго“, и чтобы никто не смѣлъ покупать такихъ земель. Практика жизни боролась еще нѣкоторое время съ этой новой правовой нормой, но на ея сторонѣ были интересы правящаго класса, и скоро она утвердилась окончательно, сдѣлавшись исходнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ измѣненій въ томъ же направленіи.

Правительство Петра слѣдило за тѣмъ, что дѣлалось внутри малорусскаго общества, но его интересовало не положеніе посполитыхъ. Государство, державшееся на крѣпостныхъ отношеніяхъ, не могло искренне заботиться о защитѣ посполитыхъ отъ набрасываемыхъ на нихъ узъ зависимости. Правда, политическія соображенія удерживали русское правительство отъ того, чтобы прямо помогать правящему классу малорусскаго общества въ порабощеніи массы, но косвенно оно это дѣлало особенно тѣмъ, что вводило великорусскій элементъ, а, слѣдовательно, великорусскія правовыя понятія и отношенія въ малорусскую среду. Но, не вмѣшиваясь непосредственно въ отношенія старшины и посполитыхъ, Петръ считалъ необходимымъ вмѣшательство въ другія стороны того же процесса: прежде всего онъ стремился предупредить скопленіе маестностей, какъ источника силы и значенія, въ рукахъ правящей группы малорусскаго общества; затѣмъ онъ хотѣлъ прекратить обращеніе козаковъ въ подданство, чтобы государственный ресурсъ не ускользалъ въ пользованіе той же самой старшины. Въ эту сторону направлялъ Петръ дѣятельность слабого стараго гетмана; но только послѣ смерти Скоропадскаго вышло наружу противорѣчіе между стремленіями русскаго правительства и малорусской старшины и повлекло къ открытой коллизіи.

Обыкновенно, малорусскіе историки приписываютъ смерть Скоропадскаго тому удручающему впечатлѣнію, какое произвелъ на него манифестъ Петра объ учрежденіи Малороссійской Коллегіи, появившійся въ маѣ 1722 г. Такъ это или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, вѣрно то, что не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ обнародованія манифеста, какъ гетманъ умеръ. Смерть эта была вполне своевременной, такъ какъ Коллегія упраздняла гетманскую власть, какъ высшую власть края. Во главѣ управленія становился бригадиръ Вельяминовъ съ шестью штабъ-офицерами и капитаномъ гвардіи, вмѣсто прокурора; гетману, по отношенію Коллегіи, оставалось лишь право совѣта. Во то же время управленіе Малороссіей переведено было изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ вѣдѣніе Правительствующаго Сената, чѣмъ Петръ открыто заявилъ, что онъ не желаетъ признавать даже за Малороссіей значенія самостоятельнаго политическаго организма. Вообще послѣ заключенія Ништадскаго мира (1721 г.) Петръ видѣлъ свои руки развязанными и приступилъ къ Малороссіи съ рѣшительными мѣрами. Учрежденіемъ Малороссійской Коллегіи онъ, съ одной стороны, прямо

Наказной гетманъ Павелъ Полуботокъ. † 1724 г.

бралъ въ руки правленіе краемъ, съ другой, вводилъ Малороссію въ общую систему русскихъ коллегіальныхъ учреждений, съ той разницей, что Малороссійская Коллегія находилась не въ столицѣ, а въ Глуховѣ.

Но Малороссія еще не была достаточно подготовлена къ новому порядку, какъ его понималъ Петръ. Это обнаружилось тотчасъ же послѣ смерти Скоропадскаго.

Конечно, Петръ меньше всего думалъ о новомъ гетманѣ; но, тѣмъ не менѣе, этотъ гетманъ явился, хотя и не настоящий, а временный. Когда Скоропадскій умеръ, Петръ былъ въ отлучкѣ, и Сенатъ увидѣлъ себя вынужденнымъ передать наказное гетманство черниговскому полковнику Павлу Полуботку. Полуботокъ былъ человѣкъ иного типа, чѣмъ Скоропадскій. Хищный и настойчивый пріобрѣтатель, человѣкъ энергическій, Полуботокъ умѣлъ преслѣдовать свои цѣли. Въ данномъ положеніи его интересы какъ гетмана, хотя и временнаго, совпадали съ его интересами, какъ члена известной сословной группы, и онъ вступилъ въ упорную борьбу съ водворяющейся Малороссійской Коллегіей и ея президентомъ бригадиромъ Вельяминовымъ.

Малороссійская Коллегія, плодъ воли и фантазіи Петра, задуманный и осуществленный съ задними политическими цѣлями, была учрежденіемъ новымъ, безъ ясно выработанной программы дѣйствій, безъ точно опредѣленныхъ функцій. Ея первой, заявленной громко, обязанностью, было заботиться „о прекращеніи возникшаго въ судахъ и войскахъ безпорядка“, иначе говоря, служить высшей апелляціонной инстанціей для мѣстныхъ судовъ. Не названной же открыто, но, тѣмъ не менѣе, ясно подразумеваемой обязанностью новаго учрежденія, было сокращать, гдѣ и какъ возможно, мѣстную автономію; впрочемъ, сенатъ, вручая наказное гетманство Полуботку, прямо заявилъ, что какъ Полуботокъ, такъ и генеральная старшина „должны во всѣхъ дѣлахъ, совѣтахъ и въ разсылкѣ универсаловъ имѣть сношенія съ бригадиромъ Вельяминовымъ“: въ особенности же строго запрещалась самостоятельная разсылка универсаловъ.

Какъ только Коллегія водворилась, она начала, конечно, согласно даннымъ ей инструкціямъ преслѣдовать двѣ ближайшія цѣли. Первой цѣлью было забрать въ свои руки финансы Малороссіи; второй—ставить препятствія усиленію старшины.

Между сборами теперь, какъ и раньше, первое мѣсто принадлежало сборамъ съ винокуренія, къ которымъ относились покуховное и показанщина. Покуховное, замѣнившее собою винную аренду, въ размѣрѣ двухъ рублей отъ куфы (бочки), проданной въ раздробъ, составляло главный доходъ, шедшій на содержаніе войска. Кромѣ винокуренія, облагалось еще табаководство и пчеловодство въ видѣ медовой и табачной десятины. Затѣмъ важнымъ ресурсомъ скарба были хлѣбные сборы въ видѣ войсковой части съ мельницъ или „мѣрки“—дополнительный сборъ съ мельницъ носилъ названіе поколющины и покабанщины. Индукта и эвекта (ввозная и вывозная пошлины) существовали попрежнему и попрежнему отдавались на откупъ. Сверхъ этихъ общихъ сборовъ были еще сборы „на булаву“ и на „кухню“ съ гетманскихъ маенностей—не только денежные и хлѣбные, но и натуральные, въ видѣ всякихъ продук-

товъ и издѣлій, и такого же характера сборы ратушныя съ маестностей, приписанныхъ къ ратушамъ. Старшина, кромѣ доходовъ съ ранговыхъ и собственныхъ маестностей, имѣла еще доходы случайные и неопредѣленные отъ „поклоновъ“, весѣльныхъ (свадебныхъ) кункицъ и т. п., но характеръ этихъ доходовъ, имѣвшихъ источникомъ традицію, а не правовую норму, открывалъ такое поле злоупотребленіямъ и вымогательствамъ, что Скоропадскій формально запретилъ самый распространенный изъ нихъ, такъ называемый „ралець“ или „на ралець“, подношенія старшинъ на Рождество и Пасху.

Малороссійская Коллегія рѣшила взять въ свое вѣдѣніе всѣ общіе сборы, также гетманскіе и ратушныя. Производство сбора пока было поручено сборщикамъ изъ „ихъ же, малороссійскихъ людей“, но для наблюденія надъ этими сборщиками приставлялись Коллегіей добрые люди, по одному на полкъ; всѣ сборы должны были поступать въ Коллегію, которая уже имѣла ихъ распредѣлять „по пунктамъ Богдана Хмельницкаго“ и представлять въ сенатъ приходныя и расходныя книги. Для увеличенія доходовъ Коллегія — конечно, не по своей инициативѣ — рѣшила привлечь къ обложенію общими сборами доходы съ имущества всей привилегированной группы, т.-е. козацкой старшины, церковей и монастырей, пользовавшихся до сихъ поръ льготами даже по отношенію къ „покуховному“ сбору.

Но то, что такъ легко осуществлялось на бумагѣ, не такъ-то легко было осуществить на дѣлѣ. Не только гетманъ и генеральная старшина, но и старшина полковая и сотенная, — однимъ словомъ, весь составъ мѣстнаго управленія былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы не допускать замѣны стараго порядка новымъ. При этомъ условіи затрудненія и препятствія для Коллегіи, конечно, росли на каждомъ шагѣ. Прежде всего, она не могла добиться того перваго и насущно-необходимаго, безъ чего нельзя было приступить къ дѣйствіямъ, необходимыхъ свѣдѣній и данныхъ. Между генеральной старшиной, съ Полуботкомъ во главѣ, и Вельяминовымъ шли безконечныя пререканія, которыя разрѣшались тѣмъ, что президентъ Коллегіи, забывая необходимую дипломатію, кричалъ: „Я вамъ указъ! Что вы такое предо мной? Ничто! Вотъ я васъ согну — такъ, что и другіе треснутъ. Государь указалъ переимѣнить ваши давнины и поступать съ вами по новому...“ Малороссійская Коллегія обмѣнивалась бумагами съ Войсковою Генеральною Канцеляріей, шли приказы и отписки въ полки и сотни; наконецъ, шли отъ обѣихъ властей края взаимныя жалобы въ Петербургъ, а дѣло не подвигалось. Въ такой бумажной борьбѣ между старшиною и Вельяминовымъ проходилъ годъ наказнаго гетманства Полуботка. Въ то же время изъ Малороссіи посыпалась депутація за депутаціей къ Петру съ просьбой разрѣшить выборъ новаго настоящаго гетмана, „понеже безъ гетмана впредъ во всякихъ дѣлахъ управляться съ великою есть нуждою и трудностью“; но Петръ оставался совершенно глухимъ къ просьбамъ и ходатайствамъ, лишь разъ отозвавшись въ томъ смыслѣ, что „не надлежитъ докучать въ семь дѣлѣ“, такъ какъ онъ „имѣетъ стараніе приискать въ гетманы весьма вѣрнаго и надежнаго человѣка“: объ избраніи вольными голосами уже не было и рѣчи.

Можетъ-быть, старшина, въ своей борьбѣ съ Коллегіей, и успѣла бы что-нибудь выиграть упорствомъ своего пассивнаго сопротивленія. Но у русскаго правительства, а, слѣдовательно, и у Коллегіи, было въ рукахъ страшное оружіе, создаваемое самимъ внутреннимъ положеніемъ общества, тѣмъ развивающимся социальнымъ процессомъ, который все рѣзче противопоставлялъ привилегированныхъ и непривилегированныхъ какъ двѣ враждебныхъ стороны. Коллегія выступила съ заявленіемъ своей готовности стать на защиту непривилегированныхъ, и этого было достаточно, чтобы сломить сопротивление старшины.

Наказной гетманъ прямо заявлялъ въ Петербургъ, что Вельяминовъ разсылалъ по полкамъ своихъ офицеровъ внушать посольству, чтобы оно не боялось ни своихъ владѣльцевъ, ни старшины. Было это такъ или нѣтъ, но народная масса дѣйствительно волновалась: въ Коллегію сыпались жалобы на владѣльцевъ; появилось множество „ищущихъ козачества“, т.-е. козацкихъ правъ, якобы неправильно отнятыхъ старшиной, были случаи и открытыхъ насилій по отношенію къ лицамъ привилегированной группы. Чтобы оказать давленіе на посольство, Полуботокъ и генеральная старшина рѣшили разослать по всѣмъ полкамъ универсалъ, обращенный къ „легкомысленному посольству“, которое не хочетъ отдавать владѣльцамъ надлежащаго послушанія, съ угрозою брать такихъ непослушныхъ подданныхъ въ тюрьму и по разсмотрѣнію вины нещадно наказывать публично. Вельяминовъ воспротивился разсылкѣ такого универсала на томъ основаніи, какъ онъ объяснялъ потомъ въ своемъ доношеніи царю, что послѣ такого универсала, „прочая старшина стануть посольству противъ прежняго чинить не малые тягости безъ всякой вины“ и совѣтовалъ свидѣтельствовать тѣхъ, кто „чинить своимъ владѣльцамъ противности и по свидѣтельству учинять штрафъ, кто чему достоинъ будетъ, а не всѣмъ бы такой страхъ объявлять“. Однако, Полуботокъ съ генеральной старшиной не только не воспользовался совѣтомъ бригадира, но, вопреки его прямому запрещенію, все-таки разослалъ универсалъ. Это уже было формальнымъ нарушеніемъ ясно выраженной монаршей воли.

Можетъ-быть, именно это нарушение и было ближайшей причиной вызова Полуботка въ Петербургъ; можетъ-быть, вся та совокупность отдѣльныхъ мелкихъ фактовъ, которая свидѣтельствовала о противодѣйствіи старшины, съ Полуботкомъ во главѣ, намѣреніямъ Петра, а, можетъ-быть, Петръ просто хотѣлъ удалить энергичнаго человѣка изъ Малороссіи на то время, когда, по смыслу новой инструкціи отъ апрѣля 1723 г., Коллегія должна была окончательно водвориться на правахъ еще болѣе расширенныхъ противъ ея первоначальнаго положенія; ей теперь предоставлялось—давать приказанія полковникамъ помимо генеральной старшины. Полуботокъ съ генеральными судьей Чарнышемъ и писаремъ Савичемъ прибыли въ Петербургъ, на вызовъ царя, въ началѣ августа 1723 года.

Но Полуботокъ явился не какъ обвиняемый, съ оправданіями или просьбами о снисхожденіи и милости: наоборотъ, онъ явился съ заявленіемъ своей солидарности съ остальной малорусской старшиной. Онъ привезъ съ собою челобитную съ настойчивой просьбой объ отмѣнѣ вводимыхъ Вельяминовымъ

налоговъ, а въ готовый бланкъ вписалъ уже въ Петербургѣ просьбу объ уничтоженіи Малорусской Коллегіи. Въ то же время въ Малороссіи шла дѣятельная агитація по поводу составленія новыхъ челобитныхъ, которыя доказали бы Петру, что желанія наказного гетмана и генеральной старшины раздѣляются всей территоріей, по крайней мѣрѣ, всей ея привилегированной частью. Вскорѣ подоспѣли въ Петербургъ, такъ называемыя, „коломацкія челобитныя“, названныя такъ отъ рѣчки Коломака, гдѣ малорусскія войска осенью 1723 г. стояли лагеремъ. Одна изъ этихъ челобитныхъ заключала въ себѣ просьбу о выборѣ новаго гетмана; другая—просьбы объ отмѣнѣ сборовъ, о сохраненіи стараго суда и объ освобожденіи отъ военного постоя. Подписей подъ этими челобитными было такъ много, что онѣ дѣйствительно представляли собой почти всю наличную старшину, которая подписывалась не только за себя, но и за товариство, т.-е. рядовое козачество. Добившись такого результата, какъ коломацкія челобитныя, съ подписями, между прочимъ, и полковниковъ Апостола, Милорадовича, Танскаго, Галагана, Маркевича,—Полуботокъ могъ бы считать свое дѣло выиграннымъ, если бы имѣлъ дѣло не съ Петромъ. Но на Петра эта угроза Малороссійской Коллегіи, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и всѣмъ его планамъ, произвела дѣйствіе, какъ-разъ обратное тому, на какое рассчитывали. До сихъ поръ сдержанный и снисходительный, онъ пришелъ въ бѣшенство и тотчасъ велѣлъ арестовать Полуботка съ товарищами. Неожиданный арестъ и сопровождавшій его обыскъ раскрыли нѣкоторыя тайны инти, при посредствѣ которыхъ Полуботокъ приводилъ въ дѣйствіе механизмъ задуманныхъ имъ мѣръ воздѣйствія на Петра. Все это, само по себѣ довольно невинное дѣло, въ данныхъ обстоятельствахъ выросло до размѣровъ крупнаго политическаго преступленія. Въ Малороссію посланъ былъ майоръ Румянцевъ разслѣдовать на мѣстѣ, дѣйствительно ли челобитныя есть выраженіе желаній всего козачества. По донесеніямъ Румянцева выходило, что козацкая масса не знаетъ о вымыслахъ старшины и не хочетъ ни выбора гетмана, ни уничтоженія Коллегіи. Такимъ образомъ надъ Полуботкомъ скоплялась грозная туча тяжелыхъ обвиненій. Наказной гетманъ съ товарищами сидѣлъ въ строгомъ заключеніи въ Петропавловской крѣпости, а дѣло его было передано въ такъ называемый Высшій судъ. И хотя судебное слѣдствіе почти совсѣмъ разсѣяло обвиненія, выяснивъ, что гетманъ въ своихъ дѣйствіяхъ не выходилъ изъ предѣловъ законности,—подсудимые остались въ крѣпости. Здѣсь Полуботокъ и умеръ, годъ спустя послѣ своего ареста (въ декабрѣ 1724 г.), черезъ мѣсяць съ небольшимъ умеръ и Петръ, а вмѣстѣ съ нимъ закончилась полоса напряженной политики, натягиваемой изъ всѣхъ силъ энергической рукой Петра, властно и увѣренно распоряжавшейся средствами своего государства. Преемники Петра, не обладая ни его умомъ и энергіей, ни его увѣренностью въ своемъ дѣлѣ и положеніи, тотчасъ же ослабили напряженность этой политики, не мѣняя, въ существенномъ, ея характера.

Въ моментъ смерти Петра политическое положеніе Малороссіи было такое. Три малорусскихъ члена Малороссійской, иначе Глуховской Коллегіи, замѣнившихъ собою отставленную генеральную старшину, безпрекословно подчи-

нялись Вельяминову. Коллегія теперь заняла фактически такое положеніе, какое ей желалъ отвести Петръ. Не было противодѣйствія, хотя бы и пассивнаго, такъ какъ въ полкахъ стародубскомъ, черниговскомъ и нѣжинскомъ полковниками были уже русскіе, въ другихъ исполняли обязанности полковниковъ великорусскіе коменданты. Только въ трехъ полкахъ, миргородскомъ, лубенскомъ и прилуцкомъ, оставались полковниками мѣстные люди испытанной вѣрности, однако, тоже вызванные въ Петербургъ по дѣлу о коломацкихъ чело- битныхъ: Апостоль, Галаганъ и Маркевичъ.

Благодаря мѣрамъ, принятымъ Коллегіей, сборы какъ денежные, такъ и хлѣбные, возросли почти въ четыре раза; военный постой былъ усиленъ — кромѣ драгуновъ, расположены были еще и гренадеры; около половины наличнаго числа козаковъ заняты были обороной границъ отъ татарскихъ нападений и постройкой крѣпости св. Креста. Положеніе края было тяжелое; Малороссія имѣла право вздохнуть съ облегченіемъ, когда до нея дошла вѣсть о смерти Петра.

Старшину тотчасъ же выпустили изъ крѣпости. Едва Верховный Тайный Совѣтъ, учрежденный Екатериною, открылъ свою дѣятельность, какъ занялся малороссійскими дѣлами и постановилъ отмѣнить новыя подати и возвратиться въ этомъ отношеніи къ старымъ порядкамъ, а Коллегію оставить лишь какъ апелляціонную инстанцію; мѣстные суды должны были оставаться также на старыхъ основаніяхъ. Перемѣна лицъ на тронѣ не мѣняла новаго, мирнаго настроенія по отношенію къ Малороссіи. Императоръ Петръ I, заступившій Екатерину I, собственно Меншиковъ, который стоялъ за его спиной, въ первое же засѣданіе въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, также занялся дѣлами Малороссіи и опредѣлилъ „къ удовольствію тамошняго народа, постановить гетмана и прочую генеральную старшину во всемъ по содержаніи пунктовъ, на которыхъ сей народъ въ подданство Россійской Имперіи вступилъ“. Малороссійскія дѣла были снова возвращены изъ вѣдѣнія Сената въ вѣдѣніе Иностранной Коллегіи.

Все вернулось, повидимому, къ до-петровскому status quo, но только повидимому. Пережитое не проходитъ безслѣдно ни для отдѣльнаго человѣка, ни для общества. Какихъ-нибудь пять-шесть лѣтъ спустя послѣ смерти Петра, Анна Іоанновна заявляетъ въ письмѣ къ кн. Шаховскому, тогдашнему малороссійскому министру: „при блаженной памяти дядѣ самая перемена въ правленіи малорусскомъ отъ народа съ великою благодарностью принята, только старшинѣ — грабительства и другихъ злыхъ намѣреній ради — то было противно“. Но пока русское правительство не считало удобнымъ бороться съ тѣмъ неудовольствіемъ, какое чувствовалось въ верхнемъ, стоящемъ на виду, слоѣ малорусскаго общества, тѣмъ болѣе, что угроза новой турецкой войны заставляла придавать особое значеніе этому неудовольствію; можетъ-быть, и Меншиковъ, въ данный моментъ богатѣйшій малорусскій землевладѣлецъ, находилъ для себя болѣе выгоднымъ именно такое направленіе малорусской политики. Онъ, какъ извѣстно, принималъ большое участіе въ назначеніи новаго гетмана: временщикъ былъ корыстолюбивъ, а Даніилъ Апостоль богатъ и поддерживалъ

такія тѣсныя сношенія съ Меншиковымъ, что даже сынъ Апостола воспитывался при меншиковомъ дворѣ.

Назначенный Петербургомъ на гетманство, семидесятилѣтній миргородскій полковникъ Даниль Апостолъ былъ возведенъ въ гетманское достоинство (1 декабря 1727 г.), при соблюденіи обычныхъ пріемовъ выбора „вольными голосами“. Даны были гетману и „рѣшительныя статьи“, хотя онъ больше напоминали своимъ содержаніемъ милостивый манифестъ, чѣмъ статьи старыхъ гетмановъ. Возстановлена генеральная старшина въ полномъ ея составѣ. Однако, при гетманѣ все-таки оставался русскій „министръ“ для совѣта въ дѣлахъ гражданскихъ, а въ дѣлахъ военныхъ гетманъ подчиненъ былъ фельдмаршалу. Такимъ образомъ, русское правительство, и отказавшись отъ напряженной политики Петра, продолжало свое поступательное движеніе въ разѣ принятомъ направленіи.

Русское правительство отказалось, какъ сказано выше, отъ новыхъ налоговъ, которые начала-было собирать Коллегія; отказалось и отъ самой Коллегіи, взявшей въ свои руки финансы страны. Но оно не могло отказаться отъ вмѣшательства въ финансовыя дѣла Малороссіи; лишь надо было найти приличную и удобную форму такового вмѣшательства. Это щекотливое дѣло поручено было Наумову, который руководилъ избраніемъ гетмана и затѣмъ долженъ былъ остаться въ Малороссіи въ качествѣ министра. Но всѣ старанія Наумова добиться чего-нибудь путемъ соглашенія съ старшиной и духовенствомъ были напрасны. Однако, дѣло было слишкомъ важное для того, чтобы правительство остановилось передъ неудовольствіемъ старшины, — и вотъ въ рѣшительныхъ статьяхъ является такой пунктъ, разрѣшавшій положеніе новымъ способомъ: постановлено было для предупрежденія гетманскаго произвола при сборѣ и расходованіи учредить подскарбіевъ, одного изъ великороссіянъ, а другого изъ малороссіянъ. Такимъ образомъ, владѣя въ лицѣ подскарбія своимъ органомъ финансоваго управленія, правительство имѣло всегда свѣдѣнія о приходахъ и расходахъ страны, а, слѣдовательно, въ случаѣ надобности, могло распоряжаться ими по своему усмотрѣнію. Но пока оно ничѣмъ не пользуется и заботится не объ увеличеніи, а объ уменьшеніи сборовъ. Такъ, помимо уничтоженія новыхъ налоговъ, введенныхъ Коллегіей, были уничтожены Анной Іоанновной, при восшествіи ея на престолъ, десятины съ табака и меду, сборы съ мостовъ, перевозовъ и гребель. Затѣмъ уменьшена была тяжесть военнаго постоя: онъ былъ ограниченъ шестью драгунскими полками. Пользованіе козацкими силами для государственныхъ работъ продолжалось и теперь, но въ менѣе обидной для національнаго самолюбія формѣ: въ 1731 г. двадцать тысячъ козаковъ и десять тысячъ крестьянъ отправлены были „на линію“, т. е. для сооруженія, въ качествѣ защиты отъ татарскихъ набѣговъ, земляного вала съ башнями между Днѣпромъ и Донцомъ.

Такимъ образомъ, гетманство Апостола представляетъ собою картину мирныхъ отношеній, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ, вполне соответствующую мягкому характеру гетмана и его преклоннымъ лѣтамъ. Это не значитъ, конечно, что подъ этой мирной поверхностью не кипѣла та соціальная борьба,

которая представляла собой основную черту, характеризующую собою южно-русскую исторію прошлаго вѣка: наоборотъ, податливость гетмана и мирное настроеніе петербургской политики лишь обостряли процессъ, рѣшительнѣе склоняя его въ пользу старшины.

Крутыя мѣры Петра, принизивъ старшину въ политическомъ отношеніи, не коснулись ея богатствъ, основы ея общественнаго значенія. Введеніе же въ среду малорусской старшины великорусскаго элемента только благопріятствовало той безцеремонности пріемовъ, съ какими старшина выступала по отношенію къ посполитымъ и рядовому козачеству. Отправляя Кокоткина полковникомъ въ стародубскій полкъ, Петръ I далъ ему, въ самыхъ энергичныхъ выраженіяхъ, наставленіе насчетъ того, какъ онъ долженъ воздерживаться отъ взятокъ и иныхъ притѣсненій своихъ полчанъ; но именно этотъ повышенный тонъ наставленій и заставляетъ подозрѣвать, что Петръ сильно сомнѣвался въ исполненіи своихъ инструкцій. И дѣйствительно малорусскіе чины изъ великороссіянъ, за небольшимъ исключеніемъ, дѣйствовали въ Малороссіи тѣмъ безцеремоннѣе, что они не могли не видѣть въ „черкасахъ“ людей иной, а, слѣдовательно, низшей породы. Члены Коллегіи и „министры“ при гетманахъ, изъ корыстныхъ расчетовъ, охотно прикрывали всякія самоволія и насилія старшины,—тѣмъ охотнѣе, что сами не видѣли въ этихъ самоволіяхъ и насиліяхъ, направленныхъ противъ посполитыхъ, ничего преступнаго.

Какъ бы то ни было, но старшина при Апостолѣ уже имѣла видъ обособившагося высшаго сословія. Кромѣ богатства, этому обособленію содѣйствовало и образованіе: старшина временъ Апостола, составившаяся изъ дѣтей мазенинской старшины, по большей части, получила образованіе если не въ Кіевѣ, то въ иныхъ „латинскихъ школахъ“. Богатство же, соединенное съ образованіемъ, отражалось на всѣхъ особенностяхъ бытовой обстановки и придавало членамъ этой группы тотъ культурный обликъ, который являлся какъ бы патентомъ на благородство. Но этотъ внѣшній видъ благородства не освобождалъ, тѣмъ не менѣе, отъ необходимости имѣть настоящій патентъ, т.-е. что-нибудь, что давало бы привилегированности юридическое основаніе: только такое основаніе обезпечивало и земельныя пріобрѣтенія, на которыя опиралась привилегированность.

И вотъ, именно съ этого момента, съ гетманства Апостола, начинаются стремленія козацкой старшины выдвинуть себя въ ряды русскаго дворянства,—стремленія, которыя только черезъ сто лѣтъ привели къ окончательному результату. Первой попыткой въ этомъ направленіи была просьба Апостола императорскому правительству „объ уравниніи малороссійскихъ чиновъ съ русскими табельными“.

И по размѣрамъ своихъ земельных владѣній и по отношеніямъ къ посполитымъ, козацкая старшина была теперь высшимъ сословіемъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова: отъ временъ гетманства Апостола сохранились документы, которые позволяютъ судить объ этой сторонѣ съ положительностью. Дѣло въ томъ, что въ 1726 г. и въ 1729—30 годахъ были произведены ревизіи для точнаго опредѣленія количества владѣльческихъ земельных имуществъ и про-

вѣрка владѣльческихъ правъ: свѣдѣнія этого рода равно были необходимы какъ для императорскаго, такъ и для гетманскаго правительства. Первая ревизія „офицерская“, была произведена по распоряженію изъ Петербурга, вторая — самимъ Апостоломъ. Результаты второй ревизіи, извѣстной подъ именемъ „генеральнаго слѣдствія о маенностяхъ“ (полки переяславскій, черниговскій, кievскій, гадяцкій и прилуцкій), обнародованы и даютъ возможность точно, статистически, опредѣлить процентное отношеніе посполитскихъ земель, захваченныхъ уже къ началу 30-хъ годовъ XVIII в. частнымъ владѣніемъ.

Всего въ частномъ владѣніи находилось 23279 дворовъ (считая и спорные) или 70% общаго числа ихъ, въ томъ числѣ значительный процентъ, а именно 8274 двора или 25% монастырскихъ, и только 12% свободныхъ войсковыхъ.

Вотъ сводная таблица маенностей и дворовъ, составленная по таблицамъ В. Мякотина и Н. Василенка:

Посполитые.	Прилуцкій полкъ.		Гадяцкій.		Кіевскій.		Переяславскій.		Черниговскій.		Итого.		Въ проц. дворовъ.
	Маенностей.	Дворовъ.	Маенностей.	Дворовъ.	Маенностей.	Дворовъ.	Маенностей.	Дворовъ.	Маенностей.	Дворовъ.	Маенностей.	Дворовъ.	
Частновладѣльческихъ	51	2995	31	2066	34	702	56	937	244	6526	416	13226	40%
Монастырскихъ	12	618	5	215	118	4364	30	1052	70	2025	235	8274	25%
Спорныхъ	—	—	—	—	12	614	20	449	8	716	40	1779	5%
Свободныхъ войсковыхъ	31	1455	—	—	10	614	42	1203	10	750	93	4022	12%
Ратунныхъ	—	—	—	—	—	—	6	336	6	103	12	439	1,5%
Ранговыхъ	8	278	5	704	21	702	11	153	20	561	65	2398	7%
Отписныхъ на государственную	6	164	—	—	—	—	—	—	—	—	6	164	0,5%
Замковыхъ	—	—	29	2673	—	—	—	—	—	—	29	2673	8%
Оставшихся до указу	—	—	3	60	—	—	—	—	—	—	3	60	—
Итого	108	5510	73	5718	195	6996	165	4130	358	10681	899	33035	

Для того, чтобы понять причину легкаго сбыта крестьянами и козаками своихъ земельныхъ участковъ, а также причину жаднаго стремленія панства къ закрѣпощенію рабочаго труда, нужно знать, какое существовало въ описываемую эпоху соотношеніе между стоимостью главныхъ факторовъ сельскаго

хозяйства — земли, хлѣба и наемнаго труда. По собраннымъ, пока скуднымъ, даннымъ, можно видѣть, что между 1730 и 1760 гг. въ западной части молтавины цѣны на эти предметы были такія: день пахотной земли или $\frac{3}{4}$ десятины стоитъ 33 копѣйки, слѣдовательно 1 десятина 45 коп., годовой взрослый рабочій мужского пола получалъ платы $2\frac{1}{2}$ рубля; четверть ржи стоила 80—90 коп. Такимъ образомъ, за четверть хлѣба можно было приобрести на вѣчность 2 десятины земли, а годовой рабочій зарабатывалъ денегъ на покупку $5\frac{1}{2}$ десятины *).

Эти цифры наглядно показываютъ, какіе широкіе размѣры приняло земельное владѣніе козацкой старшины. По отношенію къ внутреннему содержанію землевладѣльческихъ правъ, къ тому, насколько владѣльцы успѣли отвоевать эти права у посполитыхъ, дѣло стояло такъ. Посполитые изъ большихъ собственниковъ, еще недавно распоряжавшіеся своей землей, закладывая ее и продавая, теперь уже теряютъ это право и въ случаѣ ухода должны оставлять въ пользу владѣльца не только землю, но и всѣ возведенныя на ней постройки: они могутъ захватить съ собою лишь свое движимое имущество. По отношенію къ посполитымъ не-собственникамъ, посаженнымъ владѣльцами на скупленныхъ земляхъ — владѣльцы начинаютъ хлопотать о лишеніи ихъ права свободного перехода. Апостолъ, несмотря на свою большую податливость, отстраняетъ такія домогательства, какъ противныя „правамъ и вольностямъ“ народа. Но онъ допустилъ обложить сборомъ, на содержаніе полковыхъ и сотенныхъ канцелярій, однихъ козаковъ, освобождая, въ интересахъ владѣльцевъ, отъ этого сбора посполитыхъ. Такой сборъ, наложенный исключительно на козаковъ, являлся нарушеніемъ господствовавшаго до сихъ поръ принципа обложенія.

Этотъ специальный сборъ на канцелярскія надобности есть одно изъ проявленій заботъ Апостола о томъ, чтобы внести какую-нибудь правильность и закономѣрность въ анахронизмъ патріархальныхъ порядковъ, какихъ держалось малорусское общество. Патріархальный строй уже отжилъ свой вѣкъ вмѣстѣ съ тѣмъ общественнымъ единствомъ, которое до извѣстной степени характеризуетъ собою Малороссію первой эпохи послѣ Хмельницыны. Теперь, когда общество ясно разбилось на отдѣльныя группы съ противоположными интересами, сдѣлались необходимыми организованныя учрежденія, которыя гарантировали бы личности извѣстную необходимую степень правового порядка. За отсутствіемъ этихъ учрежденій общество погружалось въ правовой хаосъ, на который дѣйствительно и слышались теперь жалобы со всѣхъ сторонъ. Образуется стихія той мутной воды, въ которой ловятъ рыбу сильные хищники. По отношенію къ одной сторонѣ общественной жизни это положеніе вещей обнаруживается съ особенной силой и яркостью: подразумеваемъ—судъ.

*) При этомъ позволяемъ себѣ высказать желаніе, чтобы проживающіе въ Петербургѣ украинцы, кому дорого прошлое, разработали тѣ богатые и разнообразныя статистическо-экономическія данныя, между прочимъ, и цѣны на земельныя угодья и рабочій трудъ, которыя заключаются въ замѣчательномъ памятникѣ XVIII столѣтія, такъ называемой Румянцевской описи Малороссіи, главная часть которой нынѣ хранится при Академіи Наукъ.

Судъ сдѣлался въ рукахъ старшины могучимъ орудіемъ для самыхъ рѣшительныхъ безкровныхъ побѣдъ надъ народною массою. Судебныя несправедливости, соединенныя къ тому же съ корыстолюбіемъ судей, были тѣмъ слабымъ мѣстомъ малорусской общественной жизни, которое давало русскому правительству наиболѣе удобный поводъ для вмѣшательства въ эту жизнь. Когда умный и энергичный Полуботокъ взялъ на себя обязанности наказного гетмана, онъ, понимая положеніе, тотчасъ же принялъ нѣкоторыя мѣры для улучшенія суда. Но все, предпринятое имъ, вмѣнено было ему въ Петербургѣ за самовольство и превышеніе власти и послужило лишнимъ обвинительнымъ пунктомъ. Но зато Апостолъ взялъ на себя эту нелегкую задачу и сдѣлалъ, что могъ, для ея разрѣшенія.

Въ какомъ положеніи находился судъ въ XVIII в. до реформы Апостола—вопросъ очень мало выясненный. Чтобы представить себѣ этотъ предметъ,—хотя предположительно, но съ извѣстной степенью вѣроятности,—надо припомнить тѣ данные предыдущей исторіей элементы, изъ какихъ онъ могъ сложиться. Элементы эти: право громады судить каждаго изъ своихъ членовъ, и право каждаго свободного человѣка искать суда тамъ, гдѣ ему заблагоразсудится (кромѣ исключительныхъ преступленій, выдѣленныхъ закономъ или обычаемъ изъ общаго порядка, а также исключая мѣщанъ, которые имѣли судъ, организованный по Магдебургскому праву). Верховное право суда, принадлежащее громадѣ, ясно выговорено переяславскими статьями въ такихъ выраженіяхъ: „гдѣ три человѣка козаковъ, два третьяго судятъ“, повторяемыхъ другими гетманскими статьями. Но какъ осуществлялось это право, мы имѣемъ лишь намеки документовъ, возстановляющіе картину извѣстнаго намъ изъ болѣе ранней исторической эпохи копнаго суда. Право же въ тяжбныхъ дѣлахъ искать себѣ вольнаго суда выражалось обращеніемъ къ лицамъ, облеченнымъ властью, а, слѣдовательно, и силой, необходимой для осуществленія правосудія; такими лицами были: гетманъ или замѣняющій его генеральный судія, полковникъ, сотникъ, атаманъ. Но, какъ можно предполагать, право обращаться къ этимъ лицамъ за судомъ быстро приняло характеръ обязанности, хотя, по видимому, долго держалась извѣстная свобода въ выборѣ лица. Всѣ эти лица были заинтересованы въ томъ, чтобы привлекать къ себѣ тяжущихся, такъ какъ обращеніе къ такому суду, имѣвшее характеръ частной сдѣлки, обыкновенно сопровождалось „выкладами“ или „накладами“ (то, что въ болѣе раннемъ правѣ называлось „закладами“); истецъ „накладывалъ“ на отвѣтчика извѣстную сумму денегъ, т.-е. вносилъ ихъ судѣ, которому они служили вознагражденіемъ за трудъ; при выигрышѣ тяжбы ихъ уплачивалъ отвѣтчикъ. При нареканіяхъ на корыстолюбіе судей наклады всегда упоминаются рядомъ со взятками, но это не былъ видъ вымогательства, а извѣстная особенность, необходимо сопровождавшая тяжбный процессъ въ данныхъ условіяхъ, при отсутствіи постоянного officialнаго суда. Естественно, что лица, облеченныя властью, очень дорожили этой стороной своей дѣятельности. Самъ Апостолъ, который больше, чѣмъ кто-нибудь другой, понималъ недостатки старыхъ порядковъ и желалъ нововведеній, тѣмъ не менѣе, лично для себя, не могъ отка-

заться отъ обычая и судить, безъ соблюденія формъ судопроизводства, тѣхъ, кто къ нему обращался, возбуждая тѣмъ сомнѣнія и возраженія со стороны русскаго „министра“.

Какъ скоро судъ этотъ потерялъ свой первоначальный, добровольный, характеръ, то его единогласность и безапелляціонность сдѣлались неизсякаемымъ источникомъ злоупотребленій: полковники и сотники наживали себѣ состояніе не только накладами, но и вымогательствами всякаго рода, противъ которыхъ не было никакихъ гарантій. Реформа Апостола, предпринятая съ одобренія русскаго правительства, имѣла въ виду бороться противъ этихъ золъ тѣмъ, что утверждала инстанціи и судебному персоналу придавала характеръ коллективности: въ томъ же смыслѣ думалъ преобразовать судъ и Полуботокъ.

Новыя судебныя учрежденія Малороссіи должны были теперь представлять собой такую послѣдовательность восходящихъ инстанцій: суды сельскіе, сотенные, полковые и, наконецъ, судъ генеральный.

Генеральный судъ, несмотря на стремленіе Петра преобразовать его устройствомъ Судебной Канцеляріи, продолжалъ существовать лишь по имени: его составлялъ генеральный судья, безъ всякаго опредѣленнаго содержанія своей дѣятельности. Рѣшительными пунктами, данными Апостолу, Генеральный судъ получалъ видъ коллегіи изъ трехъ малорусскихъ и трехъ великорусскихъ членовъ съ гетманомъ въ качествѣ президента. Онъ представлялъ собою высшую инстанцію для мѣстныхъ судовъ; но и на его рѣшенія можно было бить челомъ императору въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

Въ полковыхъ судахъ должны были принимать участіе, кромѣ полковника и полкового судіи, вся полковая старшина; въ сотенныхъ, кромѣ сотника и атамановъ, значное войсковое товариство, т.-е. болѣе вліятельные изъ козаковъ. Такимъ образомъ, возстановлялся, до извѣстной степени, принципъ стараго, народнаго, „громадскаго“ суда. Суды по селамъ также должны были вершиться атаманомъ или войтомъ съ участіемъ „трезвыхъ и разсудныхъ людей“ изъ сельскихъ обывателей.

Новые суды неотложно требовали писаннаго права. А между тѣмъ тѣ права, которыми пользовались, по традиціи, малорусскіе суды, т.-е. Литовскій Статутъ, Магдебургское право (Порядокъ) и Саксонъ, представлялись не вразумительными по языку, устарѣлыми и, вообще, не соответствующими даннымъ формамъ жизни, противорѣчащими другъ другу и всѣ вмѣстѣ противорѣчащими праву русскому, которое вторгалось, помимо непосредственнаго жизненнаго вліянія, и путемъ указовъ. Насущной задачей являлся переводъ, а затѣмъ сводъ этихъ правъ, такъ сказать, ихъ кодификація. Въ этихъ цѣляхъ Апостолъ образовалъ комиссію, которая работала еще долго спустя послѣ смерти Апостола: въ результатъ ея пятнадцатилѣтнихъ трудовъ былъ сводъ „Правъ, по которымъ судится малорусскій народъ“, оставшійся, однако, безъ практическаго примѣненія.

Смерть Апостола, въ самомъ началѣ 1734 года, вернула политическое положеніе Малороссіи къ тому моменту, который она пережила со смертью Скоропадскаго. Правительство Анны Іоанновны рѣшило слѣдовать политикѣ Петра и, пользуясь случаемъ, упразднить гетманство. Старшина, съ своей

стороны, понимала всю важность момента и спѣшила захватить гетманскую власть въ свои руки, чтобы затѣмъ побудить правительство къ скорѣйшему разрѣшенію новаго выбора. Такимъ образомъ, между „министромъ“ и другими представителями русской власти въ Малороссіи и старшиной произошла нѣкоторая борьба за власть, впрочемъ, не разрѣшившаяся никакими серьезными столкновениями, въ родѣ того, какое имѣло мѣсто двѣнадцать лѣтъ тому назадъ: какъ только правительство заявило свою волю, старшина отступила безпрекословно.

Теперь Малороссія снова была переведена изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ вѣдѣніе Сената. Управление было вручено коллегіи изъ шести членовъ,—трехъ великороссянъ и трехъ малороссовъ. Заявлялось открыто, что это „шестиглавое“ правленіе учреждается до выбора новаго гетмана; но по секрету сообщалось, что правительство не желаетъ новаго гетмана, и что съ гетманствомъ все кончено. Старшій изъ великороссійскихъ членовъ Коллегіи игралъ роль правителя Малороссіи: правители эти то-и-дѣло смѣнялись, одни оставляя по себѣ добрую память, какъ Барятинскій, Румянцевъ, Неплюевъ, особенно Кейтъ, другіе дурную, какъ Леонтьевъ, но каждый изъ этихъ генераловъ фактически замѣнялъ собой упраздненнаго гетмана. О выборѣ новаго гетмана не было и помина: на сторожѣ у этого щекотливаго предмета стало наводящее ужасъ „слово и дѣло“, съ которымъ въ царствованіе Анны Іоанновны познакомилась и Малороссія. Вообще все это время, отъ смерти Апостола до конца царствованія Анны Іоанновны, было тяжелымъ временемъ для нашей территоріи. Война польская, а затѣмъ длительная война съ Турціей (1736—9) изъ года въ годъ требовали отъ Украины силъ для новыхъ походовъ, подъ Азовъ, Очаковъ, въ Крымъ, Молдавію; приходилось доставлять не только воиновъ, но и всякаго рода матеріалы, сѣбствныя принасы, воловъ, работниковъ. Въ то же время Минихъ требовалъ десятки тысячъ людей, необходимыхъ для сооруженія задуманной имъ грандіозной украинской линіи. И, наконецъ, самое тяжелое — Малороссія должна была въ теченіе четырехъ лѣтъ содержать на зимнихъ квартирахъ чуть не всю великорусскую армію. Такой обременительный постой сопровождался бы обидами и притѣсненіями обывателей даже и при лучшихъ условіяхъ, а здѣсь во главѣ арміи стоялъ грубый солдатъ Минихъ, который относился къ Малороссіи и особенностямъ ея строя и учрежденій съ полнымъ непониманіемъ, крайнимъ недоброжелательствомъ и презрѣніемъ. Извѣстно его классическое изреченіе, публично произнесенное, о малорусскихъ правахъ и законахъ: „шелъма писалъ, а каналья судилъ“. Въ довершеніе всего на Украину проникла, изъ-за Днѣпра, какъ результатъ войны, моровая язва.

Отъ невозможности удовлетворить всѣмъ требованіямъ разбѣгались села, жители которыхъ укрывались въ Польшѣ или по слободамъ сильныхъ людей въ особенности изъ великорусскихъ генераловъ. Какую картину разоренія представлялъ собою край, свидѣлствуетъ, наприм., слѣдующій отрывокъ изъ письма Волынскаго къ Бирону (отъ 1737 г.): „не осталось столько земледѣльцевъ, сколько хлѣба имъ и для самихъ себя посѣять надобно, и хотя и прицено то въ ихъ упрямство, что многія поля безъ пашни остались, но ежели

по совѣсти разсудить, то и работать некому и не на чемъ, понеже сколько въ прошломъ году воловъ выкуплено и въ подводахъ поморено, нынѣ сверхъ того изъ одного Нѣжинскаго полка взято въ армію 14000 воловъ, отъ майора Шипова можете обстоятельно увидѣть, какова стала Украина, и сколько малороссіянь поморено“.

Только одинъ внутренній вопросъ малорусской жизни выступилъ на сцену за это тяжелое время,—вопросъ о козакахъ, и понятно: требованія, съ какими обращалось теперь правительство къ малорусскому обществу, имѣли въ виду прежде всего козаковъ. Поэтому выясненіе силъ и средствъ этой группы и ея организація, соотвѣтственная предъявленнымъ къ ней требованіямъ, сдѣлались насущнымъ интересомъ даннаго момента. Все, что до сихъ поръ обнаруживало русское правительство по отношенію къ козакамъ, это была забота, чтобы козаки не переходили въ посполитые, выраженная особенно въ указахъ Петра Великаго. Правда, въ статьяхъ первыхъ гетмановъ, по старому обычаю, идущему съ польскихъ временъ, всегда упоминалось число реестровыхъ козаковъ; но русское правительство, повидимому, не придавало этой сторонѣ никакого значенія, и послѣ Мазепы пунктъ о числѣ козаковъ уже не вводится болѣе въ гетманскія статьи. Но военныя затрудненія, наступившія послѣ смерти Апостола, освѣтили этотъ вопросъ съ иной стороны: если раньше, при первыхъ гетманахъ, была заинтересована въ большемъ количествѣ козаковъ Малороссія, то теперь было въ этомъ заинтересовано русское правительство. Однако, теперь число это уже нельзя было опредѣлить выше двадцати тысячъ выборныхъ (реестровыхъ по старой терминологіи), цифра указа Анны Іоанновны (1735 г.) *): очевидно, сама жизнь уменьшила численно эту общественную группу переведеніемъ части ея въ посполитые. Въ томъ же 1735 году, когда появился упомянутый указъ, была произведена кн. Шаховскимъ, тогдашнимъ правителемъ Малороссіи, попытка организовать козацкую службу.

Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о томъ, въ чемъ состояла эта попытка, повидимому, она не вводила ничего новаго, а лишь упорядочивала то, что существовало и до нея. Это доказываютъ и самые вновь появившіеся термины: козакъ-„выборный“ и козакъ-„подпомощникъ“. Козакъ-выборный—то же, что и реестровый, т.-е. козакъ, служившій лично и внесенный въ козацкіе компуты; козакъ-подпомощникъ—тотъ членъ козацкой группы, который не служитъ лично, а вноситъ средства на вооруженіе и содержаніе выборнаго. Такимъ образомъ, козакъ-выборный содержался на средства своихъ родственниковъ и подпомощниковъ, на „складку“. Слѣдовательно, вся козацкая группа разбита была на маленькіе союзы, состоявшіе частью изъ родственниковъ, частью изъ постороннихъ, связанныхъ взаимной отвѣтственностью. Въ центрѣ каждаго изъ такихъ союзовъ стоялъ козакъ-выборный. Вѣроятно, реформа кн. Шаховскаго именно имѣла въ виду упорядочить отношенія выборныхъ къ подпомощникамъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, упорядочить и самую службу. Козакъ долженъ былъ являться „по

*) По статьямъ Хмельницкихъ, Богдана и Юрія, число реестровыхъ козаковъ было опредѣлено въ 60000, Брюховецкаго, Многогрьбнаго и Мазепы—30000.

указной формѣ во всякой воинской исправности, и въ умундированіи въ дву достойныхъ лошадяхъ“. Подпомощники должны были „подпомогать козаковъ въ лошадяхъ, ружьи и въ платьѣ, харчахъ и въ прочихъ воинскихъ потребностяхъ“. Выборные козаки, находясь постоянно на службѣ, если не на войнѣ, то на форпостахъ, охраняя границы отъ татаръ, освобождались отъ „сустентаціи консистентовъ“, т.-е. отъ военныхъ постоевъ; но подпомощники не были свободны отъ этой тяжелой повинности, хотя несли ее въ размѣрѣ вдвое меньшемъ по сравненію съ посполитыми. Повидимому, отношенія выборныхъ и подпомощниковъ не были совершенно свободными отъ посторонняго вмѣшательства: по крайней мѣрѣ, слышится часто жалобы на то, что старшина—собственно сотники—за деньги освобождаютъ отъ службы богатыхъ и заставляютъ служить бѣдныхъ. Несмотря на заботы правительства о приведеніи малорусскаго козачества въ лучшій видъ, Минихъ даетъ такой отзывъ объ ихъ вооруженіи: „половина ихъ на телѣгахъ ѣдутъ, и отчасти плохолоудны, отчасти худоконны, большую часть ихъ мы принуждены возить съ собою какъ мышей, которые напрасно только хлѣбъ ѣдятъ“. Онъ сравниваетъ ихъ съ запорожцами, бѣглыми, какъ онъ выражается, изъ той же Украины, которые имѣютъ и хорошихъ людей, и сами люди добрые, бодрые, хорошо вооруженные; съ тремя-четырьмя тысячами такихъ людей можно было бы разбить весь гетманскій корпусъ. Очевидно, новое направленіе народной жизни, которое вело посполитыхъ къ порабощенію, не было благопріятно и для свободной, т.-е. козацкой части малорусскаго народа.

Личная благосклонность къ Малороссіи и ея народу императрицы Елизаветы Петровны (1744 г.) какъ бы отклоняетъ еще на два десятилѣтія теченіе малорусской политической жизни отъ принятаго ею направленія; но жизненная стихія, чуть-чуть поколебавшись, снова вступаетъ въ свое русло. Женское чувство Елизаветы не довольствуется тѣмъ, что она, въ угоду своему любимцу Разумовскому, сыну бѣдной козацкой вдовы села Лемешъ, Черниговской губерніи, окружаетъ себя малорусскимъ духовенствомъ, осыпаетъ дарами и почетомъ малорусскихъ депутатовъ, являющихся ко двору, побуждаетъ Сенатъ изыскивать средства облегчить малорусскій народъ въ податяхъ съ цѣлью дать ему оправиться отъ тягостей предшествовавшихъ войнъ и постоевъ. Она готова возвратить Малороссіи всѣ ея „старыя права и вольности“; но отъ этой формулы остался лишь намекъ на ея бывшее содержаніе. Елизавета стремится излить свою благосклонность на всѣхъ—и на старшину, которую желаетъ высвободить изъ зависимости отъ великорусскихъ чиновниковъ, и на посполитыхъ, которымъ возвращаетъ право перехода, ограниченное-было распоряженіемъ мѣстной власти. Путешествіе Елизаветы въ Кіевъ (1744 г.) было нагляднымъ выраженіемъ ея малорусскихъ симпатій. Оно взволновало край: близость всемогущей верховной власти побудила, съ одной стороны, скрывавшіяся до тѣхъ поръ неудовольствія выразиться въ жалобахъ, иногда коллективныхъ, какъ, напри-
мѣръ, прошеніе сотниковъ Черниговскаго полка, направленное противъ полковой и генеральной старшины; съ другой стороны, патріотическія стремленія и чувства нашли удобный моментъ, чтобы просить о возстановленіи гетманской

власти, съ которой единственно связывалось представление о старыхъ правахъ и вольностяхъ. Елизавета дала и на это свое согласіе. Но именно на этомъ пунктѣ яснѣ всего обнаружился призрачный характеръ всѣхъ этихъ возста- новляемыхъ наново „старыхъ правъ“.

Правда, выборъ гетмана „вольными голосами“ уже давно отошелъ въ область преданій: хотя форма избранія и сохранялась, но ни для кого не было тайной, что гетманы назначались изъ Петербурга. Однако, назначеніе падало на такихъ лицъ, на которыхъ могъ бы пасть и выборъ. Мазепа, Скоропадскій, Апостоль—все это были старые мѣстные люди, которые знали положеніе своей родины, дорожили ея интересами и защищали ихъ, по мѣрѣ своихъ силъ и разумія. Теперь было иначе.

Гетманомъ назначенъ былъ братъ фаворита, Кирилль Григорьевичъ Разумовскій (1751 г.),—форма выбора имѣла на этотъ разъ значеніе лишь театраль- ной декорации. Новый гетманъ имѣлъ съ Малороссіей общаго лишь то, что родился здѣсь и здѣсь прожилъ первые годы своего дѣтства. Но затѣмъ онъ воспитывался въ Петербургѣ и за границей, и его истинной родиной, родиной его сердца, куда стремились всѣ его помыслы, былъ петербургскій дворъ съ его роскошью и великолѣпіемъ. Несомнѣнно, что молодой гетманъ не зналъ Малороссіи и не дѣлалъ усилій для того, чтобы узнать ее. За него дѣлалъ эти усилія его менторъ Тепловъ, который пріѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ: но при- обрѣтенныя знанія Тепловъ употребилъ не на дѣло созиданія или поддержки мѣстной жизни и ея самобытныхъ учреждений, а на дѣло ихъ разрушенія; его „Записка о порядкахъ въ Малороссіи“ позже, при воцареніи Екатерины, съ успѣхомъ сыграли свою разрушительную роль. Не имѣя сознательныхъ симпатій къ родинѣ, имъ управляемой, Разумовскій не имѣлъ и опредѣленной про- граммы своихъ дѣйствій, никакого руководящаго принципа. То онъ выступаетъ какъ противникъ политической самостоятельности Малороссіи, съ успѣхомъ до- биваясь, напримѣръ, переведенія малорусскихъ дѣлъ снова изъ вѣдѣнія Кол- легіи Иностранныхъ Дѣлъ въ Сенатъ — дѣлаетъ онъ это исключительно изъ личныхъ враждебныхъ отношеній къ президенту Коллегіи; то является защит- никомъ ея правъ и самостоятельности, напримѣръ, въ вопросѣ о выборѣ сот- никовъ вольными голосами. Въ общемъ Разумовскій, дѣйствуя подъ вліяніемъ старшины, обыкновенно старался отклонять введеніе общеимперскихъ устано- вленій, охраняя, по возможности, старое status quo. Однако, ни это противо- дѣйствіе, ни благосклонное отношеніе Елизаветы къ проявленіямъ малорусской самобытности и самостоятельности не помѣшало уничтоженію индукты и эвекты (1753 г.), т.-е. таможенъ и таможенныхъ сборовъ, отдѣлявшихъ Великороссію отъ Малороссіи: такимъ образомъ, было уничтожено существеннѣйшее препят- ствіе къ сліянію территорий. Однимъ словомъ, несмотря на кажущееся измѣне- ніе политики великорусскаго двора по отношенію къ Малороссіи—въ существен- номъ жизнь не отступала отъ принятаго ею направленія. Не отступала она и по отношенію къ тому внутреннему соціальному процессу, на которомъ мы постоянно останавливали вниманіе читателя.

Вышеупомянутый указъ Елизаветы, разрѣшавшій посполитымъ право

перехода, явился результатомъ слѣдующаго обстоятельства. Еще въ предыдущее царствованіе въ связи съ военными затрудненіями момента, появилось распоряженіе (1738 г.), строго запрещающее эмиграцію козаковъ и посполитыхъ въ Великороссію и въ „другія, къ тамошнимъ краямъ лежащія мѣста“. Хотя распоряженіе это касалось, главнымъ образомъ, Слободской Украины, хотя оно, очевидно, не затрогивало переходовъ внутри страны, но страстное желаніе старшины, заправлявшей Генеральной Войсковой канцеляріей, и вообще всей старшины и владѣльцевъ держать въ рукахъ посполитыхъ, помогло имъ перетолковать не совсѣмъ ясныя выраженія этого распоряженія въ смыслъ запрещенія переходовъ вообще. Указъ Елизаветы 1742 г. направленъ именно противъ этого пристрастнаго толкованія. Такимъ образомъ, посполитые пока сохранили юридическое право свободного перехода, но фактически этотъ переходъ долженъ былъ часто принимать видъ убѣга—посполитый былъ теперь соціально слишкомъ слабъ, по сравненію съ владѣльцемъ, чтобы пользоваться открыто своимъ правомъ. Въ своихъ домогательствахъ, жалобахъ и просьбахъ владѣльцы выдвигаютъ въ качествѣ правовой опоры, какъ исконное право Малороссіи, Литовскій Статутъ, который возникъ на почвѣ польско-шляхетскихъ отношеній и совершенно лишалъ посполитство не только земли, но и личной свободы. Землю посполитыхъ владѣльцы уже успѣли перевести въ свою собственность; дѣло стояло лишь за личной свободой, за свободой перехода. Этотъ послѣдній шагъ уже былъ подготовленъ, но его нельзя было сдѣлать разомъ. Послѣдней переходной ступенью былъ универсалъ Разумовскаго (1761 г.), въ силу котораго посполитые, оставляющіе своего владѣльца, уже не имѣли права захватывать свою движимость, якобы нажитую на владѣльческой землѣ, и, кромѣ того, должны были получать отъ владѣльца письменный отпускъ. Конечно, все это ограничивало крестьянскіе переходы почти до полнаго ихъ уничтоженія. Такъ ничтожна была эта жалкая крупица свободы, которую оставило посполству царствованіе Елизаветы, — хотя все-таки еще оставило. Внутренніе процессы малорусской жизни двигались по тому же объединительному направленію, по какому вела эту жизнь сознательно политика русскаго правительства. И хотя воля Елизаветы и Разумовскаго и была какъ бы направлена къ тому, чтобы охранить старыя формы жизни отъ измѣненій, но самъ же Разумовскій написалъ въ одномъ письмѣ своемъ къ Воронцову: „Украина, можно сказать, совсѣмъ переродилась, и совсѣмъ не то правленіе, не такіе правители, не тѣ, почитай, люди и, слѣдовательно, не тѣ ужъ и мысли въ нихъ пребываютъ“. Достаточно сказать, что образованнѣйшій чловѣкъ своего времени, Яковъ Маркевичъ, оставившій намъ свой любопытный „Дневникъ“, самъ хлопочетъ передъ русскимъ правительствомъ о назначеніи его полковникомъ: настолько измѣнились понятія о правѣ. Реформы Екатерины нашли уже достаточно подготовленную почву.

Вступленіе на престолъ Екатерины II открываетъ собою заключительный фазисъ въ исторіи самостоятельнаго существованія Малороссіи.

Патріархальныя учрежденія малорусскаго общества, своеобразная форма его быта, „смѣшенія воинскаго правленія съ гражданскимъ“—все это казалось просвѣщенной императрицѣ неразумнымъ варварствомъ. Покончить съ этимъ

варварством представлялось ей не только выгоднымъ съ точки зрѣнія правительнаго государственнаго разсчета, но и необходимымъ, съ точки зрѣнія ея либеральныхъ идей и принциповъ.

Обстоятельства сами шли навстрѣчу Екатеринѣ II. Между малорусской старшиной открылась агитація въ пользу того, чтобы просить правительство о наслѣдственномъ гетманствѣ въ родѣ Разумовскихъ. Не извѣстно, откуда исходила эта агитація: отъ самого ли гетмана, или его недалековидныхъ доброжелателей, а, можетъ-быть, и отъ коварныхъ друзей, между которыми на первомъ планѣ называли его бывшаго ментора Теплова. При извѣстномъ настроеніи правительства, легко было придать этому дѣлу политическую окраску. На гетмана, несмотря на всю его извѣстную и искреннюю преданность престолу, пала тѣнь. Будучи, прежде всего, царедворцемъ, гетманъ поспѣшилъ просьбой объ отставкѣ предупредить дальнѣйшую немилость. Просьба была принята благосклонно: гетманъ удалился, упраздненіе гетманства и учрежденіе на его мѣстѣ снова Малороссійской Коллегіи уже не имѣли теперь, какъ прежде, временнаго характера. Екатерина не скрывала своихъ намѣреній насчетъ того, чтобы „вѣкъ и имя гетмановъ псчезло, нетокмобъ персона какая была произведена въ оное достоинство“. Учрежденная, указомъ 1764 г., Новая Малороссійская Коллегія должна была состоять изъ четырехъ великорусскихъ и четырехъ же малорусскихъ членовъ; для уравнинія между собой этихъ членовъ малороссы жаловались „табельными чинами“, которыхъ такъ добивалась старшина со временъ Апостола. Президентомъ Коллегіи былъ назначенъ графъ П. А. Румянцевъ, который съ той поры въ качествѣ „главнаго малороссійскаго командира“ заправлялъ дѣлами Малороссіи въ теченіе 25 лѣтъ, заправлялъ съ такими обширными полномочіями, которыя приравнивали его власть къ власти гетманской: лишь введеніе Учрежденій о губерніяхъ положило извѣстныя ограниченія этой власти. Румянцевъ былъ умнымъ толкователемъ и надежнымъ исполнителемъ плановъ Екатерины, касающихся Малороссіи, — тѣмъ болѣе надежнымъ, что въ его характерѣ было много терпимости и спокойной осторожности.

Но и Екатерина, хотя болѣе увлекающаяся, первое время своего царствованія все-таки считала „непристойнымъ“ прибѣгать къ рѣзкимъ мѣрамъ для уничтоженія особенностей Малороссіи, рѣшеннаго ею въ принципѣ. Наоборотъ: она допустила правящему классу малорусскаго общества провести такую крупную реформу, какъ введеніе судовъ по Статуту, подкоморскихъ, городскихъ и земскихъ. Реформа эта должна была ей представляться враждебной интересамъ государственнаго объединенія, такъ какъ, съ одной стороны, она была лишнимъ шагомъ въ развитіи малорусскихъ особенностей; съ другой, этой реформой усиливалось значеніе старшины, получавшей теперь особыя, шляхетскіе, суды, между тѣмъ какъ сама Екатерина видѣла въ „беззаконномъ и користолюбивомъ своевольствѣ“ этихъ маленькихъ тирановъ“ главную причину „сокровенной ненависти тамошняго народа противъ здѣшняго“. Она допустила эту реформу, очевидно, лишь потому, что результатами ея явилось отдѣленіе „воинскаго правленія отъ гражданскаго“. Разумность этой реформы заслоняла въ глазахъ Екатерины ея практическую невыгодность.

Вообще молодая императрица еще не потеряла вѣру во всеобѣждающую силу разума и надѣялась, что разумность задуманныхъ ею преобразованій покорить и уничтожить предубѣжденія малороссовъ. Но интересный эпизодъ съ знаменитой Комиссіей наглядно доказалъ ей, какъ неумѣстенъ былъ въ данномъ случаѣ такой оптимизмъ.

14 декабря 1766 года былъ обнародованъ манифестъ о созывѣ депутатовъ въ „Комиссію для сочиненія проекта новаго Уложенія и для совѣтовъ о способахъ къ достиженію общенароднаго благоденствія“. Тотчасъ же за обнародованіемъ манифеста Румянцевъ разослалъ по Малороссіи разъяснительные циркулярные листы, написанные „не въ предложеніи точныхъ мѣръ, но въ совѣтъ“, и дышавшіе искренностью убѣжденного человѣка, призваннаго къ дѣлу водворенія „общественнаго благоденствія и народнаго счастья“. Естественно было предположить, что малороссы, съ ихъ исконной привычкой къ общественной самодѣятельности, сочувственно откликнутся на призывъ. Но вышло не то. „Ослѣпленные любовью къ своей землицѣ“, по ироническому замѣчанію Румянцева, малороссы находили, что ихъ „законы и такъ весьма хороши“, и что имъ нужно только „подтвержденіе старинныхъ правъ и вольностей“; вмѣсто сочувствія и поддержки начинаніямъ правительства, они обнаруживали „изумительное своеволие, доходившее до коварства“. Край былъ взволнованъ „кривотолкованіями“; началась неурядица въ выборѣ депутатовъ: жители уклонялись отъ участія въ выборахъ, собранія разстраивались. Когда энергія Румянцева преодолѣла эти первыя препятствія, и собранія для выбора депутатовъ и составленія наказовъ открыли свои дѣйствія, обнаружился дальнѣйшій затрудненія. Наказы составлялись въ духѣ, идущемъ въ разрѣзъ съ видами правительства. Шляхетство (какъ титуловался теперь высшій классъ малорусскаго общества, между прочимъ и въ циркулярахъ Румянцева), козачество, духовенство, частью горожане—все стремились къ старинѣ, „къ умоначертаніямъ прежнихъ временъ“, къ договорнымъ статьямъ Богдана Хмельницкаго. Новые горизонты, открываемые императрицей, ея общанія „возвести малороссійскій народъ на высшую степень счастья“ нисколько не плѣняли малороссовъ, которые, по словамъ того же Румянцева, были убѣждены, что „нигдѣнѣтъ ничего хорошаго, ничего полезнаго и ничего прямо свободнаго, чтобы имъ годиться могло, и все, что у нихъ есть, то лучше всего“. Изъ всѣхъ наказовъ исключеніе составляетъ лишь наказъ черниговскаго шляхетства: благодаря усиліямъ предводителя Безбородька, онъ былъ составленъ въ духѣ желаній Екатерины и тѣмъ возбудилъ общее неудовольствіе остальныхъ украинцевъ.

Румянцевъ увидѣлъ себя вынужденнымъ смѣнить роль просвѣщеннаго руководителя и совѣтника на роль начальника, который долженъ силою подавлять „желанія несходственныя съ общимъ добромъ“. Лично и черезъ своихъ агентовъ, какъ русскихъ, такъ и изъ мѣстныхъ людей, питающихъ „великое желаніе къ чинамъ, а особливо къ жалованью“, онъ вмѣшался въ выборы, кассировалъ ихъ, не допускалъ наказовъ съ содержаніемъ „вовсе до нихъ (составителей) не подлежащимъ“ или очищалъ эти наказы „отъ закоренѣлыхъ предрасужденій“. При помощи такихъ предупредительныхъ мѣръ были выбраны

отъ Малороссіи тридцать четыре депутата: по одиннадцати человѣкъ отъ шляхетства и козачества, десять отъ горожанъ и два отъ Запорожья.

Не шло гладко и дальше. Екатерина надѣялась, что когда малорусскіе депутаты явятся передъ многочисленнымъ собраніемъ Комиссіи, то сами устыдятся своихъ „вздорныхъ вождедѣній“ и откажутся отъ своихъ домогательствъ; что козачество, изъ вражды къ шляхетству, станетъ на сторону правительства. Но шляхетство, даже въ лицѣ такихъ передовыхъ по уму и образованію своихъ представителей, какъ лубенскій депутатъ Григорій Полетика, не только не стыдился своихъ требованій, но съ достоинствомъ поддерживало ихъ; козачество неуклонно слѣдовало за шляхетствомъ; и даже горожане—во время выбора депутатовъ и составленія наказовъ, воздерживавшіеся отъ непріятныхъ правительству заявленій, хлопоча лишь объ уменьшеніи податной тяготы—были увлечены на засѣданія Комиссіи общимъ патріотическимъ настроеніемъ.

Комиссія, какъ извѣстно, не достигла никакихъ практическихъ результатовъ и была распушена послѣ кратковременнаго существованія (1767—9 гг.); но это не значить, чтобы она прошла безслѣдно. Не прошла она безслѣдно и для Малороссіи. Однимъ изъ ближайшихъ ея результатовъ было то, что Екатерина измѣнила свои оптимистическіе взгляды на малороссовъ и ихъ настроенія и пришла къ убѣжденію, что по отношенію къ малорусскимъ дѣламъ надо имѣть, какъ она выражалась, „лисій хвостъ и волчій ротъ“.

Румянцевъ былъ достаточно умнымъ и гибкимъ человѣкомъ, чтобы приспособиться къ этой политикѣ. Онъ взялъ на себя миссію подготовить Малороссію къ принятію общерусскихъ порядковъ и успѣшно съ ней справился. Полтора десятка лѣтъ послѣ созыва Комиссіи прошли для Малороссіи совершенно тихо, безъ всякихъ реформъ или какихъ-нибудь крупныхъ и замѣтныхъ мѣропріятій со стороны правительства; но въ то же время шла дѣятельная подготовка, направляемая умѣлой рукой Румянцева. Онъ выдвигалъ на отвѣтственные посты умѣлыхъ и способныхъ людей, расположенныхъ сдѣлаться сторонниками новыхъ порядковъ, и въ то же время употреблялъ все усилія, чтобы приручить шляхетство—ту привилегированную массу, которая упорно держалась за старину, между прочимъ и изъ страха за свою привилегированность. Онъ не только сумѣлъ разсѣять этотъ страхъ, но и успѣлъ внушить увѣренность, что вѣрнѣйшій путь къ сохраненію этой привилегированности есть правовое объединеніе съ русскимъ дворянствомъ. Онъ самъ дѣятельно рассчитывалъ путь къ этому объединенію. Дѣти малорусскаго шляхетства, какъ недворяне, не допускались къ опредѣленію въ Кадетскій корпусъ „такъ какъ въ Малой Россіи дворянъ нѣтъ“, по заявленію Сената. При Румянцевѣ они были допущены, причемъ Румянцевъ доказывалъ, что у нихъ не слѣдуетъ требовать документовъ о благородствѣ происхожденія, такъ какъ „въ прежнія времена господствовавшей здѣсь простоты... затмилось благородство многихъ фамилій, хотя многія изъ нихъ отъ польскаго шляхетства пришли“. Въ тѣхъ же видахъ Румянцевъ пользовался разными случаями, чтобы производить отдѣльныхъ представителей козацкой старшины въ тотъ или другой чинъ табели о рангахъ. И, наконецъ, онъ доказывалъ петербургскому правительству, что пожалованіе

малороссійскаго шляхетства „классными чинами, къ которымъ оно, это шляхетство, имѣетъ ревность“, необходимо, такъ какъ оно „возбудитъ патриотизмъ къ общему отечеству“.

Когда періодъ затишья, наступившій послѣ закрытія Комиссіи, смѣнился въ началѣ восьмидесятихъ годовъ періодомъ усиленныхъ реформъ, тотчасъ же обнаружился результатъ дѣятельности Румянцева: высшій классъ малорусскаго общества, еще недавно стоявшій во главѣ оппозиціи мѣрамъ правительства, теперь съ полною готовностью пошелъ имъ навстрѣчу. Къ тому же и самый характеръ реформъ, появившихся въ видѣ указовъ, требовалъ лишь подчиненія.

Въ 1782 г. было введено въ Малороссіи Положеніе о губерніяхъ; въ 1783 г. изданъ указъ, запрещающій вольные крестьянскіе переходы; въ томъ же году козацкіе полки преобразованы въ регулярные. Этихъ трехъ указовъ было достаточно, чтобы преобразовать традиціонный строй территоріи въ общерусскій; историческая Малороссія перестала существовать. Малороссія была раздѣлена на три намѣстничества съ полнымъ штатомъ общерусскихъ губернскихъ учреждений, замѣнившихъ старую полковую администрацію и статутные суды. Указъ о воспрещеніи крестьянскихъ переходовъ ввелъ въ Малороссію настоящее крѣпостное право въ той его типичной формѣ, которая уже два вѣка какъ утвердилась въ Великой Россіи, положивши свой отпечатокъ на весь ея социальный строй. Преобразование козацкихъ полковъ въ регулярные, карабинерные, уничтожило козачество — ту основную стихію, изъ которой развилось малорусское общество.

Высшій слой малорусскаго общества—прежняя козацкая старшина, теперь уже шляхетство—несомнѣнно выигрывалъ отъ этихъ реформъ. Учрежденія о губерніяхъ предполагали существованіе дворянства, и шляхетство само собою должно было заступить его мѣсто; въ силу тѣхъ же самыхъ учреждений оно получало особый, сословный судъ, въ то время какъ статутными судами, по существу сословными, на самомъ дѣлѣ пользовалось не только козачество, но частью даже и псполство. Прикрѣпленіе крестьянъ являлось увѣнчаніемъ долгихъ усилій, какія само шляхетство дѣлало въ этомъ направленіи. Наконецъ, при преобразованіи козацкихъ полковъ въ регулярные, на мѣсто уничтоженныхъ „чиновъ національных“ козацкая старшина получила чины табельные, къ которымъ она такъ давно стремилась. Оппозиція уничтожалась сама собою. Русское дворянство, вылунившееся изъ козацкой старшины, не имѣло основаній быть недовольнымъ своимъ положеніемъ, особенно послѣ дворянской грамоты 1788 г., такъ что легко примирилось даже съ тѣмъ, что ранговыя имѣнія въ значительной массѣ проскользнули мимо него и ушли къ екатерининскимъ вельможамъ: Румянцеву, Безбородьку, Завадскому, Стрекалову.

При такихъ обстоятельствахъ закончила Малороссія свое самостоятельное существованіе. Въ заключеніе мы имѣемъ возможность представить, какъ малорусское общество само понимало свое положеніе и какъ понимали его другіе, посторонніе люди: эпоха Екатерины оставила нѣкоторый матеріалъ какъ для одного, такъ и для другого.

Какъ понимали свое положеніе малороссы, главнымъ образомъ, по отно-

шенію къ своимъ desiderata, это видно, полнѣ всего, изъ наказовъ депутатамъ въ Екатерининскую Комиссію. Наказы составлялись отдѣльно каждымъ сословіемъ: шляхетствомъ, духовенствомъ, козачествомъ, горожанами. Такимъ образомъ, всѣ общественныя группы имѣли возможность высказаться относительно своихъ нуждъ и желаній, кромѣ посольства: представляя теперь лишь пьедесталъ возведеннаго на немъ общественного зданія, оно, конечно, могло имѣть нужды, но вынужденное къ обязательному молчанію, уже не могло выражать желаній.

Въ эпоху Екатерининской Комиссіи и наказовъ шляхетство въ послѣдній разъ явилось въ роли политическаго руководителя и представителя своей страны. Въ чемъ заключалась эта роль, объ этомъ уже была рѣчь выше: оно энергично представляло стремленіе всего малорусскаго общества къ тому положенію, „на какомъ Богданъ Хмельницкій со всѣмъ малороссійскою націе корпусомъ подъ державу великороссійскую приступилъ“. Но это не значить, конечно, чтобы шляхетство желало возвратиться къ той простотѣ общественныхъ отношеній, какая характеризуетъ собой времена Хмельницкаго. Наоборотъ: тѣ же наказы показываютъ съ полной отчетливостью, что привилегированный классъ малорусскаго общества держалъ въ головѣ, какъ свой идеалъ, положеніе польскаго шляхетства со всей полнотой его державныхъ правъ. Правда, имѣя въ головѣ столь широкій идеалъ, оно на практикѣ вынуждено было ограничиваться такими скромными домогательствами, какъ уравненіе малороссійскихъ чиновъ съ великороссійскими; но все-таки любопытно, что оно не только возрождало въ душѣ польско-шляхетскія традиціи, но и смѣло формулировало ихъ, отчасти въ наказахъ, отчасти въ рѣчахъ и мнѣніяхъ депутатовъ. Такъ, Полетика объяснялъ Комиссіи, что малорусскому шляхетству послѣ высочайшей власти должно принадлежать все правленіе дѣлъ въ Малороссіи, т.-е. право устанавливать, отмѣнять и поправлять свои законы, затѣмъ внутреннее самоуправленіе, основанное на свободномъ выборѣ старшины исключительно изъ своей среды и на полной независимости въ дѣлѣ податнаго обложенія; далѣе, неприкосновенность личности и жилища, разныя привилегіи экономическаго характера, какимъ всегда пользовалось шляхетство польское, и, наконецъ, право свободного выѣзда въ чужіе края. Правительство запретило депутатамъ такую принципиальную постановку вопросовъ, такъ какъ „Комиссія не должна ни въ чемъ иномъ упражняться, кромѣ того, для чего учреждена“, такъ что малорусское шляхетство вынуждено было ограничиться обсужденіемъ лишь частныхъ вопросовъ, касающихся нуждъ и желаній своего сословія. Но все-таки даже и въ постановкѣ этихъ частныхъ вопросовъ замѣтно вліяніе того же польско-шляхетскаго идеала. Конечно, лишь этимъ вліяніемъ объясняется та увѣренность, какую высказываетъ шляхетство въ своихъ правахъ на полную свободу отъ какихъ-либо налоговъ и повинностей, личныхъ или имущественныхъ, земельныхъ; той же свободы оно домогается и для своихъ посполитыхъ. Посполитскій рублевый складъ съ жилой хатой, которымъ Румянцевъ замѣнилъ „консистентскія дачи“, вызываетъ крайнія нареканія со стороны шляхетскихъ наказовъ и депутатовъ.

Изъ этого же идеала исходили всѣ заявленія малорусскихъ членовъ Ко-

мисіи на счетъ недостатковъ во внутреннемъ управленіи, т.-е. администраціи и судѣ. Не къ козацкому строю время Хмельницкаго стремилось оно,—хотя и толковало постоянно о переяславскихъ договорныхъ статьяхъ,—а къ тому исключительному господству шляхетскаго сословія, какое было до Хмельницкаго, включая въ сумму своихъ desideratorum и шляхетскіе сеймы. Руководствуясь той же точкой зрѣнія, просило шляхетство о свободѣ для себя торговли и промышленности, собственно свободного винокурения и безпошлинной торговли виномъ, какъ главнѣйшей, если не единственной въ данный періодъ, важной отрасли промысловой дѣятельности Малороссіи.

Но любопытно, что относительно землевладѣнія — этой существеннѣйшей шляхетской привилегіи и основанія всей привилегированности — высшій классъ малорусскаго общества ничего не заявляетъ и ни о чемъ не проситъ, кромѣ простого подтвержденія своихъ земельныхъ приобрѣтеній. Оно и понятно: онъ опасался затрогивать этотъ щекотливый предметъ, хорошо сознавая, какого сомнительнаго характера были, въ значительной массѣ, эти его приобрѣтенія, основанныя на захватѣ ранговыхъ маестностей и общественныхъ земель, на противозаконной куплѣ козацкихъ грунтовъ, на разнообразныхъ видахъ экспроприаціи козачества и посполства. Здѣсь ему дѣйствительно нужна была только санкція государства, которая дала бы легальныя основанія тому, что было ихъ лишено, сдѣлала бы устойчивымъ и твердымъ шаткое и сомнительное. По тѣмъ же соображеніямъ не касалось шляхетство никакими заявленіями, ни просьбами и отношеніями своихъ къ посполитымъ, хотя отношенія эти составляли самое больное мѣсто въ жизни шляхетства, какъ такового. По совершенно правильному разсчету, все должно было придти само собою, разъ государство дало бы законное укрѣпленіе фактическимъ приобрѣтеніямъ — и все дѣйствительно пришло.

Симпатичной чертой шляхетскихъ наказовъ являются ходатайства малороссовъ передъ государствомъ о содѣйствіи расширенію образовательныхъ средствъ для юношества обоюго пола, чтобы оно могло получать высшее образованіе дома, на родинѣ, а не за границей, куда имѣютъ возможность посылать своихъ сыновей лишь очень состоятельные люди, — дочери же остаются совсѣмъ безъ образованія. Вопросъ о высшемъ образованіи выдвинутъ былъ малорусскимъ шляхетствомъ и до наказовъ — въ прошеніи, поданномъ Екатеринѣ при восшествіи ея на престолъ: еще тогда шляхетство просило объ учрежденіи двухъ университетовъ и нѣсколькихъ гимназій съ типографіями при нихъ.

Усиленно ходатайствовало о просвѣщеніи малорусское духовенство, которому также предоставлено было право на гласное обсужденіе своихъ нуждъ и желаній, — особенно замѣчательны съ этой точки зрѣнія „кіевскіе пункты“; оно проситъ поддержки не только для своихъ просвѣтительныхъ учреждений, Кіевской академіи и Черниговскаго Коллегіума, но и для дѣла книгопечатанія и книжнаго обращенія. Помимо этой стороны всѣ симпатіи духовенства направлены къ старинѣ еще гораздо интенсивнѣе и гораздо осмысленнѣе, чѣмъ у шляхетства: оно лучше знало свою исторію и не безъ основанія видѣло въ этой старинѣ — не только до подчиненія кіевского митрополита московскому патріарху, но и нѣкоторое время послѣ этого подчиненія, пока имѣла факти-

ческую силу жалованная грамота 1688 г. — нѣчто въ родѣ потеряннаго рая. Современное положеніе представлялось духовенству въ самомъ мрачномъ свѣтѣ, и оно довольно откровенно выразило свое недовольство этимъ настоящимъ: не даромъ Екатерина была такъ предубѣждена противъ малорусскаго духовенства, съ его „честолюбіемъ и зараженностью развращенными правилами духовенства римскаго“. По отношенію къ частнымъ желаніямъ, можно сказать коротко, что бѣлое духовенство стремилось къ шляхетскому положенію и домогалось всего, чего домогалось и шляхетство, включая сюда свободу своихъ подданныхъ отъ податей и повинности и даже свободное винокуреніе; черное же духовенство, т.-е. монастыри, больше всего жаждало утвержденія за собой правъ привилегированныхъ крупныхъ поземельныхъ собственниковъ.

Наказы мѣщанства, собственно городовъ, — такъ какъ каждый городъ излагалъ свои нужды и желанія особо, — есть нечто иное, какъ сплошной вопль. И вопль этотъ имѣлъ, повидимому, вполне серьезныя основанія: положеніе городовъ дѣйствительно, представляется крайне непривлекательнымъ. Большіе и старѣйшіе изъ нихъ: Кіевъ, Черниговъ, Стародубъ, Нѣжинъ, Переяславль, продолжали пользоваться отъ польскихъ временъ Магдебургскимъ правомъ, представлявшимъ городскимъ общинамъ полную автономію, но и эти привилегированные города находились не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ остальные. Жалкій виѣшній видъ, скудная численность населенія (лучшіе изъ городовъ Малороссіи Глуховъ, Черниговъ, Лубны, считали число дворовъ лишь сотнями), ничтожные торговые обороты и промышленная производительность, — все свидѣтельствовало о глубокомъ упадкѣ городской жизни. Можетъ-быть, общія причины этого упадка лежали глубже, чѣмъ указывали ихъ составители наказовъ, но и тѣ причины, на которыхъ они останавливаются, — очень вѣски. Причины эти группируются, по преимуществу, около одного условія: вмѣшательство военнаго, шляхетско-козацкаго элемента, парализовавшаго городскую жизнь. Шляхтичи и козаки жили въ городахъ, но пользовались своимъ управленіемъ и судомъ, и не хотѣли знать городской общины. Они занимались торговлей и промыслами, слѣдовательно, пользовались всѣми преимуществами городской жизни, совершенно уклоняясь въ то же время отъ вытекающихъ изъ нея обязательствъ, „считая себя одни шляхетствомъ, а другіе козачествомъ“, какъ выражались горожане въ своихъ жалобахъ. Такимъ образомъ всѣ повинности, кромѣ специально-городскихъ, еще рублевый окладъ и тяжелые натуральные по постоямъ и подводамъ, а въ военное время и доставкѣ работниковъ, скота и провіанта, — все это несли одни мѣщане, не защищенные въ то же время, по отношенію къ своимъ специально-городскимъ занятіямъ, отъ конкуренціи другихъ сословій; по отношенію же торговли они терпѣли еще и отъ конкуренціи великорусскихъ торговцевъ. Вслѣдствіе слабаго развитія городскихъ занятій, т.-е. промышленности и торговли, мѣщане находили раньше большое подспорье въ земледѣліи; но при общемъ грандіозномъ расхищеніи земель козацкой старшиной ушли въ частную собственность и городскія земли. Однимъ словомъ, положеніе городского сословія было такое, что оно не только не имѣло никакихъ видовъ на процвѣтаніе, но уменьшилось даже въ численности: мѣщане стреми-

лись къ переходу въ другія сословныя группы—не страшась даже „подданства“: такъ тяжело приходилось иногда городскому обывателю.

Козацкіе наказы ярче всего свидѣлствуютъ, какъ глубоки были измѣненія, происшедшія въ малорусскомъ обществѣ въ теченіе послѣдняго столѣтія его исторіи. Козацкая группа, еще недавно центральная часть общественнаго организма, по отношенію къ которой остальные группы были лишь придатками, теперь сама обратилась въ ненужный придатокъ, обреченный на отмираніе. Выше было указано, что въ 30—40 годахъ столѣтія численность выборныхъ козаковъ опредѣлялась въ двадцать тысячъ. Въ 1764 г., въ прошеніи Екатерины при восшествіи ея на престолъ, старшина указывала, что едва-ли найдется десять тысячъ годныхъ къ службѣ—такъ быстро шелъ упадокъ козачества. Козакъ, т.-е. одновременно воинъ и свободный земледѣлецъ, дѣлался соціальной ненужностью: постоянно растущее регулярное войско упраздняло его какъ воина, все растущая общественная дифференціація, дѣлившая общество на землевладельца и крѣпостного мужика, упраздняло его какъ свободного земледѣльца. Земля ускользала у него изъ рукъ, а въ прямой зависимости отъ этого увеличивалось козацкое оскудѣніе. Сохранившіеся наказы мало говорятъ о скуплѣ козачьихъ грунтовъ старшиной, скуплѣ, которая шла въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, несмотря на запретительные указы правительства; но до насъ дошли свѣдѣнія, что козацкое начальство прямо заставляло козачество выпускать изъ наказовъ все, затрогивающее этотъ щекотливый предметъ. Вообще всѣ заявленія козаковъ о своихъ нуждахъ и желаніяхъ звучатъ какъ отголосокъ, какъ эхо пережитаго прошлаго, отошедшаго въ вѣчность. Козаки напоминаютъ о томъ, что они „издревле пользовались шляхетскою честию и правами“, толкуютъ о своихъ козацкихъ вольностяхъ, которыя состоятъ въ правѣ вольнаго выбора старшины, свободномъ пользованіи своими „добрами“ (т.-е. земельными имуществами), въ свободѣ винокуренія и шинкованія, въ свободѣ отъ податей и прочихъ повинностей, исключая военной, особенно отъ мужицкихъ работъ. Они точно забыли, что пользованіе шляхетскою честию и правами сдѣлалось принадлежностью привилегированной группы, которая совсѣмъ не была расположена дѣлиться съ другими своими прерогативами; что просьбы о вольномъ выборѣ старшины теперь, когда правленіе Малороссіи находилось въ рукахъ русскаго генерала, есть неумѣстный анахронизмъ; что неумѣстна и просьба о свободѣ отъ податей и повинности, такъ какъ правительство, не находя интереса въ военной службѣ козаковъ, не могло не смотрѣть на нихъ лишь какъ на разновидность податного сословія, тѣмъ болѣе, что и фактически, по словамъ самихъ козацкихъ наказовъ, „смѣшеніе козаковъ съ посполитымъ народомъ свойствомъ и грунтами было безконечное и безпрерывное“. Однимъ словомъ, козацкіе наказы годились только на то, чтобы сдать ихъ въ архивъ, какъ сдано было вскорѣ и само козацкое сословіе.

Итакъ, всѣ сословныя группы малорусскаго общества выражали большое недовольство своимъ положеніемъ. Но въ то время какъ недовольство шляхетства, а отчасти духовенства, было доступно смягченію, для недовольства

классовъ непривилегированныхъ—въ особенности посольства, лишеннаго даже возможности высказаться—не было никакого выхода.

Но сословное самосознаніе, выражавшееся въ наказахъ, по необходимости ограничивается извѣстной стороною положенія, по преимуществу матеріальной, экономической, отчасти правовой. Есть другія стороны, гдѣ общество забываетъ о своемъ сословномъ расчлененіи и сознаетъ себя какъ единое цѣлое, противопоставляющееся другимъ такимъ же, заключеннымъ въ себѣ единицамъ. Одно литературное произведеніе, повидимому, того же десятилѣтія, какъ и наказы, свидѣтельствуетъ о національномъ самосознаніи малорусскаго общества и о томъ, какъ оно проявлялось по отношеніи къ Великороссіи: произведеніе имѣетъ видъ діалога и называется „Разговоръ Малороссіи съ Великороссіей“. Главное содержаніе этого „Разговора“—историческое: Малороссія вспоминаетъ здѣсь свою исторію, но съ заднею цѣлю,—доказать Великороссіи, путемъ ссылки на свои историческія заслуги, права на признаніе своей исторической индивидуальности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отклонить постоянно всплывавшія на видъ недоразумѣнія и нареканія въ политической „шатости“. Существеннѣйшій же пунктъ, который хочетъ установить Малороссія, есть то положеніе, что между Великой и Малой Россіей „разность только въ приложенныхъ именахъ“, зависящая отъ того, что „твоя (великороссійскіе) предѣлы пространства моихъ, а мои обширностями поменьше твоихъ“, во всемъ же остальномъ „мы съ тобою равны“; и что Малороссія поддалась не Великороссіи „какъ обществу, а лишь какъ государю“ какъ „общему повелителю“ одной и другой страны *).

Посторонніе наблюдатели, оставившіе намъ свои сужденія о Малороссіи этой заключительной эпохи ея существованія,—великоросы, и приговоры ихъ составлены подъ давленіемъ національных и государственныхъ пристрастій. Односторонность этихъ сужденій, конечно, находится въ тѣсной связи съ ихъ официальнымъ или полуофициальнымъ характеромъ. Такова Записка Теплова „О непорядкахъ, которыя происходятъ нынѣ отъ злоупотребленія правъ и обыкновений, грамотами подтвержденныхъ Малороссіи“, составленная для высшаго правительства, такова записка Румянцева „О усмотрѣнныхъ въ Малой Россіи недостаткахъ и неурядицахъ, о исправленіи которыхъ Малороссійской Коллегіи трактовать должно“. Мы не знаемъ побужденій, которыя руководили авторомъ „Замѣчаній до Малой Россіи принадлежащихъ“, появившихся въ свѣтъ нѣсколько позже, въ самомъ концѣ столѣтія, однако, по духу и симпатіямъ относящихся къ Екатерининской эпохѣ; но авторъ этотъ — не менѣе крайній представитель государственныхъ и объединительныхъ тенденцій, чѣмъ Тепловъ и Румянцевъ. Между этими тремя произведеніями Записка Теплова имѣетъ, несомнѣнно, выдающееся значеніе какъ по широтѣ и основательности взглядовъ автора, такъ и по тому вліянію, какое она имѣла на политику Екатерины.

Всѣ три произведенія относятся отрицательно къ особенностямъ малорусской жизни и ея самобытнымъ стремленіямъ. Выражаясь менѣе сдержаннымъ языкомъ автора „Замѣчаній до Малой Россіи принадлежащихъ“, — малороссы,

*) „Кіевская Старина“ 1882 г., №№ 2 и 4.

проявляющіе такія стремленія, есть люди „неблагомыслящіе и козацкимъ запорожскимъ духомъ напоенные“, „привыкшіе къ козацкому неустройству, или своеволіямъ“, „ничего не знающіе и неблагодарные“, а сами стремленія „пахнутъ Мазепинскимъ духомъ“. Авторы не видятъ въ малорусской жизни ничего, кромѣ непорядковъ, недостатковъ и неустройства. Но надо замѣтить, что Тепловъ подходитъ въ своихъ сужденіяхъ довольно близко къ истинѣ, указывая на то, что дѣйствительно составляло коренное зло общественнаго строя Малороссіи. Ясными чертами рисуетъ онъ процессъ, на которомъ и мы останавливали выше вниманіе читателя: какъ старшина и другіе владѣльцы, мірскіе и духовные позавхватывали земли путемъ займа, скупили и разныхъ злоупотребленій своею властью и обратили не только свободныхъ посполитыхъ, но и козаковъ, въ своихъ подданныхъ. Для подтвержденія этихъ положеній онъ приводитъ цифровыя данныя, извлеченныя имъ изъ ревизій. По такъ называемой офицерской ревизіи, произведенной послѣ смерти Скоропадскаго, по указу Петра I, великорусскими офицерами и отличающейся между всѣми ревизіями наибольшей достовѣрностью цифръ, сумма посполитыхъ дворовъ 44961. Въ промежутокъ до гетманства Разумовскаго роздано изъ этой суммы не болѣе 3000 дворовъ, а засталъ Разумовскій свободными только 4000 дворовъ; остальные, со всѣмъ своимъ естественнымъ приростомъ, исчезли, по донесеніямъ старшины—убѣжали въ Польшу, а на самомъ дѣлѣ, конечно, переведены изъ свободныхъ во владѣльческіе. Козаковъ же, по словамъ Теплова, въ его время, было „списковыхъ“, т.-е. всѣхъ занесенныхъ въ списки, отъ 15 до 20 тысячъ, а выборныхъ, конечно, гораздо меньше: между ними значительное количество безгрунтовыхъ, т.-е. безземельныхъ. Неточность ревизій, „которыя малороссійскими людьми чинятся“, происходящая отъ того, что „ревизоры интересъ въ томъ имѣютъ, чтобы число дворовъ утаивать“, не позволяетъ Теплову ближе воспользоваться матеріаломъ этихъ ревизій. Затѣмъ Тепловъ указываетъ на недостатки „Малороссійскаго права“, въ которомъ первое мѣсто занимаетъ Статутъ Литовскій, „этотъ слабый и конфузный польскій статутъ“, по выраженію рѣзкаго автора „Замѣчаній“. Законы этого статута, по мнѣнію Теплова, „для республиканскаго правленія учрежденные, весьма несвойственны уже стали и не приличны малорусскому народу, въ самодержавномъ владѣніи пребывающему“; къ тому же статутъ становится постоянно въ противорѣчіе съ „указами государевыми“, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ Порядкомъ Саксонскимъ и Магдебургскимъ правомъ, также признанными въ Малороссіи за дѣйствующее право. Все это даетъ поводъ къ развитію ябедничества, относительно котораго авторъ „Замѣчаній“ свидѣтельствуетъ, что „нигдѣ и никакой народъ къ сочиненію ябедъ и къ продолженію тяжбъ, часто пустыхъ и неосновательныхъ, такъ не склоненъ и не жаденъ, какъ малороссійскій“. То же утверждаетъ и Тепловъ: ябеда у малороссовъ, говоритъ онъ, въ такомъ „кредитѣ и почтеніи“, что самые знатные отцы готовятъ къ ябеднической профессіи своихъ сыновей, проводя ихъ черезъ латинскія школы въ войсковые канцеляристы. Малороссійскіе суды, градскіе, земскіе и подкоморскіе, заведенные съ восшествіемъ на престолъ Екатерины II, находятъ себѣ порицаніе какъ у автора „Замѣчаній“, такъ и у

Румянцева, который видит въ этихъ судахъ затрудненія часто безвыходныя, происходящія отъ разнообразныхъ правленій и смѣшенія воинскихъ, гражданскихъ и земскихъ дѣлъ: по существу шляхетскіе, суды эти, въ дѣйствительности, не только принимаютъ на разбирательство козацьи дѣла, но и судебныя уряды,—конечно низшіе, въ родѣ возныхъ,—выбираютъ людей „козачьей и поселянской породы“. Затѣмъ оба автора указываютъ на бѣдность и общее запустѣніе городовъ, на свободу винокурения, истребляющую лѣсъ и хлѣбъ съ ущербомъ для государственныхъ доходовъ и народнаго здоровья, на низкій уровень промышленности и плохое состояніе путей сообщенія и т. п. Общее заключеніе, къ которому приходитъ авторъ „Замѣчаній“, очень печальное. „Малоросія,—пишетъ онъ,—въ добронравіи, въ просвѣщеніи, въ общежитіи, въ хозяйствѣ, въ торговлѣ, въ руководѣніи и во всемъ благоустройствѣ отъ всѣхъ прочихъ губерній (великороссійскихъ) отстала и во всемъ ихъ хуже“. Развивая свою общую мысль, авторъ указываетъ, между прочимъ, на склонность мѣстнаго простаго люда къ „лѣности и праздности“ и на то, что „у малороссійскихъ крестьянъ нѣтъ къ своимъ господамъ того усердія и той вѣрности, какую великороссіяне имѣютъ“. Упрекъ едва ли справедливый: малорусскіе крестьяне не могли успѣть воспитаться въ духѣ вѣрности и усердія къ господамъ въ теченіе немногихъ лѣтъ своего закрѣпощенія, необходимость котораго такъ убѣдительно доказывалъ Теплоу въ своей Запискѣ *).

На ряду съ социально-политическими переменами, какія пережило малорусское общество въ теченіе XVIII вѣка, естественно шли и глубокія перемѣны культурныя. Но мы не можемъ останавливаться на этой сторонѣ предмета, какъ выходящей изъ рамокъ поставленной нами задачи: коснемся лишь нѣкоторыхъ чертъ его,—тѣхъ, которыя подводятся подъ терминъ „просвѣщеніе“ въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Начиная съ Петра Могилы, почти въ теченіе столѣтія, южнорусскія про-

*) Какъ обезземлена была экономически народная масса, еще до своего закрѣпощенія, объ этомъ краснорѣчиво говорятъ цифры такъ называемой Румянцевской описи, т. е. общей подворной переписи Малороссіи, производившейся въ 1767—8 годахъ по распоряженію Румянцева. Вотъ нѣсколько любопытныхъ статистическихъ данныхъ, полученныхъ на основаніи матеріала этой переписи. Въ Кролевецкомъ уѣздѣ посполитыхъ, частновладѣльческихъ и монастырскихъ 1590 дворовъ, изъ нихъ безземельныхъ 449 дворовъ или 28% общаго числа, нищетныхъ, т. е. имѣющихъ 1—7 десят. земли, 622 двора или 39%, грунтовыхъ 519 дворовъ или 32% и подсосѣдковъ 291 хата. Въ уѣздѣ Суражскомъ: изъ числа 4384 посполитыхъ дворовъ—безземельныхъ 1515 дворовъ, т. е. 34%, нищетныхъ (1—5 десят.) 995 дворовъ, т. е. 20%, грунтовыхъ 1874 двора, т. е. 46%. Степень обезземеленій козаковъ видна изъ слѣдующихъ цифръ. Въ Кролевецкомъ уѣздѣ изъ 1873 козацкихъ дворовъ безземельныхъ 334 двора или 18%, нищетныхъ 598 дворовъ или 32%, грунтовыхъ 941 дворовъ или 50%. Въ Суражскомъ уѣздѣ: изъ 221 козацкаго двора безземельныхъ и огородниковъ 33 двора или 15%, нищетныхъ 26 дворовъ или 11% и грунтовыхъ 162 двора или 74% („Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій. Кролевецкій уѣздъ“. Г. Червинскаго. Черн. 1887 г.—„Румянцевская опись Суражскаго уѣзда 1767 г.“. Филимонова. Вятка 1888 г.).

свѣтительныя вліянія господствовали надъ сѣверной Русью, и ими, конечно, въ значительной степени подготовлено было то сближеніе съ Европой, которое сдѣлалось главнымъ содержаніемъ Петровскихъ реформъ. Кіевская Академія была въ теченіе этого времени „разсадникомъ російскихъ іерарховъ“, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и руководителей просвѣщенія. Какъ сильны и продолжительны были эти вліянія, видно изъ того, что еще въ 1754 г. императрица Елизавета приказывала св. Синоду, чтобы онъ представлялъ въ архіереи и архимандриты не однихъ малороссіянъ, но и изъ природныхъ великороссіянъ. Конечно, это теченіе встрѣчало въ великорусской средѣ противодѣйствіе. Противодѣйствіе это сначала опиралось на соображеніе, что „люди козацкаго рода“, какъ „любопытательные и лукавніи целовѣцѣ“, должны уступать мѣсто москвитянамъ, умѣющимъ „хранить отеческую вѣру непремѣнную“, позже, послѣ Петра В., оно имѣло уже подъ собой болѣе солидную почву въ томъ фактѣ, что Велико-россія умѣла создать свои собственные просвѣтительныя учрежденія. А, между тѣмъ, въ самой Малороссіи происходили — и происходили съ чрезвычайной быстротой — измѣненія, которыя имѣли своимъ результатомъ то, что просвѣтительныя вліянія, направлявшіяся съ юга на сѣверъ, со второй половины столѣтія приняли обратное теченіе, направляясь съ сѣвера на югъ. Малороссія частью остановилась въ своемъ культурномъ развитіи, а въ нѣкоторомъ отношеніи даже двинулась назадъ.

Несомнѣнно, регрессъ замѣчается въ слѣдующемъ. Выше было указано какое широкое распространеніе имѣли среди массы малорусскаго народа школа и грамотность. Церковь, школа и шпиталь — три члена какъ бы единого учрежденія, находившагося на попеченіи мѣстнаго братства — существовали повсемѣстно. Въ связи съ ихъ распространенностью выросла и особая социальная группа такъ называемыхъ „мандрованныхъ дяко́въ“, складывавшаяся изъ недоучившихся студеевъ высшихъ школъ, группа, которая доставляла школъ преподавателей, а народной массѣ посредниковъ между ней и книжной наукой и искусствомъ. Сама высшая школа не отказывалась отъ такого посредничества: она ставила вертепныя драмы, устраивала публичныя диспуты и діалоги на народномъ языкѣ, чтобы сдѣлать ихъ доступными „и простому во множествѣ стекающемуся народу“. Но, по мѣрѣ того, какъ расширялось и крѣпло крѣпостное право, все это отмирало само собой за ненужностью, какъ умирала и сама народная школа: то, что было удовлетвореніемъ нормальной потребности человѣка свободнаго, сдѣлалось излишней и даже вредной роскошью для крѣпостнаго. Такимъ образомъ, регрессъ въ области просвѣщенія шелъ вполнѣ параллельно съ указаннымъ выше развитіемъ крѣпостнаго права *).

*) Вотъ „Статистическія свѣдѣнія объ украинскихъ народныхъ школахъ и госпиталихъ въ Малороссіи въ XVIII вѣкѣ“ А. М. Лазаревского:

Полки.	Число школъ.	Шпитали.
Нѣжинскій	217	162
Лубенскій	172	107
Черниговскій	154	124

Но задержка культурнаго развитія малорусскаго общества шла и въ иномъ направленіи, хотя въ тѣсной связи съ тѣмъ же социальнымъ процессомъ. Малорусское шляхетство, на пути своего обращенія изъ козацкой старшины въ русское дворянство, кидаясь во все стороны за дворянскими генеалогіями, старалось изъ всѣхъ силъ доказывать, что оно „не здѣшней просто-народной малороссійской породы“. Культурное родство съ крѣпаками кидало подозрительную тѣнь на его привилегированность, и оно старалось разсѣять эту тѣнь. Отказаться отъ языка своихъ крѣпостныхъ, отъ національной одежды, „начать не только говорить, но и пѣть и плясать по-русски“,—по выраженію одного современника, — все это было для нарождающагося дворянства дѣломъ простого расчета, такъ какъ „благородная жизнь“ имѣла даже извѣстную долю юридической силы среди генеалогическихъ доказательствъ.

Но были и другія соображенія, которыя влекли высшій слой малорусскаго народа къ усвоенію развивающейся великорусской культуры. Масса южнорусскаго юношества ѣхала теперь на сѣверъ, чтобы получить тамъ образованіе, особенно техническое, въ разныхъ школахъ, которыя начали заводиться съ Петра В. Учрежденія о губерніяхъ, введенныя Екатериной, потребовали бюрократовъ, которые опять-таки могли получать практическій навыкъ по своей специальности лишь въ Великороссіи.

Культурное объединеніе привилегированнаго слоя южнорусскаго общества съ обществомъ сѣвернорусскимъ остановило дальнѣйшее поступательное движеніе самостоятельнаго малорусскаго просвѣщенія. Его органъ, литературный языкъ, развивавшійся изъ церковно-славянскаго на народной южнорусской основѣ, вмѣсто того, чтобы идти дальше по пути сліянія съ языкомъ народнымъ, прекратилъ свое естественное развитіе *). Уже съ тридцатыхъ годовъ

Полки.	Число школъ.	Шпитали.
Переяславскій	119	52
Полтавскій	98	42
Прилуцкій	69	53
Миргородскій	37	29

Свѣдѣнія взяты изъ ревизскихъ полковыхъ книгъ 1740—1747 г. семи полковъ. Книги Стародубскаго и Гадяцкаго полковъ утеряны. И въ приведенныхъ свѣдѣніяхъ есть пробѣлы, напримѣръ, не показано число школъ въ г. Глуховѣ и т. п. („Основа“ 1862 г. Май).

Къ 1804-му году, т.-е. ко времени введенія новаго школьнаго устава, не осталось и слѣдовъ отъ этихъ школъ („Черниговскій Земскій Сборникъ“, 1877 г., №№ 5—8. „Народное образованіе въ Черниговской губерніи“. П. Ефименко).

*) Кромѣ лѣтописей, діаріушей, проповѣдей и вообще книгъ религіознаго содержанія и др. произведеній прозаическихъ, а также стихотвореній (напр., виршей монаха Климентія, богатыхъ бытовыми чертами), до насъ дошли отъ первой половины XVIII в. нѣсколько стихотворныхъ драмъ, написанныхъ на этомъ, т.-е. славяно-малорусскомъ, языкѣ, изъ которыхъ лучшія: „Владиміръ“, трагикомедія Теофана Прокоповича, „Трагикомедія о тщетѣ міра сего“, Варлаама Лавровскаго, „Воскресеніе мертвыхъ“, Георгія Конисскаго, „Милость Божія... Украину черезъ Богдана Хмельницкаго свободившая“, неизвѣстнаго автора. Но во второй половинѣ столѣтія уже нѣтъ значительныхъ произведеній на этомъ языкѣ.

начинается замѣтное вліяніе великорусскаго языка *); со времени же Екатерины это вліяніе приобретаетъ характеръ господства. Высшая просвѣтительная власть края, кіевскіе митрополиты, Гавріиль Кременецкій и въ особенности Самуиль Миславскій (1783—96 гг.) прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы сдѣлать складывающійся сѣвернорусскій литературный языкъ съ его великорусскою народною основой, также и господствующимъ языкомъ южнорусскаго общества. Самъ членъ Россійской Академіи, слѣдовательно, специалистъ по разработкѣ русскаго языка, Миславскій старался всѣми силами ввести „великорусскій слогъ“ какъ въ Кіевскую Академію, такъ и въ другія подвѣдомственные ему мѣстные просвѣтительныя учрежденія. Приглашались учителя съ сѣвера, мѣстные студенты отправлялись на сѣверъ для изученія языка; преподавателямъ строго рекомендовалось „изъяснять свой предметъ на русскій языкъ съ наблюденіемъ выговора, какой наблюдается въ Великороссіи“. Издавались руководства для малороссовъ, указывающія имъ особенности великорусскаго языка, дабы они не могли отговариваться невѣдѣніемъ.

Прошло еще немного времени, и привилегированный слой малорусскаго общества, научившійся отъ своихъ русскихъ учителей и французскихъ гувернеровъ употребленію словъ „націонализмъ“ и „патріотизмъ“, уже связывалъ съ этими понятіями не языкъ или самобытную культуру, а только лишь мысль о своихъ сословныхъ прерогативахъ **), и непроходимая пропасть залегла между культурнымъ классомъ и закрѣпощеннымъ народомъ.

II.

Послѣ разоренія Чертомлыцкой или Старой Сѣчи полковниками Яковлевымъ и Галаганомъ Петръ отдалъ приказъ „вооруженною рукою воспрещать запорожцамъ селиться вновь въ Сѣчи или въ другихъ прежнихъ ихъ жилищахъ“. Запорожцы удалились на низовья Днѣпра и отдались подъ покровительство крымскаго хана. Тотъ принялъ ихъ очень охотно и отвелъ подъ центральное поселеніе урочище Алешки, на Кардашинскомъ лиманѣ Днѣпра, нѣсколько ниже Кизикерменя; промысловыя же угодья ихъ могли раскидываться на огромномъ пространствѣ отъ р. Буга съ Ингуломъ до р. Самары. Дѣло въ

*) Юридическому и вообще дѣловому малорусскому языку нанесъ ударъ еще капитанъ Вельяминовъ, на что Полуботокъ жаловался Петру I.

**) Когда въ началѣ царствованія Александра I герольдія начала дѣлать затрудненія для перехода старшины въ дворянство, представители малорусскаго привилегированнаго класса пришли въ большую тревогу. Болѣе образованные изъ нихъ, какъ, напр., Полетика-сынъ, Чепанъ и др., принялись изучать историческіе документы, гетманскія статьи, сеймовыя конституціи, исторію русскаго и иностраннаго дворянства въ цѣляхъ почерпнуть аргументы для утвержденія своихъ дворянскихъ притязаній. Ихъ дѣятельность увѣнчалась успѣхомъ, и по поводу ея они съ гордостью говорили о своемъ „патріотизмѣ“, о „безкорыстномъ къ отечеству соревнованіи“, о томъ „какъ пріятно трудиться на пользу отечества“ (сохранилась переписка этихъ „патріотовъ“, какъ они сами себя называли).

томъ, что вслѣдствіе своей Прутской неудачи Петръ долженъ былъ скрыть Каменный Затонъ и Новобогородицкую крѣпость, согласиться на проведеніе границы между Самарой и Орелью *) и вообще не „вступаться болѣе въ запорожцевъ“.

Запорожцы перенесли на новое мѣсто всѣ свои старыя общественныя и политическія учрежденія, имѣли своихъ выборныхъ властей, даже особаго малорусскаго гетмана, состоящаго подъ турецкимъ протекторатомъ, въ лицѣ Орлика, избраннаго малорусской эмиграціей въ преемники Мазепѣ, пока этому гетману не пришлось удалиться въ Швецію послѣ заключенія мира между Россіей и Турціей. Но, тѣмъ не менѣе, запорожцы не могли сжиться съ новою родиною.

Прежде всего постоянно и горько заставляло вспоминать о покинутыхъ живописныхъ берегахъ Днѣпра самое положеніе новой Сѣчи среди камышей и песковъ. Это была настоящая „земля Агарянская“, гдѣ незначительная полоса плавень примыкала къ песчанымъ кучугурамъ и солончакамъ: а у малоросса вообще, у запорожца въ частности, была сильно развита воспримчивость къ природѣ и ея красотамъ. Затѣмъ Запорожье, хотя и обособленное политически отъ остальной Украины, все-таки было связано съ ней, въ особенности съ Малороссіей, многочисленными кровными связями, которыя порывались теперь внезапно и рѣшительно. И, наконецъ, тѣ матеріальныя выгоды, какія представляла запорожцамъ „крымская протекція“, не перевѣшивали собой матеріальныхъ же невыгодъ, вытекавшихъ изъ разрыва съ Россіей, — невыгодъ, какія запорожцы начали теперь живо чувствовать.

Выгоды, которыя давала запорожцамъ крымская дружба, были ясны: это свободное добываніе соли въ крымскихъ озерахъ и ловля рыбы на лиманахъ. Но и соль и рыба служили предметомъ вывоза въ Малороссію, а на торговлю съ ней былъ наложенъ Петромъ запретъ: Малороссіи былъ запрещенъ ввозъ рыбы изъ Запорожья, соли и прочаго, напримѣръ, волошскихъ орѣховъ и другихъ произведеній юга, какъ и вывозъ на Запорожье хлѣба, табаку, горѣлки. Конечно, на пограничной линіи, проведенной по равнинѣ дикой степи, не особенно трудно было торговцамъ обходить и самые строгіе запреты: но контрабандная торговля все-таки не торговля. Къ тому же, чѣмъ дальше, тѣмъ больше начали выясняться слѣдующія обстоятельства. Хотя Крымъ и принялъ запорожцевъ въ свою „протекцію“ съ полной готовностью, но тѣмъ самымъ не могла быть сразу потушена взаимная антипатія и вражда, воспитанная вѣками. Крымъ относился къ своимъ новымъ подданнымъ съ крайнею подозрительностью. Запорожцамъ запрещено было укрѣплять и вооружать Сѣчь; они должны были теперь дѣлить свои „степныя угодыя и пожитки“ съ дикими ногайцами, которые доходили кочевьями до самыхъ днѣпровскихъ пороговъ; наконецъ, Крымъ приписывалъ запорожцамъ всѣ разбои въ степяхъ и нарушенія границъ, возлагая ответственность, въ видѣ тяжелыхъ штрафовъ и уголовныхъ наказаній, на Сѣчь, хотя виноватыми бывали на ряду съ запорожцами и ногайцы и просто вольные добычники. Въ качествѣ вознагражденія за про-

*) Прутскій миръ 1711 г., Андріанопольскій 1713 г.

тектію, запорожцы должны были поставлять военную помощь хану, который старался посылать своих ненадежныхъ союзниковъ подальше, напримѣръ, въ Кабарду, на Сулакъ; они вынуждены были даже участвовать въ устройствѣ Перекопской линіи, хотя запорожцамъ, которые, какъ и ихъ братья малорусскіе козаки, считали себя „противъ шляхты“, казались униженіемъ ихъ достоинства земельныя работы, приличныя, по ихъ мнѣнію, лишь посполитому, а не вольному званію. Въ концѣ концовъ, и вольное добываніе соли стало подвергаться ограниченіямъ подѣ тѣмъ предлогомъ, что подѣ видомъ запорожцевъ пользуются льготою и малорусскіе козаки. Такимъ образомъ, все больше и больше теряла подѣ собою почву крымская партія, съ Гордіенкомъ во главѣ, стоявшая въ тѣсной связи съ малорусской эмиграціей и Орликомъ, который послѣ Ништадскаго мира снова переселился изъ Швеціи въ Турцію. Начинаетъ брать верхъ партія сторонниковъ Москвы, руководимая Малашевичемъ. Изъ году въ годъ тянутся на сѣверъ слезныя прошенія, направляемые черезъ гетмановъ и другихъ лицъ къ государю, о прощеніи и разрѣшеніи возвратиться „на первобытное мѣсто“. Но прошенія эти встрѣчаютъ у Петра лишь постоянный и крутой отпоръ. Да онъ и не могъ дѣйствовать иначе: „первобытное мѣсто“, территорія Старой Сѣчи, находилась теперь за пограничной линіей, и разрѣшить что-либо запорожцамъ значило объявить войну Турціи, что не входило въ его расчеты; отдѣльнымъ же лицамъ онъ охотно давалъ разрѣшенія возвращаться и селиться въ Малороссіи. Но вотъ Петръ I умеръ, и Малороссія перестала ощущать тяжесть его желѣзной руки; появился гетманъ Апостоль, запорожцы почувствовали, что дальше ждать незачѣмъ, и что надо дѣйствовать самимъ, и дѣйствовать рѣшительно. Въ маѣ 1728 года въ Алешкинской Сѣчи, послѣ девятнадцати лѣтъ ея существованія, произошелъ настоящій государственный переворотъ, положившій ей конецъ: партія сторонниковъ Москвы появилась на челнахъ около Алешекъ, захватила кошевого Гордіенка, разбила лавки, разграбила и разогнала греческихъ и армянскихъ торговцевъ, а затѣмъ запорожцы двинулись Днѣпромъ, съ войсковыми клейнодами и имуществомъ, на Чертомлыкъ, на мѣсто Старой Сѣчи, гдѣ и водворились-было. Но не помогла и рѣшительность: русское правительство все-таки не соглашалось принять запорожцевъ, и они черезъ два года были опять вынуждены обратиться къ крымской протекціи. Теперь имъ отведено было для центральнаго поселенія устье р. Каменки, выше Кизикермена, гдѣ имъ пришлось прожить еще четыре года. А между тѣмъ русское правительство, которое задумало укрѣпить южную границу возведеніемъ линіи крѣпостей и редутовъ отъ р. Самары до Сѣвернаго Донца (такъ называемая старая украинская линія), уже и само было не прочь привлечь запорожцевъ въ видахъ охраны этой линіи. Обѣ стороны лишь выжидали удобнаго момента. Такой моментъ наступилъ въ 1733 году, когда русское и крымское правительства вмѣшались въ дѣла польскихъ партій и встали такимъ образомъ, въ враждебныя отношенія другъ къ другу. Запорожцы должны были, вмѣстѣ съ татарами, выступить открыто противъ русскихъ; но вмѣсто этого они покинули свое мѣстопробываніе и двинулись снова вверхъ по Днѣпру, чтобы устроиться на старыхъ мѣстахъ.

Мѣсто для новаго поселенія, для такъ называемой Новой Сѣчи, они выбрали въ восьми верстахъ отъ Сѣчи Старой, на правомъ берегу Днѣпра, на урочищѣ Базавлукъ, почти окруженномъ глубокою рѣчкой Подпольной. Первое время пребыванія запорожцевъ на мѣстѣ новаго поселенія русское правительство дѣлало видъ, что не имѣетъ никакого дѣла до запорожцевъ, которые продолжаютъ все-таки оставаться въ предѣлахъ Турецкаго государства; да и самимъ запорожцамъ приходилось лавировать, чтобы не навлечь открытымъ разрывомъ мщеніе, которое должно было обрушиться на отдѣльныхъ членовъ запорожскаго общества, оставшихся, по торговымъ и промышленнымъ дѣламъ, въ Крыму и Турціи. Но въ концѣ 1734 г. уже былъ открыто объявленъ переходъ запорожцевъ въ подданство Россіи: они уносили съ собою назадъ и свою обширную территорію, которая, впрочемъ, принадлежала Запорожью лишь по праву захвата, не подтвержденному никакими трактатами, или „по неразграниченію оной“, выражаясь языкомъ тогдашнихъ документовъ. Когда, годъ спустя, началась турецкая война, запорожцы принимали въ ней самое дѣятельное участіе, оказывая помощь русской арміи, главнымъ образомъ, въ качествѣ партизановъ и развѣдчиковъ. Нисская конвенція, закончившая войну, окончательно опредѣлила границу между Россіей и Турціей: на лѣвобережьѣ эта граница, такъ называемая граница 1740 г., шла по прямой линіи отъ источниковъ р. Конскихъ-Водъ до источниковъ р. Берды. Такимъ образомъ, запорожскія владѣнія вошли формально въ составъ Русской Имперіи.

Запорожскій кошъ въ послѣдніе сорокъ лѣтъ своего существованія—эпоха Новой Сѣчи—выяснилъ окончательно свой строй какъ со стороны своеобразной красоты своихъ формъ, такъ и со стороны глубокихъ недостатковъ своего содержанія въ смыслѣ непригодности къ новымъ теченіямъ жизни. Много, что выяснилось и опредѣлилось только теперь, въ эпоху Новой Сѣчи, приписывается историками Запорожью и болѣе раннихъ фазисовъ его существованія: дѣло въ томъ, что только строй Запорожья этой послѣдней эпохи опредѣляется документами ясно, какъ въ общемъ, такъ и въ частности.

Запорожье эпохи Новой Сѣчи представляетъ собой совершенно обособленный отъ остальной Южной Руси социальный организмъ. Это не значитъ, конечно, чтобы Запорожье не знало никакой политической зависимости. Наоборотъ: зависимость отъ русскаго государства начала обнаруживаться съ перваго момента, и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе, давала себя знать. Какъ только появилась Новая Сѣчь, появился при ней Ново-Сѣченскій ратраншементъ, въ которомъ пребывалъ постоянно русскій гарнизонъ; такіе же гарнизоны находились въ форпостахъ, расположенныхъ по теченію Днѣпра отъ устья Ореля до Новой Сѣчи; кievскій генераль-губернаторъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и „главнымъ командиромъ по запорожскимъ дѣламъ“. Такимъ способомъ гарантировало себя русское государство отъ запорожскихъ „шатостей“. Въ то же время, съ самаго перваго момента вступленія запорожцевъ снова въ русское подданство, начался покровительствуемый правительствомъ захватъ русской колонизаціей запорожской территоріи,—захватъ, который имѣлъ своимъ послѣдствіемъ уничтоженіе Запорожья. Но и до самаго этого послѣдняго момента

русское правительство все-таки не вмѣшивалось во внутреннюю жизнь этого своеобразнаго общества.

Территорія запорожскихъ владѣній или „вольностей Коша Запорожскаго“ въ эту послѣднюю эпоху существованія Запорожья занимала приблизительно двѣ теперешнихъ губерніи, Екатеринославскую и Херсонскую, за исключеніемъ той части, которая лежитъ между Бугомъ и Днѣстромъ. Конечно, границы эти были довольно неопредѣленны *). Въ главныхъ пограничныхъ пунктахъ, черезъ которые шли пограничныя сношенія, у запорожцевъ были паланки, т.-е. военно-административные посты, мѣстопробываніе, такъ сказать, областной запорожской старшины. Въ правильномъ соотвѣтствіи съ количествомъ политическихъ границъ и сосѣдей, паланокъ этихъ было пять: въ Переволочной со стороны Малороссіи; у крѣпости Козловской со стороны полковъ Слободскихъ; на р. Кальміусѣ со стороны козаковъ Донскихъ; противъ Очакова на Бужскомъ лиманѣ со стороны Турціи и ногайцевъ; на Бугѣ въ запорожскомъ Гарду со стороны Польши. Такимъ образомъ, обширныя запорожскія пустыни были раздѣлены по управленію между центромъ, т.-е. Сѣчью, и пятью округами и паланками. Но пустыни эти начали усиленно привлекать къ себѣ колонизацію изъ Малороссіи и Польши, и Запорожье покровительствовало этой колонизаціи, видя въ ней источникъ силы и развитія; скоро обнаружилась недостаточность пяти округовъ съ пограничными центрами для потребностей растущаго населенія. Уже въ 1736 году пришлось учредить шестой постъ въ Прогнояхъ, на Кинбурнскомъ полуостровѣ; впрочемъ, устройство этой паланки обуславливалось не только успѣхомъ колонизаціи, сколько необходимостью дать защиту людямъ, приходящимъ для добыванія соли на тамошнихъ озерахъ и рыбу на лиманѣ. Увеличеніе населенія вызвало перераспредѣленіе старыхъ и устройство новыхъ округовъ, такъ что общее число паланокъ, въ концѣ разсматриваемой нами эпохи, было уже восемь **).

Населеніе этого огромнаго пространства плодородной земли, богатой не только водой, но и лѣсомъ, пастбищами, рыбными и звѣриными ловлями, было

*) Вотъ какъ шли приблизительно границы Запорожья: отъ Крылова до Переволочной Днѣпромъ отдѣлялись запорожскія владѣнія отъ Гетманщины; отъ Переволочной до Бахмута по Орели и Сѣв. Донцу шла граница Слободскихъ полковъ; отъ Сѣв. Донца по Кальміусу до его впаденія въ Азовское море граница владѣній Донскаго козачества; отъ Берды къ устью Конскихъ-Водъ на Бужскій лиманъ и вверхъ по теченію Буга до запорожскаго Гарда граница самыхъ беспокойныхъ сосѣдей Запорожья ногайцевъ; дальше до устья Синиха и на Крыловъ запорожскія владѣнія соприкасались съ воеводствомъ Польши.

**) Паланки эти слѣдующія: на правомъ берегу Днѣпра Кодацкая, которая шла отъ Никополя до Крылова, а въ ширину до Тясмина и Виси, и Ингульская или Перевѣзская по р. Ингульцу, теперешніе Херсонскій и Александрійскій уѣзды; на лѣвомъ берегу: паланка Самарская, по обѣимъ берегамъ Самары. Орельская по рр. Орели, Богатой и др. до Самары, и Протовчанская, между Самарскою и Кальміускою по рр. Протовчѣ, Терсѣ, Терновчѣ и др.; на р. Бугѣ — Буго-Градовская, на рр. Кальміусѣ и Бердѣ—Кальміусская, и, наконецъ, Прогноинская на Кинбурнскомъ полуостровѣ.

крайне ничтожно. Конечно, мы не имѣемъ точныхъ цифръ, но нѣкоторые приблизительныя статистическія данныя дошли до насъ. По показанію одного современнаго документа, всего запорожскаго населенія, перешедшаго изъ крымскаго подданства въ русское, было тысячъ тридцать; передъ уничтоженіемъ Сѣчи другой документъ исчисляетъ населеніе запорожской территоріи въ сто тысячъ; мы не имѣемъ основаній подвергать обѣ эти цифры, въ качествѣ приблизительныхъ, большимъ сомнѣніямъ.

Запорожское населеніе въ разсматриваемую эпоху дѣлилось на козаковъ и подданныхъ или посполство, которое не имѣло козацкихъ правъ и не несло козацкихъ обязанностей. Посполство держалось лишь въ паланкахъ Кодацкой, Самарской, Орельской и Протовчанской, гдѣ были, въ небольшомъ количествѣ, городки, села и хутора, среднимъ счетомъ отъ пятнадцати до двадцати населенныхъ мѣстъ на паланку (не считая зимовниковъ *). Въ остальныхъ паланкахъ, кромѣ постовъ, гдѣ жила старшина съ козаками, были лишь зимовники и промысловые станы. Въ селахъ и хуторахъ перечисленныхъ выше четырехъ паланокъ, вмѣстѣ съ посполствомъ, жили и женатые запорожцы: семейная жизнь не лишала ихъ козацкихъ правъ, но изгоняли ихъ изъ Сѣчи, изъ куренного товариства. Мы не знаемъ, какъ относилось количество женатыхъ запорожцевъ къ остальной козацкой массѣ; но, повидимому, процентъ ихъ былъ невеликъ.

Но главная масса козацкаго населенія запорожской территоріи сосредоточивалась въ Сѣчи, откуда постоянно расходилась на военную и промысловую добычу для того лишь, чтобы снова туда же возвратиться.

Новая Сѣчь, какъ уже было сказано выше, имѣла свое главное прикрытіе въ глубокомъ, судоходномъ притокѣ Днѣпра, носившемъ названіе р. Подпольной, которымъ она была окружена со всѣхъ сторонъ. Но она имѣла и искусственныя укрѣпленія, которыя отдѣляли Кошъ отъ предмѣстья, съ одной стороны, и отъ паланки, съ другой. Паланка представляла собой самую внутреннюю, защищенную часть Новой Сѣчи, какъ бы вдвинутую вглубь маленькаго полуострова, образуемаго Подпольной: здѣсь находилась сѣчевая церковь, жили старшина и духовенство, помѣщались казна и канцелярія. Предмѣстье или Крамной базаръ заключалъ въ себѣ лавки и шинки, мастерскія ремесленниковъ, жилища пріѣзжихъ торговцевъ, а также базарныхъ атамановъ и кантаржея, т.-е. хранителя мѣръ и вѣсовъ.

Собственно Сѣчь или Кошъ представляла собой обширную площадь, вокругъ которой было расположено тридцать восемь большихъ деревянныхъ зданій, въ родѣ казармъ, вмѣстимостью на нѣсколько сотъ человѣкъ каждая: это были курени, козацкія общежитія. Но значеніе куреней было гораздо шире. На курени дѣлилось все запорожское войско: курень былъ основной единицей самоуправленія и вообще всей запорожской организаціи. Всякій, кто не только

*) Зимовникъ—хозяйственный хуторъ неженатыхъ запорожцевъ, гдѣ проживали, съ хозяйственными дѣлами, одинъ или нѣсколько козаковъ-товарищей съ молодиками и наемными рабочими.

былъ въ дѣйствительности козакомъ, но хотя бы лишь числился таковымъ — состарѣвшійся или больной, неспособный къ службѣ, женатый, слѣдовательно, имѣвшій прочную осѣдлость гдѣ-нибудь далеко, въ паланкѣ, — всякій долженъ былъ принадлежать къ одному изъ сѣчевыхъ куреней. Курень имѣлъ свою долю въ пользованіи угодьями запорожской территоріи; имѣлъ свою собственность, въ видѣ куренныхъ дворовъ, лавокъ на базарѣ, и, слѣдовательно, свои доходы, которые шли на покрытіе расходовъ по содержанію козачковъ, получавшихъ съ куреня пищу, одежду и вооруженіе — однимъ словомъ, все необходимое; имѣлъ своего выборнаго куреннаго атамана, который пользовался въ своемъ куренѣ не только нравственнымъ авторитетомъ, но и широкой юридической властью, административной и судебной.

Во главѣ центральной власти, заправлявшей дѣлами запорожскаго общества, стоялъ кошевой, который выбирался всѣмъ „товариствомъ“ на годъ. Онъ пользовался какъ бы неограниченной властью, военной, административной и судебной: ему, до самаго паденія Сѣчи, принадлежало даже право жизни и смерти, какъ ни старалось русское правительство положить этому предѣлъ. Но эта неограниченность была лишь кажущейся: на самомъ дѣлѣ надъ дѣйствіями кошевого деспотически тяготѣло общественное мнѣніе, ближайшимъ выразителемъ котораго были куренные атаманы — безъ ихъ совѣта и согласія онъ не могъ ничего предпринять. Всякій его шагъ, сдѣланный наперекоръ общественному мнѣнію, вызвалъ бы неизбѣжную бурю общественного негодованія, и кошевой не только былъ бы тотчасъ же сброшенъ со своего достоинства, но могъ бы подвергнуться и другимъ тяжелымъ непріятностямъ, даже смерти отъ побоевъ разсвирѣпѣвшей толпы. Кромѣ кошевого, званіе войсковой старшины принадлежало еще судѣ, писарю и есаулу, которые выбирались вмѣстѣ съ кошевымъ. Судья былъ главнымъ помощникомъ кошевого не только въ судебныхъ разбирательствахъ, но и въ другихъ дѣлахъ: ему поручались обязанности „наказнаго кошевого“. Должность войскового писаря имѣла высокое значеніе: онъ не только составлялъ, но и подписывалъ всѣ бумаги, хотя подписывалъ не своимъ именемъ, а извѣстной формулой, служившей для обозначенія войска. На войсковомъ есаулѣ лежала обязанность приводить въ исполненіе рѣшенія и наблюдать за порядкомъ, какъ въ мирное время по всей запорожской территоріи, такъ и во время войны, въ лагерѣ. Кромѣ центральной войсковой старшины, была еще старшина паланочная: въ каждой паланкѣ для завѣдыванія дѣлами выбирался полковникъ, соответствующій кошевому, есаулъ, писарь. Для приведенія въ исполненіе военныхъ предпріятій — къ которымъ приравнивались депутаціи въ Петербургъ — выбирались специально походные полковники, а къ нимъ приставлялась полковая походная старшина по тому же шаблону. Однимъ словомъ, правительственная организація запорожскаго козачества была крайне проста.

Верховная власть на Запорожѣ принадлежала самому войсковому „товариству“ и его органу „общей войсковой радѣ“. Общая войсковая рада, при обычныхъ условіяхъ, собиралась разъ въ годъ, на 1-е января: къ Рождеству съѣзжалось въ Сѣчь козачество изъ зимовниковъ и съ рыбныхъ ловель для

участія въ этой радѣ. Всѣ праздники передъ выборами старшина угощала собравшееся товариство, между которымъ было значительное число „сиромахъ“, людей, „не имѣющихъ у себя не точію лошадей или какого скота, но ниже на плечахъ платья“, какъ характеризуетъ ихъ одинъ русскій офицеръ, проживавшій въ Сѣчи и наблюдавшій войсковую раду въ 1749 г. Во избѣжаніе излишняго пьянства и вытекавшихъ изъ него безпорядковъ, кошевой съ судьей запечатывали на это время винные погреба и шинки. Первое января, послѣ обѣдни, войсковая старшина, съ знаками своего достоинства въ рукахъ, становилась около церкви въ рядъ, по старшинству; куренные атаманы помѣщались тутъ же, образуя, вмѣстѣ съ остальной старшиной, кругъ. Въ этого круга тѣснилось рядовое товариство, наполняя собою площадь, такъ что остальные, не нашедшіе себѣ мѣста въ паланкѣ, влѣзали на курени и на колокольню, толпились на валу и по рѣкѣ. Рада открывалась тѣмъ, что метали жеребьи на промысловыя угодыя, собственно на рыбныя ловли: всѣ рѣчки и озера запорожской территоріи, представлявшія собой интересъ въ качествѣ рыболовныхъ угодій, дѣлились такимъ способомъ между куренями. По окончаніи жеребьевки, на звукъ литавръ, изъ куреней и изъ жилищъ предмѣстья еще прибывалъ народъ, и приступали къ выборамъ—труднѣйшей сторонѣ запорожскаго самоуправления. Случалось, что выборы протекали „безъ худости, споровъ и безчинствъ“; но, повидимому, такія „благополучныя войсковыя рады“ не были обычнымъ явленіемъ. Случалось, что прибывшіе во множествѣ сиромахи производили буйства и драки между собой, такъ какъ разные курени выставляли и поддерживали своихъ кандидатовъ; въ такихъ случаяхъ доставалось и самому кошевому, который съ помятыми ребрами спасался съ рады въ свое жилище и запирался тамъ; случалось, что разбушевавшаяся толпа, въ концѣ концовъ, кидалась на шинки и лавки предмѣстья, и рада заключалась битвой съ базарными, которые уже не позволяли застать себя врасплохъ. Кромѣ кошевого, судьи писаря, есаула съ войсковыми служителями довишемъ и пушкаремъ, на этой же общественной радѣ выбирались полковники „до паланокъ“, чѣмъ и заканчивались ея функціи.

Но какъ ни непривлекательна картина хаоса, какой представляла собой, напримѣръ, запорожская рада 1749 г., по дошедшему до насъ ея описанію русскаго офицера, все-таки, надо думать, что ея стихійной неурядицей заправлялъ духъ разумнѣя и любви по отношенію къ своему обществу: иначе нельзя объяснить тотъ фактъ, что нѣкоторые выдающіяся личности, умѣло руководившія труднымъ дѣломъ запорожскаго самоуправления, изъ-года-въ-годъ выбираются въ кошевые: припомнимъ Сирка, Гордіенка, Малашевича, Калнышевскаго.

Кромѣ общей войсковой рады, бывали рады куренныя для выбора куренныхъ атамановъ и другихъ куренныхъ дѣлъ, рады паланочныя (по отдѣльнымъ паланкамъ), походныя — въ лагерѣ, въ военное время. Вообще можно сказать, что безъ участія товариства, особенно его старшихъ членовъ, „значныхъ“, „стариковъ“, не вершились на Запорожѣ никакія общественныя дѣла.

Любопытно, что къ числу этихъ общественныхъ дѣлъ, вершившихся това-

риствомъ, запорожцы присоединяли и дѣло церковное: они упорно оберегали свою церковь отъ вмѣшательства вѣшняго духовнаго авторитета. До самаго паденія Старой Сѣчи имъ это удавалось вполне: признавая номинально власть московскаго патріарха, Запорожье, въ дѣйствительности, имѣло дѣло лишь съ „великимъ Кіево-Межигорскимъ Свято-Преображенскимъ монастыремъ“, который почитало за своего патрона, и который поставлялъ на запорожскую территорию духовенство, согласно желаніямъ и требованіямъ запорожцевъ, получая отъ нихъ взаменъ богатую милостыню. Русское правительство принуждало Новую Сѣчь считаться съ іерархическимъ порядкомъ православной церкви и согласно его требованіямъ подчиняться власти кіевского митрополита. Но, дѣлая нѣкоторыя уступки этимъ требованіямъ, Запорожье не забывало само и не упускало случая напоминать другимъ, что запорожскія церкви „искони древнихъ временъ ведущимся порядкомъ построены войскомъ, содержатся отъ онаго и въ главномъ и совершенномъ вѣдомѣ войска находятся“: оно продолжало получать свое духовенство отъ Межигорскаго Спаса и заставляло это духовенство подчиняться „звычайной перемѣнѣ“, т.-е. обычаю годового выбора. Каждый годъ въ сентябрѣ пріѣзжали изъ Межигорскаго монастыря монахи; изъ нихъ запорожцы выбирали себѣ, до слѣдующаго года, новое духовенство, если старое не приходилось по вкусу. Количество духовнаго персонала, потребное Запорожью, теперь уже не было ничтожнымъ: на территоріи Запорожья находилось четырнадцать постоянныхъ церквей, кромѣ церквей походныхъ, были даже и собственный монастырь, Самарскій. На содержаніе церквей шла извѣстная часть войсковыхъ доходовъ; но главное свое богатство — а церкви эти были очень богаты, особенно же сѣчевая Покровская — онѣ почерпали въ пожертвованіяхъ отдѣльныхъ запорожцевъ, которые, не имѣя семей, отдавали, обыкновенно, одну часть своего имущества, иногда и значительную, куреню, другую церкви, на „честное“ погребеніе и на поминъ души. Церковное благолѣпіе и даже роскошь были одной изъ насущнѣйшихъ духовныхъ потребностей настоящаго сѣчевика. При сѣчевой церкви, согласно общему южнорусскому обычаю, содержалась на счетъ войсковыхъ доходовъ, и школа, гдѣ учились грамотѣ и церковному пѣнію „молодики“, мальчики, или привезенные сюда родичами на воспитаніе, или сироты, случайно подобранные. Церковному пѣнію, которое высоко цѣнилось на Запорожьѣ, учились при школѣ и взрослые козаки.

Обособившись въ качествѣ военного братства отъ остальной жизни южнорусскаго народа, Запорожье развило въ себѣ нѣкоторыя стороны этой жизни до такой своеобразности, которая придаетъ этому соціально-политическому организму черты полной исключительности. А между тѣмъ несомнѣнно, что Запорожье есть плоть отъ плоти того же украинскаго козачества, которое сохранило и развило въ себѣ, на просторѣ степей, вдали отъ государственнаго гнета, историческія основы старорусской жизни. Это проявляется во всемъ строѣ запорожскаго самоуправленія, — проявляется особенно въ судѣ.

Запорожье даже и въ описываемую, послѣднюю, эпоху своего существованія совсѣмъ не знало писаннаго закона. Круговая порука, связывавшая членовъ куреня, чрезвычайно облегчала и упрощала дѣло правосудія: курень зорко

слѣдилъ за поведеніємъ товарищей, такъ какъ несъ за каждый ихъ проступокъ всю тяжесть отвѣтственности—матеріальной, если не уголовной. Взятіе на поруки и очистительная присяга являлись такими дѣятельными элементами правосудія, при посредствѣ которыхъ получало свой быстрый и простой исходъ множество дѣлъ. Если же дѣло становилось на тяжёбный путь, то тяжущимся предоставлялось право искать правды тамъ, гдѣ имъ заблагоразсудится: у паланочнаго полковника, куренныхъ атамановъ, войскового судьи, наконецъ, у самого кошевого—въ послѣднемъ случаѣ, съ нѣкоторымъ рискомъ, такъ какъ тяжущіеся могли отвѣдать и „кіевъ“ (палокъ), если кошевой усматривалъ, что его беспокоили безъ достаточнаго повода. Въ болѣе значительныхъ дѣлахъ уголовного характера, гдѣ нельзя было прекратить ходъ правосудія вмѣшательствомъ куреня, выступало на сцену „собраніе Коша“, судебная сходка, или рада, соотвѣтствовавшая старорусской копѣ. Такая сходка и постановляла приговоръ, и приводила его въ исполненіе. Дознаніе производилось, въ случаѣ надобности, и „подъ пристрастіемъ“ (подъ пыткой). Военнымъ, лагернымъ, строемъ жизни Запорожья обуславливалось то, что уголовныя наказанія были суровы: секвестръ, или тюремное заключеніе въ пушкарнѣ, сыромъ и холодномъ погребѣ, гдѣ заключенные томились голодомъ и холодомъ, привязываніе къ позорному столбу, кп, наконецъ, смертная казнь, при посредствѣ висѣлицы, острой пали и тѣхъ же кіевъ, которыми должны были бить осужденнаго всѣ присутствовавшіе на сходкѣ козаки. Утвержденіе смертнаго приговора, какъ и его отмѣна, входило въ прерогативы власти кошевого. Значеніе куреня въ дѣлѣ правосудія, суровость уголовныхъ наказаній—а, можетъ-быть, и иныя причины—дѣлали то, что преступность въ запорожскомъ обществѣ, повидимому, не была значительной. Наипаче упоминаемыя преступленія—нарушеніе сосѣднихъ государственныхъ границъ наѣздами и грабежами, гайдамачество,—имѣли значеніе преступленій политическихъ, на которыя правосудіе то смотрѣло, велѣдъ за общественнымъ мнѣніемъ, сквозь пальцы, чуть не благосклонно, то взыскивало съ особенной суровостью, смотря по обстоятельствамъ случая. Грабежъ, въ данныхъ условіяхъ, имѣлъ не только характеръ посягательства на чужую собственность, какъ проявленіе молодечества. Вообще преступленій противъ собственности, значительность которыхъ такъ характерна для современнаго общества, было мало на Запорожѣ. Путешественникъ или торговецъ, снабженный перначемъ *), могъ чувствовать себя безопаснымъ въ запорожскихъ пустыняхъ; въ самой Сѣчи можно было оставить деньги на улицѣ, не опасаясь ихъ лишиться. Дѣло въ томъ, что типъ запорожской жизни и сложившійся подъ его вліяніемъ характеръ запорожца были неблагоприятны развитію преступленій этой категоріи. Въ идеалъ запорожца, конечно, сложившійся исторически, въ связи съ формами быта, входило своеобразное презрѣніе къ богатству, не презрѣніе аскета, а презрѣніе чловѣка, не видящаго разумнаго смысла въ сбереженіи и накопленіи. Для чего сталъ бы копить чловѣкъ безсемейный? Энергія характера заставляла запорожца пріобрѣтать. Но все прі-

*) Перначъ—полковничья булава.

обрѣтенное прогуливалось въ нѣсколько часовъ или дней въ Сѣчи въ одной гомерической пирушкѣ, въ которой принимали участіе всякій встрѣчный и поперечный. Горѣлка, буквально, лилась; встрѣчныя лавки откупались, и товары предоставлялись всѣмъ желающимъ. Все это продолжалось до тѣхъ поръ, пока въ кишени не оставалось уже ничего, и тогда герой дня сбрасывалъ съ себя шелкъ и бархатъ, успѣвшіе превратиться въ грязныя лоскуты, и оставался снова какъ былъ, въ одной просаленной рубашкѣ и шароварахъ, готовый опять запрячься въ работу. Такимъ представляется намъ запорожець не только по народнымъ преданіямъ, но и по свидѣтельствамъ достовѣрныхъ современниковъ. При подобномъ отношеніи къ собственности, преступленія противъ нея не могли быть значительными. Иначе, конечно, стояло дѣло на счетъ преступленій противъ личности; но масса ихъ улаживалась куренями и куренными атаманами, и только небольшая часть, наиболѣе тяжелыхъ, выступала на судъ Коша. При отсутствіи семьи нерѣдки были, какъ и можно было ожидать, преступленія противъ половой нравственности, къ которымъ запорожское правосудіе относилось съ большою суровостью.

Описанный типъ запорожца, съ его презрѣніемъ къ собственности, могъ, конечно, развиваться лишь на почвѣ своеобразнаго запорожскаго спеціальнаго строя, носящаго на себѣ слѣды глубокаго архаизма. До самаго своего уничтоженія Запорожье не имѣло института частной земельной собственности. Вся территорія считалась общей собственностью войска, которою каждый его членъ могъ пользоваться, какъ только хотѣлъ. Извѣстнымъ ограниченіямъ подлежало лишь пользованіе рыболовными угодьями: выше уже было сказано, что угодья эти, лиманы, плавни, степныя рѣчки, дѣлились по жребію между куренями, причемъ ежегодно совершался новый передѣлъ. Самая эксплуатація этихъ угодій также имѣла общественный характеръ. Многочисленные „тафы“, рыболовныя артели, вялялись на эти угодья, — изъ которыхъ самыя цѣнныя были на Днѣпрѣ ниже пороговъ до устья и по лиману, на Бугѣ близъ устья Синюхи, на косахъ Бердянской, Бѣлосарайской и Кальміусской, — и сообща организовывали промыселъ, откладывая часть улова на курень и войсковую старшину. Вообще, рыболовство стояло на первомъ планѣ среди хозяйственныхъ занятій Запорожья.

Такой же общественный характеръ имѣло и звѣроловство въ тѣхъ его отрасляхъ, гдѣ оно было болѣе значительнымъ. На первомъ планѣ стояла ловля лисицъ по берегамъ Буга: ею занимались артели „лисичниковъ“, которые платили въ войсковой скарбъ и на церковь десятину лисицами.

Характеръ нарождающейся частной собственности представляли собой тѣ отрасли хозяйства, которыя извѣстны подъ общимъ именемъ хозяйства сельскаго: земледѣліе, собственно хлѣбопашество, скотоводство и пасѣчничество.

„Заможный“ (состоятельный) запорожець, одинъ или въ товариществѣ съ пріятелемъ, выбиралъ подходящее мѣсто, гдѣ-нибудь въ балкѣ, на берегу рѣчки или въ рѣчной долинѣ, и строилъ тамъ себѣ зимовникъ. Для хозяйственныхъ работъ „господарь“ приглашалъ еще двухъ-трехъ козаковъ и человекъ десять молодиковъ или рабочихъ со стороны, нерѣдко и бродягъ безъ роду и племени, какъ это ни преслѣдовалось администраціей Коша. Хозяйство зимовника

состояло изъ хлѣбопашества и скотоводства. Посѣвы озимаго хлѣба были не въ обычаѣ: сѣялось просо, овесъ, ячмень, гречиха, горохъ, также кукуруза, которую разводили на огородахъ вмѣстѣ съ огурцами, капустой, тыквой, лукомъ и чеснокомъ. Дѣло въ томъ, что главную свою потребность въ хлѣбѣ запорожцы удовлетворяли не собственнымъ хозяйствомъ, а царскимъ жалованьемъ; недостающее шло изъ Малороссіи. Сѣяли хлѣбъ около зимовника до тѣхъ поръ, пока земля не истощалась; тогда зимовникъ передвигался на другое мѣсто. Собранный хлѣбъ хранился въ ямахъ. Тотъ же зимовникъ служилъ и для скотоводства, которое въ данную эпоху еще имѣло для запорожскаго хозяйства гораздо болѣе значеніе, чѣмъ земледѣліе. Всюду въ высокой травѣ луговъ, на стѣнныхъ курганахъ чернѣли пастушья „коши“, т.-е. войлочные кибитки, около которыхъ паслись цѣлыя табуны лошадей, огромныя стада рогатаго скота и овецъ. Какъ обширны были эти хозяйства у запорожцевъ, видно, между прочимъ, изъ такихъ цифръ: при одномъ внезапномъ набѣгѣ татаръ у полковника Колпака было уведено 1200 овецъ, 127 лошадей и 300 головъ рогатаго скота, у другого козака взято было 250 лошадей и 70 воловъ, еще у одного козака 5000 овецъ и т. д. Вотъ эти-то зимовники, съ ихъ обширнымъ скотоводческимъ и относительно незначительнымъ земледѣльческимъ хозяйствомъ и составляли тотъ зародышъ частной земельной собственности на запорожской территоріи, который не успѣлъ развиться лишь за недостаткомъ времени. Выше было сказано, что зимовники передвигались съ мѣста на мѣсто, по мѣрѣ того, какъ истощалась посѣвами земля вокругъ. Но въ описываемое время встрѣчаются такіе зимовники у богатыхъ козаковъ, особенно у старшины, которые не такъ-то легко было передвинуть *). Такой зимовникъ представлялъ собой настоящій хуторъ со множествомъ солидныхъ хозяйственныхъ построекъ, включая и мельницы—при такихъ хуторахъ производились уже и посѣвы озимыхъ хлѣбовъ,—съ обильнымъ хозяйственнымъ инвентаремъ. Конечно, если запорожское общество допускало появленіе на своей территоріи этого уже въ полномъ смыслѣ слова недвижимаго имущества, оно вынуждено было дать ему и необходимую правовую охрану; а отсюда—одинъ шагъ до признанія права частной собственности и на землю, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ фактическаго, трудового, ея захвата.

Съ такимъ же характеромъ и значеніемъ были и зимовники-пасѣки, число которыхъ было, повидимому, также не ничтожнымъ: меду и воска, несмотря на большое внутреннее потребленіе, оставалось еще и на вышній отпускъ.

Крайне любопытной чертой запорожской общественной жизни является большое значеніе, какое имѣла для нея торговля. Казалось бы, это военное общество, представлявшее собою какъ бы одинъ постоянный лагерь, съ архаи-

*) Вотъ описаніе такого зимовника на р. Орели: 3 хаты, одна изъ нихъ съ комнатами, 2 амбара съ рубленнымъ погребомъ и конюшнями, 4 двора частокольные изъ добраго рѣзаннаго дерева, досчатые; вблизи двухкольная мельница со всѣми принадлежностями. Инвентарь зимовника: 127 разнаго рода лошадей, быковъ и воловъ 240, коровъ 54, овецъ 1200, остальной скотины не считано. Хлѣбнаго запаса въ мукѣ 13 бочекъ, пшена 4 бочки, жита 2 большихъ засѣка и т. д.

ческими формами своего быта, съ низкимъ уровнемъ матеріальныхъ потребностей, съ презрѣніемъ къ сбереженію и накопленію, должно было стоять со-всѣмъ въ сторонѣ отъ интересовъ торговли, такъ тѣсно связанныхъ съ интересами мира и культуры. Но это противорѣчіе лишь кажущееся. На Запорожьѣ дѣйствительно не было той торговли, которая характеризуетъ собой общество, развитое экономически, — торговли внутренней: внутри своей территоріи запорожцы могли обходиться такими элементарными видами обмѣна, которые почти не нуждались даже въ деньгахъ. Вся торговля Запорожья — исключительно внѣшняя, и причина ея возникновенія и развитія въ естественныхъ условіяхъ, въ положеніи края. Захвативъ въ свои руки значительнѣйшую часть такой важной водной артеріи, какъ Днѣпръ, запорожцы, тѣмъ самымъ, втягивались въ торговое движеніе между Турціей и Русскимъ сѣверомъ, которое пользовалось этимъ путемъ. Турція запрещала иноземнымъ кораблямъ плавать по Черному морю, и суда съ южными товарами, турецкія, греческія, крымскія сами поднимались въ Сѣчь. Суда эти привозили вина, бакалею, восточныя ткани, деревянное масло, дорогое оружіе, а забирали частью товары русскіе и малорусскіе, желѣзо, мѣха, кожи, полотна, коровье масло, частью запорожскія — рыбу и икру. Территориальнымъ же положеніемъ Запорожья, близкимъ соседствомъ его съ соляными крымскими озерами, обуславливается то, что Запорожье сдѣлалось посредникомъ въ этой крайне важной отрасли торговли, снабжавшей солью населеніе огромнаго района. По отношенію къ соляной торговлѣ Крымъ былъ въ зависимости отъ Запорожья, которое могло не пропустить ватагъ, шедшихъ изъ русской и польской Украины за солью, черезъ свою территорію, и требовалъ отъ чумаковъ пропускныхъ билетовъ отъ Коша. Съ Кошемъ сносился онъ по всѣмъ солянымъ дѣламъ, извѣщалъ его о томъ, что соль „сдѣлавъ свое выстояніе, сѣла изобильно“, извѣщалъ о состояніи пути и т. п. Запорожцы устраивали для чумаковъ перевозки и мосты не только въ предѣлахъ своихъ владѣній, но даже и крымскихъ, давали проводниковъ и военный конвой отъ ногайцевъ. Однимъ словомъ, соляная торговля вся шла при дѣятельномъ участіи Запорожья.

Но запорожцы не ограничивались торговымъ посредничествомъ. Богатая естественная производительность ихъ дикаго края направляла ихъ энергію на то, чтобы пускать часть добытаго въ торговый обмѣнъ. На первомъ планѣ стояла рыба. Скупщики изъ Малороссіи и Польши, турки, греки, армяне — сами пріѣзжали къ нимъ за рыбою. Но благодаря обилію соли, запорожцы могли заготовить ее въ прокъ, и соленую рыбу, икру, рыбій жиръ сами отвозили въ Очаковъ или развозили по ярмаркамъ русской и польской Украины. Кромѣ рыбы, отводили они на ярмарки скотъ, въ особенности лошадей, такъ какъ лошади запорожскихъ степей пользовались доброю славою, особенно въ Польшѣ; шли также изъ Запорожья на Украину овечья шерсть и смушки. Обратно изъ Малороссіи на Запорожье везли, прежде всего, водку, затѣмъ хлѣбъ и вообще съѣстные припасы, рыболовныя сѣти и нить для неводовъ, табакъ, полотна и простыя сукна: все это двигалось или по тѣмъ же извѣчнымъ шляхамъ чумацкими валками (обозами), или спускались по Днѣпру до

пороговъ, черезъ которые уже переводили суда и плоты искусные запорожскіе лопмана.

Несмотря на относительно обширные размѣры запорожской торговли, она, повидимому, до послѣдняго момента существованія Сѣчи сохраняла по своимъ приѣмамъ очень упрощенный характеръ. Такой вполне достовѣрный свидѣтель, какъ академикъ Зуевъ, говоритъ по этому поводу: „Когда надобно бывало запорожцамъ мѣнять рыбу на нужныя для пищи вещи, то они о цѣнѣ никогда не договаривались, а надобно вино, мука, крупа или другой какой хлѣбъ, то дать бочку рыбы и за то получаетъ равную того либо другого съѣстного запаса“. Съ какими ограниченіями надо принимать это свидѣтельство—вопросъ темный; а что надо принимать его съ ограниченіями, видно изъ того, что на Запорожьѣ имѣла обращеніе русская монета, причемъ вытекали торговые затрудненія изъ ея недостатка, такъ какъ русское правительство умышленно затрудняло вывозъ на Запорожье серебра и золота. Но если свидѣтельство Зуева примѣнить лишь къ торговлѣ внутренней, все-таки оно переноситъ наше воображеніе во времена, очень далекія отъ современнаго экономическаго строя и понятій. Кромѣ самой Сѣчи, другимъ торговымъ средоточіемъ на запорожской территоріи былъ Никитинъ перевозъ (Никополь), гдѣ переправлялись черезъ Днѣпръ всѣ правобережные чумаки.

Торговое посредничество и непосредственное участіе во внѣшней торговлѣ оставляло въ рукахъ запорожцевъ много цѣнностей, денежныхъ и иныхъ. Но обычай поддерживалъ низкій уровень матеріальныхъ потребностей и полное равенство. Пища была въ высшей степени проста, и не только въ куреняхъ, но и зимовникахъ, гдѣ господарь-козакъ жлъ вмѣстѣ съ своими работниками; презрѣніе къ изысканной одеждѣ, какъ уже было сказано выше, входило въ жизненный идеалъ запорожца. Хорошее, дорогое оружіе составляло главный, если не единственный видъ роскоши, какой позволялъ себѣ богатый запорожецъ.

Тотъ излишекъ, который оставался въ рукахъ запорожца за приобрѣтеніемъ цѣннаго оружія и промысловыхъ орудій, шелъ, какъ уже было сказано, на кутежи, въ которыхъ принимали участіе всѣ окружающіе, и на религіозныя надобности. Если все-таки была потребность копить, оставалось только зарывать деньги въ землю: отсюда, можетъ-быть, многочисленныя, до сихъ поръ обращающіяся въ малорусскомъ народѣ преданія о запорожскихъ кладахъ. Послѣдніе годы передъ паденіемъ Сѣчи замѣчается какъ бы нѣкоторый поворотъ: старшина начинаетъ обнаруживать, благодаря постояннымъ сношеніямъ съ Петербургомъ и вообще русскими, наклонность къ большей изысканности въ образѣ жизни и обстановкѣ: все это, конечно, въ связи съ зарожденіемъ частной собственности и расширеніемъ земледѣльческихъ хозяйствъ. При такомъ полу-коммунальномъ хозяйствѣ, какое велось на Запорожьѣ, общее богатство народа не можетъ не быть связано съ богатствомъ войскового скарба общественной казны. Въ самомъ дѣлѣ, доходы скарба въ эту эпоху, видимо, болѣе чѣмъ достаточны. Царское жалованье, которое продолжало выдаваться на Запорожье въ видѣ денегъ, свинца и пороха, муки и крупы по разсчету наличнаго количества козаковъ, теперь уже не составляетъ предмета такихъ

постоянныхъ заботъ и просьбъ, какъ это было раньше, въ эпоху предыдущую. Сѣчь получала теперь значительный доходъ отъ многочисленныхъ шинковъ, оставляя за собой, какъ регалію, право продажи напитковъ: но, кажется, не чувствовала себя въ зависимости и отъ этого источника, такъ какъ всѣми силами старалась не распространять, а уменьшать число шинковъ. Важный источникъ дохода составляли сборы съ мостовъ, перевозовъ и конвоированія торговыхъ людей. Наконецъ, все растущее осѣдлое населеніе Сѣчи, т.-е. подданные или посполство, вмѣстѣ съ женатыми запорожцами уплачивали въ войсковой скарбъ подъемную подать въ размѣрѣ 1 р.—1 р. 50 к. отъ хаты; судебные штрафы, конечно, также составляли доходъ казны. Часть добычи отъ звѣроловства и рыболовства тоже шла, повидимому, на содержаніе старшины. Нельзя упускать и того, что каждый козакъ давалъ присягу, что все, добытое имъ на войнѣ, онъ предоставитъ въ курень для общаго раздѣла на войсковое товариство.

Такое перечисленіе, конечно, даетъ намъ лишь самое незначительное понятіе объ общественномъ хозяйствѣ Запорожья, тѣмъ болѣе, что о расходахъ мы знаемъ еще меньше, чѣмъ о доходахъ. Главнымъ расходомъ было, конечно, самое содержаніе войска, затѣмъ устройство мостовъ и перевозовъ, наконецъ, оборона границъ отъ нападенія со стороны степныхъ хищниковъ.

И въ этотъ послѣдній періодъ существованія Запорожья оборона отъ степи все-таки составляла самую насущную задачу жизни, главную повинность запорожскаго козачества. Степь въ данное время представляла собой ногайскія орды *) съ ихъ дикими нравами и беззащитнымъ хищничествомъ, которое дѣлало невозможнымъ мирную соседскую жизнь съ ними. Почти до послѣдняго момента своей жизни Запорожье организовало сторожу, устраивало посты и объѣзды, бекеты (пикеты) и редуты съ „фигурами“ изъ смоляныхъ бочекъ, которыя зажигались въ случаѣ опасности, передавая такимъ образомъ вѣсть о ней по всей линіи.

Значеніе ногайцевъ опиралось, конечно, лишь на силу крымскаго ханства которое, въ свою очередь, черпало ее изъ могущества Порты. Война 1736—9 гг. съ взятіемъ Очакова, съ блестящими, хотя слишкомъ дорогими и безплодными по результатамъ побѣдами Миниха, показала наглядно, какого страшнаго противника имѣетъ теперь Турецкая имперія въ Русскомъ государствѣ: запорожцы, только-что перешедшіе, къ началу кампаніи, въ русское подданство и еще не успѣвшіе устроиться, какъ слѣдуетъ, сильно пострадали отъ этой войны, въ которой принимали самое дѣятельное участіе, сохранивъ лишь половину своего товариства да и ту „голодную, босую и голую“. Въ слѣдующемъ большомъ столкновеніи Россіи съ Турціей, которое имѣло мѣсто тридцать лѣтъ спустя **) и окончилось знаменитымъ миромъ въ Кучукъ-Кайнарджи, Русское государство обнаружило такое развитіе внѣшнихъ и внутреннихъ силъ, что

*) Въ это время ногайцы раздѣлялись на три орды: Едисанская кочевала въ нынѣшнемъ Одесскомъ у.; двѣ другія—Едичкульская и Джамбуйлукская—кочевали по степямъ лѣвобережья, доходя почти до границъ Полтавской и Харьковской губ. Общая ихъ численность не превышала 50—60000.

**) Первая Екатерининская Турецкая война 1768—74 гг.

Турція оказалась для нея очень слабымъ противникомъ. Высокая Порта вынуждена была, между прочимъ, признать независимость Крымскаго ханства и тѣмъ передать его подъ русское вліяніе. Ногайцы же, которые перешли, въ теченіе этой войны, въ подданство Россіи, сначала были передвинуты правительствомъ съ Задніпровья на лѣвобережье, въ сѣверную часть теперешней Таврической губ., а затѣмъ и совсѣмъ удалены, отъ сосѣдства Крыма и Запорожья, за Донъ. Этимъ было подорвано значеніе Запорожья для русскаго государства, какъ сторожевой линіи отъ степи. Но не это было ближайшей, непосредственной причиной насильственнаго уничтоженія Запорожья: этой причиной были пограничные споры.

Пограничные споры и столкновенія между Россіей и Запорожьемъ, которые тянулись почти все время существованія послѣдняго Коша запорожскаго, служили простымъ выраженіемъ того, что Запорожье съ архаическими формами его быта, покоющимися на безграничномъ земельномъ просторѣ, не могло существовать бокъ-о-бокъ съ Русскимъ государствомъ, которое быстро развивало свою культуру и требовало новыхъ и новыхъ земель для своего растущаго населенія. Всего нѣсколько лѣтъ спустя послѣ возвращенія Запорожья въ подданство Россіи, въ 1741 г. русское правительство отдало для поселенія возвращавшимся бѣглецамъ запорожскую территорію около устьевъ р. Тясмины и на Днѣпрѣ около устьевъ Орели,—и Кошъ, на первый разъ, снесъ это нарушеніе своихъ правъ безъ возраженій, какъ снесъ и возведеніе нѣсколькихъ русскихъ укрѣпленій со стороны польской границы. Но, лѣтъ десять спустя, съ начала пятидесятихъ годовъ, дѣло приняло угрожающій оборотъ. На территоріи Запорожья появились сербскіе выходцы съ Военной-Границы, которыхъ русское правительство приняло въ свое подданство, чтобы поселеніемъ ихъ образовать на запорожскихъ земляхъ свою собственную Военную-Границу. Одна часть ихъ расположилась на сѣверо-западныхъ степяхъ Запорожья, вдоль границъ польскихъ, съ центромъ въ крѣпости св. Елизаветы (Елизаветградъ) и образовала такъ называемую Ново-Сербію; другая часть была поселена по лѣвой сторонѣ Днѣпра, между рѣкой С. Донцомъ, Бахмутомъ и Луганью и образовала Славяно-Сербію. Въ то же время поселенные на сѣверной границѣ Запорожья отъ Малороссіи ландмилицскіе полки начали доходить своими захватами до рѣки Самары. Обхваченное на своихъ собственныхъ земляхъ цѣпью военныхъ поселеній и шанцевъ Запорожье разомъ почувствовало, что оно „убрано въ мѣшокъ“, и правительству остается лишь „завязать этотъ мѣшокъ“.

Надо было какъ-то защищаться отъ надвигающейся грозной опасности; но о защитѣ силой, конечно, не могло быть и рѣчи. Запорожье начало дѣйствовать на легальномъ пути, доказывая свои права ссылками на исторію, на документы и т. п., смазывая, конечно, тяжелый ходъ петербургскаго правосудія личными хлопотами при посредствѣ нарочныхъ депутацій, взятками и подарками вельможамъ. Оно обнаружило во всемъ этомъ не мало настойчивости, терпѣнія; такую мѣру защиты какъ усиленные хлопоты о заселеніи своихъ земель при посредствѣ слободъ и заведенія новыхъ зимовниковъ, нельзя не назвать даже мѣрой умной политической предусмотрительности. Но фактическое

положеніе было для Запорожья въ высшей степени неблагопріятно, и его шаткія права не могли устоять противъ натиска силы, обремененной въ доспѣхъ „государственной необходимости“. Въ отвѣтъ на безконечныя запорожскія жалобы и просьбы изъ Петербурга учреждались пограничныя комиссіи, не приводившія ни къ чему, назначались описанія земель, которыхъ запорожцы такъ боялись, что всѣми способами старались сами ихъ отклонить. А между тѣмъ фактическій захватъ ихъ территорій шелъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Года три-четыре спустя послѣ появленія Новой-Сербіи, новая линія поселеній, уже не сербскихъ, а своихъ выходцевъ, изъ польской Украины, Молдавіи и Великороссіи (раскольниковъ), подъ именемъ Ново-Слободскаго козачьяго полка, выдвинулась далеко за черту поселеній сербскихъ и захватила прекрасныя земли по обѣимъ сторонамъ рѣчекъ Самоткани и Домоткани, издавна занятыя запорожскими зимовниками. Наступленіе неуклонно продолжалось и по другимъ линіямъ запорожскаго пограничья. Видя, что всѣ ихъ просьбы, хлопоты, комиссіи ни къ чему не приводятъ, запорожцы, въ отчаяніи, постановили на общей войсковой радѣ 1763 г. поручить полковнику Гардовой паланки силою не допускать захватовъ. Приказъ былъ приведенъ въ исполненіе. Въ Петербургѣ это было сочтено за бунтъ. Въ видахъ водворенія благоустройства и порядка, въ слѣдующемъ же 1764 г. была учреждена Новороссійская губернія, которая обхватывала всѣ новыя поселенія на Запорожской территоріи, по одну и другую сторону Днѣпра. Централизація пограничныхъ властей и учреждений сдѣлала для Запорожья отстаиваніе „своихъ вольностей“ еще затруднительнѣе, а наступленіе на нихъ—рѣшительнѣе. Мѣстныя пограничныя власти, во главѣ которыхъ теперь стоялъ новороссійскій губернаторъ, выдвигали проектъ за проектомъ въ цѣляхъ оживленія степей и укрѣпленія южной границы государства; проекты эти предполагали запорожскія владѣнія пустыми,—о запорожскихъ же правахъ совсѣмъ умалчивали. Наступившая турецкая война ускорила конецъ. Указомъ 1770 года было повелѣно возвести, вмѣсто старой украинской, уже не нужной, новую днѣпровскую линію крѣпостей, которая должна была проходить по срединѣ территоріи Запорожья, и тотчасъ же приступлено къ постройкѣ нѣкоторыхъ изъ намѣченныхъ укрѣпленій. Запорожье видѣло, что „его вольности“ въ глазахъ русскаго правительства не существуютъ. На одинъ моментъ оживились-было надежды запорожцевъ, когда въ 1774 г. Новороссійскимъ генераль-губернаторомъ назначенъ былъ Потемкинъ: Потемкина наивные запорожцы считали своимъ, такъ какъ онъ записанъ былъ въ братчики Куцевского куреня—баловство, которое позволяли себѣ нѣкоторые русскіе вельможи, а съ ними заодно и знаменитый математикъ Эйлеръ. Но именно этотъ-то братчикъ Петемкинъ задумалъ и нанесъ Запорожью окончательный ударъ.

Въ качествѣ представителя мѣстной власти Потемкинъ видѣлъ теперь, какъ несовмѣстимы ея интересы съ существованіемъ Запорожья. Запорожская свобода мѣшала водворенію на сосѣднихъ территоріяхъ порядка, который утверждался на полицейско-крѣпостническомъ строѣ; кромѣ Новороссійской губерніи, которая напирала на запорожскія земли съ сѣвера, вновь учрежден-

ная Азовская губернія требовала такого же расширенія на счет запорожскихъ земель съ юго-востока. Потемкинъ быстро и легко перемѣнилъ фронтъ. Еще недавно онъ былъ такъ благосклоненъ къ Запорожью, что обмѣнивался съ кошевымъ самыми любезными письмами и подарками, посылалъ поклоны „товариству и всѣмъ сѣромахамъ“ своего куреня; нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ стоялъ во главѣ враговъ Запорожья. Враги эти ставили запорожцамъ въ вину все. Обвиняли ихъ въ томъ, что они не несутъ никакихъ податей и службы государству, хотя дѣло было послѣ турецкой войны, когда, по общему признанію даже и тѣхъ же враговъ, сѣчевики „оказали отличные опыты мужества и храбрости“; обвиняли въ томъ, что, „одичавъ въ своихъ ущельяхъ и порогахъ, они пріобыкли къ праздности, холостой и безпечной жизни и сдѣлали себѣ изъ нея законъ“, чѣмъ подаютъ соблазнительный и вредный примѣръ остальнымъ сосѣднимъ русскимъ гражданамъ; обвиняли, наоборотъ, и въ томъ, что они заводятъ у себя хлѣбопашество и „тѣмъ расторгаютъ самое основаніе зависимости отъ престола, помышляя, конечно, составить изъ себя посреди отечества область, совершенно независимую, подъ собственнымъ своимъ неистовымъ управленіемъ“ *). Вообще, мотивировка запорожскихъ преступленій можетъ служить прекрасной иллюстраціей къ извѣстной крыловской баснѣ. Русскому государству существованіе Запорожья, съ одной стороны, было не нужно, съ другой стороны, очень неудобно, и оно видѣло себя вынужденнымъ его уничтожить—вотъ и все.

Еще послѣдняя запорожская депутація была въ Петербургѣ, тѣсняясь въ приемныхъ вельможъ и толкаясь по канцеляріямъ, какъ Потемкину данъ былъ высочайшій указъ занять Сѣчь и Запорожье, занять, по возможности, безъ насилія и кровопролитія. Потемкинъ поручилъ это дѣло Текелію. Корпусъ Текелія, разбитый на пять отрядовъ, разомъ вступилъ на запорожскую територію съ разныхъ сторонъ: одинъ изъ этихъ отрядовъ, подъ личнымъ предводительствомъ Текелія, 5 июня 1775 года занялъ самую Сѣчь. Все это было сдѣлано такъ внезапно, такъ неожиданно для запорожцевъ, что дѣйствительно обошлось безъ всякаго кровопролитія. Сѣчевая крѣпость, со всѣми ея сооружениями и постройками, уничтожена; кошевой **) и писарь отправлены въ Петербургъ, остальная старшина арестована; имущество конфисковано; запорожцамъ предложено на выборъ возвращаться ли на родину, у кого она была, или селиться въ Новороссійской губерніи въ качествѣ людей свободнаго сословія, городского или сельскаго, или наконецъ, записываться въ цикинеры. Но добрая половина запорожскаго козачества предпочла сама себѣ устроить

*) Подлинныя выраженія манифеста, обнародованнаго Екатериной по поводу уничтоженія Сѣчи.

**) Запорожская войсковая старшина осуждена была на пожизненное тюремное заключеніе: кошевой Калынишевскій въ Соловецкій монастырь, гдѣ онъ и умеръ въ 1803 году, оставшись тамъ добровольно послѣ освобожденія, которое послѣдовало за два года до смерти, писарь Глоба умеръ въ сибирскомъ Туруханскомъ монастырѣ въ 1790 г., а судья Головатый—въ 1796 г. въ Тобольскомъ Знаменскомъ („Кіевская Старина“, 1882 г., № 8 и 1887 г., № 6).

выходъ изъ этого положенія. Воспользовавшись оплошностью русскаго начальства, обманутаго смиреннымъ видомъ запорожцевъ, они въ одну ночь, на заранѣе подготовленныхъ челнахъ, уплыли внизъ по Днѣпру въ турецкіе предѣлы.

Запорожское наслѣдство было подѣлено между русскими вельможами: территорію обѣихъ Сѣчей, въ количествѣ ста тысячъ десятинъ, получилъ кн. Вяземскій, столько же кн. Прозоровскій; когда выдѣлены были крупные куски лучшихъ земель вліятельнѣйшимъ, остальное раздавалось порціями отъ 1500 до 12000 десятинъ направо и налево всѣмъ желающимъ.

Была и еще одна причина, которая ускорила паденіе Запорожя, впрочемъ, и само-по-себѣ совершенно неизбѣжное: это вмѣшательство запорожцевъ въ волненія южнорусскаго народа правобережной, т.-е. польской, Украины, роль, какую играло Запорожье въ такъ называемомъ гайдамачествѣ.

Послѣ того какъ, съ началомъ XVIII в., правобережье окончательно вошло въ составъ Польскаго государства, и затихло здѣсь смятеніе, сопровождавшее Сѣверную войну, Украина еще разъ переживаетъ то, что переживала послѣ Люблинской уніи—усиленную польскую колонизацію. Но характеръ колонизаціи былъ теперь иной. Потомки старой украинской шляхты, выброшенные изъ своей родины и раскиданные по всему лицу Польской земли, шли теперь назадъ, на Украину, чтобы возстановить свои утраченные права—шли съ смѣшанными чувствами страха и ненависти; скудное и, слѣдовательно, безсильное населеніе встрѣчало ихъ съ чувствомъ глубокой, хотя и затаенной злобы. Нелегко было шляхтѣ разыскивать свои вотчины на территоріи, изборужденной пронесшимися надъ ней соціальными бурями, не оставившими, во многихъ случаяхъ, даже слѣдовъ отъ существовавшихъ поселеній. Но зато разъ шляхтичъ былъ возстановленъ въ своихъ вотчинныхъ правахъ, онъ пріобрѣталъ въ людяхъ, живущихъ на его земляхъ, подданныхъ, находящихся въ его неограниченной власти: иныхъ отношеній не признавало польское право, принесенное теперь опять на Украину шляхтой. Вся бѣда въ томъ, что людей этихъ было слишкомъ мало: многія владѣльческія территоріи стояли совсѣмъ пустынными, какъ показываютъ дошедшія до насъ люстраціи. Надо было, во что бы то ни стало, добывать „живой реманентъ“ (инвентарь). Магнатамъ, располагавшимъ большими средствами, это было не трудно: они привлекали себѣ подданныхъ изъ другихъ частей Польши и даже изъ-за границы. Остальной шляхтѣ приходилось зазывать населеніе на „слободы“. Давались очень длинные сроки свободы отъ всякихъ обязательствъ, отъ 15 до 30 лѣтъ, дальше на юго-востокъ, въ Кіевщинѣ, даже и еще болѣе долгіе. Практиковались разнообразныя способы и приемы для заманиванія населенія и переманиванія его отъ сосѣдей; около этого дѣла, какъ около выгоднаго „гешефта“, нагнѣвали себѣ руки люди, падкіе на наживу, особенно евреи; владѣльцы устраивали охоты и облавы на бѣлаго хлопа. Какъ-ни-какъ, а правобережная Украина заселялась; истекали и сроки свободы: къ половинѣ столѣтія изжиты были и самыя длинныя изъ нихъ. Обремененію подданнаго теперь былъ одинъ предѣлъ—страхъ передъ тѣмъ, что онъ сбѣжитъ за границу, въ дикую вольную степь,

запорожскую или татарскую. Чѣмъ дальше отъ границы, тѣмъ положеніе хлопа становилось тяжелѣе, достигая чуть не крайнихъ предѣловъ физически выносімаго: напримѣръ, въ Подольскомъ воеводствѣ, въ половинѣ столѣтія, повинности хлоповъ, по дошедшимъ до насъ статистическимъ свѣдѣніямъ, въ переводѣ на рабочіе дни превосходили въ среднемъ сто годовыхъ дней, иногда достигали двухсотъ и даже выше. На Волини положеніе хлопа, конечно, было еще хуже, въ Кіевщинѣ и Брацлавщинѣ нѣсколько лучше. Между паномъ и хлопомъ по-старому стояли евреи, которые путемъ откупа извѣстныхъ доходовъ, на первомъ планѣ питейнаго, затѣмъ мытнаго и иныхъ, съ свойственной имъ ловкостью выжимали изъ посполитаго все, что оставалось невыжатого прямымъ обложеніемъ въ пользу пана. Положеніе народа, по сравненію съ эпохой до Хмельницкаго, еще крайне ухудшалось тѣмъ обстоятельствомъ, что украинское панство сплошь сдѣлалось польскимъ и католическимъ; старый православный дворянинъ теперь уже былъ соціальной невозможностью, нелѣпостью. Такимъ образомъ, южнорусскій языкъ сдѣлался „хлопской мовою“, православіе „хлопскою вірою“; тѣмъ самымъ украинскій народъ погружался на дно соціальной пропасти, безъ выхода и просвѣта.

Украина представляла собой въ описываемую эпоху совокупность нѣсколькихъ самодержавныхъ магнатскихъ государствъ, въ промежуткахъ между которыми были разсѣяны владѣнія простой шляхты. Между мѣстными магнатами на первомъ планѣ стояли Потоцкіе и Чарторыжскіе, за ними шли Любомірскіе, Ржевусскіе и Яблоновскіе: на огромныхъ пространствахъ ихъ владѣній, разбитыхъ на „ключи“, также находила себѣ пріютъ масса шляхты, „пріятели“, „резиденты“ и „слуги“ панскаго двора, официалисты, исполнявшіе при магнатѣ и его огромномъ хозяйствѣ разнообразныя обязанности, наконецъ „державцы“ (какъ бы арендаторы) простые или заставные, внесшіи свой капиталъ въ магнатскую кассу подѣ земельное обезпеченіе и, вообще, всякаго рода „интересанты“. Окруживъ себя этой шляхтой, составлявшей политическую силу, обставивъ себя роскошью и церемоніаломъ двора, магнатъ, въ своемъ укрѣпленномъ замкѣ, среди рабски зависимаго населенія, чувствовалъ себя владѣтельнымъ государемъ. Для полноты престижа ему необходимо было еще войско, и онъ непремѣнно устраивалъ себѣ это войско. Въ качествѣ пѣхоты, служившей гарнизономъ для замковъ и иныхъ укрѣпленій, привлекалось относительно небольшое число нѣмцевъ или поляковъ; конница же, болѣе необходимая и потому болѣе численная, набиралась изъ мѣстнаго украинскаго населенія. Извѣстное число податныхъ домовъ должно было поставлять для панскаго двора одного человѣка какъ бы на козацкую службу: человѣкъ этотъ освобождался отъ всѣхъ податныхъ обязательствъ, получалъ отъ двора обмундировку, содержаніе и даже жалованье. Такимъ образомъ, получались надворные козацкіе отряды, которые были въ высшей степени полезны панамъ своимъ умѣньемъ догонять и разыскивать въ полѣ непріятеля—будь то татаринъ или свой братъ, вольный добычникъ. Обезпеченность, съ нѣкоторымъ ореоломъ привилегированности, среди безвыходно тяжелаго положенія остальной массы, и даже отдаленная приманка шляхетства, которымъ, случалось, одарялись выдающіяся

по заслугамъ личности за свою службу,—все это гарантировало до извѣстной степени преданность такого надворнаго козака своему пану. И козаки эти обнаруживали преданность ровно до того момента, пока не захватывалъ ихъ взрывъ народнаго возбужденія, смѣшивая съ массой въ общемъ чувствъ ненависти и злобы. Такой моментъ повторялся въ теченіе XVIII в. два раза.

Однако, эти моменты были лишь обостреніемъ того длительного явленія, которое, подъ именемъ гайдамачества, держало подъ своимъ гнетомъ жизнь края въ теченіе всего столѣтія. Лишь только наступала весна, какъ на территоріи правобережной Украины все не-русское и не-православное ея население приходило въ тревогу: укрывали цѣнное имущество и сами уходили подъ защиту замковъ съ ихъ гарнизонами или, по крайней мѣрѣ, прятались на ночь въ степи, поодиоцкѣ, скрываясь другъ отъ друга изъ опасенія, чтобы другой, даже и близкій не выдалъ гайдамакамъ въ случаѣ пытки. А по краю разсѣивались гайдамаки небольшими отрядами и при полномъ сочувствіи и помощи мѣстнаго хлопскаго населенія съ успѣхомъ овладѣвали селами и панскими усадьбами, убивали людей, жгли и грабили шляхетское и еврейское добро; въ особенности привлекали гайдамаковъ католическіе костелы съ чудотворными иконами, и ни одна изъ этихъ святынь не избѣжала гайдамацкаго нападенія. Въ иные годы, когда гайдамаковъ было особенно много, они организовали нападенія по образцу татарскихъ набѣговъ; пробирались въ такихъ случаяхъ вглубь края, пользуясь приемами описанной выше татарской тактики, и, если надо было овладѣть какимъ-нибудь однимъ, болѣе важнымъ, пунктомъ, соединялись около этого пункта въ большой „загонъ“. Такое организованное предпріятіе имѣло непременно во главѣ своей какого-нибудь опытнаго ватажка, который „закладывалъ кошъ“ въ недоступномъ для польскаго войска мѣстѣ, напримѣръ, въ Черномъ Лѣсѣ *) или въ запорожской степи.

Вообще можно сказать съ увѣренностью, что, еслибъ Украина не имѣла подъ бокомъ политически самостоятельнаго Запорожья съ его дикой степью и воинственными обитателями, выдѣлявшими изъ себя умѣлыхъ и опытныхъ организаторовъ гайдамацкихъ предпріятій, конечно, гайдамачество не приняло бы такихъ размѣровъ. Но несправедливо было приписывать его сознательному содѣйствію и руководительству запорожской общины и ея властей, какъ это дѣлало русское правительство по инсинуаціямъ поляковъ. Наоборотъ, кошевые власти, имѣя извѣстную политическую опытность и пониманіе, старались изъ всѣхъ силъ препятствовать организаціи гайдамацкихъ купъ на запорожской территоріи. Но онѣ не могли бороться съ темными инстинктами рядового товариства, воспитанными исторической традиціей,—инстинктами, которые влекли запорожца, съ одной стороны, къ положенію вольнаго добычника, съ другой, направляли энергію этого добычника противъ тѣхъ элементовъ, отъ которыхъ такъ страдала народная украинская масса. Съ этимъ ничего нельзя было подѣлать, и запорожское козачество постоянно выдвигало изъ своей среды гайдамацкихъ ватажковъ.

*) Черный Лѣсъ — сѣверная, возвышенная, часть нынѣшняго Александрійскаго уѣзда Херсонской губ., покрытая въ то время лѣсомъ.

На этомъ общемъ фонѣ гайдамачества, которое сдѣлалось хронической болѣзнью правобережной Украины, выдѣляются отдѣльные моменты, когда движеніе принимало характеръ народнаго возстанія, бунта,—всегда при какихъ-нибудь политическихъ осложненіяхъ и непременно съ увѣренностью въ сочувствіи и помощи Россіи.

Въ 1734 г. русскія войска вступили въ Украину, чтобы поддержать вновь избраннаго короля Августа III противъ его соперника Станислава Лещинскаго; отъ русскихъ вышелъ приказъ надворнымъ козакамъ дѣйствовать противъ шляхетской партіи Лещинскаго. Народъ истолковалъ это обращеніе къ козакамъ въ такомъ смыслѣ: „дана воля грабить жидовъ и убивать ляховъ“. Всѣ три украинскихъ воеводства разомъ поднялись. Начались обычные сцены убійствъ и грабежей шляхетскихъ и еврейскихъ домовъ, костеловъ и вообще католическихъ святынь, впрочемъ, не сопровождавшіяся особенными жестокостями. Между тѣмъ украинская шляхта отказалась дальше поддерживать Лещинскаго и признала королемъ Августа III; тогда русскія войска принялись усмирять возстаніе. Началась повсемѣстная расправа съ мятежниками; впрочемъ, шляхта сдерживалась въ своей мстительности страхомъ лишиться „живаго реманента“, на пріобрѣтеніе котораго было потрачено столько усилий.

Волненія 1768 г., или коливщина, со своимъ центральнымъ пунктомъ въ Уманской рѣзнѣ, была значительно меньше по размѣру захваченной имъ территоріи, но гораздо интенсивнѣе по своимъ проявленіямъ. Коливщина захватила лишь Кіевское и Брацлавское воеводства, не коснувшись Волыни и Подолья.

Русскія войска теперь опять были на Украинѣ на помощь королю Понятовскому противъ барскихъ конфедератовъ. Съ появленіемъ ихъ тотчасъ же разнесся слухъ, что русская царица хочетъ освободить украинскихъ хлоповъ, и что, слѣдовательно, надо рѣзать поляковъ и евреевъ. Подготавливалось это движеніе и организовалось въ монастыряхъ и скитахъ, разбросанныхъ по берегу и островамъ Днѣпра, по монастырскимъ хуторамъ и мельницамъ въ лѣсахъ Кіевщины. Участіе православнаго духовенства и въ особенности игумена Мотренинскаго монастыря Мельхисидека Значко-Яворскаго—вѣроятно, преувеличенное поляками—является отраженіемъ высшей политики, взволнованной диссидентскимъ вопросомъ. Но едва ли участіе Мельхисидека или другихъ лицъ православнаго духовенства могло дойти до поддѣлки „Золотой грамоты“, или манифеста Екатерины, однимъ словомъ какого-то документа, который несомнѣнно былъ въ рукахъ у вожаковъ возстанія.

Возстаніе вспыхнуло и распространилось съ необычайной быстротой. Появился ничтожный гайдамацкій отрядъ и напалъ сначала на Жаботинъ, затѣмъ Смѣлу, дальше Лысянку. Съ каждымъ днемъ, если не часомъ, онъ росъ, все увеличивался въ числѣ, такъ что, когда онъ подошелъ къ Умани, въ немъ было уже до двадцати тысячъ; а въ то же время мелкіе загоны рассыпались по Украинѣ, на сѣверъ до Кіевского Полѣсся, на югъ до Дашева, Кальника, Балты, и встрѣчали сопротивленіе лишь въ надворной, нѣмецкой или польской, пѣхотѣ: надворные козаки почти всѣ перешли на сторону поднимающагося народа. Шлята и евреи, кто не успѣлъ убѣжать, спрятались

въ Умани, большомъ торговомъ и укрѣпленномъ городѣ Потоцкихъ. Во главѣ подступавшаго къ Умани гайдамацкаго войска стоялъ запорожець Желѣзнякъ. Защита Умани лежала на сильномъ надворномъ козацкомъ отрядѣ, начальникомъ котораго былъ сотникъ Гонта, выдвинувшійся своими заслугами и милостями своихъ патроновъ въ шляхетское положеніе. Переходъ Гонты съ козаками на сторону мятежниковъ рѣшилъ судьбу Умани и массы укрывавшихся въ ней шляхты и евреевъ. Ужасы Уманской рѣзни, подробно описанные разными лицами и въ прозѣ и въ стихахъ, переносятъ насъ во времени Хмельничины въ самыхъ рѣзкихъ ея проявленіяхъ. Укрощеніе возстанія опять выпало на долю русскаго войска, съ генераломъ Кречетниковымъ во главѣ. Региментарь польскихъ войскъ Браницкій и его помощникъ коронный обозный Стемповскій взяли на себя болѣе легкое дѣло—судей и вершителей правосудія, призванныхъ „гасить украинскій пламень въ хлопской крови“. Деревня Сербы, недалеко отъ Могилева, гдѣ вершилъ правосудіе Браницкій и въ особенности Кодня, около Житомира, гдѣ заправлялъ Стемповскій, были свидѣтелями такой безпримѣрной и бессмысленной мести, выступавшей подъ вывѣской правосудія, что нѣсколько слѣдующихъ поколѣній украинскаго народа повторяло какъ проклятіе: „бодай тебе не мынула святая Кодня“! Надо сказать къ чести польскаго имени, что значительнѣйшіе изъ украинскихъ магнатовъ, на первомъ планѣ самъ „королекъ Руси“, Салезій Потоцкій, наиболѣе пострадавшій матеріально, отнеслись съ большимъ порицаніемъ къ дѣйствіямъ Стемповскаго.

Хлопскіе бунты 1789 г. были, повидимому, лишь выдумкой шляхты, политической уткой, выпущенной для того лишь, чтобы замутить воду. По краю пошли слухи о томъ, что всюду ходятъ „филипоны“ (раскольники), подстрекающіе хлоповъ къ бунту отъ имени русскаго правительства, и что готовится новая колѣивщина. Заурядное убійство одного шляхтича съ семьей приняло размѣры потрясающаго событія, преддверія новой Уманской рѣзни. Украинская шляхта была обхвачена тревогой; учреждены были военные суды, наготовлены висѣлицы, но бунтовъ не было. Ихъ не было бы, если даже допустить и полную готовность украинской массы повторить 68 годъ: некому было взять на себя организацію, такъ какъ Запорожье уже не существовало.

Явленіе, совершенно аналогичное украинскому гайдамачеству, встрѣчается и въ другой области, заселенной южнорусскимъ народомъ.

Выше при изложеніи событій эпохи Хмельницкаго, было сказано, что движеніе народной украинской массы отозвалось и на Галицкой Руси, особенно на такъ называемомъ Покутьѣ. На томъ же Покутьѣ, населенномъ украинскими горцами или гуцулами, встрѣчаемся мы, въ теченіе XVIII вѣка, съ мѣстными гайдамаками, которые носятъ здѣсь названіе опришковъ.

Гнетъ польскаго права, налегшій на Галицкую Русь съ XV вѣка, совершенно придавилъ народную массу; только горцы, сохранившіе, благодаря своему положенію, остатокъ бывшей свободы, сохранили, вмѣстѣ съ тѣмъ, склонность и способность къ протесту противъ своихъ притѣснителей. Кромѣ естественныхъ территоріальныхъ условій края съ его неприступными горами и непроходимыми лѣсами, куда можно было укрываться отъ властей, благоприят-

ствовало населенію и его пограничное положеніе между Венгріей и Волоциной (Молдавіей): преслѣдователи не имѣли права переходить границъ, за которыя свободно ускользали преслѣдуемые. Вообще гуцулы, энергичные и смѣлые, искони вѣковъ привыкшіе обращаться съ оружіемъ,—въ видахъ легкой наживы на счетъ своихъ притѣснителей,—охотно примыкали къ предпримчивымъ людямъ, „ватагамъ“, которые брали на себя организацію партій, дѣйствовавшихъ не только у себя дома, но и по сосѣднимъ территориямъ и даже за границей, въ Молдавіи и Венгрии. Выработались такія понятія и нравы, что каждый гуцулъ считалъ чуть-что не своей обязанностью побывать въ опришкахъ, хотя бы въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Въ основѣ организаціи опришковъ лежалъ тотъ же принципъ козацкаго братства. Получившіе особую извѣстность „ватаги“ до сихъ поръ воспѣваются карпатскими горцами въ ихъ думахъ и пѣсняхъ. Польша съ ея дезорганизаціей не могла никакъ справиться съ этимъ явленіемъ; только раздѣлъ ея, присоединившій Галицію къ Австріи, положилъ ему конецъ.

Главные источники. Соловьевъ, „Исторія Россіи“; Бантышъ-Каменскій, „Исторія Малой Россіи“; Маркевичъ, „Исторія Малороссіи“; „Южно-русскія лѣтописи: Велички, Грабянки, Симановскаго“; Скальковскій: „Исторія Новой-Сѣчи“ (изд. 2-ое), „Наѣзды гайдамакъ на зап. Украину“; Эварницкій: „Исторія запорож. козаковъ“, „Сборникъ матеріал. для исторіи зап. козакъ“; Головацкій, Я., „Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси“; Записки Чернигов. губ. Стат. комитета, 1866 г., кн. 1-я, ст. Лазаревскаго, „Малороссійскіе посполит. кр—е“; Лазаревскій: „Очерки, замѣтки и документы“, 3 выпуска, „Описаніе старой Малороссіи“: 1) „Полкъ Стародубскій“, 2) „Полкъ Нѣжинскій“, „Отчетъ комитета по присужденію премій, учрежденныхъ Харьк. Зем. Банкомъ въ память имп. Александра II; рецензіи А. М. Лазаревскаго на работы Д. Миллера“; Миллеръ, Д., „Очерки исторіи и юридич. быта старой Малороссіи“: 1) „Суды земскіе, городскіе и подкоморскіе“, 2) „Превращеніе козацкой старшины въ дворянство“; „Бесѣды про часи козацкы на Україні“; Антоновичъ, „Исслѣд. о крестьянахъ въ юго-западной Россіи“, „Исслѣд. о гайдамачествѣ“; Мякотинъ, „Прикрѣпленіе крестьянства лѣвобережной Малороссіи“ („Русское Богатство“, 1893 г., № 2—4); Замѣчанія до Малой Россіи принадлежація“; „Наказы малор. депутатамъ 1767 г.“; „Теличенко: „Сословныя нужды и желанія малороссіянъ“, „Очеркъ кодификаціи малор. права“; „Кіевская Старина“; „Основа“; Кулишъ, „Записки о Южной Руси“, ч. 2: „Записки Тенлова“; Костомаровъ, „Павель Полуботокъ“; Радакова, „Канальныя работы“; „Дневникъ Маркевича“, „Діаріюшъ Ханенка“, „Опись имущества Полуботка“; Авсіенко, „Малороссія въ 1761 г.“; Dr. Antoni J., „Opowiadania“, „Обозрѣніе Румянцевской описи“ (Лазаревскаго и Константиновича); „Архивъ юго-зап. Россіи: Акты о гайдамачествѣ“; „Сулимовскій Архивъ“.

Глава восьмая.

Украина Россійская и Австрійская въ XIX вѣкѣ.

Козачество есть несомнѣнно самое характерное явленіе южнорусской исторіи: въ немъ, какъ въ фокусѣ, отразились всѣ положительныя и отрицательныя стороны малорусской народности; съ нимъ связанъ былъ расцвѣтъ политической жизни; имъ питалось по преимуществу поэтическое творчество украинскаго народа.

Предоставленная самой себѣ, малорусская жизнь снова и снова принимала формы козацкой организаціи. Разогнанные и разбѣжавшіеся запорожцы осѣли въ видѣ козаковъ черноморскихъ, или кубанскихъ, задунайскихъ, азовскихъ. Массовыя переселенія, тянувшіяся черезъ XVII вѣкъ изъ Украины на востокъ, въ предѣлы Московскаго государства, дали существованіе обширной Слободской Украинѣ, которая оказалась заселенной опять-таки козаками, получившими названіе слободскихъ.

Слободская Украина занимала собою всю Харьковскую и части Курской и Воронежской губерній. Она раскинулась по татарскимъ „шляхамъ“, по „перевозамъ и перелазамъ“, которыми пробирались татары въ своихъ хищническихъ набѣгахъ и походахъ на Московское государство черезъ „дикое поле“, отдѣлявшее Татарію отъ Московіи и закрывшее собою слѣды какой-то древней культуры.

Къ тому времени, какъ направилась сюда малорусская колонизація, Московское государство уже успѣло захватить эту территорію и организовать на ней цѣлую систему сторожей и станицъ, а для прикрытія сторожей и станичниковъ выдвинуло въ степь городки: Бѣлгородъ былъ центральнымъ пунктомъ для всей этой великорусской степной окраины.

Первый крупный опытъ массового переселенія черкасъ—какъ обыкновенно называли въ тѣ времена московскіе люди малоруссовъ—относится къ тому тяжелому для Украины времени, когда послѣ смерти Сагайдачнаго рядъ неудачныхъ козацкихъ возстаній, слѣдовавшихъ одно за другимъ, убѣдилъ украинцевъ, что они напрасно губятъ себя въ непосильной борьбѣ съ Польскимъ государствомъ. Въ 1630 г. въ Бѣлгородѣ появились, съ семьями и иму-

ществомъ, черкасы съ гетманомъ Яцкомъ Острениномъ во главѣ и просили у государя разрѣшенія поселиться и устроить городъ на Чугуевомъ городищѣ: ихъ было въ общей сложности около тысячи человѣкъ. Однако, этотъ первый опытъ не удался. Воеводское ли управленіе не понравилось малороссамъ, или, можетъ-быть, были подстрекательства со стороны Польши, только чугуевскіе черкасы, спустя три года послѣ своего появленія, убили гетмана Остренина и убѣжали назадъ. Выстроенный ими и заброшенный Чугуевскій городъ былъ заселенъ московскими служилыми людьми и сдѣлался опорнымъ пунктомъ новой линіи станицъ и сторожъ, замѣнявшихся постепенно городами.

Новыя массовыя переселенія связаны уже съ эпохой Хмельницкаго и слѣдовавшей за ней руины. Всѣ судорожныя движенія, потрясавшія несчастный организмъ польской Украины, давали отложенія на пустынномъ привольѣ вновь возникающей Украины Слободской. Уже первая крупная неудача украинско-польской борьбы въ битвѣ подъ Берестечкомъ дала первое значительное и организованное передвиженіе населенія съ полковникомъ и старшиной во главѣ на берега Тихой Сосны, гдѣ явившіеся черкасы устроили, по указанію московскаго правительства, г. Острогжскъ и образовали первый изъ слободскихъ полковъ Острогжскій; одновременно появляется и г. Сумы, около котораго, „на дикомъ шляховомъ полѣ“, поселились черкасы, составившіе новый полкъ. Эта же первая переселенческая волна дала начало и инымъ населеннымъ мѣстамъ, въ томъ числѣ Харьковъ и Ахтыркѣ, которые тоже приобрѣли значеніе центральныхъ пунктовъ для двухъ новыхъ полковъ. Новое усиленное движеніе можно отнести къ гетманству безталаннаго Юрія Хмельницкаго. И, наконецъ, третій подъемъ колонизаціонной волны совпадаетъ съ той эпохой, когда патріотизмъ ли, или честолюбіе Дорошенки вызвали къ вмѣшательству Магомета IV, и правобережная Украина, въ виду предстоящаго ей турецкаго подданства, почти совсѣмъ запустѣла. Къ этому времени относится заселеніе южной части Слободской Украины, территорія ея пятого полка Изюмскаго.

Послѣднее массовое переселеніе малороссовъ въ предѣлы Слободской Украины, пополнившее собою уже занятую территорію, относится къ 1711 г., когда русское правительство окончательно отказалось отъ своихъ притязаній на правобережье въ пользу Польши, которая теперь снова водворяла на залитой кровью украинской почвѣ свое господство и право.

Итакъ, запустѣвшая правобережная Украина въ короткій промежутокъ отъ 1652 по 1711 годъ дала существованіе цѣлому краю, выросшему на пустынномъ просторѣ „дикаго поля“. Украина лѣвобережная, по мѣрѣ роста своего населенія и ухудшенія жизненныхъ условій для массы, также давала сюда своихъ выходцевъ, такъ что правительство въ XVIII в. сочло необходимымъ даже вмѣшаться въ это дѣло и запретить переселенія. Среди массы малорусскаго населенія Слободской Украины было вкраплено, особенно по окраинамъ и въ Чугуевскомъ уѣздѣ, а также по городамъ, населеніе великорусское, по преимуществу изъ служилыхъ людей, позднѣйшихъ однодворцевъ.

Малороссы шли сюда не только съ женами и дѣтьми, со скотомъ и другимъ имуществомъ, но и со своимъ собственнымъ жизненнымъ укладомъ. Мо-

сковское правительство не мѣшало имъ устраиваться „по ихъ черкасскимъ обычаямъ“, иначе говоря, предоставляло имъ полное самоуправленіе: внимательство воеводъ мы наблюдаемъ лишь въ томъ, что они руководили постройкою городскихъ укрѣпленій. И не мудрено: государству было слишкомъ выгодно имѣть такой непроницаемый оплотъ отъ татарскаго хищничества, какъ сплошное черкасское населеніе. Даже то, что вновь заселенная территорія получила названіе Украины Слободской, уже показываетъ, какъ широко переселенцы пользовались льготами.

Легко предположить, что населеніе, вышедшее сюда главной массой изъ правобережья съ его крайней необезпеченностью жизни, чувствовало себя хорошо въ новыхъ условіяхъ. Край былъ богатъ всѣмъ, что цѣнилъ, въ силу своихъ исторически сложившихся привычекъ, украинскій человѣкъ: тучнымъ черноземомъ, лѣсомъ, текучей водой; татарскіе набѣги уже начали терять свою прежнюю интенсивность; къ тому же хозяйственная заботливость московскаго правительства, которое возводило на угрожаемомъ пограничьи валы и рвы съ укрѣпленіями, облегчала защиту.

Этимъ можно объяснить, почему смуты въ сосѣднихъ областяхъ, т.-е. въ лѣвобережной Украинѣ и на Дону, слабо отзывались въ Украинѣ Слободской: сохранились лишь извѣстія о нѣкоторыхъ волненіяхъ во время бунта Брюховецкаго. Правительство не разъ давало жалованныя грамоты слободскимъ полкамъ, какъ выраженіе своего благоволенія за соблюдаемую ими вѣрность. Но такое положеніе не могло быть устойчивымъ: между стремленіями Русскаго государства, особенно со временъ Петра I, и тенденціями козацкаго общественнаго строя было слишкомъ много внутренняго антагонизма.

Правда, самоуправленіе слободскихъ полковъ не имѣло того вида политической самостоятельности, какой гетманская власть придавала общественному строю лѣвобережья. Не имѣя надъ собой не только собственнаго гетмана, но и генеральной старшины, слободскіе полки находились сначала въ вѣдѣніи Разряда, потомъ спеціальнаго Приказа, далѣе Бѣлгородскаго разряда, позднѣйшей Бѣлгородской губернской канцеляріи, въ военномъ же отношеніи подчинялись Бѣлгородскому воеводѣ. Но, тѣмъ не менѣе, внутри полковъ слободскимъ козакамъ предоставлялось жить „по ихъ черкасскимъ неотъемленнымъ отъ нихъ обычнымъ вольностямъ“. Весь извѣстный намъ строй козацкой общности перенесенъ былъ сюда во всѣхъ своихъ подробностяхъ, не подвергаясь никакимъ ограниченіямъ: даже и въ судныхъ дѣлахъ, какъ и во всѣхъ иныхъ, имъ предоставлено было „исправу чинить въ правду по старымъ своимъ козацкимъ обыкновеніямъ“. На ряду съ этими правовыми стояли и самыя широкія льготы экономическаго характера: слобожанамъ разрѣшено было „всякими промыслами ихъ промыслять и товары торговать“ (включая и важную отрасль торговли торской, т.-е. славянской, и бахмутской солью), безпошлинно „угодьями владѣть и вино курить и шинковать безоброчно“, въ особенности же „заимки занимать“ и „заводить пасѣки и всякіе грунты“. Все это разсматривалось какъ государево жалованье за козацкую службу: извѣстная часть козаковъ должна была служить конно, а „доставные помогать въ службѣ по ихъ обыкновенію“.

Повидимому, до-петровское государство не касалось—по крайней мѣрѣ, не касалось прямо— козацких порядковъ; но ихъ не могло обойти безпощадное строительство Петра. Петръ могъ производить самые крутые перевороты, какъ бы даже не замѣчая того, что онъ дѣлаетъ, и не стѣсняясь притомъ выражать увѣренность, что онъ свято хранить старыя права и вольности.

Прежде всего онъ обложилъ-было рублевымъ окладомъ козацкихъ подпомощниковъ, т.-е. тѣхъ козаковъ, которые служили не лично, а матеріальной помощью козакамъ выборнымъ. Потомъ онъ отмѣнилъ этотъ сборъ, но зато декретировалъ цѣлый рядъ крутыхъ мѣръ: установилъ опредѣленное число выборныхъ козаковъ для каждого полка, для всѣхъ пяти полковъ 3500 чел.; ограничилъ право выбора полковниковъ, которые должны были утверждаться, а въ случаѣ неутвержденія и прямо назначаться государемъ, причемъ налагались ограниченія и на выборы прочей полковой старшины, а также сотниковъ; приказалъ судебныя дѣла уголовного характера перевести въ распоряженіе Бѣлгородской и Воронежской губернскихъ канцелярій. Легко представить себѣ, какой крупный ущербъ нанесъ Петръ козацкому самоуправленію, которое уже затѣмъ, и при болѣе благоприятныхъ условіяхъ, не могло возвратиться къ старой нормѣ. Къ тому же не мало пострадала Слободская Украина при Петрѣ и въ экономическомъ отношеніи: азовскіе походы, нашествіе Карла XII съ расквартированіемъ русскихъ войскъ, обязательное участіе въ походахъ на сѣверъ съ ихъ тягостной и непривычной обстановкой—все это составило переломъ въ жизни слободскаго козачества. Съ этихъ поръ исторія Украины Слободской идетъ рука-объ-руку съ исторіей Украины лѣвобережной къ одному общему исходу, съ тѣми же временными ослабленіями въ энергіи движенія, съ тѣми же легкими уклоненіями отъ его прямолинейности.

Царствованіе Анны Іоанновны было для Слободской Украины такъ же тяжело, какъ и для лѣвобережной. Вмѣстѣ съ малорусскими козаками гибли и слободскіе на усиленныхъ работахъ по устройству Украинской линіи между Днѣпромъ и Донцомъ; одинаково участвовали въ походахъ въ Польшу, въ Крымъ, подъ Очаковъ. Но все это отходило на задній планъ передъ тѣмъ ударомъ, какой нанесенъ былъ Слободской Украинѣ такъ называемой реформой Шаховскаго.

Въ 1732 г. была произведена перепись слободскихъ полковъ; одновременно въ г. Сумахъ водворился кн. Шаховской и образовалъ здѣсь „Комиссію Учрежденія Слободскихъ полковъ“ при участіи гвардейскихъ штабъ-офицеровъ; козацкая старшина призывалась въ Комиссію лишь въ затруднительныхъ случаяхъ въ качествѣ экспертовъ. Официально обнародованной цѣлью Комиссіи было „охранять вѣрныхъ подданныхъ отъ непорядковъ и всѣ происшедшіе непорядки исправить“; но, конечно, больше вѣса лежало въ краткой оговоркѣ указа на счетъ того, чтобы „и Нашъ (т.-е. государственный) высокій интересъ опущенъ не былъ“: въ преслѣдованіи государственнаго интереса на счетъ всяческихъ „правъ и вольностей“ Анна шла по слѣдамъ своего дяди.

Реформа, произведенная Шаховскимъ и его Комиссіей, не ограничивала козацкаго самоуправленія и не упраздняла его, а дробила данную обществен-

ную форму, представлявшую извѣстную законность, въ куски и изъ получившагося мусора стремилась вылѣпить нѣчто по образу и подобію разрушеннаго, но приспособленное къ инымъ, внѣ стоящимъ, цѣлямъ.

Главное управленіе краемъ принадлежало теперь канцеляріи Комиссіи Учрежденія Слободскихъ полковъ. Она должна была вводить новый порядокъ, быть высшей судебной инстанціей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, состоять органомъ финансоваго управленія: населеніе было обложено поголовной податью въ размѣрѣ 21 коп. съ души мужскаго пола. Выборные козаки всѣхъ пяти полковъ составили одинъ полкъ драгунскій, который состоялъ подъ управленіемъ русскихъ офицеровъ. Остальные козаки и подпомощники, не вошедшіе въ драгунскій полкъ и не назначенные для его будущаго укомплектованія, а также всѣ козацкіе подсуфды и захребетники, были раздѣлены на дворы по 50 душъ въ каждомъ, и на каждый такой „присяжный“ дворъ была положена одна порція и двѣ раціи, что составляла въ переводѣ на деньги около 9½ рублей. Эти дворы раздавались вмѣсто жалованья русскимъ офицерамъ и козацкой старшиной, приравненной къ нимъ чинами: конечно, члены этихъ дворовъ должны были состоять „въ подданствѣ“ у своего начальства „и всякія работы по примѣру крестьянъ нести“, т.-е. неожиданно-негаданно попадали въ крѣпостную зависимость. Во главѣ каждого полка стояла теперь полковая канцелярія, въ которой засѣдала полковая старшина; канцеляріи эти имѣли значеніе по преимуществу судебныхъ мѣстъ, но должны были судить не по козацкимъ обыкlostямъ, а лишь по Уложенію и указамъ. Старинное право черкасъ на вольную заимку земель и угодій было уничтожено. Вотъ въ общихъ чертахъ реформа князя Шаховскаго, которая все перевернула въ козацкомъ строѣ Слободской Украины. Недовольство было общее и крайнее. Слобожане кидали насиженные мѣста и бѣжали за Донъ и куда глаза глядятъ; вслѣдъ имъ летѣли строгіе указы о сыскѣ и возвращеніи. Канцелярія Комиссіи подняла дѣло о государственномъ преступленіи, содержаніемъ котораго было разглашеніе о раскассированіи драгунскаго полка; къ дѣлу этому Комиссія привлекла козацкую старшину и обывателей со всѣхъ концовъ края. Разслѣдованіе, слѣжившее для канцеляріи чувствительнымъ источникомъ доходовъ, было прекращено только Елизаветой.

Императрица эта и на малороссовъ слободскихъ распространила то расположеніе, выраженіями котораго она осыпала малороссовъ лѣвобережныхъ. Она уничтожила нововведеніе князя Шаховскаго и возвратила полкамъ ихъ прежнее устройство. Но сила вещей брала свое, и прежнее оказывалось все-таки не совсѣмъ прежнимъ. Подушная подать, которою было обложено населеніе, не была отмѣнена, а шла на содержаніе русскихъ войскъ, расквартированныхъ въ край, и, конечно, это не было единственнымъ ограниченіемъ козацкихъ правъ и вольностей, какое оставила послѣ себя произведенная ломка.

Въ концѣ царствованія Елизаветы былъ устроенъ изъ козацкихъ подпомощниковъ гусарскій полкъ, и на содержаніе его населеніе было обложено новою податью. Затѣмъ, кромѣ участія въ военныхъ походахъ и охраны украинской линіи, на обязанность слободскихъ полковъ возложено было прикрытіе

вновь формирующей Славяносербіи. Командировки для этого прикрытія, сами по себѣ не особенно затруднительныя, приобрѣли чрезвычайно тягостный характеръ въ силу отношенія сербскихъ офицеровъ къ слободскимъ козакамъ: пользуясь превосходствомъ силъ, сербы захватывали козаковъ и распоряжались какъ своими батраками для всякаго рода черныхъ работъ.

Однако, всѣмъ этимъ въ совокупности еще не объясняется то недовольство и жалобы на „народныя изнеможенія“, которыя слышались въ Слободской Украинѣ конца царствованія Елизаветы. Чтобы правильно понять ихъ, надо имѣть въ виду тотъ процессъ внутренняго, социальнаго, разложенія, который происходилъ здѣсь совершенно аналогично тому, какъ онъ происходилъ въ Украинѣ лѣвобережной. Болѣе тѣсная зависимость отъ государства и близость съ населеніемъ великорусскимъ, всюду въ обиліи вкрапленнымъ среди малороссовъ, способствовали тому, что разложеніе козацкаго общества на привилегированныхъ и не-привилегированныхъ и обращеніе послѣднихъ въ крѣпостную зависимость отъ первыхъ совершалось здѣсь быстрѣе, легче, такъ сказать незамѣтнѣе, чѣмъ въ Малороссіи. Однако, дѣло не могло обойтись безъ недовольства, глухого броженія, протеста, который, случалось, принималъ и активныя формы. Но, какъ бы то ни было, къ тому времени, какъ выступила со своею реформаторскою дѣятельностью Екатерина, почва оказалась и здѣсь уже вполне подготовленной.

Екатерина приступила къ реформѣ слободскихъ полковъ въ духѣ общерусскихъ государственныхъ учрежденій почти сейчасъ же по вступленіи своемъ на престолъ: эта реформа послужила для нея какъ бы подготовкой къ аналогичной, лишь болѣе широкой, болѣе трудной, реформѣ Гетманщины. Уже въ 1765 г. подготовительныя работы были закончены, и на свѣтъ явилась Слободско-украинская губернія, включавшая всѣ пять полковъ, обращенныхъ въ провинціи, съ губернскимъ городомъ Харьковомъ во главѣ. Центральнымъ органомъ для управленія губерніей была губернская канцелярія, для провинцій—провинціальныя канцеляріи. Введеніе новыхъ порядковъ поручено было Щербинину, хорошо знакомому со Слободской Украиной и ея строемъ: онъ обнаружилъ въ порученномъ ему трудномъ дѣлѣ много осторожности и осмотрительности, но, конечно, нельзя было произвести незамѣтно такую рѣшительную ломку. Выборные козаки обратились въ регулярное войско, въ гусары, всѣ остальные члены козацкаго сословія, т.-е. подпомощники и подсосѣдки, переходили въ податное состояніе подъ именемъ войсковыхъ обывателей. Отъ всѣхъ старыхъ козацкихъ правъ и вольностей осталось одно только право винокуренія, которымъ продолжали съ извѣстнымъ ограниченіемъ пользоваться слобожане; право словеснаго суда по мѣстнымъ обычаямъ ограничено было только мелкими тяжбыными дѣлами. Податное населеніе было обложено 95 коп. съ души съ тѣхъ, кто пользовался правомъ винокуренія, и 85 коп. безъ этого права: впрочемъ, населенію предоставлялось самому раскладывать эту подать не по душамъ, а по имуществу—способъ, болѣе соответствовавшій мѣстнымъ понятіямъ и привычкамъ.

Какъ ни мягко проводились реформы, какъ ни отвыкло слободское насе-

леніе смотрѣть на себя какъ на „иноземцевъ“ по отношенію къ русскому государству—взглядъ, который еще высказывался въ началѣ XVIII в.,—но оппозиція чувствовалась всюду. Ко вновь испеченнымъ гусарамъ остальное населеніе относилось какъ къ чему-то совсѣмъ чуждому и даже враждебному; взысканіе податей возбуждало не только неудовольствія и недоразумѣнія, но случалось, и настоящія волненія, которыя приходилось усмирять вмѣшательствомъ военной силы; мѣстная козацкая старшина не только не кидалась на предлагаемые ей чины—какъ это дѣлала позже умудренная опытомъ старшина лѣвобережная,—но выказывала къ нимъ равнодушіе, если не пренебреженіе. Среди этой же, слободской, старшины проявились нѣкоторые слабые слѣды и сознательной оппозиціи вводимымъ порядкамъ; о ней свидѣлствуетъ дѣло изюмскаго полковника Краснокутскаго. Краснокутскій проживалъ по своимъ дѣламъ въ Петербургѣ и, зная о замышлявшихся реформахъ, посылалъ письма на родину, убѣждая старшину горячо, „съ употребленіемъ слезъ“, „пріять бодрость и смѣлость“ и выслать депутатовъ хлопотать о томъ, чтобы все было по-старому, на основаніи старыхъ правъ; буде же не вышлютъ, то „пушай Богъ выщеть слезы бѣднаго народа на нашихъ; ибо старшиновать умѣли, а при худомъ случаѣ и перстомъ двинуть не хотятъ“. Письма эти получили нѣкоторое распространеніе въ Слободской Украинѣ, читались, переписывались, излагались въ „иныхъ терминахъ“ и циркулировали по мѣстнымъ канцеляріямъ и ратушамъ Харьковскаго и Изюмскаго полковъ въ качествѣ документа „для народнаго объявленія“. Дѣло дошло до Харькова и здѣсь получило свое официальное опредѣленіе подъ названіемъ „разгласительныхъ и вымышленныхъ къ народному возмущенію писемъ“. Краснокутскій, вслѣдствіе своей старости, былъ, милостиво, лишенъ чиновъ и сосланъ въ Казань; другія лица, обличенныя въ распространеніи писемъ, подверглись публичному наказанію плетями и палками. Итакъ слободское козачество перестало существовать еще раньше запорожскаго и лѣвобережнаго.

Послѣ разоренія Сѣчи часть запорожцевъ, какъ сказано выше, сбѣжала въ Турцію, часть разбрелась и осѣла среди украинскаго населенія, остальные обратились въ пикинеровъ: пикинерскіе полки набирались изъ охочихъ людей для охраны образовавшейся съ 1764 г. Новороссійской губерніи, въ составъ которой вошла, кромѣ поселеній Новой Сербіи и земель украинской линіи, еще и порядочная часть Гетманщины, ея сотни по Орели, Ворсклѣ и частью Днѣпру. Но разсѣявшіеся запорожцы оставили послѣ себя пустое мѣсто, появленіе котораго давало себя чувствовать. Южная граница Русскаго государства сдѣлалась еще болѣе открытой, слѣдовательно, болѣе доступной нападенію, менѣе защищенной; „греческій прожектъ“ Потемкина крайне нуждался для своего осуществленія въ такой боевой силѣ, какъ уничтоженное козачество. И вотъ не успѣли запорожцы приспособиться къ новымъ условіямъ жизни, какъ ихъ снова начали скликать въ козацкое войско: русское правительство задумало возстановить козачество, конечно, теперь уже лишенное политическихъ правъ.

Запорожцы, убѣжавшіе въ Турцію, не отзывались на амнистію и не вернулись, но оставшіеся въ русскихъ предѣлахъ охотно откликнулись на призывъ

своихъ бывшихъ старшинъ Бѣлаго, Головатаго, Чепѣги, которымъ Потемкинъ поручилъ новую организацію. Въ 1787 г. изданъ былъ именной указъ, которымъ возрождалось запорожское козачество подъ именемъ „вѣрныхъ“ или „черноморскихъ“ козаковъ: тотчасъ же по своему возстановленіи казаки, раздѣленные на конныхъ, сухопутныхъ, и пѣшихъ, морскихъ, оказали важныя услуги Русскому государству въ войнѣ съ Турціей. Они рассчитывали получить для поселенія, согласно сдѣланному имъ обѣщанію, вновь отвоеванную Очаковскую область и уже расположились—было селеніями и хуторами [они заняли опустѣвшія села выселившихся молдаванъ] по низовьямъ и рыболовнымъ лиманамъ Днѣстра и Буга, на Тилигулѣ, Березани въ сосѣдствѣ съ такъ называемыми бужскими козаками *): немногочисленное бужское козачество было сбродъ людей разныхъ національностей, поселенный за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ по правому берегу Буга, на территоріи Вознесенска, для защиты пограничной линіи. Но правительство не сочло возможнымъ оставить здѣсь черноморцевъ по причинѣ ли политическихъ соображеній, или просто подъ давленіемъ такого факта, что на ихъ богатая земля были притязанія со стороны вліятельныхъ людей.

Уже въ 1788 году „вѣрные“ казаки были поражены вѣстью, что правительство желаетъ ихъ выселить на Таманскій полуостровъ. Конечно, они могли рассчитывать, что ихъ не стѣснятъ одной Фанагоріей, а позволятъ пользоваться и „окрестностями оной“, т.-е. всѣмъ прикубанскимъ краемъ, только-что отошедшимъ къ Россіи вмѣстѣ съ Крымомъ,—на эти еще неизвѣстныя, дикія и опасныя, мѣста у нихъ не могло быть пока конкурентовъ,—но все-таки переселеніе представлялось крайне тягостнымъ. Пришлось кидать мѣста близко знакомыя, почти родныя, съ устроенной уже осѣдлостью и хозяйствомъ, для того, чтобы на-ново обживать пустыню съ нездоровымъ климатомъ, съ опаснымъ сосѣдствомъ, которое готово было слѣдить изъ-за Кубани за каждымъ шагомъ пришельцевъ, видя въ нихъ опасныхъ и непримиримыхъ враговъ. Но ни о какомъ сопротивленіи не могло быть и рѣчи: въ 1792—94 гг. черноморцы переселились на отведенныя имъ мѣста и заняли, кромѣ приморской территоріи, также и прикубанскій край до сліянія Кубани съ Лабой. Мѣстность была удобная для поселенія—съ старой запорожской точки зрѣнія: здѣсь были въ изобиліи и богатая рыболовная угодья, и соляные промыслы, и лѣсъ, и степныя равнины. Но все-таки козакамъ пришлось сильно бѣдствовать первые годы. Однако, благодаря тому, что они сейчасъ же примѣнили къ своему общественному устройству принципы самоуправленія въ той ихъ традиціонной формѣ, какая была выработана запорожскимъ товариществомъ, они кое-какъ справились съ трудностями. Войсковой судья Головатый, отправленный во главѣ депутаціи въ Петербургъ хлопотать о правахъ переселяемыхъ козаковъ, какъ-то сумѣлъ отстоять козацкую автономію въ нѣкоторыхъ существенныхъ ея пунктахъ. Впрочемъ, можетъ-быть, государство на первое время и не хотѣло наклады-

*) Они образовали здѣсь три паланки: Кинбурнскую, Поддѣстринскую и Березанскую.

вать свою властную руку на внутреннее устройство козаковъ, обезпечивъ себѣ лишь верховный надзоръ: слишкомъ важно было, чтобы они были довольны новымъ мѣстомъ и приспособились къ своей новой обязанности пограничной сторожи отъ закубанскихъ горцевъ—натухайцевъ, шапсуговъ, абасеговъ и пр. Основанія, на какихъ держалось общественное устройство кубанскихъ козаковъ первое время ихъ существованія, изложены въ одномъ документѣ 1794 г., который называется: „Порядокъ общественной пользы“. Войсковое правитель-ство, по этому документу, состояло изъ кошевого атамана, войсковыхъ судей и писаря, которые выбирались на войсковой радѣ, но утверждались изъ Петербурга. Это войсковое правительство и было государственнымъ органомъ для верховнаго управленія войскомъ. Кубанское войско дѣлилось такъ же, какъ и запорожское, на сорокъ куреней, даже съ тѣми же старыми запорожскими на-званіями, и каждому куреню принадлежало широкое право самоуправленія. Сорокъ куреней имѣли свои центральные пункты въ войсковомъ кошѣ, т.-е. въ городѣ Екатеринодарѣ; но екатеринодарскіе курени служили лишь „ради собранія войска и прибѣжища бездомовныхъ козаковъ“. Козаки семейные жили въ „куренныхъ селеніяхъ“, „гдѣ какому куреню по жребію принадлежать бу-детъ“. Такой же порядокъ былъ и въ Запорожской Сѣчи, по крайней мѣрѣ, въ послѣдній періодъ ея существованія, съ той разницей, что „бездомовные“ имѣли тамъ преобладаніе надъ домовными, между тѣмъ какъ въ Кубанскомъ войскѣ было обратное. Курень избиралъ ежегодно куренного атамана, кото-рому вмѣстѣ съ товариствомъ принадлежала не только административная, но въ извѣстныхъ предѣлахъ и судебная власть надъ козаками своего куреня. Въ видахъ охраны порядка и безопасности, кубанская территорія дѣлилась, какъ и запорожская, на пять округовъ или паланокъ, управлявшихся своимъ окружнымъ начальствомъ, которое состояло изъ полковника, писаря, есаула и хорунжаго: лица эти ежегодно назначались войсковымъ правительствомъ.

Изъ всего этого видно, что кубанское войско воспроизводило, конечно, въ стѣсненномъ и урѣзанномъ видѣ, схему общественнаго строя, выработан-наго Запорожьемъ.

Отчасти продолжался преданіемъ и духъ старыхъ общественныхъ отно-шеній: почти до половины XIX в. кубанское козачество жило и управлялось обычаемъ, по крайней мѣрѣ, внутри куренного товариства. Но простота за-порожскаго строя не могла удержаться въ кубанскомъ войскѣ: несмѣняемая войсковая старшина тотчасъ же дала привилегированный отстой, и такимъ образомъ дворянство зародилось вмѣстѣ съ возникновеніемъ войска. Жизнь новаго общества сразу попала въ такія противорѣчія, которыя неизбежно должны были обратить козацкій общественный строй въ мертвую форму. Од-нако, и эта мертвая форма все-таки препятствовала развитію на Кубани крѣ-постного права, и малорусскіе крѣпаки бѣжали сюда и находили гостепрім-ный пріютъ, несмотря на указы и иныя запретительныя распоряженія цен-тральной власти. Кубанцамъ слишкомъ нужны были люди: ихъ всего пришло на Кубань, полноправныхъ козаковъ, съ небольшимъ двадцать тысячъ, распо-ложившихся на пространствѣ около 30000 кв. в. Эти малыя силы истощались

въ постоянныхъ стычкахъ съ закубанскими горцами, въ походахъ, куда ихъ требовало правительство, особенно во время войны съ Персіей и Турціей, истощались до такой степени, что вся нелегкая борьба съ природой, дѣятельность хозяйственная, сбрасывалась на руки женщинъ, дѣтей и стариковъ. Правительство само признавало всю тягость ихъ положенія и, противодействуя бѣгству крестьянъ на Кубань, покровительствовало переселенію малорусскихъ и слободскихъ козаковъ: по его собственной инициативѣ произведено было въ 1808 и 20 гг. два крупныхъ переселенія изъ Полтавской и Черниговской губ., давшихъ кубанскому войску около пятидесяти тысячъ козаковъ съ семействами: для переселенія выбирались предпочтительно тѣ семейства, гдѣ было болѣе незамужнихъ женщинъ, такъ какъ Черноморье страдало отъ несоотвѣтствія числа мужчинъ съ числомъ женщинъ.

Вся короткая внутренняя исторія кубанскаго козакаго войска, которая представляетъ періодъ времени не больше пятидесяти лѣтъ *), есть исторія ограничительныхъ мѣръ по отношенію къ козацкому самоуправленію. Ограниченія начались съ царствованія Павла, послѣ того какъ въ войскѣ открылся мятежъ: бунтовщики хотѣли, отчасти путемъ насильственныхъ дѣйствій по отношенію къ мѣстному своему начальству, отчасти путемъ обращенія къ верховной власти, добиться полного возстановленія запорожскихъ порядковъ. Съ тѣхъ поръ кошевые атаманы уже не были выборными, а прямо назначались Петербургомъ; за мятежъ Павелъ лишилъ кубанцевъ названія „вѣрныхъ“, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, велѣлъ вывести изъ употребленія нѣкоторыя старыя названія лицъ и учреждений, связывавшія черноморское войско съ Запорожской Сѣчью: уничтожилъ званія войсковыхъ судей и писаря, а „войсковое правительство“ обратилъ въ „войсковую канцелярію“, къ которой придалъ „особу“ по назначенію отъ правительства; войско раздѣлилъ въ военномъ отношеніи на 20 полковъ. Александръ I отмѣнилъ нѣкоторыя изъ распоряженій своего отца; но дѣленіе на полки осталось. Оно легло въ основаніе дальнѣйшихъ измѣненій и сдѣлалось для кубанскаго войска какъ бы исторической зарубкой: „до полковъ“, „послѣ полковъ“—двѣ эпохи короткой исторіи кубанскаго козачества. Главнѣйшее ограниченіе, истекавшее отъ правительства Александра I, было подчиненіе кубанцевъ администраціи Таврической губерніи.

Однако, какъ ни были значительны эти ограниченія, они почти не затрагивали той основной общественной клѣтки, какую представлялъ собою курень. Окончательныя преобразованія, которыя не обошли и этой основной клѣтки, имѣли мѣсто лишь при императорѣ Николаѣ I. Въ это царствованіе былъ опредѣленно выдвинутъ принципъ, что „для блага имперіи, сохраняющей цѣлость и могущественное величіе свое подъ благотворною сѣнью самодержавія, не должны быть терпимы въ оной отдѣльныя самостоятельныя части или федеральныя соединенія провинцій на особыхъ правахъ“. Возможное объединеніе Кубанскаго войска съ имперіей создано было положеніемъ 1842 года,

*) Отъ 1792—4 гг., т.-е. переселенія черноморцевъ на Кубань, до 1842 г., до изданія „Положенія о Черноморскомъ войскѣ“.

гдѣ вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ новыхъ учреждений, сближавшимъ войсковое управление съ общерусскимъ строемъ, былъ и курень преобразованъ въ станицу, отличавшуюся отъ общерусской волости лишь своимъ всесловнымъ характеромъ.

Также пятьдесятъ лѣтъ существовала и Сѣчь-Задунайская, другой еще болѣе прямой отпрыскъ стараго Запорожья, ближе и поимѣ сохранившій старыя традиціи, чѣмъ Черноморье.

Итакъ, часть запорожцевъ, послѣ разоренія Сѣчи, „посідала на лодочки, та и махнула за Дунай“, полагая, что „добре буде запорожцамъ и підъ туркомъ жити“; есть основаніе думать, что переселеніе совершилось не сразу, какъ описываютъ народныя пѣсни и преданія, а въ нѣсколько пріемовъ. Но потому ли, что турецкое правительство не обнаружило достаточно гостепріимства или просто потому, что всѣ удобныя, по запорожскимъ привычкамъ, мѣста для поселенія по устьямъ Дуная уже были заняты некрасовцами *)—только запорожцы не задерживаются въ Турціи, а въ 1785—8 гг. переселяются въ предѣлы Австріи. Правительство Іосифа II отвело имъ землю на такъ называемой Военной границѣ, устроенной для защиты отъ нападений со стороны Турціи въ Банатѣ и комитатѣ Бачкомъ, при впаденіи въ Дунай Тиссы. Но, повидимому, козаки не могли приспособиться къ австрійскому режиму, и скоро мы ихъ видимъ снова въ турецкихъ предѣлахъ. Они селятся на Дунаѣ въ Сейменахъ, между Силистріей и Гирсовой; отсюда они должны были ходить для рыбныхъ промысловъ на гирла Дуная, по преимуществу на Килійское, и къ морю. Естественно, что они не могли считать Сеймены желаннымъ пунктомъ для прочной осѣлости и потому даже не устраивали здѣсь настоящей Сѣчи. Они стремились къ дельтѣ Дуная, которая уже была давно захвачена и до извѣстной степени культивирована некрасовцами или липованами. Индифферентизмъ турецкаго правительства манилъ козаковъ возможностью управиться съ липованами собственными силами, и они воспользовались этою возможностью. Въ 1812—15 гг. открылась между запорожцами и некрасовцами настоящая война со всѣми ужасами ожесточеннаго взаимнаго истребленія. Козаки были сильнѣе. Сначала они утвердились въ Катирлезѣ, рыболовномъ становищѣ въ углу при впаденіи Георгіевскаго гирла Дуная въ Черное море, и предполагали-было даже устроить здѣсь Сѣчь. Но пунктъ этотъ, какъ и вся вообще дунайская дельта, былъ лишенъ удобной, въ сельскохозяйственномъ смыслѣ, земли, и запорожцы съ завистью смотрѣли на главный населенный пунктъ липованъ при Дунавцѣ, соединявшемъ Георгіевское гирло съ Разинскимъ лиманомъ. Мѣстность с. Дунавца представляла, съ запорожской точки зрѣнія, огромныя преимущества: очень удобная въ промысловомъ отношеніи, она имѣетъ достаточно земли не только для поселенія, но и для хозяйства. Отнять или не отнять у некрасовцевъ Дунавецъ значило для запорожцевъ жить или не жить на устьяхъ Дуная. Но такъ же дѣло стояло и для самихъ некрасовцевъ; и вотъ, когда запорожцы, послѣ двухъ лѣтъ ожесточенной борьбы, овладѣли-таки Дунавцемъ,

*) Раскольниками, вышедшими съ Дона.

ихъ враги совсѣмъ покинули Дунай и выселились въ Малую Азію. Такимъ образомъ, козаки остались полными господами Дунайской дельты.

Дунавецъ, или Большіе Дунавцы, и есть именно настоящее мѣсто Задунайской Сѣчи. Никакихъ укрѣпленій, кромѣ невысокаго вала и сухого рва, въ Сѣчи этой не было, но отдѣленная плетнемъ паланка для кошевого, церковь и сорокъ куреней все-таки воспроизводили внѣшній обликъ днѣпровской Сѣчи. Въ куреняхъ жили неженатые козаки, и, вообще, согласно старымъ традиціямъ, въ Сѣчь запрещенъ былъ входъ женщинамъ; козаки женатые, жившіе въ нѣсколькихъ селеніяхъ, принадлежавшихъ задунайскому товариству, назывались турецкимъ именемъ райи и въ послѣдніе дни существованія Сѣчи приобрѣли большое вліяніе на дѣла. Въ каждомъ куренѣ считалось по тысячѣ человекъ, но, можетъ-быть, эта цифра была только номинальной. Кромѣ традиціонныхъ кошевого, есаула, писаря, куренныхъ атамановъ и пр., въ Задунайской Сѣчи былъ еще драгоманъ, официальный переводчикъ, котораго Сѣчь содержала на свой счетъ: кошевой, если даже и зналъ турецкій языкъ, не имѣлъ права объясняться иначе, какъ черезъ драгомана. Выборы на общественныя должности производились также на большой радѣ, которая собиралась 1-го октября. Управление и судъ сохраняли старый запорожскій характеръ: турки не вмѣшивались во внутренній строй сѣчевого товариства. Они не только не требовали отъ козаковъ никакой подати, но выдавали хлѣбное и денежное жалованье по 300 левовъ (170 р.) и по 2000 окъ (око 3 ф.) муки на курень; въ случаѣ военного похода козакамъ выдавалось вооруженіе, которое отбиралось назадъ по минованіи надобности: но это не значитъ, чтобы козаки не имѣли права носить оружіе въ мирное время, наоборотъ, они почти всѣ и всегда были вооружены. Земля, отнятая у некрасовцевъ, также была признана владѣніемъ Сѣчи, которымъ она могла распоряжаться по своему усмотрѣнію, даже безъ платежа десятины съ земледѣлія, скотоводства и рыбныхъ ловель по Дунавцу, лиманамъ и плавнямъ вокругъ Сѣчи. Условія мѣстности, согласовавшіяся съ запорожскими привычками, выдвигали рыболовство на первый планъ въ сѣчевомъ хозяйствѣ. Но дѣлежа рыболовныхъ урочищъ—какъ на Днѣпрѣ—здѣсь не происходило: рыба ловилась сообща, главнымъ образомъ, по взморью. Каждый курень имѣлъ два-три и болѣе куренныхъ рыболовныхъ завода; отдѣльные козаки имѣли свои собственные, частные заводы. Несмѣтное обиліе всякой дичи въ Дунайской дельтѣ дѣлало изъ охоты за нею также важную страсть сѣчевого хозяйства. Продукты рыболовства и охоты находили сбытъ въ Галацѣ и Браиловѣ. Землею также всѣ козаки могли пользоваться свободно, такъ какъ количество ея далеко превосходило потребности. Земледѣліемъ занималась по преимуществу райя; собственнаго скотоводства не было, а пастбища отдавались въ аренду сосѣдямъ. Когда не было работы дома, сѣчевая голота ходила на отхожіе заработки, въ числѣ же этихъ заработковъ стояло, къ сожалѣнію, на первомъ мѣстѣ хожденіе „на добычъ“, т.-е. на грабежъ, дѣлавшее сосѣдство Сѣчи крайне тягостнымъ какъ ея русскимъ, такъ и турецкимъ сосѣдямъ. Трудно было поддерживать дисциплину въ этомъ крайне разношерстномъ обществѣ: Задунайская Сѣчь по своему территориальному по-

ложенію была удобнымъ пріютомъ для бѣглаго и бродячаго люда, не уживавшагося подъ государственнымъ режимомъ сосѣднихъ территорій, въ особенности русской. Какъ ни трудна была дорога изъ Украины на Задунайскую Сѣчь, но малорусскіе люди, тѣснимые крѣпостнымъ правомъ, все-таки ее находили: надо сказать, что задунайцы, съ своей стороны, были не прочь выводить къ себѣ родичей, а для этого подсылали на Украину эмиссаровъ, подбиравшихъ и сманивавшихъ молодцовъ, годныхъ для козацкой жизни. Разумѣется, при такихъ условіяхъ пріемъ въ Сѣчь былъ упрощенъ до послѣдней крайности. Вообще можно сказать, что хотя Задунайская Сѣчь и воспроизводила близко вышнимъ своимъ складомъ Сѣчь Запорожскую, но все-таки въ ней ясно виденъ упадокъ какъ козацкой организаціи, такъ и военного духа. Изъ бѣглаго крѣпака не вырабатывался хорошій козакъ.

Большое число русскихъ бѣглыхъ между задунайцами опредѣлило собой и окончательную судьбу задунайской Сѣчи. Ихъ тянуло назадъ на родину, и кошевой Гладкій, явившійся выразителемъ этого стремленія, повернулъ въ удобный моментъ руль управляемаго имъ маленькаго общества, чтобы вывести его на иной путь. Гладкій былъ человекъ съ умомъ и энергіей, направляемыми беззащитнымъ эгоизмомъ. Бѣглець изъ русской Украины, явившійся въ Сѣчь, онъ скрылъ отъ задунайцевъ свое прошлое, свое семейное положеніе и добился при посредствѣ райи званія кошевого. Онъ задумалъ воспользоваться властью, чтобы вернуться въ Россію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, создать себѣ положеніе. Случай представился: въ 1828 г. открылась война Россіи съ Турціей. Турки всегда пользовались военной службой козаковъ также и противъ единовѣрцевъ-русскихъ и грековъ; объявленъ былъ и теперь фирманъ, призывающій сѣчевиковъ на войну. Конечно, козакамъ, собравшимся и вооруженнымъ, нетрудно было присоединиться къ русскимъ войскамъ, готовымъ вступить на Сѣчевую территорию; но Гладкій зналъ, что дѣло не такъ просто, что значительное большинство козаковъ совсѣмъ не соблазняется этой перспективой. И онъ, не задумываясь надъ неизбежными послѣдствіями своихъ дѣйствій, отправилъ на помощь туркамъ, въ Силистрію, значительный отрядъ, куда входили, по преимуществу, казаки, не сочувствовавшіе его планамъ, а самъ, со своими сторонниками въ количествѣ пятисотъ человекъ,—подъ видомъ доставки сѣчевыхъ пожитковъ для безопасности въ Адрианополь—переправился черезъ Дунай и явился въ русскій лагерь въ Измаиль. На Гладкаго посыпались всякія блага, чины, знаки отличія, дворянское достоинство, богатство; но судьба коварно покинутыхъ имъ задунайцевъ была очень печальна. Сѣчь была уничтожена турками, войско раскассировано, много народу какъ изъ козаковъ, такъ и изъ райи, стариковъ, женщинъ, дѣтей, варварски умерщвлено; все, что не успѣло убѣжать въ Россію и уцѣлѣло отъ истребленія, разбѣжалось по Добруджѣ и разсѣялось среди мѣстнаго ея населенія.

Выведенные Гладкимъ казаки съ присоединившимися къ нимъ бѣглецами изъ разоренной Сѣчи составили Дунайское козацье войско, принимавшее дѣятельное участіе въ турецкой войнѣ. Когда окончилась война, наступилъ вопросъ о поселеніи этого люда. Дунайцы стремились къ тому, чтобы присоединиться

къ кубанскому войску, но Гладкій смотрѣлъ на это дѣло съ своей точки зрѣнія: соединеніе лишило его того исключительнаго положенія, которымъ онъ пользовался въ качествѣ атамана своего самостоятельнаго войска. Его стараніями дунайцы получаютъ для поселенія землю на западной сторонѣ Азовскаго моря между Маріуполемъ и Бердянскомъ и называются съ тѣхъ поръ войскомъ азовскимъ.

Азовцы были такъ недовольны этимъ оборотомъ дѣла, что долго не хотѣли обзаводиться прочной осѣдлостью на отведенной имъ территоріи; были даже такіе, что бѣжали назадъ въ Турцію. Въ самомъ дѣлѣ: поселеніе внутри края лишило ихъ возможности развернуть тѣ бытовые козацкія особенности, которыя оправдывались лишь окраиннымъ положеніемъ и связанной съ нимъ опасностью. Поэтому какъ только азовцы примирились со своимъ положеніемъ и осѣли прочно, они уже не обнаруживали и стремленія къ старой козацкой организаціи, тѣмъ болѣе, что въ ихъ немногочисленный составъ вошли сосѣдніе крестьяне и мѣщане. Съ присоединеніемъ переселенцевъ съ Черниговской губ. азовское войско образовало четыре станицы и одинъ посадъ Петровскій, гдѣ было войсковое управленіе съ наказнымъ атаманомъ во главѣ. Земли азовцамъ было отведено достаточно, и они обратились въ простыхъ сельскихъ обывателей и земледѣльцевъ; по обязанности свои государству они отбывали крейсеровой службой у восточныхъ береговъ Чернаго моря. Однако, мысль о переселеніи на Кубань не оставляла азовцевъ; возвращалось къ ней постоянно и само правительство. Наконецъ, переселеніе состоялось, но состоялось лишь въ началѣ 60-хъ годовъ: азовцы были переселены на Кубань между Анапою и Сухумъ-Кале, переселены не въ полномъ своемъ составѣ, а разрозненными партіями. Въ то же время объявлено было уничтоженіе азовскаго войска, и азовцы обращены въ податное состояніе.

Такъ разошлись въ общей массѣ обитателей Россійской Имперіи остатки оригинальнаго запорожскаго товариства,—разошлось козачество слободское. Но мы еще не знаемъ окончательныхъ судебъ той центральной козацкой массы, на которой сосредоточивается главный интересъ южнорусской исторіи, т.-е. козачества собственно украинскаго или лѣвобережнаго.

Реформы Екатерины II, которыя дали малорусскому обществу иной правовой строй, лишили козачество необходимыхъ условій для самостоятельнаго существованія; въ 1783 году козацкіе полки были обращены въ регулярные, т.-е. козачество дѣлалось сословіемъ казенныхъ поселянъ, изъ котораго набирались легкіе кавалерійскіе полки—карабинеры, съ 1777 г. по общимъ правиламъ рекрутскаго набора. Но жизненное явленіе, съ сильнымъ и продолжительнымъ существованіемъ, не можетъ такъ быстро и безслѣдно исчезнуть. До сихъ поръ козаки составляютъ особую группу среди сельскаго люда губерній Полтавской и Черниговской. Но теперь козачество отличается отъ крестьянства развѣ только нѣсколько болѣею культурностью и экономическою состоятельностью. Однако, прежде чѣмъ оно окончательно перешло въ свое теперешнее состояніе, оно обнаруживало еще не разъ и послѣ екатерининскихъ реформъ нѣкоторые признаки своей сословной жизненности. Главнѣйшимъ изъ

этихъ признаковъ былъ, конечно, тотъ „воинственный духъ“, на который на-
пиралъ малорусскій генераль-губернаторъ кн. Репнинъ, когда хлопоталъ о
возстановленіи козачества; затѣмъ извѣстная степень самосознанія, которая
проявилась, напр., въ 1812 г. при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Извѣстно, какихъ исключительныхъ, по своей тяжести, жертвъ потребо-
валъ отъ Русскаго государства этотъ памятный годъ. Желая поднять энергію
козацкаго населенія, чтобы имѣть военную силу въ возможно большемъ числѣ
и скорѣе, тогдашній малорусскій генераль-губернаторъ князь Лобановъ-Ростов-
скій заявилъ, что онъ выхлопочетъ у Государя не только полное освобожденіе
козаковъ отъ рекрутскихъ наборовъ, но и новое устройство, „близко похожее съ
древнимъ состояніемъ малорусскихъ воиновъ“. Обѣщаніе это вызвало такіе
результаты, какихъ, вѣроятно, не ожидало и само правительство. Козачество
быстро сформировало пятнадцать конныхъ полковъ, ставя одного воина съ
25 ревизскихъ душъ или 10 работниковъ; оно снабдило набранныхъ воиновъ
лошадьми и сбруей и доставляло имъ провіантъ и фуражъ около двухъ лѣтъ,
пополняя въ то же время убыль въ людяхъ, лошадяхъ, вещахъ. Все это предста-
вляла собой такую затрату, размѣры которой исчисляются десятками миллионовъ.

Эти жертвы оказались напрасными, такъ какъ по нераспорядительности
мѣстнаго начальства козаки даже не попали на театръ военныхъ дѣйствій;
но населеніе было разорено и долго не могло оправиться. Правительство не
сочло возможнымъ исполнить обѣщаній, данныхъ кн. Лобановымъ-Ростовскимъ.
Нѣкоторыя льготы по указу 1816 г., служившія какъ бы залогомъ дальнѣй-
шихъ преобразованій въ томъ же направленіи, черезъ нѣсколько лѣтъ были от-
мѣнены, и козачество снова возвращено на общее положеніе казенныхъ поселянъ.

Наступилъ 1830 г.—годъ польскаго возстанія—и принесъ съ собою но-
вый моментъ, благопріятный малорусскому козачеству, которое не могло забыть
„неисполненный обѣтъ правительства“. Пораженный неожиданностью и силой
возстанія, императоръ Николай I сдѣлалъ запросъ кн. Репнину, какъ мало-
русскому генераль-губернатору, на счетъ того—не обнаружитъ ли козачество
и теперь готовности на поддержку государству, какъ оно ее обнаружило въ
1812 г.? Кн. Репнинъ былъ горячій приверженецъ идеи возстановленія козацкаго
сословія. Обращеніе правительства было для него какъ нельзя болѣе кстати.
По инициативѣ Репнина менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ Полтавская и Черниговская
губерніи выставили восемь конныхъ полковъ, по тысячѣ каждый. Вмѣстѣ съ
тѣмъ, изготовленъ былъ генераль-губернаторомъ и представленъ на Высочай-
шее усмотрѣніе проектъ „объ обращеніи малорусскихъ козаковъ къ первобыт-
ному ихъ состоянію“. Но польское возстаніе было подавлено, а проектъ Реп-
нина отложенъ, какъ несоотвѣтствующій „благу имперіи, въ которой не должны
быть терпимы федеральныя соединенія провинцій на особыхъ правахъ“. Во
исполненіе обѣщаній правительства даны были козачеству нѣкоторыя времен-
ныя облегченія по отбыванію рекрутской повинности, и обнародованъ новый
„Уставъ объ управленіи малорусскими козаками“. Уставомъ этимъ козаки вы-
дѣлялись въ особую сословную группу, и для наблюденія за ея интересами
устроены главная хозяйственная и попечительныя конторы, которымъ уже

были подчинены козацьи волостныя правленія; но тотчасъ же послѣ своего обнародованія уставъ этотъ былъ подвергнутъ измѣненіямъ, которыя лишили его значенія, приданнаго кн. Репнинымъ, въ смыслъ охраны самостоятельности козацкаго сословія: съ 1834 г. козаки подчинены общегражданскому управленію.

Въ томъ же 1834 г. былъ удаленъ отъ должности генералъ-губернатора и кн. Репнинъ, навлекшій на себя, своими гуманными заботами о козакахъ и вообще о положеніи низшаго сословія, неопредѣленныя и ничѣмъ не оправдываемыя подозрѣнія въ сепаратизмъ; настоящей же причиной немилости было, конечно, неудовольствіе мѣстныхъ сильныхъ людей, между которыми на первомъ планѣ стоялъ „болѣе русскій, чѣмъ сами русскіе“ кн. Кочубей, интересы которыхъ шли въ разрѣзъ съ защищаемыми кн. Репнинымъ интересами козачества и посольства.

Если кн. Репнинъ чистокровный русскій вельможа, вполне преданный правительству, могъ быть подвергнутъ такимъ страннымъ подозрѣніямъ, то тѣмъ болѣе должны были казаться подозрительными козаки, которые своимъ усердіемъ и готовностью на жертвы доказывали свои стремленія къ старымъ правамъ и вольностямъ. По отношенію къ нимъ принята была такая мѣра. Когда козаки вернулись изъ польскаго похода, два полка ихъ отправлены были на Кавказъ, но не на Кубань, къ черноморскимъ землямъ, а на Терекъ, гдѣ издавна жили козаки великорусскіе; отправлены они были подъ предлогомъ войны съ черкесами, но оставлены на мѣстѣ и поселены тамъ по преимуществу во Владикавказскомъ округѣ. Такъ какъ у этихъ козаковъ не было семей, то приказано было набрать въ государственныхъ селеніяхъ Полтавской и Черниговской губ. пятьсотъ дѣвушекъ и отправить ихъ по этапу, чтобъ перевѣнчать съ козаками. Этотъ „дивочій наборъ“ происходилъ въ 1832—4 гг.

Очень любопытны тѣ слѣды, какіе оставило козачество въ правобережной Украинѣ среди тамошняго, т.-е. польско-украинскаго, общества. Какъ извѣстно изъ сказаннаго выше, козачество перестало существовать на правобережьи, лишь только территорія была снова присоединена къ Польшѣ въ началѣ XVIII в.: правовой строй Польскаго государства исключалъ эту общественную форму. Но традиціонное пристрастіе украинскаго пана къ козакованью, не искорененное всей тяжелой эпопеей козацкихъ войнъ и гайдамацкихъ волненій, нашло себѣ выраженіе въ устройствѣ надворныхъ козацкихъ милицій. По мѣрѣ измѣненія условій милиціонеры превращались въ простую дворовую челядь, козакъ вырожденъ въ „козачка“. Но параллельно—и уже не въ сферѣ общественныхъ фактовъ, а въ сферѣ общественныхъ идей и настроеній—совершался иной процессъ, который можетъ послужить интереснымъ матеріаломъ для общественной психологіи. Козачество, отошедши фактически въ область отдаленнаго преданія—и, конечно, съ тѣмъ большей легкостью,—заняло важное мѣсто въ идеологіи польско-украинскаго общества первой половины XIX в. Это явленіе, несмотря на кажущуюся его странность, имѣетъ свои серьезныя основанія.

Русско-польская Украина, въ составѣ земель Киевской, Волынской и Подольской, по второму отдѣлу отошла къ Русскому государству. Польское общество, т.-е. дворянство, шляхетство, привыкшее къ неограниченной широтѣ въ

пользованіи правами политической свободы, очутилось подъ режимомъ самодержавнаго монархизма. Положимъ, режимъ этотъ не представлялъ пока особенной суровости. Съ 1797 г. и судъ и школы пользовались польскимъ языкомъ, какъ официальнымъ языкомъ края; повѣтовые чины избирались самымъ шляхетствомъ. Слѣдовательно, ни шляхетское самоуправленіе, ни вообще польскій элементъ края не могли жаловаться на стѣсненія: не могли въ такой мѣрѣ, что не представляется особенно парадоксальной выказывавшаяся въ печати мысль, что никогда ополяченіе края не шло такъ успѣшно, какъ послѣ присоединенія его къ Россіи. Но память о недавнемъ блестящемъ политическомъ прошломъ была еще столь свѣжа, что шляхта не могла примириться съ своимъ скромнымъ настоящимъ. Однако, поперекъ дороги всякой мечтѣ о возвратѣ этого прошлаго стояла суровая дѣйствительность въ видѣ массы русскаго украинскаго народа, нисколько не расположеннаго къ политическимъ идеаламъ и стремленіямъ своихъ пановъ. Самая необузданная фантазія должна была смириться, очутившись между двумя такими фактами, какъ Русское государство—съ одной стороны, и масса русскаго украинскаго православнаго народа—съ другой. Конечно, могъ быть еще выходъ—во внѣшнихъ политическихъ комбинаціяхъ. Надежда на такой выходъ и мелькнула—было въ образѣ Наполеона. Мечта о восстановленіи Польши путемъ вмѣшательства этого властелина Европы обратилась къ 1810 г. въ полную увѣренность. Когда Наполеонъ вступилъ съ своимъ войскомъ въ предѣлы Россіи, навстрѣчу ему летѣли изъ польской Украины не однѣ лишь тайныя симпатіи и горячія пожеланія удачи: масса шляхетства бѣжала за границу, чтобъ присоединиться къ непріятелю, самыя щедрія пожертвованія сыпались туда же, постоянно пересылались французамъ извѣстія о движеніяхъ русскихъ, перехватывались русскіе транспорты и т. п.

Не стоитъ распространяться о томъ, чѣмъ кончилась эта наполеоновская эпопея, оставившая въ польско-шляхетскихъ сердцахъ вмѣстѣ съ страстнымъ культамъ великаго человѣка самыя широкія разочарованія. Надеждамъ на внѣшнюю помощь нанесенъ былъ жестокій ударъ. Тѣмъ напряженнѣе стало исканіе выхода на иныхъ путяхъ, лежавшихъ въ сторонѣ отъ внѣшней политики. На помощь явилась всегда готовая къ услугамъ исторія.

Свободное толкованіе историческихъ преданій, свидѣтельствъ и документовъ помогало горячимъ душамъ создать образъ украинскаго козака, преданнаго польскимъ интересамъ. Этотъ фантастическій козакъ представлялъ собою не только боевую силу, столь необходимую для рѣшенія политической задачи въ интересахъ Польши: еще болѣе онъ нуженъ былъ какъ связующее звено между польскимъ шляхтичемъ и украинскимъ хлопомъ. Если до сихъ поръ хлопь не только отворачивался отъ своего пана въ трудную минуту, но и готовъ былъ схватить его за горло, то впередъ, конечно, онъ пойдетъ за роднымъ ему козакомъ всюду, куда того повлекутъ его польскія симпатіи. Этимъ путемъ упразднялись трудности, въ какихъ очутилось украинское общество. На добрую половину задача рѣшалась сама собой; вся бѣда въ томъ, что рѣшеніе это было совершенно фантастическое. Въ созданіи этого фантастическаго рѣшенія принимала дѣятельное участіе поэзія: такъ называемая украин-

ская школа, которая дала польской литературѣ нѣсколько даровитыхъ представителей, усердно разрабатывала эту тему. Увлекались козакофильствомъ и политическіе дѣятели, особенно среди многочисленной польской эмиграціи, оторванной отъ родной почвы. Были попытки и практическаго его примѣненія: эмиръ Ржевусскій скакалъ на своихъ чудныхъ коняхъ, вывезенныхъ изъ Аравіи, по степямъ Украины во главѣ козацкой дружины, набранной изъ крѣпостныхъ, переряженныхъ по-козацки; Садыкъ-паша, Михаилъ Чайковскій, кликалъ изъ Турціи кличь, на который сползался сбродъ различныхъ національностей, до еврейской включительно, предназначенный къ формированію козацкихъ полковъ. Пылкія и благородныя сердца, въ родѣ Мицкевича, увлеченныя страстнымъ патріотизмомъ и слѣпою вѣрою, готовы были видѣть во всей этой игрѣ возрожденіе козачества, козачества польскаго, долженствующаго служить связью съ русскимъ народомъ Украины и оплотомъ возстановленія политической самостоятельности Польши. Но фантазмагорія разлетались, а дѣйствительность все отчетливѣе вырисовывалась въ своихъ рѣзкихъ и жесткихъ очертаніяхъ.

Польское возстаніе 1830—31 гг. отозвалось сильно и на украинской территоріи; всюду шляхта складывалась въ отряды повстанцевъ. Народная масса не шевелилась, но не шевелилась только потому, что такъ хотѣло русское правительство, изъ соображеній ли лояльности, или изъ страха передъ народнымъ движеніемъ: дай правительство лишь намекъ, и паны еще разъ были бы истреблены своими крѣпостными. Послѣ подавленія возстанія правительство измѣнило политику по отношенію польскаго элемента южнорусской территоріи. Всѣ старыя льготы, какими пользовался польскій языкъ, школа, шляхетское самоуправленіе, были уничтожены. Личность Вибикова, предназначеннаго, въ качествѣ генераль-губернатора юго-западнаго края, къ водворенію новыхъ порядковъ, придала этимъ порядкамъ ту законченность, которой, конечно, не было бы безъ его энергіи и неукоснительной прямолинейности. Въ 14 лѣтъ своего правленія (1838—52) онъ сдѣлалъ край неузнаваемымъ: революціонные элементы, подготавливавшіе новое возстаніе, были уничтожены, подрѣзаны всѣ мѣстные корни, питавшіе польско-католическую культуру, территорія снова сдѣлалась русской, хотя, конечно, совсѣмъ иначе русской, чѣмъ до своего претворенія въ политическій организмъ Польши. Введеніе инвентарныхъ правилъ, регулировавшихъ отношенія владѣльцевъ къ крѣпостнымъ въ видахъ установленія точныхъ предѣловъ эксплуатаціи крестьянскаго труда, стянуло узелъ, привязывавшій украинскую массу къ Русскому государству; а крестьянская реформа закрѣпила его окончательно. Когда возстаніе 1863 г. достигло юго-западнаго края, и мѣстная шляхта пачала волноваться, у крестьянской массы не было иного взгляда на этотъ фактъ, кромѣ того, что паны снова хотятъ обратить народъ въ крѣпаковъ. Изъ этого взгляда вытекало соотвѣтствующее поведеніе. Крестьяне истребляли, гдѣ было возможно, отряды повстанцевъ; а, главное, всюду собирались въ купы, являлись къ владѣльцамъ, связывали ихъ и отвозили въ городъ, къ русскимъ властямъ. Изъ души крестьянскаго хлопа было вытравлено всякое пониманіе и сочувствіе по отношенію къ пану и, конечно, не обраче-

ніемъ къ прошлому, къ козачеству, можно было привести къ взаимному пониманію эти два существа, разъединенныя совокупностью всего, что только способно разъединять людей: національностью, социальнымъ положеніемъ, религіей. Ко времени послѣдняго польскаго возстанія 1863 г. козакофильство уже исчезло изъ среди украино-польскаго общества, выродившись въ совсѣмъ нелѣпую и безобразную балагульщину *). Въ замѣнъ ему выступило хлопоманство—впрочемъ, очень скромно, съ самымъ малымъ числомъ представителей—которое выдвигало на мѣсто фантастическаго козака реальнаго хлопа, требуя для него отъ шляхетства всей полноты человѣческаго отношенія.

Но въ исторически сложившихся условіяхъ жизни правобережной Украины хлопоманство оказывалось столь же безпочвеннымъ, какъ и козакофильство. Одно, какъ и другое, предполагало въ своей дальнѣйшей практической разработкѣ возрожденіе украинской національности. А для украинскаго шляхетства національность эта, которую оно безслѣдно утратило въ самихъ себѣ и которую въ данный моментъ видѣло лишь погребенной въ социальныхъ нѣдрахъ хлопской массы,—национальность эта не существовала. Украинско-польское общество не могло даже и представить себѣ серьезно, что украинская національность можетъ занять какое-нибудь мѣсто въ ряду прочихъ правоспособныхъ, культурныхъ національностей, къ каковымъ съ справедливой гордостью причисляла себя національность польская. Вопросъ о возрожденіи украинской народности—этотъ щекотливый вопросъ, въ силу тѣхъ осложненій, какими его опутала исторія—выдвинулся впервые не въ Украинѣ правобережной, и даже не въ лѣвобережной, гдѣ для его постановки было гораздо болѣе основанія, а въ Украинѣ Слободской.

Слободская Украина, какъ уже сказано выше, пережила, лишь въ болѣе короткое время и при нѣсколько измѣненныхъ условіяхъ, тотъ же самый социальный процессъ, какъ и Украина лѣвобережная. Козачество и тутъ и тамъ одинаково утратило въ теченіе XVIII ст. свое старое значеніе центральнаго общественнаго элемента, къ которому все остальное было лишь придаткомъ. На его мѣсто выступило панство, захватившее вмѣстѣ съ землей всю полноту гражданскихъ, если не политическихъ, правъ, панство, которое опиралось на массу безземельнаго и безправнаго „подданства“. Къ концу царствованія Екатерины II новый строй получилъ признаніе и утвержденіе со стороны государства, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ту законченность формъ, какой онъ былъ лишенъ до тѣхъ поръ. Фактическое панство поставлено было въ положеніе русскаго дворянства, хотя пока еще безъ окончательнаго уравниенія съ послѣднимъ въ правахъ, наступившимъ поздиѣ; подданство прикрѣплено къ землѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ общественныя учрежденія подведены подъ одинъ типъ русскихъ общегосударственныхъ учреждений. Такимъ образомъ, девятнадцатый вѣкъ не нашелъ уже существенныхъ отличій между Украиной лѣвобережной и Слобод-

*) Балагульщина состояла въ томъ, что шляхетскіе представители ея, становясь въ оппозицію къ принятой утонченности манеръ, рядились въ народные костюмы, напивались и воспроизводили въ словахъ и дѣйствіяхъ демократичную простоту въ самыхъ грубыхъ и непривлекательныхъ ея проявленіяхъ.

ской. Обѣ онѣ составляли провинціи Россійской имперіи, съ которой сливались всей совокупностью своихъ учреждений: все это была одна крѣпостная Россія. Подъ покровомъ политической нивелировки укрывалась въ обѣихъ провинціяхъ одна и та же украинская народность, пока еще одинаково живая и жизненная. Стихія этой народности проникала не только крѣпостное подданство, къ которому примыкали остатки козачества, но и населеніе городовъ, т.-е. мѣщанство и купечество, частью духовенство, на которое направлялись особенныя усилія въ видахъ его денационализаціи, и, наконецъ, панство, которое само направляло на себя такіе же усилія, чтобы возможно ближе подойти къ русскому дворянству. Такъ какъ панство это почти сплошь вышло изъ козацкой старшины, и всѣ его геральдическія притязанія были сплошной выдумкой, чтобы удержать за собой землю и привилегированное положеніе, то понятно, какой интересъ представляло для него отдѣлиться отъ народа культурно—языкомъ, одеждой, обстановкой: „благородный образъ жизни“ (т.-е. отличающійся отъ простонароднаго) былъ однимъ изъ вѣскихъ аргументовъ, которые выдвигались передъ геральдіей ищущими дворянства.

Навстрѣчу стремленіямъ украинскаго высшаго сословія, лѣвобережнаго и слободскаго, къ тому, чтобы отдѣлиться отъ своего народа, шли сознательныя стремленія государства къ культурному ассимилированію южнорусскихъ областей. Элементарная школа, еще недавно столь же необходимая каждой украинской громадѣ, какъ и церковь, съ которой почти составляла одно цѣлое, исчезала; дѣтямъ крѣпачковъ всякая школа была вредной роскошью, панскія дѣти не нуждались больше въ наукѣ „дьяка“, а учились у выписныхъ русскихъ и иностранныхъ учителей; для промежуточныхъ сословій были устроены Екатериной II и Александромъ I „народныя училища“. Средняя школа, представителемъ которой была семинарія, все болѣе и болѣе утрачивала свой старый національный характеръ: на это направлены были дѣятельныя попеченія духовнаго начальства, которое проводило предписываемую ему программу дѣйствій. То же самое происходило и съ высшей школой, которую для лѣвобережной Украины представляла собой Кіевская Академія, для Слободской—Харьковскій Коллегіумъ.

Такимъ образомъ, хотя къ началу XIX ст. стихія украинской народности какъ въ Малороссіи, такъ и въ Слобожанщинѣ, еще жила повсемѣстно въ языкѣ, въ формахъ быта, въ исторической традиціи, но культурный ростъ народности былъ приостановленъ. Просвѣщеніе сошло со своего стараго естественнаго пути и вступило на новый, искусственно проложенный соединенными усиліями государства и мѣстнаго дворянства, заинтересованнаго въ своемъ объединеніи съ дворянствомъ русскимъ. Тѣмъ самымъ украинская національность, лишенная связей съ общечеловѣческой культурой, была обречена на умираніе. Гибельный процессъ начался и быстро развилъ свою опустошительную силу: въ сторонѣ отъ его разрушительнаго дѣйствія осталась лишь масса крѣпостного люда, который, особенными условіями своего положенія, былъ огражденъ отъ всякихъ постороннихъ вліяній, но зато же и всецѣло лишенъ возможности быть представителемъ національной культуры. И малорусскую на-

родность не спасло бы отъ гибели даже и то, что Котляревскій своей „Энеидой“ (1798 г.) успѣлъ положить талантливое и знаменательное начало малорусской національной литературѣ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Дѣлу спасенія украинской народности, ея выведенію на широкую арену общечеловѣческой дѣятельности, общечеловѣческой мысли, общечеловѣческихъ идеаловъ, послужило то же самое просвѣщеніе, которое было для нея въ извѣстномъ отношеніи столь губительно въ силу своего односторонняго и искусственнаго направленія. Еще въ концѣ XVIII ст. высшій классъ малорусскаго общества обнаруживалъ дѣятельное стремленіе къ тому, чтобъ обзавестись университетомъ.хлопоты о томъ, чтобы открыть университетъ въ Полтавѣ или Черниговѣ, или даже въ обоихъ этихъ городахъ, возобновлялись неоднократно, но не приводили ни къ какимъ результатамъ; также безплодны были и домогательства слободскаго шляхетства объ университетѣ въ Сумахъ, — Харьковѣ, другой большой городъ Слободской территоріи, имѣлъ для высшаго образованія, не только духовенства, но и лицъ свѣтскихъ сословій, Коллегіумъ, основанный епископомъ Епифаніемъ Тихорскимъ еще въ 1726 г. Но въ политику правительства не входило пока заботиться объ устройствѣ „средоточія просвѣщенія полуденной Россіи“; ему представлялось болѣе удобнымъ, чтобъ просвѣщеніе это пользовалось уже существующими въ Великой Россіи средоточіями. Однако, стеченіе историческихъ случайностей дало дѣлу неожиданный оборотъ. Гуманное направленіе первыхъ лѣтъ царствованія Александра I совпало съ тѣмъ обстоятельствомъ, что среди харьковского дворянства нашелся очень образованный человѣкъ исключительной энергіи, въ высшей степени заинтересованный въ дѣлѣ мѣстнаго просвѣщенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пользовавшійся личной благосклонностью молодого императора. Въ подвижномъ умѣ Каразина, — о которомъ идетъ рѣчь, — сложился широкій, можно сказать, грандіозный планъ новаго университета въ Харьковѣ. Благодаря популярности, которую приобрѣлъ Каразинъ удачными хлопотами о грамотѣ 1801 г., подтверждающей права и привилегіи слободско-украинскаго дворянства, ему удалось расположить въ пользу своего плана харьковское дворянство и заставить его сдѣлать крупное пожертвованіе. Пришли на помощь будущему университету горожане; оказались иные, случайные, денежные ресурсы. Надо сказать, что это новое, большое и трудное, дѣло созданія южнорусскаго просвѣтительнаго центра встрѣтило въ харьковскомъ обществѣ благодарную и отчасти подготовленную почву: помимо прочихъ благопріятныхъ условій, припомнимъ, что всего лишь нѣсколько лѣтъ прошло со смерти Сковороды, который долгое время жилъ въ Слободской Украинѣ, по преимуществу въ Харьковѣ и его окрестностяхъ, и училъ среди ея населенія всѣхъ слоевъ, представляя собою настоящій „ходячій университетъ“. Новый университетъ въ Харьковѣ — правда, очень суженный противъ первоначальнаго плана и въ программѣ и въ средствахъ — получилъ Высочайшее утвержденіе въ 1804 г. и открытъ въ слѣдующемъ году. Возникшій университетъ выступилъ очень скромно, въ соответствии со скромной жизнью тихаго провинціального города, какимъ былъ въ то время Харьковъ; но, тѣмъ не менѣе, онъ сыгралъ видную роль въ

дѣлъ южнорусскаго просвѣщенія — въ частности, въ томъ, что называется возрожденіемъ украинской народности. Независимо отъ своихъ талантовъ и энергіи профессора университета все-таки создавали среду, которая являлась проводникомъ культурныхъ идей, связывала—плохо ли, хорошо ли—мѣстную непосредственную жизнь съ тѣмъ, что вырабатывала Западная Европа въ сферѣ науки и философской мысли, въ сферѣ общественныхъ настроеній.

На ряду съ свободомысліемъ вообще, которое имѣло своимъ главнымъ источникомъ Францію, въ Харьковѣ рано проникли идеи славянской взаимности или единства, связанныя съ идеей возрожденія отдѣльныхъ славянскихъ народностей. Лишь къ двадцатымъ годамъ XIX в. относится появленіе въ средѣ западныхъ и южныхъ славянъ первыхъ знаменательныхъ трудовъ въ области науки и литературы, имѣвшихъ своимъ непосредственнымъ источникомъ эти идеи, а уже значительно раньше вышеупомянутый Каразинъ представлялъ правительству Александра I свой проектъ всеславянскаго государства; на югѣ существовали масонская ложа „Соединенныхъ славянъ“ и затѣмъ также общество того же имени, входившее въ заговоръ декабристовъ. Очевидно, идеи славянскаго возрожденія находили воспріимчивую почву, благодаря тому наглядному пособію, какое заключалось въ самомъ положеніи южнорусской народности. Какъ бы то ни было, уже къ тридцатымъ годамъ XIX столѣтія около харьковскаго университета сложился кружокъ людей, который выступилъ съ сознательною мыслью работать на поприщѣ науки и литературы для возрожденія украинской народности, т.-е., съ одной стороны, для того, чтобъ раскрывать путемъ научнаго труда стихію этой народности, съ другой—путемъ литературнаго творчества на народномъ украинскомъ языкѣ вводить ее въ общую международную культурную связь. Всего десять лѣтъ спустя послѣ открытія университета въ Харьковѣ начинаются попытки періодическихъ изданій—появляется „Украинскій Вѣстникъ“, „Украинскій Журналъ“, „Харьковский Демократъ“, пока еще не обнаруживающіе опредѣленнаго направленія. Но уже „Украинскій Альманахъ“, напечатанный въ 1830 году, ясно отражаетъ на себѣ стремленіе своихъ составителей работать для культурнаго украинскаго возрожденія. Съ тѣмъ же характеромъ является, черезъ годъ, новый альманахъ „Утренняя Звѣзда“, а „Украинскій Сборникъ“,—который, начиная съ 1835 г., долженъ былъ имѣть характеръ правильнаго періодическаго изданія—былъ уже всецѣло посвященъ украинской народности, и первое произведеніе, которымъ онъ открылся, была „Наталка-Полтавка“. Съ такимъ же исключительно малорусскимъ характеромъ являются позже, въ сороковыхъ годахъ, „Сніпъ“, изд. Корсуна, частью „Молодикъ“, изд. Бецкаго, „Южнорусскій Сборникъ“, изд. Метлинскаго. Между 1833 и 1838 годами шло въ Харьковѣ одно научное изданіе, которое очень сильно отразилось на подъемѣ интереса къ изученію украинской народности: подразумѣваемъ „Запорожскую Старину“ И. И. Срезневскаго, посвященную думамъ и ихъ историческому объясненію. Срезневскій являлся, вмѣстѣ съ тѣмъ, и главной силой литературныхъ изданій, т.-е. „Украинскихъ Сборника“ и „Альманаха“. Этотъ юный, въ высшей степени энергичный и даровитый, великоросъ выросъ въ Харьковѣ и страстно полюбилъ свою новую

родину: онъ былъ, несомнѣнно, самымъ выдающимся въ ряду харьковскихъ дѣятелей 30-хъ годовъ; изъ остальныхъ на первомъ планѣ стоитъ Вадимъ Пассекъ. Позже въ сороковыхъ годахъ, когда Срезневскій вернулся изъ-за границы, гдѣ онъ изучалъ славянскія нарѣчія и литературу и занялъ кафедру въ харьковскомъ университетѣ, онъ своими лекціями также много содѣйствовалъ воспитанію въ учащемся юношествѣ симпатій къ мѣстному и народному элементу въ наукѣ и общественной жизни. Одновременно, и въ томъ же направленіи, работалъ въ университетѣ проф. Метлинскій: далеко уступая Срезневскому какъ ученый и профессоръ, Метлинскій превосходилъ его той настойчивостью, съ какою онъ направлялъ вниманіе юношества именно на украинскую народность и ея изученіе. Самъ украинскій поэтъ и страстный собиратель малорусскихъ пѣсенъ, Метлинскій и своимъ личнымъ примѣромъ указывалъ пути, по которымъ должны были идти его ученики.

Такимъ образомъ, въ харьковскомъ обществѣ, начиная съ двадцатыхъ годовъ, черезъ тридцатые и сороковые, образовалась такая атмосфера, которая направляла вниманіе соприкасающихся съ ней людей на изученіе украинской народности и на духовную работу на почвѣ ея языка и историческаго преданія. Вѣроятно, эта атмосфера заставила даровитаго Гулака-Артемовскаго, послѣ первыхъ его русскихъ литературныхъ опытовъ, обратиться къ малорусскому языку; и, конечно, только она дала намъ Квитку. Совсѣмъ пожилымъ человѣкомъ, русскимъ литераторомъ съ длинной, хотя и не особенно значительной карьерой позади, осмѣлился Квитка, подкрѣпляемый сочувствіемъ мѣстной среды, выступить на новый путь—литературнаго творчества на языкѣ малорусскомъ и, къ счастью, еще успѣлъ дать нѣсколько произведеній непреходящаго значенія. Та же атмосфера, въ центрѣ которой былъ университетъ, успѣла приготовить для будущаго такого важнаго для Украины дѣятеля, какъ Костомаровъ, уже не говоря о многихъ лицахъ меньшихъ размѣровъ и значенія.

А между тѣмъ на южнорусской территоріи возникъ новый просвѣтительный центръ: подразумѣваемъ университетъ кievскій. Онъ появился на свѣтъ въ 1834 г. по инициативѣ генералъ-губернатора Бибикова и тогдашняго министра народнаго просвѣщенія гр. Уварова. Уже самыя эти имена свидѣлствуютъ ясно, что онъ возникъ изъ соображеній по преимуществу политическаго характера. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ возстанія 1830—31 г. закрытъ былъ виленскій университетъ и кременецкій лицей, поставленный на такую высоту его основателемъ Тадеушемъ Чацкимъ,—учрежденія польскія. Необходимо было дать что-нибудь въ замѣнъ.

Кievскому университету вручалась миссія утверждать значеніе Русскаго государства и народности въ обширномъ районѣ юго- и даже сѣверозападнаго края. Конечно, университетъ, какъ университетъ, не могъ ограничить свою дѣятельность официальной программой. Просвѣтительный центръ, устроенный на исконной южнорусской территоріи, не могъ не натолкнуться на иныя задачи, стоящія въ сторонѣ отъ требованій официальной программы. Уже первый ректоръ университета Максимовичъ, одной стороною своихъ взглядовъ какъ бы совершенно удовлетворявшій официальнымъ политическимъ требова-

ніямъ, другой—выдвигалъ нѣчто такое, что, по меньшей мѣрѣ, не вмѣщалось въ программу этихъ требованій. Съ переселеніемъ въ Кіевъ, гдѣ, впрочемъ, онъ оставался недолго, для Максимовича открывается новая сфера литературной и научной дѣятельности, всецѣло посвященная Украинѣ. Еще раньше онъ предпринялъ изданіе „Сборника малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ“; теперь онъ вкладываетъ всѣ свои незаурядныя силы въ изученіе исторіи, археологіи, этнографіи, топографіи Украины, ея языка и словеснаго творчества, воплощая въ своемъ лицѣ, по словамъ одного біографа, цѣлое ученое историко-филологическое учрежденіе для изученія Кіевской Руси. Въ то же время онъ издаетъ „Кіевлянинъ“ и позже „Украинецъ“, первыя научно-литературныя изданія, появившіяся въ Кіевѣ, которыя онъ также посвящаетъ почти исключительно мѣстному изученію. И что еще важнѣе и знаменательнѣе: онъ, ученый по образованію, положенію, личнымъ вкусамъ, составляетъ книги для народа—„Букварь“, „Книгу Наума о великомъ Божьемъ мирѣ“, и перекладываетъ псалмы на украинскій языкъ. Очевидно, само положеніе украинской народности подсказывало южнорусскимъ дѣятелямъ кое-что такое, до чего сѣвернорусскимъ надо было доходить длиннымъ путемъ накопленія мысли и историческаго опыта.

Конечно, идеи славянской взаимности, единенія, возрожденія проникали въ Кіевъ по тѣмъ же путямъ, какъ и въ Харьковъ. Максимовичъ, еще въ бытность свою въ Москвѣ, былъ горячимъ приверженцемъ этихъ идей, и, безъ сомнѣнія, онъ не оставался въ этомъ отношеніи одинокимъ, когда перенесъ свою дѣятельность на родину, въ Кіевъ. Но на южнорусской почвѣ—въ связи съ ея особенными условіями—идеи эти должны были претерпѣвать такія измѣненія, которыя отклоняли ихъ далеко отъ родственнаго имъ по происхожденію московскаго славянофильства. Жизнь скоро дала любопытный образчикъ этой эволюціи идей. Въ 1846 г. въ Кіевѣ, при участіи профессора мѣстнаго университета, Н. И. Костомарова, устроилось тайное общество или братство, которое избрало своими патронами славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія. Кирилло-Меѳодіевское общество было вполнѣ незначительно по своимъ размѣрамъ и вліянію, да и не имѣло оно времени пріобрѣсть ни большихъ размѣровъ, ни замѣтнаго вліянія: уже въ мартѣ слѣдующаго 1847 года всѣ его дѣйствительные члены: Гулакъ, Костомаровъ, Бѣлозерскій, Шевченко, Кулишъ, и нѣкоторые другіе сдѣлались жертвами доноса, были арестованы и подверглись тяжелымъ наказаніямъ, мало соотвѣтствовавшимъ офиціально признанной степени ихъ виновности *). Но болѣе чѣмъ незначительное по внѣшнимъ проявленіямъ своей дѣятельности общество это въ высшей степени любопытно съ другой стороны—со стороны тѣхъ идей, которыя оно собой представляло. На программной канвѣ единенія и возрожденія славянскихъ народностей мысль этихъ южноруссовъ, питавшаяся впечатлѣніями отъ положенія своей родной народности вышила такіе узоры: уничтоженіе крѣпостного права вмѣстѣ съ

*) Въ докладѣ гр. Орлова императору Николаю I Кирилло-Меѳодіевское общество названо „ученымъ бредомъ трехъ молодыхъ людей“ (Гулака, Костомарова, Бѣлозерскаго).

упраздненіемъ вообще всякихъ сословныхъ привилегій и преимуществъ; религіозная свобода и вѣротерпимость; полная свобода мысли, научнаго воспитанія и печатнаго слова. Общеславянское будущее представлялось этимъ молодымъ украино-славянистамъ лишь въ видѣ обширной федераціи славянскихъ народностей. По отношенію къ задачамъ практическимъ ставилось на первомъ планѣ просвѣщеніе украинскаго народа, изданіе для него полезныхъ книгъ, основаніе сельскихъ школъ при содѣйствіи образованныхъ помѣщиковъ. Однимъ словомъ, въ идеалахъ членовъ Кирилло-Меодіевскаго братства можно усмотрѣть нѣчто такое, что стоитъ совсѣмъ въ сторонѣ отъ идей панславизма, и на первомъ планѣ, на ряду съ западнымъ или западническимъ либерализмомъ, ясное вліяніе идей христіанскаго социализма въ духѣ Ламенна. Ученые мечтатели были разсѣяны далеко отъ своей родины, но идеи ихъ остались. На украинской почвѣ эти идеи подверглись новымъ измѣненіямъ. Отъ панславизма остался лишь какъ политическій идеалъ, федеративный строй, съ равенствомъ всѣхъ входившихъ въ него народностей, съ полнотой гражданскихъ правъ внутри народности; отъ христіанскаго социализма—лишь атмосфера гуманности, гдѣ вниманіе привлекается ко всѣмъ труждающимся и обремененнымъ; и, наконецъ, на первомъ планѣ, съ полнымъ господствомъ и преобладаніемъ въ мысляхъ и чувствахъ выступила украинская народность съ ея подавленными исторіей интересами, и требованіями для нея самостоятельнаго культурнаго развитія, которое обезпечило бы народной массѣ дальнѣйшее участіе въ общечеловѣческой жизни. Конечно, лишь уничтоженіе крѣпостнаго права сообщило этому построенію ту необходимую устойчивость, безъ которой оно имѣло бы совершенно утопическій, беспочвенный характеръ.

Эта новая фаза развитія руководящихъ идей въ умахъ культурныхъ южнорусскихъ людей носить названіе украинскаго народничества или украинофильства. Случайность подарила Украинѣ человѣка, который силой своего генія вдохнулъ живую душу въ то, что, можетъ-быть, иначе осталось бы мертвою схемой. Незначительный членъ Кирилло-Меодіевскаго братства, однако, подвергшійся такой карѣ, которая превосходила кару всѣхъ остальныхъ его членовъ, человѣкъ этотъ, Тарасъ Шевченко, сыгралъ такую роль въ дѣлѣ возрожденія украинской народности, какая рѣдко выпадаетъ на долю одного человѣка. Языкъ, на которомъ писалъ Шевченко, не могъ быть языкомъ некультурнымъ или несамостоятельнымъ; историческое преданіе, которое трепетало напряженной жизнью въ его пламенныхъ стихахъ, не могло не находить живыхъ нитей въ душѣ южнорусскаго человѣка; та народная душа, которая сообщала его поэзіи всѣ эти безконечные отбѣнки и переходы чувствъ и мыслей, то глубоко-нѣжныхъ, то утонченно-изящныхъ, то безконечно-скорбныхъ, то потрясающихъ душу мстительнымъ гнѣвомъ, непримиримой ненавистью, — эта душа не могла не быть душой богато одареннаго народа, блестящая будущность котораго не нуждалась въ особыхъ утвержденіяхъ.

Когда освобожденіе крестьянъ расчистило поле для дѣятельности въ пользу народа, тотчасъ же появился литературный органъ, всецѣло посвященный интересамъ украинской народности. Органъ этотъ—„Основа“ (1861—62 гг.); около

него сгруппировались всѣ представители тогдашняго украинфильства. Во главѣ ихъ стояли тѣ же старые члены Кирилло-Меодіевскаго общества: Костомаровъ, Шевченко, Кулишъ и Вѣлозерскій, какъ издатель,—все люди, не только выжившіе, но и выстрадавшіе тѣ идеи, съ которыми они теперь являлись. Къ нимъ примкнули молодые украинцы, въ которыхъ было живо національное чувство. Издавалась „Основа“ не на югѣ, а въ Петербургѣ: случалось и раньше, что работа для украинской народности шла въ сѣверныхъ центрахъ, — укажемъ хотя бы на примѣръ Бодянского, который столько лѣтъ и такъ плодотворно работалъ въ Москвѣ для созиданія южнорусской исторіи *). Въ краткое время своего существованія „Основа“ успѣла сдѣлать очень много какъ для уясненія теоретической стороны украинфильства, такъ и его ближайшихъ практическихъ задачъ; кромѣ того, на страницахъ ея появилось, даже и помимо стихотвореній Шевченко, много литературныхъ произведеній, составляющихъ до сихъ поръ украшеніе малорусской литературы. Но реакція въ настроеніи русскаго общества, наступившая съ польскимъ возстаніемъ, отразилась и на „Основѣ“, которая прекратила свое существованіе. Съ тѣхъ поръ украинское народничество, когда-то такъ дружно группировавшееся около „Основы“, подверглось опять дальнѣйшему развитію, разбившему его на нѣсколько отдѣльных теченій. Но послѣ этого, въ предѣлахъ русской Украины, оно не имѣло уже возможности представить себя и свои взгляды на судъ общественнаго мнѣнія въ какомъ-либо собственномъ періодическомъ изданіи. Такое представительство выпало на долю Галиціи.

Первый раздѣлъ Польши, по которому Галиція отошла къ Австріи (1772 г.), засталъ русскую народность края въ состояніи полного пригнетенія: дѣло ея казалось проиграннымъ всецѣло и окончательно. Народная масса находилась въ рабствѣ и не могла проявлять никакой духовной жизни; русское мѣщанство было малочисленно, безправно и безсильно; тѣ единичные представители шляхты русскаго происхожденія, которые не утратили еще русской вѣры, уже не имѣли съ народомъ ничего общаго, кромѣ этой вѣры: ни языка, ни національных традицій или симпатій. Кромѣ того, русская вѣра въ Галиціи была сближена съ католичествомъ своимъ уніатскимъ обрядомъ, такъ что высшее духовенство, выбиравшееся преимущественно изъ монаховъ-базиліанъ, было больше католическимъ, чѣмъ православнымъ; низшее же духовенство—бѣдное и невѣжественное, такъ какъ было лишено всякой поддержки, матеріальной или духовной, со стороны государства—выдѣлялось изъ рядовъ своей крѣпостной паствы лишь тѣмъ, что пользовалось благомъ личной свободы, да и то не вполне: семьи священниковъ не были освобождены отъ панщины юридически, а фактически и сами священники притягивались къ панщинѣ самоуправствомъ шляхты, на которую негдѣ было искать ни суда, ни расправы **). Остатки самостоятельной

*) Въ „Чтеніяхъ Москов. Общества Любит. Исторіи и Древностей“ за 1846—77 гг. (съ перерывомъ въ 10 лѣтъ) напечатанъ имъ цѣлый рядъ малорусскихъ историческихъ памятниковъ.

**) Только рескриптомъ 1774 года, т.-е. 2 года спустя послѣ присоединенія къ Австріи, были освобождены отъ панщины священники и ихъ семьи.

духовной жизни тѣли лишь въ Львовскомъ Ставронигіальномъ братствѣ, да въ православномъ Манявскомъ скитѣ; но что могли значить они передъ лицомъ польской культуры, которая заливала край во всѣхъ уголкахъ и во всѣхъ проявленіяхъ его интеллектуальной жизни? Такимъ образомъ, русская народность Галиціи была стиснута тѣсными узами зависимости экономической, правовой, культурной и, казалось, обречена безповоротно на гибель. Но, тѣмъ не менѣе, она не погибла.

Австрія, получивъ этотъ кусокъ Польши, тотчасъ замѣтила, что здѣсь, рядомъ съ поляками, естественно ей враждебными на первыхъ порахъ, живутъ русскіе, столь же естественно враждебные этимъ ея врагамъ, т.-е. полякамъ. Разумѣется, политическая мудрость должна была воспользоваться положеніемъ, чтобы черезъ покровительство русскимъ ослаблять поляковъ. Кромѣ того, русскіе могли рассчитывать въ случаѣ надобности на помощь Россіи, и Австріи приходилось считаться съ этимъ условіемъ. Однимъ словомъ, присоединеніе къ Австріи открывало для русской народности нѣкоторыя перспективы, до тѣхъ поръ закрытыя. А личныя свойства наслѣдника Маріи-Терезіи, императора Іосифа II, человека просвѣщеннаго и гуманнаго, придали этимъ перспективамъ неожиданный захватъ въ ширину и глубину.

Помимо дипломатическихъ соображеній, вся дѣятельность Іосифа II, въ ея общемъ направленіи и характерѣ, была въ высшей степени благопріятна подъему русской народности изъ того приниженія, въ какомъ она находилась.

Стремясь къ освобожденію крестьянства отъ крѣпостной зависимости, Іосифъ II издалъ рядъ указовъ, которые значительно измѣнили къ лучшему положеніе русскаго хлопча въ Галиціи: введеніе инвентарей ограничило панщину и, вообще, экономическій произволъ помѣщика по отношенію къ крѣпостному; крестьянинъ освобожденъ былъ отъ доминальнаго (владѣльческаго) суда и подчиненъ общей государственной юрисдикціи; возвращены были народной массѣ нѣкоторыя важныя личныя права, какъ, напримѣръ, право вступать въ бракъ безъ разрѣшенія владѣльца, право пріобрѣтенія въ собственность и передачи по завѣщанію земельного имущества, право приписки къ городскимъ обществамъ и цехамъ, право поступать въ учебныя заведенія наравнѣ съ лицами другихъ сословій и пр. Такимъ образомъ, если русскій хлопецъ и не пріобрѣталъ общественной равноправности, то все-таки въ значительной степени освобождался отъ власти своего пана—поляка, а такое измѣненіе общественныхъ отношеній не могло пройти безслѣдно. Не меньшее значеніе имѣло для галицкой русской народности другая сторона правительственной дѣятельности Іосифа II,—именно то противодѣйствіе, которое онъ направлялъ на католицизмъ и католическое духовенство. Какъ противовѣсъ исключительнымъ притязаніямъ католической религіи, выдвигалось значеніе другихъ вѣроисповѣданій и, между прочимъ, православнаго въ обоихъ его обрядахъ; предпринимаемая правительствомъ Іосифа секуляризація церковныхъ имуществъ и добытая такимъ образомъ средства обращены въ просвѣтительный фондъ, которымъ пользовались граждане всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Изъ всего этого русская національность Галиціи извлекала для себя огромныя выгоды. Уніатское ду-

ховенство вышло изъ того состоянія приниженности, въ какомъ оно находилось раньше: жалованье отъ государства дало ему извѣстную матеріальную независимость, а просвѣщеніе поставило его въ положеніе духовнаго руководителя своей паствы. По отношенію къ просвѣщенію заботы правительства Іосифа II были особенно замѣтны. Кромѣ семинаріи въ Вѣнѣ, основана была русская семинарія въ Львовѣ съ хорошей бібліотекой и большимъ количествомъ казенныхъ стипендій. Затѣмъ открытъ былъ (1784 г.) львовскій университетъ, при которомъ на шести кафедрахъ богословскаго факультета преподаваніе должно было идти на рускомъ языкѣ. Вслѣдъ за тѣмъ австрійское правительство назначило особые фонды на устройство сельскихъ школъ при церквахъ и на изданіе учебниковъ для этихъ школъ.

Такимъ образомъ, галицко-русская народность однимъ поворотомъ историческаго колеса получила такія благопріятныя условія для своего развитія, о какихъ еще незадолго передъ тѣмъ едва ли смѣла и мечтать. Но она не сумѣла ими воспользоваться. И не мудрено: національное самосознаніе, пригнетенное въ теченіе столѣтій, не могло окрѣпнуть сразу, чтобы возвыситься на степень руководящаго начала общественной жизни. Такъ, напримѣръ, русины не сумѣли извлечь для своей народности ничего изъ законовъ объ языкѣ, этомъ существенномъ содержаніи всякой національности. Для нихъ самихъ такъ же, какъ и для внѣшней имъ среды, русскій языкъ представлялся или въ видѣ языка церковно-славянскаго, языка богослужебныхъ книгъ, т.-е. мертвого, неспособнаго къ развитію, или же въ видѣ языка простонароднаго, „хлопской мовы“, на которой было неприлично изъясняться челоуѣку, стремящемуся къ культурному положенію, къ обособленію отъ хлопской массы. Польская культура, а вмѣстѣ съ нею и польскій языкъ продолжали оставаться для русиновъ единственными проводниками образованности. Всѣ новыя благопріятныя условія послужили лишь къ тому, чтобы расчислить поле борьбы внутри той единственной культурной группы, которая признавала себя за русинскую: началась борьба униатскаго духовенства съ православнымъ, чернаго съ бѣлымъ.

А между тѣмъ, и внѣшнія условія измѣнились къ худшему. Императоръ Францъ совсѣмъ не былъ намѣренъ идти по стопамъ Іосифа II. Онъ снова заключилъ конкордаты съ папой и вообще стремился возстановить въ прежней силѣ значеніе католической религіи. По отношенію къ Галиціи эта перемѣна политики имѣла такіе результаты. Католическое духовенство, взявши снова полное преобладаніе надъ духовенствомъ униатскимъ, воспользовалось своимъ вліяніемъ, чтобы парализовать всѣ просвѣтительныя мѣры Іосифа II въ пользу русинской народности. Русскія кафедры львовскаго университета были закрыты, а вслѣдъ затѣмъ и самый университетъ перенесенъ въ Краковъ (1805—8 гг.), въ Львовѣ же остался лишь лицей съ богословскимъ факультетомъ, гдѣ преподаваніе велось уже на латинскомъ языкѣ. Когда въ 1817 году началось дѣло преобразованія народныхъ школъ, для этой цѣли была сформирована школьная коммиссія, въ составѣ которой, на ряду съ одиннадцатью нѣмецкими членами, входили католическій архіепископъ и униатскій митрополитъ. Эти духовные представители коммиссіи подняли споръ о томъ, на какомъ языкѣ, русскомъ

или польскомъ, должно происходить преподаваніе въ русинскихъ народныхъ школахъ. Комиссія пришла къ заключенію, что польскій языкъ, какъ единственный настоящій языкъ края, долженъ быть принятъ и во всѣхъ народныхъ школахъ; простонародный же, русинскій, языкъ, который представляетъ не что иное, какъ отклоненіе того же польскаго языка, не можетъ быть допущенъ въ правительственныя школы, гдѣ могутъ учиться и дѣти лицъ высшихъ сословій, для которыхъ было бы оскорбительно обучаться на мужицкомъ жаргонѣ. По отношенію же къ церковно-славянскому языку, необходимому для русиновъ, какъ языку ихъ вѣроисповѣднаго культа, имъ предоставлялось право заводить для обученія этому языку частныя школы, безъ пособія изъ государственныхъ фондовъ. Такимъ образомъ, снова нанесенъ былъ тяжелый ударъ дѣлу возрожденія галицко-русской народности.

Какъ это ни странно на первый взглядъ, но, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что просвѣтительныя европейскія вліянія—нѣмецкія на первомъ планѣ—легче проникали въ отдаленную Малороссію и вообще въ Южную Русь, чѣмъ въ сосѣднюю Галицію. Объясняется это соціальнымъ положеніемъ русинской народности. Ея единственной культурной группой, какъ уже сказано выше, было духовенство, а духовенство всюду представляетъ собой среду, плохо проводящую все новое и чуждое. Даже такіе толчки, какъ реформы Іосифа II, не разбудили его отъ вѣковой спячки. Въ то время какъ на Украинѣ уже появился Котляревскій, а вслѣдъ за нимъ Артемовскій-Гулакъ и Квитка, не упоминая о писателяхъ меньшаго таланта и значенія,—въ Галиціи даже передовые люди своей народности съ презрѣніемъ относятся къ простонародному языку, языку „скотопасовъ“, по выраженію одного, выдающагося, изъ галицкихъ патріотовъ Зубрицкаго. Но духъ времени, тѣмъ не менѣе, дѣлаетъ свое вѣчное, неотвратимое дѣло. Философскія идеи Гердера, вліяніе нѣмецкаго романтизма съ его тяготѣніемъ къ старинѣ и народности въ поэзії, не могли не проникнуть и въ галицкое общество при его близкомъ знакомствѣ съ нѣмецкимъ языкомъ, какъ языкомъ его государственности; идеи славянской взаимности и возрожденія завладѣваютъ умами передовыхъ людей славянскихъ народностей, живущихъ въ предѣлахъ той же Австрійской монархіи; польскіе ученые начинаютъ интересоваться галицко-русскимъ народомъ, въ особенности его пѣсеннымъ творчествомъ, и появляется сборникъ пѣсенъ Вацлава Залѣскаго, въ то время какъ польскіе поэты украинской школы обращаются къ исторіи украинскаго русскаго народа, причемъ Падурра пользуется даже украинскимъ языкомъ, хотя и извращаетъ его на польскій ладъ; наконецъ—и это самое главное,—въ Галицію проникаютъ какими-то путями произведенія русскихъ украинцевъ, и прежде всего „Энеида“ Котляревскаго. Польское возстаніе 30-го года, сильно отразившееся въ Галиціи, откуда шла на помощь масса польской молодежи, послужило и для русиновъ тѣмъ толчкомъ, который сообщаетъ творческую работу косной мысли. Революціонное движеніе, всегда столь обаятельное для молодости, захватывало вмѣстѣ съ поляками отчасти и русиновъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣзко выдвигало впередъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ народностей, польской и русской, и о дальнѣйшей постановкѣ

стихъ отношеній. Вскорѣ послѣ польскаго возстанія уже начинаютъ обнаруживаться первые ясные слѣды національнаго самосознанія среди галицкихъ русиновъ, — прежде всего среди учащейся молодежи, львовскихъ студентовъ-богослововъ.

Три ласточки, открывшихъ весну возрожденія галицко-русской народности, эта „русская троица“ — были Шашкевичъ, Вагилевичъ и Головацкій, причемъ всѣ преимущества таланта, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, ясности и стойкости убѣжденій находятся на сторонѣ Маркіана Шашкевича. Къ этимъ тремъ присоединились еще студенты и священники, и образовался кружокъ челоѣкъ изъ двадцати, рѣшившихся посвятить свою дѣятельность возстановленію народнаго языка въ его естественныхъ правахъ. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи была церковная проповѣдь на „хлопскомъ“ языкѣ, несмотря на то, что такое появленіе „хлопскаго“ языка на церковномъ амвонѣ производило впечатлѣніе общественнаго скандала. Затѣмъ появился альманахъ „Днѣстровская Русалка“ (1837 г.). Этотъ альманахъ, совершенно невинный по существу и посвященный, главнымъ образомъ, народнымъ пѣснямъ, встревожилъ австрійское правительство, не желавшее въ силу своей тогдашней, крайне реакціонной, политики никакихъ проявленій народной жизни, и отмѣтилъ собой начало новой эры въ исторіи Галицкой Руси. Тотчасъ же появились подражанія, частью литературныя, частью научныя, работы этнографическія, касающіяся русской народности, изслѣдованія грамматики мѣстнаго языка.

Однако, движеніе это на первыхъ порахъ не было особенно значительнымъ. Такъ какъ носителемъ народности была лишь народная масса, а масса эта была хлопской, т.-е. неравноправной, неспособной и, слѣдовательно, презираемой, то общественная психологія здѣсь, какъ и всюду, не могла выбиться изъ узъ, налагаемыхъ этимъ основнымъ фактомъ. Среди самого духовенства, несмотря на его патріотическое настроеніе, принятымъ языкомъ былъ языкъ господствующаго класса, т.-е. польскій. Проповѣди говорились по-польски; по-польски писались стихотворенія съ патріотическимъ содержаніемъ; церковныя книги печатались латинскимъ шрифтомъ. Крутой поворотъ въ этомъ отношеніи принесъ 1848-й годъ: измѣнивъ существенно положеніе хлопской массы, онъ измѣнилъ и положеніе вопроса о русинской народности въ Галиціи.

Волна революціоннаго движенія потрясла всю западную половину европейскаго материка. Въ Австрійской имперіи движеніе это отозвалось чувствительнѣе, чѣмъ гдѣ-либо: возсталъ Венгрія, возстали славянскія народности Австріи, подготовленные предыдущимъ умственнымъ движеніемъ, съ чехами во главѣ, и образовали изъ своихъ представителей общій федеративный сеймъ въ Прагѣ. Правительство поспѣшило навстрѣчу народнымъ требованіямъ. По отношенію къ Галиціи эта поспѣшность была тѣмъ усиленіемъ, что Австрія разсчитывала найти въ русинахъ въ эту трудную минуту противовѣсъ безпокойнымъ полякамъ. Неожиданные дары, захватившіе русиновъ врасплохъ, посыпались на нихъ какъ изъ рога изобилія. Разомъ уничтожено было крѣпостное право въ тѣхъ его остаткахъ, какіе задержались отъ реформъ Іосифа II, и народу Галиціи была дана „конституціонная свобода“, т.-е. русская народность одновре-

менно получила полноту не только гражданскихъ, но и политическихъ правъ. Былъ восстановленъ львовскій университетъ, и на кафедрахъ богословія, русской словесности, русской исторіи вновь началось преподаваніе на русинскомъ языкѣ. Русскій же языкъ былъ введенъ въ семинаріяхъ, духовныхъ училищахъ и даже тѣхъ гимназіяхъ, гдѣ преобладаніе по численности принадлежало русскимъ ученикамъ. Сельскія школы были переданы въ вѣдѣніе униатскихъ консисторій и этимъ путемъ также превращены въ русскія. Весь этотъ неожиданный поворотъ событій возбуждалъ крайнее негодованіе господствующей національности края—поляковъ. Они готовы были считать начинающееся движеніе выдумкой русиновъ, столкнувшихся съ правительствомъ на зло полякамъ. Они кричали, что русиновъ „выдумалъ“ гр. Стадіонъ (губернаторъ края), что если русинская народность и существовала когда-нибудь, то уже давно выродилась и исчезла, что русинскій языкъ есть только нарѣчіе языка польскаго и т. п. Возбуждаемые этимъ противодѣйствіемъ, русины воспользовались предоставленнымъ конституціей правомъ сходокъ и собраній и устроили изъ представителей русинской интеллигенціи „Русскую раду“, которая имѣла большое значеніе въ развитіи національнаго самосознанія. Съ „Головной Русской радой“, имѣвшей мѣсто въ Львовѣ, находились въ связи тридцать четыре рады, учрежденныя въ менѣе значительныхъ городахъ и селахъ. Члены Головной рады, въцѣляхъ содѣйствія просвѣщенію и изданія книгъ, созвали „Соборъ русскихъ ученыхъ и любителей просвѣщенія народнаго“ и основали „Матицу“—общество для изданія полезныхъ книгъ для народа. Общимъ усиліемъ галицко-русской интеллигенціи, при содѣйствіи правительства, устроенъ былъ Народный домъ, гдѣ помѣщалась русская библіотека, музей, русская книготорговля, народный клубъ. На фонды этого дома содержалась первая галицко-русская газета „Галицкая Зоря“. Направленіе этой газеты можетъ служить яснымъ указателемъ того настроенія, которое господствовало въ это время среди галицкихъ русиновъ. Они выставили такую программу, которая долго потомъ была программой передовой части галицко-русской интеллигенціи: прежде всего „добро и счастье народа“ въ демократическомъ смыслѣ этого слова, причемъ особенно подчеркивается, какъ первенствующая субстанція этого добра и счастья, права вѣры и религіознаго обряда; затѣмъ „развитіе и поднятіе народности во всѣхъ ея частяхъ“: совершенствованіе языка, введеніе его въ школахъ высшихъ и низшихъ, изданіе газетъ и полезныхъ книгъ на народномъ языкѣ, поднятіе галицко-русскаго языка на одинъ уровень съ другими полноправными языками государства и т. д.; наконецъ, охрана конституціонной свободы и правъ и стремленіе искать улучшенія лишь на путяхъ, не выходящихъ за предѣлы этихъ конституціонныхъ правъ. На практикѣ „Галицкая Зоря“ не отождествляла народнаго добра съ вопросомъ вѣры и церковнаго обряда, а на понятномъ языкѣ разъясняла народу его конституціонныя права и разныя стороны аграрнаго вопроса, который всталъ теперь передъ галицкимъ народомъ, получившимъ въ надѣль землю за выкупъ, равнявшійся трети ея стоимости, но со спорной постановкой сервитутныхъ правъ (правъ пользованія общими угодьями).

Итакъ, „Галицкая Зоря“, органъ Львовской или Головной Русской рады,

вполнѣ отражала въ себѣ настроеніе галицко-русскаго общества, неожиданно захваченнаго такимъ исключительнымъ историческимъ моментомъ, какой представлялъ 1848-й годъ. Съ одной стороны, газета эта свидѣтельствуетъ о быстромъ и высокомъ подъемѣ національнаго самосознанія, силой вѣрнаго инстинкта, связавшаго дѣло народности съ дѣломъ народа, съ принципомъ демократическимъ; но, съ другой стороны, она же даетъ доказательства, какъ слабо развиты, мало опыты были русины въ политическомъ отношеніи, какъ неясно пока понимали они основныя задачи своей общественности. Дальнѣйшія событія отчетливѣе обнаружили всѣ эти недостатки галицко-русскаго общества.

Прошло полтора года, и политика австрійскаго правительства сдѣлала крутой поворотъ въ сторону реакціи. Реакція эта захватила и Галицію. Конечно, всегда легче не дать, чѣмъ взять обратно, и пріобрѣтенныя русинами институціи продолжали существовать, служа опорой для дальнѣйшаго развитія въ духѣ національной самостоятельности; но движеніе тормозилось съ разныхъ сторонъ. Вотъ тутъ-то и обнаружили русины указанныя выше отрицательныя стороны своей общественной психологіи. Они раздражали поляковъ неумѣстной заносчивостью, сами шли навстрѣчу реакціоннымъ мѣрамъ австрійской политики, тратили свои и безъ того незначительныя силы на предметы мало-важные, въ родѣ „очищенія обряду“ (религіознаго) или употребленія той или иной азбуки, не замѣчая изъ-за этихъ деталей существенной стороны вопроса; наконецъ, разбились на партіи, которыя проводили время во взаимной враждѣ и борьбѣ. Характеристика этихъ партій, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, показываетъ, какъ неясно было еще въ эту эпоху національное самосознаніе русиновъ.

На первомъ планѣ выступаетъ теперь партія лойяльная, или св. Юра, Святоюрская. Ее составляло, главнымъ образомъ, уніатское духовенство, въ особенности высшее, съ митрополитомъ во главѣ. Святоюрская группа по принципу держалась заодно съ правительствомъ и такимъ путемъ захватила въ свои руки болѣе вліятельныя учрежденія, просвѣтительныя и иныя, въ томъ числѣ и Народный домъ. Ставя выше всего интересы уніатскаго обряда, эта партія относилась съ подозрительностью ко всѣмъ проявленіямъ свободной мысли и пользовалась возможностью ихъ преслѣдовать. Остальная часть галицкой интеллигенціи, не раздѣлявшая съ этой ультрамонтанской группой ея исключительныхъ симпатій, разбилась опять-таки на двѣ партіи. Одна изъ нихъ, получившая позже названіе старорусской, установилась на такой точкѣ зрѣнія, что дальнѣйшее развитіе галицкой народности возможно только при содѣйствіи Россіи и черезъ усвоеніе русской культуры и русскаго литературнаго языка. Другая партія полагала, что правильное національное движеніе возможно только на своихъ собственныхъ историческихъ основахъ и путемъ развитія своего собственнаго языка и возведенія его на степень языка культурнаго: партія эта получила названіе народовцевъ. Впрочемъ, выяснили обѣ партіи окончательно свои принципы и программы лишь позже, а пока дѣйствовали ощупью. Первая направила всѣ свои усилія на то, чтобы усвоить общій языкъ русской гражданственности, но она не могла достигъ этого, такъ

какъ литературный языкъ слѣдуетъ въ своемъ развитіи за развитіемъ общественной жизни, а галицкая жизнь была слишкомъ не похожа на жизнь Россіи. Въ своемъ стремленіи достигъ недостижимаго, галичане этой группы сочиняли смѣшной и нелѣпый искусственный языкъ, который противники не безъ основанія обзывали „язычіемъ“, и на этомъ такъ называемомъ „твердомъ языкѣ“ писали торжественныя оды, представлявшія, съ точки зрѣнія русскаго литературнаго языка, пародіи на Ломоносова и Державина. Въ то же время обѣ группы тратили свои скудныя силы на смѣшныя мелочи, вели борьбу съ гр. Голуховскимъ, намѣстникомъ Галиціи и представителемъ правительственной реакціи, изъ-за того, употреблять ли кириллицу или такъ называемый гражданскій шрифтъ; враждовали между собой безконечно изъ-за того, какъ слѣдуетъ писать: „русскій“ или же „русьскій“, такъ что значеніе буквы „с“, удвоенной или просто смягченной, выросло до знамени двухъ партій, раздѣлявшихъ общество.

Но вотъ пришли шестидесятые годы, и опять наступила перемѣна къ лучшему. Неудачи въ Италіи снова повернули Австрію на путь политическаго либерализма, и она опять зажила свободной жизнью конституціоннаго государства. Въ то же время до Галиціи достигла та волна украинскаго литературнаго движенія, которое имѣло свой кульминаціонный пунктъ въ „Основѣ“. Особенно сильное значеніе имѣло для галичанъ знакомство съ произведеніями Шевченко. Умственная и общественная жизнь галицкаго общества начала выходить изъ своего прозябанія, и это отразилось съ особенной силой на народоуправленіи, молодой русской партіи, или украинофилахъ, какъ еще называли ихъ по терминологіи, заимствованной изъ русскаго Украины. Появилось нѣсколько литературныхъ органовъ этого направленія: „Вечерницы“, „Мета“, „Нива“, „Русалка“ и т. п. Направленіе это сначала было поверхностнымъ, несоразмѣрно увлекалось декоративной стороной украинской исторіи и народнаго быта, но постепенно пріобрѣтало болѣе глубокій характеръ въ своемъ стремленіи слить развитіе національнаго самосознанія съ реальными интересами народной массы. Конституціонная жизнь открывала широкое поле для развитія практической дѣятельности въ пользу народа—въ отстаиваніи его интересовъ политическимъ путемъ, въ содѣйствіи ему путемъ устройства читальнъ и библіотекъ, обществъ трезвости, вспомогательныхъ кассъ, потребительныхъ товариществъ и т. п. Такимъ образомъ, народоуправленіе все опредѣленнѣе и тверже становилось на положеніе политическихъ руководителей народа, развивая въ то же время литературный языкъ на мѣстныхъ народныхъ основахъ. А между тѣмъ произошли нѣкоторыя измѣненія внутри старорусской партіи, или москвофиловъ, какъ ихъ называли противники. Ранѣе они не отдѣляли себя рѣзко отъ партіи народоуправленія: одни и тѣ же лица, случалось, участвовали въ литературныхъ органахъ обѣихъ партій, какъ въ „Правдѣ“, такъ и въ „Словѣ“, писали, какъ, напр., Гушалевицъ, поэтическія произведенія на языкѣ народномъ, прозаическія на твердомъ и т. п. Но со второй половины 60-хъ годовъ старорусская партія строже устанавливается на своемъ принципѣ единого общерусскаго народа и единого языка и находитъ средства расширить свою дѣя-

тельность въ этомъ направленіи, представляя теперь уже рѣшительную оппозицію партіи народовцевъ. Когда молодая партія народовцевъ основала въ 68 г. просвѣтительное общество „Просьвіта“, во главѣ котораго стоялъ проф. Огоновскій, вслѣдъ за ней и старая устроила такое же просвѣтительное общество имени М. Качковскаго. Въ рукахъ этой партіи оказались тѣ старыя значительныя учрежденія, которыми распоряжалась раньше партія Святоюрская, какъ-то: Ставропигійскій Институтъ, Народный домъ, Галицко-русская Матица и т. п.; ей принадлежало нѣсколько литературныхъ органовъ, газетъ и журналовъ; въ рядахъ ея числились писатели и ученые съ извѣстными именами, раньше принадлежавшіе частью, или всецѣло иному, народоуческому, направленію, какъ-то: Я. Головацкій, пр. Наумовичъ, Зубрицкій, Устіановичъ, Гушалевицъ и др. Партія, кромѣ дѣятельности чисто-литературной, также начала развивать дѣятельность практическую среди народа, устраивая въ параллель своимъ противникамъ, также сельскія читальни и инныя учрежденія просвѣтительнаго характера.

Какъ ни ослабляли галицкія партіи свои силы враждой и междоусобной борьбой, все-таки за это время, съ сорокъ-восьмого по семидесятые годы, онѣ успѣли оттѣснить польскую культуру, еще недавно господствовавшую среди русиновъ. Конечно, это не лишило польскую національность господства въ той русской части Галичины, гдѣ она представляла собою все крупное землевладѣніе. Мало того: съ семидесятыхъ годовъ австрійская политика перестала поддерживать русиновъ въ ихъ борьбѣ съ польскимъ элементомъ и передала ихъ, такимъ образомъ, въ распоряженіе господствующей національности, представляющей собою въ галицкомъ сеймѣ подавляющее большинство. Но зато, съ другой стороны, развитіе національнаго самосознанія, въ связи съ усиленными заботами галицкой интеллигенціи о культурномъ подъемѣ крестьянской массы, позволили выдвинуть эту массу на арену политической дѣятельности. Въ 1873 г. создано было впервые въ Галиціи „народное вѣче“, и такимъ путемъ крестьянство было привлечено къ участию въ общей духовной жизни народности.

Ростъ національнаго самосознанія захватываетъ галицкихъ русиновъ вплоть до того общественнаго фундамента, какой представляетъ собою крестьянство; въ верхней, культурной, части общества духовная энергія въ этомъ направленіи развивается все съ болѣею и болѣею интенсивностью. Эта интенсивность наблюдается, впрочемъ, лишь въ той части галицкой интеллигенціи, которая выше охарактеризована подъ именемъ народовцевъ. Въмѣсто старыхъ литературныхъ органовъ, не стоявшихъ на высотѣ современныхъ требованій, у народовцевъ съ начала 80-хъ годовъ является „Діло“, „Зоря“, „Батьковщина“—газеты, твердо и опредѣленно стоявшія на „національно-демократическихъ“ принципахъ, благодаря которымъ и сама партія постепенно пріобрѣтаетъ новое названіе національно-демократической партіи. „Просьвіта“, просвѣтительное общество, о которомъ была рѣчь выше, выдѣляетъ изъ себя въ 1873 году Общество имени Шевченко съ цѣлью содѣйствія литературѣ и наукѣ изданіемъ трудовъ оригинальныхъ и переводныхъ. Съ 1892 года это общество, подъ именемъ „Науковаго Товариства имени Шевченко“, поставило

своей исключительной задачей развитіе науки на мѣстномъ языкѣ. Съ этого недавняго времени Товариство успѣло развить такъ широко свою дѣятельность, что несомнѣнно недалеко то время, когда австрийское правительство увидитъ себя вынужденнымъ къ учрежденію мѣстной академіи наукъ, по примѣру другихъ славянскихъ и неславянскихъ областей Австро-Венгріи; уже и теперь оно выдаетъ Товариству денежную субсидію.

Гдѣ есть жизнь—тамъ развитіе, гдѣ развитіе—тамъ дробленіе, и національно-демократическая партія уже успѣла выдвинуть изъ себя новую вліятельную фракцію, которая стремится къ тому, чтобы вывести дѣло галицкой народности изъ рамокъ національной исключительности и связать его съ европейскимъ радикальнымъ теченіемъ общественной мысли и жизни. Новыя настроенія выдвигаютъ и новыхъ лицъ, между которыми первенствующее мѣсто принадлежитъ крестьянскому сыну Франку, совмѣщающему въ себѣ таланты поэта и публициста съ настроеніями практическаго дѣятеля. Но передъ волнующимся океаномъ современности, надъ которымъ рѣютъ неясныя тѣни будущаго, прекращается дѣло историка.

Южнорусская народность, внѣ предѣловъ Россіи, живетъ не только въ Галиціи; небольшое число русиновъ есть еще въ Буковинѣ и Венгріи или Угорщинѣ *).

Воеводство или герцогство Буковина, лежащее на югъ отъ Галиціи, составляетъ особую провинцію Цислейтаніи съ центральнымъ пунктомъ въ Черновцахъ, съ собственнымъ областнымъ сеймомъ и управленіемъ. Буковинскіе русины имѣютъ общее происхожденіе съ галицкими, но уже съ XV в. Буковина вошла въ составъ Молдавіи, съ которой вмѣстѣ перешла подъ власть Турціи и, отдѣлившись такимъ образомъ отъ остальной Червонной Руси, образовала нѣкоторыя особенности. Самой замѣтной изъ этихъ особенностей является православный обрядъ, который былъ сохраненъ буковинскими русинами въ его старой неприкосновенности. Занятая во время турецкой войны русскими войсками Буковина была уступлена Екатериной Австріи послѣ мира въ Кучукъ-Кайнарджи. Въ настоящее время здѣшнимъ русинамъ приходится отстаивать свою народность какъ отъ нѣмцевъ, языкъ которыхъ есть officialный языкъ области, а, слѣдовательно, и ея администраціи, университета и среднихъ школъ, такъ, одновременно, и отъ румыновъ, стремящихся расширять свою національность на счетъ русинской. Но самая потребность отстаивать національность, пробужденіе національнаго самосознанія, явились у буковинскихъ русиновъ очень недавно. Оно связывается съ талантливейшей личностью Федьковича (1834—87). Гуцуль (буковинскій горець), по происхожденію Федьковичъ, развилъ свой незаурядный талантъ вліяніемъ, съ одной стороны,

*) Въ восточной Галиціи русиновъ считается 2850000, въ Угорщинѣ около 600000 въ Буковинѣ—250000.

нѣмецкой, а съ другой—украинской литературы. Вліяніе Шевченко было такъ сильно, что до извѣстной степени подчинило себѣ Федьковича, несмотря на несомнѣнную силу и оригинальность его поэтическаго дарованія. Уровень культурной мысли на Буковинѣ былъ такъ низокъ, что, когда Федьковичъ началъ писать свои стихи и повѣсти, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, его произведенія находили признаніе и оцѣнку въ Галиціи и на Украинѣ, но не на родинѣ. Однако, такова власть живого и талантливаго слова: оно разбудило пригнетенную русскую народность Буковины къ интеллектуальной жизни. Въ 1870 г. появляется здѣсь первая газета „Зоря Буковинская“, и съ этихъ поръ подъемъ національнаго самосознанія на Буковинѣ идетъ очень энергично. Въ настоящее время буковинскіе дѣятели въ области науки, литературы и общественной жизни идутъ рука-объ-руку съ галицкими, и газета „Буковина“ занимаетъ почетное мѣсто въ ряду періодическихъ изданій на южнорусскомъ языкѣ.

Значительно хуже стоитъ дѣло возрожденія русинской народности въ Угорщинѣ, несмотря на ея численное превосходство надъ Буковиной. Причиной этого служитъ тотъ матеріальный и духовный гнетъ, подъ которымъ съ давнихъ поръ держатъ мадьяры эту отрасль южнорусскаго племени.

Угорская Русь занимаетъ сѣверо-восточную часть Венгріи; центральными пунктами ея являются Пряшевъ и Ужгородъ. Когда и какъ забросали историческія судьбы эту горсть русскаго народа за Карпаты—не извѣстно. Надо думать, что венгры, занявшіе въ X вѣкѣ Тиссо-Дунайскую равнину, уже нашли русское населеніе по ту сторону Карпатъ. Въ XIV вѣкѣ одинъ изъ литовскихъ князей Коріатовичей перебирается изъ Подолья въ Венгрію и получаетъ въ удѣлъ отъ венгерскаго короля русскую Угорщину; этотъ фактъ связывается съ устройствомъ въ Мункачевѣ православнаго духовно-просвѣтительнаго центра. Но православіе подверглось здѣсь такому же натиску со стороны католицизма, какъ и въ Галиціи, и натискъ этотъ привелъ къ такимъ же результатамъ: въ половинѣ XVII вѣка угорско-русское духовенство приняло унію. Только обнаруженный при Маріи-Терезіи угорскими русинами австрійскій патриотизмъ доставилъ имъ въ 1773 году независимую мункачевскую русско-уніатскую епархію, изъ которой потомъ выдѣлилась епархія пряшевская. Но нѣкоторымъ интересомъ и участіемъ къ дѣламъ своей вѣры и обряда и исчерпываются проявленія самостоятельной духовной жизни угорскихъ русиновъ. Даже духовенство ихъ, единственная культурная группа, всегда отличалось крайне низкимъ уровнемъ просвѣщенія: это объясняется, съ одной стороны, оторванностью этой вѣточки южнорусскаго племени отъ остальной его массы, съ другой—хищнымъ характеромъ мадьярской національности, среди которой она заброшена. Духовенство не сумѣло отстоять даже правъ церковно-славянскаго языка, уже не говоря о мѣстномъ русинскомъ, и съ начала XIX в. въ семинаріяхъ преподаваніе ведется на латинскомъ языкѣ. Однако, 1848 годъ былъ поворотнымъ пунктомъ и въ исторіи Угорской Руси. Два новыхъ условія принесли онъ съ собой: уничтоженіе крѣпостнаго права и ближайшее непосредственное знакомство съ русскими людьми—извѣстна роль русскаго государства при усмирении революціоннаго движенія въ Венгріи. Къ этимъ условіямъ при-

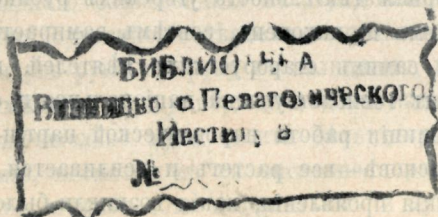
соединилось и вліяніе сосѣдней Галиціи. Но только одно изъ галицкихъ направлений нашло отголосокъ и сочувствіе въ Угорщинѣ: это такъ называемое старорусское или москвофильское. Украинфильское же, стремившееся къ тому, чтобы развивать культуру на основѣ мѣстнаго народнаго языка, встрѣтило въ Угорщинѣ самое враждебное отношеніе. Угорскіе русины твердо стали на томъ, чтобы примкнуть къ языку и духовной культурѣ, выработанной русской государственностью. Но, разумѣется, они лишь растрчивали свои скудные силы на преодоленіе тѣхъ трудностей, какія представляетъ собой духовная работа въ стихіи чужой рѣчи: никакое творчество въ этихъ условіяхъ не было возможно. Оттого литературная дѣятельность угорскихъ русиновъ поражаетъ своей скудостью и безсиіемъ и, наконецъ, совсѣмъ замираетъ: слѣдующее же поколѣніе, дѣти этихъ самихъ старорусскихъ дѣятелей, кидаетъ безнадежное дѣло, и подъ давленіемъ господствующей національности омадьяривается. Въ то время какъ въ Галиціи работа народовческой партіи—культурное движеніе на національной основѣ—все растетъ и усиливается, здѣсь, въ Угорщинѣ, замираютъ и тѣ жалкія проявленія, какія возникли—было послѣ 48 года. Однако, мадьяризація могла захватить только культурный классъ: для простонародной массы усвоеніе мадьярскаго языка представляло слишкомъ большія трудности, такъ что угорскіе русины въ массѣ продолжали оставаться при своемъ собственномъ русинскомъ языкѣ. Но языкъ этотъ, въ данныхъ условіяхъ, погружалъ народъ въ полнѣйшее разобщеніе со всякими просвѣтительными вліяніями, въ полнѣйшее невѣжество, которое отражалось и на матеріальной сторонѣ народнаго быта. Видя себя поставленнымъ въ необходимость бороться съ обѣдненіемъ народа, мадьярское правительство пришло къ тому, что само начало издавать учебники для школъ на мѣстномъ языкѣ и газету для народныхъ учителей. Съ половины девяностыхъ годовъ, подъ вліяніемъ Галиціи, начинается въ Угорщинѣ чувствительный поворотъ къ тому же народническому направленію, которому Галиція обязана такимъ значительнымъ подъемомъ своей національной культуры; но суждено ли этому новому направленію вырасти и окрѣпнуть,—покажетъ будущее.

Невыносимый экономическій гнетъ, которому наравнѣ съ гнетомъ культурнымъ, подвергаются русины галицкіе отъ поляковъ, угорскіе—отъ мадьяръ, толкаетъ тысячи крестьянскаго люда изъ Прикарпатя и Закарпатя искать счастья за океаномъ. Такимъ образомъ, есть уголки въ Америкѣ, гдѣ можно теперь слышать южнорусскую рѣчь и даже читать газету на народномъ языкѣ. Въ Монтъ-Кармелѣ уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ правильно выходитъ такая газета подъ названіемъ „Свобода“.

Главные источники. „Бесіди про часи козацьки на Украині“; Багалій. „Очерки и Матеріалы по исторіи колонизаціи и быта Слободской Украины“, „Исторія Харьковскаго университета“; Данилевскій, „Украинская Старина“; Головинскій, „Слободскіе козацькі полки“; Шимановъ, „Главнѣйшіе моменты въ исторіи землевладѣнія Харьковской губ.“; „Записки о Слободскихъ полкахъ съ начала ихъ появленія до 1766 г.“; „Экстрактъ о Слободскихъ полкахъ“; Щелковъ, „Харьковъ, историко-статистическій опытъ“; Теличенко, „Протестъ Слободской старшины и

козаковъ противъ реформы 1765 г.; Скальковский, „Исторія Новой Сѣчи“; Щербина: „Колонизація Кубанской области“, „Исторія самоуправленія кубанскихъ козаковъ“; Короленко, „Исторія Черноморскаго войска“; Кондратовичъ, „Задунайская Сѣчь“; „Кіевская Старина“ съ 1882 г.; „Основа“; Антковичъ, „Лекціи по исторіи Галицкой Руси“; Пыпинъ, „Исторія русской этнографіи“, т. III, „Этнографія Малорусская“; Петровъ, „Исторія украинской литературы“; Огоновскій, „Исторія литературы русской“; Головацкій, „Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси“; Купчанко, „Нѣкоторыя историко-географическія свѣдѣнія о Буковинѣ“ и пр.; Феерчакъ, „Литературное движеніе угоруссовъ“; „Зоря“ съ 1874 г.; „Литературно-научный вѣстникъ“ съ 1898 года; Коцовскій, „Оглядъ національной праці Галицкихъ Русинѣвъ“; „Записки Научнаго Товариства имени Шевченко“.

Оглавленіе.

	Стр.
Отъ автора	1
ГЛАВА ПЕРВАЯ. До-историческая эпоха.—Народы, обитавшіе въ южной Руси въ древности.—До-историческая Русь и славяне	3
ГЛАВА ВТОРАЯ. Откуда пошла Русская земля и первые кіевскіе князья.	20
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Удѣльная смута и степные кочевники; внутренній бытъ; Галицко-Владимірское княжество	33
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Южная Русь въ составѣ Литовскаго государства: политическое положеніе; внутренній бытъ; Русь Галицкая	80
ГЛАВА ПЯТАЯ. Южная Русь подѣ польскимъ владычествомъ	150
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Хмельницина и Руина	211
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Украина въ XVIII столѣтіи	290
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Украина Россійская и Австрійская въ XIX вѣкѣ.	351

Перечень иллюстрацій.

А) Рисунки въ текстѣ.

	Стр.
Великій князь литовскій Витовтъ	86
Большой замокъ въ г. Луцкѣ кн. Любарта Гедиминовича	91
Малый замокъ въ г. Луцкѣ кн. Любарта Гедиминовича	93
Кіевскій удѣльный кн. Олелько, Александръ Владиміровичъ. † 1455 г....	95
Надгробный памятникъ кн. Константина Острожскаго	99
Замокъ кн. Острожскихъ на Красной горѣ въ г. Острогѣ	165
Кіевскій митрополитъ Петръ Могила. † 1646 г.	179
Кіевская Академія и ея студенты	181
Князь Дмитрій Вишневецкій (козакъ Байда). † 1563 г.	187
Гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный. † 1622 г.	197
Портретъ-апотеозъ гетмана Богдана Хмельницкаго	215
Гетманъ Богданъ Хмельницкій. † 1657 г.	217
Бердышъ гетмана Богдана Хмельницкаго	217
Кіевскій воевода Адамъ Кисель. † 1653 г.	229
Гетманъ Петръ Дорошенко. † 1676 г.	251
Гетманъ Иванъ Мазепа	261
Наказной гетманъ Павель Полуботокъ. † 1724 г.	297

Б) Рисунки на отдѣльныхъ таблицахъ.

Знатный малороссійскій шляхтичъ.

Малороссійскій мѣщанинъ.

Шляхетная госпожа въ зимнемъ нарядѣ.

Малороссійская госпожа въ кибалкѣ.

Малороссійская пани въ намиткѣ.

Крестьянка,—молодица.

Сельская дѣвушка крестьянка.

Шляхетная госпожа въ лѣтней одеждѣ.

Сельская дѣвушка крестьянка.

Дѣвица мѣщанка.

Пляшущія госпожи.

Крестьянка,—старуха.

Козацкій подпомощникъ.

Козацкій малороссійскій полковникъ.

Малороссійскій козакъ.

Малороссійскій сотникъ.

Уманскій гайдамакъ.

Козакъ Мамай. Народная картина древней редакціи.

Козакъ Мамай. Народная картина болѣе новой редакціи.

Икона Покрова съ молящимися запорожцами.

Картина изъ собранія А. Поля, изображающая группу запорожцевъ.

Памятникъ кошевого Ивана Сѣрка въ д. Капуловкѣ.

Намогильная плита кошевого П. Н. Калнышевскаго въ Соловецкомъ монастырѣ. — Запорожскія галеры и чайки по Ровинскому и Боплану.

Запорожская Сѣчь.

